

Ю. Н. Воронов

Научные труды В семи томах

Том I

КОЛХИДА В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ КОЛХИДА НА РУБЕЖЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О. Х. Бгажба, док. ист. наук, акад. АН РА (гл. редактор),
В. Б. Ковалевская, док. ист. наук., Цвинариа И. И., кан. ист. наук,
С. В. Воронова.

СУХУМ

Абхазский институт гуманитарных исследований
2006

ББК 63.4(2)+72.4(5Абх) В 75

Ю. Н. Воронов. Научные труды. Том первый. — Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии, 2006. — 456 с.

В первый том вошли две работы Ю. Н. Воронова: «Колхида в железном веке» и «Колхида на рубеже средневековья».

Первая работа является монографическим исследованием процесса изменений форм материальной культуры древней Колхиды на протяжении 1500 лет от эпохи раннего железа до раннего средневековья. Анализ материала проводится на широком фоне сопоставлений со смежными территориями (Восточное Закавказье, Северный Кавказ, Урарту, Иран, Малая Азия, Средиземноморье, Балканы, Западное и Северное Причерноморье, Поволжье).

Во второй работе на основе широкого привлечения сведений древних авторов и данных археологии рассматриваются события, пережитые населением Колхиды в I—VIII вв. н. э. Освещены вопросы организации обороны колхидских ущелий, экономики, культуры и социальных отношений племен и народов, населявших в тот период Восточное Причерноморье. Особое внимание уделено войнам персов с византийцами, а также арабским вторжениям в Колхиду.

© Воронов Ю. Н., 2006

СОДЕРЖАНИЕ

О. Х. Бгажба. Стремление души

КОЛХИДА В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. — VIII в. н. э.

- Предисловие. Введение
- РАЗДЕЛ I. КОЛХИДА В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
 - Глава 1. Хронология памятников Колхидско-кобанского круга
 - Глава 2. Колхидско-кобанская металлургическая провинция
- РАЗДЕЛ II. КОЛХИДА В ЭПОХУ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ И ЭЛЛИНИЗМА (VI—I вв. до н. э.)
 - Глава 1. Хронология могильников VI—II вв. до н. э.
 - Глава 2. Проблема «Колхидского царства»
 - Глава 3. К истории греческой колонизации Колхиды
 - Глава 4. Колхида в эпоху эллинизма

- РАЗДЕЛ III. КОЛХИДА В I—VII ВВ. Н. Э.
Глава 1. Хронология могильников I—VII вв. н. э.
Глава 2. Из истории понтийского лимеса (Себастополис, Пителиунт в IV—VI вв.)
Глава 3. Раскопки Цибилума и некоторые проблемы хронологии памятников Колхиды в VI в.
Глава 4. Западнокавказские перевальные пути в VI—VIII вв. н. э.
- Заключение
- Литература
- Список сокращений
- Приложение № 1

КОЛХИДА НА РУБЕЖЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

- Введение
- Глава I. Пестрота племён и народов
 1. Страна лазов
 2. Страна апсилов
 3. Славное племя абасгов
 4. В земле санигов
 5. «Понтийский лимес»
- Глава II. В гуще исторических событий
 1. Лазика переходит к персам
 2. Походы Мермероя и Хориана в Лазик
 3. У стен Тзибилы и Трахеи
 4. Взятие Петры
 5. Второй поход Мермероя
 6. Убийство Губаза
 7. Битва за Фасис
 8. Месть за Сотериха
 9. После тринадцатилетней войны
 10. Нашествия арабов
 11. Царство Леона Абхазского
- Глава III. Крепости — храмы — государство
 1. Города и крепости
 2. Под сенью креста
 3. От родового строя к государству
- Заключение
- Литература
- Список сокращений
- Приложение № 2

СТРЕМЛЕНИЕ ДУШИ

Мудрые люди считают, что искусство, а к нему вполне можно добавить и науку, долговечно, а жизнь человека коротка. Но не так коротка, как она, увы, была у Юрия Николаевича Воронова, выдающегося ученого кавказоведа, известного государственного деятеля. Подобные ему рождаются в столетие раз. Свет потухшей звезды ещё очень долго горит в мировом пространстве, как и звезда Юрия Воронова, которая не случайно зажглась на небосклоне у нас в Абхазии и продолжает светить.

«Ни одного дня без черточки» - так писал римский историк Плиний Старший о придворном художнике Александра Македонского Апеллесе в своей «Естественной истории». «Ни дня без строчки», сказал бы он словами Ю. Олеси, если бы знал Юрия Николаевича Воронова. Юрий же настолько хорошо знал Плиния, что именно ему в Институте истории АН СССР поручили комментировать римского историка относительно его высказываний по поводу древней Колхиды для очередного свода «Древнейшие источники по истории народов СССР».

Несмотря на огромный хронологический разрыв - почти 2000 лет между временем их

бытия - многое объединяло эти две неординарные личности: срок их жизни (около 55 лет), оба являлись и выдающимися учеными, и государственными деятелями, у обоих часть трудов утеряна (у одного во время огненного извержения Везувия в 79 г. н. э., у другого в огненном вихре грузино-абхазской войны 1992-1993 гг.), оба были плодовитыми и оба трагически погибли в расцвете творческих сил и в зените славы, исполняя свой гражданский долг.

Плиний Старший первым сообщил о племенах апсилов, населявших территорию нынешней Абхазии, от которых берет свой корень самоназвание абхазов - «апсуа». Юрий Воронов с помощью раскопок самого большого в Западном Закавказье могильника Цибилиум (более 500 захоронений) первый на 300 лет углубил наши знания об апсилах после упоминания их в трудах Плиния Старшего, ибо им был выявлен второй ярус (II век до н. э.) этого могильника.

Его предки - высокообразованные русские интеллигенты-демократы - не по доброй воле свили «дворянское гнездо» в горном абхазском селе Цебельда в 70-х годах XIX века. А рядом находилась резиденция главного рода древних апсилов Шьапкы (Рогатория) с

5

главной крепостью Цабал (Тцибил), которые упоминались в сочинениях прославленных византийских историков Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского и Менандра Протиктора. Тогда в этих местах столкнулись интересы двух мировых держав - Византии и Ирана. Сам Юстиниан Великий присылал сюда для усмирения непокорных апсилов и мисимиан своих полководцев Иоанна - сына зодчего Фомы Армянина, Мартына - грозу готов и персов, каппадокийца Иоанна Дакика.

Усадьба Вороновых с грустной историей чеховского «Вишневого сада», это будет ныне очень мягко сказано, служила проводником науки, культуры, искусства, просвещения и революционности на Кавказе и всей России.

Юрий Николаевич впитал в себя все лучшие традиции своих достойных предков, которые были знакомы с Герценом и Огаревым, издателями «Колокола» (1857-1865 гг.). Абхазия стала его родным домом. И это было естественно, ибо все кругом него было пропитано духом древности. Именно здесь Юрий приобщился к археологии в пятилетнем возрасте, когда помогал матери, тогда художнику цебельдинской археологической экспедиции. Он с трепетом и любовью относил ей для рисунков свои загадочные детские «игрушки», предметы быта и вооружения древних апсилов. Будучи школьником, Юрий познакомился с известными археологами Абхазии Л. Соловьевым и М. Трапшем и уже тогда стал их активным помощником. Следил за состоянием памятников Цебельды и ее окрестностей, т. е. сердца древней Апсилии. Знал, как оказать скорую неотложную помощь разрушавшемуся от эрозии почвы погребению или поселению. Сообщал об этом своим старшим коллегам, а потом вместе с ними участвовал в раскопках.

Затем Юрия ждал Восточный факультет Ленинградского университета. По его окончании молодой египтолог возвратился в родную Абхазию, к вечному зову «могил апсилов». Этот зов оказался сильнее египетских пирамид, перед которыми пасует даже само время.

И неудивительно, что именно здесь, в Цебельде, он нашел свою Трою, где была сокрыта тайна древней истории абхазского народа, познанию которой он и посвятил всего себя.

Юрий Николаевич Воронов был исследователем широкого спектра. Известный русский интеллектуал Вадим Кожинов назвал его историком Евразии, а Абхазию - ее центром, ядром. Юрий Николаевич считал, что археолога, как и волка, кормят ноги. Поэтому он исходил всю Абхазию, от ее лазурных берегов до седых вершин. Знал каждый ручеек, овражек и холмик. Его всегда влекло подняться к альпийским лугам, где появлялась возможность вдохнуть чистый воздух свободы и открыть для науки высоко в горах новые «ацангуары», каменные

постройки древних абхазских скотоводов, или спуститься вниз к берегу моря, чтобы проникнуть в тайны античной Диоскуриады. Его отличали: природный талант, трудолюбие, глубина знаний, беспристрастность, неординарность и широта мышления и многие другие качества, присущие настоящему исследователю.

Юрий Николаевич Воронов - автор более 500 научных публикаций, включающих 30 монографий, а 85 тысяч единиц археологического материала цебельдинской экспедиции и 1750 машинописных страниц его годовых тем за 15 лет сгорели вместе с архивом Абхазского института в безжалостном пожарище войны от рук грузинских оккупантов, каждая из которых могла бы стать неординарной статьей в каком-нибудь престижном научном журнале или одной из глав его очередной содержательной книги. Он прожил недолгую жизнь, но о нем уже опубликовано 255 отзывов, причем не все они были доброжелательными.

С ним с удовольствием общались и консультировались по археологии Абхазии и Кавказа такие широко известные ученые, как Б. Пиотровский, Е. Крупнов, А. Амброз, А. Тереножкин, А. Якобсон, В. Ковалевская, В. Марковин, В. Кузнецов, О. Джапаридзе, Я. Боузек, Дж. Хьюитт и др. Во время работы в поле или в кабинете Юрий Николаевич был человеком, свободным от политического заказа и внациональным, что очень важно для беспристрастного изучения, ибо в нашей колхидской экологической нише не только застревают осколки великих цивилизаций, но и оставались следы многих других соседних народов. Это качество помогало ему разобраться, где новации, а где традиции.

Археология вообще наука тонкая, под стать криминалистике. В современных условиях она даже стала порой оружием геополитики и государственного терроризма. Но Юрий Николаевич всегда был далек от этого. Широкий спектр знаний и объективность суждений не позволяли ему мелочиться - в чем-то он напоминал своего предшественника, выдающегося кавказоведа Б. Куфтина. Изданная Ю. Вороновым в 1968 г.

«Археологическая карта Абхазии» - до сих пор настольная книга археологов. Радовался он любым открытиям: малым и большим, своим и чужим. И это позволяло ему быть свободным в своих суждениях от закостенелого консерватизма. Например, возражая против существования Колхидского царства в VI-V вв. до н. э., он в последнее время стал говорить о Диоскурийском царстве в эпоху эллинизма - после того, как на Эшерском городище была найдена на обгоревших бронзовых плитах греческая надпись IV—III вв. до н. э.

Юрий Николаевич всегда объективно отстаивал аборигенность и государственность абхазов - будь она в условиях античных городов-полисов Диоскуриады, Гиеноса (VI—III в. до н. э.), раннеклассовых

образований II—VII вв. - Аписилии, Абасгии, Санигии, Абасгского княжества в начале VIII в., Абхазского царства VIII—X вв. и, конечно, современности.

В своих исследованиях он всегда следовал трем заповедям, которые Цицерон Марк Тулий (106-43 гг. до н. э.) оставил историкам: воздержаться от лжи, не утаивать правды, не давать никакого повода заподозрить себя в пристрастии или в предвзятой враждебности. Поэтому он никогда не «насиловал» историю и не приукрашивал ее.

Талант Ю. Воронова как археолога со всей полнотой раскрылся в Абхазском институте. Результаты его Цебельдинской экспедиции выходят далеко за рамки Абхазии.

Выяснилось, что на периферии в VI в. н. э. оборонительные сооружения возводились такими же мощными, правильно спланированными согласно рельефу местности, и в то же время эстетичными, как и в самой империи. А пентагональная сторожевая башня Цибилиума уникальна для всего Восточного Причерноморья (аналоги - в Сирии и в

Северной Африке).

Динамика христианизации апсиров прослеживается на большом Цибилеумском могильнике (более 500 захоронений). Фактическая христианизация местного населения, как показывают материалы, произошла с запозданием почти на 100-150 лет от официальной принятия христианства, в регионе в 30-50-х годах VI в. (похожее явление наблюдалось и в Древней Руси после X в.).

Все мужское население апсиров было вооружено на самом высоком общеевропейском уровне (дамасские мечи, массивные наконечники стрел со свинцовым стабилизатором против персидских слонов, метательные топоры «франциски» и т. д.), а апсильские женщины носили заморские украшения, пользовались маникюрными наборами и даже щипчиками для выщипывания бровей.

Им были идентифицированы и три ответвления «Великого шелкового пути» из Византии через Абасгию, Апсилью, Мисиминию в Китай. И кто знает, не этим ли путем византийские монахи контрабандой перенесли в своих посохах шелковичного червя из Китая в Европу?

По-новому в положительном аспекте было рассмотрено значение гунэзской колонизации для Абхазии XIII—XV веков, ибо в это время, как свидетельствуют археологические источники, происходит расцвет местной материальной культуры, а не ее затухание как обычно считалось.

Главным детищем Юрия Николаевича была его докторская диссертация «Восточное Причерноморье в железном веке (VIII в. до н. э. - VIII в. н. э.)», защита которой в Москве длилась целых семь часов. Ю. Воронов оказался на высоте положения, несмотря на 14 тенденциозных отзывов из Тбилиси. Основное значение этой работы в том, что ученый из Абхазии дерзнул найти границу между бронзовым и железным веком, и это привело к передатировке многих памятников

8

не только Кавказа, но и сопредельных территорий, что поддерживается сегодня большинством специалистов, правда с некоторыми коррективами.

Юрий Николаевич обладал и редким даром предвидения. Например, еще до раскопок Гиеноса он связывал его появление с VI веком, а не с V до н. э., как считали его тбилисские оппоненты. Через несколько лет раскопки С. Шамба подтвердили его правоту. Он также предрек во время одной из жарких полемик на международном конгрессе антиковедов, что в Вани (Западная Грузия) будет обязательно найдена греческая надпись. Так оно и случилось через два года.

Много сил и энергии он отдал изучению памятников архитектуры Абхазии. Кстати, стоило ему в 1978 году в книге «В мире архитектурных памятников Абхазии» смело, а главное справедливо назвать абхазов единственными аборигенами своей страны, а архитектуру Абхазского царства VIII—X вв. причислить к абхазо-аланской школе византийского, а не грузинского зодчества, как в этом сразу увидели крамолу, и книге устроили в Тбилиси аутодафе, а ее автору через специальное постановление тогдашнего секретаря ЦК КПСС по идеологии М. Сулова вообще запретили печататься в Москве. Поддерживая абхазов в борьбе за свою независимость, Юрий Николаевич забывал о своем здоровье и поэтому писал кровью ответы грузинским оппонентам. А когда пришла в Абхазию навязанная извне война, он, приравняв к штыку перо, грудью встал на защиту Родины на очень важном ее идеологическом фронте. Только Юрий Николаевич мог написать так быстро «Белую книгу» и тем самым раньше всех донести правду «городу и миру» о жестокостях оккупационных властей Грузии.

По учебному пособию, одним из основных авторов которого является Ю. Н. Воронов, студенты АГУ и школьники поныне изучают древнюю и средневековую историю Абхазии. Его лекции с большим интересом слушали в университетах Англии, Франции и

Италии.

Он печатался в таких престижных академических журналах, как «Советская археология», «Вестник древней истории», «Византийский временник», «Советская этнография», «Вопросы истории» и др.

Он был народным депутатом первого Парламента Республики Абхазия, а последние годы - ее вице-премьером.

Но раздался коварный выстрел...

К великому сожалению, нет более Юрия Николаевича с нами, но его монографии продолжают выходить в свет (например, в Сухуме в 1998 году - энциклопедическая «Древняя Апсилия», а в Москве в 2003 году - «Могилы апсильов» и др.).

Большую работу по увековечиванию богатого научного наследия Юрия Николаевича проводит его верная подруга «в счастье и

9

несчастье» Светлана Владимировна, «без уступчивого терпения и доброй поддержки» которой, как он сам писал во введении к «Древней Апсилии», не появились бы многие его кавказоведческие работы. С ней рядом их дети: талантливая певица широкого спектра Тамара с пока еще маленькой дочуркой Софьей и врач по челюстно-лицевой хирургии Николай (Ника).

Протоиерей отец Александр Салтыков, друг Юрия, писал, что человек получает после смерти то, к чему стремилась его душа, и что душа Юрия Николаевича успокоилась в познании Вечной истины и Высшего добра. Но у нас, его близких и соратников, не может быть покоя, ибо мы должны донести это огромное научное наследие Воронова до народа Абхазии, чтобы люди могли почувствовать тот неуловимый аромат веков, который трепетно ощутил Юрий Николаевич у древних памятников культуры наших далеких предков, ибо «та красота, что мир стремится вперед, есть тоже след былого».

И лишь тогда можно постичь значение слов, принадлежавших Ивану Бунину: «Вечно лишь то, что связует незримой связью душу и сердце живых с темной душой могил». А этой вечной связующей нитью между прошлым, настоящим и будущим является Юрий Николаевич Воронов.

Вот и сейчас читателю предлагается первый том его научного наследия.

О. Х. БГАЖБА, доктор исторических наук, академик АН Абхазии

10

КОЛХИДА В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. — VIII в. н. э.

11

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопросы хронологии памятников являются одним из важнейших аспектов археологической науки. Правильная датировка делает археологический материал полноценным историческим источником, связывая его с конкретным временем и средой. Основной задачей настоящего исследования является выявление и обоснование реальных хронологических критериев для соответствующей обработки огромного археологического материала, выявленного на территории Абхазии и всей Колхиды в последние десятилетия

XX в. Хронологический диапазон, охватываемый в работе, избран автором не случайно. Эпоха железа в рамках VIII в. до н. э. - VIII в. н. э. в Западном Закавказье представляет собой определенное историческое целое, характеризующееся всевозрастающими контактами с греческим культурным миром (от доколониционных связей до аннексии Колхиды Византией в VI—VII вв. н. э.). Параллельное воздействие на Колхиду иранского культурного мира фактически превратило ее в своеобразную арену столкновения, взаимодействия и усвоения различных форм изделий и приемов, правильная хронологическая и типологическая препарация которых позволяет лучше понять закономерности развития, этапы и отдельные эпизоды местной истории и культуры. Территориально работа охватывает Колхиду, т. е. в целом Западное Закавказье; в отдельных случаях привлечены материалы Центрального Кавказа и Восточного Закавказья. По побережью охват памятников произведен от Сочи до Батуми. Из глубинных территорий основное внимание уделено изучению Центральной Колхиды и Цебельдинской долины, где проходили важнейшие пути, соединявшие Западное с Восточным Закавказьем и Северным Кавказом. Большинство вопросов, рассматриваемых в настоящей работе, поднималось и раньше, являясь предметом изысканий нескольких поколений исследователей и ряда научных школ. Однако проблемы конкретно хронологии местных памятников до сих пор решались, как правило, отрывочно, попутно, без учета взаимодействия отдельных звеньев в рамках всей хронологической структуры западнозакавказского железного века, в слабой связи, либо вообще изолированно от смежных территорий. Данная работа является первым опытом систематического монографического исследования процесса изменений форм материальной культу-

12

ры древней Колхиды на протяжении 1500 лет от эпохи раннего железа до раннего средневековья. Анализ материала проводится на широком фоне сопоставлений со смежными территориями (Восточное Закавказье, Северный Кавказ, Урарту, Иран, Малая Азия, Средиземноморье, Балканы, Западное и Северное Причерноморье, Поволжье). В ходе исследования наметилась необходимость значительных коррективов и уточнений в хронологии западнозакавказских археологических памятников (сужение хронологических рамок колхидской культуры эпохи раннего железа на стадии гравированного орнамента, дифференциация памятников VI—IV и IV—II вв. до н. э. в окрестностях Диоскуриады, пересмотр хронологических схем Цебельдинских могильников II—VII вв. н. э., передатировка памятников типа Цибилиума с IV на VI в., Келасурской стены с VI на XVII в., ацангуар - с бронзовой эпохи на раннее средневековье и др.). Естественно, что изменение хронологии большого числа узловых памятников Колхиды повлекло за собой необходимость внесения серьезных коррективов в их историческую интерпретацию. Так появились в настоящем исследовании разделы о колхидско-кобанской металлургической провинции, об ирано-колхидских связях в VI-V вв. до н. э., о характере греческой колонизации в Колхиде, об истории Диоскуриады и Ванского городища в эллинистическую эпоху, Себастополиса и Питиунта в ранневизантийскую эпоху, о Клисуре - системе раннесредневековых укреплений Колхиды и др. Значимость результатов настоящего исследования определяется в первую очередь тем, что целый ряд узловых проблем древней истории Колхиды получает решение, обоснованное всем комплексом известных материалов. Проведенный анализ со всей очевидностью выявил органическую связь материальной культуры Западного Закавказья с соседними территориями, в первую очередь с греческим и иранским мирами и их периферией, охватывающей в рассматриваемое время всю Переднюю Азию, Средиземноморье и Причерноморье. Выявление новых и изучение уже известных направлений связей способствует решению многих кардинальных вопросов местной

истории и культуры, дает возможность более полно и всесторонне осмыслить закономерности социально-экономического, культурного и этнополитического развития колхидского общества на протяжении 1500 лет.

Проведенный нами анализ археологических источников привел в ряде случаев к выводам, идущим в разрез с устоявшимися представлениями. В своем большинстве эти выводы, как и их обоснование, автором опубликованы и обсуждены на различных конференциях и симпозиумах. Часть этих выводов уже получила научное признание, другие же пока являются дискуссионными. В основе этого следует видеть прежде всего неравномерность археологической изученности рассматриваемой территории, отрывочность и сравнительную скудность имеющихся в распоряжении науки неопровержимо ясных, не допускающих двоякого толкования данных археологии.

Это обстоятельство, однако, ни в коей мере не может служить поводом

13

для отсрочки попытки обобщения по избранной для настоящего исследования теме, поскольку, “если бы ... захотели ждать, пока материал будет готов в чистом виде для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона” [1, с. 555].

В основу структуры исследования положена традиционная периодизация истории Причерноморья, складывающаяся из следующих этапов: 1) ранний железный век - колхидско-кобанская культурная общность (VIII - начало VI вв. до н. э.); 2) эпоха греческой колонизации побережья (VI - перв. полов. IV вв. до н. э.); 3) эпоха эллинизма (втор. полов. IV-I вв. до н. э.); 4) позднеантичный период - расцвет «Понтийского лимеса» (I—IV вв. н. э.); 5) эпоха “великого переселения народов” - ранневизантийский период (конец IV - начало VIII вв. н. э.). При описании археологических материалов автор не ставил задачей разработку собственной классификации и типологии изделий, поскольку такая работа уже проведена на необходимом уровне предыдущими исследователями и разработка новой типологии вряд ли целесообразна ныне в рамках рассматриваемой темы. Типологическую концепцию автора отражают в полной мере таблицы материалов к корреляциям комплексов.

1. *Энгельс Ф. Диалектика природы. - К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, М., 1961.*

14

ВВЕДЕНИЕ

Специфика настоящего исследования делает наиболее целесообразным изложение и разбор точек зрения других авторов по конкретным вопросам в соответствующих разделах работ. Поэтому традиционная форма изложения историографии - в виде длинного перечня существующей литературы по проблеме и критического разбора концепций своих предшественников - в данной работе заменена кратким изложением историографии проблем, составляющих основу настоящего исследования, причем главное внимание обращается на диссертационные и крупные публикационные и теоретические разработки по археологии и древней истории Западного Закавказья. Затем излагаются материалы, отражающие личный вклад автора в разработку упомянутых проблем. Памятники колхидско-кобанского круга прямо или касательно рассматриваются в диссертациях (докторских и кандидатских), статьях и монографиях: Е. И. Крупнова [1], Б. В. Техова [2; 3], Т. К. Микеладзе [4], О. Д. Лордкипанидзе [5; 6]; О. М. Джапаридзе [7; 8], Л. С. Сахаровой [9], А. Т. Рамишвили [10], М. С. Пирцхалава [11], М. М. Трапша [12; 13],

Л. Н. Панцхава [14], Г. Т. Квирквелия [15]; А. А. Иессена [16; 17; 18], Б. А. Куфтина [19; 20; 21], Б. Б. Пиотровского [22; 23], Г. А. Меликишвили [24], Д. Л. Коридзе [25], М. М. Трапша [26; 27], В. И. Козенковой [28; 29] и др. В двух основных интересующих нас аспектах (хронология и проблема колхидско-кобанской общности) до сих пор согласия не достигнуто. Одни исследователи отстаивают тезис о колхидско-кобанском единстве [2; 14; 22; 30; 31; 32; 33; 34; 35;], другие либо проводят четкую границу между колхидской и кобанской культурами по Главному Кавказскому хребту, либо включают Кобанский и Тлийский могильники в границы то колхидской культуры, то кобанской культуры [1; 8; 9; 25; 36; 37]. Комплекс признаков, характеризующих в Колхиде и на Центральном Кавказе эпоху гравированного орнамента, одними исследователями датируется в рамках XII—VIII вв. до н. э. [8; 9; 10; 38; 39], другими - в пределах от XI-X до VIII—VII вв. до н. э. [18; 28; 40], третьими - в основном в рамках конца IX - начала VI вв. до н. э. [14; 19; 27; 41; 42; 43; 44; 45; 46].

Интересующие нас вопросы хронологии и интерпретации памятников в отношении Колхиды VI-I вв. до н. э. решаются в том или ином аспекте в диссертациях (докторских и кандидатских) О. Д. Лордкипанидзе [5], Т. К. Микеладзе [4], М. П. Инадзе [47], Г. А. Лордкипанидзе [48], А. Ю. Кахидзе [49]; М. Д. Бердзенишвили [50], И. Н. Сосновкина [51], А. Ю. Кахидзе [52], Ю. М. Гагошидзе [53], Г. А. Лордкипанидзе [54], Д. Д. Качарава [55], Н. Ш. Кигурадзе [56], Г. А. Гамкрелидзе [57], Л. Б. Джикия [58], Н. Н. Матиашвили [59], Г. Т.

15

Квирквелия [15]; Г. А. Меликишвили [24], Н. Ю. Ломоури [60], А. И. Болтуновой [61; 62; 63], М. М. Трапша [27], З. В. Анчабадзе [64], Т. К. Микеладзе [65], О. Д. Лордкипанидзе [66], А. Ю. Кахидзе [67], Г. К. Шамба [68] и др. Особое значение имеет многотомная серия “Вани” (под редакцией О. Д. Лордкипанидзе), где публикуются материалы раскопок этого крупнейшего античного поселения Колхиды [69; 70; 71; 72]. Хронология местных памятников VI-I вв. до н. э. опирается главным образом на греческий импорт. Наиболее спорна дифференциация ранних комплексов (VI-V вв. до н. э.). В окрестностях Диоскуриады, например, одни и те же комплексы датируются то VIII—VI вв. до н. э. [20; 27], то VI—IV вв. до н. э. [44, с. 46-51; 73, с. 79-90]. Гораздо больше разногласий вызывает историческая интерпретация соответствующих археологических данных; одни исследователи на их основе отстаивают тезис о “сильном” колхидском царстве в VI—IV вв. до н. э., воспрепятствовавшем основанию на побережье греческих апойкий обычного типа и противостоявшем ахеменидскому Ирану [4, с. 30, 153; 5, с. 14; 47, с. 164; 60, с. 170-172; 74], другие рассматривают это царство как децентрализованное раннеклассовое образование [44, с. 13-20; 75, с. 52-90], третьи вообще отрицают государственность у местного населения Колхиды в VI-I вв. до н. э., констатируя здесь родовой строй [76; 77; 78;]. Особенно дискутируются дата основания и тезис о характере греческих городов в Колхиде (Фасис, Гиенос, Диоскуриада). По мнению одних исследователей, Великая греческая колонизация VIII—VI вв. до н. э. не коснулась Колхиды, а первые греческие поселения появились здесь в качестве кварталов в местных городах с середины V в. до н. э. (гипотеза об “афинской колонизации”) [79; 80; 81], другие предполагают, что эти города с VI в. до н. э. носили “смешанный” греко-местный характер [27, с. 230; 47, с. 128-141; 60, с. 170-172], третьи, опираясь на античные источники и данные археологии, полагают, что в Колхиде в VI в. до н. э. в первую очередь милетянами были основаны апойкии обычного типа [44, с. 19; 63; 82, с. 280-282]. Не достигнуто единства и в интерпретации эллинистических городов Колхиды (Фасис, Гиенос, Диоскуриада), а также такого сравнительно хорошо изученного памятника как Ванское городище, которое О. Д. Лордкипанидзе считает храмовым городом [83], а Г. А. Лордкипанидзе - акрополем при крупном поселении городского типа [44, с. 61] и т. д.

Памятники Колхиды позднеантичного и ранневизантийского времени (I-VII вв. н.э.) рассматриваются в диссертациях (докторских и кандидатских), в монографиях и статьях О. Д. Лордкипанидзе [5], М. П. Инадзе [47], В. А. Леквинадзе [84], А. К. Амброза [85], К. В. Голенко [86], Г. К. Шамба [87], А. М. Апакидзе [88], Н. Ю. Ломоури [89], З. В. Анчабадзе [64], Г. А. Ломтатидзе [90], Н. В. Хоштария [91], Р. В. Путуридзе [92], М. М. Трапша [27, с. 285- 362; 93; 94], В. М. Джапаридзе [95; 96], В. А. Леквинадзе [97], М. М. Гунба [98] и др. Особенно важна многотомная серия “Великий Питиунт” (под редакцией А. М. Апакидзе), где публикуются находки I-VI вв. н. э. Пицундского

16

городища и его окрестностей [99; 100; 101]. Немало спорных вопросов накопилось и в этом разделе местной археологии. Одни исследователи, например, полагают, что римские крепости основывались при местных городах, а римские гарнизоны стояли в них только до IV в., а затем были вытеснены Лазским царством [102; 103], другие считают, что в V в. Питиунт и Себастополис переживают упадок, а их связи с Средиземноморьем прерываются [104, с. 171-179]. Часть исследователей рассматривает эти пункты не как города, а как римско-ранневизантийские крепости с канабами, в которых контингенты Империи находились без серьезных перерывов с I до середины VI в. н. э. [105]. Далеки от решения вопросы хронологии ранних ярусов цебельдинских могильников [106, с. 16-17]. Особенное место в истории Колхиды занимает VI век, когда Западное Закавказье на короткий момент стало ареной персо-византийских войн. Остро дискутируется вопрос о Клисуре - системе ущельных византийских укреплений VI в. Одни исследователи [107; 108; 109] связывают с этой системой Келасурскую стену в Абхазии, другие датируют последний памятник XVII в. [110]. Большинство авторов относит раннесредневековые укрепления Колхиды, упомянутые в источниках VI в., к IV-V вв. [95; 111; 112], связывая их со строительной деятельностью Лазского царства, однако, в последнее время накопилось немало фактов в пользу их передатировки на первую половину VI в. [113], когда возросла здесь политическая активность Византии. Споры вызывает и дата заключительного этапа цебельдинских могильников: V в. [93, с. 212-220; 114; 115] или вторая половина VI—VII вв. н. э. [116; 117].

Наконец, важные проблемы хронологии и интерпретации памятников VII—VIII вв. пока серьезно ставились только применительно к территории Абхазии и смежного с ней Сочинского района, где выделены поселения и укрепления этого времени, расположенные вдоль важнейших перевальных (Псеашхо, Санчар, Клухор) и транзитных (Абхазский путь) дорог и датировавшиеся до сих пор в широком диапазоне от VI в. н. э. до позднего средневековья [118]. К этому же кругу вопросов примыкает проблема ацангуар, дата которых интуитивно определялась либо в рамках бронзовой и античной эпох [119; 120; 121], либо относилась к раннему средневековью [122].

С проблемами хронологии и интерпретации западнозакавказских памятников автор связан со времени работы над “Археологической картой Абхазии” [124], а затем кандидатской диссертацией [123], когда со всей очевидностью проявилась недоработанность и противоречивость сложившихся к концу 60-х годов XX в. представлений о большинстве памятников Абхазии эпохи железа. Последующее десятилетие основные научные интересы автора были сосредоточены на изучении соответствующих проблем на территории Абхазии и Сочинского района Краснодарского края, но уже на фоне материалов всей Колхиды, результатами чего явились несколько десятков опубликованных работ и настоящее исследование.

17

По проблемам хронологии и интерпретации памятников колхидской культуры (первый

раздел исследования) автором сделано следующее: 1) впервые опубликованы десятки комплексов колхидской культуры, выявленные на территории Абхазии (среди них Бамборский клад 1946 года из собрания Госэрмитажа, комплексы из собраний ГИМ и МАЭ, неопубликованная коллекция А. Л. Лукина из фондов АГМ, клады бронзовых изделий из сс. Звандрипш, Отхара, Абгархук, Ачандара, Приморское, Новый Афон, Лечкоп, Пшаш, Верхняя Лемса, Араду, погребения из Гагры, Куланьрхуа, Бешкардаша, отдельные предметы из различных районов республики, данные о поселениях в Куланьрхуа, Мачара-2, Царча и др. [124, с. 17-42; 125, с. 208-274; 126; 127, рис. 2, 21]; 2) произведена полная публикация бронзовых изделий, найденных на территории Сочинского района [128, с. 57-64]; 3) поставлен и обоснован вопрос о колхидско-кобанской культурной общности эпохи раннего железа [129, с. 13-15]; 4) на широком фоне сопоставлений (Северное Причерноморье, Урарту) и на основе анализа большинства выразительных комплексов на территории всей Колхиды произведено уточнение даты позднего этапа колхидско-кобанских древностей (эпоха гравированного орнамента) в рамках VIII—VII вв. до н. э., поставлены вопросы о необходимости значительного омоложения большинства комплексов Глийского и Самтаврского могильников [130, с. 200-218; 131; 132, с. 11-14; 133, с. 27-35].

По проблемам хронологии и интерпретации памятников VI—I вв. до н. э. (второй раздел исследования) автором сделано следующее: 1) впервые опубликованы материалы десятков поселений, погребений и производственных комплексов рассматриваемого времени с территории Абхазии и Сочинского района (Диоскуриада, Гиенос, Эшерское городище, Ахул-абаа, Агудзера, Гульрипш, Мачара-2, Пацхир, Гуандра, Яштух, Куланьрхуа, Веселое, Богушевка, Соболевка, Мамайка и др.) и произведен их анализ на общеколхидском и общепричерноморском фоне [124, с. 43-65; 127, рис. 14, 14-21; 21, 1-4, 6-8; 128, с. 61-71; 134; 135, с. 103-121; 136, с. 74-85; 137, с. 32-55; 138, с. 162-171; 139, с. 94-96; 140, с. 32-36]; 2) произведено уточнение дат могильников Красный маяк, Гуад-иху, Куланьрхуа, Ахул-абаа, Эшера и др., где выделены горизонты V I - перв. полов. IV и втор. полов. IV—II вв. до н. э. [130, с. 210-216]; 3) впервые обобщены скифские материалы с территории Абхазии [141, с. 218-234]; 4) уточнены вопросы топографии и характера остатков Диоскуриады и периодизации ее истории, намечены границы сельскохозяйственной и производственной территории города в VI—I вв. до н. э. [133, с. 17-76; 138, с. 162-171; 142, с. 24-38]; 5) на основе археологических данных и письменных источников изучен и отрицательно решен применительно к территории Абхазии вопрос о “Колхидском царстве” [143, с. 77-79; 144, с. 12-14] и др.

По проблемам хронологии и интерпретации памятников I—VIII вв. н. э. (третий раздел исследования) автором сделано следующее: 1) впервые опубликованы материалы многих десятков поселений, крепостей и могильников на территории Абхазии и Сочинского района (Сébastополис, Герзеул, Цибилиум, Пал, Азанта, Апушта, Пар, Пскал, Трахея, Анухуа, Алахадзы, Каман, Отсюш, Псху, Чхортал, Гумуриш, Гагра, Лапста, Красная поляна и др.) [124, с. 43-65; 106, с. 1-161; 127, рис. 3, 5-7, 10-12, 15-20, 22; 128, с. 72-103; 147, с. 86-87; 148, с. 175-190; 149, с. 377-379; 150, с. 100-105; 151, с. 471-472; 152, с. 171-191; 153, с. 421-422; 154, с. 96; 155, с. 74-78; 156, с. 204-210; 157, с. 80-82; 158, с. 463-64; 159, с. 139-146; 160, с. 169-176; 161; 162, с. 178-195; 163, с. 49-58; 164, с. 181-198; 165, с. 67-71; 166, с. 1-76; 167, с. 84-93];

2) впервые разработана общая периодизация и хронология памятников Абхазии и Сочинского района I тыс. н. э. [168, с. 44-52]; 3) впервые исследован комплекс крепостей VI в. в Цебельде, на основе чего уточнена хронология памятников Цебельдинской культуры и предложено новое решение дискутируемой уже столетие проблемы Клисурь [169, с. 478; 170, с. 2-5. 171, с. 198; 172, с. 244-251; 173, с. 398-399 и др.]; 4) впервые комплексно изучена Келасурская (Великая Абхазская) стена, датированная XVII в. [127, с. 12-14; 161, с. 98-104; 166, 9-12; 174, с. 393-396; 175, с. 100-122; 176, с. 52-54]; 5) впервые зафиксировано и частично раскопано до 400 ацангуарных комплексов в субальпике

Западного Кавказа от верховьев Мзымты до верховьев Ингура; доказана их дата в рамках раннего средневековья : VI - X вв.) [127, с. 39-43; 161, с. 160-172; 177, с. 30-40; 178, с. 484; 179, с. 119-120]: 6) впервые археологически обоснован вопрос о значении перевальных путей, соединявших Западное Закавказье с Северным Кавказом (Псеашхо, Санчар, Марух, Клухор) на их закавказских отрезках [127, с. 5-6; 166, с. 41—42; 180, с. 277].

Значительная часть публикаций автора основана на результатах личных наблюдений и полевых исследований, проводившихся как самостоятельно, так и в составе различных археологических экспедиций: Причерноморской экспедиции Института истории АН ГССР под руководством А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе (раскопки Себастополита в 1959 г.), Кармирблурской экспедиции под руководством акад. Б. Б. Пиотровского (1961 г.), Цебельдинской экспедиции Абхазского института под руководством М. М. Трапша (1960-1965 гг.), Причерноморского отряда Сарматской экспедиции (1968 г.) и Средневекового отряда Северо-Кавказской экспедиции (1973 г.) под руководством В. Б. Ковалевской, Гагрской (1963 г.) и Амткельской 1966 г.) экспедиций Абхазского института под руководством Л. Н. Соловьева, Причерноморской экспедиции Института физики земли АН СССР под руководством С. П. Бурлацкой (1969-1971 гг.), Герзеульской экспедиции под руководством О. Х. Бгажба (1976 г.) и разведочного отряда Донской экспедиции под руководством И. С. Каменецкого (1978 г.). Самостоятельные разведки и раскопки разновременных памятников производились в Сочинском г Геленджикском районах и на всей территории Абхазии в качестве участника и руководителя экспедиций Абхазского общества охраны памятников

19

культуры (1964, 1966-1969 гг.), Центральной научно-исследовательской лаборатории туризма и экскурсий ЦОТЭ ВЦСПС (1970-1975 гг.) и Абхазского института (1976-1981 гг.).

Значение всей проделанной автором работы заключается прежде всего в том, что в научный оборот введены сведения о многих десятках малоизвестных или вообще неизвестных памятников Западного Закавказья, уточнена или определена их хронологическая позиция, на этой основе внесены важные коррективы в систему дат, что, естественно, привело к изменению взглядов на ряд явлений местной истории эпохи железа. Безусловно, значительная часть выводов этого исследования носит характер рабочих гипотез, нуждающихся в дальнейшем обсуждении и более основательной аргументации, которая пока затруднена сравнительной скудностью точно атрибутируемых археологических материалов. Другая часть выводов уже теперь учитывается при написании учебников по региональной истории (История Абхазии. Учебное пособие. Сухум, 1991; 1993), при перестройке экспозиций местных музеев (по моей схеме, например, создана экспозиция в Сочинском краеведческом музее, внесены коррективы в экспозицию Абхазского государственного музея), в туристско-экскурсионной литературе, что весьма актуально в условиях Черноморского побережья [181, с. 56-59; 182, с. 98-115; 183, с. 82-86; 184, с. 7-9; 185, с. 51-58]. Из других практических результатов, полученных в ходе подготовки настоящей работы, следует отметить создание первой кривой изменений напряженности геомагнитного поля на территории Абхазии на протяжении последних двух с половиной тысяч лет [186, с. 130-132], использование этих результатов в изучении истории местной металлургии железа [187, с. 186-198] и др.

Научная апробация настоящего исследования помимо публикаций осуществлена так же и на многочисленных конференциях и симпозиумах международного, всесоюзного, регионального, республиканского и местного ранга, где автором по различным вопросам, затронутым в работе, было зачитано около трех десятков докладов и сообщений.

1. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.:Изд-во АН СССР, 1969.
2. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н. э.: Автореф. докторск. дис. Тбилиси, ИИАЭ АН ГССР, 1974.
3. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XV-X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
4. Микеладзе Т. К. Исследования по истории древнего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба, 1974
5. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Грузия (торгово-экономические и культурные взаимоотношения со второй половины II тысячелетия до н. э. до III—IV вв. н. э.): Автореф. докторск. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1966.
6. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1966.
7. Джапаридзе О. М. Колхидский топор. - ВГМГ, 1950, т. XVI-в.
8. Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии. - СА, 1953, т. XVIII.

20

9. Сахарова Л. С. Позднебронзовая культура ущелья реки Цхенисцкали: Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1966.
10. Рамишвили А. Т. Из истории материальной культуры Колхиды. Батуми: Сабчота Аджара, 1974.
11. Пирцхалава М. С. Памятники скифской архаики (VII—VI вв. до н. э.) на территории древней Грузии: Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1975.
12. Трапш М. М. Куланурхвский древний могильник: Автореф. канд. дис., Сухуми: ИИАЭ АН ГССР, 1951.
13. Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми: Абгосиздат, 1962.
14. Панцхава Л. Н. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур: Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1975.
15. Квирквелия Г. Т. Материальная культура Северо-Западной Колхиды в VIII—V вв. до н. э.: Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1971.
16. Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.). -СА, 1953, т. XVIII.
17. Иессен А. А. Некоторые памятники VIII— VII веков до н. э. на Северном Кавказе. - ВССА, 1954.
18. Иессен А. А. Клад из селения Лухвано в Грузии. - СГЭ, 1962, т. 22.
19. Куфтин Б. А. Урартский “колумбарий” у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. - ВГМГ, 1944, т. X - В.
20. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси: Техника да шрома, 1949.
21. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси: Техника да шрома, 1950.
22. Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949.
23. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М.: Изд-во вост. лит-ры, 1959.
24. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1959.
25. Коридзе Д. Л. К истории колхской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1965.
26. Трапш М. М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Труды в 4-х томах, т. I. Сухуми: Алашара, 1970.
27. Трапш М. М. Древний Сухуми. Труды в 4-х томах, т. II. Сухуми: Алашара, 1969.
28. Козенкова В. И. Вопросы хронологии Восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии. - МАД, 1977, вып. VI.
29. Биджиев Х. Х., Козенкова В. И. Предметы кобанской культуры из сел. Торзе (Карачаево-Черкесия). - СА, 1980, №3.
30. Иващенко М. М. Материалы к изучению культуры колхов. - МИГК, 1941, вып. 2.

31. Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.: изд-во Госэрмитажа, 1947.
32. Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1949.
33. Гобеджишвили Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1952.
34. Каландадзе А. Н. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми: Абгиз, 1954.
35. Газдапустаи Д. Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу: Автореф. канд. дис., Л.: ЛГУ, 1962.
36. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972.
37. Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. - САИ, 1977, вып. В2-5
38. Ниорадзе Г. К. Археологические находки в селе Квишари. - СА, 1949, т. XI.
39. Техов. Б. В. Тлийский могильник и проблема хронологии эпохи поздней бронзы - раннего железа Центрального Кавказа. -СА, 1972, №3.
40. Крупнов Е. И. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры. -СА, 1969, №. 1.
41. Погребова М. Н. Железные топоры скифского типа в Закавказье. - СА, 1962, №2.

21

42. Виноградов В. Б., Дударев С. Л. Клад бронзовых предметов из с. Советское (Чечено-Ингушетия). СА, 1977, №1.
43. Членова Н. Л. Памятники I тысячелетия до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности. В кн.: Искусство и археология Ирана. Доклады Всесоюзной конференции (1969 г.). М.: Наука, 1971.
44. Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
45. Барамидзе М. В. Мерхеульский могильник. Тбилиси: Мецниереба, 1997.
46. Шамба Г. К. О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района. - ИАИ, 1973, вып. II.
47. Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси: Мецниереба, 1968.
48. Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI—II вв. до н. э. (историко-археологическое исследование): Автореф. докторск. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1975.
49. Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI-I вв. до н. э.): Автореф. докторск. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1981.
50. Бердзенишвили М. Д. К истории города Фасиса. Тбилиси: Мецниереба, 1969.
51. Сосновкин И. Н. История патриархального общества Западной Грузии: Автореф. канд. дис., Ярославль: ЯГПИ, 1954.
52. Кахидзе А. Ю. Города Причерноморья Грузии в античную эпоху (Кобулет-Пичвнари). Тбилиси: Мецниереба, 1971.
53. Гагошидзе Ю. М. Памятники материальной культуры раннеантичной Грузии: Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1965.
54. Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси: Мецниереба, 1970.
55. Качарава Д. Д. Город Гиенос в античную эпоху (к истории городов Восточного Причерноморья): Автореф. канд. дис., Тбилиси, ИИАЭ АН ГССР, 1972.
56. Кигурадзе Н. Ш. Дапнарский могильник. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
57. Гамкрелидзе Г. А. Древние поселения в среднем течении р. Риони (Мтисдзири в VII в. до н. э. - VIII в. н. э.): Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1978.
58. Джикия Л. В. Археологические памятники Кутаиси и его округа I тысячелетия до н. э.: Автореф. канд. дис., Тбилиси: Мецниереба, 1979.
59. Матиашвили Н. Н. Из экономической истории городов Колхиды в III-I вв. до н. э. (по керамическому материалу). Тбилиси: Мецниереба, 1974.

60. Ломоури Н. Ю. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1962.
61. Болтунова А. И. Античные города Грузии и Армении. В кн.: Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
62. Болтунова А. И. Колхидки. - ВДИ, 1973, №4.
63. Болтунова А. И. Эллинические апойки и местное население Колхиды. В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
64. Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М.: Наука, 1964.
65. Микеладзе Т. К. Археологические исследования в низовьях р. Риони (материалы по истории древнего Фасиса). Тбилиси: Мецниереба, 1978.
66. Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида. Миф и археология. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
67. Кахидзе А. Ю. Античные памятники Восточного Причерноморья, (греческий могильник Пичвнари). Батуми: Сабчота Аджара, 1975.
68. Шамба Г. К. Эшерское городище. Тбилиси: Мецниереба, 1980.
69. Вани, т. I. Тбилиси: Мецниереба, 1972.
70. Вани, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
71. Вани, т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
72. Вани, т. IV. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
73. Квирквелия Г. Т. Погребение раннеантичного времени на горе Яштхва. В кн.: Вопросы археологии Грузии, Тбилиси: Мецниереба, 1978.
74. Джанашия С. Н. Из истории генезиса грузинской государственности. К истории Колхидского царства. В кн.: Тезисы док-ладов XII научной сессии Отделения общественных наук АН ГССР. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1943.

22

75. Меликишвили Г. А. Вопросы о социально-экономическом строе древней Грузии. - Мацне, 1966, №1 (28).
76. Соселия Г. К. Существовала ли рабовладельческая формация в Грузии. - ВИ, 1957, №7.
77. Болтунова А. И. Колхи и держава Ахеменидов (по данным Геродота). В кн.: Проблемы античной истории и культуры (Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран "Ейрене"), т. I. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1979.
78. Дандамаев М. А. Ахеменидское государство и его значение в истории Древнего Востока. В кн.: История иранского государства и культура. М.: Наука, 1971.
79. Лордкипанидзе О. Д. К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды). В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
80. Качарава Д. Д. Некоторые вопросы истории Гиеноса (в связи с проблемой греческой колонизации). В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
81. Квирквелия Г. Т. Очамчира и его окружение в VIII—V вв. до н. э. (по данным новейших археологических исследований). В кн.: Материалы II Всероссийского симпозиума по древней истории Причерно-морья на тему: "Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VI—V вв. до н. э.)". Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
82. Дундуа Г. Ф. Еще раз о происхождении колхидок. В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо, 1977). Тбилиси: Мецниереба, 1979.

83. Лордкипанидзе О. Д. Город-храм Колхиды. М.: Наука, 1978.
84. Леквинадзе В. А. Монументальные памятники Западной Грузии в I—VII вв.: Автореф. докторск. дис., М.: ИА АН СССР, 1973.
85. Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы в V-IX вв. н. э.: Автореф. докторск. дис., М.: ИА АН СССР, 1974.
86. Голенко К. В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л.: изд-во Госэрмитаж, 1964.
87. Шамба Г. К. Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху (по археологическим материалам некрополя Ахаччархва): Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН СССР, 1966.
88. Апакидзе А. М. “Великий Питиунт”. Археологические раскопки в Пицунде. В кн.: Великий Питиунт, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
89. Ломоури Н. Ю. История Эгрисского царства. Тбилиси: изд-во ТГУ, 1968.
90. Ломтатидзе Г. А. Некрополь II века н. э. в Клдеети. Тбилиси: изд-во АН СССР. 1957.
91. Хоштария И. В. Чхороцку - могильник с трупосожжением (захоронения в урнах) и остатки поселений. - МИГК, 1941, вып. II.
92. Путуридзе Р. В. Позднеантичные археологические памятники Западной Грузии. - МАГК, 1959, вып. II.
93. Трапш М. М. Культура Цебельдинских некрополей. Труды в 4-х томах, т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
94. Трапш М. М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Труды в 4-х томах, т. IV. Сухуми: Алашара, 1975.
95. Джапаридзе В. М. Археологическое изучение городища Вардцихе. В кн.: Археологические памятники феодальной Грузии, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
96. Джапаридзе В. М. О некоторых вопросах истории цебельдинской культуры. В кн.: Вопросы археологии Грузии, вып. II, Тбилиси: Мецниереба, 1978.
97. Леквинадзе В. А. Богатое погребение конца IV века из Уреки (Грузия). - СА, 1975, №4.
98. Гунба М. М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
99. Великий Питиунт, т. I. Тбилиси: Мецниереба, 1975.
100. Великий Питиунт, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1977.

23

101. Великий Питиунт, т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
102. Ломоури Н. Ю. К выяснению некоторых сведений Notitia dignitatum - ТТГУ, 1971, т. 162.
103. Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса. - ТАИ, 1963, т. XXXIII-XXXV.
104. Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследования древнего Себастополиса. - СА, 1960, №3.
105. Леквинадзе В. А. “Понтийский лимес”. -ВДИ, 1969, №2.
106. Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука, 1975.
107. Иващенко М. М. Великая Абхазская стена. - ИАНО, 1926, вып. IV.
108. Соловьев Л. Н. Древние оборонительные рубежи феодальной эпохи на Черноморском побережье Западной Грузии (Гагрская крепость, Иверская гора, Келасурская стена). Архив АБИЯЛИ, №344(рукопись). Сухуми: 1940.
109. Гунба М. М. Келасурская стена. - ИАИ, 1977, вып. IV.
110. Берадзе Г. Вахушти Багратиони и вопросы исторической географии Одиши. - В кн.: “Сборник исторической географии Грузии”. Вып. IV. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
111. Мелитаури К. Н. Крепости дофеодальной и раннефеодальной Грузии (Уплис-цихе, Цихе-Годжи, Мцхета, Тбилиси), т. I. Тбилиси: Мецниереба, 1969.
112. Леквинадзе В. А. Материалы по монументальному строительству в Лазике. - ВГМГ,

- 1961, т. ХХИ-В.
113. Воронов Ю. Н. Раскопки башни №3 Цибилиума. - В кн.: Археологические исследования в Цебельде в 1977 г. Тбилиси: Мецниереба, 1982.
114. Шамба Г. К. Ахаччарху - древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми: Алашара, 1970.
115. Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды IV-V вв. и хронология цебельдинских могильников. - КСИА, 1979, №158.
116. Амброз А. К. Проблемы раннесредне-вековой хронологии Восточной Европы. - СА, 1971, №2.
117. Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки. - САИ, 1979, вып. Е1-2.
118. Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.: Наука, 1968.
119. Иващенко М. М. Исследования архаических памятников материальной культуры в Абхазии. - ИНИИК, 1935. вып. 3.
120. Квезерели-Копадзе Н. Дорожные сооружения древней Абхазии. Сухуми: Абгиз, 1955.
121. Инал-ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми: Алашара, 1971.
122. Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки. Сухуми: Абгиз, 1962.
123. Воронов Ю. Н. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии): Автореф. канд. дис., М.: МГУ, 1970.
124. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969.
125. Воронов Ю. Н. Вознюк А. С. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР. - СА, 1975, №2.
126. Воронов Ю. Н. Гунба М. М. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии. -СА, 1978, №2.
127. Воронов Ю. Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Сухуми: Алашара, 1977.
128. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: 1979.
129. Воронов Ю. Н. Западно-Кавказская этно-культурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа ("Колхидско-Кобанская культура"). - В кн.: VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик: 1978.
130. Воронов Ю. Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур. - В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980.
131. Воронов Ю. Н. Хронология памятников Северной Колхиды эпохи поздней бронзы и раннего железа (доклад): "Программа совещания по проблемам хронологии памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Грузии" (20-24 декабря 1977 года). Тбилиси: ИИАЭ АН СССР, 1977.

24

132. Воронов Ю. Н. Северная Колхида в VIII—V вв. до н. э. - В кн.: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему "Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.)". Цхалтубо, 16-22.У. 1979г. Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси: ИИАЭ АН СССР, 1979.
133. Воронов Ю. Н. Диоскуриада-Себастополис-Цхум. М.: Наука, 1980.
134. Воронов Ю. Н. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии. - ВДИ, 1968, №3.
135. Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище. - СА. 172, №1.
136. Воронов Ю. Н. Материальная культура гениохийских племен в VI-I вв. до н.э. (к постановке проблемы). - В кн.: Сборник работ молодых ученых историков Абхазии.

- Сухуми: Алашара, 1974.
- 137 Воронов Ю. Н. Гиенос. - СА, 1976, №4.
138. Воронов Ю. Н. К изучению керамического производства Диоскуриады. - СА, 1977 №2.
- 139 Воронов Ю. Н., Шамба Г. К. Новые материалы о Диоскуриаде. Сухуми: Алашара. 1977, №10.
- 140 Воронов Ю. Н. Ахул-абаа - поселение античного времени в окрестностях Сухуми. - МАА, 1979.
- 141 Воронов Ю. Н. Вооружение древне-абхазских племен в VI-I вв. до н. э. - В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.
- 142 Воронов Ю. Н. О динамике берегов Сухумской бухты в исторические времена (в связи с проблемой локализации Диоскуриады). - В кн.: Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии. Сухуми: Алашара, 1974.
- 143 Воронов Ю. Н. Античный мир и Северная Колхида. - В кн.: Тезисы докладов XIV Международной конференции античников социалистических стран (Ереван, 1976, 18-23 мая). Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1976.
144. Воронов Ю. Н. Социальный строй племен Северной Колхиды в эпоху греческой колонизации. - В кн.: Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 4-11-V. 1977). Тбилиси: Мецниереба, 1977.
145. Воронов Ю. Н. Античный мир и Северная Колхида. - В кн.: Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран "Эйрене"), т. I. Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1979.
146. Воронов Ю. Н. Некоторые проблемы социальной истории Северной Колхиды в эпоху греческой колонизации. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Материалы Первого Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо, 1977). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
147. Воронов Ю. Н., Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л. Археологические разведки в бассейне р. Мзымта. - АО -1969. М.: 1971.
148. Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Алуштинский могильник IV-VI вв. н. э. в Абхазии. СА, 1971, №1.
149. Воронов Ю. Н. Разведки в Абхазской АССР. - АО-1970. М., 1971.
150. Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Погребение VII в. н. э. из с. Цебельда в Абхазии. - КСИА, 1971, №128.
151. Воронов Ю. Н. Разведочные работы в Абхазской АССР. - АО - 1971. М., 1972.
152. Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии. - СА, 1973, №1.
153. Воронов Ю. Н. Археологические разведки в Абхазии. - АО -1972. М., 1973.
154. Афанасьев Г. Е., Биджиев Х. К., Воронов Ю. Н., Ковалевская В. Б., Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л. Работы средневекового отряда северо-кавказской экспедиции. - АО -1974. М., 1975.
155. Воронов Ю. Н. К истории экономических связей Апсолии в IV—VII вв. н. э. (привозная стеклянная посуда из Цебельды). - КСИА, 1974, №138.
156. Воронов Ю. Н. Позднеантичные памятники села Азанта. - ТАГМ, 1974, вып. IV.
157. Воронов Ю. Н. Раннесредневековые крепости на территории Абхазии (VII—X вв.). - Мацне, 1975, №3.

25

158. Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н., Лакоба С. З. Раскопки в Герзеульской крепости. - АО - 1976. М., 1977.
159. Воронов Ю. Н. Раннесредневековые памятники села Псху. - Мацне, 1977, №2.

160. Воронов Ю. Н. Из истории раннесредневекового гончарного производства в Абхазии. - ИАИ, 1977, вып. VI.
161. Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.: Искусство, 1978.
162. Воронов Ю. Н. О трех раннесредневековых крепостях в Южной Абхазии. - ИАИ, 1978, вып. VII.
163. Воронов Ю. Н. Материалы по археологии Абасгии и Санигии (II—VII вв. н. э.), - МАА, 1979.
164. Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт в могильниках цебельдинской культуры. - СА, 1979, №1.
165. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Новые материалы VII в. из могильников Абхазии. - КСИА, 1979, №158.
166. Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Памятники села Герзеул. Сухуми: Алашара, 1980.
167. Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. О больших цебельдинских топорах. - ТАГМ, 1980, вып. V.
168. Воронов Ю. Н. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н. э. - КСИА, 1979, №159.
169. Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Логинов В. А., Юшин В. А. Исследования в Цебельдинской долине. АО - 1977. М., 1978.
170. Воронов Ю. Н. Новое об архитектурных памятниках Цебельды. - "Апсны аказара", Сухуми, 1979, №2.
171. Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Шенкао Н. К., Логинов В. А. Работы цебельдинской экспедиции. - АО - 1978. М., 1979.
172. Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г. Итоги работ цебельдинской археологической экспедиции. - ПАИ - 1977. Тбилиси, 1978.
173. Воронов Ю. Н. Раскопки в Цебельде. - АО-1980. М., 1981.
174. Воронов Ю. Н. К уточнению интерпретации одного сведения Прокопия Кесарийского в строительной деятельности Юстиниана в Причерноморье. - В кн.: "Тезисы докладов XV научной конференции Института археологии Украины". Одесса: Наукова думка, 1972.
175. Воронов Ю. Н. Келасурская стена. - СА, 1973, №2.
176. Levintas W. Irrtum um 1000 Jahre. In: Exakt. Information aus Wissenschaft und Technik in der Sowjetunion. Stuttgart, 1975, №7-8.
177. Воронов Ю. Н. О датировке абхазских ацангуаров. - СЭ, 1973, №6.
178. Воронов Ю. Н. Исследования в высокогорной зоне Абхазии. - АО-1975. М., 1976.
179. Воронов Ю. Н., Гугуев В. К., Каменецкий И. С., Науменко С. А. Разведки в ущелье Большой Лабы. - АО - 1978. М., 1979.
180. Воронов Ю. Н. Из истории перевальных путей, связывавших Восточное Причерноморье с Северным Кавказом (Псеашхо, Санчар, Марух, Клухор). Доклад на VII Крупновских чтениях в Черкесске (апрель 1977 г.). - СА, 1980, №2.
181. Воронов Ю. Н. Современное состояние и перспективы туристического освоения Военно-Сухумской дороги. - В кн.: Некоторые актуальные проблемы развития туризма и экскурсий в СССР (Материалы научной конференции). Сухуми: Алашара, 1970.
182. Воронов Ю. Н. Материалы к туристскому освоению Военно-Сухумской дороги. - В кн.: Вопросы развития туризма. Сухуми: Алашара, 1973.
183. Воронов Ю. Н. Архитектурные и археологические памятники Кавказа в системе туризма. - В кн.: Тезисы докладов Всесоюзной конференции "Охрана памятников культуры и их использование в целях туризма" (г. Ростов-Ярославский, 23-24 апреля 1975 года). - М.: Профиздат, 1975.
184. Воронов Ю. Н. Памятники материальной культуры Грузинской ССР и их районирование в целях рекреации. - В кн.: Обзорные научные статьи по туризму и экскурсиям. Сухуми: Алашара, 1975.

185. Воронов Ю. Н. Районирование археологических памятников Кавказа в целях рекреации. - В кн.: Обзорные научные статьи по туризму и экскурсиям. Сухуми: Алашара, 1975.
186. Бурлацкая С. П., Воронов Ю. Н. Изменение напряженности геомагнитного поля в прошлом на территории Абхазии. - "Геомагнетизм и аэрономия". М., 1977, т. XVII, вып. 1.
187. Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Материалы по средневековому кузнечному ремеслу из горной Абхазии (жертвенник на перевале Напра). - ИАИ, 1978, вып. VII.

27

РАЗДЕЛ I. КОЛХИДА В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

ГЛАВА 1. ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ КОЛХИДСКО-КОБАНСКОГО КРУГА

1.1.1. Колхидская (колхидско-кобанская) культура эпохи поздней бронзы и раннего железа преодолела в своем развитии ряд стадий, дифференциация которых находится пока в состоянии обсуждения. Древнейшие железные изделия в Колхиде выявлены в составе комплексов, характеризующих расцвет этой культуры на стадии гравированного орнамента. На Северном Кавказе соответствующий период обычно называется "раннекобанским".

В археологической литературе до сих пор не сложился вполне определенный взгляд на дату колхидско-кобанских древностей. Совершенно справедливо в свое время Е. И. Крупнов отмечал, что о датировке кобанской (а вместе с ней - добавим от себя - и колхидской) культуры высказано столько же мнений, сколько исследователей касалось этого вопроса [1, с. 146]. Отметим здесь точки зрения А. С. Уварова и Р. Вирхова - XII—IX вв. до н. э. [2, с. 1; 3, с. 10], П. С. Уваровой - VIII в. до н. э. [4, с. 361], Е. Шантра и В. А. Городцова - XV-XIV вв. до н. э. [5, с. 13, 187; 6, с. 284], И. Толстого, Н. Кондакова, А. Калитинского и М. М. Иващенко - античная эпоха [7, с. 114; 8, с. 68], А. М. Тальгрена - 1300-900 гг. до н. э. [9, с. 24], Ф. Ганчара - XII в. до н. э. [10, с. 89], А. А. Иессена - конец II - начало I тыс. до н. э. [11, с. 131], а затем IV—VII вв. [12; 13], Е. И. Крупнова — XI—VII вв. до н. э. [14, с. 105-108], Б. А. Куфтина - от XI I—XI до VI11—VII вв. до н. э. [15, с. 53, 72; 16, с. 27], Г. К. Ниорадзе и О. М. Джапаридзе - XIII-VIII вв. до н. э. [17, с. 421; 18, с. 300], Д. Л. Коридзе и А. Т. Рамишвили - от XVI-XIV до VIII вв. до н. э. [19, с. 154; 20, с. 122-127], Б. В. Техова - от XVI—XIII до VII—VI вв. до н. э. [21, с. 21, 30, 31], В. И. Козенковой - X-VII вв. до н. э. [22, с. 70-95], Л. Н. Панцхава - конец IX - начало VI вв. до н. э. [23, с. 22-29]. Руководителем последней, во многих отношениях очень серьезной работы является О. М. Джапаридзе, который в своих последних работах (могильник в с. Ожора) и выступлениях [СА, 1980, №4, с. 311] высказывается так же в пользу поздних дат. Во всех почти случаях главными и основными аргументами исследователей явля-

28

лись сопоставление колхидско-кобанских материалов по некоторым выборочным чертам с культурами Гальштата и Передней Азии, а, главное, то соображение, что отсутствие железа в ранних комплексах является верным показателем для датировки колхидско-кобанских древностей. По мнению Е. И. Крупнова, "последний факт служит наиболее объективным и существенным критерием для определения дат для культур переходного периода от бронзы к железу, с учетом той конкретной обстановки, в которой они развивались" [14, с. 107].

В настоящее время довольно четко наметилась тенденция доводить заключительный этап

развития колхидско-кобанской культуры в Колхиде до начала VI в. до н. э. [23, с. 29; 24, с. 22; 25, с. 16; 26, с. 77], т. е. практически до стыка с моментом появления здесь первых греческих поселений (первая половина - середина VI в. до н. э.). Однако эта точка зрения признается далеко не всеми исследователями - наиболее авторитетные из них продолжают настаивать на более ранних датах, полагая, что расцвет колхидско-кобанской бронзы падает на период до VIII века до н. э., а VIII—VII вв. в Колхиде рассматривается как время массового использования железных изделий (оружие, орудия труда и т. д.) в быту аборигенного населения [27, с. 140; 28, с. 44; 29, с. 40]. Поэтому представляется необходимым вновь вернуться к вопросу хронологии колхидско-кобанских бронз периода гравированного орнамента, а вместе с тем и к вопросу о том, когда древнее население Колхиды и Центрального Кавказа вошло в железный век. Эти проблемы сегодня не могут быть решены в обход анализа существующих хронологических схем, основанных на материалах могильников Тли, Кобана и Самтавро. Но прежде чем перейти к, этому анализу, необходимо остановиться на вопросе происхождения и хронологии кавказских дуговидных фибул.

1.1.2. Дуговидные бронзовые фибулы являются одним из наиболее ярких компонентов культуры, характеризующей колхидско-кобанскую металлургическую провинцию в эпоху ее расцвета. Довольно часты находки таких фибул и в синхронных комплексах Восточного Закавказья. До сих пор, однако, единого взгляда на хронологию и генезис кавказских фибул не сложилось.

Наиболее распространена точка зрения, согласно которой рассматриваемые фибулы появились на Кавказе во второй половине - конце II тыс. до н. э. [3, с. 10; 5, с. 67-69; 11, с. 89; 14, с. 03; 30, с. 60-64; 31, с. 202-227; 32, с. 22-23; 33, с. 316; 34, с. 36; 35, с. 22-23; 36, с. 144-145], причем в качестве прототипов кавказских фибул указываются то “субмикенские” греческие (Х. Блинкенберг, Г. К. Ниорадзе, Б. А. Куфтин, Е. И. Крупнов, О. Д. Лордкипанидзе и др.), то итальянские (Е. Шантр, Р. Вирхов и др.) фибулы. Ряд исследователей ограничивают период бытования этих фибул на Кавказе рамками VIII—VI вв. до н. э. [23, с. 23-29; 37, с. 361; 38, с. 57; 39, с. 238-240]. Особняком в вопросе происхождения кавказских фибул стоит Б. В. Техов: “Нам кажется, - пишет он, - что кавказская дугообразная фибула

29

возникла на местной кавказской почве... Может быть, через Колхиду эта форма проникла в Грецию в конце XII—XI вв. до н. э.” [36, с. 147].

Типологически кавказские фибулы подразделяются на: 1) с гладкой или орнаментированной дужкой круглого сечения (рис. 3, 8-11); 2) с орнаментированной или гладкой дужкой круглого сечения, имеющей утолщения у перехода к пружине и приемнику (рис. 3, 19, 20) и 3) с витой дужкой (рис. 3, 29, 30). Производными от первого и второго типов являются фибулы с дужкой ромбического сечения (рис. 3, 13).

Фибулы первого типа по происхождению связаны со смычковыми фибулами с прямой спинкой, получившими распространение в Италии и Греции на заключительном этапе позднеминойского периода (ПМП), т. е. в XIII—XII вв. до н. э. (рис. 3, 1) [40, p. 182, Fig. 1, 1, 2; 41, s. 35, 36]. Наиболее ранние еще тонкопроволочные дуговидные фибулы первого типа появляются в Среди-земноморье в XI в. до н. э., фиксируясь в Италии (Протовилланова) и Сицилии (Панталича-II) в комплексах второй половины XI-X вв. до н. э. (рис. 3, 5) [42, s. 204, 208, Abb. 132, 3, 5], а в Греции с керамикой протогеометрического стиля [41, s. 42-45, Taf. 3, 54, 59]. Наиболее близки к кавказским по форме и орнаменту средиземноморские фибулы IX—VIII вв. до н. э., распространившиеся в Греции в эпоху геометрического стиля (рис. 3, 6) [41, s. 48, Taf. 5, 144], а в Сицилии и Италии характеризующие множество комплексов в могильниках Панталича-1, Тарквиния-I,

Торни-И, Есте-И, Кумы-1, Болонья-II и др. (рис. 3, 7 [42, s. 209, 228, Abb. 43, 1, 4, 10; 45, 2; 46, 1; 47, 1; 48, 1; 49, 5, 6]. Верхняя дата перечисленных комплексов ограничивается основанием в Италии и Сицилии древнегреческих городов (Сиракузы, Кумы и др.), которое произошло, согласно источникам, в 734-731 гг. до н. э. [42, s. 40, 228].

Нижняя же дата комплексов с рассматриваемыми фибулами в окрестностях, например, Кум определяется греческими сосудами с росписью геометрического стиля конца IX - начала VIII вв. до н. э. [42, s. 40, 41, Taf. 168, 1]. Поэтому дата рассматриваемых памятников в рамках 850-730 гг. до н. э. представляется наиболее обоснованной [43, p. 191; 44, с. 73-74]. На Ближнем Востоке фибулы этого типа распространяются с VIII в. до н. э. и доживают до 500 г. до н. э. (рис. 3, 10) [40, p. 185, 186, Fig. 2, 2]. Фибулы этого типа с дужкой ромбического сечения в Греции получили распространение в геометрическую эпоху (рис. 3, 12) [41, s. 48, Taf. 5, 151], но на Кавказе они известны пока лишь в комплексах конца VII—VI вв. до н. э. (рис. 3, 13) [45, с. 69; 47, с. 200-210].

Кавказские дуговидные фибулы первого типа в своем развитии переживают ряд стадий. Наиболее ранние имеют сравнительно тонкую плавно изогнутую дужку, украшенную поясками круговых нарезок и елочного орнамента (рис. 3, 8). Эти фибулы в комплексах [Тли - 23а, 37, 52, 64, 83, 115 и др.] [46, табл. 61, 64, 83, 84, 89, 95, 98, 100 и др.] сочетаются с топорами и другими изделиями, украшенными гравировкой в более или менее натуралистической манере, характеризующей раннюю стадию колхидско-кобанс-

30

кого искусства, что в сочетании с другими элементами комплексов (кинжалы с пламевидными клинками, браслеты со спиральными концами и др.) определяет их дату в рамках VIII - начала VII вв. до н. э. [23, с. 26; 48, с. 264]. Позднее эти фибулы приобретают более массивную с крутым изгибом дужку и плоский приемник, часто украшенный снаружи гравиро-ванными изображениями животных (рис. 3, 9) [комплексы Тли - 86, 98, 160, 165, 202, 228, 229, 231, 234, 249, 254, 262, 264, 285 и др.] [45, рис. 2,11; 12; 4,17; 9,4; 10,14; 11,3]. Сопровождающий инвентарь (топоры, кинжалы прямого контура, пряжки и др.), как и манера исполнения животных в S-видной схеме, характерной для позднего этапа развития колхидско-кобанского орнамента, определяют дату этих фибул в рамках VII в. до н. э. [23, с. 22-29]. В конце VII—VI вв. дужка таких фибул вновь становится тоньше и утрачивает гравированный орнамент [комплексы Тли - 68, 85, 129, 130, 139 и др.] (рис. 3,11) [45, рис. 18,1; 20,1]. Дуговидные кавказские фибулы второго типа обнаруживают связь по происхождению со смычковыми фибулами позднеминойского времени, бытовавшими в XIII—XII вв. на территории Греции (рис. 3,14) [41, s. 36, Taf. 1.6] и Италии [42, s. 23, Abb. 26,1]. Производными от них являются “триангулярные” и ассиметричные фибулы, бытовавшие в Средиземноморье в XII— XI вв. до н. э. (рис. 3,15) [40, p. 182, Fig. 1, 3, 5] и так называемый “островной” тип греческих фибул, существовавших на территории Греции до VII в. до н. э. (рис. 3,22) [41, Taf. 20,616с); 49, s. 88, Pl. CX1_П, 7, 18, 19] и отсюда распространившихся по всему Ближнему Востоку, где подобные фибулы в различных вариантах бытовали в VIII—VII вв. до н. э. (рис. 3,23) [40, p. 192, Abb. 32; 50, Taf. VIII, 161]. В Италии и Сицилии наиболее ранние дуговидные фибулы рассматриваемого типа появляются на стадии Панталича-И (вторая половина XI-X вв. до н. э.) (рис. 3,16) [42, s. 228, Abb. 32; 51, s. 69, 70, Taf. 14, 143] и бытуют здесь до IX—VIII вв. до н. э. [42, s. 204, Abb. 33,3; Taf. 85d, II]. Из европейских фибул к кавказским наиболее близки балканские фибулы IX—VIII вв. до н. э. (рис. 3,17) [52, с. 213, св. 2,4]. Но наибольшее сходство с кавказскими проявляют фибулы, известные по ряду урартских комплексов конца VIII—VII вв. до н. э. (рис. 3,18) [53, с. 243, табл. XXIV, 1, 2; 54, p. III, Fig. 23,7]. Фибулы этого типа с дужкой ромбического сечения получают распространение в Греции в протогеометрическую эпоху (рис. 3, 24) [41, s. 52, Taf. 7, 219], но в кавказских комплексах

они встречаются покалещи в конце VII—VI вв. до н. э. [45, рис. 14,10].

Фибулы второго типа бытовали на Кавказе, по-видимому, одновременно с массивными фибулами первого типа, т. е. в конце VII—VI вв. до н. э. [47, с. 202-209]. В конце VII—VI вв. дужка этих фибул становится тонкой и утрачивает орнаментацию (рис. 3,20) [45, рис. 5,8; 13,9]. В Северо-Западной Колхиде найдено несколько фибул этого типа, украшенных гроздьями стерженьков с утолщениями на концах (рис. 19, 29) [55, табл. XXXVII, 41]. Аналогичное оформление имели греческие культовые подвески конца

31

VIII—VII вв. до н. э. (рис. 19,9, 10) [56, Fig 22-24] и фибулы, распространившиеся в Италии после основания там греческих городов (с конца VIII в. до н. э. [42, s. 28, Taf. 8, 16, 19]. В Кобанском могильнике найдены фибулы, украшенные тремя скульптурными головками козла (4, рис. 53). Среди итальянских фибул VII в. известны экземпляры, украшенные тремя фигурками птиц [42, s. 99, Taf. 101B, 1].

Фибулы третьего типа по происхождению связаны с застежками поздне-минойского времени, широко бытовавшими в Италии и Греции в XIII—XII вв. до н. э. (рис. 3, 25, 2С) [41, s. 36, Taf. 1,4, 5; 42, s. 128, 227, Abb. 21,7; 26, 14, 15]. Наиболее ранние дуговидные фибулы в Греции появились в субмикенское время (рис. 3,27) [41, s. 51, Taf. 7,200] и существовали здесь до ранне-архаического времени (рис. 3,28) [41, s. 51, Taf. 6,195a]. На территории Италии такие фибулы фиксируются в памятниках XI—VIII вв. до н. э. [32, s. 268, 269, Abb 72-77, 92], а в Югославии близкие к кавказским формы представлены в комплексах 800-750 гг. до н. э. [57, p. 104, Fig. 60].

В VIII в. до н. э. через Грецию они проникают в Малую Азию (рис. 3,31) [50, s. 50, Abb. 29д]. В памятниках колхидско-кобанского круга они бытуют одновременно с двумя другими типами. Они были достаточно популярны и в Восточном Закавказье, где характеризуют комплексы типа Самтавро-591 (Байэрна), датируемые одними исследователями в рамках VIII—VII вв. до н.э. [58, с. 62, табл. 5], другими - в рамках XI-X вв. до н. э. [34, с. 136]. Однако последняя дата, основанная на неверном мнении, что “подобные фибулы в Греции... встречаются только в XI-X вв. до н. э” [34, с. 136], не подтверждается другими элементами комплекса. Бронзовые мечи, орнаментация пояса, рубчатые браслеты, восточно-закавказская секира объединяют погребение 591 с материалами мастерской из Двина, разрушение которой убедительно связывается с одним из набегов урартов во второй половине VIII в. до н. э. [58, с. 88, 107].

В Северном Причерноморье известно менее десятка фибул рассматриваемого времени, большинство которых относится к заключительной стадии белозерского этапа, определяемого 1150-900 гг. до н. э. [60, с. 208] или, что представляется более обоснованным, 1050-750 гг. до н. э. [44, с. 73-74; 61, с. 85-87]. В этом соотношении особенно показателен пример смычковых “триангулярных” фибул, подобные которым в Болгарии встречены в одних комплексах с фибулами VII—VI вв. до н. э. [62, с. 62]. Из северопричерноморских фибул к ранним кавказским близка асимметричная фибула из Степного [63, с. 202-203, рис. 7], которая, как и отнесенная к кругу “киммерийских” памятников фибула с дужкой ромбического сечения, указывает на один из возможных путей проникновения фибул на Кавказ. С кавказскими типологически не связана древнейшая из известных на Северном Кавказе проволоочная прогнутая фибула (рис. 3,4), восходящая к сицилийским фибулам XII—X вв. до н. э. (рис. 3,3).

Итак, все сказанное позволяет утверждать, что в генезисе кавказских

32

дуговидных фибул основную роль сыграли европейские, в первую очередь греческие и итальянские фибулы, образовавшие на Кавказе свой локальный северо-восточный вариант

[39, p. 239, 240]. Явная связь кавказских фибул с кругом средиземноморских памятников IX—VIII вв. до н. э. определяет дату их проникновения на Кавказ скорее всего в рамках VIII в. до н. э. Эта дата соответствует времени расцвета колхидско-кобанской культурной общности, устанавливаемой в рамках VIII—VII вв. до н. э. [23, с. 22-29; 47, с. 216-217]. Если фибулы первого типа на Кавказ могли проникнуть как через Северное, так и через Южное Причерноморье, то в отношении второго типа пока документируется путь только через Малую Азию и Урарту. Не исключено, что прототипы кавказских дуговидных фибул были занесены в Колхиду греческими мореплавателями, регулярные плавания которых через Дарданеллы стали возможны и документируются с достаточным основанием именно с VIII в. до н. э. [64, p. 1-10; 65, с. 41-44].

1.1.3. Фактически ни один из ныне известных памятников колхидско-кобанской общности не дал такого обилия выразительных и хорошо документированных комплексов, как могильник в Тли. Не случайно материалы из этого могильника легли в основу большого числа публикаций [66, с. 226] и, наконец, докторской диссертации [67] Б. В. Техова, которому принадлежит и наиболее развернутая хронологическая схема древностей Центрального Кавказа рассматриваемой эпохи [21, рис. 1-2]. В развитии местной материальной культуры поздней бронзы - раннего железа Б. В. Техов выделил пять этапов: 1) XIV - перв. полов. XII вв. до н. э., - формирование исходных форм и прототипов колхидско-кобанских бронзовых изделий; 2) втор, полов. XII-X вв. до н. э. - классический период, когда возникли и распространились самые характерные бронзовые изделия колхидско-кобанской культуры; 3) конец X-IX вв. до н. э. - появление железа, формы и ассортимент бронзовых изделий не изменяются; 4) VIII - перв. полов. VII вв. до н. э. - роль железа усиливается, однако формы и ассортимент бронзовых изделий изменяются мало; 5) втор, полов. VII -VI вв. - широкое освоение железа, вытесняющего постепенно бронзу в вооружении и других изделиях. Согласно этой схеме материальная культура Тли, зародившись внезапно во всех своих классических формах вне видимой связи с более ранними памятниками где-то в середине XII в. до н. э., находилась затем на протяжении 500-600 лет в полном застое до того момента, когда в ее среду начали проникать изделия скифского облика. Выход из этого несоответствия - в пересмотре хронологической схемы Б. В. Техова в сторону значительного омоложения большинства комплексов, необходимость которого обусловлена следующими обстоятельствами. Прежде всего рассмотрим погребальные комплексы Тли - 68, 90, 103, 129, 139, 164, 205, 216 и 246, отнесенные Б. В. Теховым ко второй половине VII—VI вв. до н. э. [21, рис. 2, 268-326]. Железные топоры из этих погребений (п. 139, 205, 216), имеющие характерный вытянутый контур, в Закавказье,

33

возможно, появляются еще в конце VII в. до н. э., однако широко распространяются лишь в VI в. до н. э. [68, с. 183-184], на Северном Кавказе встречаются в комплексах и первой, и второй половины VI в. до н. э. [69, рис. 13,2; 22,7; 32,3], в Абхазии датируются временем не ранее конца VII - первой половины VI в. до н. э. [70, с. 221]. Длинные железные акинаки с бабочковидным перекрестием, коротким брусковидным навершием и двумя бороздами на стержне рукояти (п. 68, 205, 216) входят в группу ранних скифских кинжалов (Келермесский и Мельгуновский курганы и др.), датируемых концом VII - началом VI вв. [71, с. 248-249; 72, с. 52; 73, с. 25-26; 74, с. 235; 75, с. 27]. В ту же хронологическую группу включены акинак с коротким треугольным клинком (п. 129) и акинак с антенным навершием (п. 139), аналогии которому датируются периодом не ранее VI - первой половины V вв. до н. э. [76, с. 55]. Очень важны в хронологическом отношении костяные и бронзовые наконечники ножен этих кинжалов в виде свернувшихся хищников, по степени своей стилизации занимающие заключительное

положение в ряду подобных скифских наконечников второй половины VII - первой половины VI вв. до н. э. (Темир-гора, Зевийе, Келермес, Дарьевка и др.) [77, с. 72-75; 78, с. 83; 79, с. 153-163]. Особенно близок к тлийским экземплярам наконечник ножен акинака из кургана у хутора Степного (Северный Кавказ), датируемый VI в. до н. э. [80, рис. 5,4]. В одном из рассматриваемых комплексов найден бронзовый наконечник стрелы, ближайšie аналогии которому находим в скифских наборах конца VII - первой половины VI вв. до н. э. [81, с. 14-22]. К тому же кругу памятников относятся бронзовые удила со стремячковидными концами и костяные трехдырчатые псалии (п. 68), датируемые временем не ранее самого конца VII - первой половины VI вв. до н. э. [82, с. 107]. В. А. Ильинская считает, правда, костяные псалии из комплекса Тли-68 "древнейшими" в ряду таких изделий на основе присутствия в этом комплексе "кавказских бронз не моложе второй половины VII в. до н. э.". Однако при этом не учитывается более поздний характер акинака, изогнутой пряжки и ситулы с витой ручкой, которые наряду с конским набором не противоречат дате всего комплекса в рамках VI в. до н. э. В Тлийских комплексах представлены изогнутые бронзовые пряжки (п. 68, 139), которые на смежных территориях датируются в рамках конца VII—VI вв. до н. э. [83, с. 107, табл. XI, 44; 84, с. 51], пряжки в виде двухголовой змеи (п. 103), известные по комплексам конца VI в. до н. э. [85, с. 201], витые гривны с расплюснутыми орнаментированными концами (п. 90, 216, 298), датируемые на смежных территориях VI-V вв. [86, с. 27, рис. 1,34], височные подвески в полтора оборота с возвратом (п. 129), характерные для комплексов VI в. до н. э. [87, табл. V, 38], местные подражания позднеурартским чашам с лепестковым орнаментом (п. 130) и омфалом (п. 298), получившим распространение на Кавказе в VI-V вв. до н. э. [88, с. 36-37; 89, с. 42-43] и т.д. Таким образом устанавливается, что вся рассмотренная группа погребений в целом не может датироваться временем ранее конца VII - пер-

34

вой половины VI вв. до н. э. В этом отношении поправка к схеме Б. В. Техова (вместо "вторая половина VII—VI вв." лишь "конец VII—VI вв. до н. э.") представляется весьма существенной.

Следовательно, во всяком случае, в конце VII - первой половине VI вв. на Центральном Кавказе еще достаточно широко бытовали характерные образцы колхидско-кобанской бронзы - два типа топоров (с изображением животных в крайней стилизации) (р. 68, 129), фибулы с декоративными утолщениями у основания дужки (п. 205, 216), миски (п. 126, 216), кружки с зооморфными ручками (п. 139), ситулы с витой ручкой (п. 68, 205), широкие пояса (п. 68, 216), орнаментированные пинцеты (п. 216), изогнутые и пря- v=5 'Обанские' пряжки (п. 205, 216, 264), ромбовидные бляшки (п. 129), "накосники" (п. 68), булавки с овальной шляпкой (п. 68) и т. д.

Теперь перейдем к рассмотрению погребальных комплексов Тли - 40, 49, 85, 121, 124, 127 и 188, отнесенных Б. В. Теховым к VIII - первой полови- -е VII вв. до н. э. [21, рис. 2, 220-267]. В составе комплекса Тли-85 присутствует биметаллический акинак. Основанием для столь глубокой даты всего комплекса послужил именно этот признак кинжала - сочетание бронзовой рукояти и железного клинка. Однако при этом Б. В. Техов упускает из виду, что рассматриваемый акинак по своему типу входит в круг раннескифских кинжалов VI в. до н. э., среди которых еще очень часты биметаллические и даже полностью бронзовые экземпляры [14, с. 203; 76, с. 11, рис. 1 4 59, с. 121; 80, с. 29; 91, с. 21]. Таким образом комплекс Тли-85 датируется временем не ранее конца VII - первой половины VI вв. до н. э. [92, с. 10]. Такой дате этого комплекса не противоречат и некоторые другие его компоненты - витая тонкопроволочная гривна, ромбические бляшки, ситула с витой ручкой и пластинчатый пояс, находящие полное соответствие в материалах вышерассмотренной группы конца VII—VI вв. до н. э. Вместе с тем благодаря этому акинаку в круг наиболее поздних колхидско-кобанских форм вводятся бронзовый

топор второго типа с меандровидным орнаментом и высокая пряжка, покрытая геометрическим орнаментом [21, табл. 2,232- 245]. Исключительная близость (буквально “из рук одного мастера”) топора и пряжки из этого погребения к комплексу Тли-40 включает и последнее погребение в круг памятников раннескифского времени. В этом комплексе найден бронзовый урартский пояс, датированный первоначально Б. В. Теховым концом VIII - началом VII вв. до н. э. [93, с. 139]. Однако изображения животных на поясе, как и его форма, обнаруживают большую близость с позднеурартскими поясами (Заким, Ани-пемза), которые хронологически непосредственно примыкают к эпохе Келермесского кургана [71, с. 249] и, следовательно, датируются скорее всего в рамках второй половины VII - начала VI вв. до н. э. В последнее время и Б. В. Техов начал склоняться к мысли о более поздней дате тлийских погребений с урартскими поясами, поскольку включил эти пояса в число изделий, которые, по его мнению, “являются трофейными и были доставлены в указанные районы людьми, уча-

35

ствовавшими вместе со скифами в разгроме урартского государства в VI в. до н. э.” [94, с. 56]. В комплексах 49, 121 и 127 присутствуют бронзовые топоры второго типа с сильно стилизованным изображением “собаки”, полностью повторяющие изображение на топоре из погр. Тли-129, датированным по скифским наконечнику стрелы и акинаку временем не ранее конца VII - первой половины VI вв. до н. э. Столь поздней дате не противоречат и другие компоненты этих комплексов - в погр. Тли-127 найден железный нож, в погр. Тли-121 - железный акинак, бронзовый кинжал редкой формы, “кобанская” изогнутая пряжка и глиняный сосуд с ластовидной ручкой, в погр. Тли-49 - железный, вероятно позднеурартский, кинжал, дуговидная фибула, изогнутая пряжка с меандровым орнаментом, бронзовый сосуд с двумя ручками и орнаментом из ряда ромбиков [21, рис. 2, 220-226, 246-251]. В погр. Тли-124 найдены глиняный сосуд с ластовидной ручкой и височные подвески того же типа, что и в комплексе Тли-129, т. е. вещи раннескифского времени. В комплексе Тли-188 имеется бронзовый топор первого типа, весьма по оформлению обуха близкий к топору из комплекса Тли-68 конца VII—VI вв. до н. э. [21, рис. 2,228-230, 252-256]. Все сказанное позволяет сделать вывод, что наиболее вероятной датой рассмотренной группы погребений из Тли является период, тесно смыкающийся с раннескифским временем, т. е. не ранее второй половины VII в. или, скорее, около рубежа VII—VI вв. до н. э.

Особое значение для определения даты наивысшего расцвета колхидско-кобанской бронзы имеет погребение Тли-76, в котором вместе с двумя богато орнаментированными (олени, рыбы, меандр, елочка и др.) топорами второго типа найдены бронзовая кружка с зооморфной ручкой, две фибулы с утолщенной (“пьявковидной”) и равномерной толщины дужками, орнаментированными елочной насечкой, высокая “кобанская” пряжка и широкий бронзовый пояс, покрытый различными изображениями, среди которых оказались фигуры пешего и конного воинов-скифов со сложносоставными (“сигмавидными”) луками в руках. [95, с. 45]. Наиболее ранние сведения о проникновении скифов в Закавказье относятся к 70-м годам VII в. до н. э. [69, с. 12, 13]. Поэтому дата этого пояса, а вместе с ним и всего комплекса должна определяться серединой - третьей четвертью VII в. до н. э. [96, с. 98, рис. 8].

Несколько сложнее датировать те комплексы Тлийского могильника, в составе которых отсутствуют хорошо датируемые инородные (скифские, урартские) изделия. Однако было бы неверно только на этом основании датировать остальные погребения Тли более ранним временем. Выше был достаточно четко очерчен круг колхидско-кобанских форм середины VII - начала VI вв., в котором оказались включенными почти все элементы, характеризующие рассматриваемую общность. Б. В. Техов не обратил внимания на это обстоятельство и руководствуясь отсутствием во многих комплексах Тли скифских и

числом железных предметов, выделил в Тлийских материалах еще три хронологических горизонта, охвативших XIV—IX вв. до н. э. В горизонте конца X—IX вв. до н. э. он включил комплексы Тли-30, 97, 109, 114, 131, 141, 165, 233, 248 и др. [97]. Однако основные компоненты комплекса 30 (бронзовый топор второго типа с меандровидным орнаментом, широкий железный кинжал, бронзовая миска и фибула), весьма близкие к соответствующим изделиям из погребения Тли-40 с урартским поясом, заставляют и этот комплекс датировать в рамках VII в. до н. э. В погребениях Тли-114, 141 и 233 найдены сердоликовые бусы, распространявшиеся по Кавказу через Урарту [71, с. 188-189]. Топор из погр. Тли-165 украшен изображением “собаки” с элементами стилизации, характерной для топоров второй половины VII - начала VI вв. до н. э. [23, с. 22]. Отдельные черты той же стилизации присутствуют и на тополе из погр. Тли-30, 114, 233 и фибулы из погребений Тли-49 и 85, датированных раннескифским временем. Аналогична и ситуация с бронзовыми мисками из комплексов Тли-30, 87, 114 [21, рис. 2, с. 181, 196, 200]. Очень важен комплекс Тли-248, в котором, помимо бронзовой фибулы с изображением животного в крайней степени стилизации, бронзового топора второго типа, бронзовой кружки, высокой бронзовой пряжки и железного кинжала, обнаружена плоская ажурная бляшка, подобные которой представлены в комплексах с позднеурартскими железными мечами в могильнике Ркинис-Кало [98, табл. XLVI], Таким образом в рассмотренной группе погребений отсутствуют достоверные факты, указывающие на дату “конец X—IX вв. до н. э.”, зато достаточно признаков, указывающих на близость этих комплексов к раннескифской эпохе.

Аналогична ситуация и с рядом погребений [Тли-25, 51, 52, 101, 105, 115, 146а, 190], отнесенных Б. В. Теховым ко второй половине XII—X вв. до н. э. [21, рис. 1, 96-167]. В комплексе Тли-51 оказался бронзовый топор первого типа, украшенный изображением “собаки” в той степени стилизации, которая присуща была изделиям из комплексов конца VII - первой половины VI вв. до н. э. [21, рис. 1, 162; 2, 220, 222, 247]. Топор из комплекса Тли-101 полностью совпадает по форме и стилю изображений с топором из погр. Тли-87, датированного предскифским временем в рамках VII в. до н. э. В комплексах Тли-51, 146а и 190 присутствуют фибулы с утолщенной орнаментированной дужкой, которые совершенно не отличаются от фибул, бытовавших в VII в. до н. э. [Тли-30, 85, 165 и др.]. В погр. Тли-25 имеется два бронзовых браслета со спиральными концами, которые были широко распространены в комплексах VII в. до н. э. [69, рис. 16, 14; 23, с. 25]. Концом X в. датирует Б. В. Техов комплекс 16а [46, с. 15, табл. 34], в составе которого бронзовые топоры второго и третьего типов, украшенные меандром, изображениями рыб и другими характерными элементами классической колхидско-кобанской бронзы, высокая пряжка с меандровидным орнаментом, фибула с елочной насечкой, кружка с каннелированными стенками, кинжал. Однако в составе этого комплекса присутствует плоская прорезная

семилучевая бляшка (рис. 1, 72), аналогичная бляшкам из погр. Тли-248 и погр. Ркинис-Кало-27 (рис. 4, 39), где она найдена с позднеурартским железным мечом [98, табл. XLVI]. Присутствующие в ряде комплексов этого этапа бронзовые кинжалы с пламевидным клинком (погр. Тли-25, 52, 101 и 115) на территории Абхазии датируются периодом не ранее VIII в. до н. э. [99, с. 270-272]. Имеющиеся в этих комплексах орнаментированные пинцеты, тонкопроволочные фибулы с простейшей орнаментацией, прямоугольные пряжки, ромбовидные бляшки и подвески в виде фигурок животных также не могут свидетельствовать о слишком глубокой дате рассматриваемой группы комплексов, тесно

примыкающей к материалам VII в. до н. э. Поэтому комплексы с пламевидными кинжалами пока наиболее логично, по мнению автора, датировать в рамках середины VIII - начала VII вв. до н. э.

Наконец, к XIV - первой половине XII вв. до н. э. Б. В. Техов отнес несколько погребений, инвентарь которых изобилует различными булавками, в то время как основные колхидско-кобанские формы не представлены [Тли - 43, 56, 73, 203, 204, 207]. Однако наиболее типичные для этих комплексов булавки с пятишишечными головками бытовали на Центральном Кавказе и в середине I тыс. до н. э. [83, табл. XI, 30,31]. Булавки с овальными шляпками, как и “накосники” известны в самом Тли по комплексам конца VII - начала VI вв. до н. э. (погр. Тли-68) [45, рис. 2,7]. Пряжки-крюки с двумя спиралями, в большом числе присутствующие в рассматриваемых погребениях, не менее широко представлены на территории Абхазии, где датируются VIII—VII вв. до н. э. [100, с. 193]. Таким образом у нас пока нет достаточно четких критериев для датирования рассматриваемой группы погребений третьей четвертью II тыс. до н. э., как это делает Б. В. Техов - эти комплексы в чем-то, возможно, предшествуют эпохе расцвета колхидско-кобанской общности, но в то же время в основных своих чертах настолько тесно с нею связаны, что и их дата не должна выходить за пределы I тыс. до н. э. С учетом сказанного мною составлена корреляционная таблица комплексов могильника Тли (рис. 1-2), позволившая выделить в его материалах четыре тесно связанных друг с другом этапа. Первые два этапа (связь через 20 элементов) охватывают более половины всего ассортимента изделий, характеризующих могильник. Этапы выделены по присутствию в комплексах раннескифских и позднеурартских элементов, датирующих оба этапа суммарно в рамках конца VII—VI вв. до н. э. Третий этап, главной особенностью которого являются бронзовые кинжалы с прямым лезвием, связан с первыми двумя через 26 элементов. В относящемся к этому этапу погр.224 найден бронзовый пояс, представляющий собой по основным своим показателям (трехчленное деление, распределение фигур, отделка хвостов у коней, ряды отверстий по краям и др.) местное подражание позднеурартским поясам (типа п. 40). Наиболее архаичными смотрятся комплексы с кинжалами, клинок которых имеет пламевидную форму, образующие четвертый этап, который тесно, однако, связан с первым (через 10 элементов), вторым (че-

38

рез 8 элементов) и третьим (через 14 элементов). Особенно показательны сочетания (два случая) в одном комплексе кинжалов с прямым и пламевидным клинками, указывающие на их сосуществование в определенный момент. Эволюционная схема Тлийского могильника, кроме того, показала, что железные изделия распространяются, постепенно вытесняя бронзовые, на двух его заключительных этапах, в то время как два начальных этапа характеризуются полным господством бронзы, среди которой железо попадает крайне редко. Таким образом корреляция комплексов Тлийского могильника с одной стороны не подтвердив особой длительности его функционирования, с другой стороны дает достаточно оснований для датировки расцвета колхидско-кобанской бронзы в рамках VIII - начала VI вв. до н. э.

1.1.4. Хронологии северокавказских памятников колхидско-кобанского круга посвящена значительная литература (А. А. Иессен, Е. И. Крупнов, В. И. Козенкова, В. Б. Виноградов и др.) Е. И. Крупнов неоднократно возвращался к проблеме хронологии кобанской культуры. Первое время он полагал, что основная масса кобанской бронзы датируется скифским временем (VII—VI вв. до н. э.), а ранние типы этой культуры отнес к рубежу II-I тыс. до н. э. [1, с. 158]. Спустя пятнадцать лет Е. И. Крупнов датировал подлинный расцвет настоящей кобанской культуры в ее самых выразительных формах”, временем “начиная с рубежа II-I тысячелетий до н. э., вернее с XI в до VIII в. до н. э. включительно” [14, с. 103], причем доказательству этого тезиса в объемистом труде Е. И. Крупнова

уделено пять страниц, из которых две - история вопроса, а остальные - в основном рассмотрение таких “хронологических эталонов”, как материалы “скифского типа” [14, с. 105-109], которые, понятно, не имеют необходимого значения для датировки памятников XI—VIII вв. до н. э. Это обстоятельство в немалой степени, по-видимому, сказалось на генеральной схеме развития материальной культуры Центрального Кавказа в XI—IV вв. до н. э., где выделено всего два этапа (XI—VIII и VII—IV вв. до н. э.) без существенных попыток хронологического членения материала внутри этапов [14, вклейка на стр. 136-137]. Видимо, осознавая этот недостаток, Е. И. Крупнов вскоре предпринимает новую попытку уточнения хронологии тех же памятников, вылившуюся в разработку новой схемы, где вещи распределены по векам от конца XII до начала IV вв. до н. э. [101, Fig. 3], причем к XI в. до н. э. Е. И. Крупнов отнес без какого-либо обоснования такие характерные колхидско-кобанские изделия как орнаментированные топоры первого и третьего типа, высокие пряжки с инкрустацией, браслеты со спиральными концами, орнаментированные дуговидные фибулы [101, Fig. 3]. Согласно той же схеме основные формы колхидско-кобанской бронзы завершают свое бытование к середине VIII вв. до н. э., в то время, как скифские элементы распространяются уже в первой половине VII в. до н. э. [101, Fig.3], Еще раз к той же проблеме Е. И. Крупнов вернулся в 1969 году. Справедливо отметив, что “подавляющее большинство... могильных инвентарей” Тлийского могильника состоит “из типич-

39

ных, иногда даже для раннего Кобана ведущих форм (бронзовые орнаментированные топоры, разнообразные кинжалы, великолепные богато орнаментированные широкие пояса и многочисленные украшения из бронзы), сопровождаются довольно частыми находками железного и бронзового оружия уже скифского типа (VII—VI вв. до н. э.)” [102, с. 15], исследователь затем излагает содержание своей предыдущей работы, датируя период возникновения ведущих форм Кобана “XI-X вв. до н. э., возможно, с XII в.”, период расцвета этой культуры - “с IX до середины VII в.” и, наконец, третий, заключительный период - “со второй половины VII в. до н. э. ... до IV в. до н. э.” [102, с. 16]. “При разработке этой периодизации, - писал Е. И. Крупнов, - мы руководствовались не только общим процессом внедрения железа на широкой территории Восточной Европы и даже Малой и Передней Азии, но и более уточненными датировками таких культур, как гальштатская культура Западной Европы, культура Центрального Закавказья доурартского периода, луристанская культура Передней Азии и др.” [102, с. 16]. Затем Е. И. Крупнов приводит результаты радиоуглеродных анализов древнего угля из культурного слоя Сержень-Юртовского поселения, давшие “точные даты с X до VII в. до н. э. включительно” [102, с. 16]. Эти анализы, по мнению Е. И. Крупнова, стали “решающим моментом” в укреплении его тезиса об ранней датировке Кобана [102, с. 18]. В последнее время большая работа по уточнению хронологии северо-кавказских вариантов колхидско-кобанской общности была проделана В. И. Козенковой и В. Б. Виноградовым. В. И. Козенкова в своих построениях в основном опирается на материалы Серженьюртовского могильника [22, с. 70-95]. В раннюю группу (X- середина VIII вв. до н. э.) В. И. Козенкова включила комплексы с бронзовыми орнаментированными топорами второго и третьего типа, кинжалы, наконечники копий, удила и псалии, тесла, долота, ребристые браслеты и др. Вторая, поздняя группа (вторая половина VIII - начало VII вв. до н. э.) выделена за счет присутствия здесь большего числа железных предметов, биметаллических кинжалов и некоторых других черт. Верхнюю дату погребений с конями, в которых сосредоточены основные, определяющие ранний Сержень-Юрт материалы, В. И. Козенкова определила “временем не ранее середины VIII в. до н. э.” [22, с. 80], тут же оговорив возможность их датировки в рамках конца IX - середины VIII вв. до н. э., а в целом начало функционирования могильника отнесла к X в. до н. э.,

руководствуясь схемой Е. И. Крупнова. При этом основная опора делается на европейские параллели [22, с. 75-83; 203, с. 52-73; 104, с. 92-101], закавказские же материалы привлекаются по хронологической шкале Р. Абрамишвили - Д. Л. Коридзе, причем весьма ограниченно [22, с. 80-81]. Отметим некоторые, на наш взгляд спорные моменты в построениях В. И. Козенковой. Так, например, исследовательница утверждает, что бронзовые топоры с изогнутым корпусом “бытуют не позднее IX в. до н. э.”, что топоры с прямым корпусом “еще находят в погребениях VIII - начала VII вв. до

40

н. э.”, в то время как нижняя дата тех и других якобы уходит в рубеж II-I тыс. до н. э. [22, с. 80]. Однако, как выше отмечалось, в Тли украшенные декором топоры второго типа довольно часто сочетались с раннескифскими изделиями конца VII - первой половины VI вв. до н. э., а, например, погребения из Гудауты и Самтавро с изогнутыми топорами единогласно датируются исследователями VIII—VII вв. до н. э. [34, табл. 1,79; 68, с. 181; 100, с. 193]. Отмечая в выделенных ею ранней и поздней группах могил Сержень-Юрта общность погребального обряда и “во многом” одинаковый инвентарь, В. И. Козенкова объясняет это не хронологической близостью групп, что было бы естественно, а близостью в этносе захороненных, хотя этническое содержание многих изделий, учитывая их ареал, вряд ли столь определено [22, с. 73]. Не учитываются и урартские параллели ряда изделий, присутствующих в ранних комплексах Северного Кавказа (браслеты из погребений Сержень-Юрт-45 и 53, пинцеты и др.). Не убедительно и выделение хронологических этапов по количеству железных изделий в комплексах - обращает на себя внимание чрезвычайная близость браслетов и некоторых других элементов, указывающих на тесную хронологическую связь обеих групп в рамках примерно столетия, несомненна и связь серженьюртовских ребристых браслетов с близкими по форме браслетами из Абхазии, где они датируются VIII—VII вв. до н. э. [100, с. 162]. На дату в рамках VIII - середины VII вв. до н. э. могут указывать и другие элементы ранних серженьюртовских комплексов (кинжалы, колесиковидные подвески и др.). Показательно, что в одной из своих последних работ и В. И. Козенкова “период расцвета кобанской культуры” сочла возможным датировать временем вблизи рубежа VIII—VII вв. до н. э. [105, с. 176].

Несколько другой позиции придерживается В. Б. Виноградов. Разделяя в целом хронологические воззрения Е. И. Крупнова, он в своих многочисленных публикациях кобанских комплексов следует “узкой” хронологии (IX-VII или чаще VIII-VII вв. до н. э.) [69, рис. 9-11; 105, с. 203; 107, с. 277-279; 108, с. 167-168; 109, с. 178]. Здесь же необходимо подчеркнуть также важность исследований Н. В. Анфимова в Прикубанье [110; 111, с. 170-177], где выявлены во многом перекликающиеся с колхидско-кобанскими материалы VIII—VII вв. до н. э.

Говоря о хронологических разработках северокавказских исследователей, невозможно обойти последние публикации В. Г. Котовича [112, с. 17-23; 113, с. 38-54]. Справедливо указав на необходимость учета при решении проблемы хронологии северокавказских памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа закавказских материалов, В. Г. Котович, к сожалению, без всякой проверки принял хронологию Тли, Самтавро и других могильников, разработанную грузинскими исследователями. Это привело к резкой перестройке северокавказских хронологических схем, выработанных А. А. Иессеном, Е. И. Крупновым, В. И. Козенковой и др., в сторону удревнения многих комплексов колхидско-кобанского круга до XV в. до н. э. О том, на-

41

сколько достоверна периодизация Б. В. Техова в отношении Тлийского могильника, было

сказано выше. Теперь необходимо разобрать стоящую за нею хронологическую схему Самтавро и связанных с ним памятников Восточного Закавказья.

1.1.5. Видную роль в эволюции представлений о хронологии кавказских памятников эпохи раннего железа сыграли материалы из Самтаврского могильника [34, с. 115-140; 114; 115, с. 291-382, табл. I-XX). Можно с уверенностью сказать, что практически ни одно солидное исследование, посвященное рассматриваемой проблеме, не избежало воздействия хронологической схемы, выработанной на основе этих материалов [53, с. 85, 102, 110; 112, с. 18, 21; 116, с. 157; 117, с. 135-136; 118, с. 24, 28, 142].

Второй половиной VII—VI вв. до н. э. Р. М. Абрамишвили датировал в основном те комплексы из Самтавро, в которых содержались изделия скифского облика - наконечники стрел, акинаки, костяные псалии, топоры-молотки [34, табл. 1, 1-73]. При этом к VII в. Р. М. Абрамишвили отнес фактически лишь два комплекса [104 и 194], в которых найдены "двухлопастные лавролистные наконечники с шипом на втулке", которые исследователь связал с кругом памятников Новочеркасского клада и, особенно, Малой Цимбалки [34, с. 127-128]. Однако по своей форме эти наконечники относятся к раннескифским древностям, датируемым временем не ранее конца VII - первой половины VI вв. до н. э. [81, рис. 4, 4с, г]. Помимо того в комплексе 104 найдена керамическая фляга [115, табл. XIX, I), подобные которой в Закавказье бытовали в VI-I вв. до н. э. [119, с. 48, 49]. Выше в отношении аналогичных изделий Тлийского могильника (акинаки, топоры и др.) была приведена соответствующая аргументация, исключающая возможность датировки тлийских материалов скифского облика временем ранее самого конца VII—VI вв. до н. э. Самтаврский комплекс скифских изделий, несомненно, синхронен Тлийскому [92, с. 9, 15] и, следовательно, на его основе вторая половина VII в. до н. э. характеризоваться не может. Вывод этот для нас особенно важен и потому, что в составе этой хронологической группы находится один бронзовый топор (п. 195) [34, с. 126-127] и изогнутая кол-хидско-кобанская орнаментированная пряжка, найденная в сочетании со скифскими стрелами конца VII - начала VI вв. до н. э. и позднеурартским железным мечом (п. 293) [115, табл. XVIII, I].

Вместе с тем вряд ли возможно, чтобы во всех самтаврских погребениях конца VII - начала VI вв. до н. э. присутствовали изделия скифского облика. Надо полагать, что часть погребений того же времени была лишена этого признака. И действительно в материалах Самтавро присутствует ряд комплексов, которые с полным основанием могут быть также отнесены к раннескифскому времени. Речь идет о комплексах с урартскими мечами, которые Р. М. Абрамишвили датировал VIII - первой половиной VII вв. до н. э. [34, табл. 1, 74-117]. М. Н. Погребова, специально изучавшая урартские мечи в Закавказье, полагает, что урартские мечи в Самтавро появляются "в

42

основном раньше распространения скифского оружия, хотя впоследствии и сосуществуют с ним...инвентарь погребений с урартскими мечами и скифским оружием очень близок друг к другу...это дает основание датировать урартские мечи Самтаврского могильника, начиная с VIII в. до н. э., скорее со второй его половины, и до VII -VI вв. до н. э." [120, с. 141-142]. Однако в работе М. Н. Погребовой отсутствуют данные о чертах VIII - первой половины VII вв. до н. э. на урартских изделиях Самтавро, а их столь ранняя дата основана на присутствии в комплексах с урартскими мечами бронзовых колхидско-кобанских топоров и в соответствии со схемой Р. М. Абрамишвили. Длинные же мечи Самтавро ближе всего стоят к мечам из Кармир-Блура, датируемым временем не ранее конца VII - VI вв. до н. э. [120, с. 140, рис. 1, 5, 6, 9, 17; 121, с. 37, рис. 18; 122, илл. 51-53], из Мусиери (самый конец VII - начало VI вв. до н. э. [120, с. 141, рис. 1, 3, 4] и из Мингечаура (VI -V вв. до н. э.) [120, с. 141, рис. 1, 10]. Урартские кинжалы Самтавро

рассматриваются как местное “упрощение урартских форм” [120, с. 144], т. е. должны датироваться тем же временем. Р. М. Абрамишвили, доводя нижнюю хронологическую границу комплексов с урартскими мечами и кинжалами до начала VIII в. до н. э., опирается и на бронзовые наконечники стрел с длинными черешками, которые якобы идентичны раннеурартским наконечникам с именами Аргишти и Сардури II [34, с. 134]. Однако в действительности самтавские наконечники относятся к иному типу (ср. 34, табл. 1, 105-110 и 122, илл. 54, 55). Наконец, Р. М. Абрамишвили для доказательства своего тезиса о том, что комплексы со скифским инвентарем относятся к более позднему времени, чем комплексы с урартскими изделиями, называет стратиграфические данные [34, с. 133]. Однако ни один из приведенных исследователем примеров (п. 29 и 30, 236 и 237, 248 и 249, 300 и 301, 212 и 216) не содержит необходимых для такого вывода материалов, нигде комплексы скифского времени не перекрывают комплексы с урартскими изделиями [34, табл. II].

Вместе с тем обе рассматриваемые группы самтавских погребений объединяются целой серией таких важных признаков как зафиксированные факты совместного нахождения в комплексах скифского и урартского вооружения (п. 293), присутствие в обеих группах однотипных изогнутых ножей урартского типа, которые на территориях, смежных с Урарту, распространяются с конца VII в. до н. э. [121, с. 37], присутствие в комплексах со скифскими изделиями позднеурартского типа браслетов с зооморфными головками [16, табл. V, 10], присутствие в обеих группах однотипных браслетов с насечкой, сердоликовых колоколообразных бусин, розеток из бронзовых листов [34, с. 132]. На сравнительно позднюю дату второй группы самтавских комплексов указывают железный браслет и дуговидная фибула, сочетание которых с позднеурартского типа мечами и ножом относит к периоду не ранее второй половины VII - начала VI вв. до н. э. и интересный комплекс бронзовых и железных плоских и костяных четырехгранных стрел

43

(п. 174) [115, табл. XIII, 1]. Скорее всего, тем же временем датируется и бронзовый наконечник копья вытянутой формы, подобные которому характеризуют заключительную стадию развития бронзовых наконечников Колхиды, где они встречаются в комплексах конца VII - начала VI вв. до н. э. [55, с. 49, 50, табл. XXXVIII, 15; 123, с. 181]. В этой связи нужно вспомнить комплекс, найденный у Лермонтовского разъезда (Пятигорск), в составе которого вместе с железным и раннескифским мечом, наконечником копья, бронзовыми деталями конской узды новочеркасского типа найден подобный бронзовый наконечник копья. Абсолютная хронология этого комплекса была определена А. А. Иессеном в рамках VIII - начала VII вв. до н. э. [12, с. 117-123], а А. И. Тереножкиным первой половиной - серединой VII в. до н. э. [60, с. 127-128]. Последняя дата явно ближе к истине, но и она, по-видимому, требует поправки из-за меча и наконечника копья в сторону еще большего упозднения (вторая половина - конец VII в. до н. э.). Особенно важно для нас присутствие в комплексах с урартским оружием колхидско-кобанских топоров второго и третьего типов (п. 121 и 260) [34, табл. 1, 79, 81], а так же бронзового наконечника копья, через которое (из-за присутствия в комплексе с этим копьем двух железных кинжалов урартского происхождения) утверждается верхняя дата (в рамках второй половины VII - начала VI вв. до н. э.) бытования этого весьма характерного для раннежелезного века Кавказа типа оружия [22, табл. II, 11].

Итак, рассмотрение первых двух хронологических групп комплексов Самтавро показало несостоятельность их суммарной датировки VIII - VI вв. до н. э. Допуская возможность несколько более ранней даты проникновения урартских изделий в Самтавро по сравнению со скифскими, можно в целом датировать весь рассмотренный материал в рамках середины VII - VI вв. до н. э.

Следующие две хронологические группы (XI - X и IX - начало VIII вв. до н. э.)

самтаврских погребений по замечанию Р. М. Абрамишвили "отличаются друг от друга только большим или меньшим количеством железных предметов" [34, с. 134]. Это наблюдение исследователя, безусловно, верно, но, как представляется, совершенно недостаточно для серьезных хронологических сопоставлений, тем более в рамках 300 с лишним лет.

К третьей хронологической группе самтаврских могил Р. М. Абрамишвили отнес комплекс 114, в составе которого помимо железного кинжала имеются браслеты трех типов - первый из треугольной в сечении пластины, ближайшие аналогии которому в северо-кавказских комплексах датируются в рамках VIII - первой половины VII вв. до н. э. [108, с. 168-169, рис. 1, 3-6; 124, табл. IV, 9], второй - из двойного прута, аналогии которому на Северном Кавказе датируются серединой VIII - началом VII вв. до н. э. [124, табл. IV. 10], в Армении - VII-V вв. до н. э. [125, с. 151-153, табл. 140,11]. В погребении Самтавро-70 помимо железного кинжала с бронзовой двойной рукояткой найдены железный колхидско-кобанский топор первого типа,

44

железный кинжал, бронзовый пинцет, изогнутая колхидско-кобанская пряжка, бронзовые плоские треугольные наконечники стрел с отверстиями, бронзовое кольцо с насечками и колоколовидные бусы из сердолика, по справедливому замечанию Р. М. Абрамишвили, "характерные для более позднего времени" [34, с. 132-133]. Таким образом, комплекс этот из-за присутствия в нем биметаллического кинжала вопреки главному принципу - датировать комплекс необходимо по наиболее поздним его компонентам - попал в горизонт IX - начала VIII вв. до н. э., хотя его место по целому ряду признаков среди комплексов VII в. до н. э., причем скорее ближе к его концу, чем началу. Следовательно, выделенный Р. М. Абрамишвили в Самтавро горизонт IX - начала VIII вв. до н. э. в значительной своей части должен датироваться более поздним временем.

Особое место в самтаврских древностях занимают комплексы с бронзовыми и биметаллическими мечами восточно-закавказского типа. Р. М. Абрамишвили относит их в основном к XI-X вв. до н. э., причем основной опорой для такого вывода служит погребение 591 (Байэрна), в котором помимо двух бронзовых (остроконечного и тупоконечного) мечей найдены бронзовые восточнокавказская секира, плоский топор с выступами, широкий пояс, плоские треугольные наконечники стрел с отверстиями, браслеты, граненый и рубчатый, подвесной поясной ролик, фигурки оленей, пинцет, фибула с витой дужкой и железный наконечник копья с бронзовой обоймой на тулье [15, рис. 74а; 58, табл. V; 126, с. 36]. Связав (вслед за Б. А. Куфтиным) фибулы Самтавро с "субмикенскими" фибулами и отметив, что "подобные фибулы в Греции... встречаются только в XII-X вв. до н. э." [34, с. 136], Р. М. Абрамишвили тем же временем продатировал как комплекс 591, так и все остальные комплексы Самтавро с бронзовыми мечами. Однако сегодня, как представляется, в распоряжении науки накопилось уже достаточно фактов, позволяющих подтвердить дату погребения Самтавро-591 в рамках VIII—VII вв. до н. э., предложенную в свое время Б. Б. Пиотровским [58, с. 62]. Мной разработана схема, позволяющая определить место погребения Самтавро-591 (рис. 6,1) в системе памятников раннежелезной эпохи Закавказья и смежных территорий. Основное значение имеет комплекс из Двина, содержащий материалы металлообрабатывающей мастерской, разрушение которой убедительно связывается К. Х. Кушнарева с одним из набегов урартов во второй половине VIII в. до н. э. (возраст памятника по C14 720 + - 70 лет до н. э. (рис. 6, II) [59, с. 88, 107]. Комплекс Самтавро-591 объединяют с Двином такие важные компоненты, как бронзовые мечи, орнаментация пояса и колчана, рубчатые браслеты, восточно-закавказские секиры. В материале из Двина кроме того присутствовали браслет с насечками на концах, бляшка с крестовидным орнаментом, полая прорезная подвеска и крупная биконическая пронизь, украшенная завитками (рис. 6,

11, 14-16, 18), включающие в ту же хронологическую группу серию наиболее выразительных восточнокавказских комплексов, датированных

45

К. Н. Пицхелаури XIV—XIII вв. до н. э. [127, табл. XXXVI, XXXIX-XIV, XI, XVI; 128, с. 60, табл. XX, XXI, XXIII] - Гадрекили-1 (рис. 6, XII), Гадрекили-10 (рис. 6, XIV), Гулгула-П-8 (рис. 6, XIII) и святилище Мели-геле (рис. 6, XXI). Основой для столь ранней датировки этих комплексов послужили панцирные пластины с продольным ребром (рис. 6, XII, 2; XIV, 3). Однако поскольку аналогичные пластины были характерны и для ассирийского и урартского доспехов IX—VIII вв. до н. э. (Севан, Тель-Рифат, Богазкёй) [50, Taf. XXV, 805, 807, 129, с. 140-141], их использование для столь ранней даты в обход анализа комплексов представляется неправомерным. В комплексе Гадрекили-10 найден бронзовый котел, подобные которому известны в составе погребения Навтлуги-1 (рис. 6, XVI, 6) [130, с. 180, табл. IV) и в погребениях Тепе-Сиалк-В (рис. 6, XV), датированных VIII - началом VII вв. до н. э. [131, Pl. LV-LVIII]. Рассматриваемые комплексы с последним могильником объединяют также бляхи с крестовидным орнаментом и бляшки с прямоугольными петельками. Упомянутый комплекс из Навтлуги содержал плоский треугольный наконечник стрелы с отверстием, подобный находкам в погребении Самтавро-591 и Самтавро-70, дату которого сам Р. М. Абрамишвили не решался вывести за пределы VIII в. до н. э. [34, с. 131-137], и бронзовый наконечник копья с двойным выпуклым пояском на тулье, через который идет связь с одной стороны к упомянутому выше святилищу Мели-геле, а с другой стороны на Северный Кавказ, в частности к погребениям Сержень-Юрта (рис. 6, XVII—XIX) VIII - начала VII вв. до н. э. [22, табл. II,5]. В тот же круг древностей входит урартское погребение конца VIII—VII вв. до н. э. из Кайалидера (рис. 6, XX) [54, р. III, Pl. XI, Fig. 21, 14, 15;23,6] в составе которого найдена бляха с широкими орнаментированными краями, перекликающаяся с аналогичной бляхой из святилища Мели-геле (рис. 6, XX,I;XXI,6), и пластинчатый гладкий браслет, находящий ближайшую аналогию в Сержень- Юрте (рис. 6, XIX,4;XX, 3). Инвентарь святилища Мели-геле объединяется с погребением Самтавро-591 и Двином через пинцет, подобные которому на Кавказе бытовали в VIII—VI вв. до н. э. [98, табл. XXIII, 136; XLVI, 422, 424; 132, табл. XXVIII, 1, 5], браслет с насечками на концах, бляшки с крестовидным орнаментом, одна из которых (рис. 6, XXI, 5) сближается с «киммерийскими» украшениями VIII—VII вв. до н. э. [60, рис. 92] и изображение животного на керамике и мече (рис. 6, XXI, 8; I, 1), манера исполнения которого соединяет оба комплекса через пряжку из Ацхури (рис. 4, 109) [133, с. 132, рис. 39] с колхидско-кобанскими древностями VIII—VII вв. до н. э. Интересно, что крупные биконические пронизи из Двина и Гадрекили-I близки по форме к балканским пронизям (рис. 6,XI), бытовавшим в VIII—VI вв. до н. э. [56, Fig. 50]. Ряд важных элементов (меч с обрубленным концом, железный наконечник копья с бронзовой тульей, пояс, браслет, восточнокавказская секира) объединяет погребение Самтавро-591 с комплексом Ворнак-б (рис. 6,IX), датированным А. А. Мартиросяном концом XII—XI вв. по аналогии с рассматриваемым самтаврским памятником [53, с. 114, табл. XI]. Однако на

46

более позднюю дату ворнакского комплекса должны указывать изогнутый железный нож, близкий к позднеурартским и восточнокавказская секира, аналогичная топорам из погребения литейщика в Гантиади (рис. 6,X), дата которого определена по железному оружию и другим признакам IX—VIII вв. до н. э. [134, с. 183; 188], а присутствие в нем керамических мисок той же профилировки, что и в комплексах с урартскими мечами в Самтавро, по- видимому указывает на еще более позднюю дату погребения - уже в рамках

VIII—VII вв. до н. э. [134, с. 187]. Ряд признаков (плоские наконечники стрел с отверстием, рубчатые и ромбического сечения браслеты, пинцеты, железные наконечники копий, раковины каури) объединяют комплексы Самтавро-591 и Двина с погребениями Дигоми-134 (рис. 6, III) и Дигоми-136 (рис. 6, V) [135, табл. XIV-XVI], в составе которых найдены бляшки с прямоугольными петельками и железные мечи, первый из которых (рис. 6, III, I) входит в круг ассирийско-урартских мечей VIII—VII вв. до н. э. (рис. 6, IV) [53, рис. 86], известных, в частности по рельефам Ашурбанипала (669-635 гг. до н. э.) [136, рис. 252]. Плоский топор с боковыми выступами из погр. Самтавро-591 аналогичен топору из Лайлашского клада [137, табл. XVI, I], в составе которого имелись бронзовые витые удила, определяющие дату этого клада в пределах VIII—VII вв. до н. э. [138, с. 73]. Через меч и топор комплекс Самтавро-591 объединяется с еще одним восточноколхидским комплексом - Земо-Симонети (рис. 6, VIII) [19, рис. 18]. Важна и роликовая застежка из рассматриваемого погребения, аналогии которой известны как в ряде восточнокавказских комплексов раннежелезной эпохи [139, табл. VIII, 1323—1325], так и среди памятников VIII—VII вв. до н. э. в Иране и в Греции, где они сопровождают мечи (Саламис - рис. 6, VII) [49, р. 53, Pl. CXXIX, 95, 96; 131, Pl. XXIX, 7]. Не столь уж древни, как это полагает Р. М. Абрамишвили, и бронзовые мечи восточнокавказского типа. Эти мечи по основным своим показателям соответствуют царским мечам Ашурбанипала на рельефах Куянджика (VII в. до н. э.) [140, р. 47, Pl. XXI, 6, 7]. “Форма и детали навершия, - пишет в этой связи Н. Л. Членова, - и перекрестия (*куянджикских кинжалов. - Ю. В.*) не оставляют сомнения в том, что образцами для изготовления этих мечей служили кинжалы кахетинского типа, существовавшие, следовательно, еще в середине VII в. до н. э.” [141, с. 16].

Этот обзор можно было бы продолжить, но, полагаю, сказанного вполне достаточно для вывода, что третий и четвертый хронологические ярусы Самтавро, датированные Р. М. Абрамишвили в рамках XI - начала VIII вв. до н. э., в действительности не выходят за рамки VIII - начала VII вв. до н. э.

Наконец, остается наиболее ранний, пятый ярус хронологической схемы Самтаврского могильника (XI—XII вв. до н. э.), к которому Р. М. Абрамишвили отнес несколько погребений из Самтавро, Бешташени, а так же Квемо-Сасиретский клад [34, табл. 1, 192-236]. Основой для выделения этого яруса исследователю послужили лишь соображения общего порядка (от-

47

сутствие железных изделий, размеры кинжалов, их ареал и т. д.), но ни одного фактически конкретного сопоставления [34, с. 107]. Между тем кинжалы с треугольным клинком в основных своих чертах сходны с кинжалами, отнесенными Р. М. Абрамишвили к более позднему времени [34, табл. I, 182-184, 200-202], а аналогичное оружие на территории Армении известно в памятниках начала I тыс. до н. э., на основе чего Т. С. Хачатрян справедливо полагает, что эти кинжалы существуют до раннеурартской эпохи [116, с. 177; 142, с. 47-48]. К XIII—XII вв. до н. э. Р. М. Абрамишвили отнес и восточнокавказскую секиру, пинцет и треугольные наконечники стрел с отверстиями, абсолютно аналогичные изделиям из погребения Самтавро-591 (Байэрна) [34, табл. 1, 165, 192, 194, 210]. В тот же ранний ярус Р. М. Абрамишвили поместил бронзовый наконечник копья с двумя рельефными ребрами на тулье [34, табл. I, 212] хотя такие наконечники нередки в памятниках VIII—VII вв. до н. э. [22, с. 80]. Поэтому надо полагать, что дата большинства комплексов и этого яруса не выходит за рамки I тыс. до н. э.

На основе приведенных выше фактов разработана корреляционная таблица комплексов могильников Самтавро и ряда других на территории Восточного Закавказья (рис. 4-5). Выделено пять этапов, тесно связанных друг с другом. Первые два этапа, как и в Тли, характеризуются раннескифскими и позднеурартскими элементами, хронологически

охватывая конец VII—VI вв. до н. э. Третий и четвертый этапы отражают переход от бронзы к железу, что проявляется довольно большим числом биметаллических изделий (мечи, кинжалы, наконечники копий), дата которых не выходит за рамки второй половины VIII—VII вв. до н. э. При этом комплекс Самтавро-591 смотрится наиболее архаичным из памятников, содержащих железные изделия, которые проникают в низинные области Закавказья, по-видимому, значительно раньше горных районов. Наконец, пятый, наиболее ранний этап характеризует еще стадию развитой бронзовой культуры. Вместе с тем тесная (через 24 элемента) связь этого этапа с четырьмя предыдущими, а так же с памятниками VIII в. типа Двина не позволяет пока отрывать этот этап хронологически от последующих, открывая возможности для характеристики местной культуры к моменту широкой культурной и политической экспансии урартийцев в Закавказье в середине VIII в. до н. э. Эти выводы вполне согласуются с мнением одного из крупнейших современных европейских историков древней металлургии Р. Плейнера, который лично ознакомился с материалами Самтавро. В отношении этих материалов исследователь пишет: “Я склонен верить хронологии Б. Б. Пиотровского: она представляется вероятной с учетом некоторого консервативного характера кавказских культур... грузинские ученые пытаются датировать первое железо и его металлургию в триалетской группе (Самтавро, Бешташени) XIV—XIII вв. с полемикой с Пиотровским, но без убедительных доказательств. Эти авторы хотели бы иметь родину железа в Закавказье” [143, р. 85].

48

Итак, разбор трех важнейших хронологических схем раннежелезного века Центрального Кавказа показал, во-первых, неоправданную заниженность даты тех комплексов, которые не содержат таких четко датирующих элементов как скифские и урартские изделия, и, во-вторых, полное господство бронзовой индустрии на большей территории Кавказа (ибо пересмотр хронологии Самтавро, Тли и Кобана влечет за собой пересмотр хронологии многих памятников Колхиды, Северного Кавказа, Восточной Грузии, Армении и Азербайджана) вплоть до VIII—VII вв. до н. э., т. е. до периода вторжений в Закавказье урартов, а затем скифов.

1.1.6. Переходим к обзору наиболее важных спорных памятников Западного Закавказья. В составе целиком бронзового типично колхидско-кобанского инвентаря погребения в с. Приморском (орнаментированный топор первого типа, кинжал с орнаментированной рукоятью, имеющей перехват, наконечники копий с коротким широким пером, двуспиральная пряжка, орнаментированная фибула, массивная гривна, биконическая спиральная пронизь) оказался бронзовый конический шлем [55, табл. XLVI.6; 144, табл. X], по своей форме полностью соответствующий ассирийским и урартским образцам VIII—VII вв. до н. э. [145, табл. XVI,3-5, 12; 146, р. 100-108, Chr. Tabl. 2]. Аналогичный шлем с надписью царя Аргишти происходит из кобанского могильника Верхняя Рутха [147, с. 144-147]. Оба шлема (из Приморского и Верхней Рутхи), по мнению исследователей, имеют “несомненно урартское происхождение” [145, с. 99] и, следовательно, определяют нижнюю дату рассматриваемых памятников в пределах второй половины VIII - первой половины VII вв. до н. э.

В одном из погребений Нижней Эшеры помимо бронзовых топора первого типа с рукоятью, кинжала, наконечников копий, массивных и пластинчатых браслетов, пояса, блях и бус обнаружена пектораль, украшенная изображениями двух змей и тремя концентрическими выпуклостями [144, табл. XVI—XVII]. Аналогичная пектораль оказалась и в составе инвентаря недавно приобретенного Гос. Эрмитажем комплекса из Анухуа, где она сочеталась с характернейшим колхидско-кобанским инвентарем - три орнаментированных топора первого типа, несколько наконечников копий - на одном изображении змеи, височная подвеска, две гривны, три браслета, два пояса с

зооморфными пряжками, сосуд фаллической формы [148, с. 72-74; 149, с. 23-36].

Ближайшие аналогии этим пекторалиям известны на Северном Кавказе в комплексах конца VIII - начала VII вв. до н. э. (Бештау, Султангорский могильник) [129, с. 126-127; 69, с. 74, рис. 9,2]. Концентрические выпуклости, совершенно подобные тем, которые украшают абхазские и султангорскую пекторали, имеются и на луристанской пекторали VIII—VII вв. до н. э. [150, р. 314, Fig. 380].

Лайлашский клад содержал все три типа колхидско-кобанских топоров, тесло с плечиками и боковыми выступами, долото, бляхи и удила с витыми

49

стержнями [18, рис. 2]. Подобные удила в эпоху раннего железа распространились по всей Евразии (Италия, Бавария, Греция, Урарту, Иран, Минусинская котловина, Китай), где связаны в основном с комплексами VIII—VII вв. до н. э. [151, с. 323-339, табл. XLI, 16, 20-25]. На Кавказе удила с витыми стержнями известны из Малого Кургана (Мильская степь) конца VII в. до н. э., из кургана второй половины VII - начала VI вв. в Мингечауре [138, с. 71, рис. 1,1] и, уже железные, в погребении 10 в Малаклю [138, с. 76, рис. 1,5]. В Поволжье (Старший Ахмыловский м-к) такие удила найдены в комплексе VI в. до н. э. [152, с. 220, рис. 81,3].

В Сурмушском кладе бронзовые колхидско-кобанские топоры и плоский тесловидный топор сочетались с двукольчатыми бронзовыми удилами так называемого “кобанского” типа [18, рис. 6]. А. А. Иессен, впервые обстоятельно исследовавший подобные удила в связи с Новочеркасским кладом 1939 г., определил период их бытования 750-650 гг. до н. э. [153, с. 107]. По последним данным в Северном Причерноморье они распространяются лишь с конца VIII в. до н. э. на позднем этапе Чернолесской культуры (Залевки) [154, с. 63], абсолютное же их большинство датируется там первой (курган 375 у с.

Константиновка, курган II у с. Рыжановка и др.] и второй половиной VII в. до н. э. [155, с. 16-18, рис. I, II], в отдельных случаях фиксируясь и в памятниках VI в. до н. э. (курган №2 у Жаботина) [156, с. 152-153]. Аналогичные удила в Старшем Ахмыловском могильнике обнаружены в погребениях VII в. до н. э. [152, с. 220, рис. 81, 1-4].

В составе комплекса из Хуцубани (три бронзовых топора первого и второго типов, несколько бронзовых гривен с закрученными концами, обломки бронзовых мотыг и тесла) оказалась крупная полая бляха с пунсонным орнаментом [157, табл. XII]. Аналогичная бляха найдена в составе урартского погребения конца VIII—VII вв. до н. э. в крепости Каиалидере [54, Pl. XIa]. В кладе бронзовых изделий из с. Хихдзири (топоры первого типа, сегментовидные орудия, топоры-цалды) в орнаментике одного из топоров впервые в Колхиде зафиксирована четырехлепестковая ромбовидно-крестовидная розетка [158, табл. III], характерная для северопричерноморских памятников второй половины VIII—VII вв. до н. э. [60, с. 174].

В последние годы в низменных районах Колхиды участились находки могильников с кремационными площадками (Мухурча, Нигвзиани, Палури и др.). На этих могильниках, существовавших, по мнению исследователей, в VIII—VI вв. до н. э. хорошо прослеживается момент перехода от бронзового века к железному. В Палури, на смену характерным колхидско-кобанским топорам, кинжалам, массивным гривнам и браслетам, мотыгам приходят аналогичные изделия из железа - оружие, в котором наряду с репликами местных бронзовых изделий хорошо представлены урартские и скифские кинжалы, орудия труда, украшения; прямые пряжки сменяются изогнутыми, массивные гривны - витыми тонкими и т. д. [159, табл. X-XIX; 160, табл. VI—VII]. Сочетание местных и пришлых форм в комплексах красноре-

50

чиво датирует этот переход концом VII - началом VI вв. до н. э. В нигвзианском могильнике прослежена аналогичная картина. В одном из его комплексов сочетались железный акинак, изогнутый урартский нож, мотыга и колхидский топор второго типа (с выделенным "литком" на обухе), датирующие завершение процесса перехода к железу на этой территории в первой половине VI в. до н. э. [160, табл. VIII]. Тот же момент хорошо прослеживается и в материалах таких давно известных поселений Колхиды, как Наохваму и Дабла-Гоми, где бронзовые колхидско-кобанские изделия сменяются их копирующими железными - наконечниками копий, топорами и т. д., не выходящими так же за пределы конца VII - первой половины VI вв. до н. э., [133, табл. 35, 1-6, 9, 11; рис. 48, 72, 78, 79, 81]. Сочетание этих изделий с каннелированной керамикой и кружками с зооморфными ручками (Наохваму, Дабла-Гоми, Палури и др. [133, табл. 35, 1-6, 9, 11; рис. 48, 72, 78, 79, 81] заставляет к тому же времени относить и большинство наиболее ранних железоплавильных (?) мастерских Колхиды, которые обычно датируют в рамках XII—VIII вв. до н. э.: [16, с. 119-141].

Все эти наблюдения полностью подтверждаются корреляционной таблицей основных колхидско-кобанских комплексов Западного Закавказья (рис. 7-8), согласно которой имеющийся здесь материал раннежелезной эпохи распадается на четыре этапа. Первый из них характеризуется заметной примесью скифских и позднеурартских элементов, совмещающихся в одних комплексах и датируемых первой половиной VI в. до н. э. Ко второму этапу отнесены комплексы, в которых эпизодически попадаются железные изделия, в основном копирующие местное бронзовое оружие, орудия труда и украшения. Интересен бронзовый кинжал (рис. 7, 18), отлитый по форме, близкой к позднеурартским железным кинжалам. Этот этап датируется временем около конца VII - начала VI вв. до н. э. Третий этап образуют комплексы с массивными браслетами, бронзовыми вооружением и украшениями, среди которых железные изделия крайне редки. По вышеупомянутым урартскому шлему, пекторалю и деталям конской узды этот этап датируется второй половиной VIII—VII вв. до н. э. Наконец, четвертый, наиболее ранний этап железного века в Западном Закавказье характеризуется комплексами с кинжалами, имеющими пламевидной формы лезвие и датируется в рамках VIII в. до н. э. На этом этапе известен только один обломок железного пинцета. Картина, установленная в отношении Западного Закавказья оказалась чрезвычайно близкой к той, которую выдает корреляция комплексов Тли и Самтавро, причем консерватизм колхидской бронзы почти полностью соответствует Тли.

1.1.7. Все сказанное позволяет утверждать, что "заря великой эпохи железа", говоря словами Е. И. Крупнова, занимается над Колхидой в период не ранее VIII в. до н. э. Железные изделия лишь спорадически фиксируются в местных комплексах в составе бронзового инвентаря, характеризующего заключительный и наиболее выразительный этап местной позднебронзовой культуры,

51

который, как я пытался показать, укладывается в хронологические рамки VIII - середины VII вв. до н. э. Вывод этот вполне согласуется с высказыванием Б. А. Куфтина 35-летней давности, что "совершенно очевидно, что конец колхидской культуры с блестящим расцветом бронзы соответствует Ванской эпохе и полному вытеснению в древневосточных государствах бронзового оружия железным... Мы имеем... немало фактов, указывающих, что целый ряд находок прекрасно развитой колхидско-кобанского типа бронзы в Грузии следует относить ко времени VII века до н. э." [16, с. 68]. Этот этап соответствует по времени на Южном Кавказе - формированию северных провинций Урарту, происходившему в условиях интенсивного вытеснения бронзы железом, а в Северном Причерноморье - расцвету «киммерийской культуры» (памятники

круга Новочеркасского клада) (750-650 гг. до н. э.), в недрах которой происходил аналогичный процесс. Б. Б. Пиотровский в свое время с полным основанием высказал мысль, что первоначальное железо “поступало в Закавказье из Урарту. Бронзовые изделия Закавказья имеют самобытные, на Кавказе возникшие и развившиеся формы, а железные - первоначально копировали урартские, если не являлись привозными из Ванского царства” [71, с. 243-244]. В свою очередь А. И. Тереножкин, опираясь на анализ соответствующих материалов из Северного Причерноморья и Северного Кавказа пишет, что “развитие киммерийской культуры в VIII—VII вв. до н. э. ознаменовалось процессом решительного перехода от бронзового к железному веку... Не исключено, что киммерийские связи способствовали распространению первого железа среди населения северных склонов Кавказа” [162, с. 35-38]. “Урарту, - отмечает Р. Плейнер, - это ключ к раннему железному веку Ирана и Кавказа. В Урарту существовала железная цивилизация... В X-IX вв. железо встречается в культурах Закавказья крайне редко. Некоторое изменение можно отметить в VIII в. до н. э. Период, охватывающий примерно 750-500 гг. до н. э. соответствует здесь началу железного века или раннему железному веку” [143, 21, прим. 29, 30]. Понадобилась, однако, еще сотня лет, чтобы железо широко проникло во все уголки Западного Закавказья и Центрального Кавказа. Решающая в этом роль, очевидно, принадлежит скифским походам через Кавказ, когда “скифский культурный элемент получил всеобщее распространение не только к северу, но и на огромных пространствах к югу от Главного хребта” [162, с. 38]. В заключение необходимо вспомнить верную мысль Е. И. Крупнова, который вслед за Б. Б. Пиотровским считал, что “наиболее массовому внедрению железа на Северном Кавказе в определенной степени мы... обязаны скифам, способствовавшим широким контактам между собою даже дальних народов” [163, с. 336].

-
1. Крупнов Е. И. К вопросу о хронологии кобанской культуры. - УЗКНИИ, 1946, вып. 1.
 2. Уваров А. С. К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о кобанских бронзовых предметах на Кавказе. - Труды V АС. М., 1887.
 3. Virchow R. Graberfunde von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883.
 4. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. - МАК, 1900, вып. VIII.
 5. Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. II. Paris-Lyon, 1885.
 6. Городцов В. А. Бытовая археология. М., 1910.
 7. Толстой И., Кондаков Н. Русские древности, М. СПб., 1890.
 8. Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. - ИНИИК, 1935, вып. 3.
 9. Tallgren A. Kaukasus. In: Reallexicon fbr vorgeschichte, t. VI. Berlin, 1926.
 10. Hanear F. Kaukasus - Luristan. - ESA, 1934, t. IX.
 11. Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. - ИГАИМК, 1935, №120.
 12. Иессен А. А. Некоторые памятники VIII— VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. - ВССА. М.: Изд-воАН СССР, 1954.
 13. Иессен А. А. Клад из села Лухвано в Грузии. - СГЭ, 1962, т. 22.
 14. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука, 1960.
 15. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, 1, Тбилиси, 1941.
 16. Куфтин Б. А. Урартский “колумбарий” у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. - В ГМ Г, 1944, т. XIII-В.
 17. Ниорадзе Г. К. Археологические находки в селе Квишери. - СА, 1949, т. XI.
 18. Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии. - СА, 1953, т. XVIII.
 19. Коридзе Д. Л. К истории колхской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1965.
 20. Рамишвили А. Т. Из истории материальной культуры Колхиды. - Батуми: Сабчота Аджара, 1974.

21. Техов Б. В. Тлийский могильник и проблема хронологии эпохи поздней бронзы - раннего железа Центрального Кавказа. - СА, 1972, №3.
22. Козенкова В. И. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено- Ингушетии. - МАД, 1977, вып. VI.
23. Панцхава Л. Н. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур: Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1975.
24. Окропиридзе Н. И., Барамидзе М. В. Палурское “Садзвле” (итоги работ 1968 г.). - МАГК, 1974, вып. VI.
25. Лордкипанидзе Г. А. О домонетной форме денежного обращения в Колхиде. - В кн.: Нумизматический сборник памяти Д. Г. Капанадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
26. Гогодзе Э. М., Давлианидзе, Ц. О. Горадири. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
27. Хахутайшвили Д. А. К хронологии колхидско-халибского центра древнежелезной металлургии. - КБС, 1977, вып. V.
28. Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К. О демографической ситуации в Восточном Причерноморье (Колхида) в период великой греческой колонизации. - В кн.: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему “Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.) Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
29. Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида. Миф и археология. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
30. Blinkenberg C. Fibules greques et orientales. Det Danske videnskabernes. Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser. Kobenhavn, 1926. Bd. XIII, №1.
31. Ниорадзе Г. К. Земоавчальская могила. - ВГМГ, 1931, вып. VI.
32. Sundwall J. Die Alteren italischen fibeln. - Berlin, 1943.
33. Куфтин Б. А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. - ВГМГ, 1944, вып. XII-B.
34. Абрамишвили Р. М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. - ВГМГ, 1957, вып. XIX-A и XXI-B.

53

35. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида. - Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1966.
36. Техов Б. В. О появлении и развитии кавказской дугообразной фибулы. - В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
37. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. - МАК, 1900, вып. VIII.
38. Капитанский А. Из истории фибулы на Кавказе.-In: Recueil d'etudes a la memorie de N. P. Kondakov. Prague, 1926.
39. Muscarella O. W. A Fibula from Hasanlu - In: American Journal of Archaeology. Washington - New-York, 1965. vol. 69, N 3.
40. Stronach D. The development of the fibula in the Near East. - In: Iraq. London 1959, vol. XXI, N 2.
41. Sapouna - Sakellarakis E. Die Fibeln der griechischen Inseln. - PBF, 1978. Bd. XIV, N 4.
42. Muller-Karpe H. Beitrage zur Chronologie der urnenfelderzeit Nordlich und sudlich der Alpen.- RGF, 1959. Bd. 22.
43. Barnabo-Brea L. La Sizilia prehistorica.- In: Escusla Espanola de Roma. Ser. Arq. Roma, 1954.
44. Лесков А. М. Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, 1981.
45. Техов Б. В. Скифы и Центральный Кав-каз в VII—VI вв. до н. э. М.:Наука, 1980.
46. Техов Б. В. Тлийский могильник, вып. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1980.
47. Воронов Ю. Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур. - В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980.

48. Воронов. Ю. Н., Гунба М. М. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии.-СА, 1978, №2. .
49. Karageorghis V. Exavations in the necropolis of Salamis, I.- In: Salamis. Nicosia, 1967,vol. 3.
50. Boehmer R. M. Die Kleinfunde von Bogazkoj. Berlin, 1972.
51. Betzler P. Die Fibeln in Suddekschland, Osterraiich und der Schweiz, 1. - PBF, 1974, Bd. XIV, N 3.
52. Китановский Б. Два гроба из СТаријег гвоздег доба код Прилепа. - В кн.: Старинар, N. S. Београд, 1961, т. XI.
53. Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1964.
54. Barney C. A. A first season of excavations at the urartian citadele of Kayalidere. - In: Anatolian Studies. London, 1966, vol. XVI.
55. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Апашара, 1969.
56. Bouzek J. Graeco-Macedonian bronzes. Praha, 1973.
57. Aleksander J. Jugoslavia beforthe Roman conquest. London, 1972.
58. Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л.: изд-во ЛГУ, 1949.
59. Кушнарева К. Х. Древнейшие памятники Двина. Ереван: изд-во Арм. АН ССР, 1977.
60. Тереножкин А. И. Киммерийцы. - Киев: Наукова думка, 1976.
61. Лесков А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. - ПСА, 1971.
62. Мелюкова А. И. Скифия и Фракийский мир. М.: Наука, 1979.
63. Отрощенко В. В. Новый курганный могильник белозерского времени. - В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.
64. Carpenter R. The greek penetration on the Black Sea. - In: American Journal of Archaeology. Washington - New-York, 1948. vol. 52, N.1.
65. Болтунова А. И. Аргонавты и Колхида. - Мацне, 1976, №3.
66. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI- X вв. до н. э. - М.: Наука, 1977.
67. Техов. Б. В. Центральный Кавказ в XVI- X вв. до н. э.: Автореф. докторск. дис., Тбилиси, ИИАЭ АН ГССР, 1974.
68. Погребова М. Н. Железные топоры скифского типа в Закавказье. - СА, 1969, №2.
69. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972.
70. Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI-I вв. до н. э.- В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.
71. Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М.: изд-во вост. лит., 1959.
72. Ильинская В. А. Скифские секиры. - Археология, Киев, 1961, т. XII.

54

73. Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келер- мес).- В кн. "Скифия и Кавказ". Киев: Наукова думка, 1980.
74. Максимова М.И. Ритон из Келермеса. - СА, 1956, т. XXV.
75. Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства. - СА.1968, №4.
76. Мелюкова А. И. Вооружение скифов. - МИА, 1961, №101.
77. Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве. - СА, 1971, №2.
78. Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1975.
79. Техов Б. В. О некоторых предметах скифского звериного стиля из памятников южного склона Главного Кавказского хребта. - В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии, М., 1976.
80. Мурзин В. Ю. Скифы на Северном Кавказе (VII—V вв. до н. э.). - Археология, Киев:

1978, №27.

81. Ильинская В. А. Бронзовые наконечники стрел так называемого жаботинского и новочеркасского типов. - Археология, Киев: 1973, №12.
82. Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев: Наукова думка, 1968.
83. Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. - Ученые записки ЛГУ. Л., 1949, вып. 13.
84. Техов Б. В. О культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии в конце II и первой половины I тысячелетия до н. э. - МАДИСО, 1969, вып. II.
85. Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в Ожоре. - ТТГУ, 1957, вып. 65.
86. Виноградов В. Б. Новогрозненский кобанский могильник VI—V вв. до н. э. - В кн.: Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-инг. кн. изд-во, 1979.
87. Гагошидзе Ю. М. Материалы к истории златокузнечества в Грузии (первая половина I тыс. до н. э.). - ВГМГ, 1976, т. XXXII-B.
88. Гагошидзе Ю. М. Погребение из Итхвиси - ВГМГ, 1968, т. XXV-B.
89. Амударьинский клад (каталог выставки). Л.: "Аврора", 1979.
90. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. -МИА, 1961, №101.
91. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.
92. Пирцхалава М. С. Памятники скифской архаики (VII—VI вв. до н. э.) на территории древней Грузии: Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1975.
93. Техов Б. В. Об одном погребальном комплексе из с. Тли. - СА, 1961, №4.
94. Техов Б. В. О культурных связях Северного Кавказа и Закавказья в древности. В кн.: VIII Крупновские чтения (тезисы докладов), Нальчик, 1978.
95. Техов Б. В. Скифские элементы в материальной культуре Юго-Осетии. - ВИНК, 1966.
96. Ильинская В. А. Золотая пластинка с изображениями скифов из коллекции Романовича. - СА, 1978, №3.
97. Техов Б. В. Тлийский могильник, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
98. Кобаидзе Л. Н. Археологические памятники Ивриского ущелья. Вып. II. Ркинис-Кало. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
99. Воронов Ю. Н., Вознюк А. С. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР. - СА, 1975, №2.
100. Трапш М. М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Труды в 4-х томах, т. I. Сухуми: Алашара, 1970.
101. Крупнов Е. А propos de la chronologie de l'Age du Fer au Caucase Nord. - In: VI Congres Internationale des sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Les rapports et les informations des archeologues des URSS. Moscou, 1962.
102. Крупнов Е. И. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры. -СА, 1969, №1.
103. Козенкова В. И. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели). - В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.
104. Козенкова В. И. К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардинско-пятигорского типа. - В кн.: Франко-скифские культурные связи (StudiaTracia, I). София, 1975.

55

105. Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска. - СА, 1981, №2.
106. Виноградов В. Б. Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии. -СА, 1970, №3.
107. Виноградов В. Б., Дударев С. Л. Клад бронзовых предметов из с. Советское (Чечено-

- Ингушетия). СА. 1977, №1.
108. Виноградов В. Б., Дударев С. Л. Материалы предскифского времени из Чечено-Ингушетии. - СА, 1979, №1.
109. Виноградов В. Б. Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-сарматским миром. - МИА, 1971, №177.
110. Анфимов Н. В. Протомеотский могильник с. Николаевского. - СМАА, 1961, вып. II.
111. Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья. - МИА, 1971, №177.
112. Котович В. Г. О времени и путях широкого распространения железа на Северном Кавказе. -Изв. СКНЦВШ. Сер. общественные науки, 1978, №3.
113. Котович В. Г., Давудов О. М. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы-раннего железа на северо-восточном Кавказе. - СА, 1980, №4.
114. Чубинишвили Т. Н. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тби-лиси: Изд-во АН ГССР, 1957.
115. Абрамишвили Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. - ВГМГ, 196, т. XXII-В.
116. Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака III-I тыс. до н. э.. Ереван: изд-во Ерев. Унта, 1975.
117. Минкевич-Мустафаева Н. В. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. - МКА, 1962, т. IV.
118. Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. - М.: Наука, 1977.
119. Вашакидзе Н. В., Кахидзе А. Ю. Итоги археологического исследования Пичвнарского могильника эллинистического времени за 1975 г. - ПЮЗГ, 1978, вып. VII.
120. Погребова М. Н. Урартские мечи из Закавказья. - СА, 1976, №2.
121. Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур, I. Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1950.
122. Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур. Л.: Аврора, 1970.
123. Шамба Г. К. О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района.-ИАИ, 1973, вып. II.
124. Анфимов Н. В. Протомеотский могильник у с. Николаевского. - В кн.: сборник материалов по археологии Адыгеи, Майкоп, 1961, т. II.
125. Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении (III-I тыс. до н. э.). Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1976.
126. Bayern F. Untersuchungen über die ältesten gdtber und Schatzfunde in Kaukasien. - ZE, Supplement, Berlin, 1885.
127. Пицхелаури К. Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии в XV-VII вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1973.
128. Пицхелаури К. Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
129. Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев: Наукова думка. 1968.
130. Пицхелаури К. Н. Локализация археологических культур на территории Восточной Грузии (конец II - начало I тысячелетия до н. э.). ТКАЭ, 1969, вып. I.
131. Ghirshman R. Fouilles de Sialk pms Kashan, t. 2. Paris, 1939.
132. Цитладзе Л. Г. Археологические памятники Хеви (Казбегский клад). Тбилиси: Мецниереба, 1976.
133. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси: Техника да шрома, 1950.
134. Авалишвили Г. Б. Погребение литейщика из могильника сел. Гантиади (Южная Грузия). - СА, 1970, №4.
135. Абрамишвили Р. М., Апресов Л. А., Кахиани К. К., Окропиридзе Н. И., Татишвили Т. И. Итоги археологической экспедиции Дигомского ущелья. - ПАИ-1976. Тбилиси: Мецниереба, 1979.

136. Памятники мирового искусства, вып. 2. Искусство древнего Востока. М.: Искусство, 1968.
137. Сахарова Л. С. Бронзовые клады из Лечхуми. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
138. Тереножкин А. И. Дата мингечаурских удил. СА, 1971, N 4.
139. Абрамишвили Р. М. Археологические исследования на новостройках Большого Тбилиси. В кн.: Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
140. Madhloom T. A. The chronology of Neo-Assirian Art. London, 1970.
141. Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. - М., Наука, 1976.
142. Хачатрян Т. С. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963.
143. Pleiner R. The beginnings of the iron Age in ancient Persia. Prague, 1967.
144. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси: Техника да шрома, 1949.
145. Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении (III-I тыс. до н. э.). Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1966.
146. Borghardt J. Homerische Helme. Mainz-am-Rhein, 1972.
147. Nagel W. Ein urartische Helm am dem Argistis. - In: Archiv fur Orientforschung. Berlin, 1962, t. XIX.
148. Доманский Я. В. Пополнение в коллекции древнекавказских бронз Эрмитажа.-СГЭ, 1978, т. XIII.
149. Доманский Я. В. Новый комплекс колхидской культуры из Абхазии. - ТГЭ, 1980, т. XX.
150. Ghirchman R. Perse. Paris, 1963.
151. Членова Н. Л. Памятники I тысячелетия до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности. - В кн.: Искусство и археология Ирана. Доклады Всесоюзной конференции (1969 г.). М.: Наука, 1971.
152. Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977.
153. Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.). - СА, 1953, т. XVIII.
154. Мелюкова А. И. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. - СА, 1972, №1.
155. Ильинская В. А. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин. - СА, 1973, №3.
156. Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев: Наукова думка, 1961.
157. Рамишвили А. Т. Из истории материальной культуры Колхиды. Батуми: Сабчота Аджара, 1974.
158. Кахидзе А. Ю., Давитадзе Ю. А., Мамуладзе Ш. Х. Новые археологические находки из с. Хихадзири. - ПЮЗГ, 1981, вып. X.
159. Окропиридзе Н. И., Барамидзе М. В. Палурское "Садзвле" (итоги работ 1968 г.). - МАГК, 1974, вып. VII.
160. Барамидзе М. В. Мерхеульский могильник. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
161. Хахутайшвили Д. А. К хронологии колхидско-халибского центра древне-железной металлургии. - КБС, 1977, вып. V.
162. Тереножкин А. И. Киммерийцы и Кавказ. - В кн.: Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященных итогам полевых - археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
163. Крупнов Е. И. Раннежелезный век Северного Кавказа. - В кн.: Ученые записки Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1965, т. XIV.

ГЛАВА 2. КОЛХИДСКО-КОБАНСКАЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПРОВИНЦИЯ

1.2.1. Решение важнейших вопросов истории раннего железного века на территории Западного Закавказья находится в прямой зависимости от правильного понимания места и значения памятников Колхиды в системе древностей Кавказа и смежных территорий. Одной из чрезвычайно популярных в последние десятилетия тем, связанных с предскифской и предантичной эпохой на рассматриваемой территории, является проблема колхидско-кобанского культурного единства. По убеждению большинства исследователей на территории совр. Абхазии находился один из наиболее ярких очагов - локальный вариант колхидской (колхидско-кобанской) культуры [1, с. 285-286; 2, с. 144; 3, с. 88-89; 4, с. 25; 5, с. 189], многолетнее изучение которого привело автора к написанию настоящего раздела [6, с. 17-41; 7, с. 20-22; 8, с. 268-274; 9, рис. 2, 5, 21; 10, с. 13-16; 11, с. 257-264; 12, с. 57-60].

Проблема начала вырисовываться в 20-30-х годах XX вв. Первоначально она была поставлена исследователями из Абхазии. В 1926 г. В. И. Стражев опубликовал несколько комплексов и отдельных находок из Абхазии, которые он квалифицировал как “характернейшие предметы ближайших типов и полных аналогий бронзе древнего слоя Кобана” [13, с. 113]. Немного позднее М. М. Иващенко на основе рассмотрения новых материалов с той же территории, квалифицировал соответствующие изделия, как “находки кобанской бронзы в Абхазии” [14, с. 78; 15, с. 67-75]. М. М. Иващенко первым высказал мнение, что предметы кобанской культуры на территории Западной Грузии, Сванетии и Абхазии количественно в несколько раз превосходят находки в Осетии и поэтому именно Колхиду нужно считать центром этой культуры [16, с. 111; 17, с. 1-59]. И. И. Мещанинов, руководивший в 1934 г. Абхазской археологической экспедицией, на основе ознакомления с материалами из Абхазии и из других районов Колхиды сделал вывод, что центр кобанской культуры находился в Колхиде и поэтому эта культура должна быть названа “колхидской культурой” [1, с. 283]. Это мнение было поддержано рядом других исследователей [18, с. XXXIII; 19, с. 240; 20, с. 36]. А. Л. Лукин в 1941 г. полагал, что “кобанская” металлургия эпохи своего становления и расцвета характеризует “яфетическое ядро Центрального Кавказа и Западного Закавказья на завершающем этапе развития родового общества” [21, с. 93].

Наиболее законченную формулировку идея о колхидско-кобанском культурном единстве получила в работах таких крупных советских кавказоведов-археологов, как Б. А. Куфтин, А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Многолетнее изучение колхидских древностей привело Б. А. Куфтина к выводу, что кобанская культура как по территории своего распространения, так и по

происхождению является колхидской [22, с. 16-17; 23, с. 232]. Б. А. Куфтин полагал, что в Колхиде и в Кобане существовала совершенно однородная культура, которую он назвал “колхидско-кобанской” [24, с. 2].

По мнению А. А. Иессена (1935 г.) вообще на этапе поздней бронзы ведущую роль играла металлургия Западного Закавказья, где возникали и откуда распространялись соответствующие типы изделий [25, с. 138]. В ареал “бронз группы Западного Закавказья и Главного хребта” А. А. Иессен там же включил всю Колхиду, Южную Осетию и Центральную часть северных склонов Большого Кавказа от верховьев Сулака до истоков Кубани и ее западных притоков включительно (рис. 9,1) [25, карта IV]. Несколько позднее А. А. Иессен подчеркивал, что “первоначально базой возникновения кобанского

комплекса металлических изделий является Западное Закавказье" [26, с. 96]. "Область производства этих (*т. е. кобанских - Ю. В.*) изделий, - писал А. А. Иессен в 1947 г., сейчас вырисовывается вполне отчетливо; она охватывает как оба склона Центрального Кавказа, так и всю Западную Грузию, включая Абхазию и восточную часть Понтийского побережья Турции" [27, с. 30]. В 1951 г. А. А. Иессен отмечал: "группы кобанскую и колхидскую мы пока можем рассматривать совместно" [28, с. 80].

Б. Б. Пиотровский полагал в 1949 г., что "колхидская" культура "распространяется за пределы СССР в Лазистан, а на севере захватывает район северной Осетии, где в 1869 г. и был открыт знаменитый могильник в сел. Кобан, указывающий на развитие культуры эпохи бронзы этого района в теснейшей связи с Закавказьем" [29, с. 60].

1.2.2. В конце 40-х - начале 50-х годов XX в. в представлениях о колхидско-кобанских древностях наметилась новая тенденция, которая привела к выделению на Западном и Центральном Кавказе трех хотя и близких, но вполне самостоятельных культур - колхидской, кобанской и прикубанской. Еще в докладе на секторе бронзы и раннего железа ИИМК в 1946 г. А. А. Иессен выделил (вслед за А. В. Шмидтом) на территории Северо- Западного Кавказа особый "прикубанский" очаг металлообработки, в который включил памятники кобанского облика из верховьев Кубани; одновременно А. А. Иессен упомянул об "области кобанской металлургии в Центральном Кавказе и ближайшим образом с ней связанной западно-закавказской или колхидской металлургии в Грузии" [30, с. 18-21]. В полном тексте этого доклада, опубликованном в 1951 г. А. А. Иессен отмечал, что "при очень большой, на первый взгляд, близости комплекса металлических изделий в обоих этих районах, общий облик культуры, ее хозяйственная основа, обряд погребения, керамическое производство и т. п. чрезвычайно резко различаются, что заставляет в плане общей истории культуры отчетливо различать колхидскую культуру Западной Грузии и кобанскую культуру Центрального Кавказа" [28, с. 80]. В отношении Прикубанской культуры А. А. Иессен писал: "Включение части бассейна Кубани в границы кобанского металлургического района, предложенное в моей работе 1935 г., оказалось..."

59

недостаточно точным, поскольку здесь в бассейне Верхней Кубани, теперь уже можно вполне четко выделить особый местный район металлургии и металлообработки, тесно связанный с кобанским, но в значительной мере своеобразный" [28, с. 77].

В 1950-1953 гг. О. М. Джапаридзе обосновал положение о двух синхронных и "в достаточной степени" различных культурах - колхидской и кобанской. "Отождествление колхидской и кобанской культур, - писал исследователь, - мы считаем неправильным... в этих культурах определенное сходство замечается, главным образом, в предметах вооружения (топоры, кинжалы)... характерное для западногрузинской культуры копье с расщепленной втулкой отсутствует в кобанской культуре. Не встречаются там также характерные для колхидской культуры бронзовые мотыги, сегментовидные орудия, плоские топоры, цалды... С другой стороны можно выделить ряд типов, которые характерны исключительно для кобанской культуры (большие булавки, прямоугольные поясные бляхи, браслеты со спиральными концами и др.)... Думаем, что грузинские археологи вполне правильно ввели для западногрузинской культуры термин "колхидская культура" [1, с. 283-284; 31, с. 35-39].

В те же годы Е. И. Крупнов сформулировал основные положения, по его мнению, позволяющие разделить круг колхидско-кобанских древностей на две самостоятельные синхронные культуры. Отметив, что "мы не можем не указать на поразительное сходство отдельных категорий предметов из могильников Кобанской культуры Центральной части Северного Кавказа с обильными находками бронзы из районов Западной Грузии и в

первую очередь из Юго-Осетии, Имеретии, Абхазии, Гурии, Аджарии и даже южного, турецкого побережья Черного моря (Орду)”, Е. И. Крупнов затем писал: “Еще не так давно это сходство признавалось за тождество и служило основанием для признания южных и западных границ распространения кобанской культуры по Черноморскому побережью и в Колхиде. Новый материал, поступивший в распоряжение исследователей, говорит о том, что то, что мы имеем на территории Западной Грузии, - близко кобанской бронзе, но это не кобанская культура. Теперь мы осмеливаемся утверждать, - писал далее исследователь, что при значительном внешнем сходстве материала из горной части Северного Кавказа с материалом из Западной Грузии... между ними прослеживается и большое различие. Это различие четко прослеживается при анализе погребального обряда, керамики, типов топоров, поясных пряжек и других украшений. Наконец различие проявляется в полном отсутствии на Северном Кавказе очень характерных для Колхиды бронзовых мотыжек, сечек-ножей для раскрытия кожи и топоров “цалда”. Все это дает основание в действительно сходном материале видеть две синхронные культуры - кобанскую в центральном Предкавказье и колхидскую (но никак не “колхскую”) культуру в Западной Грузии. К подобному же заключению пришел... и молодой грузинский археолог О. М. Джапаридзе” [32, с. 7-8]. Тогда

60

же Е. И. Крупнов произвел географическое размежевание культур Северного Кавказа и Западного Закавказья, очертив рубежи четырех культур - колхидской, прикубанской, кобанской и каякентско-хорочоевской (рис. 9,2) [32, с. 8].

В 1960 году Е. И. Крупнов, повторив вышеприведенную аргументацию о самостоятельности колхидской и кобанской культур, дополнил ее следующими замечаниями: “В Западной Грузии преобладают грунтовые и кувшинные погребения, каменные ящики со скорченными скелетами там очень редки; керамика иных форм и орнаментации по сравнению с кобанской; тип топора там преобладает узкообушный; отсутствуют высокие поясные пряжки, крупные булавки, спиральные наручники и налокотники, а также широкие браслеты со спиральными концами... определенное различие между кобанскими и колхидскими бронзовыми предметами было доказано последними исследованиями химического состава как тех, так и других. В кобанских изделиях преобладала оловянистая бронза, в колхидских - мышьяковистая медь” [33, с. 80-81].

Отстаивая тезис о самостоятельности кобанской культуры в системе древностей Кавказа того времени Е. И. Крупнов говорил о “множестве существенных признаков, убеждающих в том, что многое типическое для кобанской культуры не заносилось на Северный Кавказ извне (т. е. прежде всего из Колхиды - Ю. В.), а существовало здесь и раньше в эмбриональных формах и позднее только развивалось и несколько трансформировалось на местной почве” [33, с. 90]. Среди этих признаков важнейшими Е. И. Крупнов считал черты погребального обряда (могильные сооружения в форме прямоугольных каменных ящиков, определенная степень скорченности погребенных, довольно произвольная ориентировка, положение на правом, реже на левом боку в могиле) и технологию и форму керамики (горшки, одноручные кувшинчики, баночные сосуды, лощение, орнаментация спиралью подобно бронзовым изделиям, различные геометрические узоры). Местными, северокавказскими считал Е. И. Крупнов бронзовые топоры с дважды изогнутым корпусом, которые он связывал с местными более ранними каменными топорами, некоторые кинжалы, наконечники копий, височные кольца в полтора оборота, бронзовые кольчатые бусы, подвески в виде фигурок животных, крупные головные булавки, браслеты с рубчатым корпусом и спиральными концами, высокие пластинчатые и зооморфные пряжки и даже дугообразные “микенские” фибулы [33, с. 92-94].

1.2.3. Гипотеза о двух самостоятельных культурах - кобанской и колхидской - до сих пор, однако, не получила всеобщего признания. Скорее наоборот, с течением времени у нее находится все больше оппонентов. В этом отношении, на мой взгляд, очень показательна история выделения локальных вариантов этих культур.

Е. И. Крупнов на территории Кобанской культуры выделил три группы - Западную (Кабардино-Пятигорскую), Центральную (Северо-Осетинскую),

61

включая и Тлийский могильник) и Восточную (Грозненскую) [33, с. 137-175, рис. 26]. Позднее В. Б. Виноградов предложил принципиально новую схему, выделив на той же территории Пятигорский вариант, Центрально-Кавказский вариант, состоящий из четырех групп (дигорско-балкарская, иронская, юго-осетинская и сунженско-аргунская), предкавказский плоскостной вариант, состоящий из двух групп (левобережной, западной и правобережной, восточной - по отношению к Тереку) и Ичкерийский вариант позднего этапа каякентско-хорочоевской культуры, отмеченной кобанским влиянием (34, рис. 70). Близкую точку зрения обосновывает И. М. Чеченов, который рассматривает локальные варианты и группы с учетом природно-географических и почвенно-климатических особенностей всего региона Кобанской культуры [35, с. 14-51]. В работах В. И. Марковина обосновывается спорность многих объектов, включаемых в восточный вариант этой культуры, а так же подчеркивается необходимость дальнейших усилий по строго научному исследованию локальных отличий, необходимому для создания "новой карты" [36, с. 14; 37, с. 318-321]. В. И. Козенкова в целом придерживаясь схемы Е. И. Крупнова [38, с. 154-166], расширила территорию западного варианта кобанской культуры на значительную часть бассейна Кубани до долины Урупа включительно [39, с. 29-43]. О. М. Джапаридзе в отношении территории Колхидской культуры предложил современное этнографическое деление, дифференцировав здесь Абхазский, Мегрельский, Аджарский, Гурийский, Имеретинский, Сванетский, Рачинский, Лечхумский, Мцхетский и Картлийский "очаги" [1, с. 285-289]. Спустя десятилетие Д. Л. Коридзе на той же территории выделил следующие "районы" - Аджарский (с двумя очагами - Кахаберским и Кобулетским), Гурийский (с двумя очагами - Супса и Супса-Губазеули), Мегрельский (с двумя очагами - Курзу и Ингурским), Абхазский, Имеретинский (2 очага - Кутаиси-Вани и Квирила-Сачхере), Рачинский (2 очага - Верхний и Нижний), Лечхумский, Сванетский, а также Месхет-Джавахетский, Шида-Картлийский и Кобанский (только топоры) [40, с. 157-158]. Г. Ф. Гобеджишвили в 1952 г. полагал, что Кобанский могильник входит в ареал Колхидской культуры [41, с. 97]. В 1959 г. он отмечал, что вопрос о взаимоотношениях колхидской и кобанской культур еще не исследован по настоящему и поэтому сказать что-либо определенное пока не удастся [2, с. 131-132]. А. Н. Каландадзе в 1954 г. писал, что кобанская культура является локальной разновидностью распространенной в горах и на низменности "колхской" культуры [42, с. III]. Л. С. Сахарова в 1966 г. объединила Абхазию, Рачу и Лечхуми, Сванетию, Северную и Южную Осетию в один локальный северный вариант "западногрузинской" культуры. "Множество обнаруженных в последнее время кладов, - писала исследовательница, - материалы из Абхазии, Сванетии, из погребений Брили и Тли - в корне изменили численное и качественное различие материалов, на которые опирались сторонники самостоятельности кобанской культуры" [43, с. 29]. По-

62

мимо северного Л. С. Сахарова выделила на территории Колхидской культуры еще только один локальный вариант - Южный или Чорохский [43, с. 30].

Весьма показательное мнение “незаинтересованных” - венгерских ученых. Л. Ференци, перечислив существующие указания на различия между колхидской и кобанской культурами, затем говорит об их родстве, которое “соответствует и древней языковой общности местных племен. Племена, жившие в районах рек Терек и Риони, - заключает исследователь, - примерно до середины I тысячелетия до н. э. сохранили свою принадлежность к одной языковой семье” [44, с. 312]. Д. Газдапустаи выделил на территории “кобанской” культуры четыре археологические “подгруппы” - кобанскую, тлийскую, западногрузинскую и эшерскую, которые, по его мнению, различаются присутствием или отсутствием некоторых типов металлических изделий, разницей в керамике и в погребальном обряде [45, с. 2-20].

Особое внимание колхидско-кобанской проблеме в последние годы уделил Б. В. Техов, по мнению которого на территории Центрального Кавказа (в том числе в горных районах Северной и Южной Осетии) процветала однородная, так называемая кобанская культура [46, с. 53]. В своей докторской диссертации Б. В. Техов отстаивал тот тезис, что культура Тлийского могильника является “локальной разновидностью колхидской археологической культуры” [47, с. 48] и что эта культура “продвигалась с южных склонов Большого Кавказа на его северные склоны” [47, с. 49]. Согласно схеме (рис. 10,1). Б. В. Техова на Западном и Центральном Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннего железа существовали прикубанская (до р. Зеленчук на востоке), колхидская (Абхазия, Мегрелия, Аджария, Гурия, Имеретия), Центральнокавказская или Кобанская (северные склоны Большого Кавказа до линии Кисловодск - Нальчик - Орджоникидзе, Южная Осетия на юг до Цхинвали, Рача-Лечхуми-Сванетия). Истоки Кубани исследователь связывает с северокавказской культурой, которая простиралась до Грозного, а дальше до Каспийского моря шла территория Каякентско-Хорчоевской культуры. В Закавказье с востока с Центрально-Кавказской и Колхидской культурами соседствовали Самтаврская и Триалетская культуры, за которыми в бассейне Иори и Алазани размещена Восточно-Закавказская культура (5, карта). На территории Центральнокавказской культуры Б. В. Техов выделил два локальных варианта - северокавказский (горные регионы Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) и южнокавказский (Рача-Лечхуми, Сачхери, Сванетия и горный район Южной Осетии) [5, с. 192]. Вместе с тем там же Б. В. Техов отметил, что “сама западногрузинская (*т. е. колхидская - Ю. В.*) культура эпохи поздней бронзы, по нашему мнению, так же является локальным вариантом бронзовой культуры Центрального Кавказа” [5, с. 189].

Еще в 60-х годах Н. В. Анфимов установил, что западная граница распространения форм кобанского облика проходит по р. Уруп [48, с. 2], что было подтверждено дальнейшими наблюдениями [39, с. 39-43; 49, с. 50-57; 50,

63

с. 210]. Так наметилась основа для выделения еще одного - Верхнекубанского варианта колхидско-кобанской металлургической провинции.

Необходимо также учитывать мнение грузинских исследователей относительно западных районов Восточного Закавказья (Картли и Месхет-Джаваheti), где обнаружено большое число колхидско-кобанских форм. Еще Б. А. Куфтин отмечал, что на ранних этапах поздней бронзы внутренняя Картли находилась в сфере колхидской культуры [23, с. 238]. В сферу колхидской культуры включил Южную Месхетию О. М. Джапаридзе [1, с. 281]. Р. М. Абрамишвили полагал, что и значительная часть Верхней Картли “входила в пределы Колхидской культуры” [51, с. 377]. По мнению Д. Л. Коридзе, в “ареал распространения Колхидской культуры” входили “территории Месхет-Джаваheti, а также в большей или меньшей степени западная, центральная и восточная Шида Картли, почти до р. Арагви” [40, с. 158].

В 1978 г. автор на основе всех этих работ и собственных наблюдений предложил свое

решение колхидско-кобанской проблемы - в Западном Закавказье и Центральном Кавказе существовала единая Западнокавказская или Колхидско-кобанская культурная общность или металлургическая провинция, на территории которой были условно выделены двенадцать локальных вариантов (I - центральноколхидский, II - североколхидский, III - южноколхидский, IV - юговосточнопричерноморский, V - рачалечхумосванетский, VI - тлийский, VII - самтавротриалетский, VIII - центрально-кобанский, IX - восточнокобанский, X - западнокобанский, XI - верхнекубанский и XII - северовосточнопричерноморский) (рис. 10,2) [10, с. 13-14].

Словосочетания “колхидско-кобанская культура”, “колхидско-кобанский круг памятников”, “колхидско-кобанские топоры”, “колхидско-кобанский звериный стиль” довольно прочно вошли в современную кавказоведческую литературу [52, с. 163, 174, 186; 53, с. 4; 54, с. 183-184; 55, с. 16-30] и мне представляется, что это далеко не случайный факт. Выше были перечислены аргументы, давшие основу О. М. Джапаридзе и Е. И. Крупнову выступить против тезиса о колхидско-кобанском культурном единстве. За истекшие с тех пор три десятка лет наука обогатилась огромным по объему и чрезвычайно выразительным археологическим материалом, рассмотрение которого по вариантам, ущельям и отдельным памятникам (поселениям, могильникам, кладам) произведено в ряде докторских (В. Б. Виноградов, Т. К. Микеладзе, Б. В. Техов, Е. П. Алексеева, В. И. Козенкова и др.) и кандидатских (Д. Газдапустаи, Л. Н. Панцхава, Л. Г. Цитланадзе, Л. С. Сахарова, А. Т. Рамишвили и др.) диссертаций и в многочисленных публикациях (Д. Л. Коридзе, М. М. Трапш, М. В. Барамидзе, Р. М. Абрамишвили, О. С. Гамбашидзе, О. М. Джапаридзе, Г. Ф. Гобеджишвили, Ю. Н. Воронов, Г. К. Шамба и др.). Накопленных материалов, как представляется, уже вполне достаточно, чтобы убедиться в несостоятельности большинства доводов в пользу той мысли, что колхидская и кобанская культуры были самостоятельными во всяком случае на уровне металлургической продукции.

1.2.4. Начнем с погребального обряда, которому наряду с керамикой Е. И. Крупнов придавал решающее значение в противопоставлении кобанской культуры колхидской. Говоря с одной стороны о том, что определенной чертой кобанской культуры являются могильные сооружения в форме прямоугольного каменного ящика, сам же Е. И. Крупнов выделил локальные варианты этой культуры, руководствуясь различиями в форме этих сооружений либо отсутствием последних. “Основанием, - пишет В. И. Козенкова, - для выделения указанных групп послужило (при общем сходстве типов поселений, черт погребального обряда, украшений и оружия) видимое различие в формах погребальных сооружений, в керамике и украшениях. Так, для центрального варианта, памятники которого служат эталоном и нередко называются “классическими”, как наиболее полно выражающие характерные признаки кобанской культуры в обряде и инвентаре, на первом этапе были обычны, по мнению Е. И. Крупнова, прямоугольные каменные ящики и сосуды больших и малых форм, украшенные нарезным геометрическим орнаментом, затертым пастой. Для западного варианта, по его мнению, в начале I тысячелетия до н. э. были характерны каменные ящики, близкие к квадрату, и сосуды, украшенные нарезным и семечковидным орнаментом. Погребальные сооружения начала I тысячелетия до н. э. на востоке сначала были неизвестны, но на основе материалов VII—IV вв. до н. э. (могильники) и начала I тысячелетия до н. э. (поселения) он предполагал, что для этого района скорее всего будут характерны грунтовые погребения и сосуды с преобладанием налепного и шипкового орнамента” [56, с. 6].

Погребальные сооружения на территории колхидско-кобанской общности характеризуются (рис. 11, 1-7) прямоугольными или квадратными каменными ящиками (варианты II, V, VI, VIII, X, XI, XII), простыми грунтовыми ямами без каменной обкладки (варианты II, IX, XII) и с каменной обкладкой (варианты V, VI, VII, VIII), кромлехи и кромлеховидные сооружения (варианты II, VI, IX), кремационные камеры и площадки

(варианты I, II, V, VIII), вторичные захоронения в оссуариях и в грунте (варианты II и XII) [6, с. 18, 31; 33, с. 77, 178, 179; 34, с. 184-283; 22, рис. 38, 47; 56, с. 21; 49, с. 52; 46, с. 49, 50; 57, с. 3-16; 58, с. 76-79; 59, с. 20-21; 60, с. 113; 61, табл. I, II; 62].

Погребальный обряд на рассматриваемой территории характеризуется (рис. 11, 6-10) скорченной позой погребенных на левом или правом боку с произвольной ориентацией (варианты II, V, VI, VII, VIII, IX, X, XII), прямой позой погребенных на спине (варианты II, VI, XII), кремацией (варианты I, II, III, VIII), вторичными захоронениями (варианты II и XII) [33, с. 91; 34, с. 184- 283; 56, с. 21; 49, с. 52; 5, рис. 14, 20, 56, 57; 22, рис. 38, 47; 63, рис. 36; 64, с. 153-155; 65, с. 21-22].

Даже столь краткий обзор сведений о погребальных сооружениях и обрядах на территории основного распространения колхидско-кобанских бронз демонстрирует чрезвычайную пестроту этих показателей, особенно на периферии общности (северо-западная Абхазия, северные склоны Большого

65

Кавказа, Восточное Закавказье). Погребальные сооружения в форме каменных ящиков действительно были популярны на Центральном Кавказе, в зоне основного распространения памятников кобано-тлийского круга. Вместе с тем нужно отметить, что аналогичные каменные ящики в ту же эпоху характеризовали и многие другие гористые, богатые камнем районы Кавказа (каякентско-хорочоевская культура Дагестана, Ходжалы-Кедабекская культура в Азербайджане, культура Армении доурартского времени и т. д.) [66, с. 30-34; 67, с. 52; 68, с. 110; 69, с. 133-138, 140]. Столь же распространены были на Кавказе вне пределов колхидско-кобанской общности и скорченные погребения на боку. Например, памятники Ходжалы-Кедабекской или Ганджа-Карабахской культуры характеризуются “грунтовыми могилами, каменными ящиками, курганами с земляной и каменной насыпями. Наиболее распространенный обряд погребения - скорченное, реже вытянутое или сидячее положение трупа; прослежены обряды и трупосожжения, и захоронения в расчлененном виде... встречаются как одиночные, так и коллективные погребения в каменных ящиках...” [68, с. 110]. Скорченная поза на боку характерна для погребений Дагестана [66, с. 39, 106; 67, с. 54]. Скорченные костяки в каменных ящиках характеризуют и многие могильники Армении [69, с. 140]. Как и на территории колхидско-кобанской общности (Абхазия, Стырфаз, восточнокобанский вариант), в смежных районах Северного Кавказа и Закавказья были распространены кромлехи и кромлеховидные погребальные сооружения (см. напр. 70, с. 167-170, где на одном могильнике в одно и то же время использовались грунтовые могилы, каменные ящики со скорченными костяками, кромлехи, срубы и курганы). Наиболее специфичными смотрятся пока погребальные площадки и сооружения с хаотическими скоплениями измельченных костей со следами огня и характерным колхидско-кобанским инвентарем, известные в Абхазии (Ткуарчал, Мерхеул, Шубара), Центральной Колхиде (Палури, Нивгзиани, Мухурча и др.), в верховьях Риони (Брили) и на Северном Кавказе (Верхняя Рутха, Мукулан, Эшакон, Терзе и др.).

Сказанного, как представляется, вполне достаточно для вывода, что ни погребальные сооружения, ни погребальный обряд не дают возможности четко разграничить колхидскую и кобанскую культуры. Если бы все-таки нужно было пойти по такому пути, то на рассматриваемой общности в первую очередь пришлось бы исключить восточнокобанский вариант, Бзыбскую Абхазию и ряд других районов, обладающих обособленным набором признаков.

1.2.5. Столь же непродуктивен оказывается на деле и фактор керамики. Как указывалось выше, помимо погребальных сооружений и обрядов, основным критерием для выделения северокавказских вариантов колхидско-кобанской общности является разница в типах,

фактуре и орнаментации керамических изделий - каждый вариант характеризуется своим специфическим набором посуды, в то время как общие для этих вариантов

66

формы пока не выделены [33, вклейка на с. 136]. Керамика восточнокобанского варианта характеризуется большими шаровидными лощеными корчагами, горшками биконической формы, редкими мисками и кружками. Основная отличительная особенность этой посуды - налепной орнамент, нарезной же и штампованный узоры, характерные для памятников центральнокобанского и западнокобанского вариантов, встречаются здесь “лишь эпизодически и большей частью в сочетании с налепным” [56, с. 46]. Керамика центральнокобанского варианта представлена кружками с высокой ручкой, крупными биконическими сосудами с узким горлом, мисками и горшками. Поверхность этих сосудов часто оформлена лощением, орнамент нарезной, геометрический, иногда затерт белой пастой, иногда рельефный - сосцевидные выпуклины, вертикальные или наклонные каннелюры или борозды по тулову [33, табл. XVI—XVIII, XXII—XXIV]. Керамика западнокобанского варианта характеризуется очень специфическими чашами-мисками с вертикальным венчиком, напоминающим по форме бронзовые миски колхидско-кобанского круга, крупными горшками, округлодонными горшочками без ручек, которые Е. И. Крупнов считал заносными с запада. Орнамент нарезной - заштрихованные треугольники, квадраты, иногда в шахматном порядке. По всем своим особенностям эта керамика, по мнению Е. И. Крупнова, “резко отличается от керамических форм самого кобанского могильника... отличается она и от керамических форм, расположенных далее к востоку” [33, табл. XVI—XVIII, XXII—XXIV]. На территории верхнекубанского варианта посуда представлена обломками с геометрическим и рельефным орнаментом, своеобразие которого служит основанием для выделения варианта [49, с. 54-55]. В Тлийском могильнике керамика представлена кружками, мисками, биконическими и банкообразными сосудами. Кружки и миски по форме близки к соответствующим бронзовым изделиям колхидско-кобанского круга - общий контур, зооморфные ручки у кружек. Для большинства изделий характерно частичное черное лощение. В тлийской керамике усматривается влияние восточнозакавказской, колхидской и северокавказской культурных традиций [47, с. 68-73]. В керамике рача-лечхумосванетского варианта судя по очень скудным публикациям присутствуют колхидские формы - кружки с зооморфными ручками, двуручные котлы, горшки, миски с частично лощеной поверхностью; орнамент нарезной и штампованный [41, с. 113; 71, табл. XXXIV-XXXV]. Однако, согласно любезной консультации М. В. Барамидзе, в целом керамика из Рача-Лечхуми по своему облику отличается от керамики Центральной Колхиды и Абхазии, проявляя в то же время сходство с памятниками типа Кобана. Для североколхидского варианта характерны крупные корчаги, кружки с зооморфными ручками, котловидные сосуды, горшки, стенки которых были залощены, украшались каннелюрами, нарезным, штампованным и налепным орнаментом [6, с. 18-31]. Северозападнозакавказская керамика раннежелезной эпохи пока ха-

67

характеризуется главным образом крупными корчагами - оссуариями, типы, фактура и орнаментация которых, судя по находкам, (Гагра, Веселое), резко отличаются от посуды, бытовавшей восточнее р. Бзыбь [11, рис. 1.1; 12, рис. 18.1]. Керамика центральноколхидского варианта представлена крупными корчагами, кружками с зооморфными ручками, мисками, горшками, стенки которых обработаны коричневым и черным лощением, вертикальными каннелюрами, украшены нарезным, штампованным и налепным орнаментом [72, табл. 46-60, рис. 48; 61, табл. III—IX]. Керамические формы

южноколхидского варианта в основном соответствуют центральноколхидским - особенно популярны кружки с зооморфными ручками и каннелиро- ванная керамика [73, рис. 4-11]. В самтавротриалетской области в керамических изделиях преобладают восточнозакавказские формы, однако отмечается и присутствие характерных колхидских форм (сосуды с зооморфными ручками, миски и др.) [72, с. 200, рис. 54]. Внимательное сопоставление керамических изделий Колхиды с северокавказской керамикой, особенно из памятников центрально-кобанского варианта, позволяет уловить ряд, возможно, не совсем случайных сходных черт - это кружки с высокими ручками, горшки и миски, лощение поверхности и вертикальные каннелюры на стенках сосудов, в орнаменте мотивы паркета, бегущей спирали, использование нарезных и штампованных узоров [33, табл. XVII, 3; XVIII, 4; XXII, 1, 3; XXIII, 2, 6; XXVII, 1-3; XXXIX, 12; IX, 3; 72, табл. 46,4; 56,3; рис. 48, 49; 61, табл. III, 116, 338; IV, 612; 6, табл. XXIII, 24; 50, с. 203]. В памятниках круга Тли к этим признакам добавляются “рогатые” ручки и некоторые другие колхидские элементы [5, с. 68-73]. В этой связи обращает на себя внимание широкое распространение по всей рассматриваемой территории специфических бронзовых кружек с зооморфными ручками, несомненно копирующих один из распространеннейших типов колхидской керамики [74, с. 34]. Во всяком случае разница в облике керамики центральнокобанского и центральноколхидского вариантов не более разительна, чем та же разница между центральнокобанским вариантом и примыкающими к нему непосредственно западнокобанским и восточнокобанским вариантами. Следовательно и керамика не может сегодня служить реальным основанием для обособления колхидских и кобанских памятников на уровне культур - имеющаяся разница вполне объяснима уже на уровне вариантов. Так, например, определенная разница в облике керамики и даже присутствие или отсутствие одной из ведущих форм (“сотчатая” посуда) не служат препятствием для выделения в Среднем Поволжье и Прикамье единой Раннеананьинской культуры с рядом локальных вариантов [75, с. 243, рис. 94]. Кстати территория этой культуры по своим размерам (1000x600 км) вдвое больше той территории, которую охватывала рассматриваемая колхидско-кобанская металлургическая провинция (450x350 км).

1.2.6. Перейдем теперь к обзору последней группы признаков, подчер-

68

кующих, по мнению исследователей, разницу между кобанскими и колхидскими памятниками - признаков, охватывающих бронзовый инвентарь. В качестве важного аргумента используются колхидские бронзовые мотыги и мотыгообразные “сечки”, которые в кобанских памятниках (за исключением единичных находок в Южной Осетии) до недавнего времени не встречались [1, с. 283; 33, с. 80]. Однако, во-первых, это обстоятельство объясняется не столько различиями в происхождении, сколько разницей в укладе хозяйства - могильники типа Кобана и Тли оставлены скотоводами, в то время как в Колхиде ведущим типом хозяйства было земледелие [25, с. 131; 1, с. 283; 40, с. 156], во-вторых же, в последнее время и на Северном Кавказе обнаружены бронзовые мотыги, типологически близкие к колхидскому варианту с узким лезвием [76, с. 26]. Топор-цалда, на который указывают как на отличительный признак всей колхидской культуры [1, с. 283], в действительности характеризует только ее южные районы - севернее р. Риони на территории Абхазии, Центральной Колхиды и Рача-Лечхуми такие изделия не найдены [40, с. 157]. Плоские топоры-тесла, на которые тридцать лет назад ссылались, как на отличительный признак Колхидской культуры [1, с. 283], теперь хорошо представлены и в кобанских комплексах [56, табл. XVII, 15; XX, 3]. Тогда же считали, что наконечники копий с расщепленной тульей в кобанской культуре отсутствуют [1, с. 283]. Позже и этот признак отпал [33, с. 99-100]. Еще в 1960 г. Е. И. Крупнов полагал, что в колхидских

памятниках отсутствуют высокие кобанские пряжки, крупные булавки, широкие браслеты со спиральными концами [33, с. 80]. Теперь все эти формы уже достаточно ярко представлены как на территории Абхазии [52, табл. III, 7; 64, табл. XXVI, 14, 16, 18; 11, рис. 1, 2, 3; 2, 14], так и в других районах Колхиды [40, рис. 11, 11-12, табл. XXIV, 1; 61, табл. XVII, 407, 537]. Аналогично положение и главного отличительного признака кобанской бронзы - топоры с дважды изогнутым корпусом. В последнее время находки такого топора участились на территории Абхазии [53, рис. 16,2-3; 8, рис. 5, 2; 11, рис. 5, 1], где найден и первый железный его образец, указывающий на местное изготовление таких топоров в Северо-Западной Колхиде [52, рис. 16, 3]. И, наконец, упомянем еще один аргумент, введенный Е. И. Крупновым в заключение списка всех этих признаков - “в кобанских изделиях преобладает оловянистая бронза, в колхидских - мышьяковистая медь” [33, с. 81]. В действительности соответствующими исследованиями установлено, что и синхронные кобанским колхидские изделия изготовлены преимущественно из “высокооловянистой” бронзы, а последний признак в Кобане объясняется закавказским влиянием [77, с. 50-55; 40, с. 130-132; 78, с. 81; 79, с. 80-81; 78, с. 148-162]. О. М. Джапаридзе утверждал, что “в результате изучения выясняется, что в этих культурах (*колхидская и кобанская* - Ю. В.) определенное сходство заключается, главным образом, в предметах вооружения (топоры, кинжалы)” [1, с. 283]. Эту точку зрения с незначительными оговорками поддер-

69

жал и развил Е. И. Крупнов [33, с. 79-105]. Однако фактический материал, накопившийся в последние годы, как представляется, говорит совершенно о другом - в колхидских и кобанских памятниках мы находим огромное количество сходных форм и черт, которые свидетельствуют (говоря словами Е. И. Крупнова, высказанными им по тому же поводу, но на основе лишь одного типа колхидско-кобанских топоров) “о социально-культурном единстве” [33, с. 84], охватившем в начале I тысячелетия до н. э. все Западное Закавказье и Центральный Кавказ. Б. В. Техов достаточно убедительно объединил соответствующие памятники Рача-Лечхуми, Сванетии и Южной Осетии в один “самостоятельный вариант позднебронзовой культуры Центрального Кавказа”, тем самым подчеркнув единство одного из наиболее ярких очагов Колхидской культуры с кобанскими памятниками [46, с. 47-53; 47, с. 184-193]. Опираясь на материалы из Кобанского и Тлийского могильников, постараюсь показать, что и территория современной Колхиды, в том числе и Абхазии не может быть оторвана от этого единства.

“Наконец, мы не можем, - писал Е. И. Крупнов, - не указать на поразительное сходство отдельных категорий предметов из могильников кобанской культуры центральной части Северного Кавказа с обильными находками бронзы из Юго-Осетии, Имеретии, Абхазии, Гурии, Аджарии и даже южного, Турецкого побережья Черного моря (Орду)” [33, с. 79]. Это сходство проявляется однако, как было показано выше, не в “отдельных”, а буквально в абсолютном большинстве бронзовых предметов, будь то оружие, детали одежды или украшения (рис. 12 и 13). Среди изделий, объединяющих колхидские варианты с памятниками круга Кобана и Тли нужно в первую очередь назвать бронзовую посуду - кружки с зооморфными ручками [33, табл. XV,4-5; 47, рис. 63; 64, табл. XIV,4; 81, рис. 196, табл. XXXV, 22), миски (6, табл. XLVII, 1; 47, рис. 64; 82, табл. XXXII, 2) и ритоны (6, табл. XXXV, 1-9; 33, табл. НИ; 38, рис. 5, 10; 81, рис. 275; 83), вооружение - все три основных типа топоров [8, табл. XXXV, 1-9, 22-26; 11, рис. 2, 1-5; 3, 1,2; 4, 1-3; 5, 1; 6, 1,2; 33, с. 82-84, рис. 8, табл. XV, 2; 47, рис. 66-82; 81, табл. III—VIII], наконечники копий [63, табл. XII, 2; XIV, 5-7; 72, рис. 42; 47, с. 79-80; 84, табл. IV, 2], кинжалы [47, рис. 84-87; 89, 1-2; 63, табл. X, 5; XX, 2, рис. 27, 2; 81, табл. IX, 2; X, 2; XII, 1; XIII, 3; XXXIV, 1], некоторые наконечники стрел [9, рис. 2, 28; 85, рис. 1, 1], из предметов одежды - все три типа фибул [47, рис. 103-104; 63, табл. X, 4; 64, табл. XII, 3], пластинчатые пояса и

большинство типов пряжек [33, табл. XLI, 18,19; XLVII, 5,8; 64, табл. XXVI; 81, табл. XIV-XXV; 86, рис. 1, 1-3; 47, рис. 95-98, 102], двуспиральные крючки [47, рис. 05, 1-6; 63, табл. XIV, 3; 81, табл. XXII, 2], различного типа булавки [8, рис. 2, 12-13; 11, рис. 1, 2, 3; 2, 11, 24, 25; 81, табл. XXII, 5; XXVII, 2; 87, табл. III], ножные и ручные браслеты основных типов [33, табл. XXXIX, 2; XVIII, 9-10; 34, рис. 16, 14; 47, рис. 109, 110; 52, табл. II, 7; III, 4, 7; 63, табл. XVI, 2; XVII, 3; 81, рис. 9; 84, табл. VII, 3], шейные гривны [11, рис. 5, 8-10; 24, табл. VII, 3; 33, табл. XXXIII, 4; XIV, 7, 8; 64, табл. XXIII, 1], из мелких

70

украшений - биконические бусы из проволоки [33, табл. XXXIV, 5, 6; 34, рис. 16, 10; 64, табл. XXII, 7], спиральные трубочки [8, рис. 2, 14, 15; 33, табл. V, 9; 47, рис. 113, 33—47; 52, табл. IV, 7; 81, табл. XXVI, 7], привески в виде топориков, фигурок животных и птиц [33, табл. IV, 2; V, 4-6; XIX, 1; 47, рис. 112, 1- 12; 64, табл. XXVII, 5, 6, 8, 9), крестовидные подвески [33, табл. IV, 3; 47, рис. 112, 13-18; 52, табл. IV, 6; 64, табл. XXVII, 18], височные подвески [6, табл. XIV, 17, 24, 25; 47, рис. 114, 3, 4, 18, 30, 31; 64, табл. XXVII, 4, 7]. Отметим также пекторали [34, рис. 9, 2; 63, рис. 31; 88, рис. 13], навершия - амулеты [47, рис. 106; 64, табл. XXVII, 10], протомы животных [47, с. 108; 87, табл. XI, 1, 2], пинцеты [47, рис. 94; 64, табл. XXV, 10-14]. Наконец для рассматриваемой темы исключительно важен гравированный орнамент, покрывающий большинство этих изделий, который как по исполнению, так и по сюжету настолько един, что пока не дает никаких возможностей дифференцировать колхидско-кобанские древности с этой позиции даже на уровне вариантов [53, с. 2-5].

1.2.7. Говоря о локальных вариантах колхидско-кобанской культурной общности, нельзя обойти молчанием трудный вопрос происхождения этих вариантов. Совершенно ясно, что самобытный комплекс колхидско-кобанских бронзовых изделий не мог одновременно возникнуть на всей территории их преимущественного распространения, что необходимо искать тот основной очаг, откуда распространились соответствующие формы и традиции. Применительно к Северному Кавказу уже имеющийся в распоряжении науки материал привел исследователей к единодушному и, на мой взгляд, совершенно обоснованному выводу, что формирование всех прочих локальных вариантов кобанской культуры было обусловлено миграциями кобанцев из высокогорных районов Осетии. Е. И. Крупнов применительно к восточнокобанскому варианту его появление объяснил либо как результат “отпочковывания... племенной группы от основной” [33, с. 241], либо как следствие “колониционного потока древних кобанских племен в восточные районы Северного Кавказа” [33, с. 211]. В. И. Козенкова рассматривает восточнокобанский вариант как результат “экспансии кобанцев из горных районов Центрального Кавказа на восток” [56, с. 8]. Д. Газдапустай полагал, что памятники “кабардино-пятигорской и восточной групп” возникли на основе “экспансии” кобанцев с Центрального Кавказа [45, с. 6]. По В. Б. Виноградову, “кобанские племена - первоначальные выходцы из горных районов Центрального Кавказа” [34, с. 232-233]. Аналогичная точка зрения обосновывается С. Л. Дударевым [89, с. 5-13].

Таким образом, первоначальный очаг возникновения и развития кобанских форм северокавказскими исследователями локализуется в горной зоне Центрального Кавказа - в районе, где достаточно суровые природные условия препятствовали развитию земледелия и разрешали лишь сезонное скотоводство. Ясное понимание того, что в этих условиях появление столь продуктивных и многочисленных человеческих коллективов, какими являлись “кобанские племена”, объяснить невозможно, заставляет искать ис-

71

точник соответствующих форм южнее, главным образом в бассейне Риони. А. А. Иессен уже в своих ранних работах отмечал, что “первоначальной базой возникновения кобанского комплекса металлических изделий является Западное Закавказье” [26, с. 96]. Позднее А. А. Иессен констатировал в Северной Осетии “разрыв преемственности в развитии металлических изделий и...наслоение новых, привнесенных извне, главным образом из Западного Закавказья, форм и технических приемов” [28, с. 80]. Подвергнутая критике со стороны Е. И. Крупнова, эта точка зрения все же остается до сих пор наиболее популярной, особенно в среде закавказских исследователей (С. Н. Джанашия, Б. А. Куфтин, А. Н. Каландадзе и др.).

Л. С. Сахарова, объединив в один северный вариант “западногрузинской культуры” территории Абхазии, Сванетии, Рача-Лечхуми, Северную Осетию и горную часть Южной Осетии, металлургический центр этого объединения локализует в Рача-Лечхуми [43, с. 28]. Б. В. Техов справедливо отмечает, что “по материалам... тлийских комплексов можно проследить... теснейшие... контакты с культурой соседних областей, особенно нынешней территории Рача-Лечхуми-Имерети, где находился главный центральнокавказский очаг бронзовой металлургии... богатая бронзовая культура постепенно проникла с южного склона Главного Кавказского хребта на северный, где таким образом появилась ее периферия. Проникновению позднебронзовой культуры с южного склона Главного Кавказского хребта на северный способствовали перевальные пути, главным образом Мамисонский перевал, Дарьяльский и другие проходы. Основной периферийный центр располагался в бассейне р. Гизальдон в Кобанском ущелье” [47, с. 214]. В свете накопленных до сего дня материалов эти выводы представляются наиболее убедительными.

В распоряжении исследователей Колхиды 50 - начала 60-х годов оставались в основном материалы, добытые в предыдущие два десятилетия в результате сбора случайных находок и чрезвычайно ограниченных раскопок небольшого числа поселений и могильников. В последние полтора десятилетия XX в. широко развернувшиеся исследования показали присутствие на территории Центральной Колхиды большинства исходных элементов колхидско-кобанской культуры [90, с. 66-78; 91; 92; 93, с. 47-58; 94, с. 60-71; 95, с. 17-34; 96, с. 53—61; 97; 61, с. 96-123]. Чрезвычайно показателен тот факт, что до сих пор на Северном Кавказе известны лишь две формы для отливки колхидско-кобанских топоров (Сержень-Юрт) [98, рис. 22; 99, рис. 13, 15], в то время как целый ряд таких форм (как бронзовых, так и каменных) засвидетельствован в Колхиде, причем не в ее горных, а в низменных районах [40, рис. 24; 77, с. 54-66; 100, табл. IX, 4, 5; 101, табл. XXXI, 4; 9, рис. 21, 5]. Эти факты позволяют утверждать, что Колхидская низменность и прилегающая к ней зона холмистых предгорий были главными потребителями добывавшегося в горах металла. Здесь в низинах, где происходило изготовление соответствующих предметов, скорее всего и шла основная работа ремесленников по выработке и совершенствованию ос-

72

новых форм колхидско-кобанских бронз. О том же говорят и многочисленные прототипы колхидско-кобанских топоров, найденных в различных пунктах Западного Закавказья от Гагры до Батуми [22, с. 17; 55, с. 16-30; 52, с. 174-186]. Большое число поселений II - начала I тысячелетий до н. э., разбросанных по всей Центральной Колхиде и тяготеющее к этой же зоне огромное число кладов бронзовых изделий, в которых ведущее место занимают землеобрабатывающие орудия, должны свидетельствовать о существовании в этом районе в эпоху поздней бронзы и раннего железа достаточно развитой земледельческой культуры [55, с. 155-157]. Роль больших рек с их плодородными наносами в истории ранних цивилизаций хорошо известна [102]. Хотя Риони и не относится к числу таких рек, но все же можно полагать, что в конце II - начале

I тысячелетий и здесь сложились условия, способствовавшие определенному расцвету земледелия в низинах, а в предгорьях и горных зонах животноводства, а так же максимальному освоению местной горно-рудной базы и росту населения, что в конечном счете привело к миграции отдельных групп колхидцев через перевалы Сурамского и Главного Кавказского хребтов на Северный Кавказ и в Восточное Закавказье. Миграции эти, носившие, вероятно, первоначально, сезонный характер [103, с. 291] (если принять достаточно убедительную версию о преимущественной скотоводческой специализации общин, оставивших могильники типа Кобана и Тли), затем могли привести и к оседанию части колхидцев сначала в глубине ущелий вблизи перевалов, а затем и на прилегающей плоскости. “Территориальная близость горных пастбищ, - отмечает в этой связи Б. Б. Пиотровский, - и мест разработки медных руд, на которых было основано ремесло, создавала при сравнительно еще неразвитом обмене, благоприятные условия для развития культуры племен, живших в горных районах Кавказа”. Наиболее интенсивно этот начавшийся еще в III-II тыс. до н. э. процесс, судя по данным, рассмотрению которых была посвящена первая глава настоящего исследования, протекал в VIII—VII вв. до н. э.

1.2.8. Итак, наиболее правильным, в свете имеющихся данных, будет признание колхидско-кобанской общности в первую очередь на уровне продукции металлообработки. Если основной очаг этой общности убедительно локализуется в Западном Закавказье (прежде всего, в бассейне Фасиса- Риони), то его северо-кавказские и восточно-закавказские варианты либо предстают в виде периферийных, вторичных в системе очагов (Кобан, Тли), либо в качестве зон более или менее интенсивного культурного воздействия, которое могло идти как через определенное число колхидцев, оседавших среди аборигенного населения, так и в результате регулярных (сезонных) контактов между первыми и вторыми. В этом случае варианты и локальные различия в керамике и погребальных обрядах становятся особенно понятными и легко объяснимыми. Таковой представляется в главных чертах история формирования колхидско-кобанской металлургической провинции.

73

1. Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии. - СА, 1953, т. XVIII.
2. Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Джапаридзе О. М., Каландадзе А. Н., Ломтадзе Г. А., Хоштария Н. В. Археология Грузии. Тбилиси: изд-во АН СССР, 1959.
3. Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М.: Наука, 1964.
4. Квирквелия Г. Т. Материальная культура северо-западной Колхиды в VIII—V вв. до н. э.; Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН СССР, 1981.
5. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
6. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969.
7. Воронов Ю. Н. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии): Автореф. канд. дис., М.: МГУ, 1971.
8. Воронов Ю. Н., Вознюк А. С. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР. - СА, 1975, №2.
9. Воронов Ю. Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Сухуми: Алашара, 1977.
10. Воронов Ю. Н. Западнокавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа (“Колхидско- кобанская культура”). - В кн.: VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978.
11. Воронов Ю. Н., Гунба М. М. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии. - СА, 1978, №2.
12. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Красн. кн. изд-во., 1979.

13. Стражев В. И. Бронзовая культура в Абхазии. - ИАНО, 1926, вып.4.
14. Иващенко М. М. Исследования архаических памятников материальной культуры в Абхазии. - ИНИИК, 1935, вып. 3.
15. Фадеев А. К вопросу о генезисе кобанской культуры в Абхазии. - ТАНИИК, 1934, вып. 2.
16. Ivaseenko M. M. Beitrage zur Vorgeschichte Abchasiens. - ESA, 1932, Bd. VII.
17. Иващенко М. М. Материалы к изучению культуры колхов. - МИГК, 1941, вып. 2.
18. Джанашиа С. Н. Общественные науки в Советской Грузии к 20-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции - ИИЯИМК, 1937, т. I.
19. Джанашиа С. Н.-Тубал-Табал, Тибарен, Ибер.-ИИЯИМК,1937, т. I.
20. Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства, т. I. М.: Искусство, 1950.
21. Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. - ТОИПКГЭ, 1941, вып. 1.
22. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1941.
23. Куфтин Б. А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе поданным археологии. - ВГМГ, 1942, XII-В.
24. Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1949.
25. Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. - ИГАИМК, 1935, вып. 120.
26. Иессен А. А. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. - В кн.: Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. М.-Л., 1939.
27. Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.: изд-во ЛГУ, 1947.
28. Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. - МИА, 1951, №23.
29. Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л.: изд-во ЛГУ, 1949.
30. Иессен А. А. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и в начале I тысячелетия до н. э. - КСИА, 1947, вып. XVIII.
31. Джапаридзе О. М. Колхидский топор. - ВГМГ, 1950, т. XVI-В.
32. Крупнов Е. И. Древняя история Кабарды. - Ученые записки БНИИ, 1952, т. VII.
33. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука, 1960.
34. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечен.-Инг. кн. изд-во, 1972.

74

35. Чеченов И. М. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры. - В кн.: Археолого-этнографический сборник, вып. 1. Нальчик, 1974.
36. Марковин В. И., Мужухоев М. Б. Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии. - В кн.: Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.
37. Марковин В. И. Рец. на кн.: В. И. Козенкова. Кобанская культура. Восточный вариант. - САИ, вып. В2-5, М., 1977. - СА, 1980, №1.
38. Козенкова В. И. О южной границе восточной группы кобанской культуры. - СА, 1978, №3.
39. Козенкова В. И. О границах западного варианта кобанской культуры. - СА, 1981, №3.
40. Коридзе Д. Л. К истории колхской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1965.
41. Гобеджишвили Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1952.
42. Каландадзе А. Н. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми: Абгиз, 1954.
43. Сахарова Л. С. Позднебронзовая культура ущелья реки Цхенисцкали: автореф. канд. дис., - Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1966.
44. Ференци Л. Вопросы хронологии некоторых кавказских спорадических находок

- коллекции Зичи. - In: Aziparmbveszety Museum evk4nyvei, III- IV (1959), Budapest, 1960.
45. Газдапустаи Д. Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу. Автореф. канд. дис., Л.: ЛГУ, 1962.
46. Техов Б. В. О культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии в конце II и в первой половине I тысячелетия до н. э. - МАДИСО, 1969, т. II.
47. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI- X вв. до н. э.: Автореф. докторск. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1974.
48. Анфимов Н. В. Исследования памятников раннежелезного века на Кубани. - АО - 1966. М., 1967.
49. Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М.: Наука, 1971.
50. Козенкова В. И., Найдено А. В. Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольский край). - СА, 1980, №1.
51. Абрамишвили Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. - ВГМГ, 1961, т. XXII-В.
52. Трапш М. М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Труды в 4-х томах, т. I. Сухуми: Алашара, 1970.
53. Панцхава Л. Н. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур: Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1975.
54. Шамба Г. К. О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района. - ИАИ, 1973, вып. II.
55. Коридзе Д. Л. Клад из сел. Лыхны и вопрос о генезисе колхидско-кобанских топоров. - ВГМГ, 1968, т. XXV-В.
56. Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант, - САИ, 1977, вып. В2-5.
57. Техов Б. В. Стырфазские кромлехи. Цхинвали: Ирыстон, 1974.
58. Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В., Членова Н. Л. Крематорий могильника Верхняя Рутха в Северной Осетии. - В кн.: III Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978.
59. Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В., Членова Н. Л. Этнические и социальные черты населения, оставившего могильник Верхняя Рутха (Северная Осетия). - В кн.: Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Вопросы этносоциальной и культурной истории Средней Азии и Кавказа. Май, 1978 г. Л.: Наука, 1978.
60. Гобеджишвили Г. Ф. Погребения эпохи бронзы в Брили. - В кн.: Археология Грузии. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1959.
61. Окропиридзе П. И., Барамидзе М. В. Палурское "Садзвле", (итоги работ 1968 г.). - МАГК, 1974, вып. VI.
62. Шамба Г. К. Эшерские кромлехи. Сухуми: Алашара, 1974.
63. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, I. - Тбилиси: Техника да шрома, 1949.

75

64. Трапш М. М. Древний Сухуми, Труды в 4-х томах, т. II. Сухуми: Алашара, 1969.
65. Козенкова В. И. Об обряде трупосожжения в кобанской культуре. - В кн.: IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1978.
66. Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности. Каякентско-Хорочоевская культура. - МИА, 1969, №122.
67. Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.
68. Минкевич-Мустафаева Н. В. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. - МКА, 1962, т. IV.
69. Есяян С. А. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1976.
70. Тушишвили Н. Н. Маднисчальский могильник. Тбилиси, 1972.
71. Чартолани Ш. Г. Археологические памятники эпохи бронзы из Сванетии, I. Тбилиси:

Мецниереба, 1977.

72. Куфтин Б. А. Материалы по археологии Колхиды, II. - Тбилиси: Техника да шрома, 1950.
73. Хахутайшвили Д. А. К хронологии колхидско-кобанского центра древнежелезной металлургии. - КБС, 1977, вып. V.
74. Сахарова Л. С. Бронзовые клады из Лечхуми.-Тбилиси: Мецниереба, 1976.
75. Халиков А. Х. Волго-Камье в начале раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977.
76. Ковалевская В. Б., Козенкова В. И. Новейшие раскопки поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа Уллу-баганалы II в Карачаево-Черкессии. В кн.: IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979.
77. Тавадзе Ф., Сакварелидзе Т. Бронзы древней Грузии. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1959.
78. Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.
79. Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. - СА, 1978, №4.
80. Корневский С. Н. Химический состав бронзовых изделий из Тлийского могильника. - СА, 1981, №3.
81. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. - МАК, 1900, вып. VIII.
82. Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Paris-Lion, 1886.
83. Кривицкий В. Бронзовый ритон из собрания Эрмитажа. - СГЭ, 1977, вып. XLII.
84. Козенкова В. И. Вопросы хронологии Восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии. - МАД, 1977, вып. VI.
85. Магомедов А. Р. Новые данные по металлообработке у древнего населения Чечено-Ингушетии. - В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
86. Гунба М. М. Погребение эпохи поздней бронзы из села Ачадара Сухумского района. - ИАИ, 1978, вып. VII.
87. Лукин А. Л. Эшерская находка. - ТАИ, 1956, т. XXVII.
88. Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII веков до н. э. на Северном Кавказе. - ВССА, 1954.
89. Дударев С. Л. О причинах миграции кобанских племен в предгорноплоскостные районы в начале I тысячелетия до н. э. - В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: Чечен.-Инг. Кн. изд-во, 1979.
90. Коридзе Д. Л., Гогодзе Э. М., Джавахишвили Г. И. Результаты работ носирской археологической экспедиции в 1970-1971 годах. - АЭГМГ, 1974, вып. III.
91. Чартолани Ш. Г. Материалы по археологии Сванетии, I. - Тбилиси: Мецниереба, 1976.
92. Чартолани Ш. Г. Археологические памятники эпохи бронзы из Сванетии, I. - Тбилиси, 1977.
93. Гогодзе Э. М., Джавахишвили Г. И., Сагинашвили М. Н. Отчет о работе Носирской археологической экспедиции за 1972-1973 гг. - АЭГМГ, 1975, вып. IV.
94. Гогодзе Э. М., Панцхава Л. Н., Дариспанашвили М. В. Работы Носири-Мухурчской археологической экспедиции в 1974-1975 гг. - АЭГМГ, 1977, вып. V.

76

95. Хахутайшвили Д. А. Материалы по истории древнеколхидской металлургии железа. - ПЮЗГ, 1978, вып. VII.
96. Гогодзе Э. М., Панцхава Л. Н., Дариспанашвили М. В., Коридзе Д. Л. Результаты работ Мухурчской экспедиции за 1976-1977 г. -АЭГМГ, 1978, вып. VI.
97. Микеладзе Т. К. Археологические исследования в низовьях р. Риони. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
98. Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. - МИА, 1952, №23.

99. Иерусалимская А. А., Козенкова В. И., Крупнов Е. И. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. - КСИА, 1963, №94.
100. Инаишвили А. К. Дидаджарский клад и некоторые вопросы истории материальной культуры древней Колхиды. - ПЮЗГ, 1975, вып. V.
101. Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В., Инаишвили А. К., Хахутайшвили Д. А., Мухелишвили Д. Исследования Колхидской археологической экспедиции. - КСПАИГ в 1974 году, 1976.
102. Коростовцев М. А. О понятии "Древний Восток". - ВДИ, 1970, №1.
103. Шамилдзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства в Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
-

77

РАЗДЕЛ II. КОЛХИДА В ЭПОХУ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ И ЭЛЛИНИЗМА (VI-I вв. до н. э.)

ГЛАВА I. ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКОВ VI-II вв. до н. э.

2.1.1. Решение вопросов хронологии аборигенных памятников VI-I вв. до н. э. в Колхиде облегчается тем, что в ряде характерных комплексов этого периода особенно в Центральной Колхиде присутствуют хорошо датирующие импортные (главным образом, греческие) изделия. В то же время до сих пор не сложилось единого мнения во взглядах на дату тех комплексов, в которых такие изделия отсутствуют и которые, например, в окрестностях Диоскуриады относятся то к VIII—VI [1, с. 76-78, 208], то к V-IV вв. до н. э. [2, с. 46-59]. В исследованиях этих вопросов важную роль играет синхронизация материалов трех ведущих районов Западного Закавказья - юго-восточного, где основное значение имеют памятники Пичвнари, исследуемые А. Ю. Кахидзе [3; 4, с. 4-12; 5, с. 49-101; 6, с. 25-53; 7, с. 42-58; 8; 9], центрального, где вдоль Риони располагается большое число объектов рассматриваемого времени ("хора" Фасиса, Вани и его окрестности, Итхвиси и др.), исследованных в разное время Б. А. Куфтиным [10, с. 11-113], О. Д. Лордкипанидзе [11; 12; 13; 14], Т. К. Микеладзе [15], Г. А. Лордкипанидзе [2, с. 60-91], Ю. М. Гагошидзе [16, с. 31-45], Н. 111. Кигурадзе [17] и др., и, наконец, северо-западного района ("Северная Колхида"), где главное место занимают могильники и поселения в окрестностях Диоскуриады (Красный Маяк, Сухумская гора, Гуад-иху, Эшера, Ахул-абаа и др.), исследование которых проводилось Б. А. Куфтиным [18, с. 21-99], А. Н. Каландадзе [19], М. М. Трапш [1, с. 17-284], Г. К. Шамба [20, с. 22-31; 21, с. 23-29; 22, с. 98-112; 23, с. 127-136; 24], М. В. Барамидзе [25], Ю. Н. Вороновым [26, с. 32-36; 27, с. 218-234; 28, с. 210-216; 29, с. 36-76], Г. Т. Квиркелия [30] и др.

2.1.2. В первом разделе настоящей работы было показано, что наиболее ранние материалы скифского облика на прилегающей к Западному Закавказью территории датируются в рамках конца VII - первой половины VI вв. до н. э. Еще в 1969 г. я на основе анализа соответствующих материа-

78

лов из Абхазии высказал [31, с. 74], а в 1971 г. обосновал [32, с. 24] гипотезу, согласно которой (в противовес мнению Е. И. Крупнова) скифы в своих походах на юг до начала VI в. до н. э. Меото-Колхидским путем не пользовались, а наиболее ранние материалы скифского облика в Колхиде должны быть связаны с моментом ухода скифов из Передней

Азии в Северное Причерноморье, который последовал сразу же после разгрома скифами Кармир-Блура, т. е. около 585 г. до н. э. [35, с. 115-116, 240]. Эта точка зрения получила подтверждение и дальнейшее развитие в трудах В. А. Ильинской [34, с. 18], М. И. Артамонова [35, с. 32-34] и М. С. Пирцхалава [36, с. 52]. На этой основе появилась реальная возможность определения облика материальной культуры Колхиды в VI в. до н. э.

Прежде всего напомним давно известные погребения со скифским инвентарем из Куланырхского могильника [37, с. 21-25, 40-57]. Сочетание бронзовых удил со стремечковидными концами и трехпетельчатых железных псалий (рис. 7, 14, 15) датирует комплекс Куланырхуа-4 временем не ранее первой половины VI в. до н. э. [38, с. 113, 114; 39, с. 142-144, рис. 2; 40, табл. 1, 17, 23, 26; 27, с. 230]. Упомянутые псалии вместе с однотипными псалиями из Кармир-Блура и Келермесса, датируемыми началом VI в. до н. э. [41, рис. 1, 5], считаются наиболее ранними в числе подобных изделий, широко бытовавших в Скифии вплоть до конца VI в. до н. э. [42, с. 106]. Присутствие в колчанном наборе владельца коня (комплекс Куланырхуа-5) трехлопастных наконечников первой половины VI в. до н. э. (рис. 7, 10) [34, с. 18, рис. 4,4] датируют тем же временем железные топоры вытянутого контура. Такие топоры, связываемые по происхождению с бронзовыми колхидско-кобанскими топорами [43, с. 48-52], широко представлены в комплексах исключительно раннескифского времени как на Кавказе [44, с. 245-246], так и в Северном Причерноморье [42, с. 92-93] и, следовательно, сами являются важным датирующим признаком. Аналогичное значение следует придавать и железному кинжалу из того же погребения (рис. 7, 13), подобные которому характеризуют комплексы раннескифского времени в Тли (рис. 1, 53) и Самтавро (рис. 4, 45), и которые представлены в материалах конца VII - начала VI вв. из Кармир-Блура [45, с. 37, рис. 18; 46, рис. 2, 27].

Несколько более поздним временем, в рамках середины VI - начала V вв. должен датироваться комплекс Куланырхуа-3, в котором три проволочные дуговидные фибулы с двуспиральными подвесками, браслет с уплощенными концами сочетаются с булавкой, имеющей Н-образную головку, крестовидной привеской и серебряными кольцевидными серьгами (рис. 15, 1-4) [37, с. 19-21]. Аналогичная двуспиральная золотая подвеска найдена в Эшере, где она сочеталась с несколькими уздечными наборами, бронзовыми колокольчиками с растительным орнаментом и амфорой с чернофигурной росписью (рис. 15, 8), время изготовления которой определяется третьей четвертью VI в. до н. э. [47, с. 47-55; 48, с. 212-214]. Упомянутые кольцевидные серьги, часто украшенные на концах головками животного, в се-

79

веро-западной Колхиде сочетаются с еще типично колхидско-кобанскими бронзовыми дуговидными фибулами, фибулами с ромбовидной и розетковидной дужками и витыми диадемами с ромбовидными концами (комплексы Красный маяк-35, 38; Гуад-иху-72) [1, с. 104-107], датируемыми в рамках второй половины VI - середины V вв. до н. э. [28, с. 210-213]. Эта дата подтверждается совместной находкой такой серьги с единственным в Колхиде браслетом с коническими утолщениями на концах (рис. 15, 26), подобные которому в Таманском некрополе сочетаются с хорошо датированной импортной посудой второй половины VI - начала V вв. до н. э. [49, с. 158-159, 165-166, рис. 2, 1-2], а также находками аналогичных серег в северокавказских комплексах VI-V вв. до н. э. (Нестеровский могильник) [50, с. 289, рис. 48, 33]. По своему происхождению рассматриваемые серьги связаны с золотыми, украшенными зернью серьгами из Уреки (рис. 14, 8), якобы относящимися к VIII—VII вв. до н. э. [51, с. 136-137, табл. IV, 4]. Однако, поскольку единственно близкое по форме и стилю к этим серьгам украшение (с головками “бегемотов”) найдено в Пичвнари (рис. 14, 39) в комплексе, который по

импортным изделиям датируется в рамках V в. до н. э. [52, с. 164, табл. LXXI, 2], нет никаких оснований относить подобные украшения в Колхиде ко времени ранее середины VI-V вв. до н. э.

2.1.3. Для характеристики памятников VI века в Центральной Колхиде очень важен Нигвзианский могильник раннескифского времени [25, табл. 1-9]. В комплексе Нигвзиани-12 (рис. 7, 1-6) изогнутый нож позднеурартского типа, железный колхидский топор второго типа (по О. М. Джапаридзе - с литком на обухе), мотыга и другие изделия сочетались с коротким скифским акинаком, дата которого определяется в рамках VI в. [25, с. 41-42]. Остальные материалы могильника характеризуются выразительным набором керамических изделий, датируемых в рамках конца VII и всего VI вв. до н. э. [53, с. 36-39, рис. 2], а также витыми гривнами, орнаментированными пинцетами, двухголовыми булавами и другими, главным образом бронзовыми (еще вполне в колхидско-кобанском духе) изделиями, в одном комплексе с которыми оказался скифский трехперый бронзовый наконечник стрелы с шипом, дата которого не выходит за рамки VI в. до н. э. [53, рис. 4, 21]. К этому же времени относятся комплексы с раннескифскими акинаками из могильника "Садзвле" (Палури), где это оружие найдено в сочетании с бронзовыми и железными шейными гривнами еще вполне колхидско-кобанского типа (№№46, 48, 64) [25, табл. V, 1-14]. Близки к этим комплексам по ряду признаков и погребения №№10, 24 и 43, датируемые в рамках VII—VI вв. до н. э. [25, с. 45, 52]. В их составе, помимо топора второго типа, сегментовидного орудия, бытование которого в VI в. отмечено в Колхиде по ряду комплексов [54, с. 13], и других изделий из железа, найдены бронзовые наконечники копий, кинжалы, мотыги, шейные гривны, пластинчатые браслеты с закрученными концами, изогнутая ("бабочковидная") поясная пряжка с орнаментом, фибула с утолщениями у основания дуги, зооморфная плас-

80

тинчатая фибула, орнаментированная скульптурка хищника и т. д. [25, табл. VI, 15-24; VII, 1, 2]. Часть этих изделий, например, проволочные серьги и керамика, полностью смыкаются с кругом памятников развитого VI и V вв. до н. э.

При характеристике памятников VI в. важны так же материалы кладов (или погребений?) из Чубурисхинджи, Носири и Парцханаканеви, датируемых обычно в рамках VII—VI вв. до н. э. [55, с. 31, 32]. Нужно отметить, что VII в. для этих комплексов пока доказан быть не может. Основной аргумент - присутствие в них ожерелий из сердоликовых бус - не убедителен, поскольку аналогичные бусы найдены в Палури в сочетании с раннескифскими акинаками [25, табл. VI, 4, 14], а в Симагре - с выразительными материалами второй половины VI - первой половины V вв. до н. э. [15, с. 109, табл. VI]. Кроме того, в составе Чубурисхинджского клада имеются электровые подвески в три оборота с возвратом (рис. 14, 2), совершенно идентичные подвескам VI в. до н. э. из Казбеги [55, табл. V, 38], а золотая серьга из этого клада украшена треугольником (рис. 14,1) подобно серебряным серьгам VI в. из Самтавро [56, табл. I, 22]. В то же время меандровидный орнамент и изображение свастики, также дающие повод говорить о VII в. до н. э., своим исполнением в технике зерни на кольце и подвеске из Носири (рис. 14, 6, 9) вводят этот комплекс в круг памятников второй половины VI - середины V вв. до н. э., ярко проиллюстрированный треугольной золотой подвеской от серьги из поселения Симагре (рис. 14, 10) и ожерельем из погребения Вани-П (рис. 14, 33) [11, рис. 197]. Исключительно ценный материал был получен при исследовании поселения усадебного типа, раскопанного вблизи предполагаемого местонахождения Фасиса (Симагре), где местные изделия впервые найдены в сочетании с массовым ионийским импортом (рис. 14, 25), дающим достаточно четкую хронологическую опору целому ряду элементов погребального инвентаря, нижняя дата которых прежде определялась не позднее VII в. до

н. э. (кувшины с трубчатой ручкой, кубки, корчаги, удила, ножи, бронзовый пинцет, железная мотыга, сердоликовые бусы и др. (рис. 14,12-22) [15, табл. XXXI—LI]. Здесь же обнаружен бронзовый нож (рис. 14, 11), показывающий, что использование оружия и орудий труда из бронзы в Центральной Колхиде эпизодически продолжалось до второй половины VI в. до н. э.

2.1.4. Переходим теперь к определению наиболее характерных особенностей западнокавказских комплексов V - первой половины IV вв. до н. э. В погребении Вани-II (рис. 14, 22-36), по импортным изделиям убедительно датированным временем не ранее середины V в. до н. э. [57, с. 47-64, рис. 187-225], имелись такие характерные для Колхиды изделия как диадемы с ромбическими концами, пластинчатые браслеты с орнаментом из поясков насечек и бегущей спирали, керамические сосуды с биконическим туловом, кувшины с трубчатой ручкой и миски, бронзовые ситулы, по форме связанные с соответствующими изделиями еще колхидско-кобанского круга. Концом V или, скорее, первой половины IV в. до н. э. датируется по-

81

гребение Вани-б (рис. 14, 47-55), в инвентаре которого найдены витые диадемы с ромбическими концами, фибула с завязкой вместо пружины, серьги с радиально расходящимися лучами, браслеты с прогнутой спинкой, еще импортные [57, с. 48, 57, рис. 37-65].

В наиболее богатом из погребений, выявленных в Итхвиси, датированном тем же временем (началом второй половины V в. до н. э.) [16, с. 45], помимо диадемы с ромбовидными концами и бронзового ситулообразного сосуда, ручки которого еще сохранили плетение, характерное для колхидско-кобанских бронзовых сосудов, оказались удила передневосточного типа, изогнутый нож позднеурартского типа, кувшин с трубчатой ручкой, трехгранные наконечники стрел, чернолаковый сосуд и др. (рис. 14, 40-46) [16, табл. I-III]. Значительный, во многом близкий материал V в. до н. э. обнаружен в могилах греков и аборигенного населения в Пичвнари [3, табл. XX-XXII].

В окрестностях Диоскуриады (совр. Сухум) выделяется группа могил конца VI - начала IV вв. до н. э., главной особенностью которых являются топоры с молоточковидным коротким обухом (рис. 15, 56), фибулы с ромбовидной и розетковидной дужкой (рис. 15, 25, 53), изогнутые ножи (рис. 15, 42), диадемы с ромбовидными концами (рис. 15, 48), височные подвески в полтора оборота с насечками на концах (рис. 15, 39), скифские акинаки и бляшки, своеобразные бронзовые булавки с ажурными головками (рис. 15, 67), браслеты с расширенными концами (рис. 15, 30) [28, рис. 4, 24, 31, 50] и т. д. Опорным в этой группе погребений является комплекс Красный Маяк-42 [1, табл. XXXIX, 1-18], в котором найдены чернолаковый аттический скифос второй половины V в. до н. э. [49, с. 162, рис. 7] и золотое ожерелье, в состав которого входит головка барана, отлитая по той же форме, что и головка в ожерелье из погребения Вани-II (рис. 14, 29), датируемого не ранее середины V в. до н. э. [58, с. 241-242, рис. 193]. В погребении Красный Маяк-12 [1, табл. XXXVI, 1-13] найдены бронзовое ситечко, подобные которому датируются второй четвертью - серединой V в. до н. э. [59, с. 64-66; 60, с. 92], и аттический чернолаковый скифос, дата которого по аналогии определяется третьей четвертью V в. до н. э. [60, с. 201, рис. 78, 459] либо в рамках 420-400 гг. до н. э. [61, Fig. 4, 3]. И. Б. Брашинский предложил для этого погребения дату около 480 г. до н. э. [62, с. 307], т. е. тоже в рамках V в. до н. э. В тот же круг памятников входят комплексы Красный Маяк-4, 20, 55, Гуад-иху-7, 11, 56, 70, Беслетский мост и др. [28, с. 212-213], большинство которых было датировано М. М. Трапшем суммарно VIII—VI вв. до н. э. из-за отсутствия в них датирующих импортных изделий [1, табл. VI, IX]. Дата же топоров-молотков в рамках V в. до н. э. подтверждена недавно находкой такого топора в слое первой половины V в. до н. э. в Симагре [15, табл.

XXXVIII].

Независимо от меня к необходимости значительного омоложения рассматриваемого круга памятников пришел и Г. А. Лордкипанидзе, справедливо полагающий, что на могильнике Гуад-иху отсутствуют материалы древнее конца VII - начала VI вв. до н. э. [2, с. 55], и определяющий хронологи-

82

ческую позицию многих упомянутых выше комплексов еще более поздним, чем я, временем (в рамках IV в. до н. э.) [2, с. 50-51]. Достаточно обоснована и попытка передатировки с VIII—VII на VI—IV вв. (в рамках V в. до н. э.) погребений из Яштухского могильника (рис. 15, 29-34) [63, с. 32-33; 64, с. 74-80], в составе которых помимо фибулы с ромбической орнаментированной дужкой, пластинчатых браслетов, браслетов с зооморфными и уплощенными концами оказались бронзовый наборной пояс, колокольчики с растительным орнаментом и с нарезкой, булавка со стилизованными рогами, браслет, края которого украшены рядами шишечек, пряжка в виде лягушки и набор четырехспиральных блях, подобных бляхам VI—IV вв. из Лугового могильника [50, табл. LXXI],

"Ранним периодом железа" датировал А. Л. Лукин замечательный комплекс в основном бронзовых изделий из бамборской находки 1910 г. (пояс с бронзовыми фигурками лошадей, собак, птиц, винопийцы, женщины с ребенком и т. д. - рис. 15, 35-38) [65, с. 62-69, рис. 7, табл. XVI-XX], К предколониационному времени отнес его Б. А. Куфтин [18, с. 253]. VIII в. до н. э. датировал этот комплекс в 1969 г. и автор [63, с. 20]. Однако присутствие в этом комплексе браслета с овально-ромбическими концами, браслета с шишечным оформлением краев и колокольчиков с нарезкой, подобные которым украшают культовые эгретки из погребений IV в., не позволяет датировать рассматриваемый памятник временем ранее V в. до н. э.

Для характеристики памятников второй половины V - первой половины IV вв. до н. э. в окрестностях Диоскуриады важны комплексы с браслетами, в орнаментации которых пояски поперечных линий перемежаются с нарезными уголками (рис. 15, 50) [28, с. 214-215, рис. 4, 45, 50, 63, 67]. В комплексах такие браслеты сочетаются с диадемой с ромбическими концами, акинаком и другими изделиями скифского типа (сферические и в форме летящего космического оленя-солнца бляшки) и булавками с ажурной головкой (комплексы Гуад-иху-11, 56, 70, 71) [1, с. 20-45], а также с перстнями-печатами и чернолаковой посудой (комплекс Гуад-иху-21). В отношении даты последнего комплекса высказано много суждений. М. М. Трапш его датировал суммарно V-IV вв. [1, с. 255]. И. Б. Брашинский определил время импортных изделий из этого погребения 460-440 гг. до н. э. [62, с. 307]. Перстни с печатами из этого комплекса специально изучены М. Н. Лордкипанидзе, которая датировала их последней четвертью V - началом IV вв. до н. э. [66, с. 115-116]. От себя отметим, что один из чернолаковых скифосов из рассматриваемого комплекса по своим данным (отогнутый край, намечающийся прогиб тулова в нижней части, узкое дно - рис. 15, 66) входит в круг аттических изделий, датируемых в пределах 400-350 гг. до н. э. [61, Fig. 4, 4-8]. На позднюю дату этого погребения указывает и второй браслет с зооморфными концами и прямой спинкой (рис. 15, 65), характеризующий в Колхиде памятники второй половины IV в. до н. э. [67, с. 19]. Сказанное позволяет выделить в окрестностях Сухумской бухты свы-

83

ше 70 захоронений конца VI - первой половины IV вв. до н. э. На Красномаякском могильнике к этому времени относится 31 захоронение (11 мужских - №№4, 12, 15, 26, 37, 71, 55, 124, 128-130 и 20 женских - №№3, 19-21, 23, 24, 29, 31, 35, 36, 38-40, 42, 53, 73, 78,

97, 98, 141), из которых погребение 4 относится к скорченным на правом боку, а остальные - к ингумациям на спине с северо-западной ориентировкой. На могильнике Гуад-иху к этому же времени мною отнесено 32 погребения (13 мужских - №№4, 5, 10, 11, 13, 14, 55, 61, 70, 77-80 и 19 женских - №№6, 7, 9, 12, 16, 17, 21, 56-60, 68, 69, 71-73, 75, 76).

2.1.5. Достаточно заметные изменения в облике материальной культуры Западного Закавказья намечаются с началом эпохи эллинизма, т. е. со второй половины IV в. до н. э., когда в комплексах знати и рядовых общинников увеличивается число импортных или изготовленных на месте по импортным образцам датирующих изделий. Из центрально-колхидских комплексов знати этого времени особенно важно погребение Вани-9 (рис. 14, 56-64), в инвентаре которого, помимо золотых украшений (подвески в виде полумесяцев, серьги и др.), находились ранние формы браслетов с прогнутой спинкой и нечетным числом утолщений, мечи “меотского” типа, множество железных наконечников копий, набор наконечников стрел скифского типа, несколько амфор, в том числе синопская с клеймом 360-320 гг. до н. э. и две колхидских, и золотая монета Филиппа II Македонского, отчеканенная в период между 352 и 336 гг. до н. э. [11, рис. 166-178; 68, с. 180-184]. Первой половиной III в. до н. э. датируются комплексы Вани-4 (рис. 14, 68-72), где найдены шейная гривна с зооморфными стилизованными концами, браслеты с прогнутой спинкой, кольцевидные серьги с подвесками и др. [11, рис. 6-11], и богатое погребение из Даблагоми (рис. 14, 73-79), в составе которого найдены синопская клейменная черепица, синопские амфоры, чернолаковые изделия, бальзамарии, бронзовые патера и ойнохоя, серебряный килик, многочисленная местная посуда, золотые серьги, подобные серьгам из комплекса Вани-4, браслеты с прогнутой спинкой [69, с. 68-78] и т. д. В конце IV—II вв. до н. э. по всей Центральной Колхиде были широко распространены кувшинные захоронения рядовых общинников, в инвентаре которых присутствуют поздние реплики кувшинов с трубчатой ручкой, чернолаковые изделия, амфоры, перстни-печати, колокольчики, прогнутые браслеты, гривны, монеты-колхидки и т. д. (рис. 14, 81-98) [10, с. 20-81; 17, с. 47-60; 70, с. 74-87, 71]. С ними во многом перекликаются материалы греческого и местного могильников этого времени в Пичвнари [6, с. 25-53; 7, с. 42-58].

Особых трудностей не вызывают даты довольно большого числа погребений эллинистической эпохи в окрестностях Диоскуриады. Последней четвертью IV в. до н. э. датирован комплекс из могильника Ахул-абаа (рис. 15, 71-74) [26, с. 32-36, рис. 26], в котором обнаружены железный меч с брусковидным навершием, подобные которому широко представлены в

84

кавказских могильниках IV - начала II вв. [46, рис. 2, 16-40], топор-цалда, чернолаковая посуда второй половины IV в. до н. э. и бронзовая оббивка щита, аналогичная оббивкам IV в. из Курджипского кургана [72, с. 32; 73, с. 50, 51, 98] и из Олимпии [74, Taf. 27, Abb. 24, 28, 84].

Среди опорных памятников второй половины IV—III вв. до н. э. в Северо-Западной Колхиде особое место принадлежит погребениям воинов с секировидными топориками (рис. 15, 103). По мнению Г. А. Лордкипанидзе, в этот период число погребений с оружием в окрестностях Диоскуриады резко уменьшается [75, с. 21]. Однако, если судить по комплексам с указанными топориками, число воинских захоронений, наоборот, увеличивается [27, рис. 4, 10-23]. Изображения этих топориков, как это уже неоднократно отмечалось [28, с. 215], достаточно широко представлены среди изделий Северопричерноморской торевтики IV в. до н. э., на которых изображены скифы (воронежский серебряный сосуд, оббивка горита из Солохи, ножны меча из Чертомлыка,

херсонесский медальон и др.) [76, с. 79, рис. 22; 77, табл. I, 3-5; 78, табл. XIX, 42; XXII, 423]. В комплексе Гуад-иху-51 [1, с. 259-262] такой топор найден вместе с чернолаковыми сосудами (канфаровидный килик и скифос) второй половины IV в. до н. э. [79, с. 33, рис. 15, 4], флаконом конца IV - начала III вв. до н. э. [60, с. 189, 203, табл. 103, 447, рис. 78, 503] и бронзовым браслетом с пятью трочастными утолщениями и прогнутой спинкой, дата которого не древнее конца IV - начала III вв. до н. э. [6, с. 52]. В погребении Гуад-иху-20 [1, с. 247-251] вместе с секировидным топором найден меч с брусковидным навершием, браслеты с вогнутой спинкой, чернолаковый скифос (рис. 15, 77), датированный О. Д. Лордкипанидзе второй половиной V-IV вв. до н. э. [80, с. 81, табл. XIX, 2] и дно синопской амфоры IV—III вв. до н. э. (рис. 15, 78). Дата чернолакового сосуда может быть уточнена - его пропорции характерны для "позднего IV в." [61, рис. 4,- 9]. В захоронении представителя местной знати у Эшерского городища (рис. 15, 81-88) найдены секировидный топор, меч-махайра, меч с брусковидным навершием, бронзовый перстень, культовая эгретка с колокольчиками, украшенными нарезкой, браслет со змеиными головками на концах и уголковым орнаментом (наиболее поздний случай использования браслетов этого рода), колхидская амфора, канфаровидный килик конца IV в. до н. э., определяющий дату комплекса вблизи рубежа IV/III вв. до н. э. [22, с. 98- 112]. Особенно, в связи с поставленной мною задачей хронологических уточнений, интересно погребение в Агудзере, в котором, помимо секировидного топорика, меча с брусковидным навершием, перстня и булавки с ажурной головкой и дуговидной переключкой, найдена золотая монета Филиппа III Македонского (323-316 гг. до н. э.) [81, с. 126-127], определяющая дату и этого комплекса в рамках конца IV - начала III вв. до н. э. [28, с. 216]. В погребении Эшера-5 находился железный секировидный топор, набор браслетов с утолщениями, чернолаковый кувшинчик, серьги с круглыми подвесками, серебряная гемидрахма Синопы начала III в. до н. э. и другие

85

изделия, характеризующие (в соответствии с показанием монеты) период не ранее второй четверти или середины III в. до н. э. [23, с. 130-132, табл. III].

Очень скудными материалами в Западном Закавказье представлены погребения позднеэллинистического времени - второй половины III-I вв. до н. э. Для Северо-Западной Колхиды до сих пор наиболее яркими комплексами этого времени остаются погребения с холма Верещагина (с. Эшера) [18, с. 22-23], в одном из которых, представлявшем собой кремацию в косской амфоре III-II вв. до н. э. [82, с. 190] найдены прогнутые браслеты со стилизованными зооморфными головками и флакон, относящийся к кругу флаконов второй половины III - первой половины II вв. до н. э. [83, с. III]. В соседней могиле помимо аналогичных браслетов и флакона найден чернолаковый кувшинчик, проволочные серьги с насечками и прогнутый проволочный браслет с утолщениями на концах, подобные которому в Закавказье распространяются со второй половины III в. до н. э. [67, с. 19; 84, с. 96]. В целом дата обоих Эшерских захоронений в рамках II в. до н. э. наиболее реальна [85, с. 108]. В погребении Красный Маяк-150 [1, табл. XI] прогнутые браслеты со стилизованными зооморфными головками сочетались с двумя колхидскими амфорами II-I вв. до н. э. И флаконом первой половины II в. до н. э. [83, с. III]. Наконец, замыкающим среди известных в этом регионе погребений эллинистического времени, по-видимому, является комплекс Красный Маяк-150 [1, с. 281-282, табл. XXXVII, I-II], в котором проволочные серьги с насечками и своеобразный витой браслет с утолщенными призматическими концами сочетались с буролаковым канфаром II в. до н. э. (рис. 15, 106-110) [83, с. 85]. Наиболее поздние кувшинные погребения Центральной Колхиды датируются суммарно в рамках II-I вв. [17, с. 40, 41; 70, с. 87]. Однако достоверных комплексов I в. до н. э. в Западном Закавказье пока неизвестно.

2.1.6. Итак, цепочки хронологических связей в аборигенных могильниках Западного Закавказья выявляют в развитии местной материальной культуры ряд последовательных этапов, характеризующихся своими особенностями. Составленная мною корреляционная таблица североколхидских комплексов (рис. 15, 16) в сочетании с таблицей эволюции материальной культуры Центральной Колхиды VI—II вв. до н. э. (рис. 14) позволила установить, что для первого этапа, укладывающегося в основном в рамки VI в. до н. э. характерны широкое использование вооружения скифского облика, серьги с зооморфными концами и др., для второго этапа, датируемого от конца VI до середины IV вв. до н. э., характерными являются топоры-молотки укороченных пропорций, фибулы с ромбовидной и розетковидной дужкой, диадемы с ромбовидными концами, булавки с ажурными головками, зооморфные и антропоморфные подвески из бронзы и т. д., для третьего этапа (вторая половина IV - середина III вв. до н. э.) - топоры-секиры, браслеты с прямой спинкой и трехчастными утолщениями, для четвертого этапа (вторая половина III- II вв.) - браслеты со стилизованными зооморфными го-

86

ловками и прогнутой спинкой. Особенно важным результатом передатировки большого числа комплексов является выделение (по аналогии с “позднекобанской культурой” Северного Кавказа) [86] специфической “позднеколхидской” группы памятников в Северо-Западной Колхиде (совр. Абхазия), отражающей самобытную культуру местного населения, которое вплоть до конца IV в. до н. э. даже в ближайших окрестностях греческих городов сохраняло комплекс ярких элементов бронзовой индустрии более раннего времени (украшения, детали одежды, малая скульптура, керамика и др.).

-
1. Трапш М. М. Древний Сухуми. Труды в 4-х томах, т. 2. Сухуми: Алашара, 1969.
 2. Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
 3. Кахидзе А. Ю. Античные памятники Восточного Причерноморья (греческий могильник Пичвнари). Батуми: Сабчота Аджара, 1975.
 4. Кахидзе А. Ю. Раскопки могильника Пичвнари. - КСИА, 1977, №151.
 5. Кахидзе А. Ю. Основные результаты археологического исследования Пичвнарского могильника IV века до н. э. - ПЮЗГ, 1974, вып. IV.
 6. Кахидзе А. Ю., Вашакидзе Н. В. Основные результаты археологического исследования Пичвнарского могильника эллинистического времени. - ПЮЗГ, 1977, вып. VI.
 7. Вашакидзе Н. В., Кахидзе А. Ю. Итоги исследования Пичвнарского могильника эллинистического времени в 1975 г. - ПЮЗГ, 1978, вып. VII.
 8. Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху. Батуми: Сабчота Аджария, 1981.
 9. Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI-I вв. до н. э.): Автореф. докторск. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1981.
 10. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси: Техника да шрома, 1950.
 11. Вани, т. I. Тбилиси: Мецниереба, 1972.
 12. Вани, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
 13. Вани, т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
 14. Вани, т. IV. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
 15. Микеладзе Т. К. Археологические исследования в низовьях р. Риони (Материалы по истории древнего Фасиса). Тбилиси: Мецниереба, 1978.

16. Гагошидзе Ю. М. Погребение из Итхвиси.-ВГМГ, 1968, т. XXV-В.
17. Кигурадзе Н. Ш. Дапнарский могильник. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
18. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси: Техника да шрома, 1949.
19. Каландадзе А. Н. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми: Абгиз, 1954.
20. Шамба Г. К. Раннеантичный импорт Эшерского городища (керамика)." - МАА, 1979.
21. Шамба Г. К. Предварительные итоги работ на Эшерском городище. - КСИА, 1977, №151.
22. Шамба Г. К. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера. - ИАИ, 1972, вып.1.
23. Шамба Г. К. Материалы могильника эллинистической эпохи из Эшерского городища (по раскопкам 1972 г.). - ИАИ, 1977, вып. VI.
24. Шамба Г. К. Эшерское городище. Тбилиси: Мецниереба, 1980.
25. Барамидзе М. В. Мерхеульский могильник. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
26. Воронов Ю. Н. Ахул-Абаа - поселение античного времени в окрестностях Сухуми. - МАА, 1979.

87

27. Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI-I вв. до н. э. - В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова Думка, 1975.
28. Воронов Ю. Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур. - В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980.
29. Воронов Ю. Н. Диоскуриада-Себастополис-Цхум. М.: Наука, 1980.
30. Квирквелия Г. Т. Материальная культура северо-западной Колхиды в VIII— V вв. до н.: Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1981.
31. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969.
32. Воронов Ю. Н. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии): Автореф. канд. дис., М.: МГУ, 1971.
33. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М.: изд-во вост. лит-ры, 1959.
34. Ильинская В. А. Бронзовые наконечники стрел так называемого жаботинского и новочеркасского типов. Археология, №12, 1973.
35. Артамонов М. И. Переселение киммерийцев и скифов в Азию и их возвращение в Северное Причерноморье около 585 г. до н. э. - В кн.: Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых - археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
36. Пирцхалава М. С. К вопросу о распространении памятников скифской культуры в материальной культуре древней Грузии. - В кн.: Вопросы археологии Грузии, вып. I. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
37. Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми: Абгиз, 1962.
38. Иессен А. А. Некоторые памятники VIII— VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. - ВССА, 1954.
39. Пиотровский Б. Б. Скифы и Древний Восток. - СА, 1954, т. XIX.
40. Либеров П. Д. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. - ВССА, 1954.
41. Ильинская В. А. О происхождении и этнических связях племен скифской культуры Посульско-Донецкой лесостепи. - Археология, 1966, т. XX.
42. Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968.
43. Ильинская В. А. Скифские секиры. - Археология, 1961, т. XII.
44. Техов Б. В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII—VI вв. до н.

- э. (по материалам Тлийского могильника). - В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980.
45. Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур. Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1950, вып. I.
46. Смирнов К. Ф. О мечях синдо-меотского типа. - КСИА, 1980, №162.
47. Шамба Г. К. Древности Эшера. Сухуми: Алашара, 1980.
48. Шамба Г., Шамба С. Раскопки в селе Нижняя Эшера. - ПАИ-1977, 1980.
49. Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов. - МИА, 1959, №69.
50. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: изд-во АН СССР, 1960.
51. Микеладзе Т. К., Мухелишвили Д. Л., Хахутайшвили Д. А., Лурсманишвили О. В. Исследования Колхидской археологической экспедиции. - ПАИ-1976, 1979.
52. Инаишвили А. И., Хахутайшвили Д., Кахидзе А., Гогитидзе С., Вашакидзе Н., Чхаидзе Л., Джавелидзе А. Итоги полевых исследований Батумской археологической экспедиции. - ПАИ-1976, 1979.
53. Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В. Колхский могильник VII—VI вв. до н. э. в с. Нигвзиани. - КСИА, 1977, №151.
54. Лордкипанидзе Г. А. О домонетной форме денежного обращения в Колхиде. - В кн.: Нумизматический сборник. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
55. Гагошидзе Ю. М. Материалы к истории златокузнечества в Грузии (первая половина I тыс. до н. э.). - ВГМГ, 1976, т. XXXII-B.
56. Абрамишвили Р. М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. - ВГМГ, 1957, т. XIX-A и XXI-B.

88

57. Лордкипанидзе О. Д. Ванское городище. - В кн.: Вани, т. I. Тбилиси: Мецниереба, 1972.
58. Лордкипанидзе О. Д., Путуридзе Р. В., Толордава В. А., Чкония А. М. Археологические раскопки в Вани в 1969 г. - В кн.: Вани, т. I. Тбилиси, Мецниереба, 1972.
59. Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея. - МИА, 1957, №69.
60. Петренко В. Г. Правобережье среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. - САИ, 1967, вып. Д1-4.
- 60а. Венедиков В., Герасимов Т., Дремсизова Ц., Иванов Г., Младленова Я., Белков В. Аполония. София, 1963.
61. Callaghan P. J. KRS 1976: Excavations at a Shrine of Glaukos, Knossos. - In: The annual of the British school at Athens. London, 1978, №73.
62. Козенкова В. И. Совещание по хронологии-периодизации памятников Кавказа. - СА, 1980, №4.
63. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969.
64. Квирквелия Г. Т. Погребение раннеантичного времени на горе Яштхва. - В кн.: Вопросы археологии Грузии, вып. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
65. Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. - ТОИПКГЭ, 1940, т. I.
66. Лордкипанидзе М. Н. Колхидские перстни-печати V—III вв. до н. э. (вопросы взаимоотношений с греческими мастерскими). Тбилиси: Мецниереба, 1975.
67. Вашакидзе Н. В. Археологические памятники античного времени бассейна рек Супса и Натанеби: Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1975.
68. Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида. Миф и археология. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
69. Толордава В. А. Богатое погребение из Даблагоми. - В кн.: Вани, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
70. Вашакидзе Н. В. Случайно найденные кувшинные погребения из бассейна р. Супса. - ПЮЗГ, 1973, вып. III.

71. Толордава В. А. Из истории погребальных обрядов Грузии эллинистического времени (кувшинные погребения). Тбилиси: Мецниереба, 1980.
72. Галанина Л. К. Греческий щит IV в. до н. э. из Курджипского кургана. - СГЭ, 1974, вып.39.
73. Галанина Л. К. Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.
74. Kiinze E. Schildbeschage. - In: Olimpiabericht. Berlin, 1956, t. V.
75. Лордкипанидзе Г. А. Древняя Колхида в VI—II вв. до н. э. (историко-археологическое исследование): Автореф. докторск. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1975.
76. Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов. - АСГЭ, 1961, вып. 2.
77. Мелюкова А. И. Вооружение скифов. - САИ, 1964, вып. Д1-4.
78. Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. -САИ, 1970, вып. Д1-27.
79. Сорокина Н. П. Тузлинский некрополь. М.: Советская Россия, 1957.
80. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси: ТГУ, 1966.
81. Шамба Г. К., Квициния В. К. Открытия в пос. Агудзера близ Сухуми. - ТАГМ, 1980, т. V.
82. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. - МИА, 1960, №83.
83. Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии. Киев: Наукова думка, 1974.
84. Гагошидзе Ю. М. К датировке могильника Нерон Дереси. - Мацне, 1975, №2.
85. Гагошидзе Ю. М. Самадло (археологические раскопки). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
86. Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. - В кн.: Ученые записки ЛГУ, вып. 13, Л., 1949.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМА «КОЛХИДСКОГО ЦАРСТВА»

2.2.1. Проблема Колхидского царства возникла в конце 30-40 годов XX в., когда С. Н. Джанашиа, исходя из соответствующего толкования некоторых сведений античных авторов, монет-колхидок и общей идеи о высокой степени развития колхов, обосновал гипотезу о существовании в VI—II вв. до н. э. на территории Западного Закавказья государства колхов [1; 2, с. 210-212; 3, с. 50-62]. Гипотеза С. Н. Джанашиа была поддержана и развита абсолютным большинством грузинских исследователей, построивших на той же основе, что и С. Н. Джанашиа, широкую историческую панораму Колхиды в VI-I вв. до н. э. Отметим здесь точки зрения Д. Г. Капанадзе, считавшего колхидки местным царским чеканом, а Колхидское царство - одним из «крупных государств Передней Азии» [4, с. 31], М. П. Инадзе, рассматривающего «Колхидское царство» как «достаточно сильное политическое объединение», осуществлявшее широкую завоевательную экспансию в VI-V вв. до н. э. [5, с. 161, 6, с. 156-164], Н. Ю. Ломоури, отстаивающего тезис об «оформившемся колхидском государстве с собственными городами», в которых стояли «царские гарнизоны» уже в VI в. до н. э. [7, с. 32-87; 8, с. 170], Т. К. Микеладзе, выделяющего (по аналогии с Древним Египтом) в истории Колхиды три «царства», из которых «Среднее царство» колхов датировано VI—II вв. до н. э. [9, с. 153], О. Д. Лордкипанидзе, отстаивающего тезис о «сильном колхидском царстве» VI—IV вв. до н. э., которое якобы воспрепятствовало возникновению в Колхиде обычных греческих полисов [10, с. 16-17; 12, с. 12; 13, с. 54]. «Единое Колхидское царство» декларирует и А. Ю. Кахидзе, утверждающий, что «VI—II вв. до н. э. это период могущества Колхидского царства» [13, с. 19]. Точка зрения С. Н. Джанашиа единодушного одобрения, однако, не получила. Ряд исследователей признает существование некоего царства в Колхиде, но с существенными

оговорками. Г. А. Меликишвили сначала отнес «Колхидское царство» к типу раннеклассовых государств [14, с. 186], а затем охарактеризовал его как неразвитое раннеклассовое общество с сильными пережитками первобытно-общинного строя, справедливо заключив, что «мы располагаем скудными данными по социально-экономической истории Колхиды» [15, с. 52-90]. Г. А. Лордкипанидзе пишет о «наличии в Колхиде в VI—II вв. до н. э. раннеклассового государства», которое, однако, «нет никаких оснований считать... «сильным», «мощным», «обширным» политическим образованием» [16, с. 31]. Г. Ф. Дундуа, признавая существование «Колхидского царства», вместе с тем убедительно доказывает, что колхидки чеканились местными греческими городами и в их интересах. [17, с. 56-73; 18, с. 280]. «Существование в период Ксенофонта, - осторожно пишет А. П. Новосельцев, - Колхидского царства вероятно. Только на рубеже V-IV вв. это было, по-видимому, уже ослабевшее государственное объединение, возможно с сильно урезанной территорией» [19, с. 100]. В этой же связи Е. А.

90

Молев отмечает, что «о могуществе колхского государства мы можем судить в основном по легендам и мифам» [20, с. 25]. Ряд авторов стоит на позициях, отрицающих государство в Колхиде. Еще в 1954 г. И. Н. Сосновкин убедительно показал несостоятельность взглядов С. Н. Джанашиа и Д. Г. Капанадзе, отметив, что «археологические материалы по Западному Закавказью, а также письменные документы античной эпохи с достаточной ясностью свидетельствуют о том, что VI в. до н. э. является неприемлемой датой для определения времени возникновения первых государственных образований на территории Западной Грузии, равно как неприемлемым является положение о том, что древняя Колхида в IV в. до н. э. представляла собой «прочное государство рабовладельческого типа» [21, с. 20-22]. Еще раньше А. И. Болтунова отмечала, что на рубеже V-IV вв. до н. э. колхи еще переживали первобытнообщинный строй, а термин «Колхида» в письменных источниках употребляется не в качестве понятия «государство колхов», а в значении местности, населенной ими [22, с. 178]. Позднее А. И. Болтунова обосновала тезис, согласно которому каких-либо определенных данных в античной литературе и в самой Колхиде о существовании здесь единой государственной организации, возглавляемой царем «просто не существует» [23, с. 260; 24, с. 3, 4]. Наличие классового общества в Колхиде рассматриваемого времени отрицают Г. К. Соселия [25; 26] и М. А. Дандамаев [27, с. 97; 28, с. 118]. Аналогичная точка зрения развивается и в ряде работ автора [29, с. 82-87; 30, с. 274-279].

В числе основных доказательств существования Колхидского царства указываются: а) письменные источники (главным образом миф об аргонавтах, Геродот, Ксенофонт и Страбон); б) общий высокий уровень социально-экономического развития колхидского общества в VI—IV вв. до н. э. (унификация металлических и керамических изделий, металлургия железа, имущественная дифференциация, развитые земледелие, ремесло и торговля, урбанизация и т. д.); в) денежное хозяйство, основанное на «колхидках» [12, с. 51-68, 178-180]. Рассмотрим аргументацию всех этих положений.

2.2.2. «Сведения о государственном объединении, возникшем в середине I тысячелетия до н. э. на территории Западной Грузии, - пишет О. Д. Лордкипанидзе, - мы находим у Геродота (IV, 37)» [12, с. 52]. Однако в этом отрывке («персы живут вплоть до Южного моря, выше их к северу живут мидяне, выше мидян - сасперы, выше сасперов - колхи, вплоть до Северного моря, в которое вливается река Фасис») нет указания на существование государственности у колхов, ни на сроки появления этой государственности. В то же время из данных Геродота следует прежде всего то, что колхи в Колхиде занимали лишь территорию южнее реки Фасис (совр. Риони) («Пути от озера

Меотиды до реки Фасис и до колхов тридцать дней...” - Herodot, I, 104), а северный берег этой реки “до Кавказских гор” занимали “соседи” колхов (Herodot, III, 97), что колхи “обязались посылать дары” персам - “каждые пять лет: по сто мальчиков и девочек” (Herodot, III, 97), что

91

упомянутые соседи приносили свои дары наряду с колхами, т. е. были самостоятельными в глазах иранских чиновников, и что колхи обязаны были принимать участие в походах персов (Herodot, VII, 79). В политическом отношении колхи, как это убедительно показала А. И. Болтунова, подчинялись начальнику XIX сатрапии [31, с. 51-55]. Наибольшего доверия и внимания заслуживают данные Ксенофонта, лично засвидетельствовавшего племенное объединение колхов в окрестностях Трапезунта, которых он вполне определенно противопоставил фасианам - населению Центральной Колхиды (Anab., VII, 8, 25). Разговоры же среди его солдат, стремившихся пограбить фасианов на том основании, что у них “царствовал потомок Айэта”, следует объяснять не столько “прямым свидетельством наличия царской власти в Колхиде” [12, с. 55], сколько популярностью мифа об аргонавтах в греческом войске Ксенофонта. Нет никаких реальных свидетельств о царской власти и государстве у колхов и в труде Страбона. Соответствующее его свидетельство (“Следовавшие затем (*после Айэта* - Ю. В.) цари, владея разделенной на скептухии страной, не имели особенной силы” - XI, 2,18), нельзя трактовать в отрыве от аналогичного свидетельства Страбона в отношении гениохов (“Они находятся под властью так называемых скептухов, которые в свою очередь подчинены тиранам или царям... у гениохов было четыре царя” - XI, 2, 12), у которых, по общему признанию, господствовал родовой строй [14, с. 251, 310] и цари которых рассматриваются в качестве племенных вождей. Цари («басилевсы» первоисточников) гениохов и колхов - несомненно явление одного и того же порядка. Трактовка же сведений Страбона о басилевсах Колхиды как о царях в современном значении этого термина невольно вызывает в памяти известные слова, что “европейские ученые, в большинстве своем прирожденные придворные лакеи, превращают басилея в монарха в современном смысле слова” [32, с. 113]. К сожалению, исследователи также часто забывают, что Страбоном, как и другими античными авторами, термины “колхи” и “Колхида” использовались по отношению к современным Северной и Центральной Колхиде чаще всего в собирательном, географическом аспекте [33, с. 131-133], а не в аспекте этнополитическом, который им приписывает О. Д. Лордкипанидзе [12, с. 7, 53]. Нет в этих источниках достоверных упоминаний о столице Колхидского царства, нет ни одного, во всяком случае до позднеэллинистической эпохи [34, с. 154-188], достоверного имени колхидских царей. Эти и другие факты позволяют разделить то мнение, что в античных источниках данных “о существовании в Колхиде в VI—III вв. до н. э. единой государственной организации, возглавляемой царем... просто не существует” [23, с. 260].

2.2.3. О. Д. Лордкипанидзе полагает, что “однородная высокоразвитая бронзовая культура” приближала Колхиду уже в конце II - начала I тысячелетия до н. э. “к политическому единству” [12, с. 50]. Однако “унификация металлических изделий и керамики” была характерной чертой всех архео-

92

логических культур человеческой ойкумены эпохи бронзы и раннего железа, большинство которых так и не достигло государственности. “Первостепенную роль” отводит в формировании Колхидского царства О. Д. Лордкипанидзе широкому освоению железа, утверждая, без каких-либо доказательств, что погребения Колхиды VIII—VII вв. до н. э.

содержат множество железных предметов боевого и хозяйственного назначения [12, с. 51, 52]. Однако в первом разделе настоящего исследования было показано, что это явление не может датироваться в Колхиде периодом ранее конца VII - первой половины VI вв. до н. э. Кроме того в тот же период железные изделия широко внедряются в культуру племен других районов Закавказья и Северного Кавказа, Северного Причерноморья и Поволжья, однако в этих районах государственные образования появляются значительно позже. О. Д. Лордкипанидзе полагает, что высокий уровень земледелия обеспечил “появление прибавочного продукта и развитие товарного производства” в Колхиде в масштабах, соответствующих государству [12, с. 70-73]. Однако вывод этот делается главным образом на основе железных мотыг и примитивных лемеховидных орудий, находимых в погребениях VI-V вв. до н. э. Мотыги эти копируют бронзовые прототипы, в массе находимые в составе кладов по всей Колхиде, где они судя по всему пришли на смену каменным мотыгам, широко бытовавшим в Западном Закавказье с энеолитической эпохи. Применение же деревянного плуга в эпоху раннего железа и раньше этого времени фиксируется и во многих других районах Кавказа и восточной Европы [35, с. 212-244], не предоставляя Колхиде исключения и в этом отношении. Аналогично положение ремесла. Если не считать комплекса ювелирных изделий из Вани, общий уровень ремесленной продукции Колхиды VI—IV вв. до н. э. не на много выше уровня предшествующего этапа, а “некоторая стандартизация форм и широкое распространение однотипных сосудов”, на основе которых О. Д. Лордкипанидзе “очерчивает границы Колхидского царства и в географическом, и в хронологическом разрезе” [12, с. 79], в действительности никаких черт “колхской государственности” на себе нести не могут - в этом случае, как подчеркивалось выше, любая археологическая культура может быть объявлена “царством”. Поэтому совершенно прав О. Д. Лордкипанидзе, когда в заключение своего экскурса о ремеслах Колхиды пишет: “Мы не располагаем буквально никакими данными для конкретной иллюстрации роли ремесла в усложнении социальной культуры колхидского общества” [12, с. 101].

2.2.4. Переходим к проблеме имущественной дифференциации как показателя “колхской государственности”. Древнейшие погребения на территории Центральной Колхиды, связываемые с представителями “местной родовой аристократии, на которых царская власть возлагала административные функции”, обнаружены в Вани, который рассматривается как “один из важнейших политических и экономических центров древней Колхиды” [12, с. 58-59]. Это в первую очередь погребение №11, представлявшее со-

93

бой прямоугольную яму (3,1x3,4 м), вырубленную в песчанике, в которой находился деревянный саркофаг с четырьмя женскими захоронениями - главным, инвентарь которого отличался обилием золотых, серебряных, бронзовых и керамических изделий, и тремя сопутствующими с довольно скудным инвентарем, включавшим однако также золотые изделия. Рядом с саркофагом находился скелет коня [36, с. 241-242]. Из других захоронений на том же могильнике отметим так называемое “погребение знатного воина”, датированное второй половиной IV в. до н. э.

Здесь в деревянном саркофаге, от которого сохранились лишь гвозди, было обнаружено захоронение мужчины, инвентарь которого включал железный щит, бронзовые набедренники и поножи, 53 наконечника копий, золотые, серебряные, бронзовые и керамические изделия. Вне саркофага в той же могильной яме лежали два скелета - мужчины и женщины, лишенные всякого инвентаря [36, с. 240-241]. Серединой V-IV вв. до н. э. датируются богатые захоронения Итхвиси, где однако золотые украшения известны в небольшом количестве, а иногда и вовсе отсутствуют. Эти погребения также

отличают деревянные саркофаги, присутствие в могилах сопутствующих костяков с более скудным инвентарем, конские захоронения [12, 64- 65; 37, с. 31, 32, 44]. По-видимому, к подобного рода памятникам принадлежало и погребение, доследованное вблизи Эшерского городища (окрестности Сухума). В основном погребении найдена панафинейская амфора с чернофигурной росписью, датируемая третьей четвертью VI в. до н. э. Рядом обнаружены несколько конских костяков с богатыми уздечными наборами и безинвентарный человеческий костяк [38, с. 84].

Одной из примечательных черт большинства перечисленных комплексов Колхиды являются безинвентарные либо с ограниченным инвентарем сопутствующие захоронения, которые можно рассматривать как первые реальные свидетельства существования на территории Колхиды во второй половине VI—IV вв. до н. э. института патриархального рабства [16, с. 76]. Наличие подобных захоронений может свидетельствовать о раннеклассовом характере общественной организации аборигенного населения в отдельных уголках Колхиды, особенно там где оно незадолго до того вступило в тесные контакты с греко-иранским миром. “Недоразвитость классовых отношений, - пишет в этой связи Г. А. Меликишвили, - главная отличительная черта раннеклассового этапа развития при всем многообразии его форм. Раннеклассовое общество еще во многих отношениях стоит близко к первобытнообщинному строю” [39, с. 61]. Однако захоронения Вани, Итхвиси и Эшеры ясно указывают на то, что рабовладельческие отношения в колхидском обществе так и “не вышли за пределы патриархального рабства” [16, с. 77], характеризовавшего многие племена Восточного и Южного Закавказья в эпоху средней и особенно поздней бронзы (Бедени, Лчашен, Арчадзор и др. [40, с. 11-18], т. е. общества, еще не достигшие государственности [41, с. 65]. Таким образом, археологический материал позволяет во всяком

94

случае в отношении второй половины VI—IV вв. до н. э. говорить об определенной стратификации колхидского общества, однако в этих захоронениях отсутствуют еще черты резкого обособления аристократии от рядовых членов общества - погребения в Вани носят приусадебный характер [12, с. 60], в Итхвиси богатые и бедные захоронения соседствуют в рамках одного, по-видимому, родового кладбища [12, с. 65]. Следовательно, и наличие богатых захоронений не может служить показателем существования централизованной государственности и царской власти в Колхиде.

2.2.5. Частые находки в культурных слоях поселений Колхиды кусков глиняной обмазки с отпечатками деревянных прутьев свидетельствуют, что жилища колхидцев в VI-V вв. до н. э. представляли собой достаточно примитивные деревянные постройки [12, с. 59]. С жилищами колхидской знати связываются постройки усадьбы в Симагре, объединявшей несколько жилых и хозяйственных срубов, огороженных плетнем [42, с. 97]. Вероятно остатками такого рода усадьбы являются и следы деревянного сооружения, обнаруженного в слое раннеантичного времени в Вани [43, с. 146]. Хуторной тип поселений с деревянными постройками аналогичного облика в Колхиде сложился еще в первой половине II тысячелетия до н. э. [44, с. 46]. Поселения же городского типа, характерные для раннеклассовых государств в эпоху их расцвета во внутренней Колхиде можно указать лишь с IV—III вв. (Вани).

2.2.6. Остаются «колхидки», составившие основу гипотезы С. Н. Джанашиа о Колхидском царстве. История осмысления этой оригинальной античной монеты достаточно драматична. Часть исследователей рассматривает колхидки как чисто местный чекан Колхидского царства (Д. Г. Капанадзе, К. В. Голенко, Н. В. Хоштария, О. Д. Лордкипанидзе и др.) [45, с. 88-95; 12, с. 177], некоторые полагают, что колхидки

чеканились в местных греческих городских центрах для нужд Колхидского царства (Б. А. Куфтин, Г. А. Меликишвили, М. П. Инадзе, Г. А. Лордкипанидзе) [5, с. 167-172; 16, с. 114], наконец значительный круг исследователей приписывает эти монеты полисному чекану, прежде всего Фасиса (Е. А. Пахомов, Д. М. Лэнг, Е. Похитонов, А. И. Болтунова, Г. Ф. Дундуа и др.) [18, с. 280-282; 47, р. 1,125; 48, с. 92-107]. Если убеждение первых двух групп исследователей базируется на априорном признании правильности упомянутой гипотезы С. Н. Джанашиа, а дополнительная аргументация вводится к общим соображениям топографического и иконографического характера [12, с. 172-179; 45, с. 88-95], то в основе взглядов последней группы исследователей лежит тщательный типологический и стилистический анализ, а также вполне определенные данные античных источников и археологии, указывающих на существование в Колхиде греческих апойкий. Основные доказательства того, что в колхидках следует видеть не результат внутреннего, независимого социально-экономического развития мифического Колхидского царства, а показатель активной торгово-экономической жизни греческих городов Колхи-

95

ды сводятся к следующему: [17, с. 56-73; 18, с. 280-282; 48, с. 92-107]. 1) Появление монетной формы денег в Колхиде совпадает с моментом основания здесь греческих апойкий; 2) наиболее ранние типы колхидок несут на себе несомненные стилистические и технические особенности ионийских, в первую очередь милетских монет - изображение лежащего льва и львиной головы, связанное с культом Аполлона, популярным и в Милете, и в Фасисе; 3) наличие семи разных греческих букв и знаков на колхидских триболах обычного типа позволяет видеть в них начальные буквы имен магистратов, что характерно для полисного чекана; 4) чрезвычайно пестрая и сложная система номиналов (тетрадрахма, дидрахма, драхма, полудрахма и тетартеморий) колхидок типична именно для полисного чекана; 5) в эмиссии колхидок выделяется восемь монетных типов, что характерно не для царского, а для полисного чекана; 6) местный чекан варварских династов в окрестностях греческих городов в других районах Причерноморья и Средиземноморья, как правило, имел ограниченное хождение, нося скорее престижный характер, в то время как основу денежного обращения на подвластной этим династам территории составляла импортная, полисная монета; 7) отсутствие иной греческой монеты во внутренней Колхиде до IV в. до н. э. указывает на торговую гегемонию города, чеканившего колхидки, а таким городом в рассматриваемое время по всем данным был Фасис. Кроме того важны и следующие обстоятельства [48, р. 3-25]: 1) монета долго оставалась чисто греческим феноменом и очень медленно воспринималась негреческими народами; 2) монета была порождена потребностью полиса, в котором она упорядочивала и упрощала систему финансовой активности.

Итак, древние письменные источники и археологические данные не подтверждают гипотезы о Колхидском царстве.

2.2.7. Согласно упомянутым выше сведениям Геродота население Колхиды в VI—V вв. до н. э. находилось в политической зависимости от Ахеменидского Ирана. Эта зависимость, несомненно, должна была наложить определенный отпечаток на местную материальную культуру. Специальных исследований, посвященных этой очень важной проблеме, пока нет, хотя соответствующие сведения попутно приводятся во многих работах [12, с. 84-97; 37, с. 31-44; 49, с. 69-71]. Нижеследующий очерк призван в какой-то мере восполнить этот пробел.

2.2.8. Вооружение колхов согласно Геродоту (Herod., VII, 79) состояло из деревянных шлемов, кожаных щитов, коротких копий и кинжалов-махайр. Г. А. Лордкипанидзе полагает, что эти махайры по форме соответствовали греческим и предполагает их

распространение в Колхиде с VI в. до н. э. [16, с. 89-90]. Однако до IV в. до н. э. ни одна махайра в комплексах Колхиды пока не найдена - здесь в VI-V вв. до н. э. широко использовались длинные и короткие акинаки скифского облика [50, табл. XLIII-XLV; 51, табл.

96

VI,2, 5; VIII, 8; 52, с. 222-224]. Не исключено, однако, что часть этого вооружения могла иметь и персидское происхождение.

Например, бронзовые ножны такого кинжала из Мерхеула (рис. 17, 30) [53, с. 478] весьма близки к кинжалам на рельефах Персеполя (рис. 17, 10) [54, Abb. 232]. Больше иранских черт можно указать среди конского снаряжения. Если в начале VI в. до н. э. это снаряжение в основном характеризуется раннескифскими формами, то в середине VI-V вв. до н. э. здесь довольно широко распространяются цельнолитые бронзовые удила с трензелями (Итхвиси, Свири, Вани, Красный Маяк - рис. 17, 31) [16, табл. VIII, 1; 37, табл. II; 55, рис. 58,3; 56, табл. XXII, 2], известными по находке в "персидском мусоре" Афинского акрополя, датируемом концом VI в. до н. э. [55, с. 61; 57, с. 142-144]. Несколько иного типа удила с пластинчатыми трехдырчатыми псалиями (рис. 17, 32) из эшерского погребения с панафинейской амфорой, где они сочетались с набором разнообразных конических и шаровидных колокольчиков [58, с. 43]. Подобные удила известны по комплексам VI в. на территории, входившей в сферу влияния Ирана (Армения) [59, рис. 13]. Колокольчики же в качестве украшения конской сбруи распространились на территории Ассирии, Ирана (рис. 17, 13, 14) и Урарту еще в VIII—VII вв. до н. э. [60, Pl. LVI, 833, 834; 61, илл. 253], но в Закавказье они проникают, по-видимому, лишь в VI в. до н. э., особенно широко используясь во второй половине VI-V вв. до н. э. (рис. 17, 33, 34) [62, рис. 2, 8; 63, табл. V, VI, XII, XIII].

2.2.9. Возможно, с Иранским влиянием связаны отдельные черты в украшениях из золота, наиболее ранние из которых найдены в составе кладов в Носири, Парцханаканеви и Чубурихинджи [64, с. 31-32], датируемых, как было показано в предыдущей главе, в рамках VI в. до н. э. Исполненный в технике зерни на кольце из Носири меандровидный орнамент, известный в иранских памятниках VIII—VII вв. до н. э. [65, Fig. 259] вводит этот комплекс в круг памятников второй половины VI в. до н. э., ярко проиллюстрированный треугольной золотой подвеской серьги из поселения Симагре (рис. 17, 31) [42, рис. 4]. Совершенно аналогичные подвески известны из Лори-Берда, где они датируются "раннеармянским" временем (VII—VI вв. до н. э.) [59, с. 190-191]. Колхидская находка уточняет дату этих изделий. Близкие по форме и стилю серьги с подвесками в виде треугольника известны в памятниках скифо-сибирского искусства конца VI—IV вв. до н. э., когда развитие этого искусства "протекает под знаком персидского влияния" [66, с. 276, илл. 247]. Таким образом начало широкого проникновения золотых изделий в быт аборигенного населения Колхиды пока может быть датировано с достаточной достоверностью лишь в рамках середины и второй половины VI в. до н. э. Теперь становится понятным, что именно скудностью золотых изделий, еще только начинавших входить в обиход колхидской родоплеменной аристократии, следует объяснять то обстоятельство, что "колхи и их соседи до Кавказского хребта" вместо обычной подати серебром и золотом были обязаны поставлять персам в рабство изрядное число своих соплеменников (Herod., III, 97).

97

О. Д. Лордкипанидзе полагает, что золотые украшения V-IV вв. до н. э. из Вани в своем большинстве "генетически связываются с (местными - Ю. В.) памятниками материальной

культуры доантичной эпохи” [12, с. 95, 96], либо представляют собой “органическое сплетение (*древневосточных художественных навыков - Ю. В.*) с местными многовековыми художественными традициями эпохи замечательной колхидской бронзовой культуры” [12, с. 97]. В этом согласиться с О. Д. Лордкипанидзе невозможно, поскольку в действительности в большинстве украшений Вани отсутствуют какие-либо точки соприкосновения с памятниками колхидско-кобанской культуры. Сам О. Д. Лордкипанидзе подкрепляет эту свою идею лишь указанием на “художественно-стилистическое и техническое единство”, выразившееся в своеобразии форм отдельных изделий, широком употреблении зерни и присутствии на соответствующих колхидских украшениях миниатюрной розетки [12, с. 93]. Однако ни один из этих признаков не может указывать на связь с памятниками колхидско-кобанского круга. Типично колхидскими, например, считаются диадемы с ромбовидными орнаментированными пластинками на концах [12, рис. 25-27; 36, с. 241, 242, рис. 37, 38, 187-189, 230, 231; 67, с. 134-135]. Однако этот вид украшений хотя, по-видимому, и связан по происхождению с местными гривнами VI-V вв. до н. э., однако в этом своем варианте появляется внезапно и бытует довольно короткий промежуток времени (середина V - середина IV вв. до н. э.). Тема борьбы животных (особенно льва и быка), присутствующая на золотых диадемах из Вани в наибольшей мере характерна для ахеменидского искусства, в котором этот древневосточный мотив олицетворял главный день зороастрийского календаря и соответствующий религиозный праздник [68, р. 1-5]. “Ахеменидским” во многих деталях является и стиль изображений на рассматриваемых диадемах - газель с каннелюрованными рогами [69, Tabb. IV, VI], ромбовидные и тонкие штриховые насечки в передаче гривы льва [70, р. 174, Fig. 86], контур и детали бычьей головы [12, с. 88]. Для правильного понимания истоков форм и стиля большинства золотых украшений Вани V-IV вв. до н. э. очень важны и калачиковидные серьги (рис. 14, 49), с VIII—VII вв. до н. э. распространившиеся в Передней Азии и по всему Средиземноморью, известные и по находкам в Кармир-Блуре [71, рис. 19], но в Колхиде фиксируемые лишь в конце V - начале IV вв. до н. э. [12, с. 28-30]. Серьги этого типа известны в Мидии и, особенно, в ахеменидском Иране (например, персепольский трипилон) [61, рис. 305]. Совершенно аналогичные ванским серьги найдены в могилах греков в Пичвнари, где они датированы второй половиной V в. [72, рис. 6]. Составлены и украшены эти серьги точно так же как и остальные типы ванских серег - с “лучеобразными”, биконическими и со сферическими ажурными подвесками [12, рис. 28-30], в которых О. Д. Лордкипанидзе видит “чисто местную форму” [12, с. 93]. Однако последние типы ванских серег также не имеют прототипов в местной культуре, в то время как сходные формы известны в

98

Передней Азии и Средиземноморье - серьги с подвеской в виде “лучей” в Ассирии [73, Tabb. VIII], ажурные сферические подвески в Малой Азии и Греции [74, Fig. 35,3; 35,6; Tabl. XXVI, 169]. Что же касается такой “местной колхидской особенности” [12, с. 93], как украшение ювелирных изделий зернью и филигранью, то эта особенность, будучи, вопреки мнению О. Д. Лордкипанидзе, совершенно чуждой памятникам Колхиды до середины VI в. до н. э., в то же время является характернейшей чертой украшений Передней Азии и Средиземноморья в доахеменидскую и в ахеменидскую эпохи. В этом отношении показательны те наблюдения О. Д. Лордкипанидзе, согласно которым “в юго-восточных областях Урмийского озера, в конце II и начале I тысячелетия до н. э. формировался этот стиль украшения золотых изделий пирамидками, треугольниками и др. геометрическими узорами из зерни, который с VIII и особенно с VII вв. до н. э. распространился в странах Ближнего Востока (Урарту, Иран), а в VII—VI вв. до н. э. стал своеобразной модой и встречается в самом разнообразном сочетании отделки золотых украшений в странах Средиземноморья (Кипр, Самос, материковая Греция и Македония,

Этрурия) и Причерноморья. Эта художественная волна... достигла и Колхиды. Этому способствовали и культурные контакты в середине I тысячелетия до н. э. с хурритско-урартским населением Мана и Мидии... В Колхиде произошла своеобразная переработка этих художественных навыков” [12, с. 96-97] - и только! Аналогично и происхождение розетки (рис. 17, 35) - здесь невозможно перечислить огромное количество примеров применения этого мотива в переднеазиатско-средиземноморском регионе, поэтому ограничусь лишь упоминанием розеток на золотом кубке IX—VIII вв. до н. э. из могильника Марлика (рис. 17,15) [75, с. 11] и в оформлении Персеполиса в VI-V вв. до н. э. (рис. 17,16) [54, Abb. 218]. С тем же кругом памятников связаны и ванские браслеты - с изображениями кабана (близкие реплики в Иране и Малой Азии) [76, р. 153, Tabb. XXIX, 3, 4] и с прогнутой спинкой (аналогии среди изображений Персеполиса и Суз), появляющиеся в Колхиде (рис. 17, 36) в период не ранее конца V - первой половины IV вв. до н. э. [12, с. 94-95, рис. 13, 34, 35].

Таким образом даже предельно сжатый анализ колхидских ювелирных изделий VI—IV вв. до н. э. приводит к выводу, что: а) “колхидская художественная культура” этого круга имеет в значительной мере древневосточные корни, порожденные тесными контактами в первую очередь с ахеменидским Ираном, и б) эпитет “златообильная” (*polychrisos*), который впервые применен по отношению к Колхиде в составленной греками в IV в. до н. э. эпитафии над могилой мифического Айэта (“Пеплос”, 43), отражает ситуацию не ранее второй половины VI - первой половины IV в. до н. э.

2.2.10. Широкие контакты с иранским культурным миром в VI—IV вв. до н. э. хорошо иллюстрируются частыми находками в Колхиде пиал с омфалом (рис. 17, 28), которые дают повод исследователям предполагать существование здесь одного из провинциальных центров производства посу-

99

ды по “ахеменидским” образцам [12, с. 84; 37, с. 41]. К тому же кругу изделий относится и ритон из Мтисдзири (рис. 17, 29) [77, с. 182-193, рис. 28-31]. Г. А. Гамкрелидзе, отмечая близость этого ритона к “ахеменидскому стилю”, в то же время полагает, что ритон был изготовлен колхидским мастером, а его сюжет - протома козла с человеческим лицом - якобы является “плодом местных религиозных представлений” [77, с. 182; 78, с. 15]. Однако отсутствие прототипов и сходных сюжетов в культуре Колхиды того же и предшествующего времени, а также наличие сходных форм среди иранских изделий V-IV вв. до н. э. (рис. 17,9) [54, Abb. 291, 304; 79, табл. LIII-LV], не позволяют мне разделить вывод о местном происхождении мтисдзирского ритона.

Основные типы колхидской керамики VI—IV вв. до н. э. - пифосы, двуручные и одноручные горшковидные сосуды, кувшины, среди которых наиболее типичны изделия с вертикальной трубчатой ручкой, одноручные бокальчики и кубки на высоких ножках, фляги, миски [12, с. 77, рис. 18, 19, 76]. По мнению О. Д. Лордкипанидзе “типологические особенности (форма, орнамент)” этой керамики не засвидетельствованы “за пределами Колхиды”, очерчивают “границы Колхидского царства” и отличаются “традиционной самобытностью” [12, с. 76-79]. Однако эти выводы неверны в отношении по крайней мере трех видов колхидской керамики - кувшинов с трубчатой ручкой, кубков и фляг (рис. 17, 21, 24, 27). Кувшины с трубчатой ручкой в это и последующее время паучили широкое распространение по всему Кавказу [80, с. 38-39, рис. 4], фляги близкой формы известны в Восточном Закавказье [81, табл. XIX,1). Все три рассматриваемых типа посуды, не имея прототипов среди колхидской керамики предшествующего этапа (наиболее древние изделия этого типа обнаружены в Симагре в слое второй половины VI в. до н. э.) [42, табл. XXXI, XXXV], в то же время широко представлены в памятниках VIII—VII вв. до н. э. на территории Ирана (Тепе-Сялк, В. Сакыз и др.) (рис. 17,1, 47) [54, Abb. 171; 60, PI, XVI,

6, 9; XVIII, 1, 3; XX, 5, 7; LX, 240; LXII, 776; LXIX, 248; LXXIV, 913; LXXIX, 987a; 82, табл. XVI; XXIV, 5; 83, с. 409-414]. Сходство отмечается и в некоторых других типах изделий (рис. 17, 5, 6, 25, 26).

Заканчивая обзор иранских элементов в материальной культуре Колхиды VI—IV вв. до н. э. нельзя обойти молчанием остатки древнейшего из известных на территории Колхиды каменного храма, исследованного в Саирхе [16, с. 130-131; 84, с. 159-161; 87, с. 18, 19, табл. XLIII-XLVIII]. Это огромное сооружение было украшено мощной колоннадой - от колонн сохранились базы, состоящие из массивного планта, высокого тора, богато орнаментированного косыми выкружками ниспадающих друг на друга трех широких листьев и нижнего ствола колонны, украшенного вогнутыми ионийскими овами. “Очень близкие по мощным пластичным очертаниям профиля, но менее нарядные базы с совершенно идентичными пропорциями” известны в Дур-Шаррукине и Персеполисе [49, с. 70], что определяет дату

100

храма в Саирхе не V-IV вв. до н. э. [84, с. 131], а концом VI-V вв. до н. э. [49, с. 70]. Храм этот украшали также скульптурные изображения львиных голов (по нашей реконструкции - рис. 17, 38-капители), стилистически входящие в круг ахеменидского искусства [84, с. 131]. Можно поэтому с полным основанием думать, что в Саирхе находился один из административно-религиозных центров XIX сатрапии Иранского государства.

2.2.11. Все сказанное служит прекрасной иллюстрацией к соответствующему указанию Геродота: “Даже колхи и их соседи до Кавказского хребта (до этих пор ведь простирается персидская держава, области же к северу от Кавказа уже не подчинены персам) наложили на себя подати в виде даров” (Herod. III, 97).

Теперь становится более понятным столь популярный в Колхиде социальный институт “скептухов” (“скипетродержцев”), название которых является переводом иранского термина “vazraka” (от vazga - “дубина”, “палица”, “скипетр”), употреблявшегося в качестве титула знати и вельмож в иранском официальном языке [86, с. 263]. Этот термин был усвоен представителями местной родоплеменной верхушки, по-видимому, еще в период вхождения Колхиды в состав Персидской державы (вторая половина VI-V вв. до н. э.) и просуществовал до I в. до н. э., когда его здесь зафиксировал Страбон (XI, 2, 13). Таким образом и письменные источники, и археологические материалы единогласно свидетельствуют против тезы о “независимом” и “мощном” Колхидском “царстве”, якобы существовавшем в Западном Закавказье в VI—V вв. до н. э. Налицо выразительный комплекс письменных и археологических фактов, указывающих на политическую и культурную зависимость Колхиды в середине VI-V вв. до н. э. от ахеменидского Ирана. Однако это только часть проблемы - материальная и духовная культура Колхиды рассматриваемого времени прочно вошла в сферу воздействия античной культуры, носителями которой было греческое население приморских апоекий. Но об этом в следующей главе.

1. Джанашиа С. Н. Из истории грузинской государственности. К истории Колхидского царства. - В кн.: Тезисы докладов XII научной сессии Отделения общественных наук АН ГССР. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1943.

2. Джанашиа С. Н. Труды, т. II. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1952.

3. Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. История Грузии, т. I. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1950.

4. Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика, М.: изд-во АН СССР, 1955.
5. Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси: Мецниереба, 1968.
6. Инадзе М. П. О времени образования Колхидского царства по данным древнегреческих авторов. - КБС, 1973, вып. IV.
7. Ломоури Н. Ю. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси: изд-во ТГУ, 1962.

101

8. Ломоури Н. Ю. К вопросу о греческой колонизации побережья Колхиды. - В кн.: Античное общество. М.: Наука, 1967.
9. Микеладзе Т. К. К вопросу о периодизации истории древней Колхиды. - КБС, 1973, вып. IV.
10. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Грузия (торгово-экономические и культурные взаимоотношения со второй половины II тысячелетия до н. э. до III—IV вв. н. э.): Автореф. докторск. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1966.
11. Лордкипанидзе О. Д. К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды). Тбилиси: Мецниереба, 1977.
12. Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида. Миф и археология. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
13. Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI—I вв. до н. э.): Автореф. докторск. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1981.
14. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1959.
15. Меликишвили Г. А. Вопрос о социально-экономическом строе древней Грузии. - Мацне, 1966, №1 (28).
16. Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
17. Дундуа Г. Ф. К происхождению "колхидок" с изображением льва. - Мацне, 1972, №1.
18. Дундуа Г. Ф. Еще раз о происхождении колхидок. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо-1977). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
19. Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. Москва: Наука, 1980.
20. Молев Е. А. Митридат Евпатор. Создание черноморской державы. Саратов: СГУ, 1976.
21. Сосновкин И. Н. История патриархального общества Западной Грузии: Автореф. канд. дис., Ярославль: ЯГПИ, 1954.
22. Болтунова А. И. Замечания по поводу проспекта "Всемирная история" АН СССР, т. I—II. - ВДИ, 1952, №4.
23. Болтунова А. И. Эллинские апойки и местное население Колхиды. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
24. Болтунова А. И. К вопросу о социально-политической организации колхов. - В кн.: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему "Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.)" в Цхалтубо. Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
25. Соселия Г. К. К вопросу о происхождении государства среди грузинских племен. Тбилиси, 1936.
26. Соселия Г. К. Существовала ли рабовладельческая формация в Грузии? - ВИ, 1956, №10.
27. Дандамаев М. А. Ахеменидское государство и его значение в истории Древнего Востока. - В кн.: История Иранского государства и культуры. М.: Наука, 1971.
28. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М.: Наука,

1980.

29. Воронов Ю. Н. Античный мир и Северная Колхида. - В кн.: Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран "Eirene"), т. I, Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1979.
30. Воронов Ю. Н. Некоторые проблемы социальной истории Северной Колхиды в эпоху греческой колонизации. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
31. Болтунова А. И. Колхи и держава Ахеменидов (по данным Геродота). - В кн.: Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран "Eirene"), т. I. Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1979.
32. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.21.

102

33. Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М.: Наука, 1964.
34. Немировский А. И. Понтийское царство в Колхиде. - В кн.: Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси: ТГУ, 1980.
35. Семенов С. А. Происхождение земледелия. П.: Наука, 1974.
36. Лордкипанидзе О. Д., Путуридзе Р. В., Толордава В. А., Чкониа А. М. Археологические раскопки в Вани в 1969 г. - В кн.: Вани, т. I. Тбилиси, 1972.
37. Гагошидзе Ю. М. Погребение из Итхвиси. - ВГМГ, 1968, т. XXV-B.
38. Шамба Г. К. Об ареале распространения древнегреческой керамики в VI-V вв. до н. э. в Абхазии. - В кн.: Тезисы докладов и сообщений II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему "Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.), Цхалтубо, 1979". Тбилиси: Мецниереба, 1979.
39. Меликишвили Г. А. Характер социально-экономического строя на древнем Востоке. - НАА, 1972, вып. 4.
40. Кушнарева К. Х. К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа. - КСИА, 1973, №134.
41. Берзин Э. О. Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций. - В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М.: Наука, 1966.
42. Микеладзе Т. К. Археологические исследования в низовьях Риони (материалы к истории древнего Фасиса). Тбилиси: Мецниереба, 1978.
43. Лордкипанидзе Г. А. Основные итоги археологических раскопок I участка Ванского городища 1961-1963 гг. - В кн.: "Вани", т. I. Тбилиси: Мецниереба, 1972.
44. Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К. О демографической ситуации в Восточном Причерноморье (Колхиде) в период Великой греческой колонизации. - В кн.: Тезисы докладов и сообщений II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья в Цхалтубо. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
45. Капанадзе Д. Г., Голенко К. В. К вопросу о происхождении колхидок. - ВДИ, 1957, №4.
46. Куфтин Б. А. Материалы по археологии Колхиды, т. II. Тбилиси: Техника да шрома, 1950.
47. Lang D. M. Studies in the Numismatic history of Georgia in Transcaucasia. N.- Y., 1955.
48. Болтунова А. И. Колхидки. - ВДИ, 1974, №4.
- 48a. Kraay C. M. Archaic and classical greek coins. Barkeley - Los-Angeles: Univ. of California press., 1976, t. XXVI.
49. Пичикян И. Р. Элементы восточного ордера в Колхиде и Иберии (к постановке вопроса о культурной общности Северного Закавказья с древними цивилизациями зарубежного Востока). - В кн.: Всесоюзная конференция по древнему Востоку (памяти

- акад. В. В. Струве). Тезисы докладов. М.: Наука, 1979.
50. Гобеджишвили Г. Ф. Археологические раскопки в древней Грузии. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1952.
51. Барамидзе М. В. Мерхеульский могильник. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
52. Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI-I вв. до н. э. - В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.
53. Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Логинов В. А., Юшин В. А. Исследования в Цебельдинской долине. - АО-1977. М., 1978.
54. Ghirschman R. Iran. Protoiranien, medien, achameniden. - Munchen, 1964.
55. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, т. I. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1941.
56. Трапш М. М. Древний Сухуми. Труды в 4-х томах, т. II. Сухуми: Алашара, 1969.
57. Reichel W. Homerische Waffen. Wien, 1901.
58. Шамба Г. К. Древности Эшеры. Сухуми: Алашара, 1980.
59. Деведжян С. Г. Лори-Бердский могильник. - СА, 1974, №2.
60. Ghirschman R. Fouilles de Sialk pres de Kashan, t. 2. Paris, 1939.

103

61. Искусство древнего Востока. - В кн.: Памятники мирового искусства, вып. 2, М.: Искусство, 1968.
62. Гертман А. И. Детали конской узды в составе Казбегского клада (по материалам коллекции ГИМ). - СА, 1972, №3.
63. Цитланидзе Л. Г. Археологические памятники Хеви (Казбегский клад). Тбилиси: Мецниереба, 1976.
64. Гагошидзе Ю. М. Материалы к истории златокузнечества в Грузии (перв. полов. I тысячелетия до н. э.). - ВГМГ, 1976, т. XXXII-B.
65. Herzfeld E. E. Iran in the Ancient East. - London - New-York. 1941.
66. Артамонов М. И. Сокровище саков. М.: Искусство, 1973.
67. Хоштария Н. В., Путуридзе Р. В., Чкония А. М. Итоги археологических работ, проведенных в 1961-1963 гг. в Северо-восточной части Ванского городища. - В кн.: "Вани", т. I. Тбилиси: Мецниереба, 1972.
68. Hartner W. The earliest History of the Constellations in the Near East and the motif of the Lion-Bull Combat. - JNES, 1965, t. XXIV. №1-2.
69. Porada H. A. Achaemenide Jewelry in the Oriental Institute. - JNES, 1957, t. XVI, №1.
70. Porada E. Iran ancien. Paris, 1963.
71. Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур, I. Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1950.
72. Кахидзе А. Ю. Раскопки могильника Пичвнари. - КСИА, 1977, №151.
73. Moorgat A. Der Ohrschmuck der Assurer. - In: Archiv fbr Orientforschung. - Graz, 1927, t. IV, №5/6.
74. Amandry P. Collection H. Stathatos. Strasburg, 1953.
75. Луконин Г. В. Искусство древнего Ирана. М.: Искусство, 1977.
76. Amandry P. Un motif "scythe" en Iran et en Grece. - JNES, 1965, t. XXIV, №3.
77. Гамкрелидзе Г. А. Археологические памятники Мтисдзири. - В кн.: Вани, т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
78. Гамкрелидзе Г. А. Древние поселения в среднем течении р. Риони (Мтисдзири в VII в. до н. э. - VIII в. н. э.): Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1978.
79. Аракелян Б. Н. Очерки по истории искусства древней Армении (VI в. до н. э. - III в. н. э.). Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1976.
80. Абрамова М. П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени. - СА, 1979, №2.
81. Абрамишвили Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. -

ВГМГ, 1961, т. XXII-В.

82. Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977.

83. Тер-Мартirosов Ф. И. Фляги как торговая тара. - В кн.: Проблемы античной истории и культуры (доклады Международной конференции античников социалистических стран "Ейрене"), II. Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1979.

84. Надирадзе Д. Ш. Археологические памятники Квирильского ущелья. Тбилиси: Мецниереба, 1975.

85. Лежава Г. И. Архитектурные памятники Грузии античного периода. - Тбилиси: Мецниереба, 1979.

86. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Наука, 1970.

104

ГЛАВА 3. К ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ КОЛХИДЫ

2.3.1. Среди узловых вопросов древней истории Западного Закавказья, по которым еще не выработано единого мнения, видное место занимает проблема условий появления и характера греческих колоний. Относительно социально-экономического, культурного и этнического облика городов Колхиды в VI-V вв. до н. э. в последние десятилетия высказаны следующие точки зрения: 1) Поселения городского типа появились в Колхиде задолго до прихода сюда греков [1, с. 217] и независимо от них [1, с. 170-171], а затем на протяжении всей своей дальнейшей истории оставались не греческими, а в первую очередь колхскими [3, с. 61]; 2) данные города возникли на базе крупных местных населенных пунктов позднебронзовой эпохи под воздействием греков и с самого начала имели "смешанное" греко-местное население и лишь некоторые черты самоуправления [4, с. 143; 5, с. 44; 6, с. 283-292]; 3) греческие поселения Колхиды представляли собой торговые фактории без собственной экономической базы и располагались в качестве кварталов при местных городах [7, с. 260; 8, с. 6; 9, с. 187-256; 10, с. 149]; 4) античные города Колхиды являлись продуктом греческой колонизации и по своему социально-экономическому, культурному и этническому облику мало отличались от греческих поселений в других районах Причерноморья [11, с. 155; 12, с. 256-274; 13, с. 118; 14, с. 82-84; 15, с. 274-279; 16, с.

11-14; 17, с. 63; 18, с. 19; 19, с. 322-326; 20, с. 280-282; 21, с. 65-66].

В основе аргументации первых трех точек зрения лежит гипотеза о существовании в VI-V вв. до н. э. в Западном Закавказье "прочной государственности" в лице Колхидского царства, которое якобы воспрепятствовало возникновению здесь греческих апойкий обычного типа [22, с. 16-17]. Однако, как было показано в первом разделе настоящей главы, ни в письменных источниках, ни в материальной культуре Колхиды не удается уловить реальных свидетельств о присутствии в этот период на рассматриваемой территории какой-либо серьезной местной политической силы с собственными городами, способной противостоять греческим переселенцам. И наоборот письменные источники, а также резко увеличившиеся в последние годы археологические свидетельства говорят в пользу гипотезы четвертой группы исследователей. Рассмотрим эти материалы подробнее.

2.3.2. Наличие греческих поселений на побережье Колхиды со всей определенностью засвидетельствовано античными источниками, в которых Гиенос и Фасис названы "эллинскими полисами" (Ps. Skil., 81), а относительно Диоскуриады и Фасиса указано, что они основаны выходцами из Милета (Fl. Agg., PPE, 14; Mela, I, 108), причем сохранились и имя ойкиста Фасиса Фемистагора Милетского (Mela, I, 108), и Полития Фасиса (ger.,

XVIII). РЯД исследователей, сторонников гипотезы о “мощном” Колхидском царстве (О. Д. Лордкипанидзе, Т. К. Микеладзе, Н. Ю. Ломоури, Т. С. Каухчиш-

105

вили) ставят под сомнение достоверность этих сообщений, ссылаясь на то, что Флавий Арриан и Помпоний Мела - авторы “поздние”, либо на “неясность” этих сведений [23, с. 294-304; 24, с. 383-384, 387-389, 393-397]. Однако, как справедливо указывалось в этой связи (со ссылкой на У. Вилиамовича-Мёллендорфа) на I Цхалтубском симпозиуме по древней истории Причерноморья, “отстоять рукописное предание куда важнее, чем предложить самую блестящую поправку к нему” [24, с. 396]. Упомянутые же поправки к сообщениям античных авторов, как отмечалось на том же симпозиуме, никак нельзя назвать “блестящими” [24, с. 371, 376, 379].

К сожалению в силу ряда объективных и субъективных причин западнокавказские греческие города еще не исследовались - Диоскуриада частично размыта морем, частично скрыта под строениями современного Сухума, Гиенос локализуется вблизи Очамчиры, однако его изучение только начато, Фасис еще конкретно не локализован [10, с. 111-135]. Поэтому, как неоднократно справедливо указывалось исследователями, всякие рассуждения об их характере, политической и социальной организации не могут выходить за рамки более или менее достоверных умозаключений и гипотез [10, с. 119; 12, с. 259]. При современном состоянии источников единственный реальный путь к выяснению обстоятельств основания и первых двух веков существования этих городов лежит через анализ уже выявленных археологических материалов как на территории самих городов, так и на окружающей их территории.

2.3.3. Прежде всего остановлюсь на вопросе о времени первых контактов населения Колхиды с греками. По мнению многих исследователей, ссылающихся при этом на миф об аргонавтах, доколониционные связи греческого мира с местным населением Колхиды начались еще в ахейскую эпоху [7, с. 149; 25, с. 4]. Однако в последнее время все чаще высказывается справедливое сомнение в столь ранней датировке этого мифа в его кавказской части [26, с. 181; 27, с. 41-44], в то время как первые контакты западнокавказских племен с греческими мореплавателями, исходя из имеющихся данных, не могут быть датированы временем ранее VIII—VII вв. до н. э. [28, р. 1 -10; 29, р. 25-42]. Единственным археологическим документом в пользу древнейших морских связей Колхиды с ахейской Грецией до недавнего времени считались бронзовые фибулы так называемого “субмикенского” типа, будто бы занесенные на Кавказ из Греции в XII—XI вв. до н. э. [7, с. 153]. Однако, как было показано в первом разделе настоящего труда, кавказские дуговидные фибулы относятся к северо-восточной ветви средиземноморских (главным образом греческих и итальянских) фибул, получившей распространение на Кавказе в предскифское и раннескифское время (VIII—VI вв. до н. э.) [30, рис. 2, 177, 238; 31, с. 45; 32, с. 21; 33, с. 205-207]. Следовательно, колхидско-кобанские бронзовые фибулы сегодня не могут быть использованы для решения вопроса о колхидско-греческих контактах ранее VIII в. до н. э. Помимо упомянутых фибул среди

106

западнокавказских памятников выделяется серия изделий, которые подтверждают возможность более или менее регулярных контактов населения Колхиды с греческим миром, начиная с VIII в. до н. э. В VII в. до н. э. из Греции в центральную Европу распространяются зооморфные пластинчатые фибулы (рис. 18, 7, 8) [34, р. 269, Fig. 32, 1-6]. Аналогичные фибулы недавно стали известны и в Колхиде в комплексах конца VII - начала VI вв. до н. э. (рис. 18, 28) [35, табл. VII, 1]. Специфической деталью одежды

аборигенного населения Северо-Западной Колхиды в VI-V вв. до н. э. становятся фибулы с ромбической литой (рис. 18, 32) и пластинчатой (рис. 18, 30) дужкой [1, табл. VII, 2; XXXIX, 7, 8], прототипы которых на территории Греции датируются IX—VII вв. до н. э. (рис. 18, 11, 12) [36, s. 106-108, Taf. 42, 1482, 1483; 43, 1489; 46, 1513]. Широкое распространение в Греции и на Балканах в VIII—VII вв. до н. э. получили амулеты в форме стержней, украшенных гроздьё грибовидных выступов (рис. 19, 9,10) [37, p. 72-74, Fig. 22, 1-4; 23, 1-9]. Аналогично украшенные фибулы известны в нескольких экземплярах в Абхазии (рис. 19, 29) [38, табл. XXXVII, 41]. В VII—VI вв. на территории Греции распространяются колокольчики с вертикальным рифлением и с нарезкой (рис. 19, 5, 6) [37, p. 89, Fig. 25-26], которые в Западном Закавказье фиксируются со второй половины VI в. до н. э. (рис. 19, 25, 26) [39, с. 43]. В VII—IV вв. до н. э. [40, s. 493, Fig. 10] в Средиземноморье через посредство греков распространяются железные сошники (рис. 19, 1), лемеховидные мотыги (рис. 19, 2) и виноградные инструменты-флаксы (рис. 19,3). В Западном Закавказье лемеховидные мотыги появляются внезапно в большом количестве в VI в. до н. э. [41, с. 35, рис. 3, 9], остальные же изделия этой группы фиксируются пока лишь с раннеэллинистической эпохи (втор. полов. IV в. до н. э.) [42, рис. 4, 10, 11]. Не исключая урартское происхождение единственных в Колхиде плетеных удил (рис. 19, 27) [43, рис. 21], нужно упомянуть, что подобные удила в Греции также получают широкое распространение в конце VIII—VII вв. до н. э. [44, p. 24, 53, 88. Pl. CXIV, 54; CXXVIII, 150]. Как следствие кавказско-балканских контактов рассматриваются и крестовидные, и птицевидные подвески, бытовавшие одновременно в Западном Закавказье (рис. 19, 34, 35) и в Греции (рис. 19, 14,16) [37, с. 76, Fig. 2, 1; 22, 6]. Эти археологические факты в сочетании с данными письменных источников об основании ряда греческих городов (Синопа и др.) в Южном Причерноморье на пути к Колхиде в VIII—VII вв. до н. э., как представляется, достаточны для иллюстрации факта доколониционных контактов греческих мореплавателей с населением Западного Закавказья за 1-2 столетия до момента появления здесь апойкий (середина VI в. до н. э.).

2.3.4. Перейдем к вопросу о демографической ситуации в прибрежной зоне Колхиды в период Великой греческой колонизации. Этот вопрос занимает видное место в системе доказательств сторонников гипотезы о Колхидском царстве [45]. В литературе неоднократно подчеркивалась мысль, согласно которой поселения аборигенов, выявленные в окрестностях Су-

107

хумской бухты, на берегах которой локализуется Диоскуриада, еще в доантичный период отличались “особенно заметной концентрацией” и уже складывались в крупный ремесленный и торговый город [1, с. 215; 2, с. 169; 46, с. 188-190; 47, с. 31-32]. В соответствии с тем же предположением делается вывод, что греческое поселение в Диоскуриаде представляло собой первоначально якобы эмпорий, основанный при местном крупном поселении “городского типа” [9, с. 244-249]. Однако, как я уже неоднократно подчеркивал, если исходить из имеющихся в распоряжении науки материалов, то такой вывод совершенно беспочвенен по следующим соображениям. Для решения вопроса о демографической ситуации в окрестностях Диоскуриады (совр. Сухум) мною использованы два момента. Первый, картографический (рис. 20) основан на сопоставлении данных о количестве поселений в окрестностях Сухумской бухты на протяжении всего рассматриваемого в настоящем разделе периода (VIII—I вв. до н. э.). Имеющиеся факты позволяют утверждать, что в предантичный период на всей прилегающей к бухте территории между рр. Гумиста и Келасур, т. е. на площади свыше 20 кв. км в VIII - первой половине VI вв. до н. э. какие-либо следы городской формации отсутствуют, а известно лишь пять небольших поселений, удаленных друг от друга на 3-5

км (рис. 20, 1). Разброс культурных остатков на этих поселениях фиксируется на площади от 0,15 до 0,5 га (Сухумская гора - 0,15-0,2 га, Красный Маяк - 0,4-0,5 га, Лечкоп - Ачадара - 0,2-0,3 га, Дзегута - 0,2 га [1, с. 81-208; 42, с. 30-34; 48, с. 84, 87; 49, с. 174] при мощности соответствующих накоплений максимально в 0,5-1 м. Пространство между этими поселками было изрезано глубокими оврагами, склоны которых были покрыты густым лесом. Что же касается “особо заметной концентрации”, то если исходить из имеющихся фактов, то совершенно аналогичное расположение сходных по структуре поселений в окрестностях Сухумской бухты отмечается уже в III - начале II тысячелетия до н. э. [50, с. 1-24], когда говорить о городах в Западном Закавказье вообще не приходится. На основе имеющихся материалов, таким образом, можно полагать лишь, что каждый из названных памятников представлял собой небольшой (родовой?) поселок, состоявший из десятка деревянных жилищ, приусадебного могильника и прилегающих к ним небольших участков обрабатываемой земли. В середине VI-V вв. количество аборигенных поселений в окрестностях Сухумской бухты по крайней мере удваивается (рис. 20, II). На мой взгляд, этот серьезный демографический сдвиг логичнее всего рассматривается как результат воздействия на окружающую среду древнейшего на этой территории поселения городского типа - Диоскуриады, вступившей с момента своего основания в стадию формирования системы “полис-хора”. Второй момент основан на подсчете погребений, выявленных к настоящему времени в окрестностях Сухумской бухты, по хронологическим отрезкам, проведенным на основе корреляции комплексов (рис. 7-8, 15-16). К VIII—VII вв. здесь отнесено 65 погребений, из которых 58 (№№44, 45, 47,

108

48, 51, 52, 57, 59, 60, 62-65, 67, 68, 70, 74, 76, 79, 80, 84, 86, 87, 89-95, 101, 102, 106-108, 112, 114, 118, 119, 123, 125, 126, 127, 132, 133, 135-142, 144, 145, 148, 152) раскопаны на Красномаяцком могильнике, а остальные происходят с Сухумской горы (1), Лечкопа (1) и Эшеры. К концу VII—VI вв. с большим или меньшим основанием может быть сегодня отнесено лишь 25 могил, из которых 22 (№№1,2, 5-7, 9-11, 13, 14, 16, 17, 22, 25, 34, 56, 66, 69, 131, 134, 146, 147), раскопаны на Красномаяцком могильнике. К V-первой половине IV вв. до н. э. отнесено до 70 захоронений, из которых 31 (№№3, 4, 12, 15, 19-21, 23, 24, 26, 29, 31, 35-40, 42, 53, 55, 71, 73, 78, 97, 98, 124, 128-130, 141) раскопаны на Красномаяцком могильнике, 32 (№№4-7, 9-14, 16, 17, 21, 55-61, 68-73, 75-80) - на могильнике Гуад-иху. Всего на территории хоры Диоскуриады выявлено около 290 захоронений VIII—II вв. до н. э., из которых до 70 погребений не могут быть использованы в анализе из-за их невыразительности (безинвентарные и условные могилы). Из 220 выразительных комплексов 30% датируются суммарно VIII—VII вв. до н. э. с пиком в первой половине VII в. до н. э., 10% -VI в. до н. э., 33% - V-IV с пиком во второй половине IV - первой половине III вв. до н. э., 7% - второй половиной III-II вв. до н. э. Таким образом в момент основания греческой апойкии в середине VI в. до н. э. аборигенные поселки в окрестностях Сухумской бухты переживают резкий спад и сокращение населения (рис. 21).

2.3.5. При обосновании тезиса о том, что местное население уже в VII—VI вв. до н. э. якобы обладало “развитой политической ориентацией” и что все Западное Закавказье было включено в состав “сильного” “Колхидского царства” [10, с. 48], применительно к Северной Колхиде исследователи в качестве основного аргумента используют материалы из рассматриваемых могильников в окрестностях Сухума, особенно из Красномаяцкого некрополя, где находят указания на “сильное имущественное расслоение, на поляризацию в среде данного общества” [17, с. 49]. В аргументации этого положения, однако, нет необходимой логики. В этой связи, например, противопоставляются в качестве “знатного”

и “рядового” воинов комплексы №7 (2 железных наконечника копья, нож и бронзовая оббивка щита) и №13 (два глиняных сосуда, фигурная бронзовая пластинка, бронзовая фибула и железный наконечник копья). Однако, хотя в первом погребении и присутствует импортный (восточно-греческий) щит, но в остальном второе погребение смотрится явно не беднее. При характеристике богатых захоронений используются комплексы №21 (кувшин, два бронзовых браслета, фибула, гривна, два ножа и др.) и 100 (три бронзовых браслета, фибула и височное кольцо), а им противопоставлены в качестве бедных комплексы 31 (только один бронзовый пластинчатый пояс с зооморфной пряжкой) и 99 (одна бронзовая круглая поясная пряжка с инкрустацией) [17, с. 49]. При этом упускается из виду, что “бедные” захоронения датируются VIII—VII вв. до н. э., в то время как “богатые”, судя по инвентарю, были захоронены в период не ранее второй половины VI—V вв. до н. э. Г. Т. Квирквелия, дискуссия со мной,

109

при обосновании тезиса об “имущественной дифференциации” и “социальной стратификации” местного общества VIII—V вв. до н. э. в окрестностях Диоскуриады в качестве основного аргумента ссылается на присутствие бедных захоронений наряду с могилами со стандартным набором инвентаря [51, с. 19-20], однако такой признак еще не может служить опорой для выводов об имущественной и социальной дифференциации [52, с. 20]. При обосновании тезиса об особенно глубокой имущественной дифференциации в V в. до н. э. используются безинвентарные погребения [17, с. 50; 47, с. 61], хотя доказать, почему они должны датироваться V, а не VII или III вв. до н. э., явно невозможно. Эти и другие наблюдения не позволяют мне разделять мнение о глубоко зашедшей в VIII—V вв. до н. э. социальной поляризации на Красномаяцком и других поселениях в окрестностях современной Сухумской бухты. Здесь мы “нигде не видим особого разряда людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия, каковым является... вооруженные отряды войск, тюрьмы и прочие средства подчинения чужой воли насилию, - то, что составляет сущность государства” [53, с. 69].

Важно и то обстоятельство, что берега самой Сухумской бухты, где пока не обнаружено ни одного черепка посуды доантичной эпохи, были тогда заболоченными и, по-видимому, совершенно незаселенными, а густой колхидский лес подступал к самому пляжу [42, с. 34]. Следовательно, контактная зона между первыми греческими колонистами и аборигенами представляла собой широкую (до 2-5 км) ничейную полосу. Все сказанное позволяет сделать вывод, что как географические условия (удобная гавань, наличие свободной и вполне пригодной для земледелия земли, доступность всего комплекса природных ресурсов), так и демографическая ситуация (сравнительно слабая заселенность местности, отсутствие собственных городов и развитой социальной организации у аборигенов) вполне благоприятствовали возникновению на берегах Сухумской бухты обычной греческой колонии с самостоятельной экономической базой и политической структурой.

2.3.6. Согласно анонимному, но вполне заслуживающему доверия источнику, на который во II в. н. э. опирался Флавий Арриан (PPE, 14), греческая колония на берегах Сухумской бухты была основана выходцами из Милета. Поскольку последний, как и другие малоазийские города-государства, был вынужден прекратить свою колонизационную деятельность в Причерноморье около 520 г. до н. э. в связи с захватом персами проливов у Геллеспонта, то основание Диоскуриады должно быть отнесено ко времени не позднее 550-530 гг. до н. э. [4, с. 54-55]. “Полис Диоскуриада” впервые упоминается Псевдо-Скилаком Кариандским (Ps. Skil., fr. 81) - автором IV в. до н. э., который в данном случае

использовал более древний источник, восходящий к 40-30 гг. VI в. до н. э. [4, с. 54-55]. Исходя из общих закономерностей организации греческих колоний вдали от метрополии,

110

нужно полагать, что на берега Сухумской бухты тогда прибыл уже достаточно хорошо организованный коллектив с готовыми органами самоуправления, в обязанности которых входило обеспечение необходимых условий для деятельности колонистов, налаживание контактов с местным этническим окружением, поддержка связей с метрополией [42, с. 36; 54, с. 11-14; 55, с. 253; 56, с. 13-15].

В своей работе, специально посвященной проблеме локализации Диоскуриады [42, с. 17-25; 57], автор стремился доказать несостоятельность господствовавшей в течение столетия гипотезы, согласно которой глубоко на дне Сухумской бухты покоятся в достаточной мере выразительные остатки древнего города [1, с. 213-215; 58, с. 28; 59, с. 27—35]. Как устанавливается, за последние два тысячелетия море в результате абразии отняло у берега лишь сравнительно узкую (80-100 м) полосу, вместе с которой безвозвратно, по-видимому, утрачены и прибрежные наиболее древние кварталы Диоскуриады. Однако значительная часть древнего города главным образом эллинистической эпохи все еще сохраняется в толще отложений под зданиями и улицами приморской части современного Сухума, охватывая площадь до десяти-пятнадцати гектаров. Систематических раскопок этих остатков пока не проводилось. Поэтому сведения об облике материальной культуры Диоскуриады на раннем этапе ее истории (VI - перв. полов. IV вв.) пока еще очень ограничены. В 1952 и 1958-59 гг при раскопках в Сухумской крепости на глубине до 3-3,5 м на поверхности материкового слоя синих глин были найдены обломки хиосских амфор конца VI - начала V вв. до н. э. и чернолаковой посуды V в. до н. э. [1, с. 222; 60, с. 222]. Еще в 1886 г. у здания современного Драматического театра на глубине 1,5 м были обнаружены обломки чернолакового килика V - начала IV вв. до н. э. [61, с. 15-17]. Аналогичная чернолаковая посуда, а также мраморная стела, изготовленная в 430-420 гг. до н. э. и привезенная сюда тогда же для украшения местного греческого некрополя [7, с. 166-168], указывают на то, что земли, входившие в городскую черту Диоскуриады в V в. до н. э. простирались и к востоку от устья Беслетки.

2.3.7. Если на очерченной территории самой Диоскуриады пока не обнаружено достаточно выразительных материалов VI в. до н. э., то такие материалы в самые последние годы стали известны благодаря раскопкам Г. К. Шамба на расположенном в 10 км западнее Эшерском городище [62, с. 441; 63, с. 107-108; 64, с. 23-24; 65, с. 22-31]. Здесь на площади до 50 кв. м в 1973-1976 гг. был вскрыт на глубине 2,5-2,8 м от поверхности почвы слой культурных накоплений (мощность 0,05-0,45 м), включавших около 350 фрагментов импортной, тарной и столовой керамики VI в. до н. э., среди которой основное место занимает родосско-ионийская продукция, - чаши, украшенные розетками, поясками и клиновидным орнаментом, восточно-греческие кубки, скифосы и простая полосатая керамика. Здесь же найдены обломки коринфского сосуда, ионийские и аттические изделия с

111

чернофигурной росписью, толстостенные вазы с полосами, низкогорлые милетские амфоры со следами коричневого лака и другие материалы, которые позволяют определить время возникновения этого поселения периодом не позднее середины - третьей четверти VI в. до н. э. [65, с. 490]. Сопровождавшие импорт изделия местного изготовления характеризуются обломками несколько своеобразной лепной посуды, в облике которой Г. К. Шамба усматривает генетическую связь с местной керамикой предантичной эпохи [66,

с. 108].

Сведения о массовости греческого импорта в нижнем слое Эшерского городища, полученные еще в 1973-1974 гг., до сих пор игнорируются О. Д. Лордкипанидзе, утверждающим, что греческие изделия VI в. до н. э. севернее Фасиса "известны (единичными находками) в Эшерах" [10, с. 156]. Однако это неверно. Еще в 1939 г. Л. Н. Соловьев обнаружил фрагменты расписной керамики конца II в. до н. э. (определение В. Д. Блаватского) на поселении Красный Маяк [38, с. 50]. В той же Эшере в 1977 г. Г. К. Шамба было доследовано погребение представителя местной родо-племенной верхушки, разрушенное при постройке дороги в километре восточнее Эшерского городища. Наиболее яркой деталью комплекса оказалась панафинейская амфора с чернофигурной росписью, датированная третьей четвертью VI в. до н. э. [67, с. 448]. Мною опубликован обломок килика с розеткой, найденный в 50-х годах в Сочи [68, с. 64, рис. 29, 11]. Эти материалы в сочетании с данными, выявленными в последние годы во многих других пунктах Западного Закавказья (Батуми, Пичвнари, Симагре, и др.), являются важными свидетельствами использования греками морского пути вдоль восточного берега Черного моря вплоть до Крыма (Торик) уже в середине VI в. до н. э. (рис. 19, 10-15) [69, с. 108-109].

В V - первой половине IV вв. до н. э. поселение в Эшере постепенно расширило свои пределы, охватив к концу периода свыше 3 гектаров. В соответствующих его слоях обнаружены остатки каменных фундаментов и обильный массовый материал - обломки привозных амфор, чернолаковых изделий, простой столовой и кухонной посуды, в том числе и обломки краснофигурных сосудов [64, с. 24, рис. 1, 10]. Особо необходимо отметить находку в основании одной из позднеэллинистических башен аттического бронзового шлема с налобником, украшенным завитками волос, обнаруженного вместе с обломками чернолакового килика середины - второй половины V в. до н. э. [13, с. 116]. В ближайших окрестностях городища найдено еще два бронзовых шлема коринфского типа [13, с. 116; 70, с. 28].

Эшерское городище, судя по всему, в политическом и экономическом отношении никогда не являлось самостоятельной единицей - большинством исследователей это поселение справедливо связывается с сельскохозяйственной территорией Диоскуриады [17, с. 11; 65, с. 56; 42, с. 40]. Вместе с тем значительный процент простой столовой импортной керамики, характеризующий момент основания и первые годы функционирования поселка,

112

заставляет исследователей говорить о решающей роли греков в его начальной истории, об их физическом здесь присутствии [70, с. 56]. Само местоположение памятника в стороне от оживленных торговых путей в относительной отдаленности от берега моря позволяет предполагать его сельскохозяйственный характер и, следовательно, говорить о появлении уже в середине - третьей четверти VI в. до н. э. в окрестностях только что основанной Диоскуриады небольших сельскохозяйственных поселений греков.

Таким образом и материалы Эшерского городища, несмотря на свою скудность, сигнализируют о начале формирования в этом районе системы "полис-хора", которая в VI-V вв. до н. э. по своим размерам, по-видимому, в полной мере соответствовала хоре северопричерноморских греческих городов [71, с. 30]. Поэтому недавний вывод Г. Т. Квирквелия, обладавшего всей суммой перечисленных выше фактов, что основание Диоскуриады должно быть связано с афинской колонизацией середины V в. до н. э. [51, с. 23] представляется в корне неверным.

2.3.8. Немало интересных материалов VI - середины IV вв. до н. э., отражающих в первую очередь связи самой Диоскуриады с греческими центрами Восточного Средиземноморья,

с одной стороны, и с местным этническим окружением, с другой стороны, обнаружено и при обследовании поселений аборигенов, расположенных в окрестностях города. Со второй половины VI в. до н. э. греческий импорт проникает в погребения аборигенной знати (Эшера), а затем он все чаще фиксируется в могилах и в быту рядовых общинников. Отметим восточногреческий щит VI в. до н. э. из могильника Красный Маяк и достаточно частые находки греческих шлемов V-IV вв. [72, рис. 6, 7], амфоры и чернолаковую посуду V-IV вв., найденную как в непосредственной близости от города, так и в глубине окрестных горных ущелий (Шубара, Цебельда) [73, с. 453; 74, с. 45], бронзовую посуду, перстни и некоторые типы браслетов, детали мебели и т. д. (Красный Маяк, Гуад-иху, Ахул-абаа и др.) [1, с. 309, 284; 74, с. 33-34].

Как на территории самой Диоскуриады, так и на поселениях аборигенов в ближайших окрестностях города продукция местных греческих ремесленников VI—V вв. до н. э. пока не выявлена. Это обстоятельство однако должно объясняться не отсутствием таких ремесленников в городе, а в первую очередь, неизученностью как соответствующих его культурных напластований, так и поселений аборигенов. В то же время на первом этапе существования города (до середины V в. до н. э.) его контакты с рядовым аборигенным населением в силу значительной разницы в социально-экономическом и культурном уровне скорее всего носили еще весьма ограниченный, поверхностный характер, как это имело место в период становления полисов и в других районах Причерноморья [69, с. 118]. Греков, надо полагать, вполне устраивали сельскохозяйственные и сырьевые уголья “ничейной” полосы, ширина которой вокруг города, как выше указывалось, достигала 2-5 км, а вокруг его более мелких подразделений

113

(Эшера) - до 0,5-1 км, аборигенов же привлекали в большей степени импортные изделия. Таким образом, начиная с середины VI в. до н. э. в Центральной Абхазии ощущается с течением времени все усиливающееся воздействие значительного центра греческой культуры, каким здесь могла быть только Диоскуриада. Массовый импорт ионийской и особенно, чернофигурной аттической керамики, являющейся “древнейшим вещественным свидетельством уже благоустроенных и хорошо заселенных греческих колоний” [69, с. 116; 76, с. 7], рост благосостояния и численности аборигенов в окрестностях совр. Сухумской бухты, их перемещение из контактной зоны в район преобладающего экономического воздействия греков, ускорение развития социальной организации - эти и другие факты говорят в пользу рабочей гипотезы, рассматривающей Диоскуриаду VI - начала IV вв. в качестве обычной древнегреческой апойкии.

2.3.9. Если систематические исследования последних лет в окрестностях и на территории Сухума значительно прояснили вопрос с Диоскуриадой, то наши представления о другом “полисе эллинском” - Гиеносе - еще крайне ограничены. История Гиеноса привлекает к себе пристальное внимание исследователей уже более 40 лет, однако до сих пор все сводилось, в основном, к анализу материалов, добытых Л. Н. Соловьевым, М. М. Иващенко и Б. А. Куфтиным в 1935-1936 гг. в результате кратковременных и очень поспешных окраинных шурфовок [4, с. 123-125; 77, с. 5-52; 78, с. 2-24; 79, табл. 71-73], поэтому и мнения исследователей в отношении Гиеноса противоречивы - одни видят в нем греческий город [12; 80, с. 42-55], другие - колхский [9, с. 217-220; 81, с. 304-309; 82, с. 30-31]. Д. Д. Качарава, например, утверждает, что в районе Гиеноса “в археологическом материале не фиксируется ни один из типологических признаков модели колонии-полиса, образовавшегося вследствие аграрной колонизации греков: в окрестностях Очамчыры не отмечаются какие-либо демографические сдвиги в колонизационном периоде; археологические памятники свидетельствуют о почти непрерывном заселении этой территории вплоть до античного времени (по-видимому, город возник на базе этих ранних

поселений); местное население в V-IV вв. до н. э. не подвергается эллинизации; нет никаких следов хозяйственно-производственной деятельности греков-колонистов” [81, с. 308-309]. О. Д. Лордкипанидзе разделяет эти взгляды Д. Д. Качарава и добавляет от себя, по его мнению, еще один очень важный аргумент против мысли о греческом характере Гиеноса - отсутствие там следов “регулярного” принципа планировки (Гипподамова система) при наличии остатков деревянных домов и землянок [10, с. 132]. При этом О. Д. Лордкипанидзе локализует Гиенос почему-то у устья р. Моква, то на левом притоке этой реки, то на правом [10, с. 130-131], что не соответствует действительности. Не соответствуют действительности и перечисленные аргументы Д. Д. Качарава - исследовательница, к сожалению, не имела возможности лично

114

исследовать памятники Гиеноса на месте, а ее диссертация построена на материалах Абхазского Гос. Музея и на дневниковых записях Л. Н. Соловьева и М. М. Иващенко, проработанных в соответствии со взглядами О. Д. Лордкипанидзе [10, с. 131]. Во-первых, демографические сдвиги в окрестностях Очамчиры зафиксированы именно в VI в. до н. э., когда прекращается жизнь на поселениях солеваров в 1,5 км восточнее устья Джикумура [83, с. 274] и, как полагают, у устья реки Моква [82, с. 31] в 5 км западнее, а на пустом прежде месте в достаточном удалении (1,5-5 км) от упомянутых аборигенных поселений возникает новый поселок, который всеми исследователями во всяком случае со второй половины V в. до н. э. рассматривается как греческая колония; во-вторых, факт существования трех или четырех неисследованных поселений аборигенов в окрестностях Очамчиры в предантичную эпоху ничего не дает для понимания характера поселения в Гиеносе [12, с. 263-264] - гораздо важнее отсутствие следов местного поселения предантичной эпохи на его территории или в непосредственной к нему близости, что говорит против предположения, что греки основали здесь свою факторию в качестве квартала при местном поселении городского типа [81, с. 309]; в-третьих, отмеченный в литературе факт стягивания к берегам Джикумура в V-IV вв. аборигенного населения и использование в его быту чернолаковой и иной греческой посуды V-IV вв. до н. э. [80, с. 47], как представляется, должны говорить скорее в пользу тезы об эллинизации, чем об отсутствии греческого влияния; в-четвертых, если действительно прямых свидетельств о хозяйственно-производственной деятельности греков в V-IV вв. до н. э. мы пока не имеем, то одним из косвенных указаний на присутствие здесь греков и какую-то их хозяйственную деятельность указывают многочисленные устричные раковины [12, с. 264]. Что же касается Гипподамовой системы, то и этот аргумент не может быть решающим в определении характера Гиеноса - Ольвия, например, в VI в. до н. э. была полисом, но преобладающим типом жилища там были именно землянки, а регулярная каменная застройка там началась лишь в V в. до н. э. [84, с. 27, 28, 32]. Хаотическая планировка была характерна даже для Афин [12, с. 272]. Все сказанное подчеркивает несостоятельность аргументации, исключающей возможность видеть в Гиеносе обычную греческую апойкию.

Г. Т. Квирквелия на основе шурфа 1977 г., доведенного до горизонта V в. до н. э., высказал категоричное мнение, что во второй половине VII в. на месте Гиеноса было основано аборигенное поселение, на территории которого колония греков появляется только в середине V в. до н. э. [51, с. 24]. Летом 1981 г. экспедицией Абхазского института (руководитель С. М. Шамба) на месте указанного шурфа был заложен раскоп (10x10 м), в результате чего удалось установить наличие выразительного горизонта накоплений VI в. до н. э. с многочисленными обломками ионийской и аттической посуды, залегавшего на поверхности материковых глин. Таким образом спор о времени основания Гиеноса и характере его древнейших остатков пока решен

в пользу И. Д. Марченко и автора, отстаивавших тезис о присутствии в Гиеносе следов греческого слоя VI в. до н. э., и в соответствии с указаниями античных источников. Тогда же Г. К. Шамба произвел исследование могильника VIII—IV вв. до н. э. в ущелье р. Галидзги в 30 км от Гиеноса. В инвентаре этого могильника оказался богато представленным греческий импорт (чернолаковая посуда и др.) V-IV вв. до н. э., что указывает на включение в сферу торговых интересов Гиеноса аборигенного населения прилегающих горных долин.

2.3.10. То, что Фасис был милетской апойкией, и, следовательно, был основан в VI в. до н. э. следует из приведенных выше свидетельств античных авторов. О том, что и в V - начале IV в. до н. э. он продолжал оставаться крупным центром эллинской культуры, говорит надпись на серебряной чаше из Зубовского кургана (Прикубанье). Исполненная на ионийском диалекте, эта надпись гласит: “Я принадлежу Аполлону Гегемону, что в Фасисе” [85, с. 98, 186; 86, с. 114-115]. Проблеме локализации Фасиса посвящено немало исследований и даже специальная научная конференция [87], но несмотря на ясные указания античных источников и вполне сложившиеся представления о его наиболее вероятном местонахождении [10, с. 123-127], этот город все еще не найден.

“Однако значит ли это, - пишет в этой связи О. Д. Лордкипанидзе, - что мы должны отказаться от обсуждения этой проблемы (*характера городов - Ю. В.*) вплоть до открытия самих городов - колоний?.. иначе говоря - обязательно ли ждать открытия таких же полисов, как, например, Ольвия или Пантикапей, Истрия или Аполлония и т. д.? А если греческие поселения в Колхиде имели другую модель?” [9, с. 202]. Перечислив аргументы, которые по его мнению исключают возможность появления в Колхиде обычных апойкий (значительная густота местного населения по всей прибрежной полосе, занятого земледелием, ремеслом и морским промыслом; высокая социальная организация местного общества - “Колхидское государство с поселениями городского типа”; отсутствие следов каких-либо демографических сдвигов и перемен в жизни местного общества в VI—IV вв. до н. э.; отсутствие следов эллинизации местного населения в тот же период, выразившееся в сохранении культурного единства, проявляемого в традиционных формах погребального обряда, деревянной архитектуры, малой материальной культуры - изделия из глины, золота, серебра, бронзы и железа, которые “характеризуются собственной типологической моделью и не затронуты греческим влиянием”; неблагоприятные природные условия - болота, климат - для организации земледельческих полисов на побережье и т. д.) [10, с. 144-149], О. Д. Лордкипанидзе допускает мысль, что “греческие поселения в Колхиде представляли собой торговые фактории или эмпории, основанные в богатой природными ресурсами стране, главным образом с целью получения металла... (золота, серебра и железа)... при местных крупных поселениях городского типа” [9, с. 238, 244; 10, с. 149]. Однако

большинство этих утверждений не находит подтверждения в уже известных археологических фактах.

“Густота населения” в окрестностях предполагаемого местонахождения Фасиса на территории примерно 30x30 км (междуречье Супса-Хоби) сегодня, согласно наиболее полным данным О. Д. Лордкипанидзе и Т. К. Микеладзе [45, с. 45-48; 88, с. 94-98; 10, с. 123-129], сводится к четырем небольшим поселениям VIII—VII вв. до н. э. (Григолетти, Чаладиди - 2 пункта, Кулеви (рис. 21, 1) и к десятку поселений VI—IV вв. до н. э. (Григолетти, Сакоркио (Симагре) - 2 пункта, Сагвичио, Сириачкони, Нандеу, Чаладиди, Кулеви (рис. 21, II). При этом поселение Симагре характеризуется небольшой

“пригородной” усадьбой (бревенчатая жилая постройка, служебные пристройки и плетень вокруг двора), основанной в середине VI в. до н. э. и после нескольких восстановлений покинутой в первой половине V в. до н. э. Рядом с этой усадьбой в середине V в. до н. э. возникает небольшая деревня (зафиксированы остатки девяти деревянных срубов размером 6x12 каждый) [88, с. 97]. Подъемный материал на других поселениях междуречья Риони и Пичора (Сагвичио, Сириачкони и Нандеу) датируется V-IV вв. до н. э. [10, с. 128]. Следы (обмазки стен и остатки срубов) небольшого поселка в с. Чаладиди сопровождаются также материалами V-IV вв. до н. э. [88, с. 97]. Приведенные факты, как представляется, не дают никаких оснований (на современном уровне изученности низовьев Риони) для вывода, что в VI в. в этом районе присутствовала какая-то реальная сила, которая была бы в состоянии воспрепятствовать основанию греческой апойкии. Материалы из окрестностей Фасиса пока ничего не говорят ни об “местных” поселениях “городского типа”, ни об “высокоорганизованной структуре местного общества”. Не подтверждается и вывод О. Д. Лордкипанидзе об отсутствии следов каких-либо демографических сдвигов и перемен в жизни местного общества в VI—IV вв. до н. э. Имеющиеся материалы пока со всей очевидностью демонстрируют в VI в. и особенно в V-IV вв. до н. э. концентрацию вблизи предполагаемого местонахождения Фасиса на необжитых прежде местах значительного числа поселков аборигенов (ср. рис. 22, I и 22, II), что логичнее всего объяснять воздействием системы “полис-хора” [55, с. 524], втягиванием местного населения в сферу экономической деятельности города [12, с. 263].

2.3.11. Предположение о связи между появлением в низовьях Фасиса сельскохозяйственных усадеб и поселений типа Симагре и основанием незадолго до того милетской апойкии у устья Фасиса подтверждается археологическим материалом - в Симагре греческая архаическая керамика бытовала с момента основания усадьбы, причем в нижних слоях (вторая половина VI в. до н. э.) достаточно богато представлены обломки амфор (хиосские, “псевдосамосские”, лесбосские, с красными полосами) и столовой посуды (ионийские килики, ойнохои, светильники, родосско-ионийские

117

килики класса Камира и килики с розетками, аттические сосуды с чернофигурной росписью [88, с. 97, табл. XLI-XLV]. Особенно показателен факт присутствия в материалах Симагре греческих по форме изделий, изготовленных из местной глины - открытые светильники ионийского типа и крышки сосудов (рис. 14, 23-24) [12, с. 273; табл. XXXVI, 120, 299], которые логичнее всего связать с деятельностью ремесленников Фасиса. Благодаря этим интереснейшим находкам вывод О. Д. Лордкипанидзе, что в окрестностях Фасиса “мы не находим влияния греческих форм и... не найдено ни одного образца, который можно было бы считать продукцией местных греческих мастерских” [10, с. 127], отпадает.

Однако воздействие Фасиса во второй половине VI в. до н. э., по-видимому, не ограничивалось низовьями одноименной реки. Уже в этот период город, используя свое выгодное положение у начала главного водного пути по Фасису, постепенно забирает в свои руки торговую гегемонию во внутренних районах Колхиды [20, с. 282]. Об этом говорят и находки архаической расписной керамики в восточной Колхиде (Чогнари) и в Восточной Грузии (Авлеви), обломок чернофигурного килика в Восточной Грузии (Ховле), перстни-печати конца VI - начала V вв. до н. э. в Вани (рис. 18, 5-8) [10, с. 156]. В тот же период, по-видимому, Фасис приступает и к чеканке собственной (полисной) монеты (тетрадрахмы и дидрахмы трех типов), стилистические и технические особенности которой тесно связаны с ионийскими, прежде всего милетскими монетами [19, с. 323-324].

Экономическое и культурное влияние Фасиса резко усиливается в V - первой половине IV

вв. до н. э., когда в результате его деятельности отдельные области Центральной Колхиды были связаны в единую экономическую систему. Отражением этого чрезвычайно важного в истории Колхиды момента являются колхидки-триоболы второго типа, имевшие хождение в IV-III вв. до н. э. (на многих из них греческие буквы - начальные литеры имен магистратов) [20, с. 280], находимые в составе кладов либо в качестве “оболов Харона” по всей Колхиде. Производство монет - еще одно важное свидетельство существования в Колхиде греческих ремесленных центров, специализировавшихся в данном случае на обработке серебра.

2.3.12. Надо полагать, что круг деятельности греческих ремесленников в Колхиде не ограничивался керамическим производством (продукция которого в архаический и классический периоды, по-видимому, в основном была рассчитана на удовлетворение потребностей городского населения) и изготовлением монет. В этом отношении интересен анализ основного комплекса золотых изделий Вани (середина V - перв. полов. IV вв. до н. э.) [89, рис. 37-52; 68; 187-206]. Безусловно прав О. Д. Лордкипанидзе, когда говорит, что “можно уже с уверенностью констатировать наличие в Колхиде V в. до н. э. ... высокохудожественной и оригинальной школы златокузнечества, уверенно применявшей сложнейшие технические приемыковки, чеканки и тиснения, литья, накладывания зерни, филиграни... Так что, в число пред-

118

полагаемых центров златокузнечества на Ближнем Востоке в VI-V вв. до н. э. (Ахеменидский Иран, Мидия, Кипр, Лидия, Египет, Армения, Бактриана) с полным основанием следует включить и Колхиду” [10, с. 97-98]. В первом разделе настоящей главы была показана несостоятельность утверждений того же автора о том, что золотые изделия из Вани в своем абсолютном большинстве генетически связаны с соответствующими памятниками колхидско-кобанской бронзы [10, с. 95, 97], и были намечены многочисленные точки соприкосновения этих изделий с кругом памятников ахеменидского искусства. Однако там я не касался целого комплекса черт, связывающих золото Вани с соответствующей продукцией греческих ремесленников, действовавших в Причерноморье, о чем мне приходилось упоминать и раньше [90, с. 83]. Тема борьбы животных с конца VIII - начала VII вв. до н. э. широко проникает в древнегреческое искусство. Именно для памятников Греции второй половины VII—VI вв. до н. э. (аттическая и коринфская вазовая живопись, фронтоны Парфенона и др.) [91, s.101-103; Taf. XII, 2; XVII, 2; 92, s.271; 93, s. 166, Fig.6] характерен один из сюжетов изображений на ванских диадемах (два льва терзают быка). Этот сюжет задерживается в Этрурии и в Ионийской Греции до V в. до н. э. [94, s.81, Tabl. XXVIII—XXIX; 95, 253-254]. На тесную связь с греческим позднеархаическим искусством указывают и общая композиция (распределение фигур в треугольной рамефронтоны) и отдельные ее детали [10, с. 88]. Шишковидное оформление львиного хвоста, характерное для памятников позднеассирийского искусства, присутствует и на Келермесском зеркале, изготовленным, как известно, восточногреческим мастером [96]. Ромбовидная штриховка в передаче львиной гривы встречается и в коринфской керамической живописи ориентализирующего стиля [97, fig. 14, 2]. Особенную близость к памятникам ионийского искусства по сюжету композиции и стилю проявляют изображения на ванской диадеме конца V - начала IV вв. до н. э. [10, с. 90]. Эти и другие особенности позволяют с учетом упомянутых иранских черт отнести рассматриваемые диадемы к особому (колхидскому) ответвлению “греко-персидского” искусства [98]. Золотые серьги из Вани так же несут на себе черты, указывающие на возможность их изготовления греческим мастером. Прежде всего отметим, что серьги с подвесками в виде “лучей”, (рис. 19, 37), калачиковидные (рис. 19, 38) и с ажурными подвесками в

различных вариантах хорошо известны в греческом мире с VIII—VII вв. до н. э. (рис. 9, 18-19) [99, p. 146, Pl. 34 i, k; 35a,d; 100, s.19, Taf. 34; 101, fig.35, 3, 6, Tabl. XXVI, 169; 102, ill. 186, 189, 196; 103, илл. 32; 104, илл. 33]. На двух из ванских серег с “лучевидными” подвесками присутствуют дополнительные цепочки, которые, как полагают, здесь служили для подвешивания к диадеме [105, рис. 72]. Однако аналогичные цепочки, служившие для надевания на ушную раковину, известны у калачиковидных серег из станицы Крымской (Прикубанье), связываемых с южнофракийской продукцией VII—VI вв. до н. э. [106, с. 157-158, рис. 1, 2].

119

Чрезвычайно широко был распространен в греческом искусстве мотив многолепестковой розетки (рис. 19, 15, 20), которой украшались серьги, ожерелья, посуда, саркофаги, храмы, [102, 144, 196, 198, 203, 205; 103, илл. 37-46; 104, илл. 32, 33, 64]. Не чужда была греческому ювелирному искусству и зернь, хотя и не всегда в столь обильном количестве, как в Колхиде. Однако основные мотивы (пирамидки, треугольники, пояски и т. д.), характеризующие колхидские изделия хорошо известны и в Северном Причерноморье [103, илл.9, 26, 27, 57, 67; 104, илл.33] и во Фракии [102, 179-182, 186-187, 194, 196, 203]. На некоторых серьгах из Вани имеются украшения в виде миниатюрных птичек [89, рис. 190]. Аналогичный мотив в оформлении калачиковидных серег использовали и греческие ремесленники в Северном Причерноморье [103, илл. 9, 32; 107, илл. 19, 20], наладившие их производство по индивидуальным заказам также с V в. до н. э., “когда мода на них распространилась в среде греко-варварской и скифской аристократии” [108, с. 47]. Еще больше соприкосновений с греческим искусством отмечается в ожерельях Вани. Наиболее распространенный здесь тип золотых бусин - бочонковидные с продольными ребрами, отверстия которых иногда оформлены муфточками [89, рис. 193-197] - хорошо представлен в синхронных памятниках Западного Причерноморья [102, 204, 205]. В тот же культурный круг входят подвески в виде головок баранов, птичек и вытянутых двуконусов с ребристыми петлями [103, илл. 27; 107, илл. 24]. И уж без всякого сомнения к числу изделий, вышедших из рук греческого мастера, относятся подвески в форме амфоры [89, рис. 196] - этот мотив был особенно популярен в греческом искусстве Причерноморья в V в. до н. э. [104, илл. 50; 107, илл. 24].

Обзор этот можно было бы продолжить, однако, как представляется, сказанного вполне достаточно для вывода о существовании и в Западном Закавказье (по аналогии с Северным и Западным Причерноморьем) ювелирного производства, специализировавшегося на изготовлении предметов роскоши, рассчитанных на удовлетворение спроса местной родоплеменной знати. Вполне понятно, что вкусы представителей этой знати в Колхиде, находившейся во второй половине VI-V вв. в политической зависимости от ахеменидского Ирана, формировались соответствующим образом (вспомним, что и древнейшие золотые изделия Колхиды, относящиеся к VI в. до н. э., несли на себе следы воздействия иранской культуры). Такое объяснение “греко-персидского” характера ювелирных изделий из Вани на современном уровне наших знаний представляется наиболее логичным. Предполагают, что ювелиры могли работать при дворах скептухов, например, в самом Вани [10, с. 97-98; 109, с. 236], однако более обоснованными пока представляется локализация соответствующих мастерских по аналогии с Северным Причерноморьем в греческих городах Колхиды, скорее всего в Фасисе, на окраине которого найдено одно из древнейших в приморской Колхиде золотых изделий (Симагре). Аналогично следует пока решать воп-

120

рос и в отношении мастерской, где, как полагают, работали “приглашенные ионийские

мастера” по изготовлению гемм и перстней-печатей в V в. до н. э., и которую предположительно локализируют в Вани [19, с. 224; 110, с. 231-233]. Греческое влияние уже в середине V в. до н. э. хорошо проявляет себя в области духовной культуры колхидцев, прежде всего местной родоплеменной знати, в среде которой уже в этот период распространяется греческий язык и письменность (например, греческая надпись на одном из местных сосудов середины V в. до н. э. в Итхвиси) [10, с. 179; 111, с. 40, 41, 45]. Аналогичным влиянием, по-видимому, следует объяснять и появление новых элементов в местном погребальном обряде - речь идет о деревянных саркофагах (Вани, Итхвиси), в которых покоились наиболее богатые представители местной знати [89, с. 47, 65]. Подобные погребальные сооружения, чуждые колхидским памятникам более раннего времени, в то же время хорошо известны в греческом мире [112, с. 113-123] и, в частности, являются характерной чертой первого из выявленных в Колхиде греческого некрополя V—IV вв. до н. э., исследуемого в Пичвнари [113, с. 92-96].

2.3.13. Для правильного понимания характера и результатов греческой колонизации Западного Закавказья важны материалы из Аджарии, в приморской части которой в конце VII—VI вв. широко распространяется импортная греческая посуда (Батуми, Пичвнари и др.). В VI в. до н. э. здесь происходят серьезные демографические сдвиги - исчезает серия поселений аборигенов на прибрежных дюнах [114, с. 152], специализировавшихся на производстве соли. Полагают, что это было вызвано захватом греками монополии на торговлю солью [115, с. 284; 17, с. 34]. Как отмечалось выше, VII—VI веками должно быть датировано большинство примитивных железо-плавильных печей, обнаруженных в предгорьях рассматриваемого района [116, с. 172]. Хорошо известна роль греков в стимулировании производства железа местными народами [56, с. 12-13], из которых наиболее популярными в Причерноморье были халибы [117, с. 144]. Не исключено, что и в рассматриваемом районе резкое увеличение производства железа было вызвано потребностями греческих торговцев.

Древнейшие следы греческого поселения выявлены в Батумской крепости, где обнаружен горизонт пожара рубежа VII—VI вв. до н. э. с обломками хиосских амфор и ионийской посуды. Поверх шли накопления с большим количеством фрагментов полосатой ионийской керамики, хиосских, самосских, лесбосских, фасосских и других амфор, а также древнейших в Западном Закавказье амфор из местной глины, датированных VI в. до н. э. [118, с. 11]. В Пичвнари также хорошо представлена простая полосатая керамика родосско-ионийского круга, расписные и простые чернолаковые аттические изделия, тара из различных центров (Хиос, Лесбос, Фасос и др.), свидетельствующие о присутствии греков в этом пункте с первой половины VI в. до н. э. [118, с. 11].

Особенно интересен первый в Западном Закавказье могильник в Пич-

121

внари, где обнаружены параллельные захоронения греков и аборигенов в V-IV вв. до н. э. Греческие могилы в целом отличаются более разнообразным и богатым инвентарем. Греков хоронили в деревянных саркофагах, от которых остаются гвозди. Выразительны площадки со следами тризны. Широкий ассортимент импортных изделий (краснофигурные сосуды, различная чернолаковая посуда, изделия из золота, бронзы и др.) дополняется продукцией местных греческих и аборигенных ремесленников - кувшинами, кружками, серьгами, подвесками и др. Особенно примечательны золотые серьги - калачиковидные и с полыми, украшенными зернью шарами, подобные которым обнаружены в погребениях V-IV вв. в Вани. В погребениях часты обычно иноземные монеты [118, с. 92-96]. Погребения аборигенов в целом имеют более скромный инвентарь. В наиболее богатых захоронениях обнаружены остатки деревянных саркофагов, а иногда и площадки со следами тризны, подобно греческим. Аналогично встречаются и монеты, в

своем большинстве представлены колхидками. Важным показателем глубоко зашедшей эллинизации местного населения уже в V в. до н. э. является и присутствие в инвентаре большого числа греческих импортных изделий [119, с. 13-60].

2.3.14. Все сказанное позволяет сделать вывод, что материалы, характеризующие состояние местного населения Колхиды в VI—IV вв. до н. э., пока явно идут в разрез с тезисом о том, что здесь в отличие от других районов Причерноморья якобы существовали какие-то особые условия, в которых не могли возникнуть обычные греческие апойки. И наоборот, во всех сферах жизни колхидского общества с середины VI в. до н. э. со все возрастающей силой ощущается глубокое воздействие античной культуры, которое невозможно объяснить иначе как присутствием в Колхиде хорошо организованных и вполне самостоятельных греческих городов, оказавших “большое влияние... на местное население” [120, с. 101]. Такими городами могли быть здесь только Фасис, Диоскуриада, Гиенос и Пичвнари.

-
1. Трапш М. М. Древний Сухуми. Труды в 4-х томах, т. II. Сухуми: Алашара, 1969.
 2. Ломоури Н. Ю. К вопросу о греческой колонизации побережья Колхиды. - В кн.: Античное общество (Труды конференции по изучению проблем античности). М.: Наука, 1967.
 3. Ломоури Н. Ю. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси: изд-во ТГУ, 1962.
 4. Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси: Мецниереба, 1969.
 5. Инадзе М. П. Из истории греческой колонизации Колхидского побережья. - В кн.: Материалы Всесоюзной конференции “Античные византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья”. Тбилиси: Мецниереба, 1975.
 6. Инадзе М. П. О некоторой специфике греческой колонизации Восточного Причерноморья. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1979.

122

7. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси: изд-во ТГУ, 1966.
8. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и Восточное Причерноморье (Колхида, Иберия). - В кн.: Материалы Всесоюзной конференции “Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья”. Тбилиси: Мецниереба, 1975.
9. Лордкипанидзе О. Д. К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды). - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
10. Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида. Миф и археология. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
11. Болтунова А. И. Античные города Грузии и Армении. - В кн.: Античный город. М.: изд-во АН СССР, 1963.
12. Болтунова А. И. Эллинские апойки и местное население Колхиды. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
13. Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище. - СА, 1972, №1.
14. Воронов Ю. Н. Античный мир и Северная Колхида. - В кн.: Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран Эйрене), I. Ереван: изд-во АН Арм. ССР. 1979.
15. Воронов Ю. Н. Некоторые проблемы социальной истории Северной Колхиды в эпоху

- греческой колонизации. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
16. Воронов Ю. Н. Северная Колхида в VIII-V вв. до н. э. - В кн.: Материалы II Всесоюзного симпозиума подревней истории Причерноморья в Цхалтубо. Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
 17. Лордкипанидзе Г. А. Древняя Колхида в VI—II вв. до н. э. (историко-археологическое исследование): Автореф. докторск. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1975.
 18. Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
 19. Лордкипанидзе Г. А. О характере колхо-греческих взаимоотношений в VI—IV вв. до н. э. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
 20. Дундуа Г. Ф. Еще раз о происхождении колхидок. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
 21. Брашинский И. Б. Некоторые особенности древнегреческой экспансии в Восточном Причерноморье. - В кн.: Проблемы античной истории и культуры (Доклады XIV Международной конференции Эйрене). Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1979.
 22. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Грузия (торгово-экономические и культурные взаимоотношения со второй половины II тысячелетия до н. э. до III—IV вв. н. э.): Автореф. докторск. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1966.
 23. Каухчишвили Т. С. Письменные источники по вопросу “колонизации” Восточного Причерноморья. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
 24. Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
 25. Урушадзе А. В. Страна волшебницы Медеи. - В кн.: Материалы Всесоюзной конференции “Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья”. Тбилиси: Мецниереба, 1975.
 26. Брашинский И. Б. Синопа и Колхида (к проблеме греческой колонизации юго-восточного Причерноморья). КБМ, 1973, вып. IV.
 27. Болтунова А. И. Аргонавты и Колхида. - Мацне, 1976, №3.
 28. Carpenter R. The greek penetration of the Black Sea. - In: American Journal of Archaeology. Washington - New-York, 1948, t. 52, №1.
 29. Graham A. J. The Date of the greek penetration of the Black Sea. - In: Bulletin

123

- of the Institute of classical Studies, University of London. 1958, t. V.
30. Техов Б. В. Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы - раннего железа Центрального Кавказа. - СА, 1972, №3.
 31. Техов Б. В. Скифские элементы в материальной культуре Юго-Осетии. - ВИНК, 1966.
 32. Панцхава Л. Н. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур: Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1975.
 33. Воронов Ю. Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур. - В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980.
 34. Hencken H. Siracuse, Etruria and the North: Some comparisons. -In: American Journal of Archaeology. Washington - New-York, 1958, t. 62, №3.
 35. Барамидзе М. В. Мерхеульский могильник. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
 36. Sarpouna-Sakellarakis E. Die Fibeln der griechischen Inseln. - PBF, Munchen, 1978, t. XIV, №4.
 37. Bouzek J. Graeco - Macedonian Bronzes. Praha, 1973.
 38. Воронов Ю. В. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969.

39. Шамба Г. К. Древности Эшера, Сухуми: Алашара, 1980.
40. *Lexicon der Antike*. - Leipzig, 1977.
41. Flinders Petrie W. M. *Tools and Weapons*. London, 1917.
- 41a. Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В. Колхский могильник VII-VI вв. до н. э. в с. Нигвзиани. - КСИА, 1977, №151.
42. Воронов Ю. Н. Диоскуриада - Себастополис- Цхум. М.: Наука, 1980.
43. Коридзе Д. Л. К истории колхской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1965
44. Karageorgis V. *Excavations in the necropolis of Salamis, 1*. - In: *Salamis, Nicosia, 1967*, vol. 3.
45. Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К. О демографической ситуации в Восточном Причерноморье (Колхиде) в период великой греческой колонизации. - В кн.: *Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему "Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.)"*. Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
46. Инадзе М. П. Города Колхиды в античную эпоху (Диоскурия). - ТИИАНГ, 1962, т. VI, №2.
47. Квирквелия Г. Т. Местное население в районе Сухумской бухты в период греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.). - В кн.: *Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Цхалтубо, 4-11.V-77 (тезисы докладов и сообщений)*. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
48. Каландадзе А. Н. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми: Абгиз, 1954.
49. Гунба М. М. Погребение эпохи поздней бронзы из села Ачадара. - ИАИ, 1978, вып. VII.
50. Бжания В. В. Древнейшая культура Абхазии: Автореф. канд. дис., М.: ИА АН СССР, 1966.
51. Квирквелия Г. Т. Материальная культура Северо-Западной Колхиды в VIII—V вв. до н. э. Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН СССР, 1981.
52. Апекшин В. А. Традиции и инновации в развитии древних культур (эпоха первобытно-общинного строя). - В кн.: *Преимственность и инновации в развитии древних культур*. Л.: Наука, 1981.
53. Ленин В. И. О государстве. - Полн. собр. соч., т. 39.
54. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1948.
55. Щеглов А. Н. Система "Полис-хора" и контактные зоны в Причерноморье. - В кн.: *Тезисы докладов XIV Международной конференции античников социалистических стран (Эйрене)*. Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1976.
56. Блаватский В. Л., Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т. Полис и миграции греков. - В кн.: *Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.)*. Тбилиси: Мецниереба, 1979.

124

57. Воронов Ю. Н. О динамике берегов Сухумской бухты в исторические времена (в связи с проблемой локализации Диоскуриады). - В кн.: *Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии*. Сухуми: Апашара, 1974.
58. Чернявский В. И. Из исследований в юго-западном Закавказье, II. Доказательства колебаний западного побережья Кавказа в течение исторических времен. Следы городов, погребенных в наносах. - ИКОИРГО, 1877, т. XIII.
59. Шервашидзе Л. А. Повесть о городе, взятом волнами. Сухуми: Алашара, 1967.
60. Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса. - ТАИ, 1963, т. XXXIII-XXXIV.
61. Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря (археологические экскурсии). МАК,

1889, т. II.

62. Шервашидзе Л. А., Бгажба О. Х., Бжания В. В., Шамба Г. К., Цвинария И. И. Археологические исследования в Абхазии. - АО - 1973. М., 1974.
63. Шамба Г. К. О раскопках в 1974 г. на Эшерском городище. - ПАИ - 1974. Тбилиси, 1976.
64. Шамба Г. К. Предварительные итоги работ на Эшерском городище. - КСИА, 1977, №151.
65. Шамба Г. К. Раннеантичный импорт Эшерского городища (керамика). - МАА, 1979.
- 65а. Шамба Г. К. Эшерское городище и некоторые вопросы истории Диоскурии. - В кн.: Тезисы докладов XIV Международной конференции античников социалистических стран (Эйрене). Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1976.
66. Шамба Г. К. О раскопках в 1974 г. на Эшерском городище. - ПАИ-1974. Тбилиси: 1976.
67. Шамба Г. К. Раскопки Эшерского городища и некоторые вопросы истории Диоскурии. - В кн.: Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV Международной конференции (Эйрене). Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1979.
68. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
69. Онайко Н. А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. Москва: Наука, 1980.
70. Шамба Г. К. Эшерское городище. Тбилиси: Мецниереба, 1980.
71. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
72. Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI-I вв. до н. э. - В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.
73. Бжания В. В., Квициния В. К., Шенкао Н. К. Раскопки в Шубаре. - АО - 1974. М., 1975.
74. Воронов Ю. Н. Ахул-абаа - поселение античного времени в окрестностях Сухуми. - МАА, 1979.
75. Воронов Ю. Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Сухуми: Алашара, 1977.
76. Штерн Э. Р. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации. - ЗООИД, 1900, т. XXII.
77. Соловьев Л. Н. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. - ТАИ, 1939, т. XV.
78. Качарава Д. Д. Город Гиенос в античную эпоху (к истории городов Восточного Причерноморья): Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР.
79. Куфтин Б. А. Материалы по археологии Колхиды, т. II. Тбилиси: Техника да шрома, 1950.
80. Воронов Ю. Н. Гиенос. - СА, 1976, №4.
81. Качарава Д. Д. Некоторые вопросы истории Гиеноса (в связи с проблемой греческой колонизации). - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
82. Квирквелия Г. Т. Очамчире и его окружение в VIII—V вв. до н. э. (по данным новейших археологических исследований). - В кн.: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
83. Соловьев Л. Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. -СА, 1950, т. XIV.

125

84. Русяева А. С., Скржинская М. В. Ольвийский полис и каллипиды. - ВДИ, 1979, №4.
85. Думберг К. Е. Раскопки курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. - ИАК, 1901, т. I.
86. Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси: Мецниереба, 1970.

87. Научная сессия, посвященная проблеме локализации города Фасиса. Доклады. Тбилиси: Мецниереба, 1973.
88. Микеладзе Т. К. Археологические исследования в низовьях р. Риони (материалы по истории древнего Фасиса). Тбилиси: Мецниереба, 1978.
89. Вани, т. I. Тбилиси: Мецниереба, 1972.
90. Воронов Ю. Н. Материальная культура гениохийских племен в VI-I вв. до н. э. (к постановке проблемы). В кн.: Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии. Сухуми: Алашара, 1974.
91. Buschor E. Burglowen - AM, t. XLVII.
92. Pfuhl E. Malerei und Zeichnung der Griechen, I. - Munchen, 1923.
93. Schefold K. Die Griechen und ihrer Nachbar. Berlin, 1968.
94. Slewellyn Brown W. The Etruscan Lion. Oxford, 1960.
95. Luschey H. Zur Wiederkehr archaischer Bildzeichen in der attischen Grabmalkunst des 4. Jahrbuhderts V. Chr. Munchen, 1956.
96. Максимова М. И. Серебряное зеркало из Келермеса. - СА, 1954, т. XXI.
97. Payne H. Necrocorinthia. Oxford, 1931.
98. Никулина Н. М. Малоазиатская глиптика второй половины V—IV вв. до н. э. и проблема “восточногреческого” и “грекоперсидского искусства” 1. - М.: Наука, 1966.
99. Higgins R. A. Early Greek jewellery. - In: The annual of the British school at Athens. London, 1969.
100. Hadazek R. Der Ohrschmuck der Griechen und Etrusker. - Wien, 1903.
101. Amandry P. Collection H. Stathatos. Strasburg, 1953.
102. Wenedikov J. Gerasimov T. Sztuka Tracka, I. Warszawa - Sofia, 1976.
103. Киевский музей исторических драгоценностей. Киев, 1974.
104. Соколов Г. Античное Причерноморье (памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства). Л.: Искусство, 1973.
105. Вани, т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
106. Манцевич А. П. Серьги из станицы Крымской. - АСГЭ, 1961, вып. 2.
107. Лесков А. Новые сокровища курганов Украины. Л.: Искусство, 1972.
108. Петренко В. Г. Курган у местечка Круполь. - В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1979.
109. Чкониа А. М. Художественная обработка золота в Вани. - Вани, т. II. Тбилиси, 1976.
110. Лордкипанидзе М. Н. Архаические и “архаизирующие” перстни-печати из Вани. Вани, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
111. Гагошидзе Ю. М. Погребение из Итхвиси. - ВГМГ, 1968, т. XXV-B.
112. Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.
113. Кахидзе А. Античные памятники Восточного Причерноморья (греческий могильник Пичвнари). - Батуми: Сабчота Аджара, 1975.
114. Рамишвили А. Т. Раскопки приморских стоянок в Пичвнари (Кабулети) в 1960-1964 и 1967 гг. - СА.1974, №1.
115. Соловьев Л. Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии.-СА, 1950, т. XIV.
116. Хахутайшвили Д. А. К истории древнеколхидской металлургии железа. - КБС, 1973, вып. 4.
117. Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М,- Л.: изд-во АН СССР, 1956.
118. Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI—I вв. до н. э): Автореф. канд. дис. Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1981.
119. Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху. Батуми: Сабчота Аджара, 1981.
120. Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-

ГЛАВА 4. КОЛХИДА В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

2.4.1. Глубокие культурно-исторические перемены, которые произошли в Средиземноморье и на всем Ближнем Востоке после установления в этом регионе греко-македонского владычества, несомненно, способствовали укреплению позиций греческих городов и, следовательно, усилению влияния греческой культуры и в Западном Закавказье. О. Д. Лордкипанидзе, однако, считает, что Колхида «осталась за пределами той исторической общности, которую называют «эллинистической ойкуменой», т. е., античным миром эпохи эллинизма [1, с. 17], и все перемены в облике материальной культуры Колхиды в эпоху эллинизма объясняет «широкими масштабами торговли», сопровождавшимися «обменом достижений в области культуры» [2, с. 190]. «Имеются свидетельства, - пишет дальше исследователь, - о эллинском влиянии на жизнь и искусство тех народов, где постоянно велась морская торговля или жили приглашенные греческие ремесленники, на которых всегда был большой спрос не только при строительстве дворцов, храмов и т. д. Греков охотно принимали в качестве наемных воинов и постоянных жителей... Можно предположить, что аналогичные случаи бывали и в Колхиде, хотя об этом не сохранилось прямых указаний» [2, с. 190]. Таким образом присутствие греков в Колхиде О. Д. Лордкипанидзе и в эллинистическую эпоху ограничивает посещением морских торговцев и, лишь предположительно, временным либо постоянным проживанием здесь ограниченного числа ремесленников и воинов, которые приглашались местной «царской властью» для различных поручений. Поэтому и характерная для этой эпохи достаточно глубокая эллинизация Колхиды [3, с. 137-142; 4, с. 188-196; 5, с. 43-180; 6, с. 31-140; 7, с. 209-284; 8, с. 41-59; 9, с. 119-131, 10, с. 22] объясняется О. Д. Лордкипанидзе в значительной мере воздействием эллинистической Иберии [2, с. 211-212]. Как представляется, подобная точка зрения не соответствует той ситуации, которая вырисовывается в Западном Закавказье на основе имеющихся материалов. Обзор этих материалов посвящен нижеследующий раздел.

2.4.2. Период IV-I вв. до н. э. хорошо представлен в материалах Диоскуриады (современного Сухума). Метровый слой соответствующих остатков прослежен вдоль береговой полосы под Сухумской крепостью (многочисленные обломки привозных и местного изготовления амфор, столовой и кухонной посуды, черепицы, пирамидальные грузила, косточки винограда, персиков, скорлупа грецкого ореха, кости домашних животных и т. д.) [11, с. 221-222; 12, с. 243] и далее на протяжении полукилометра к востоку [13, с. 493]. Аналогичные находки, а в отдельных случаях и остатки каменных зданий (фундаменты, обломки колонн) отмечены, например, у гостиниц «Абхазия» и «Рица», вблизи современного здания абхазского драматического театра, на набережной к западу и востоку от устья Беслетки [7, с. 222; 14, с. 51, 52, 57; 16, с. 18-31]. Достаточно результативным было досле-

дование культурного слоя, обнаруженного при строительстве здания, где ныне расположен Русский театр, в 100 метрах от берега моря. Здесь, помимо многочисленных обломков амфор, чернолаковой посуды, черепиц и других привозных и местных изделий конца V-IV вв. до н. э. впервые на колхидском побережье была найдена терракотовая

статуэтка греческой богини на троне [17, с. 94-96].

2.4.3. Очень интересные материалы добыты в последнее время на Эшерском городище - втором по значению античном населенном пункте в этом районе [18, с. 103; 19, с. 23-29]. Размеры поселения в IV- начале I вв. до н. э. составили около 3 га. По всей этой территории фиксируются фундаменты и основания стен многочисленных зданий, древнейшие из которых датируются VI- IV вв. до н. э. В фундаментах часто использовано булыжника, стены возводились из ломанного известняка, песчаниковых плит и из рустованных квадров насухо или на глинистом растворе. Об отделке помещений говорят куски штукатурки с полихромной росписью. Крыши домов покрывались черепицей, которая сначала доставлялась морским путем из Синопы (на одной из таких черепиц сохранилось клеймо с именем астинома Аристобула 325-275 гг. до н. э.) [19, с. 24], а затем в массе производилась на месте. Обращают на себя внимание известняковые резные капители и обломки карнизов, выполненные в позднеэллинистическом дорическом стиле, которые свидетельствуют о существовании во II в. до н. э. на городище храма, украшенного колоннами [18, с. 104]. К поселению был подведен водопровод из керамических труб. В середине III-II вв. до н. э. в верхней части городища жизнь на время прекратилась - здесь существовал небольшой могильник аборигенов приусадебного типа [20, с. 127-130], что свидетельствует о временном запустении этого поселения. В конце II в. до н. э. Эшерское городище было обнесено линией мощных укреплений, стены которых возведены в нижней части из ломанного известняка, гранитных валунов на прочном известково-глинистом растворе, а в верхней части были сложены из сырцового кирпича. Толщина их у основания составляла около 2 м. Вдоль внутренней стороны северной стены прослежен ряд смежных жилых помещений, в которых обнаружены каменные вымостки, хозяйственные черепичные ящики и остатки очагов. Оборонительные стены были укреплены через каждые 30-40 метров большими (башня №1 имела в плане 11 x 14 м) прямоугольными башнями [21, с. 107-109; 22, с. 80-81]. Эшерские укрепления относятся к ярким образцам военно-инженерного искусства эпохи эллинизма. Отсеки вдоль внутренней стороны стен, предназначавшиеся для размещения воинов и боевых припасов, толстые стены и огромные башни, которые использовались в качестве позиций для батареи метательных машин, - эти и другие конструктивные особенности включают рассматриваемый памятник в круг северопричерноморских (Пантикапей, Мирмекий) укреплений, датируемых тем же временем (конец II - начало I вв. до н. э.) и связываемых со строительной деятельностью Митридата VI Евпато-

128

ра [15, с. 75; 23, с. 156-166; 24, с. 59]. В огромном количестве обломков древней посуды, добытых на городище, выделяются три группы изделий: привозного, местного греческого и, в небольшом, сравнительно, количестве, аборигенного производства. В первую группу входят амфоры, чаши, кувшины и другие изделия синопского изготовления, обломки косских, гераклейских и северопричерноморских амфор, многочисленной чернолаковой (канфары, килики, скифосы, кубки, блюда, чаши, кувшины), буrolаковой и краснолаковой (чаши, кубки, миски, рыбные блюда и др.) посуды [18, с. 107-114; 19, с. 24-25; 26, с. 37-41; 24, с. 27-36]. Достаточно выразителен набор чаш с рельефными украшениями [24, с. 37-38; 27, с. 100-108], в основном связанных с малоазийским производством [28, с. 100-107]. Продукция местных греческих мастерских характеризуется (с середины IV в. до н. э.) амфорами, кувшинами, чашами, кастрюлями, сковородами, кружками и другими изделиями, различные значки и штампы (например, оттиски печатки с изображением Эрота), на поверхности которых могут указывать на существование нескольких производственных центров в окрестностях городища [18, с. 110-114; 24, с. 23-41]. Найдена здесь и ручка с отпечатком клейма ΔΙΟΣΚΟΥ, (PIADEON) от амфоры, подобные которой

известны по Гвандрской печи конца IV - начала III вв. до н. э. [24, табл. XXXV, 5; 30, с. 496]. Очень интересны результаты обследования фундаментов большого каменного здания конца IV - начала III вв. до н. э. на южном участке городища, где найдены обломки бронзовой доски с греческой надписью. Судя по отдельным словам (в расшифровке А. И. Болтуновой они звучат: «...силой много- ... могли... получая на... и всех... царской власти (царства) и...»). Ю. Г. Виноградов, отметив в той же надписи выражения «военная сила, войско», «захватив (с собой) в город», «царство», заключает, что эта надпись «исполнена греческим мастером на безупречном греческом языке» [24, с. 55, табл. LXXVI; 15, с. 49, рис. 13], можно полагать, что надпись эта была установлена на городской площади в ознаменование какой-то успешной акции жителей поселка. Эти и другие факты свидетельствуют о ведущей роли греков в экономической жизни [6, с. 44] Эшерского городища, которое, будучи крепко связано с Диоскуриадой в раннеэллинистический период должно рассматриваться, скорее всего, как «хорион» - поселение, на котором каменные жилища, концентрируясь на ограниченной территории, теснились одно подле другого и не имели приусадебных участков [31, с. 149; 15, с. 63].

2.4.4. Ко второму типу сельских поселений IV—III вв. до н. э. в ближайших окрестностях Диоскуриады должны быть отнесены неукрепленные поселения аборигенов («комы») [31, с. 149], располагавшиеся на равнине или на вершинах холмов и представлявшие собой в каждом конкретном случае группу изолированных деревянных хижин с подсобными помещениями, отстоявших друг от друга на 10-20 м и разделявшихся, по-видимому, приусадебными участками [32, с. 8, 9, рис. 21, 1]. Число этих поселений, в зоне преимущественного экономического воздействия Диоскуриады, охватывав-

129

шей в тот период свыше 200 кв. км, достигает нескольких десятков [14, с. 50-58; 33, рис. 1]. Заметно меняется внутренняя их структура - вокруг каждого из первоначальных родовых поселений, располагавшихся обычно на центральной вершине, появляются небольшие (по 2-3 хижины) выселки - «кварталы» с собственными могильниками, занимавшие вершины и гребни в 50-100 м от главного поселения (Ахул-абаа, Сухумская гора, Капитановка, Мачара и др.) [34, с. 32-36, рис. 24]. Включение этих поселений, до того представлявших собой замкнутые хозяйственные коллективы, производственная деятельность которых была направлена на удовлетворение всех их внутренних потребностей (земледелие, скотоводство, ремесло, торговля были в равной степени занятием каждой общины), в систему социально-экономических отношений города привело к трансформации этой деятельности в сторону сельскохозяйственной специализации и сворачиванию собственной ремесленной базы. Этим обстоятельством в первую очередь, по-видимому, следует объяснить широкое распространение в среде аборигенов с конца IV в. до н. э. продукции городских ремесленных центров Диоскуриады - гончарных (амфоры, пифосы, кухонная и столовая посуда, черепица и т. д.), кузнечных (железные мечи-махайры, топоры, сельскохозяйственные орудия - лемехи, виноградные ножи типа флах и др.), ювелирных (перстни и некоторые другие виды украшений), текстильных и др. [35, с. 84].

IV—III вв. до н. э. представлены в окрестностях Диоскуриады и значительным числом аборигенных погребений, общий облик которых мало меняется по сравнению с предыдущим этапом. На основе корреляции комплексов (рис. 15; 16) мною здесь выделено свыше 40 захоронений второй половины IV—III вв. до н. э. Из них могильник Гуад-иху дал 24 погребения (№№1-3, 15, 18-20, 23-27, 39, 41, 51-54, 81-83, 91, 92) [7, с. 242-267] с пиком на вторую половину IV - первую половину III вв. до н. э. (рис. 21). По-прежнему всех мужчин хоронят с многочисленным оружием (секировидные топоры, наборы железных наконечников копий, мечи и кинжалы) и украшениями (браслеты,

фибулы и т. д.), которые по ассортименту мало уступают женским захоронениям. Г. А. Лордкипанидзе высказывает мнение, что на этом этапе число погребений с оружием уменьшается [36, с. 21]. Однако по моим наблюдениям, в этот период происходит обратная картина - число секировидных топоров IV—III вв. до н. э. на территории Абхазии явно преобладает над топорами-молотками V в. до н. э. [37, с. 221, рис. 4]. В могилах обычны импортные греческие изделия - амфоры, кувшины, чернолаковая посуда, оружие, монеты и др. Появляются гробницы, сложенные из привозной и местной черепицы (Гуад-иху) [15, с. 56, рис. 16; 36, с. 21]. Как и в отношении более раннего периода, нет никаких оснований для выводов о серьезной имущественной дифференциации внутри местных родовых общин, хотя отдельные захоронения, принадлежавшие, очевидно, представителям родовой знати, и дают более разнообразный набор привозных и местных изделий, чем большинство остальных захоронений, принадлежав-

130

ших рядовым членам рода и их семьям. В целом, однако, в окрестностях Диоскуриады и в этот период ясно проступает тот уровень социально-экономического развития, при котором каждый боеспособный мужчина - воин, а народ и войско составляют одно целое [38, с. 114-117]. Следовательно, имеющийся в литературе вывод, что «эпоха военной демократии для племен, населявших окрестности Диоскуриады, была, по-видимому, пройденным этапом» [26, с. 23], не может быть принят. Вместе с тем рассматриваемые поселения аборигенов, став, по-видимому, органической частью более обширного социально-экономического организма (системы «полис-хора») [39, с. 523-525; 40, с. 29-46], в котором они приобретают определенную, судя по всему, сельскохозяйственную специализацию, дальше уже полностью разделяют судьбу самого города. Вскоре все эти поселения входят в полосу все нарастающего упадка - если ко втор, полов. III-II вв. до н. э. можно отнести лишь около десятка выявленных здесь погребальных комплексов: из них 2 (№№113, 150) выявлены на Красномаяцком могильнике, 4 (№№30, 42, 47, 48) - на могильнике Гуад-иху, остальные - в Эшере [7, с. 241-284; 21, с. 127-130], то I в. до н. э. в окрестностях Диоскуриады пока вообще не представлен ни одним захоронением, а на поселениях аборигенов в этот период накопление культурных остатков прекращается [7, с. 241-284; 15, с. 73].

2.4.5. В окрестностях Диоскуриады можно предположительно выделить и еще один тип сельских поселений - одиночные неукрепленные деревянные усадьбы, теперь проявляемые лишь небольшими пятнами культурных остатков исключительно античного характера (черепица, амфоры, кухонная и столовая посуда IV—III вв. до н. э. как в непосредственной близости от кварталов Диоскуриады, так и юго-восточнее по периферии хоры вблизи морского побережья [15, с. 63].

Перечисленные типы населенных пунктов диоскуриадской хоры позволяют при всей их крайне недостаточной изученности все же уже сегодня заглянуть во внутреннюю структуру Диоскуриады, дают возможность говорить о ней в IV—III вв. до н. э. как о типичной раннеэллинистической археологической структуре. Действительно здесь мы сталкиваемся с большинством тех типов поселений, которые были характерны, например, для малоазийских эллинистических государств, для Боспорского царства и хоры Херсонеса, где такое разнообразие типов поселений отражало сложную структуру хоры, достаточно пестрый этнический и социальный состав ее населения, свойственный раннеэллинистическим государствам [41, с. 126].

2.4.6. Как известно, эллинистические полисы представляли собою крупные аграрно-ремесленно-торговые центры. Диоскуриада, по-видимому, не составляла в этом

исключения, что особенно сегодня рельефно подчеркивается продукцией керамического производства.

Большинство авторов, занимающихся исследованием материальной культуры Колхиды IV—I вв. до н. э., керамические изделия с этой территории

131

делят на две группы - импортную и местную. При этом под импортной посудой понимается в первую очередь греческая, под местной - аборигенная, в которую включается и вся продукция, изготовленная по античным образцам - амфоры, кухонная и столовая посуда, строительные материалы, пирамидальные грузила от ткацкого станка и т. п. «В III-I вв. до н. э., - пишет О. Д. Лордкипанидзе, - намечается местное производство керамической тары античного типа» [3, с. 173]. По мнению Г. А. Лордкипанидзе в «IV—II вв. до н. э. колхская керамика подвергается сильному влиянию эллинистического мира, появляются новые формы, подражающие греческим сосудам... наблюдается связь новых форм с (местной - Ю. В.) керамикой предшествующей эпохи» [6, с. 103]. Говоря о местной по глине, но античной по форме продукции Вани, Гиеноса и Диоскуриады, Н. Н. Матиашвили рассматривает ее только как результат «влияния» греческого импорта и относит ее к «изделиям местного (т. е. колхского) производственного центра» [9, с. 11-12]. Аналогично классифицирует керамические изделия Эшерского городища рассматриваемого времени и Г. К. Шамба, делающий на этой основе важный вывод: «Абсолютное преобладание во все времена местной глиняной посуды ...над привозными дает основание полагать, что удельный вес аборигенного населения в городской жизни был значительным» [24, с. 60]. Такой подход к вопросу представляется методологически совершенно неверным, поскольку в этом случае продукция греческих производственных центров Колхиды оказывается полностью приписанной аборигенным мастерам. Выходом из этого противоречия служит дифференцированный подход к колхидским изделиям, заключающийся в четком разделении исконно местных форм от греческих, а также выделение промежуточных типов посуды, которая могла в Колхиде производиться как местными, так и греческими мастерами (например, пифосы). Такой подход позволил мне сначала конкретно по отношению к материалам Эшерского городища, затем Гиеноса и, наконец, Диоскуриады выделить достаточно выразительный комплекс признаков, характеризующих керамическое производство городских мастерских, греческий характер которых подчеркивается всей совокупностью признаков (организация производства, форма изделий, греческие графитто, клеймение и т. д.) [15, с. 65, рис. 14; 18, с. 110-118; 33, рис. 1; 42, с. 50-51]. Показательно, что в другой своей работе Г. К. Шамба, говоря о производстве амфор с клеймом Диоскуриады, вынужден допустить, что в Гвандрской мастерской «работали как местные, так и пришлые (мастера - Ю. В.), хорошо знакомые с навыками изготовления заморских амфор» [43, с. 152]. При этом делается ссылка на наблюдения В. Ф. Гайдукевича, писавшего о переселении и ввозе квалифицированных ремесленников в Северное Причерноморье [44, с. 83], но упускается из виду, что в последнем случае организатором этих перемещений являлось не аборигенное население, а жители греческих колоний, среди которых, несомненно, мог присутствовать и определенный процент эллинизированных аборигенов.

132

Сегодня керамическое производство Диоскуриады представлено остатками четырех одновременных печей (Гвандра, Красный Маяк, Лечкоп, Гульрипш), разбросанных по периферии хоры, границы которой в данном случае совпадали с производственной базой города. Продукция этих и других еще не локализованных центров судя по ее распространению была рассчитана как на удовлетворение потребностей горожан, так и на

эллинизированное население хоры и внешний рынок. Ассортимент керамических изделий достаточно разнообразен - он включает разнотипные амфоры, пифосы, черепицу, водопроводные трубы, пирамидальные грузила, различную кухонную и столовую посуду - кастрюли, горшки, миски, тарелки, рыбные блюда, лутерии, сковороды, кувшины, крышки и др., изготовлявшиеся по образцам, характерным для греческого мира (рис. 23, 1-45) [33, с. 71- 83; 45, с. 164-173]. Особенно амфоры из Гвандрской печи конца IV - начала III вв. до н. э. (рис. 23, 1-5), которые имели на ручках отпечатки клейма ДЮЕКОУ, (PIAAEQN), указывающего, по мнению большинства исследователей, на государственный (полисный) характер керамического производства Диоскуриады в раннеэллинистическую эпоху [33, с. 164-165; 46, с. 196; 47, с. 149-157].

2.4.7. Видное место в ремесленном производстве Диоскуриады должно было занимать кузнечное ремесло, к продукции которого необходимо относить отдельные виды сельскохозяйственных орудий (лемехи, мотыги, виноградные ножи), оружия (мечи-махайры и др.), строительных материалов (гвозди, скобы для крепления черепицы), инструментов (щипцы, спицы для вязания сетей и др.) [15, с. 65]. Особенно интересны инструменты - флаксы, имевшие клювовидную рабочую часть и тулюю, предназначавшуюся для насадки на длинную деревянную рукоять [15, с. 56-57]. Эти орудия, не находящие прототипов на рассматриваемой территории, распространились здесь со второй половины IV в. до н. э., в то время как на Боспоре они известны пока лишь в комплексах не древнее II в. до н. э. [31, с. 178-180]. Подобные инструменты широко использовались в античном хозяйстве, в частности, в виноградарстве, которое, судя по всему, было в IV в. до н. э. поставлено в Диоскуриаде на промышленную основу, с чем, вероятно, связано и начавшееся здесь в этот же период массовое производство амфорной тары. Не исключено, что помимо железных мечей-махайр греческие кузнецы в этот период могли освоить и изготовление небольших секировидных топориков, в массе находимых в окрестностях города и по своему облику выходящих из типологического ряда традиционно местных изделий такого рода [37, с. 221-222, рис. 4]. В то же время совершенно аналогичные топорики мы видим в руках у скифов, изображенных на изделиях северопричерноморской торевтики (Воронежский сосуд, оббивка колчана из Солоха, ножны меча из Чертомлыка, Херсонесский медальон) [49, рис. 22; 50, с. 65, табл. 4, 3-5]. Поскольку для культуры скифов такие топоры почти не характерны, а упомянутые изделия в своем большинстве исполнены рука-

133

ми греческих мастеров, не следует исключать возможности распространения этих топоров в окрестностях Диоскуриады через греческих оружейников. Особое значение для характеристики продукции городских литейщиков и резчиков по металлу имеет вышеупомянутая бронзовая доска с надписью. С деятельностью ювелиров могут быть связаны отдельные типы бронзовых перстней, некоторые изделия из серебра и золота (бляшка с изображением головы Пана и др.) [24, табл. LXXV, 2]. Большое развитие в Диоскуриаде получило строительное дело. Одна из городских каменоломен локализуется северо-западнее Нового Афона - оттуда доставлялся известняк для постройки некоторых монументальных зданий в Эшере и, вероятно, в Диоскуриаде, в том числе для изготовления резных капителей позднеримского ордера (рис. 23, 48) [18, с. 104]. Все эти хотя еще очень скудные, но вполне определенные факты позволяют считать Диоскуриаду эллинистической эпохи «подлинным городом, т. е. центром промышленного производства и обмена со всеми присущими ему особенностями» [50, с. 19], городом, по своей структуре, по-видимому, представлявшем собой обычный восточно-греческий полис.

2.4.8. Близкую картину расширения площади (до 10-15 га) и более интенсивных культурных накоплений IV-III вв. до н. э. рисуют и материалы Гиеноса, где выявлены как достаточно широкий ассортимент импортных изделий, так и выразительная продукция собственного ремесленного производства местных греков (амфоры, пифосы, кухонная и столовая посуда, черепица, керамические грузила, изделия из кости и др.) [3, табл. XIX, I, 3; XX, I, 14, табл. XXVI, 16; XXVIII, I, 2, 4, 6, 10, 13, 15, 17, 18, 21-23, 26; 51, рис. 1, 2; 52, табл. 71, 1-6; 73, 1-6; 53, с. 28; 54]. Хотя Гиенос, и особенно, его сельскохозяйственная округа, изучены ограниченнее Диоскуриады, однако опубликованные материалы [42, с. 42-55, рис. 1-6] определенно указывают на присутствие здесь постоянного (из поколения в поколение) греческого населения, на протяжении нескольких столетий находившегося в тесном взаимодействии с окрестными аборигенами.

2.4.9. Совершенно неизвестен нам эллинистический Фасис - на прилегающей к предполагаемому его местонахождению территории не изучен пока ни один памятник IV-I вв. до н. э. Вместе с тем, как представляется, с воздействием Фасиса должно быть связано возникновение подлинно городских форм жизни на крупнейшем из до сих пор известных поселений Колхиды - городище в Вани. Исследования на этом замечательном памятнике уже обогатили науку огромным и чрезвычайно выразительным материалом, характеризующим эллинистическую эпоху в Центральной Колхиде. Основным источником, отражающим все богатство находок в Вани, является четырехтомник «Вани. Археологические раскопки» [55; 56; 57; 58], а также публикации О. Д. Лордкипанидзе [2, с. 185-214; 59], Г. А. Лордкипанидзе [6, с. 60-79] и ряда других исследователей [9, с. 119-131]. Если в отношении характера этого городища в VI—IV вв. до н. э. мнения исследователей схо-

134

дятся - здесь находился центр одной из колхидских скептухий, резиденция представителей местной родоплеменной и жреческой знати, то в представлениях об этом памятнике в III-I вв. до н. э. единства не достигнуто - если О. Д. Лордкипанидзе рассматривает его в качестве храмового города, локализуя здесь упоминаемое Страбоном в колхидской части Мосхики святилище Левкотеи (Strabo, XI, 2, 17) [2, с. 21], то Г. А. Лордкипанидзе видит в нем акрополь более обширного эллинистического города, жилые кварталы которого в последние годы наметились ниже, на противоположном берегу р. Сулори [6, с. 72]. Последняя точка зрения представляется более обоснованной тем более, что главный аргумент О. Д. Лордкипанидзе, ссылавшегося на отсутствие остатков жилых зданий и культурных слоев, характерных для городских поселений обычного типа, теперь отпал, поскольку по свидетельству самого же О. Д. Лордкипанидзе, в результате раскопок в верхней части акрополя выявлен «мощный слой эллинистического времени» с соответствующими строительными и бытовыми остатками, включающими фундаменты зданий и тысячи обломков тарной, столовой и кухонной посуды, пирамидальными грузилами для ткацкого станка, черепицы и т. д. [58, с. 136].

2.4.10. Разделяя целиком мнение Г. А. Лордкипанидзе о существовании в Вани в III-I вв. до н. э. значительного эллинистического города, обладавшего собственной сельскохозяйственной территорией, развитым ремесленным производством и многочисленными торговыми рынками, представляется своевременным сделать еще один необходимый шаг по пути интерпретации археологических материалов из Вани. Суть в том, что все исследователи, так или иначе касающиеся этого вопроса, рисуют себе Вани в качестве колхского города или святилища, представляющего якобы собой продукт внутреннего, независимого от греческих городов побережья, развития местного (колхского) общества, в то время как роль греков в лучшем случае ограничивается

присутствием определенного числа греческих ремесленников и торговцев, действовавших в интересах некоей анонимной «царской власти». Однако, как представляется, опубликованные материалы не дают оснований для таких выводов, образуя вместе с тем прочный базис для гипотезы, рассматривающей комплекс памятников Вани в качестве характерной эллинистической структуры, в которой основную роль играли греческие поселенцы, судя по всему, приступившие в раннеэллинистическую эпоху к колонизации внутренних районов Центральной Колхиды, расположенных вдоль важнейшей западнокавказской торговой магистрали, шедшей по Фасису в Восточное Закавказье. Там в рассматриваемое время складывалось эллинистическое государство Иберия, в культуре и экономике которого с конца IV в. до н. э. ощущается сильное воздействие греческой культуры (строительная техника, типы сооружений, черепица и другие элементы материальной культуры, письменность, система мер и весов и др.), невозможное без физического присутствия греков, в своем

135

продвижении на восток использовавших, несомненно, и путь по Фасису (через Вани и Сарапанис).

2.4.11. Прежде всего о местонахождении Ванского городища. Обычно его помещают в «восточных областях Колхиды» в 100 км от берега Черного моря [2, с. 197, 210; 6, с. 60], что дает возможность отрицать тесную связь этого памятника с греческим Фасисом. Однако в действительности Ванское городище находится всего в 60-65 км от побережья [60, с. 219] и от предполагаемого местонахождения Фасиса. Если учесть, что, например, зависимая от Херсонеса территория в IV—III вв. до н. э. простиралась по побережью Северо-Западного Крыма по прямой на 117 км (Калос Лимен) [41, с. 122, рис. 65; 67, рис. 81], то, если признавать Фасис в качестве обычного греческого полиса, нет ничего удивительного в предположении о тесной связи между Фасисом и условиями возникновения эллинистического города в Вани.

Для правильного понимания причин возникновения и характера города в Вани неоценимые сведения сохранены Плинием Старшим: «самая прославленная (из рек) Понта - Фасис... берет начало (на территории) мосхов, судоходен для наиболее крупных судов на 38,5 мили (от устья), затем на значительном расстоянии для малых (судов). Далее переправу (через Фасис обеспечивают) 120 мостов. На его берегах было множество городов... Сейчас он обладает только (городом) Сурий, который сам назван по реке, впадающей (в Фасис) там, где он, как мы сказали, судоходен для больших кораблей...» (Plin. VI, 15,16). Расстояние, указанное между устьем Фасиса и Сурием (38,5 мили или 57 км), полностью соответствует расстоянию (около 60 км) между предполагаемым местонахождением устья Фасиса в античную эпоху (в 10-12 км восточнее совр. Поты) до совр. Вани, где еще во второй половине XIX века находилась пристань для судов, курсировавших по Риони [5, с. 27]. Эти обстоятельства, как и созвучие наименований Сурий и современной реки Сулори, протекающей рядом с городищем, позволяют обосновать высказанное еще Н. В. Хоштария [61, с. 50] мнение, что Сурий и совр. Ванское городище - одно и то же. Сведения Плиния подтверждаются и дополняются Клавдием Птолемеем, упомянувшим во внутренней Колхиде город Сурий (V,9,6) и Страбоном, сообщаящим, что «Фасис судоходен вверх до крепости Сарапанов (совр. Шорапани), могущей вместить население (целого) города» (XI,2,17). В Шорапани следы эллинистической крепости зафиксированы [62, с. 37]. Данные Плиния, как и Страбона восходят, по-видимому, к Феофану Митиленскому, другу Помпея, сопровождавшему его в походах и описавшему его деяния. Плинием сохранено также важное свидетельство Марка Варрона о том, что во время похода Помпея было установлено, что переправленные через Каспийское море и доставленные вверх по течению Куры

индийские товары могли затем, через пять дней «сухого пути», доставлены в Фасис (VI, 52). Данные Плиния и Страбона о «греко-индийском транзите» трактуются по разному - одни счи-

136

тают, что в I в. до н. э. лишь обсуждалась возможность его использования [63, с. 44], другие - что такой путь в эллинистическую эпоху функционировал в полную силу [64, с. 377]. Последнее мнение подкреплено находками колхидок в Средней Азии [65, с. 283] и уже во всяком случае неоспоримо в отношении исключительной важности этого пути в системе связей эллинистической Иберии с Колхидой и ее причерноморскими греческими центрами [66, с. 112-113].

2.4.12. Греческий характер Ванского акрополя достаточно ярко проявляется в его фортификационных сооружениях, храмовых постройках и в малой материальной культуре.

Оборонительная линия Ванского акрополя, датируемая в пределах середины III - середины I вв. до н. э., охватывала территорию около 6 га (рис. 25, 1). Стены и башни были возведены из сырцового кирпича на каменном цоколе, что характерно для эллинистического (Афины, Смирна, Олинф, Фивы и др.) [68, р. 7, 38; 69, с. 144; 70, с. 85, 88; 71, с. 44] зодчества - согласно, например, Павсанию, «при нападении с осадными машинами кирпич-сырец не так страдает от ударов» (Pausan., VIII, 8, 7). Важно отметить, что сырец в качестве строительного материала «с точки зрения климата... наименее подходил к Колхиде» [6, с. 73]. Строители учли это обстоятельство, соорудив поверх стен специальное черепичное перекрытие, подобное тому, которое было сделано на стенах Смирны [72, р. 14, Fig. 20]. Воротная часть акрополя (рис. 25, 2, 3) возведена из крупных рустованных квадров, сложенных в технике, близкой к эллинистической кладке логом и тычком (рис. 25, 4) [73, с. 191]. С целью предотвращения подкопа под стеной, ее фундамент впущен в скальный грунт, поверхность которого была тщательно отесана строителями, как это отмечено, например, в Пантикапее [74, с. 172]. Оформление северной фасадной кладки квадрями из твердой породы камня, в том числе известняка осуществлено так же в соответствии с правилами эллинистического зодчества, отмеченными у Филона Византийского (III в. до н. э.): «В самых опасных местах куртин нужно использовать твердые камни или камни с острым выступом, тогда они менее пострадают от литоболов» (Phil., Fort. C. 5). На одном из рустованных квадров отмечен знак каменотеса в форме греческой буквы Т [5, с. 76], в ряде случаев прослежено скрепление квадров железными пиронами, характерными для эллинистического зодчества [6, с. 66]. Таково же происхождение и основных конструктивных особенностей ворот (катаракта, главная дверь, калитка, пилоны, гнезда дверных башмаков и т. д.). В этой связи О. Д. Лордкипанидзе справедливо отмечает, что «архитектурный комплекс городских ворот построен по всем правилам античной, вернее, греко-эллинистической фортификации; строительная техника, конструктивное устройство ворот, основанное на принципе дипилона, и вся система обороны, несомненно, восходят к греко-эллинистическому началу» [2, с. 300]. К аналогичному выводу на основе убедительных сопоставлений (Ольвия, Мантинья, Гарни и др.) при-

137

ходит и Г. А. Лордкипанидзе, утверждающий, что «ворота Ванского акрополя можно считать типичным примером решения ворот в духе эллинистической фортификации» [6, с. 68]. Форма полукруглой башни, фланкировавшей ворота с севера, находит серию прямых

аналогий именно в греческом мире (Аспис, Букасион, Гертис, Платея, Постум, Сомилунт, Херсонес и др.) [75, р.125,139—148,196; Fig. 9]. Аналогична культурная позиция и следующей, шестиугольной (или восьмиугольной?) башни - как известно, появление многоугольных башен явилось результатом революции, происшедшей в греческой осадной технике в IV в. до н. э. [75, р. 126], причем шестиугольные башни конкретно связаны с изобретением катапульта [75, р. 147]. Такие башни известны во многих пунктах греческого мира (Аспис, Мантинеи, Самос и др.) [75, р. 148]. Поэтому я полностью разделяю мнение Г. А. Лордкипанидзе, что «можно считать доказанным, что Ванское городище в... III в. до н. э. располагало одним из совершенных инженерно-технических фортификационных сооружений эллинистического мира» [6, с. 70]. Вывод, что влияние эллинистической культуры шло в Вани не с востока, из Иберии, как полагает О. Д. Лордкипанидзе [2, с. 212-213], а с запада, со стороны Фасиса, подчеркивается черепицей, поступавшей сюда из Синопы и изготавливавшейся на месте по образцу синопской [5, с. 83]. Невозможно представить себе предполагаемый упомянутым исследователем путь этой черепицы из Синопы в северо-восточные районы Малой Азии, затем в верховья Куры, оттуда в Иберию, а затем через Сурамский перевал в Колхиду, когда через Фасис эта черепица могла быстро (3-4 дня) и легко доставляться в Колхиду водным путем. Единственно верным представляется мнение тех исследователей, которые полагают, что «черепица распространилась вглубь Колхиды из приморских городов, в нашем случае из Фасиса, с которым Вани был связан прямой и удобной речной дорогой» [5, с. 75; 66, с. 112].

2.4.13. Как известно, акрополи в греческих городах представляли собой «общественно-политический и культурный центр, где были сосредоточены главные святилища и храмы» [71, с. 78]. Совершенно аналогичную картину мы видим и в Ванском акрополе - здесь выявлен целый комплекс храмов и алтарей III- II вв. до н. э., которые в своем абсолютном большинстве относятся к типам культовых сооружений, характерных для греческого мира. Среди них отметим: 1) «Круглый храм», с кесонным каменным перекрытием и с жертвенником типа Ебх'араI, связываемый с культом какого-то хтонического божества, предположительно, Геи, [6, с. 1 23; 55, рис. 152— 158] и входящий в число широко распространенных в греческом мире (Делос, Дельфы, Ольвия, Лаконика, Тамань и др.) толосов и «больших алтарей», обычно строившихся в честь хтонических божеств (Деметра, Кора-Персефона и др.) [76, р. 94, 200, 240; 77, с. 24-27]; 2) Прямоугольный алтарь на самой высокой точке акрополя (рис. 22, 5, 6) с монументальной каменной лестницей, возведенной в рамках наиболее распространенной единицы небольших мер греческой метрологии - аттико-эвбейского фута

138

(0,328 м) [6, с. 124-125; 58, рис. 69-96], входящий в круг греческих алтарей для совершения культа на открытом воздухе (Милет и др.) [78, с. 68-74, рис. 16-18]; 3) прямоугольный в плане квадратный алтарь, раскопанный рядом с предыдущим [79, с. 108] и относящийся к числу широко распространенных в греческом мире, в том числе и в Северном Причерноморье (Ольвия, Березань и др.) [80, с. 102; 81, с. 296, 467]; 4) прямоугольный храм типа мегарона с мозаичным полом, каменным цоколем, сырцовыми стенами и черепичным покрытием, в котором обнаружен монолитный цилиндрический алтарь для воскурения благовоний и бескровных жертвоприношений [6, с. 125-127; 55, рис. 121-126], аналогии которому хорошо представлены в греческом мире (Приена, Делос и др.) [76, р. 140, 142-144]; 5) привратный храмик с составным трапезовидным алтарем, связанным, как полагают, с культом Деметры [5, с. 121-122]; 6) алтарь в виде оштукатуренной цистерны, посвященный, по-видимому, Дионису [55, рис. 106; 79, с. 100] и находящий аналогии опять же в греческом мире (особенно на территории Малой Азии)

[76, p. 153, 199, 221, 222]; 7) пьедестал у входа в акрополь (рис. 25, 4), на котором в соответствии с нормами античного города (ср. Лукреций, О природе вещей, 1, 315-318) находилась мраморная статуя богини-покровительницы города, которой, как полагают исходя из сохранившейся рядом греческой надписи /'Ap/a?maiw/ «Avaio/o/a» - «Молю, о, Владычица» (рис. 27, 25), была Деметра [6, с. 127-129]. Ярко выраженный греческий облик носят и отдельные архитектурные детали, связанные с другими, еще не раскопанными храмами: 1) каменная база колонны «аттического типа» [2, с. 205]; 2) великолепная капитель коринфского типа, высеченная из местного известняка и украшенная пальмовыми и аканфовыми листьями, а между валютами - погрудными горельефными изображениями богини (рис. 26, 4) [56, рис. 18-21]; 3) обломки симы в форме львиных голов (рис. 26, 1), характерные для «декоративного решения водостока классического эллинистического периода греческой архитектуры» и связываемые с каким-то грандиозным зданием «несомненно, эллинского или эллинизированного типа» [55, рис. 144-149; 2., с. 207-209]. Аналогичного стиля водосливы изготавливались в IV—III вв. до н. э. в Синопе не только в камне, но и в глине [82, с. 159, рис. 21]. Эти и другие не менее выразительные архитектурные формы (рис. 26, 2, 3, 5-13) [83] позволяют предполагать присутствие в Вани в III-I вв. до н. э. значительного числа достаточно подготовленных греческих ремесленников, специализировавшихся на обработке камня.

2.4.14. О широкой популярности эллинских религиозных представлений в среде населения Вани в III-I вв. до н. э. свидетельствуют многочисленные находки изображений различных греческих божеств, среди которых отмечу бронзовый сосуд с изображением персонажей дионисийского круга (Пан, Сатир, Ариадна, Менада и др.) и богини Ники [55, рис. 130-143], терракотовые маски Диониса и его спутников (Силен и Сатир), красноглиняная форма для изготовления терракотовых масок бородатого Силена с

139

розеткой на лбу, глиняный штамп с изображением Геракла [2, с. 209-210], обломки бронзовой скульптуры Геракла и др. О. Д. Лордкипанидзе видит во всех этих храмах, алтарях и изображениях местные колхские святилища и символы местных колхских верований, которые в эллинистический период лишь «внешне принимают определенный эллинский облик, тем самым отдавая дань моде и времени», и что «местному населению были известны и понятны эти чисто эллинские религиозно-мифологические образы» [2, с. 204-205]. Менее категоричен Г. А. Лордкипанидзе, который, с одной стороны утверждая, что «большинство ванских алтарей связано с хтоническими культами, местными божествами плодородия», с другой стороны признает, что «некоторые образцы алтарей несомненно происходят из греческого мира [79, с. 111]. Основанием для вывода о связи святилищ Вани с духовной культурой колхов служат: а) параллели в грузинских этнографических материалах XIX-XX вв. н. э. («культ виноделия и виноградарства», «ритуальная распивка вина», «подношения» и т. д.) [2, с. 204-205]; б) «ошибка» (пропуск одной буквы) в греческой надписи у ворот [5, с. 121-122]; в) «земляные алтари», использование которых в Колхиде якобы известно с позднебронзовой эпохи [79, с. 111]; г) присутствие в святилищах керамики «исключительно колхского производства» [6, с. 128] и т. д. Однако, как представляется, этих сопоставлений явно недостаточно для выводов о местном происхождении культов, исповедовавшихся населением Вани в III-I вв. до н. э., поскольку: 1) сопоставление этнографических наблюдений XIX-XX вв. н. э. с материалами эллинистической эпохи в упомянутых работах не учитывает сложность процесса формирования религиозных представлений на территории Колхиды на протяжении почти двух тысячелетий и представляет собой механический перенос недавно бытовавших верований в далекое прошлое, что методологически вряд ли может быть оправдано [84, с. 41]; 2) в еще до конца не исследованной надписи на воротах Ванского

акрополя для нас важна не «ошибка», которую мог вполне сделать и грек, передавая разговорный вариант этого слова, а факт, что молились в Вани в этот период по-гречески и обращались к греческой богине; 3) реальные доказательства, что сложенная из обломков камня прямоугольная оградка на Пичвнарской дюне являлась «земляным алтарем», а не имела какого-то иного, в первую очередь, хозяйственного назначения, отсутствуют [85, с. 18, 26, рис. 2, 3, табл. V]; 4) помимо «колхских» пифосов, кувшинов и горшков-кружек в числе приношений в святилищах Вани широко представлены амфоры, миски на кольцевидной подставке и другие типично греческие формы изделий, «колхское производство» которых не доказано.

2.4.15. Яркую картину абсолютного преобладания античных форм демонстрирует керамика, происходящая из культурных слоев III-I вв. до н. э. и из приношений в храмах Ванского акрополя [9, с. 121-125, табл. I—XXI; 58, с. 138-143, рис. 26-29]. В быту местного населения широко использовалась различная импортная (Аттика, Делос, Родос, Косс, Малая Азия, Пер-

140

гам, Александрия, Италия, Боспор и др. [9, с. 121-123] посуда, а также посуда, изготовленная из местной глины по греческим образцам (амфоры, кастрюли, миски, рыбные блюда, ойнохоевидные и двуручные кувшины и др.) [9, с. 123-125]. Исследователи как отмечалось, связывают последнюю группу керамики с производственной деятельностью местных «колхских» ремесленников [2, с. 214]. Однако отмеченное в литературе типологическое единство соответствующей посуды из Вани с изделиями Диоскуриады и Гиеноса [9, с. 125], где эти изделия характеризуют продукцию местных греческих ремесленников [33, с. 162-171; 42, с. 50], явно свидетельствует в пользу вывода, что и в Вани существовали керамические мастерские, организованные и эксплуатировавшиеся греками, пришедшими сюда через Фасис. В тех же мастерских должны были изготавливаться черепица, в изобилии представленная как в акрополе, так и в нижнем городе, пирамидальные грузила для ткацких станков, отдельные виды терракотовых изделий (рис. 27, 1-24, 26) [6, с. 61].

Помимо продукции ремесленных мастерских, специализировавшихся на камнерезном деле и керамическом производстве, в Вани хорошо представлены изделия и других отраслей местного ремесла, которые не могли здесь появиться без участия греческих умельцев - отметим плотничьи и кузнечные инструменты, формы которых характерны для греческого мира, кузнечную продукцию - гвозди, плоские крючки для крепления черепицы на кровле, спицы для плетения рыболовных сетей, выразительные следы присутствия различных форм метательных орудий - катапульта, таранов и др. (рис. 26, 29-35) [5, с. 68-90; 56, с. 167-190].

Подобно обычным античным городам, Вани в III-I вв. до н. э. обладал собственной сельскохозяйственной округой, снабжавшей его население продуктами земледелия и скотоводства [8, с. 10]. Зерно хранилось в пифосах, амфорах и, вероятно, в ямах; помол его осуществлялся как с помощью простейших ладьевидных зернотерок, так и с помощью рычажных греческих мельниц, обломки которых найдены в Вани (рис. 26, 27) [5, табл. V, 4]. Особенно примечательна находка трапеты - маслодавили, изготовленной из местного камня (рис. 26, 28). Трапета использовалась в производстве оливкового масла, следовательно можно считать твердо установленным факт присутствия в ближайших окрестностях города оливковых рощ, культура которых могла быть занесена сюда только греками [5, с. 52, табл. VI].

2.4.16. Выше упоминалось, что на плоскости в 800-1000 м северо-восточнее акрополя зафиксированы остатки крупного поселения городского типа, площадь которого

предварительно определена в 20-25 га. В результате проведенных здесь раскопок выявлены остатки 12 сооружений, возведенных из сырцовых кирпичей на цоколе из булыжника и с черепичной крышей [57, с. 171-172], в одном из которых обнаружен типично греческий семейный алтарь из соленов конца III в. до н. э. [10, с. 23]. Культурный слой всюду составил 0,6 м. Находки характеризуются обломками импортных (косские, си-

141

нопские и родосские амфоры, чернолаковая и буролаковая посуда, рыбные блюда и тарелки) и изготовленных на месте (пифосы, амфоры, горшки, миски, лутерии, тарелки, кастрюли, пирамидальные грузила, коропластика) керамических изделий второй половины III-I вв. до н. э., железными гвоздями, золотой монетой Лисимаха (306-282 гг. до н. э.) [10, с. 5-18; 86, с. 184-185]. Эти материалы свидетельствуют о греческом характере этого поселения [10, с. 24], которое возникло одновременно с возведением стен акрополя во второй половине III в. до н. э. и было разрушено одновременно с ним в середине I в. до н. э. Именно здесь предполагаются городская площадь, торговые ряды, кварталы ремесленников [6, с. 61]. В настоящее время территория этого поселения отделена от Риони 300-метровой ширины полем, образовавшимся в результате наносов реки в последние два тысячелетия, в III-I же вв. до н. э. кварталы поселения спускались прямо к воде [86, с. 184], где должна была находиться пристань, к которой швартовались торговые корабли, направлявшиеся по Фасису вверх либо возвращавшиеся назад.

2.4.17. Итак, в свете добытых на сегодня материалов история Ванского городища рисуется следующим образом. В VI - начале III вв. до н. э. холм занимали поселение и могильник местной колхидской знати, поддерживавшей самые тесные контакты с греческим миром, скорее всего, через посредство греческих торговцев, с VI в. до н. э. освоивших водную магистраль по Фасису. В первой половине или середине III в. до н. э. на берегу реки, вероятно вблизи издавна функционировавшего причала, возникает довольно крупный торгово-ремесленно-земледельческий поселок с материальной культурой греческого облика, население которого вскоре приступает к сооружению акрополя на месте поселения аборигенной знати. Акрополь возводится по образцу греческих сооружений такого рода, причем строителей мало волнует судьба тех, кто еще недавно проживал на этом холме - стены пересекают погребения местной знати, которые при этом безжалостно уничтожаются. Особенно показательны, что в таком положении оказываются и захоронения первой половины III в. до н. э., т. е. тех, чьи ближайшие родственники должны были жить в момент строительства акрополя. Близкая ситуация отмечена и на Эшерском городище, где митридатские строители в конце II в. до н. э. провели оборонительные стены через кладбище аборигенов, Внешнеполитическая ситуация Колхиды в III в. до н. э. отличалась стабильностью; следовательно возведение мощной оборонительной системы в Вани должно быть связано с какими-то внутриколхидскими неурядицами, вызванными скорее всего противоречиями между местным греческим и аборигенным населением. Затем в течение почти двухсот лет на территории акрополя Вани строятся и функционируют храмы и алтари греческого облика, проводятся праздники в честь греческих богов, на стенах пишутся надписи на греческом языке, в быту широко используется посуда и другие изделия, изготовленные на месте по греческим образцам либо доставленные сюда издалека греческими купцами.

142

Все сказанное позволяет сформулировать гипотезу, согласно которой Вани в III-I вв. до н. э. представлял собой эллинистический город, населенный греками и эллинизированными аборигенами. У нас нет никаких данных о политическом статусе этого города, однако

связь его с Фасисом во всяком случае по происхождению представляется несомненной. Можно поэтому, в качестве рабочей гипотезы, предполагать, что в III в. до н. э. данная территория в той или иной мере была подчинена Фасису, который, таким образом оставался и в эллинистический период сильнейшим социально-экономическим и политическим организмом Колхиды.

2.4.18. Итак, во второй половине IV—III вв. до н. э. в истории западнозакавказских греческих городов наблюдается резкий перелом. Фасис и Диоскуриада превращаются в крупные города с обширными земельными владениями и достаточно мощной производственной базой. Здесь бурно развиваются ремесла: керамическое, металлообрабатывающее, камнерезное и т. д., идет интенсивное строительство каменных оборонительных и культовых сооружений, наблюдается колонизация внутренних областей Колхиды. В основе этих явлений лежит и более благоприятная внешнеполитическая обстановка (уход с политической арены ахеменидского Ирана), и несомненный приток греческого населения в приморских городах, последовавший вслед за македонскими завоеваниями. Надо думать, что варварское зависимое и полузависимое население являлось основным производителем, занятым в обработке земель, прилегающих к греческим городам и получении продуктов земледелия, животноводства и промыслов. Степень и характер этой зависимости нельзя установить на основании только лишь археологических данных, письменных же источников нет. Но по аналогии с другими государствами той же эпохи можно предполагать, что зависимое земледельческое население в окрестностях греческих городов могло иметь статус тех же категорий сельского населения, какие известны в Малой Азии и предполагаются в Северном Причерноморье [41, с. 126-127]. Нет у нас прямых сведений и о реакции на греческую экспансию со стороны местной родоплеменной знати. Однако запустение одних населенных пунктов (Эшера) и появление мощных оборонительных сооружений и распространение боевых машин на других (Вани), по-видимому, свидетельствует о нарастании противоречий между греками и аборигенным населением, вылившимся, например, в окрестностях Диоскуриады в конфликт с соанским племенным союзом (древнеабхазские саниги), зафиксированный здесь Страбоном (XI, 2, 19). В конце II - начале I вв. до н. э. греческие города Западного Закавказья (в том числе и Вани), став на время опорными пунктами Митридата VI, вновь переживают короткий период расцвета, а затем приходят в окончательное запустение [5, с. 11—42; 87, с. 28-45].
Итак, в эпоху раннего эллинизма резко усиливаются связи Западного Закавказья с малоазийскими греческими центрами (Синопа, Амис, Пергам, Гераклея и др.). В памятниках искусства и архитектуры проявляется воз-

143

действие Синопы, Мирины и Пергама. Из глубин Малой Азии выводят исследователи обряд кувшинных захоронений, распространение каппадокийских элементов в колхидской ономастике и глиптике [2, с. 212]. В монетном обращении на смену колхидкам приходят статеры Александра Македонского и Лисимаха, а также их местные подражания. В конце II в. до н. э. Колхида была присоединена к малоазиатским владениям Митридата VI Евпатора, а затем включена в состав Римской империи. История Западного Закавказья в конце IV-I вв. до н. э. характеризовалась тесным взаимодействием эллинских и местных начал в экономике, политике, культуре и идеологии, происходившим в условиях общеисторической обстановки, определившейся походами Александра Македонского и всеми последующими событиями включая римские завоевания. Все это позволяет рассматривать Западное Закавказье в качестве органической, хотя и периферийной части малоазийского сектора второй (промежуточной) зоны эллинистического мира [88, с. 4]. Хотя сложение эллинизма шло в

разных местах античного мира отличными друг от друга путями, обусловленными конкретно-исторической обстановкой, но в итоге приводило, фактически, к одним и тем же результатам. Западное Закавказье, как представляется на основе вышеизложенного, в этом отношении не составило исключения.

-
1. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и Восточное Причерноморье (Колхида, Иберия). Тбилиси: изд-во ТГУ. 1975.
 2. Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида. Миф и археология. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
 3. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси: изд-во ТГУ. 1966.
 4. Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси: Мецниереба, 1968.
 5. Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси: Ганатлеба, 1970.
 6. Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
 7. Трапш М. М. Древний Сухуми, Труды в 4-х томах, т. II. Сухуми: Алашара, 1969.
 8. Кигурадзе Н. Ш. Дапнарский могильник. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
 9. Матиашвили Н. Н. Из экономической истории городов Колхиды в III-I вв. до н.э. (по керамическому материалу). Тбилиси: Мецниереба, 1974.
 10. Личели В. Т. Материальная культура внутренней Колхиды III-I вв. до н. э.: Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1981.
 11. Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса - ТАИ, 1963, т. XXXIII-XXXIV.
 12. Трапш М. М. Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. -ТАИ, 1963, т. XXVIII-XXXIV.
 13. Шамба Г. К, Демирханян А. Р., Логинов В. А. Исследования на территории Сухуми, - АО-1977. М., 1978.
 14. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969.
 15. Воронов Ю. Н. Диоскуриада-Себастополис-Цхум. М.: Наука, 1980.
 16. Демирханян А. Р., Логинов В. А. Новые археологические находки античного времени на территории гор. Сухуми. - В кн.: Сборник работ молодых ученых и специалистов Абхазии. Сухуми: Алашара, 1980.

144

17. Воронов Ю. Н., Шамба Г. К. Новые материалы о Диоскуриаде. - Алашара, 1977, №9.
18. Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище.-СА, 1972, №1.
19. Шамба Г. К. Предварительные итоги работ на Эшерском городище. - КСИА, 1977, №151.
20. Шамба Г. К. Материалы могильника эллинистической эпохи из Эшерского городища (по раскопкам 1972 г.).- ИАИ, 1977, вып. VI.
21. Шамба Г. К. О раскопках в 1974 г. на Эшерском городище.- ПАИ-1974. Тбилиси, 1976.
22. Шамба Г. К. Раскопки на Эшерском городище и разведки в его окрестностях. - ПАИ-1975. Тбилиси, 1979.
23. Толстикова В. П. К вопросу об оборонительных сооружениях акрополя Панти-капея в IV-I вв. до н. э. -ВДИ, 1977, №3.
24. Шамба Г. К. Эшерское городище. Тбилиси: Мецниереба, 1980.
25. Шамба Г. К. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера. - ИАИ, 1972, вып. I.
26. Шамба Г. К. Флаконы из раскопок Эшерского городища.- МАА, 1979.
27. Шамба Г. К. О мегарских чашах Эшерского городища,- ИАИ, 1975, вып. VI.
28. Шелов Д. В. Находки в Танаисе «мегарских» чаш - В кн.: Античные древности Подонья-Приазовья. М.: Наука, 1969.

29. Коачева О. Н. Рельефная керамика из Коп. - КСИА, 1978, №156.
30. Шамба Г. К. Работы в низовьях Гумиста в Абхазии. - АО - 1975. М., 1976.
31. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
32. Воронов Ю. Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Сухуми: Алашара, 1977.
33. Воронов Ю. Н. К изучению керамического производства Диоскуриады. - СА.1977, №2.
34. Воронов Ю. Н. Ахул-Абаа - поселение античного времени в окрестностях Сухуми. - МАА, 1979.
35. Воронов Ю. Н. Античный мир и Северная Колхида. В кн.: Проблемы античной истории и культуры (Доклады XIV международной конференции (Эйренэ), т. 1, Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1979.
36. Лордкипанидзе Г. А. Древняя Колхида в VI—II вв. до н. э. (историко-археологическое исследование): Автореф. докторск. дисс., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1975.
37. Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI-I вв. до н. э. В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.
38. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1973.
39. Щеглов А. Н. Система «полис-хора» и контактные зоны в Причерноморье. - В кн.: XIV Международная конференция античников социалистических стран (Эйренэ). Тезисы докладов. Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1976.
40. Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Некоторые проблемы греческой колонизации. - Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.), Тбилиси, 1979.
41. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
42. Воронов Ю. Н. Гиенос.- СА, 1976, №4.
43. Шамба Г. К. Амфорные клейма Диоскурии,- ИАИ, 1976, вып. V.
44. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1948.
45. Шамба Г. К. Амфоры Эшерского городища. - ИАИ, 1978, вып. VI.
46. Брашинский И. Б. Синопа и Колхида (К проблеме греческой колонизации Юго-восточного Причерноморья).- КБС, 1973, вып. IV.
47. Шамба Г. К. Амфорные клейма Диоскурии. - ИАИ, 1976, вып. V.
48. Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов,- АС, 1961, вып.2.
49. Мелюкова А. И. Вооружение скифов. - САИ. М., 1964, вып. Д1-4.
50. Кошеленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы. - ВДИ, 1980, №1.
51. Соловьев Л. И. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. - ТАИ, 1939, т. XV.
52. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси: Техника да шрома, 1950.

145

53. Матиашвили И. Н. Керамика Очамчирского античного поселения. - В кн.: Тезисы докладов научной конференции аспирантов и молодых научных сотрудников ИИАЭ АН Грузинской ССР. Тбилиси: Мецниереба, 1968.
54. Качарава Д. Д. Город Гиенос в античную эпоху (к истории городов Восточного Причерноморья): Автореф. канд. дис., Тбилиси, ИИАЭ АН ГССР, 1972.
55. Вани, т. I. Тбилиси: Мецниереба, 1972.
56. Вани, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
57. Вани, т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
58. Вани, т. IV. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
59. Лордкипанидзе О. Д. Город-храм Колхиды. - М.: Наука, 1978.
60. Атлас Грузинской ССР. Тбилиси-Москва: Географгиз, 1964.
61. Хоштария Н. Н. Археологические раскопки в Вани в 1959 г. - В кн.: Научная сессия,

- посвященная итогам полевых археологических исследований в 1959 г. Тбилиси: Мецниереба, 1960.
62. Мшвениерадзе Д. М. Строительное искусство в древней Грузии. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1959.
63. Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1959.
64. Лордкипанидзе О. Д. О торгово-транзитном пути из Индии к Черному морю. - САНГ, 1957, т. XIX, №3.
65. Массон М. Б. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии во время с 1917 по 1927 гг.- В: Известия Среднеазиатского края, Ташкент, 1928, вып. 3.
66. Гагошидзе Ю. Н. Самадло (археологические раскопки). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
67. Wasolnicz A. Osadnictwo greckie. -In: Kultura materialna starozytnej Grecji, t. II. - Wroclaw - Warszawa, 1974.
68. Robinson D. M. Excavation at Olintus. London, 1938, t. VIII.
69. Всеобщая история архитектуры, т.2. М.: изд-во лит-ры по строю, 1973.
70. Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л.: изд-во ЛГУ, 1961.
71. Античная цивилизация. М.: Наука, 1973.
72. Coor Y. M. The Greeks in Ionia and the East. London, 1962.
73. Карасев А. Н. Архитектура. - В кн.: Античные города Северного Причерноморья, т.1. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1955.
74. Блаватский В. Д. Новые данные о строительстве Пантикапея. - СА, 1953, т. XVII.
75. Marsden E. W. Greek and Roman artillery. Oxford, 1959.
76. Jervis S. G. Greek Altars. Saint Louis, 1949.
77. Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М.: Наука, 1966.
78. Кобылина М. М. Милет. М.: Наука, 1965.
79. Лордкипанидзе Г. А. Алтари Ванского городища (Западная Грузия). - В кн.: История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
80. Карасев А. Н. Монументальные памятники Ольвийского теменоса. - В кн.: Ольвия. М.: Наука, 1964. .
81. Археология УССР. Киев: Наукова думка, 1971.
82. Максимова М. И. Античные города Юго-восточного Причерноморья. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1956.
83. Лежава Г. И. Архитектурные памятники Грузии античного периода. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
84. Лавров Л. И. К истории северокавказского фольклора (до XIX в.). - СЭ, 1979, №1.
85. Рамишвили А. Древние стоянки на Пичвнарских песчаных дюнах. - ПЮЗГ, 1964, №1.
86. Личели В. Т. Новооткрытое городище в местности «Саканчия». - В кн.: Вани. т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
87. Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI. - ВДИ, 1980, №3.
88. Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979.

146

РАЗДЕЛ III. КОЛХИДА В I-VII ВВ. н. э.

ГЛАВА I. ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКОВ I-VII ВВ. Н. Э.

3.1.1. Сведения о могильниках I—VII вв. н. э. на территории Центральной Колхиды - Лазики (бассейн Фасиса-Риони), а также ее северо-западных окраин (междуречье Ингури-Хоби) еще очень ограничены. Однако о развитии местной материальной культуры (лазов и, возможно, отчасти их северо-западных соседей апсилов и мисимиан) дают необходимое

представление материалы из могильников Клдееи (рис. 28, 1-29) (1), Лиа (рис. 28, 30-47) [2, с. 66-72], Чхороцку (рис. 28, 48-63) [3, с. 67-95], Уреки (рис. 28, 64-84) [4, с. 93-208], Аргвети (рис. 28, 85-100) [5, с. 154-156] и др. Серией достаточно выразительных комплексов и отдельных находок характеризуется и территория исторических Абасгии и Санигии (совр. Гудаутский и Гагрский районы Абхазии и район Сочи) (рис. 31, 1-62) [6, с. 49-58]. Однако наиболее многочисленный выразительный и яркий материал рассматриваемого времени раскопан на территории исторической Апсилии, могильники которой выявлены в окрестностях совр. села Цебельда (7-27). Их систематическое исследование было начато М. М. Трапшем и автором в 1960 г., в котором затем приняли участие Г. К. Шамба, М. М. Гунба, О. Х. Бгажба, В. Б. Ковалевская и др. Первая хронологическая схема материалов из цебельдинских могильников принадлежит М. М. Трапшу, датировавшему выявленный здесь материал суммарно 11—V вв. н. э. [9, табл. LIV). Соответствующая хронологическая шкала была полностью поддержана и кандидатской диссертацией Г. К. Шамба [10, с. 19; 11, с. 69-70]. В 1970 г. были опубликованы материалы Апуштинского могильника, на основе которых в Цебельде был выделен горизонт VI в. н. э. [12, с. 175-190]. В 1971 г. А. К. Амброз ввел в научный оборот свою схему эволюции могильников Абхазии, в которой выделил семь этапов, в том числе материалы VII в. н. э. [13, с. 106-110, табл. 1]. Эта схема явилась частью одной из глав его докторской диссертации [14, с. 28-30]. В 1971 г. был опубликован интересный ком-

147

плекс с монетами Юстиниана I, окончательно установивший дату верхнего горизонта цебельдинских могильников в рамках VI—VII вв. н. э. [15, с. 100-105]. В своих последующих публикациях автор, полностью разделяя точку зрения А. К. Амброза, попытался внести некоторые коррективы в представления о хронологии цебельдинских могильников в сторону еще большего упозднения некоторых элементов и комплексов [16, с. 171-191; 17, с. 74-78; 18, с. 204-210; 19, с. 1-160; 20, с. 181-188; 21, с. 67-71; 22, с. 44-52; 23, с. 85-100]. В 1978 г. вышла в свет книга М. М. Гунба, который датировал выявленный им в окрестностях Цебельды материал в рамках конца II—VI вв. н. э. [24, с. 5-114]. Поздние даты цебельдинских могил и содержащихся в их инвентаре отдельных элементов (стеклянная посуда, украшения и т. д.) не нашли всеобщего признания: в работах ряда исследователей (К. М. Скалон, Н. П. Сорокина, М. М. Гунба, К. Бакаи и др.) содержится критика в адрес «хронологии Амброза-Воронова» и доказывается правильность в целом или в части элементов хронологической схемы М. М. Трапша [26, с. 67-73; 27, с. 57-67; 28, с. 153-154]. Последнее обстоятельство заставляет вновь вернуться к вопросу периодизации и хронологии цебельдинских могильников, а вместе с ними и вообще западнокавказских древностей позднеантичного и раннесредневекового времени. Для настоящего очерка, помимо привлечения наиболее выразительных материалов по всему региону из ранних публикаций [1; 2, с. 66-72, 103; 3, с. 67-95; 4, с. 193-200; 28, с. 84-94; 29; 30, с. 103-107; 31, с. 83; 32, с. 284-290; 33, с. 43⁹; 34, с. 232-237; 35, с. 48-62; 36, с. 72-80; 6, с. 49-58; 22, с. 44-52], использована корреляционная таблица комплексов, раскопанных в 1977-1980 гг. под руководством автора на могильнике у крепости Цибилиум [37, с. 244-247].

3.1.2. Прежде всего необходимо отметить, что одной из существенных причин занижения даты нижнего яруса могильников Западного Закавказья является некритическое отношение к показаниям монет [11, с. 69; 24, с. 100-101]. Наиболее популярными в местной среде Колхиды в позднеантичную эпоху были римские, особенно кесарийские серебряные монеты, найденные здесь как в составе ряда крупных кладов (Герзеул, Эки, Сепиети и др.) [38; 39, с. 24, 63-72; 40, с. 13-22], так и в погребальных комплексах [1, с. 194-195; 4, с. 193; 9, с. 207-211; 20, с. 196-198]. При этом большинство этих монет, как

выясняется, относится к недатирующим элементам. Так в составе Экского клада, зарытого после 222 г. н. э. ведущее место занимают кесарийские дидрахмы начала II в. н. э. (Адриан) [40, с. 15]. В составе урекского погребения конца IV в. н. э. оказалось четыре кесарийских дидрахмы Адриана (121-122 гг.), а так же монеты Каракаллы, Септимия Севера и Тацита (271-276 гг.). В цебельдинских могильниках кесарийское серебро конца I - начала III вв. характерно в основном для комплексов III- IV вв. н. э. [9, с. 308], попадаясь изредка и в могилах V-VI вв. н. э. [16, с. 191]. Здесь практически пока невозможно назвать ни одного комплекса, который бы в полной мере отвечал дате, предлагаемой монетой. Столь значитель-

148

ная задержка ранних монет в денежном обращении Западного Закавказья не удивительна. Близкая ситуация прослежена, например, в Бельгии, где в одном из франкских могильников IV—VII вв. (Сипли) установлено, что «большинство монет из достаточно выразительных комплексов оказались непригодными для их датирования, запоздав от 300 до 500-700 лет» [41, с. 298, 299]. Очень показательны в этом отношении и результаты последних исследований на Ильичевском городище (Таманский полуостров), где найден клад медных боспорских монет III—IV вв. совместно с золотыми монетами Юстиниана I [42, с. 173-179]. Такого рода примеров много, но и сказанного достаточно для вывода, что датирующее значение монеты может быть подчеркнуто либо опровергнуто лишь общим характером комплекса.

3.1.3. Наиболее типичной деталью погребальных комплексов Западного Закавказья позднеантичного и ранневизантийского времени являются фибулы, которые распадаются по меньшей мере на 14 вариантов (одночленные трех вариантов, двучленные проволочные трех вариантов, лебязинские трех вариантов, крестовидные пяти вариантов, T-образные), помимо которых известно довольно значительное число редких форм, встреченных в одном-двух вариантах [9, с. 170-189; 11, с. 45-51; 19, рис. 42, 1-27]. В цебельдинских комплексах эти фибулы найдены в двух и более экземплярах, причем большинство комплексов (около 150) содержит разнотипные фибулы. Последнее обстоятельство позволяет на основе их взаимовстречаемости сделать некоторые выводы хронологического порядка (рис. 32).

Соответствующие наблюдения приводят к выводу, что одночленные фибулы, первоначально сочетаясь друг с другом, затем определенное время сосуществуют с двучленными проволочными и доживают до момента появления в Цебельде прогнутых «лебязинских» фибул. Проволочные двучленные подвязные гладкие и с обмоткой сосуществуют друг с другом, с лебязинскими пластинчатыми, проволочными гладкими и с обмоткой и доживают до эпохи крестовидных, сочетаясь с круглопроволочными и, изредка, с ранними пластинчатыми. «Лебязинские» застежки появились в Цебельде еще в эпоху одночленных фибул, затем сосуществовали с проволочными подвязными двучленными, дожив до эпохи ранних проволочных крестовидных фибул. Проволочные фибулы с приклепанной подвязкой (с заклепкой) представляют собой, по-видимому, промежуточную форму между проволочными с завязкой и ранними крестовидными фибулами. Они встречены в паре друг с другом, а также в сочетании с «лебязинскими» пластинчатыми, с проволочными подвязными с обмоткой и с проволочными подвязными фибулами. Проволочные крестовидные фибулы обнаружены в сочетании друг с другом, с проволочными подвязными и с крестовидными пластинчатыми фибулами ранних форм. Промежуточную группу между проволочными крестовидными и пластинчатыми крестовидными фибулами образуют крестовидные фибулы, дужка которых имеет в разрезе многогранную, овальную

либо полукруглую форму - их не очень много. Крестовидные пластинчатые фибулы обнаружены как в сочетании друг с другом, так и в сочетании с проволочными крестовидными и с проволочными подвязными. Наконец, широкопластинчатые крестовидные фибулы с короткой дужкой, часто имеющей продольные желобки, и треугольной ножкой найдены либо в сочетании друг с другом, либо в сочетании с Т-образной шарнирной фибулой. Установив таким образом относительную хронологию цебельдинских фибул, попытаюсь суммировать известные на сегодня факты, способствующие уточнению их абсолютной хронологии.

3.1.4. Наиболее ранними среди западнокавказских фибул позднеантичного времени являются одночленные проволочные подвязные лучковые фибулы «северопричерноморского» типа (Клдеети, Чхороцку, Уреки, Лиа, Цебельда, Мацеста, Лоо и др.), представленного здесь своими наиболее поздними вариантами (близкими к вариантам 3,4 и 5 по А. К. Амброзу) [1, табл. 1, 5; XIII, 1-3; 3, табл. II—IV; 4, рис. 2, 4, 5; 20, рис. 1-9; 34, с. 232-236]. То, что эти фибулы являются не результатом эволюции кавказской дуговидной фибулы I тыс. до н. э. [10, с. 11], а занесены сюда через римские прибрежные крепости, подчеркивается фактом многократных находок одночленных подвязных фибул четвертого варианта в слоях II—IV вв. в Питиунте [44, рис. 3, 2] и Себастополесе. Наиболее ранними в Западном Закавказье считаются фибулы из Клдеети и Чхороцку. Фибулы из Клдеети (первый вариант IV серии) А. К. Амброз датирует второй половиной II и началом III в н. э. [43, с. 54]. Н. И. Апхазава фибулы из Чхороцку датирует II в. н. э., а клдеетские фибулы II-III вв. н. э. [29, с. 125, табл. VI, 1, 5, 8]. Второй половиной II - началом III в. н. э. датирована и древнейшая фибула из Цебельды, найденная автором в сочетании с монетой Траяна [20, рис. 9, 29, 30]. В отношении могильника в Чхороцку (рис. 28, 48-63) нужно отметить следующее: а) все три упомянутых варианта фибул здесь встречены в составе одного комплекса (№1), т. е. захоронение было произведено в момент сосуществования всех трех форм [3, табл. II, 1-10]; б) дужки у фибул из Чхороцку в сечении не круглые, а прямоугольные подобно некоторым поздним (IV в. н. э.) одночленным фибулам Западного Закавказья (Уреки, Цебельда) [4, рис. 1, 3; 20, рис. 1, 57; 3, 36; 9,12]; в) в комплексе с этими фибулами найден обломокдвучленной «биметаллической» фибулы [3, табл. III, 8], указывающей также на более позднюю дату погребения №1, чем II в. н. э.; г) браслеты с двойной перевязью в рассматриваемом регионе бытуют до IV в. н. э. [20, рис. 4, 52; 29, с. 120]. Таким образом, в материалах Чхороцку пока нет возможности выделить черты, конкретно указывающие на дату в рамках II в. н. э., в то время как большинство признаков позволяет продлить дату рассматриваемого могильника и на весь III в. н. э. В отношении Клдеетских материалов (рис. 28, 1-29) картина аналогична: а) все фибулы, найденные здесь, происходят из разрушенных погребений, что лишает возможности датировать их по комплексам; б) форма и украшение золотой

клдеетской фибулы находит близкие аналогии не среди наиболее ранних западнокавказских одночленных фибул, а среди их позднейшей группы, датируемой в рамках III—IV вв. н. э. [13, рис. 4, 2; 20, рис. 9, 12, 16]; в) в инвентаре погребений Клдеети помимо более ранних вещей (монеты, металлическая утварь I-II вв.) отмечены: шарнирная брошь с эмалью (рис. 28, 12) [1, таб. VIII,1], относящаяся к кругу римских провинциальных изделий IV-III вв. н. э. [43, с. 32, 45], причем особенно близка к клдеетской брошь из Страсбурга, найденная там в комплексе III в. н. э. [46, р. 48, III. 66,1]; браслеты с шарнирным креплением (рис. 28,

14) [1, табл. XVI,1], подобные которым известны в составе клада середины III в. н. э. в Питуинте [47, рис. 25-27]; конские удила с круглыми ажурными псалиями (рис. 28, 9) [1, табл. XXI,4], форма которых характерна для позднеримских уздечных наборов III—IV вв. н. э. [48, с. 173-181; 49, с. 114, рис. 11; 50, с. 129, рис. 50, 2]; г) на дату в рамках первой половины или середины III в. н. э., возможно, могут указывать характерные золотые пластинчатые украшения с птицами, вставками, зернью и подвесками - кружочками (рис. 28, 25) [1, табл. XIV, 1], известные среди других западнокавказских комплексов того же времени (Лоо, Гонио) [36, рис. 35-37; 51, с. 100-101, табл. III,2]. Следовательно и в материалах Кпдеетского могильника не содержится четких указаний на дату в рамках II в. н. э. Аналогично и положение комплекса Лиа-1 (рис. 28,31-33,35,39), где помимо двух одночленных фибул четвертого и пятого вариантов (по А. К. Амброзу) найдены серебряная кесарийская монета Люция Вера (161—169 гг.) и набор вооружения (меч, наконечники копий, подток) (2, рис. 1, 2), характерные для комплексов III—IV вв. в соседней Цебельде [20, рис. 8, 38-40; 9, 26-28]. Упомянутая выше древнейшая фибула из Цебельды относится к четвертому варианту, бытование которого А. К. Амброз датирует второй половиной II и, возможно, началом III в. н. э. [43, с. 50, табл. 9, 10]. Однако присутствие в составе третьего Патрейского клада монет, наиболее поздняя из которых датируется 251 г. н. э., фибулы того же варианта [52, с. 98, рис. 5, 6], передвигает время бытования этих фибул по крайней мере до середины III в. н. э. Таким образом, наиболее ранние одночленные фибулы северопричерноморского типа Западного Закавказья пока могут быть датированы в рамках конца II - первой половины III в. н. э.

Одночленные фибулы в Западном Закавказье бытовали на протяжении всего III и IV вв. В этом отношении особенно показателен комплекс конца IV в. из Уреки (рис. 28, 64-84), в составе которого оказались три серебряных одночленных фибулы, отличающиеся от четвертого варианта более плавным закруглением спинки и несколько выгнутой ножкой [4, рис. 1, г, д, з]. Тем же временем датируется комплекс из Цибилиума [20, с. 186, 187, рис. 4, 6-9, 13-15], в котором одночленные дуговидные подвязные фибулы найдены в сочетании не только с двучленными лучковыми подвязными фибулами IV в., но и с прогнутой фибулой «лебяжинского» типа, датируемой временем не ранее второй половины IV - начала V в. н. э. [13, с. 107,

151

табл. 1, 11]. Одна из этих фибул украшена проволочной обмоткой с завитками подобно обломку фибулы из урекского погребения [4, рис. 1 ж]. На дату близкую к рубежу IV-V вв. указывают и серьги с подвесками, имеющими биконические грузики (рис. 29, 41), пришедшие на смену круглым грузикам (рис. 29, 31), появление которых в Цебельде датируется второй половиной IV в. н. э. [20, рис. 9, 22]. Более ранние цебельдинские серьги подобно фибулам имеют северопричерноморский облик - овальное кольцо с застежкой, украшенное сердоликом или стеклышком обычной каплевидной формы в рубчатой окантовке [53, рис. IV, 4; VII, 26]. Их дата в Цебельде - III—IV вв. н. э. [20, с. 197, 198]. Одна из наиболее поздних серег этого типа найдена в комплексе Ахачарху-46, где сочеталась с двучленной подвязной фибулой и ведерковидной подвеской-амулетом [20, рис. 7, 1-24], широко распространенной в памятниках Черняховской культуры в III—IV вв. н. э. [54, с. 130]. Отсюда цепочка синхронизации вновь приводит к одночленной фибуле, обнаруженной в комплексе Ахьацараху-14 в сочетании с серьгой описанного типа без грузика, двумя двучленными фибулами и стеклянным стаканом с расширяющимся слегка книзу туловом, обработанным краем и кольцевым поддоном, полым внутри [55, с. 19-21]. Погребение это датировано IV в. н. э., исходя из формы фибул и наконечников копий [20, с. 192-193]. Особый интерес для правильной датировки рассматриваемого круга комплексов имеет упомянутый стакан, на анализе которого необходимо остановиться подробнее.

Н. П. Сорокина, которой принадлежит обстоятельная сводка стаканов рассматриваемого типа, датирует их концом III - первой половиной IV вв. [56, с. 185-187, рис. 2, 4-9; 57, с. 93] или IV-V вв. [26, с. 63]. Однако, как представляется, обстоятельства находок этого вида стеклянной посуды позволяют уточнить эти даты. В крымских комплексах такие стаканы сопровождалась монетами Рескупорида VII (314-337 и 320-325 гг.), Константина I (306-337 гг. и после 337 г.), датирующими эти стаканы периодом не ранее второй четверти - середины IV в. н. э. [58, с. 264-278; 59, с. 233, рис. 5, 1]. Этим же временем датируются аналогичные стаканы из других районов римского мира [57, с. 93; 60, Pl. XLIX, 3, Fig. 1,6]. Их обломки известны и в слоях IV в. Таманского [61, с. 154, 168, рис. 4, 8, 9] и Пантикапейского городищ и особенно в Херсонесе, что дает повод предполагать в последнем пункте один из возможных центров производства такого рода посуды [56, с. 187]. Вместе с тем у нас нет никакой гарантии в том, что упомянутые монеты попали в комплексы сразу же после их чеканки, а не на несколько десятилетий позже, как это имело обычно место (отметим, что в тех же комплексах помимо монет IV века найдены монеты Траяна, Гордиана и ряд других II-III вв. н. э.) [58, с. 264-271]. Итак, наиболее приемлемой датой бытования стаканов с кольцевым поддоном следует признать IV век, причем скорее его середину и вторую половину, чем и определяется дата комплекса Ахьацараху-14.

Таким образом время бытования одночленных фибул, а вместе с ними и содержащих их комплексов, определяется довольно четко рамками кон-

152

ца II - конца IV вв. н. э. В своей значительной части (до момента встречи с «лебязжинскими» фибулами) они служат хорошим основанием для выделения в памятниках Западного Закавказья этапа конца II - первой половины IV вв. н. э. (рис. 29; 30).

3.1.5. Несколько менее определены показания двучленных проволочных подвязных фибул (третий и четвертый варианты IV серии лучковых подвязных фибул по А. К. Амброзу) [43, с. 54], которые обычно датируются в рамках IV- первой половины V вв. [43, с. 54; 13, с. 107-110; 22, с. 44-45; 24, с. 87-88], а эпизодическое использование их предполагается до второй половины VI в. н. э. [13, табл. 1, 10; 16, с. 187-188]. Допускается возможность их появления в III в. н. э., однако с большей или меньшей вероятностью к концу этого века в Цебельде может быть отнесен лишь один комплекс, где двучленная фибула сочетается с одночленной и с монетой Септимия Севера (193-211 гг.) [20, с. 183-184, рис. 2, 23]. Наиболее поздняя точная дата бытования таких фибул недавно установлена по находке в строительном слое крепости Цибилеум, датируемом по медной монете Юстиниана I и другим признакам (о них ниже) второй четвертью VI в. н. э. [62, с. 498].

3.1.6. «Лебязжинские» фибулы, четвертый вариант VI серии лучковых фибул по А. К. Амброзу) [43, с. 57] и их местные варианты, судя по находкам в Цебельде и Модинахе, датируются в Западном Закавказье в рамках втор, полов. IV - начала V вв. либо концом IV и всем V вв. [13, с. 107; 22, с. 45; 29, табл. XLIV]. Здесь необходимо коснуться хронологии интересных комплексов из Аргвети (Модинахе)) (рис. 28, 85-100), датируемых суммарно «серединой второй половины IV в. н. э.» из-за присутствия в могилах монет Константина Великого и Констанция, отчеканенных в период от 306 до 361 гг. [5, с. 156]. Однако в этих комплексах присутствуют такие элементы, как серьга с подвеской (рис. 28, 93), стилистически входящая в круг украшений конца IV в., представленных в погребении из Уреки (рис. 28, 72), серьги с напаянным колечком (рис. 28, 96) и прогнутые фибулы (рис. 28, 99), датируемые в рамках V в. н. э. [29, табл. VIII, 3-7, 15, 16]. На ту же дату должны указывать однолезвийные кинжалы и краснолощенные кувшины (рис. 28, 98), подобные

которым хорошо представлены в краснолаковых и краснощенных вариантах в слоях конца IV-VI вв. Себастополиса. Следовательно для погребений Модинахе более предпочтительна дата - конец IV - первая половина V вв. На основе «лебяжинских» фибул в эволюции Цибилуимского могильника выделен этап в рамках второй половины IV - первой половины V вв. (рис. 30).

3.1.7. Круглопроволочные фибулы с заклепкой - переходный вариант от подвязных фибул к крестовидным - появляются достаточно рано. Возможно, одна из первых реплик этого приема - одночленная фибула с приклепанной подвязкой, которую можно датировать временем вблизи рубежа IV-V вв. (19, рис. 42, 6). Пара двучленных проволочных фибул с приклепанной подвязкой, но еще без выраженной крестовины найдена в погребении Апраху-7 вместе с тремя проволочными подвязными двучленными фибу-

153

лами с фигурной обмоткой, серьгами в форме вытянутого овала с биконической подвеской, браслетом с зооморфными концами и стеклянным стаканом [9, табл. XLIV]. Стакан этот относится ко II типу стеклянных сосудов с каплями синего стекла (по классификации Н. П. Сорокиной), датируемых в пределах Северного Причерноморья IV - началом V вв. н. э. (наиболее ранний, как предполагают, случай - вышеупомянутый могильник Харакса первой половины - середины IV в.) [57, с. 90-93]. Стакан того же типа из Равенны датирован концом IV - началом V вв. н. э. [63, р. 28, Fig. 28]. Аналогичные фибулы с приклепанной подвязкой найдены в комплексе Ахаччарху-26 в сочетании с пластинчатой «лебяжинской» фибулой, овальными серьгами с биконическими гирьками и медальоном с изображением Медузы Горгоны и греческой надписью [11, табл. X]. Известно два подобных медальона, изготовленных в Антиохии в 374 и 398 гг., т. е. в последней четверти IV в. н. э. [64, с. 114-115]. Значительная изношенность изделий (потертости, утрата еще до захоронения петли для подвешивания), указывает на длительность его использования. Особое значение при датировке этих комплексов нужно придавать вытянуто-овальной форме серег, характерной для V в. [22, рис. 2, 49]. Эти факты датируют упомянутые комплексы, а вместе с ними и рассматриваемый вариант Цебельдинских фибул в рамках начала - первой половины V в. н. э.

3.1.8. Бытование проволочных двучленных крестовидных фибул (первый вариант V серии по А. К. Амброзу) [43, с. 55] в Цебельде в соответствии со схемами А. К. Амброза и автора определяется второй половиной V - первой половиной VI вв. с вероятной задержкой в отдельных случаях на вторую половину VI и VII вв. [13, с. 107-110, табл. 1, 25; 22, с. 47]. Примером одной из наиболее ранних фибул (с едва наметившейся крестовиной) этого типа является застегка из погребения Ахаччарху-32, датированного первоначально первой половиной IV в. [11, с. 30, 36]. В составе этого комплекса пифос с узким массивным выступающим дном, характеризующим апсильские пифосы позднего этапа (V-VI вв.) [22, рис. 2, 37], наконечники копий и топор, датируемые тем же временем [22, с. 47], бронзовая круглорамчатая пряжка с треугольным щитком и зооморфным язычком, указывающим на дату не ранее V в. н. э. [13, с. 103; 65, табл. I, 4; 11, 1, 4, 6, 8; III, 2; IV, 3], краснолаковая миска с выступающим поддоном и стеклянная чаша редкой формы. Аналогичная миска найдена в комплексе Цибилуим-1979-6, где она сочеталась с двулезвийной мотыгой раннего типа, получившего распространение в Цебельде с V в. н. э. [22, с. 47], золотой серьгой с овальным кольцом и биконической подвеской, металлическим зеркальцем, ближайшие аналогии которого датируются V-VII вв. н. э. [66, рис. 1, 5а, 15, 20], проволочным с обмоткой вариантом «лебяжинских» фибул и ранней крестовидной фибулой, имевшей также обмотку и легкий прогиб дужки (рис. 29, 66-70). В соседней могиле (№8) вместе с кувшинчиками грушевидной формы, бытовавшими в

раннего типа, двумя проволочными фибулами с подвязкой, ранней проволочной крестовидной фибулой, украшенной по дужке насечками (рис. 29, 92) и овальной серьгой найдена характерная черняховская двупластинчатая фибула с двойным пружинным аппаратом (длина фибулы 6,6 см.) (рис. 29, 65). Такого рода фибулы (тип 1ББ по А. К. Амброзу) датируются по позднечерняховским комплексам временем не ранее рубежа IV-V вв. н. э. [43, с. 77, 83, 86; 67, с. 26, 27, Табл. 19, 89; 20, 92-93; 68, с. 232, рис. 15, 1, 2]. Крестовидные фибулы описываемого варианта найдены в комплексах Самтавро, датируемых первой половиной V в. н. э. [29, табл. XIV, 27]. Исходя из сказанного, наиболее ранней датой распространения проволочных крестовидных фибул в Цебельде следует считать первую половину V в., однако широкое их бытование намечается пока с середины того же столетия (третий этап корреляции комплексов Цибилиумского могильника - рис. 30).

3.1.9. Очень важны для уточнения периодизации и хронологии цебельдинских могильников случаи повреждения погребений при последующих захоронениях. До недавнего времени подобные примеры отсутствовали. В 1979-1980 гг. удалось наконец проследить этот важный момент на ряде примеров. В одном случае в одной обширной могильной яме зафиксировано три разновременных захоронения (№№13-15), причем первое, наиболее раннее захоронение содержало пифос-урну, кувшины, оружие и одночленную фибулу четвертого варианта, второе, сильно разрушенное погребение сохранило помимо керамических сосудов двучленную проволочную фибулу, и, наконец, в третьем, наиболее позднем погребении найдены однолезвийный короткий меч, бронзовая пряжка с массивным граненым круглым кольцом, тяжелый цебельдинский топор и проволочная крестовидная фибула рассматриваемого типа. Если первое погребение нельзя датировать временем ранее III в. н.-э., а второе относится по форме кувшинов с округлым рифленным туловом ко второй половине IV - началу V вв., то дата третьего комплекса определяется временем не ранее второй половины V в. В другой ситуации (погр. №18 и 19) раннее погребение (мотыга с молоточковидным обухом, две фибулы - одночленная урекского типа и двучленная проволочная с фигурной обмоткой, кольцевидные серьги с шаровидными грузиками и другие изделия середины - второй половины IV в.) оказалось частично разрушенным последующим захоронением, в котором найдены двулезвийная мотыга раннего типа, игольник с двумя иглами, височные подвески с биконическими грузиками, многогранная хрустальная бусина, брошь, украшенная тринадцатью сердоликами и три проволочных крестовидных фибулы с насечкой, т. е. материалы второй половины V - начала VI в. Этими комплексами четко дифференцированы три этапа в истории цебельдинских могильников - соответственно III, IV и V вв.

3.1.10. Для рассматриваемой темы очень важны комплексы со стеклянными стаканами с сотчатым орнаментом. Большинство этих погребений выявлено М. М. Трапшем (погребения Абгызраху-13, 36 и 44, Ахья-

параху-6 и 27) [9, табл. VII, XVI, XXII, XXXIV] и датировано им IV- началом V вв. [9, с. 219]. В позднейших публикациях (А. К. Амброс, Ю. Н. Воронов, В. Б. Ковалевская) эти комплексы из-за присутствия в них своеобразных пряжек с полый кольцевидной или прямоугольной рамкой при отсутствии датирующих фибул были отнесены ко второй

половине V I- первой половине VII вв. [13, с. 110, табл. 1, 31, 35; 17, с. 75; 65, табл. II, 4]. Из остальных компонентов инвентаря этих погребений специальному исследованию подверглись лишь чаши с сотчатым орнаментом, датированные Н. П. Сорокиной суммарно концом IV-V вв. н. э. [56, с. 187], а затем IV-первой половиной V вв. [26, с. 61]. В 1978 г. на могильнике Цибилиума было раскопано богатое захоронение (№41), которое с рассматриваемой группой погребений связывают стеклянная чаша с сотчатым орнаментом и с фризом из растительного орнамента со включенными в него двумя изображениями раннехристианских крестов, четырехугольный щит и коническое навершие меча в виде крупной пастовой бусины. В комплексе оказались также железный меч, ножны которого были выложены серебром, а рукоять украшена сердоликом в золотой оправе, кинжал с серебряной рукоятью, инкрустированным перекрестием и четырьмя боковыми выступами на ножнах, две проволочные крестовидные фибулы с насечкой на дужке, набор пряжек, краснолаковое блюдо, коричневоглиняный кувшин, золотой перстень с сердоликом в оправе, украшенной двумя рядами зерни и др. (рис. 29, 69-77). При датировке этого комплекса нужно руководствоваться следующими моментами: 1) различные варианты кинжалов с четырьмя боковыми выступами на ножнах широко известны по иранским изображениям I в. до н. э. - V в. н. э. [69, табл. V, VII, XI; 70, Pl. LXVI-LXXI], Подобные кинжалы в вариантах II-III вв. н. э. найдены в Анапе и Мцхете [71, с. 32-33, табл. XXXVIII, 1]; 2) форма набалдашника кинжала и оформление его тыльной части (крестообразное разделение перегородками, между которыми четыре треугольных гнезда) находят очень близкие соответствия среди материалов керченского склепа №145, датируемого периодом не ранее конца IV - первой половины V вв. н. э. [72, рис. 4, 1, 2; 5, 9, 10]; 3) ряд черт сближает рукоять и ножны рассматриваемых меча и кинжала с соответствующими изделиями конца IV-V вв. из Волго-Камья и Барнаула [73, с. 107; 74, с. 163, рис. 9; 12]; 4) серебряные обкладки рукоятки и ножен меча находят близкие соответствия в погребениях V-VI вв. н. э. могильника Дюрсо (комплексы №300 и 500) [75, рис. 7, 9, 10; 10, 7]; 5) сходные с рассматриваемыми фибулы были распространены, в основном во второй половине V - первой половине VI вв. [13, с. 107, рис. 4, 10].

Таким образом наметилась необходимость уточнения даты комплексов со стеклянными сосудами с сотчатым орнаментом в сочетании с изображением креста в сторону их некоторого (в рамках столетия) удревления. В ранее опубликованных такого рода комплексах можно указать ряд черт, указывающих на возможность их датировки в рамках середины V - середины VI вв.: 1) оба наконечника копий из комплекса Абгыздраху-13 относятся

156

к типу, широко распространенному в V в. [19, с. 91, рис. 29, 5-7]; 2) амфора из комплекса Абгыздраху-22 по форме венчика сопоставляется с амфорой из погребения Абгыздраху-43, по проволочной прогнутой фибуле и другим компонентам датируемой в рамках второй половины IV - первой половины V в. н. э. [9, табл. XXI, 2; XXII, I; 13, табл. 1, 12]; 3) цепочки с листовидными подвесками с шариками на концах, украшавшие кинжал из погребения Абгыздраху-44 известны в раннем варианте в составе урекского комплекса конца IV в. н. э. [4, с. 205, рис. 82] и из гагрского погребения VI—VII вв. н. э. (рис. 31, 44) [6, рис. 37, 17]; 4) в комплексе Абгыздраху-6 помимо стеклянного сосуда с изображением креста и конусного навершия меча найдены пряжка с зооморфной иглой и ранняя пластинчатая крестовидная фибула [9, табл. XXXIV], указывающие на дату вблизи конца V - начала VI вв.; 5) фигурная укрепительная накладка ниже перекрестия, характеризующая меч из погребения Абгыздраху-44, присутствует также на следующих поддающихся анализу мечах: а) на мече из комплекса Абгыздраху-12, датируемого второй половиной V- первой половиной

VI в. [9, табл. VI; 13, табл. 1, 3]; б) на мече из комплекса Церковный холм -4-5 [16, с. 191, рис. 5), дата которого определяется в рамках конца V - середины VI вв. из-за присутствия в нем краснолакового блюда, входящего в круг изделий V - VII вв. [76, р. 323, Fig. 66], портупейной пряжки с полихромной плоской инкрустацией, наиболее поздние аналогии которой датируются временем «около 500 г.» [77, Taf. 2, 1], и стеклянного сосуда с рельефным узором и каплевидной ножкой, совершенно аналогичного сосудам, найденным в Цибилеуме в слое второй четверти - середины VI в. н. э. (рис. 35, 14); в) на «позднеримском» мече из Польши, датированном V-VI вв. [78, рис. 90a]. В отношении же верхней даты поступления в Цебельду стеклянных сосудов с сотчатым орнаментом необходимо учитывать следующие находки обломков таких сосудов в западнозакавказских крепостях: 1) верхний горизонт культурных накоплений в крепости Тцахар (Пскал), датируемый в свете последних данных первой половиной - серединой VI в. [17, с. 75, рис. 1, 14]; 2) строительный слой накоплений в крепости Цибилеум с материалами второй четверти VI в. н. э., в том числе с медной монетой Юстиниана, отчеканенной в 528-538 гг. (рис. 35, 44) [79, с. 471]; 3) ранний горизонт накоплений в Ачипсинской крепости (Красная Поляна), датируемый по последним данным (см. заключит, главу этого раздела) в рамках VI в. [36, рис. 54, 96]. Таким образом, комплексы со стаканами с сотчатым орнаментом в Западном Закавказье могут с достаточной степенью достоверности (на современном уровне знаний) датироваться в рамках середины V - первой половины VI вв.

3.1.11. Для установления реальной хронологии могильников Цебельдинской культуры VI в. важное значение имеют проводящиеся под руководством автора с 1977 г. раскопки Цибилеума, где найдены обломок проволочной крестовидной фибулы (рис. 35, 45), целая и фрагментированная бронзовые крупные пластинчатые крестовидные фибулы (рис. 35, 18, 36)

157

[62, с. 498]. Прежде такие фибулы датировались одними исследователями (М. М. Трапш, Г. К. Шамба и др.) - IV - V вв. (Абгыздраху-15,30; Апраху-6; Ахаччарху-28; Гагра и др.) [30, с. 103-107; 9, с. 186; 11, с. 49; 24, с. 91-99; 25, с. 67-72], другими (А. К. Амброз, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба) - второй половиной VI - первой половиной VII вв. [13, табл. 1, 34, 42; 22, с. 47]. Соответствующий слой в крепости занимал промежуточное положение между нижним жилым горизонтом с упомянутой монетой Юстиниана I (рис. 35, 47) и верхним горизонтом, в основании которого найдены иранские изделия, в том числе монета Кавада (рис. 35, 20), датирующие этот слой 550 г. (в соответствии с указаниями Прокопия Кесарийского - BG, VIII, 10). Таким образом установлена наиболее точная из существующих дата бытования таких фибул в Западном Закавказье (вторая четверть - середина VI в.). В том же и вышележащем («после 550 г.») слоях Цибилеума найдены обломки стеклянных сосудов, венчики которых густо перевиты нитью синего стекла подобно некоторым сосудам из цебельдинских погребений (Абгыздраху-15,40; Аухуамаху-3; Алраху-20 (8) и др.) [9, табл. IX, XIX, XXXIX; 24, табл. VIII; 17, рис. 2, 4, 15; 3, 3, 7]. Так удастся выделить довольно значительный круг захоронений, дата которых в рамках VI века представляется теперь бесспорной. Можно полагать, что наиболее ранние формы крестовидных фибул с пластинчатой дужкой появляются около рубежа V - VI вв., в эпоху расцвета проволочных крестовидных фибул [16, рис. 3, 13; 4, 5; 6, 9]. Позднее, в первой половине и середине VI в. пластинчатые фибулы сосуществуют с крестовидными фибулами, дужка которых имеет в разрезе круглую и сегментовидную форму [16, рис. 8, 10, 11, 14, 15]. Рассмотрим некоторые из указанных захоронений, в инвентаре которых можно найти дополнительные аргументы в пользу сказанного. В комплексе Абгыздраху-15 помимо крестовидной фибулы с пластинчатой дужкой,

стеклянного сосуда с синими нитями и многогранных хрустальных бус найден золотой христианский нательный крест [9, табл. IX, 6], недавно специально исследованный Л. Г. Хрушковой, убедительно подтвердившей на широком фоне аналогий (клад из Тарса и окрестностей Белграда, кресты Британского и Кливлендского музеев, галлерей Уолтерса и Бруммера), что цебельдинский крест датируется временем не ранее второй половины или конца VI в. н. э. [80, с. 62-64]. Второй половиной VI—VII вв. датируется серия аналогичных крестов и из других собраний США [81, р. 6, 22, 23, 136, Pl. 3, 16, 18, 179]. Все сказанное подтверждает ранее предложенную А. К. Амброзом и автором дату комплекса Абгызраху-15 в рамках второй половины VI - начала VII вв. н. э. [13, табл. 1, 30; 19, с. 113]. В погребении Аухумаху-3 помимо проволочной крестовидной фибулы с намечающимся переходом к фибулам с дужкой сегментовидного сечения, стакана с нитями синего стекла и пряжкой с зооморфной головкой найден железный топор [9, табл. XXXIX], форма которого полностью соответствует топору, найденному в помещении №1 Цибилиума в слое 550 г. [62, с. 478]. Пифос из этого погребения был украшен вол-

158

нистым орнаментом «крутого» стиля, характерного для апсильских пифосов VI в. [82, рис. 1,6].

3.1.12. В тесной связи с рассмотренным кругом памятников находятся комплексы с овалнорамчатыми пряжками, щитки которых часто украшены плоской перегородчатой инкрустацией (Абгызраху-14; Апианча-28, Юстинианов холм-3,2, Лар-1 и др.) [6, рис. 37, 22; 9, табл. VIII, 5; 16, рис. 11, 45; 19, рис. 22, 10, 11; 24, табл. XL, 6]. Вместе с этими пряжками обычно находят пластинчатые крестовидные фибулы с интересной особенностью - продольным желобком на внутренней стороне спинки; перекрестие у этих фибул ближе к середине дужки, что считается поздним признаком [13, с. 110]. Рассматриваемые пряжки относятся к византийским изделиям VI—VII вв., хорошо представленным как в Восточном Средиземноморье [83, s. 288, Abb. 2], так и на территории всего бывшего Советского Причерноморья [65, табл. IV, 1,2,4,11; X, 3, 9; 84, рис. 1, 2; 5]. Пряжки из комплекса Абгызраху-14 и из Гагры (рис. 27, 50-53) с изображениями креста на щитке находят прямую аналогию в Крыму, где такая пряжка датирована в рамках VI - первой половины VII вв. [84, с. 31, рис. 2, 13]. Пряжки, подобные экземплярам из комплекса Юстинианов холм-3-2, известны из комплексов второй половины VI—VII вв. в Сицилии [85, s. 202, 203, Abb. 20]. Пряжка с надписью из погребения Лар-1 совершенно аналогична пряжке из Херсонеса, датированной также второй половиной VI—VII вв. [84, рис. 2,5]. Следовательно и здесь подтверждается дата соответствующих комплексов в рамках второй половины VI - первой половины VII вв., предложенная ранее А. К. Амброзом и автором [13, с. 110; рис. 6, 4]. Особое место в древностях Цебельды, а вместе с ней и всего Западного Закавказья по-прежнему занимает погребение Юстинианов холм-3-1, в составе которого оказались три монеты Юстиниана I (527-565 гг.) и которое было датировано мною на основе поясного набора (В-образные полые и цельнолитые пряжки) и фибул первой половиной-серединой VII в. н. э. [15, с. 100-105], а А. К. Амброзом - второй половиной VII в. [13, с. 110; 22, с. 49]. Дата пряжек широко, в рамках VI—VII вв. подтверждается исследованиями В. Б. Ковалевской [65, табл. XVIII—XX]. Г. Е. Афанасьев попытался обосновать новый метод вычисления среднего запаздывания монет в погребальных комплексах, определив поправку для монет Юстиниана I примерно в 50 лет, на основе чего передатировал рассматриваемое погребение на 70-е годы VI в. [66, с. 47]. Однако методическая правильность построений Г. Е. Афанасьева подвергнута справедливому сомнению Д. Б. Шеловым [86, с. 124]. Кроме того Г. Е. Афанасьевым монеты датируются не по году чекана, а по первому году правления Юстиниана, т. е. 527 г. [66, рис. 3, 1]. В то же время

на золотом солиде из рассматриваемого комплекса лицо императора представлено в фас, что указывает на дату монеты не ранее 538 г., причем совершенно аналогичные монеты чеканились до 565 г. [42, с. 175]. Поэтому пока нет серьезных оснований выводить рассматриваемое погребение за рамки конца VI—VII вв.

159

3.1.13. Спор о дате заключительного этапа цебельдинских могильников - V или VII в. - еще продолжается, но неуклонно растет количество находок с неоспоримо поздними датами. Помимо упомянутых монет Юстиниана I (527-565 гг.) об этом свидетельствуют поясные наборы с бляшками в «геральдическом» стиле и с характерными пряжками, часто полыми снизу, В-образными или сделанными из одного куска, дата которых в пределах второй половины VI—VII вв. общепризнана [87, с. 180, 181, рис. 1; 88, с. 89; 89, рис. 8; 90, s.121-129; 91, s. 30, 31, Tabl. XXI—XXII]. Вместе с типичными вещами последнего этапа цебельдинских могильников (фибулы, «пламевидные» наконечники копий, топор) эти наборы дважды найдены в Цебельде (Абгыдзраху-47 и Юстинианов холм-3-1) и в Сочинском районе (с. Веселое) [9, табл. XXV; 13, с. 110, прим. 26; 6, рис. 38, 18-22]. Эти находки и определили новую верхнюю дату могильников в пределах VII в. вместо прежней даты (V в.). Как оказалось, этому не противоречит и хронология М. М. Трапша. Датируя V в. пряжку из могилы Абгыдзраху-47, он отмечал, что одна аналогия (из Иловатки) относится к IV - началу V вв., прочие три (Сахарная Головка и Суук-Су) к VI—VII вв. [9, с. 168 и прим. 136, 138]. В свете новых исследований дата пряжки из Иловатки также исправлена на VI—VII вв. [92, с. 59-61]. Таким образом, заключительный этап периодизации, предложенный М. М. Трапшем, соответственно получает теперь более позднюю дату.

В последнее время к этим находкам прибавился ряд других, также относящихся к VII в. В погребении из урочища Пышта (с. Верхняя Эшера) помимо двух наконечников копий и ножен позднецебельдинского времени оказался меч, от ножен которого сохранился Р-образный выступ, обложенный серебром, и набор поясных бронзовых бляшек [21, с. 67-71]. Р-образные выступы служили для подвешивания меча в наклонном положении - обычай, введенный степными всадниками в VI—VII вв. [93, с. 87]. Рукоять меча имеет пробой с колечком для привязывания шнура (анalogии VII—VIII вв. у авар и на востоке) [94, p. 25, 26; Fig. XXI]. Мечи, подобные пыштинскому, найдены в разных районах Евразии, где датируются в пределах второй половины VI, всего VII и, отчасти VIII в. [94, p.126, 127, 130-133; 95, табл. XII; 96, с.176-180, рис. 5, 13]. Назову находки мечей или Р-образных оковок в Кишзомборе (Венгрия) с монетой 602-610 гг., Малом Перещепине с монетами 641-668 гг., Уч-Тепе, Верхнем Чми, Арцыбашеве, Мартыновке, Глудосах. Известны так же изображения подобных мечей в живописи начала VIII в. из Пенджикента. Экземпляры второй половины VI в. крайне редки, основная их масса относится к VII в. [21, с. 68]. Пояс из Пышты имел один наконечник «коробочкой» на основном ремне и не менее четырех подвесных ремешков с односторонними наконечниками. Украшающий их набор прорезей характерен для второй половины VI—VII вв. [97, с. 144; рис. 1,1, 10, 15, 16; 4, 24, 33-35]. Некоторые детали позволяют сузить эту дату. Таковы наконечники с боковыми выемками, обычные в пределах VII в. (Арцыбашево, могилы XI и XVI в Верхнем Чми, Мартыновка, Хацки) и без выемок в

160

Малом Перещепине с монетами 641-668 гг, нередко с «псевдопряжками» [98, рис. 7а и 17; 99, рис. 45, 13; 100, с. 6]. Мотив трилистника, присутствующий на одной из бляшек пыштинского комплекса, характерен для поясов VII в. - клад в Акалане (Турция) с монетами Ираклия II (613-641 гг.) и могила 97 в Линце-Цицлау (Австрия) [90, s. 121, Abb.

12, Taf. VII, 1-6; 101, s. 235, 236]. По классификации поясов, разработанной А. К. Амброзом, аналогии рассматриваемому поясу относятся преимущественно ко второй половине VII в. [13, с. 114-116].

Для хронологии завершающего этапа функционирования цебельдинских могильников исключительно важны выявленные в 1977 и 1980 гг. на Цебельдинском могильнике комплексы с поясными наборами геральдического стиля. В погребении 1977-9 найдены полая В-образная пряжка и прорезной наконечник пояса, близкий пыштинскому [21, с. 70]. В погребении 1980-29 обе пряжки относятся к типу цельнолитых прямоугольнорамчатых (рис. 29, 108, 109). У первой пряжки щиток полукруглый, у второй - раздвоенный, в виде двух пластинок с наружными выемками (вытянутых геральдических щитков). Особенности первой пряжки относят ее к памятникам первой половины VII в. (Волго-Камье, Закавказье) [29, табл. XLIV; 102, рис. М, 1; 0,1), дата же второй пряжки определяется в рамках VI—VII вв. [65, с. 43-45, табл. XX, 16; XXII, 14]. В составе поясного набора погребения 1980-30 (рис. 29, 110-123) найдены прямоугольнорамчатая пряжка со щитком в виде двух подвижных пластинок, аналогия которой из Баклинского могильника (Крым), датируется VI—VII вв. [65, с. 47, табл. XXII, 13], три прорезных ременных наконечника «коробочкой» с разнотипными прорезями, по форме которых большой наконечник относится к кругу памятников Пышты и др., датируемых VII в. [13, рис. 5, 59; 21, рис. 1, 10], а два других - с прорезью в форме замочной скважины - датируются в Юго-Западном Крыму VII в. [13, с. 114], в Волго-Камье - второй половиной VI в. [102, рис. Л, 18], на Северном Кавказе - второй половиной VI - первой четвертью VII вв. [66, рис. 2, 34], в Восточной Грузии - рубежом VI—VII вв. и первой половиной VII в. [29, табл. XLIV], четыре восьмеркообразные бляшки с отверстиями, известные среди деталей поясного набора из слоя рубежа VI—VII вв. крепости Садовскокале в Болгарии [13, с. 114; 103, s.157, 158, Taf. 19, 2; 104, s. 56; 57], гвоздики со шляпками в виде полумесяца, находящие аналогии в составе комплекса Чми-ХИ (VII в.) [13, с. 114], в погребениях второго этапа (вторая половина VI - первая четверть VII вв.) могильника Мокрая Балка [66, рис. 2, 32], и в погребениях Восточной Грузии (первая половина VII в.) [29, табл. XLIV], застежка с подвязным овальчатым язычком, аналогии которой датируются второй половиной VI в. [13, рис. 5, 115], стерженьковая пуговица, подобные которой на Северном Кавказе датируются VII в. [66, рис. 1, 19]. Описываемый поясной набор из Цибилиума удачно дополняется обувными застежками, в набор которых входят серебряные трехлепестковые накладки геральдического стиля с характерным оформлением треугольной сердцевины, дата которых на Северном Кавказе определяется второй по-

161

ловиной VI - первой четвертью VII в. [66, рис. 2, 42], в Поволжье - второй половиной VI - первой половиной VII вв. [102, рис. Л, 17; 0, 17], в Восточной Грузии - первой половиной VII в. [29, табл. XLIV], серебряные накладки в форме четырех соединенных полушарий, ближайшие аналогии которым на Северном Кавказе и в Поволжье датированы первой половиной VII в. [66, рис. 2, 22; 102, рис. 0, 10, 11], бронзовые овальные накладки из зеленого стекла в оправе из зерни (ближайший аналог - накладка из третьего хронологического этапа могильника Мокрая Балка, датированного второй половиной VII в.) [66, рис. 2, 16] и серебряные цельнолитые В-образные пряжки со щитками геральдического стиля, датируемые в рамках второй половины VI—VII вв. [65, табл. XIV, 7; 29, табл. XLIX]. Дата рассмотренного комплекса в рамках второй половины VI - первой половины VII вв. тем более важна, поскольку в той же могиле рядом, по-видимому, одновременно с воином была похоронена женщина, в инвентаре которой находилась крестовидная пластинчатая фибула с желобком на внутренней стороне спинки (рис. 29, 101), аналогии которой в Цебельде датировались рубежом VI—VII и первой половиной

VII вв. [16, рис. 9, 2; 10, 7; 11, 8] и амулетник-игольник, аналогии которому известны в Цебельдинских комплексах V-VI вв. [16, рис. 3, 8].

К той же группе памятников должно быть отнесено гудаутское погребение с мечем, подобным пыштинскому, и двумя «пламевидными» наконечниками копий (29). Близкие по форме меч и наконечники копий присутствуют и в упоминавшемся выше погребении Лар-1 вместе с инкрустированными пряжками второй половины VI - первой половины VII вв. [19, рис. 22]. «Пламевидный» наконечник копья найден на Шапкинском могильнике в сочетании с лощеным кувшином вытянутой формы [19, с. 70, рис. 18, 19], через который намечается тесная связь с группой женских позднецебельдинских погребений, датированных мною прежде VII в. [16, с. 190, рис. 12-14]. Отсюда через крестовидные пластинчатые фибулы с короткой ребристой спинкой цепочка синхронизации тянется через погребение Апушта-6 [12, рис. 6; 13, рис. 4, 16; табл. 1, 47] к упоминавшемуся уже погребению в с. Веселом (рис. 32, 58-62).

3.1.14. Таким образом удалось подтвердить в целом правильность хронологической схемы цебельдинских могильников, а вместе с ними и памятников II—VII вв. всего Западного Закавказья, разработанной А. К. Амброзом и автором. Вместе с тем в ряде случаев выявилась необходимость сдвига отдельных «узлов» этой схемы в сторону упозднения либо удревнения иногда в рамках столетия. Дальнейшее накопление фактов неизбежно должно привести к новым коррективам частного порядка. Однако важнейшие моменты, установленные раньше и подтвержденные вновь поступившими материалами - бытование одночленных подвязных фибул до конца IV в., широкое распространение в комплексах V в. проволочных крестовидных фибул, а в комплексах VI в. - крестовидных пластинчатых фибул, существованию в западнозакавказских могильниках выразительного яруса VII в. - вряд ли оспоримы.

162

1. Ломтатидзе Г. А. Некрополь II века н. э. в Клдеети. Тбилиси, 1957.
2. Цитланадзе Л. Археологические находки в селе Лиа (1968 г.). - Дзеглис мегобари: Тбилиси, 1973, №33.
3. Хоштариа Н. В. Чхороцку - могильник с трупосожжением (захоронения в урнах) и остатки поселений. - МИГК, 1941, вып. II.
4. Леквинадзе В. А. Богатое погребение конца VI века из Уреки (Грузия). - СА, 1975, №4.
5. Надирадзе Д. Ш. Археологические памятники Квирильского ущелья, Тбилиси: Мецниереба, 1975.
6. Воронов Ю. Н. Материалы по археологии Абасгии и Санигии (II—VII вв.). - МАА, 1979.
7. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси: Техника да шрома, 1949.
8. Гзелишвили И. А. Остатки кремации, погребенные в глиняных сосудах в Абхазии. - САНГ, 1947, т. VIII, №1-2.
9. Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей. Труды в 4-х томах, т.3. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
10. Шамба Г. К. Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху (по археологическим материалам некрополя Ахаччархва): Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1966.
11. Шамба Г. К. Ахаччарху - могильник нагорной Абхазии. Сухуми: Алашара, 1970.
12. Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Алуштинский могильник IV-VI вв. н. э. в Абхазии - СА, 1970, №1.
13. Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. - СА,

1971, №2.

14. Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V-IX вв.: Автореф. докторск. дис. М.: ИА АН СССР, 1974.
15. Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Погребение VII в. н. э. из с. Цебельда в Абхазии. - КСИА, 1971, №128.
16. Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии. - СА, 1973, №1.
17. Воронов Ю. Н. Из истории экономических связей Апсолии в VI—VII вв. (привозная стеклянная посуда из Цебельды). - КСИА, 1974, №138.
18. Воронов Ю. Н. Позднеантичные памятники села Азанта. - ТАГМ, 1974, вып. IV.
19. Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука, 1975.
20. Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт в могильниках Цебельдинской культуры. - СА, 1979, №1.
21. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Новые материалы VII в. из могильников Абхазии. - КСИА, 1979, №158.
22. Воронов Ю. Н. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н. э. - КСИА, 1979, №159.
23. Воронов Ю. Н. Диоскуриада-Себастополис-Цхум. - М., 1980.
24. Гунба М. М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1975.
25. Скалон К. М. Об одной находке в Абхазии. - АСГЭ, 1978, вып. 19.
26. Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды IV-V вв. и хронологии цебельдинских могильников. - КСИА, 1979, №158.
27. Вакау К. Bestattung eines vornehmen Kriegers vom 5. Jahrhundert in Lengyelototi (Komiát Somogy, kreis Marcali). - In: Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1978, t. XXX, Fasc. 1-2.
28. Пугуридзе Р. В. Позднеантичные археологические памятники Западной Грузии. - МАГК, 1959, вып. II.
29. Апхазова Н. И. Материальная культура раннесредневековой Грузии (вопросы археологической хронологии по данным украшений). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
30. Спицин А. А. Могильник V в. в Черноморье. - ИАК, 1907, вып. 23.
31. Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. - ИАК, 1909, вып. 33.
32. Иванова М. И., Голубев П. М. Находка в Лоо. - СА, 1961, №3.
33. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969.
34. Шамба Г. К. Погребение II в. из Мацесты. - СА, 1980, №2.
35. Шамба Г. К. Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе. - МАИА, 1974.
36. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. - Краснодар, 1979.
37. Воронов Ю., Гунба М., Бгажба О., Хрушкова Л. Итоги работ Цебельдинской археологической экспедиции. - ПАИ-1977. Тбилиси, 1980.

163

38. Иващенко М. М. Герзеульский клад монет Кесарии Каппадокийской. - ИГАИМК, 1931, т. VII, вып. 10.
39. Голенко К. В. Денежное обращение Колхиды в римское время. - Л.: изд-во ГЭ, 1964.
40. Дундуа Г. Ф. Монетные клады Грузии (Клады римских монет из сс. Эки и Сепиети). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
41. Амброз А. К. рец.: Faider-Feitmans G. Les necropoles merovingiennes. Les collections d'archeologie regionale du Musee de Mariemont. II. Kortrijk, 1970. - СА, 1975, №2.
42. Фролова Н. А., Николаева Э. Я. Ильичевский клад монет 1975 г. - ВВ, 1978, №39.
43. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. - САИ, 1966, вып. Д1-30.
44. Рамишвили Р. М. Археологические раскопки в Бичвинта (предварительный отчет

- раскопок 1958 г. на III участке). - МАГК, 1965, вып. IV.
45. Ettinger E. Die romischen Fibeln in Schweiz. - Bern, 1973.
46. L'art ancien de Humanite. Bijoux. - Geneve, 1973.
47. Великий Питиунт, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
48. Ведерников И. Тракийската Юзда. - Известия на археологическия институт. София, 1957, т. XXI.
49. Кравченко Н. М. Косановский могильник (по материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко в 1961-1964 гг.). - МИА, 1976, №139.
50. Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. - V в. н. э.). - САИ, 1970, вып. Д1-27.
51. Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В. О некоторых итогах полевых исследований в Колхидской низменности в зонах новостроек. - В кн.: Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
52. Сокольский Н. И., Стручалина Р. А., Голенко К. В. Третий Патрейский клад. - В кн.: Античный мир и археология. Саратов: изд-во СГУ, 1974, вып. 2.
53. Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников). - В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: Наука, 1974.
54. Винокур И. С. Ружичанский могильник. - В кн.: Могильники Черняховской культуры. М.: Наука, 1979.
55. Трапш М. М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Труды в 4-х томах, т. IV. Сухуми: Алашара, 1975.
56. Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды из могильника Харакс. - В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
57. Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья. - СА, 1971, №4.
58. Блаватский В. И. Харакс. - МИА, 1951, №19.
59. Веймарн Е. В. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. - В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев: Наукова думка, 1957.
60. Hardan D. V. Tomb-groups of glass of Roman date from Siria and Palestine. - In.: Iraq, London, 1949, vol. II.
61. Сорокина Н. П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. - В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Наука, 1963.
62. Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. К., Хрушкова Л. Г., Шенкао Н. К., Логинов В. А. Работы Цебельдинской экспедиции. - АО-1978. М., 1978.
63. Montanary G. V. Vetri antichi del Museo Nazionale di Ravenna. - Ravenna, 1967.
64. Ельницкий Л. А. О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья. - ВДИ, 1964, №2.
65. Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки. - САИ, 1979, вып. Е1-2.
66. Афанасьев Г. Е. Хронология могильника Мокрая Балка. - КСИА, 1979, №158.
67. Werner T. Katalog der Sammlung Diergardt. Bd. I. Die Fibeln. - Berlin, 1961.
68. Симанович Э. А. Итоги исследований Черняховских памятников в Северном Причерноморье. - В кн.: История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры (МИА, №139). М.: Наука, 1967.
69. Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. - М.-Л., 1935.
70. Fukai S., Horiuchi K. Tag-i-Bustan. t. II. - Tokio, 1972, Pl. LXVI-LXXI.

71. Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А. Археологические памятники Армазис-хеви по раскопкам 1937-1946 гг. - В кн.: Мцхета, т.

1. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1958.
72. Засецкая И. П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей. - КСИА, 1979, №158.
73. Генинг В. Ф. Тураевский могильник V в. н. э. (захоронения военачальников). - В кн.: Из археологии Волго-Камья, Казань, 1976.
74. Уманский А. П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыще. - В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири, Новосибирск: Наука, 1978.
75. Дмитриев А. В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска. - СА, 1979, №4.
76. Hayes J. W. Late Roman Pottery. - London, 1972.
77. Ament H. Frankische Agelsgraber von Flonheim in Rheinhessen. - Berlin, 1970.
78. Wojciachowski W Bron pierwotna i starozytna w Polsce. - Warszawa, 1973.
79. Воронов Ю. Н. Раскопки в Цебельде. - АО -1979, М., 1980.
80. Хрушкова Л. Г. Материалы по мелкой пластике средневековой Абхазии. - МАА, 1979.
81. Ross M. S. Catalogue of the Byzantine and earli medievae antiquites in the Dumbarton oaks collection, vol. II. Washington, 1965.
82. Воронов Ю. Н. Апсильский орнамент. -Апсны аказара, 1980, №1.
83. Werner T. Zu den dohaulandischen Beziehungen des alamannischen Graberfelds am alten Gotterbarmweg in Basel. - In: Helvetia antiqua. Zurich, 1966.
84. Айбабин А. И. Погребения второй половины V - первой половины VI вв. в Крыму. - КСИА, 1979, №158.
85. Orsi P. Byzantina Siciliae. - In: Bisantischen Zeitschrift. Berlin, 1912.
86. Шелов Д. Б. Выступление по проблемам хронологии памятников. - КСИА, 1979, №158.
87. Пудовин В. К. Датировка нижнего слоя могильника Суук-су. - СА, 1961, №1.
88. Гольдина Р. Д. Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме. - ВАУ, 1970, вып.9.
89. Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. - В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.
90. Werner T. Nomadische Giirtel bei Persen, Bizantinen und Langobarden.- In: Problemi attuali di scienza e di cultura, quaderno №189. Atti del convegno internazionale sul tema: La civiltà dei langobardi in Europa. Roma. 1974.
91. Vinski Z. Kasnoantieki starosjedoci u Salonitanskoj regiji prema archeoloskoj ostarstini predslavenskoj Supstrata. - In: Vjesnik za archeologiji i historiji dalmatinsku, Beograd, 1974, t. LXIX.
92. Засецкая И. П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья. - СА, 1968, №2.
93. Распопова В. И. Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв. КСИА, 1970, №122.
94. Kovrig J. Deux tombes avars de Torokbalint. - FA, 1958, t. IX.
95. Бобринский А. А. Перещепинский клад. -МАР, 1914, вып.34
96. Иессен А. А. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе. - МИА, 1965, №125.
97. Ковалевская В. Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI-XI вв. как знаковой системы. - В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
98. Рыбаков Б. А. Древние русы. - СА, 1953, т. XVII.
99. Монгайт А. Л. Археологические заметки. - КСИИМК, 1951, №XLI.
100. Маршак Б. И., Скалон К. М. Перещепинский клад. Л.,: изд-во ГЭ, 1972.
101. Stain F. Awarisch - merowingische Beziehungen. - SZAUSAV, 1968, Bd.16.
102. Генинг В. Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья). - КСИА, 1979, №158.
103. Welkov T. Eine Gotenfestung bei Sadowetz (Nordbulgarien). - In: Germania, Berlin, 1935.
104. Wetters H. Dacia Ripensis. In: Schriften der Balkankommission. Antiquarische Abteilung. Wein, 1950, t. XI.

ГЛАВА 2. ИЗ ИСТОРИИ ПОНТИЙСКОГО ЛИМЕСА (СЕБАСТОПОЛИС, ПИТИУНТ В IV-VI ВВ.)

3.2.1. Объединение приморских римско-византийских укреплений в единую оборонительную систему, получившую название «Понтийский лимес», впервые осуществлено в 1969 г. В. А. Леквинадзе [1, с. 75-93], который обосновал гипотезу, согласно которой эта система, включавшая в себя в эпоху своего расцвета (IV-V вв. н. э.) более десятка приморских укреплений, функционировала в Западном Закавказье без существенных перерывов от третьей четверти I в. н. э. до середины VI в. н. э. как оплот сначала римлян, а затем византийцев на этой территории [2, с. 5-20; 3; 4; 5; 6; 7]. Эта точка зрения, однако, все еще не получила необходимого признания. Если большинство исследователей признает присутствие в конце I - начале III вв. н. э. римских гарнизонов в Апсаре, Фасисе, Себастополесе и Питиунте, то с середины III или, во всяком случае, со второй половины IV вв. н. э. эти пункты рассматриваются в качестве местных (лазских) городов, в которых римско-византийские гарнизоны отсутствовали. Н. Ю. Ломоури, например, в этой связи пишет: «В отличие от В. А. Леквинадзе, который считает прибрежные города (Фасис, Себастополис, Питиунт) и ряд крепостей Лазики I-VI вв. римскими крепостями, где квартировались римские воинские подразделения, мы причисляем эти пункты к местным городским центрам и укреплениям, при которых лишь в определенное время, в частности в I-III веках, а затем, после длительного перерыва, с 20-х годов VI в. действительно размещались римско-византийские гарнизоны; но и тогда эти пункты оставались местными городскими центрами и укреплениями» [8, с. 78.]. «Во II в. н. э. на территории Колхиды, - пишет в другом месте Н. Ю. Ломоури, - образовалось несколько самостоятельных царств, вассальных по отношению к Риму. Последний уже не имел достаточных сил противиться стремлению местных правителей к самостоятельности и он был вынужден признать независимость этих царств» [9, с. 233]. Близкой позиции придерживается А. М. Апакидзе, который представляет Питиунт в первые века его существования как местный город, население которого было вынуждено в силу исторической обстановки пойти на союз с римлянами. «Очевидно следует признать, - пишет исследователь, - сосуществование в Питиунте... римской крепости и большого (местного - Ю. В.) торгового города... Питиунт был заинтересован в присутствии римского гарнизона и существовании хорошо укрепленной римской крепости...» [10, с. 13]. В конце IV в., по А. М. Апакидзе, рассматриваемая территория вошла в «политические границы» Лазского царства и лишь в первой половине VI в. здесь «опять стоит византийский гарнизон» [10, с. 20-21]. Эта точка зрения совпадает с более ранними высказываниями О. Д. Лордкипанидзе («к этому времени (середина III в. н. э. - Ю. В.)...фактически приходит конец римскому господству в Восточном Причерноморье и в IV в. зависимость Колхиды носит уже формальный

характер...на территории нынешней Западной Грузии складывается новое независимое государство местных племен - Лазское царство» [11, с. 53], М. П. Инадзе («к концу IV века н. э. ...из прибрежных городов были вытеснены римские гарнизоны» в результате усиления Лазского царства [12, с. 264] и других исследователей (С. Н. Джанашиа и др.) [13, с. 307-317; 14, с. 384-385].

3.2.2. Историческая перспектива, вырисовывающаяся на фоне вполне определенных свидетельств письменных источников и результатов археологического исследования Себастополеса и Питиунта, говорит в пользу гипотезы В. А. Леквинадзе. Рассмотрим эти

свидетельства сначала применительно к периоду, когда предполагается вытеснение римских гарнизонов из этих укреплений и превращение их в лазские города. Вскоре после опустошительного нашествия готов (середина III в. н. э.) Пителиунт восстанавливается и благоустраивается, строится канаба-посад, подобные которому возникали обычно возле римских пограничных крепостей на всех границах римской империи [1, с. 79-80; 15, с. 102; 16, с. 116]. Укрепления полукруглой в плане канабы Пителиунта образуют единую оборонительную систему с кастеллом, восстановление восточной стены которого указывает на сохранение за кастеллом его прежней функции как гарнизонного укрепления. Канаба же предназначалась для размещения отставных легионеров со своими семьями. Основной строительный слой оборонительных сооружений восстановленного Пителиунта обычно датируется рубежом III- IV [10, с. 19] или скорее первой половиной VI в. н. э., о чем говорит веерообразная форма угловых башен кастелла, характерная для фортификационного строительства эпохи Константина Великого [1, с. 85]. Последнее наблюдение тем более важно, поскольку в 330 г. столица Римской империи переносится в Константинополь, а это обстоятельство не могло не способствовать усилению внимания римской администрации к Понтийскому лимесу. Проримская ориентация всего жизненного ритма Пителиунта в конце III- IV вв. н. э. помимо архитектуры и массового материала (амфоры, кухонная и столовая посуда, подзеримские провинциальные бронзовые фибулы и др.) хорошо подчеркивается данными нумизматики. Ко второй половине III века относится более сотни монет, из которых абсолютное большинство составляют собственно римские антонианы (формально серебряные, но фактически медные номиналы) [17, с. 413-424], которые служили средством оплаты солдатам Пителиунтского гарнизона и совершенно не воспринимались внутренним рынком Колхиды. В IV в., особенно после переноса столицы империи в Константинополь, монета для выдачи зарплаты гарнизону Пителиунта поступает в основном со стороны Малой Азии - из более чем пятисот в большинстве медных монет этого времени половина относится к чекану Антиохии, Никомедии, Кизика и Константинополя. Часть этих монет найдена в составе клада, зарытого в период не ранее 60-70-х годов IV в., т. е. в период, отмеченный на территории канабы Пителиунта новыми пожарами и разрушениями (III участок), связываемыми с эпохой гуннских нашествий,

167

одна из волн которых, возможно, докатилась в конце IV в. и до Пителиунта [18, с. 302-302]. Однако и теперь эти разрушения - лишь эпизод в жизни Пителиунта, который на рубеже IV-V вв. вновь предстает в источниках как крупный опорный пункт римлян в Западном Закавказье. В этот период здесь согласно *Notitia Dignitatum* была размещена когорта легионеров (*Ala Felix Teodosiana*) [1, с. 85]. Размеры укрепления и упоминание Пителиунта первым в упомянутом списке римских укреплений Западного Закавказья дают повод исследователям предполагать о размещении в Пителиунте в конце IV - начале V вв. н. э. «центрального командования целой группы гарнизонов, ... расположенных к северу от реки Фасис» [1, с. 86]. Эти факты вполне согласуются с тем значением, которое эта оборонительная система должна была приобрести в эпоху нашествий гуннов, которые использовали кавказские перевалы в своих набегах на восточные провинции империи. Аналогичная Пителиунту ситуация прослежена и в Себастополесе. Концом III—IV вв. датируют исследователи строительство западного наиболее крупного кастелла (крепость II) [2, с. 11; 19, с. 303], служившего, возможно, при более раннем укреплении канабой - огражденным пространством, где размещались торговцы, ремесленники и другие лица, связанные своими занятиями с военным лагерем, а также семьи легионеров-отставников. Судя по выявленным остаткам, новая крепость представляла собой укрепленный башнями квадрат со стороной в 140 м., стены которого, имевшие у основания толщину до 2 м., сложены из гранитных валунов на прочном известковом растворе. Основание стен

опирается на подушку из извести с гравием, песком и толченым кирпичом, которую подпирают 1,5-2-метровые деревянные сваи, уплотнявшие грунт. Поэтому и сегодня эта стена, в отличие от стен первой, древнейшей крепости, стоит без перекоса. Стены западной башни сложены смешанной кладкой - сохранилось три трехрядных кирпичных пояса, а также «бетонный» пояс из цемянки, вторая башня до своего разрушения имела кирпичные междуэтажные перекрытия. Поскольку обе рассматриваемые башни обращены в сторону моря, а от угловой поперечная стена, судя по опубликованным данным [19, рис. 46], уходит не в сторону моря, а в глубь суши, можно думать, что основная часть второй крепости Себастополиса находится под современной Сухумской крепостью [20, с. 89-90], а не разрушена почти полностью морем как это обычно считается [19, с. 302]. Это мое наблюдение получило подтверждение раскопками М. М. Гунба в 1981 г., который выявил в северо-восточном углу турецкой крепости стены рассматриваемого укрепления и обильный импортный материал V-VI вв. Общий размер этого укрепления, охватывавшего площадь до 2-2,5 га, вполне соответствует указанию источников о размещении здесь на рубеже IV-V вв. когорты легионеров (*choros prima Claudia equitata*) [2, с. 11]. Культурные напластования IV - начала V вв. характеризуют Себастополис как довольно крупный военный, ремесленный и торговый центр [19,

168

с. 298-362; 21, с. 217-218]. Об этом свидетельствует многочисленная тарная, столовая и кухонная посуда, светильники, строительная керамика как импортного происхождения, так и изготовленная на месте по общепричерноморским и восточносредиземноморским образцам. На территории второй крепости выявлена печь для обжига керамики, топочная камера которой имела форму канала с восьмью ответвлениями. Печь была построена в период не ранее второй половины IV - начала V вв. н. э. и использовалась длительный период, о чем свидетельствуют следы ее неоднократного ремонта [22, с. 248-250].

Конкретными указаниями на присутствие в крепости в IV - начале V вв. постоянного римского гарнизона могут служить костяные кубики, связанные с популярной в среде римских солдат игрой в кости, Т-образные позднеримские воинские фибулы IV в. н. э., подобные которым широко известны во всех районах дислокации римских войск (провинции Дуная и Рейна, Галлия, Англия, Италия, Северная Африка, Сирия и др.) [23, с. 75]. Из нумизматических находок примечательна монета императора Аркадия (385-408 гг.) [19, с. 307].

В рассматриваемый период воинский гарнизон продолжал занимать и укрепление в 2,5 км северо-западнее Себастополиса («башня Одынец») [19, с. 314-359], где выявлены выразительные материалы IV-V вв. - обломки амфор, лутериев, кувшинов, горшков, краснолаковых мисок и тарелок, черепицы исключительно римско-византийского облика. Примечательны обломки ручной круглой мельницы, широко известной в римском мире (Остия, Помпея, Харакс, Ольвия и др.) [24, с.38-39]. Здесь же найден светильник из местной глины, на котором сохранилась греческая надпись, которая в переводе С. Г. Каухчишвили читается: «Давай поклоняйся владыке Гермесу ради спасения» [25, с. 228], а в переводе А. А. Ельницкого: «Соверши поклонение всемогущему Гермесу Меркурию о спасении (души)» [26, с. 231]. Как видно, в то время, когда в Питиунте уже несколько десятилетий существовала христианская епископская кафедра, в гарнизоне Себастополиса преобладали враждебные христианству течения, отражением которых является ритуальный текст на светильнике.

3.2.3. По представлениям большинства исследователей Питиунт в V веке приходит в полное запустение [27, с. 121; 28, с. 255; 29, с. 118], а его «контакты... с восточной частью Византийской империи, и вообще с внешним миром носят весьма ограниченный и даже случайный характер» [30, с. 333]. Вывод этот делается на том основании, что здесь «редко

встречаются иноземные монеты и образцы чужестранной керамики» [10, с. 20]. Действительно, нумизматический материал V в. в Питиунте пока крайне малочисленен (всего десяток медных монет Аркадия (395-408 гг.), Феодосия II (408-456 гг.) и его супруги. Однако делать на этом основании вывод об отсутствии в Питиунте в рассматриваемое время римского гарнизона нельзя, поскольку аналогичная закономерность отмечена и в отношении других провинций Империи, например, в Паннонии, где с конца IV в. про-

169

слежен переход на использование старых монет [31]. Поэтому не исключено, что какая-то часть монет IV в., выявленных в Питиунте, должна характеризовать денежное обращение V в. Еще более определенно решается вопрос в отношении керамического материала. Прежде всего нужно упомянуть тот тип краснолаковых блюд с вертикальным массивным венчиком с наружной насечкой, который появляется в Питиунте в период «не ранее конца IV в. и широко распространен в V в.» [28, с. 254, рис. 14, 17]. Правда О. Д. Лордкипанидзе отнес эту посуду к продукции местного питиунтского «локального центра производства краснолаковой керамики» [28, с. 254-255]. Однако существование этого центра последующими исследованиями не подтвердилось [10, с. 88, 91, 92]. В то же время такой тип посуды, согласно последним разработкам входит в наиболее позднюю группу краснолаковых изделий Средиземноморья (V—VII вв. н. э.) [32, р. 323, Табл. 67,2,7,9; 68,13]. Аналогично и положение обломков днищ ранневизантийских сосудов с изображением различных раннехристианских символов - животных или птиц, а также крестов и хризм [28, с. 19-22; 33, табл. 13, 3, 4], появляющихся в период «не ранее начала V в. н. э.» [34, с. 36, 35]. Таким образом уже только на основе краснолаковой посуды можно говорить о достаточно широких и стойких контактах Питиунта со Средиземноморьем (в рамках Византийской империи) на протяжении всего V в. н. э. Имеется такая возможность и в отношении других видов керамики Питиунта. Здесь, например, широко представлены обломки амфор предположительно самосского происхождения, датируемые исследователями IV и VI вв. н. э. [36, с. 275, рис. 62-63]. Однако в этой коллекции можно указать ряд переходных форм, характерных для V в. н. э. [37, pl. 17, L50; 33, M335; 34, M373; 38, Fig.4, 5, 39, ill.67], К тому же времени относится часть светильников. Наличие достаточно четко ориентированного горизонта V в. н. э. в Питиунте подтверждается и исследованиями Г. А. Лордкипанидзе [41, с. 462; 42, с. 484; 43, с. 500].

Говоря о наличии целого комплекса свидетельств, говорящих против тезиса об упадке и запустении в Питиунте в V в. н. э., нельзя обойти молчанием широко известный комплекс его раннехристианских памятников. Единства взглядов на историю этого интересного комплекса в рамках IV-VI вв. не существует. А. М. Апакидзе утверждает, что «храмы с самого начала не были включены в систему укрепления» и что «храм был сооружен в отдалении от кастеллума вне укрепления», а позднее, «когда возникает необходимость в расширении укрепленной части города, ...новая ограда подходит настолько вплотную к храму, что упраздняются входы в храм с южной стороны» (это, должно быть, произошло в конце III и в начале IV вв. н. э.) [10, с. 19], т. е. датирует древнейший храм и базилику с мозаикой временем ранее рубежа III—IV вв. н. э. Иной точки зрения придерживается И. И. Цицишвили, который появление древнейшего храма Питиунта датирует первой третью IV в. н. э., а его разрушение серединой IV в., строительство базилики с мартирием, мозаикой и колоннами и ее разрушение относит ко

170

второй половине IV в. н. э., строительство и разрушение третьей базилики с

четырёхгранными столбами датирует концом IV в. н. э. (основной аргумент: «к концу IV в. ...Пицунда полностью разрушается»), а постройку и разрушение четвертого, малого храма относит к первой половине IV в. н. э. [29, с. 118]. В. А. Леквинадзе датировал базилику с колоннами началом IV в., а связанную с нею мозаику - концом V - началом VI в. н. э., базилику же со столбами отнес к первой половине VI в. н. э. («до 542 г.») [6; 7]. Л. А. Мацулевич, определивший пицундскую мозаику как памятник «грузинского искусства», выделил в ней два слоя - ранний (в восточной части базилики), который он датировал «не поздним IV в.», и поздний (в западной части базилики) - не ранее V в. н. э. [44, с. 100-168]. Л. А. Шервашидзе, также рассматривающий эту мозаику как создание местной (т. е. аборигенной, а не ранневизантийской, как это делают И. И. Цицишвили и В. А. Леквинадзе) школы мозаичистов, датирует ее временем не ранее конца V-VI вв. н. э. [45, с. 169-193]. Наконец, Т. С. Каучишвили на основе достаточно серьезных сопоставлений относит надпись Пицундской мозаики к кругу памятников не ранее V-VII вв. н. э. [46, с. 231-241].

При реконструкции реальной картины развития христианских памятников Питиунта нужно учитывать следующие моменты: а) следы разрушений, с которыми можно связать превращение в руины древнейшего храма Питиунта, датируются исследователями последней четвертью IV в. н. э. и связываются с нашествием гуннов [17, с. 429; 30, с. 304]; б) абсолютное большинство исследователей (кроме Л. А. Мацулевича, располагавшего наиболее ограниченной суммой сведений о памятнике) настаивает на одновременности всех частей мозаики второго Питиунтского храма [7, с. 174; 29, с. 116; 45, с. 170]; в) в этой мозаике преобладают черты, указывающие на V век н. э. как на наиболее раннюю дату мозаики [2, с. 14; 45, с. 185; 46, с. 238]; г) тесная преемственность в планах второй и третьей базилик должна говорить о незначительном промежутке между разрушением второй базилики и сооружением третьей, в которой присутствуют черты, неизвестные среди памятников древнее IV в. н. э. [2, с. 16]; д) христианские контакты Питиунта фиксируются до VIII в. н. э., в то время как наиболее поздним в системе христианских древностей здесь является так называемый «малый» храм, возведенный после основательного разрушения третьей базилики [29, с. 118, рис. 10]. В отношении культурной принадлежности пицундской мозаики (местная или ранневизантийская) вряд ли могут быть два мнения - сюжеты, орнамент, стилистические особенности и техника исполнения прочно вводят эту мозаику в круг ранневизантийских памятников. Нет ничего удивительного в присутствии на пицундской мозаике двух-трех элементов, которым исследователи пока не смогли подобрать прямых аналогий среди синхронных мозаик Средиземноморья. В данном случае важны не эти элементы, а общий характер пицундской мозаики, который позволяет считать наиболее правильной ту точку зрения, согласно которой «утверждать о на-

171

личии местной школы мозаичистов пока нет достаточных оснований» [29, с. 117].

Следовательно и христианские памятники в своих наиболее выразительных деталях (мозаика) свидетельствуют о прочных связях Питиунта с византийским культурным миром в V в. н. э.

Аналогичная ситуация намечается и в отношении материалов Себастополуса, где, например, в средней башне первого укрепления верхний слой накоплений был датирован первоначально IV-V вв. н. э. на основании найденных здесь краснолаковых тарелок с изображениями христианского креста на днищах и бронзовых пластинчатых крестовидных фибул [19, с. 312, 351]. Однако в последнее время в отношении подобных изделий установлена более поздняя дата - краснолаковые тарелки с крестами оказались характерными для комплексов V-VI вв. [34, с. 34-36; 35, с. 110-113], в то время как одна из упомянутых фибул относится к типу с треугольной спинкой, подобные которой на

территории Грузии появляются в период не ранее V в. н. э. [47, табл. XLIV]. С тем же слоем Себастополиса связаны хранящиеся в фондах Абхазского Государственного музея и, к сожалению, пока не опубликованные обломки стеклянных чаш с синими каплями и сотчатым орнаментом, бронзовые крестовидные проволочные фибулы, краснолаковые и краснолощеные кувшины, донья самосских амфор и другие материалы, дата которых в рамках V в. достаточно обоснована. Как справедливо отмечал М. М. Трапш, «между интересующими нас культурными слоями, относящимися к позднеантичному и ранневизантийскому времени..., нет стратиграфического разрыва» [19, с. 310].

3.2.4. В первой половине VI в. н. э. Питиунт и Себастополис сохраняют свое значение гарнизонных укреплений - до 542 г. согласно совершенно определенному сообщению Прокопия Кесарийского (BG, VIII, 4) здесь стояли византийские отряды. К этому времени относят исследователи в Питиунте постройку восьмиугольной башни, восстановление верхней части крепостной стены, сооружение бани, печи для обжига керамики и некоторых других жилых и хозяйственных объектов [2, с. 12; 30, с. 333]. В этот период отмечается сильный приток византийской меди, в основном Юстина I и Юстиниана I (86 монет [30, с. 329]). Достаточно выразительны накопления VI в., н. э. в башне №4, где найдены пластинчатые крестовидные фибулы [48, рис. 23, 3; 25, 1-3], распространяющиеся в Западном Закавказье с VI в. н. э. [49, с. 110], и амфоры с перехватом и цилиндрической формой [48, рис. 24, 2; 190], также характерные для VI в. н. э. [38, Fig. 12, 4-6; 19, 4]. К этому времени относится и часть краснолаковых блюд и доньев самосских амфор. Среди материалов Себастополиса известны обломки стенок рифленых амфор, характерных для VI в. н. э. [50, с. 273-276, табл. V, 49, 52]. В 555 г. византийский гарнизон вновь был дислоцирован в Себастополисе и тогда, по словам Прокопия Кесарийского (О постройках, III, 7), «император Юстиниан этот Себастополь, который прежде был только крепостью, заново весь перестроил... сделал его теперь одним из самых замечательных

172

городов». К сожалению, при раскопках 1959 г. на территории Сухумской крепости следов этого расцвета города обнаружить не удалось. К соответствующему времени может быть отнесена лишь крепость III, первоначально датированная концом IV в. и занимающая центральное положение в общем комплексе построек Себастополиса [19, с. 310]. Главной особенностью этого укрепления, охватывавшего площадь около 0,6 га, являются прямоугольные выступы по углам, характерные для византийских крепостей VI-X вв. [51, с. 173].

3.2.5. Безусловно, гарнизоны Питиунта и Себастополиса, а также население их канаб находились в самых тесных контактах с местным этническим окружением, которое, согласно источникам, составляли во II—VII вв. н. э. абасги и апсилы. Однако в ближайших окрестностях Питиунта пока не выявлено ни одного поселения или могильника абасгов. В материалах Питиунта исследователями до сих пор не выделялись изделия, которые можно было бы связать с аборигенным населением. По моим наблюдениям, однако здесь присутствуют достаточно выразительные обломки, которые обнаруживают сходство с посудой апсильского облика. Среди них венчик небольшого пифосовидного сосуда, двуствольная ручка горшка с насечкой, фрагмент ручки кувшина с чашечкообразным венчиком, основание ручки кувшина с нарезным орнаментом, обломки стенок двухручных сосудов или пифосов, украшенных волнистым орнаментом, опубликованные среди кухонной посуды Питиунта [33, табл. 36, 2; 37, 10; 39, 7-9; 14; 40, 3, 9], и ручка от двухручного сосуда [52, рис. 27, 3], опубликованная среди краснолаковой посуды Питиунта [53, рис. 240]. Неожиданного в этом ничего нет, поскольку апсильского облика изделия получили в рассматриваемом регионе довольно широкое

распространение (Ачандара, Красная Поляна и др.) [54, с. 62, табл.1,3; 55, с. 79, рис. 40, 4]. В соответствующих пластах Севастополиса также известны обломки апсильских пифосов и кувшинов [129, табл. 1, 6]. Однако среди известных поселений апсильцев ни одно в этот период не находилось к Севастополису ближе, чем на 7-10 км [20, с. 93-94, рис. 26; 52, с. 18-46]. Следовательно, как и в I-III вв. н. э., в IV-VI вв. вокруг римско-византийских крепостей сохранялась широкая полоса, совершенно лишенная местного населения.

3.2.6. Таким образом материалы по истории и археологии Севастополиса и Питиунта - наиболее исследованных узлов Понтийского лимеса - полностью подтверждают сообщение Прокопия Кесарийского о том, что с момента своего основания и вплоть до середины VI в. н. э. эти крепости сохраняли свое основное значение как оплот римлян, а затем византийцев на побережье (BG, VIII, 4). Какие либо реальные следы политического или культурного воздействия со стороны Лазского царства на облик Севастополиса и Питиунта как в источниках, так и в археологическом материале отсутствуют. Если и можно говорить о контактах с аборигенным населением, то лишь в отношении проживавших в непосредственной близости от рас-

173

считываемых пунктов апсильцев и абасгов. В то же время Севастополис и Питиунт в своих материалах предстают как значительные римско-византийские военные, ремесленные, торговые и культурные центры. Наличие канав, а также остатки сооружений и культурные слои вне крепостных стен свидетельствуют о существовании при укреплениях довольно крупных в основном греческих поселков, основное население которых составляли солдаты-отставники, ремесленники, торговцы, священнослужители, переводчики и т. д. со своими семьями и их потомки. Население этих центров часто бывало, по-видимому, избыточным и различными способами, в том числе, конечно, и путем заключения браков с аборигенами, греки постепенно распространялись и во внутренних областях Западного Закавказья. Об этом совершенно определенное сообщение находим у Прокопия Кесарийского в отношении абасгов: «римские воины, посылаемые императором и уже давно расселившиеся среди них во многих пунктах, сочли возможным присоединить эту страну к владениям римской империи; вместе с тем они ввели у них некоторые новые порядки» (BG, VIII, 9). Такая ситуация вряд ли могла возникнуть в условиях постулируемого некоторыми авторами без всяких оснований вытеснения с этой территории византийцев лазами еще в IV в.

-
1. Леквинадзе В. А. Понтийский лимес. - ВДИ, 1969, №2.
 2. Леквинадзе В. А. Монументальные памятники Западной Грузии I—VII вв.: Автореф. докторск. дис. М.: ИААН СССР, 1973.
 3. Леквинадзе В. А. Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости. - ВВ, 1961, т. XX.
 4. Леквинадзе В. А. По поводу римских крепостей в Восточном Причерноморье. - САНГ, 1965, т. XI.
 5. Леквинадзе В. А. Оборонительные сооружения Севастополиса,- СА. 1966, №1.
 6. Леквинадзе В. А. О некоторых сооружениях древнего Питиунта. - КСИА, 1968, №113.
 7. Леквинадзе В. А. О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках. - ВДИ, 1970, №2.
 8. Ломоури Н. Ю. К выяснению некоторых сведений Notitia dignitatum - ТГУ, 1971, т. 162.
 9. Ломоури Н. Ю. К вопросу о характере римского влияния в Восточном Причерноморье. - В кн. Тезисы докладов XIV Международной конференции античников социалистических

стран (Эйренэ). Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1976.

10. Апакидзе А. М. Великий Питиунт. Археологические раскопки в Пицунде. - В кн.: Великий Питиунт, т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1978.

11. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Грузия (торгово-экономические и культурные взаимоотношения со второй половины II тысячелетия до н. э. до III—IV вв. н. э.). Историко-археологическое исследование: Автореф. докторск. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1966.

12. Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси: Мецниереба, 1968.

13. Джанашиа С. Н. Труды. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1953, т. II.

14. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1959.

174

15. Златковская Т. Д. Мезия в I-II вв. н. э. М.: изд-во АН СССР, 1951.

16. Кругликова И. Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

17. Дундуа Г. Ф. Монетное обращение и торгово-экономические связи Бичвинта по нумизматическим данным во II в. до н. э. -IV в. н. э. - В кн.: Великий Питиунт, т. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1975.

18. Цухишвили И. А. Клад позднеимских монет из Пицунды. - В кн.: Великий Питиунт, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1977.

19. Трапш М. М. Древний Сухуми. Труды в 4-х томах, т. II. Сухуми: Алашара, 1969.

20. Воронов Ю. Н. Диоскуриада-Себастополис-Цхум. М.: Наука, 1980.

21. Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса.-ТАИ, 1963, т. XXXIII-XXXIV.

22. Трапш М. М. Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. - ТАИ, 1963, т. XXXIII-XXXIV.

23. Амброз А. К. Фибулы Юга Европейской части СССР. - САИ, 1966, вып. Д1-30.

24. Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М.: Наука, 1961.

25. Каухчишвили С. Г. Греческая надпись на сухумском светильнике. - ТАИ, 1957, т. XXVIII.

26. Ельницкий Л. А. Новые документы антихристианской реакции в Римской империи в IV в. н. э. - СА, 1962, №4.

27. Рамишвили Р. Археологические раскопки в Бичвинта. - МАГК, 1965, вып.1.

28. Лордкипанидзе О. Д. Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды (основные типы и их датировка). - Мацне, 1962, №1.

29. Цицишвили И. И. Комплекс церковных сооружений в Пицунде. - В кн.: Великий Питиунт, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1977.

30. Цухишвили И. А. Византийские монеты «Великого Питиунта». - В кн.: Великий Питиунт, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1977.

31. Soproni S. Uber den Munzumlauf in Pannonienzu Endedes4. Jahrhunderts. - In: Folia archaeologica. Budapest, 1969, t. XX.

32. Hayes J. W. Late Roman Pottery. London, 1972.

33. Великий Питиунт. Т.1. Тбилиси Мецниереба, 1975.

34. Беляев С. А. Краснолаковая керамика Херсонеса IV-VI вв.-В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968.

35. Николаева Э. Я. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища. - КСИА, 1978, №6.

36. Бердзенишвили К. И., Путуридзе Р. В. Пицундские амфоры (каталог). - В кн.: Великий Питиунт, т. I. Тбилиси: Мецниереба, 1975.

37. Robinson H. S. Pottery of the Roman Period. Chronology.- In.: The Atenian Agora. Princeton, 1959, vol. V.

38. Scorpan C. Contribution a la connaissance de certains types ceramiques romano-bizantis

- (VIe—VIIe siècle) dans l'espace Istro-Pontique - In: Dacia, N. S., Bucarest, 1977, t. XXI.
39. Amphoras and the ancient wine trade. - Princeton-New-Jersey, 1961.
40. Кигурадзе Н. Ш. Светильники из городища Пицунды.- В кн.: Великий Питиунт, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
41. Апакидзе А. М., Лордкипанидзе Г. А. Работа Пицундской экспедиции. - АО - 1976. М., 1977.
42. Лордкипанидзе Г. А. Раскопки в Пицунде. -АО-1977, М.,1978.
43. Лордкипанидзе Г. А. Работа Пицундской экспедиции. -АО-1978. М., 1979.
44. Мацулевич Л. А. Мозаики Бичвинты - Великого Питиунта. - В кн.: Великий Питиунт, т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
45. Шервашидзе Л. А. Пицундская мозаика. - В кн.: Великий Питиунт, т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
46. Каухчишвили Т. С. Греческая надпись Бичвинтской мозаики.— В кн.: Великий Питиунт, т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
47. Апхазова Н. И. Материальная культура раннесредневековой Грузии (Вопросы археологической хронологии по данным украшений), Тбилиси: Мецниереба, 1979.

175

48. Гамбашидзе О. С. Результаты археологических раскопок на VII участке города-крепости Бичвинта. - В кн.: Великий Питиунт, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
49. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. - СА, 1971, №2.
50. Минчев А. Амфоры от IV-VI вв. в Варненский музей. - Известия на народня музей Варна. Варна, 1972, т. VIII (XXIII).
51. Леквинадзе В. А. О постройках Юстиниана в Западной Грузии.-ВВ, 1973, т. 34.
52. Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М.: 1975.
53. Великий Питиунт, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
54. Гунба М. М. Новые памятники Цебельдинской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
55. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1978.

176

ГЛАВА 3. РАСКОПКИ ЦИБИЛИУМА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ КОЛХИДЫ В VI В.

3.3.1. Тзибила, Тибелия, Тцибилум, Тцибилон, Тцибила, Цибил, Цибиллий, Цибилиум, Цебельдинская крепость [1, с. 403; 2, с. 118; 3, с.2; 4, с. 77-81; 5, с. 85; 6, с. 147; 7 с. 123; 8, с. 137; 9, с. 7; 10, с. 17; 11, с. 80; 12, с. 60; 13, с. 32-35; 14, с. 22-23] - под всеми этими названиями в трудах древних и современных авторов выступает огромная крепость, расположенная в 3 км восточнее современного села Цебельда Гульрипшского района Абхазии. Крепость занимает два утеса на краю Кодорского ущелья. Древние оборонительные стены охватывают эти утесы с запада (60 м), с севера (350 м) и, частично, с востока (50 м). С юга крепость защищена неприступным каскадом скал, протянувшихся в длину почти на 400 м (рис. 34,а). Вблизи крепости сохранились следы древней дороги, функционировавшей с античной эпохи вплоть до конца XIX века в качестве основного пути от побережья Черного моря к перевалам Большого Кавказа (Марух, Клухор, Нахар). Основная функция крепости, несомненно, связана с охраной этой дороги. Одно из первых упоминаний об оборонительных сооружениях Цибилиума в отечественной литературе относится к 1851 году, когда дальский князь Баталбей Маршания привел сюда адмирала Л. И. Серебрякова [15, с. 96]. В 1907 г. А. А. Миллер

впервые кратко описал Цибилиум и сопоставил его с главной крепостью Апсилии Тзибила, упоминаемой Прокопием Кесарийским в связи с событиями середины VI в. н. э. [4, с. 77-81]. Позднее здесь вели разведки М. М. Иващенко, В. И. Стражев, Л. Н. Соловьев, И. А. Гзелишвили [16, с. 99], В. А. Леквинадзе, датировавший крепость IV в. [8, с. 137-139], В. П. Пачулиа [6, с. 147; 7, с. 123] и, наконец, автор, проводивший здесь в 1958-1976 гг. краеведческие наблюдения [12, с. 60, табл. III—V; IX, 9-11; XI,4; 13, с. 19,32-35, 42-44; 14, с. 22-23; 14, с. 144-147].

В 1977-1981 гг. экспедиция Абхазского института ЯЛИ им. Д. И. Гулиа и Абхазского Государственного музея осуществила под моим руководством значительные работы по расчистке комплекса оборонительных сооружений в западной части крепости Цибилиум [18, с. 478; 19, с. 498; 20, с. 244-247; 21, с. 2-5; 22, с. 432; 23, с. 14; 24, с. 398-399]. Этот комплекс включает две параллельные оборонительные стены - главную и протейхизму, перибол, три башни, два помещения - сторожевое за башней №1 и жилое за башней №2, коридор над обрывом, несколько входных проемов, остатки каменных лестниц, храмы, накопитель, двухэтажное жилое здание, лестницу и другие объекты (рис. 34, 1-17). Цибилиум является фактически первым памятником в ряду подобных сооружений Западного Закавказья (Археополь, Родополис, Сканда, Сарапанис и др.), где получены достаточно четкие данные культурно-хронологического порядка, позволяющие правильно оценить место и значение этих сооружений в истории Колхиды.

3.3.2. Характернейшими элементами рассматриваемого комплекса

177

являются протейхизма (рис. 34, 3) и связанный с ней перибол. Идея двойных стен была сформулирована в греческом мире еще задолго до н. э. Так Филон Византийский в III в. до н. э. писал: «Система «двойных стен» пригодна тогда, когда город, в котором надлежит возвести укрепления, имеет выступающие вперед и отступающие назад части» (VIII, 2). Планировка протейхизмы Цибилиума (как и Археополиса) осуществлена в соответствии с правилом, о котором писал в конце IV - начале V вв. н. э. Флавий Вегеций Ренат следующее: «Древние не считали возможным вести городские стены по прямой линии, чтобы они были открыты ударам таранов, но, заложив фундаменты, окружали город извилистой линией стен с близко друг от друга расположенными башнями, на тот случай, что если кто-нибудь пожелает подойти к так построенной стене с лестницами или машинами, он был тесним не только спереди, но и с флангов и даже с тыла, точно схваченный в объятия» (IV, 2). В V в. и, особенно, в VI в. н. э. протейхизма стала характернейшим элементом ранневизантийских фортификационных сооружений. Например, из 10 крепостей Болгарии с протейхизмой лишь три отнесены к середине - второй половине V в. н. э., остальные датируются в основном эпохой Юстиниана Великого, связываясь с мероприятиями по охране границ Империи [25, с.11-23]. Тем же периодом датируется и появление протейхизмы в Херсонесе [26, с.101; 27, с.161]. Арки на контрфорсах под боевой платформой в северной части протейхизмы Цибилиума как по структуре, так и по размерам (толщина опор, ширина и глубина арок, толщина стен), полностью совпадают с аналогичными конструкциями, характеризующими комплекс оборонительных сооружений, возведенных при Юстиниане II (565-578 гг.) в Малой Азии [28, р.9, Res.4-6]. На территории Колхиды наиболее близки к цебельдинским ниши протейхизмы раннеюстиниановской Петры - ширина их в среднем 2,2 м (в Цибилиуме 2,81-2,88 и 2,53 м), глубина 1,2 м (в Цибилиуме 1,22-1,25 м), ширина устоев 1,3 м (в Цибилиуме 1,27 и 1,64 м), высота же арок составляет 3,4 м (в Цибилиуме 2,8 м и выше) [29, с. 18].

Важную роль играл перибол - пространство между внутренней стеной (рис. 34, 4) и протейхизмой. Ширина этого пространства у разных укреплений не дает серьезных

расхождений. В Цибилиуме она составляет от 14-14.5 м (максимум между главной стеной и протейхизмой) до 5,5 м (минимум между главной стеной и вогнутой частью протейхизмы и между протейхизмой и башнями), в Археополе от 14 до 5,5 м [30, рис. 1], в Петре - от 3 до 5.5 м [29, с.18], в Херсонесе - 11-18 м, но от башни отстоит на 4,3 м [26, с. 80], в Константинополе (стена Феодосии) эти показатели соответственно равны 14 м и 3,3 м [25, с. 13, обр. 2], в Старой Загоре 8 м и 4 м (25, с. 15, обр. 4), в Хисаре - 10,5 м и 4 м [25, с. 17, обр. 6]. Перибол Цибилиума в этом ряду смотрится по своей ширине одним из наиболее значительных, не уступая даже Константинополю. В периболе накапливались силы для вылазок, сюда загоняли скот с полей во время войны, здесь скрывались окрестные жители, здесь же располагались различные мастерские, а в нашем

178

случае оказалась и баня. Если врагу все же удавалось ворваться в перибол, то в своем устремлении к внутренним воротам он должен был двигаться под двойным ударом со стен. При этом в Цибилиуме протейхизма играла особую роль - к ней была обращена правая, не защищенная щитом сторона нападающих. Важное значение при определении места Цибилиума в кругу ранневизантийских памятников следует придавать кладке стен. Раскопанные части Цибилиума характеризуют в основном три типа кладки - квадратная кладка из крупных или более мелких хорошо обработанных блоков камня, положенных строго выдержанными рядами (*opus quadratum*), мелкоквадратная кладка с использованием кирпичных поясов (*opus mixtum*) и мелкоквадратная кладка из грубообработанных блоков с соблюдением опять-таки рядов, неровности которых заглажены раствором с последующим декоративным оформлением (*opus incertum*). Тип упомянутой квадратной кладки господствовал в странах римско-византийского Востока (Сирия, Малая Азия), однако только в VI веке эта кладка приобрела тот специфический облик, который присущ двум башням (№1 и 3) и протейхизме Цибилиума: квадраты становятся (по лицевой площади) меньше, ряды же их соответственно тоньше, система укладки облицовочных плит на ребро уже не применяется, а система чередования ложков и тычков вырождается. Подобная квадратная кладка всюду связывается уже с эпохой Юстиниана I. Такова кладка соответствующих частей стен Херсонеса [26, с. 76; 31, с. 104-105] в Крыму, византийской крепости Ульмиток [32, tab. I, II, V, VIII, IX] в Румынии, построенной по свидетельству Прокопия Кесарийского [33, с. 261] при Юстиниане, крепостных стен VI—VII вв. в Истрии [34, с. 66-111, 573; tab. I-X; Fig. 1-20], оборонительных сооружений эпохи Юстиниана на Коринфском перешейке [35, p. 70-72, tab. I, 5]. Аналогичны, как уже отмечалось выше, по характеру кладки и многочисленные укрепления, построенные Юстинианом I в северной Африке [36, tab. IV, XIII, XV, XVIII; XXII, XXV]. Квадратная кладка на растворе с цемянкой, отмеченная в северной части протейхизмы Цибилиума, обнаружена и в ряде участков стен Херсонеса, где она также датируется юстиниановской эпохой [26, с. 96]. На многих квадратах Цибилиума сохранились метки мастеров. Большинство этих знаков (А, В, К, Э, О, I и др.) [20, табл. СИ, 17-19] безусловно копируют греческие буквы. Буквы Т, Г, Х, I, О обнаружены в 1981 г. на блоках, слагавших коробовый свод в башне №2 крепости на соседнем апсидийском поселении на горе Шапка. Разметка квадратов различными буквами и знаками получила широкое распространение еще в эллинистическое время. Например, в Пергамском храме одной или двумя буквами отмечены камни всех частей здания [37, с. 71-73]. Очень важным культурно-хронологическим показателем является использование в ряде построек Цибилиума (башня №2, накопитель, баня) смешанной кладки (*opus mixtum*) - трехрядных и четырехрядных кирпичных поясов, применявшихся для выравнивания осадки стен и укрепления всей конструкции.

Этот вид кладки, как известно, «зародился и получил широкое распространение в римском строительстве императорского времени, а затем он так же широко применялся в раннесредневековых постройках Византийской империи» [8, с. 138]. Трехрядные и четырехрядные кирпичные пояса использовались особенно широко в период от конца IV до конца VI вв. [38, р. 1 SI- 139], Отмеченный на стенах большинства объектов Цибилиума (башни №2 и 3, главная стена и протейхизма) прием заглаживания швов и неровностей раствором с последующей декоративной прорисовкой (*opus incertum*) находит много параллелей среди позднеимперских и ранневизантийских укреплений Средиземноморья и Западного Причерноморья [39, р. 25, 258, 314; 40, р. 93, Fig. 71; 41, с. 4, обр. 61]. На территории же бывшего Советского Причерноморья Цибилиум - первый памятник, где зафиксирован этот интереснейший строительный прием.

Клиновидная форма башни №1 Цибилиума (рис. 34, 9) также уводит в круг ранневизантийских аналогий [38, с. 145-149]. Интересно, что устанавливаемый на основе данных А. А. Миллера и следов на поверхности скалы угловой показатель клина башни №1 ($108^\circ - 110^\circ$) соответствует рекомендации Анонима Византийского (527-567 гг.), определившего оптимальный угол таких сооружений в 108° (38, р. 149). Этот же показатель у башен Несебра составляет 106° (40, Fig. 11). Не противоречит приведенным сопоставлениям и башня №2 Цибилиума (рис. 34, 8), прямоугольная форма которой, не характерная для римской фортификационной системы, в то же время типична именно для раннесредневекового византийского строительства, что хорошо видно на примере башен Константинополя (стены Феодосия V в.) и, особенно, более поздних башен Сирии и Северной Африки, построенных в VI в. [36, Plan. I, II, IV, V, XII]. На этом основании, например, VI в. н. э. датирована башня №1 Херсонеса [26, с. 76]. Квадратные башни с угловыми столбами, подобные башне №3 Цибилиума (рис. 34, 1), известны в византийских укреплениях VI в. в Северной Африке [36, Fig. 2; Plan. XXX; 42, Fig. 87, 92]. По своему типу перекрытие башни №3 вероятнее всего представляло собой уже полный парусный свод, представляющий собой вырезанный из сферической поверхности квадрат, который в своей верхней части, находящейся над уровнем вершин подпружных арок, является как бы самостоятельным куполом, к тому же очень пологим. Этот конструктивный признак получил свое законченное развитие в византийской архитектуре в течение IV-VI вв. [43, с. 177-178, рис. 17, 2], причем вариант Цибилиума относится к промежуточным формам. И в заключение несколько слов о водопроводе Цибилиума (рис. 34, б) - близкие по конструкции водопроводы были характерны для позднеимперских и ранневизантийских укреплений, например, Болгарии [44, обр. 1; 10].

Большое число соответствий византийским укреплениям можно указать при сравнении особенностей рассматриваемого участка Цибилиума с соответствующими указаниями, содержащимися в труде византийского ав-

тора X в., в так называемой «Тактике Льва» [27, с. 153-167]. Все элементы западной части Цибилиума направлены на активные действия ее защитников - две линии стрелковой обороны, три башни с изрядным запасом стрелков, две калитки для наступательных операций. Военная доктрина византийцев рассматривала наступательный бой в качестве основной формы боя. Не случайно поэтому, эта первая часть «Тактики» посвящена осаде. Прибегать к обороне рекомендуется лишь тогда, когда будет исчерпана возможность «доказать тщетность их (*т. е. врагов - Ю. В.*) замысла посредством собственного нападения» (XV, 46, р. 900, А, 8-10). Автор «Тактики» напоминает старинное правило организации вылазок: «следует выходить из города, имея обращенным к неприятелю левый, защищенный щитом бок» (XV, 53, pp. 90, Д, 55-57-901 А, 1-3). Точно в

соответствии с этой заповедью расположены обе вылазные калитки Цибилиума. Особую роль в обороне города призвана играть протейхизма, которая служила в мирное время местом расположения караульных постов (XI, 60, р. 901-Д, 53-58). В период военных действий роль караульной службы особенно усиливалась. «Тактика Льва» неоднократно упоминает о виглах, т. е. конных и пеших сторожевых постах. Сильные и надежные посты рекомендуется размещать на протейхизме. Эти посты должны следить за тем, чтобы никто из осажденных не перебежал на сторону врага, не смог встретиться с врагами или сообщить им что-либо письменно (XI, 60, р. 901-Д, 56; XI, 56, р. 901-С, 32-35). Одновременно эти посты призваны были воспрепятствовать тайным нападениям врага на стену в ночное время. Особое внимание поэтому уделялось несению ночной караульной службы, которую требовалось нести посменно и с большим старанием. Внутри города особенно тщательно охранялись калитки и ворота. Особые караульные посты находились у запасов воды и продовольствия (XV, 60, р. 901-Д, 55; XV, 64, р. 904-А, 13-14; XV, 65, р. 904-А, 3, 14-16). В Цибилиуме следы ночных караулов - костры зафиксированы в нишах протейхизмы рядом с баней и в караульном помещении.

3.3.3. Таким образом круг архитектурных аналогий позволил связать рассматриваемую часть Цибилиума с ранневизантийской (Северное и Западное Причерноморье, Малая Азия, Сирия, Северная Африка и др.) фортификационной архитектурой V и, особенно, VI в. н. э. Последняя дата превосходным образом подчеркивается результатами исследований культурных напластований в башнях (№№2 и 3), помещении №1 и в периболе (рис. 35). 1) В верхней части перибола вблизи линии водопровода был раскрыт древнейший пол крепости, выложенный здесь обломками кирпича того же типа, что и в своде башни №3. Поверх этого пола в основании основного культурного слоя периода функционирования крепости найдена медная монета Юстиниана I (527-565 гг.) константинопольского чекана (определение автора) [22, с. 432], относящаяся к первому десятилетию правления этого императора [45, с. 319-320; табл. 608, 36-41] (рис. 35, 47). В накоплениях этого слоя выделено два горизонта - в нижнем, помимо указанной

181

монеты, оказались обломки стеклянных сосудов с синими нитями, относящиеся к группе изделий VI—VIII вв. [46, с. 140-142, рис. 1, 13] и обломок пластинчатой крестовидной фибулы, датируемой (по А. К. Амброзу) в пределах второй половины VI в. [47, с. 110, табл. 1, 34], в верхнем горизонте обнаружена Т-образная шарнирная фибула (рис.35,5), датируемая VII в. [47, с. 110, рис. 15, 1, 2; 48, табл. XLIV]. Под полом оказалась засыпка, в которой помимо обломков того же кирпича и других изделий, близких по времени к периоду функционирования крепости оказались обломки чернолаковой посуды (рис. 35, 55, 56), указывающие на переотложенный характер подсыпки. Ниже выявлен слой материковой глины, в которой найдено частично разрушенное при строительстве крепости погребение с инвентарем (фибула, керамика) IV в. н. э. (рис. 35, 57-62). 2) В помещении №1 в основании культурных отложений на поверхности известкового пола в завале мусора пожарища наряду с большим числом изделий (рис. 35, 21-27) явно иранского происхождения (панцирные пластины, кольчуга, удила и др.) была обнаружена серебряная иранская монета (рис. 35, 20), отчеканенная в период правления шаха Кавада (488-531 гг.) в 505-506 гг. в городе Мерве (определение автора и Г. Ф. Дундуа [18, с. 478]. Цибилиум персами был захвачен на короткий промежуток времени, согласно данным Прокопия Кесарийского, летом 550 г. [1, с. 403], н. э. Только тогда монета и другие иранские материалы могли попасть в Цибилиум [49, с. 233-236]. В тот момент, когда персы заняли крепость, помещение еще не было заполнено культурными отложениями - полы его были чистыми. Все упомянутые находки обнаружены в слое пожарища вместе с большим числом наконечников стрел, появление которых в помещении можно связать с

упоминаемым там же Прокопием Кесарийским сражением, в ходе которого восставшие апсилы уничтожили персидский гарнизон [1, с. 403]. Поверх этого слоя обнаружено два горизонта накоплений, один из которых по обилию импортных амфор и других изделий, а также морских раковин связывается с пребыванием в крепости византийского гарнизона, согласно тому же Прокопию, занявшего крепость осенью 550 г.

3) В башне №2 в основании культурных отложений на поверхности скалы найдены обломки импортных блюда (рис. 35, 46) и светильника (рис. 35,41). Поверхность блюда покрыта нежным оранжево-красным лаком. Профиль и размер этого блюда полностью соответствуют экземплярам, датированным на Афинской агоре «поздним VI веком» [50, р. 116, Pl. 71, №350], а в Северном Причерноморье VI—VII вв. [51, с. 5a]. Светильник, изготовленный из тонкоотмученной светло-коричневой глины, также относится к изделиям, характерным для VI в. [52, р. 47, Fig. 40, 1-3,5,7]. Этот слой от последующего был отделен стерильной прослойкой, образовавшейся в результате обрушения части стен башни с кирпичным поясом. Поверх этого завала расчищен почти двухметровый слой накоплений, в которых прослежены остатки двадцати двух костров и выявлено большое число обломков

182

импортных изделий (рис. 35, 11, 12, 15, 16), связанных с периодом пребывания в крепости византийского гарнизона после 550 г.

4) В бане, раскопанной в северной части перибола (близ башни №3), и вокруг обнаружены многочисленные обломки амфор, среди которых выделяются цилиндрические VI в. (рис. 35, 49) [53, Fig. 19, 4] и коричневоглиняные с перехватом (рис. 35, 54). Последние в двух почти целых экземплярах со специально отбитыми доньями и венчиками (обломки одного венчика найдены рядом с баней) происходят из дымохода бани, частично сохранившегося в углу, образованном выступами протейхизмы. Подобные амфоры широко известны в Западном Причерноморье, где они датируются VI веком [53, Fig. 12, 4-6]. В обмазке основного бассейна бани, построенной одновременно с протейхизмой, обнаружены обломки трех рюмковидных сосудов, датируемых так же VI веком (Сарды) [46, с. 152, рис. 3; 54, с. 107-114, табл. XXXII, 7-10].

5) В башне №3 поверх строительного слоя, в котором, в частности, найдена бронзовая подвязная двучленная лучковая фибула со следами ремонта (рис.35,53), подобные которой широко бытовали в IV-V вв., но эпизодически использовались и в VI в. [57, табл. 1, 10], выявлена выравнивающая пол известково-песчаная подсыпка. Поверх нее сооружен очаг с дымоходом, уходящим в толщу стены. Рядом с очагом в древнейшем жилом слое найдены обломки коричневоглиняных амфор с перехватом и пластинчатая крестовидная фибула (рис. 35, 36), подобные которой А. К. Амброзом датированы в рамках второй половины VI - первой половины VII вв. [47, табл.1, 34; рис. 4, 13]. Поверх этих материалов лежала стерильная прослойка наносов, а выше довольно мощный слой накоплений с амфорами и другими изделиями, соответствующими периоду пребывания в крепости византийского гарнизона (после 550 г.). К заключительному периоду жизни крепости относится Т-образная шарнирная фибула (рис.35,6) того же типа, что и выше упомянутая фибула из южной части перибола.

Таким образом, весь комплекс добытых на сегодняшний день материалов заставляет датировать время строительства рассматриваемых частей Цибилиума в рамках первой половины VI в. Надо думать, что после 542 г., т. е. начала персо-византийских войн в Колхиде и вывода византийских войск из Себастополиса и Питиунта условия для строительства подобных крепостей в Апсилии отсутствовали. В то же время у нас нет никаких оснований полагать, что это событие произошло до 523 г., когда положение Пазики как вассала Византии получило свою законченную форму. Итак, наиболее вероятной датой строительства крепости на основе всего комплекса сведений,

предоставляемых сегодня древними письменными источниками и археологией, следует считать период, охватывающий конец царствования Юстина I и первое десятилетие правления Юстиниана I, т. е. 20-30-е года VI в. Полное соответствие всех особенностей крепости канонам византийского фортификационного искусства заставляет видеть в ее строителях ви-

183

зантийских инженеров и рабочих, в числе которых могли быть и апсильские строители, прошедшие необходимую подготовку в Византии [21, с. 2-5].

3.3.4. Ближайшим аналогом Цибилиума в Западном Закавказье является несомненно Археополь-Нокалакеви (рис. 36,1-3), в котором видят главный экономический и культурный центр Лазского царства в IV-VI вв. н. э. [54, с. 158]. Обе крепости объединяет сочетание главной (в Археополе двойной) стены с протейхизмой, структура и тип кладок главных стен и протейхизмы, их размеры и планировка, форма башен и т. д. При сравнении многих деталей обеих крепостей создается впечатление, что это творения одной группы архитекторов и строителей лишь с той разницей, что размеры Археополя много больше. Перечислю некоторые из этих деталей: а) предварительная вырубка «ложа» с горизонтальной поверхностью, форма цоколя и массивность нижней части башен [54, с. 145-146, 148]; б) размеры, пропорции плана и расположение привратных башен (30, рис.1, табл. XVIII, 2; XIX,2); в) профилированные блоки, служившие опорой деревянного межэтажного перекрытия, арка входов и бойниц из пяти клиновидных плит, заглубленность одной из сторон арки входных проемов в стену, конструкция порогов из нескольких рядов блоков, сложенных без перевязки со стенами, формы засовных пазов [54, с. 148, рис. 2; 3]; г) расположение и конструкции вылазных калиток [30, рис. 1; 54, рис.1-9); д) меандровидный план протейхизм, сложенных крупноквадровой кладкой, прямые линии главных стен с панцирем [30, рис.1; 54, рис. 1; 9); е) использование четырехрядного кирпичного пояса в кладке башен [8, с. 142]; ж) соблюдение важнейшего принципа византийской военной фортификации: не связывать стену и башни общей кладкой, а класть их независимо друг от друга, чтобы ослабить разрушительное действие вражеских таранов [27, с. 158]; з) монументальные лестницы, ведущие на стену и т. д. Перечисление подобных примеров можно было бы продолжить, однако и сказанного достаточно для вывода о типологической и культурно-хронологической близости обеих рассматриваемых крепостей. Раскопки Цибилиума, как представляется, вносят существенные поправки в некоторые представления, сложившиеся ранее в отношении памятников типа Археополя. Так, до последнего времени считалось, что крупноквадровая кладка в Западном Закавказье предшествует по времени грубой мелкоквадровой кладке [54, с. 154]. Однако на примере Цибилиума удалось ясно показать, что эти кладки сосуществуют и даже (на короткий промежуток времени строительства) занимают противоположную хронологическую позицию - протейхизма и башни пристроены к ранее возведенной главной стене. Таким образом говорить, что в Археополе двойная стена была пристроена к воротной башне значительно позже [30, с. 111], нет оснований - эта башня и протейхизма пристроены к двойной стене, образуя с ней единый пс5 замыслу и исполнению комплекс. В главном перекликаются с Цибилиумом и археологические материалы, отражающие основной период использования Археополя - амфоры с перехватом, ци-

184

линдрические рифленые, самосские и др., амфориски, пифосы с массивным дном, лутерии, лощеные и коричневоглиняные кувшины, кухонные горшки, светильники,

стеклянные рюмковидные сосуды, оконное стекло, панцирные пластины, наконечники стрел и другие материалы, датируемые широко в рамках IV—VII вв., но найденные в сопровождении большого числа монет конца V-VI вв., среди которых преобладают медные монеты Юстина и Юстиниана I [55, с. 107-110; 56, с. 85-86].

Немало соответствий можно найти отдельным формам Цибилиума среди многих других укреплений Западного Закавказья - как приморских, т. е. заведомо римско-византийских, так и глубинных, горных, связываемых со строительной деятельностью местных племен (рис. 37). Крупноквадровая кладка, подобная Цибилиуму, отмечена на территории Апсилии в крепости на горе Шапка [12, табл. X,2], на территории Абасгии в Анакопии («Цитадель») [12, табл. X,10] и в Гагрской крепости (нижний ярус) [57, с. 13].

Мелкоквадровая грубая кладка без использования кирпича или в сочетании с многорядными кирпичными поясами (*opus mixtum*) типична для раннесредневековых сооружений Апсилии (Бат, Ахыста) [12, с. 61—62; табл. XI, 6], Мисиминии (Пскал-Тсахар) [12, табл. XI, 1] и Лазики (Петра, Родополь, Сканда, Сарапанис - рис. 36, 5-8) [8, с. 140-151; 58, табл. IV]. Протейхизма, кроме Археополя, отмечена также в Гагрской крепости («двойная стена») [59, с. 95-96] и в Петре (рис. 36, 8) [60, с. 174, рис. 3], которая была сооружена в раннеюстиниановскую эпоху. Сказанного достаточно, чтобы объединить Цибилиум с кругом фортификационных сооружений, появившихся на территории Колхиды в период, предшествовавший 13-летней персо-византийской войне (542-554 гг. н. э.).

Передатировка Цибилиума, а вместе с ним, вполне вероятно, и ряда других типологически и функционально близких укреплений Колхиды (прежде всего Археополя) с IV в. на VI в. открывает, наконец, реальную возможность подойти вплотную к решению принципиально важного вопроса об облике укреплений, которыми византийцы согласно Прокопию Кесарийскому перекрывали в VI в. северные и восточные пути в Колхиду в преддверии вторжения персов. В этой связи Прокопий писал: «В Лазике он (*т. е. Юстиниан - Ю. В.*) выстроил укрепление по имени Лосорион и укрепил все ущелья в этой стране - их обыкновенно называют Клисурями, чтобы, таким образом, перед врагами были заперты все пути в Лазик» [33, с. 118]. Это, хотя и весьма общее, но все же достаточно определенное указание Прокопия Кесарийского обсуждается вот уже целое столетие. Наиболее обстоятельная сводка сведений о постройках Юстиниана в Западном Закавказье принадлежит В. А. Леквинадзе [60, с. 169-186], который высказал мнение, что в цитированном отрывке речь идет лишь о постройке временных фортификационных сооружений, до нашего времени не дошедших в силу своего немонументального характера [60, с. 169-170]. Большинство же исследователей связывает соответствующие сведения Прокопия с Келасурской стеной, расположенной на территории современной Абхазии.

185

3.3.5. Конкретные сведения о Келасурской или Великой Абхазской стене - крупнейшем оборонительном сооружении Кавказа - содержатся в работах Вахушти (данные о времени сооружения) [61, с. 169], А. Ламберти (данные о назначении и длине (60 тыс. шагов) стены) [62, с. 186], Ж. Шардена (данные о состоянии стены в конце XVII в.) [63, с. 11], Ф. Дюбуа-де-Монперэ (данные о приморском участке, длина стены определена в 160 верст, строительство отнесено к VI в. до н. э.) [59, с. 147], В. И. Чернявского (данные о начальном участке стены, отнесенной к VI в.) [64, с. 18], И. Лихачева (схема стены от Келасур до пещеры Абрскила) [65, с. 248], В. И. Сизова (сведения о приморском участке, предложена гипотеза о восточной ориентации его обороны) [66, с.47], В. Гарцкия (данные о расположении стены) [67, с. 39], П. С. Уваровой (сведения об участках у устья Келасур и у с. Мерхеул, данные об ее направлении до устья Ингура, дата определена XIV- XVII вв.) [68, с.93; 69, с.34], А. А. Миллера (описание объектов приморского участка, раскопки в

башне №1) [3, с. 2; 4, с. 74-76], В. И. Стражева (общие данные о начальной трассе стены, установление западного направления ее обороны) [70, с. 25-28], А. С. Башкирова (подтверждение тезиса В. И. Стражева об ориентации стены, описание приморского участка) [71, с. 21-22], М. М. Иващенко (описание участков между Келасур и Мерхеул, длина стены «на глазок» определена в 150 км, число башен в 800, строительство стены отнесено к VI в.) [5, с. 61-89; 72, с. 90-92], Л. Н. Соловьева (описано до 90 башен на всем протяжении стены от устья Келасур до с. Лекухон, установлена связь стены с древней дорогой, предположено о существовании трех этапов ее строительства - конец V-VI вв., X-XII вв. и XVI—XVIII вв.) [73; 74, с. 274, 275], И. Е. Адзинба (длина стены определена в 160 км, а число башен - в 2000, описаны отдельные участки между Кодором и Ткуарчалом, прослежена линия древней дороги, стена отнесена к VI в.) [57, с. 106-152], В. П. Пачулиа (впервые высказана мысль, что «бойницы в башнях района села Джгерда-Ахуца могут свидетельствовать об употреблении уже во время их сооружения огнестрельного оружия», данные о Багмаранском участке стены) [7, с. 125-126; 75, с. 35—47]. Точка зрения, относящая Келасурскую стену к VI в. н. э. казалась бесспорной [76, с. 301].

Поскольку сведения о происхождении, назначении, протяженности и структуре Келасурской стены были крайне противоречивы, а сам памятник не вписывался в историю Ассирии, мне пришлось заняться основательным исследованием этой стены, продолжавшимся с 1966 по 1978 годы. Как установлено этими исследованиями, общая протяженность основной линии Келасурской стены составляет около 60 км, стена кончается в районе Ткуарчала - лишь четыре башни имеется восточнее на сорокакилометровом участке до Ингура (рис. 38), общее число башен составляет 279. Автором в ходе исследований было проведено детальное описание всех составляющих элементов стены и сопутствующих археологических материалов, затем проанализированы источники и аргументация предшественников, на

186

основе чего была сформулирована гипотеза о необходимости передатировки Келасурской стены с VI на XVII столетие [14, с. 12-14; 17, с. 98-104; 77, с. 379; 78, с. 472; 79, с. 393-396; 80, с. 100-122; 81, с. 53-55]. Аналогично на основе исследований источников вопрос о дате этой стены был решен и Т. Берадзе [82, с. 53-73]. Однако поскольку эта дата до сих пор считается дискуссионной [83, с. 137-151], представляется необходимым вновь вернуться к моей аргументации, усилив ее результатами исследований последних лет.

Из чего же исходят исследователи, когда датируют Келасурскую стену VI в.? Главный аргумент - созвучие современного (фиксируется с XIX в.) названия реки Келасури с греческим словом «Клисура», встреченном у Прокопия Кесарийского в следующем контексте: «В Лазике он (Юстиниан - Ю. В.) выстроил укрепление Лосорион и укрепил все ущелья в этой стране - их обыкновенно называют клисурами, чтобы таким образом перед врагами были закрыты все пути в Лазик» [33, с. 249]. Исследователи обычно не сомневаются, что в данном случае речь идет о Келасурской стене [9, с. 41; 84, с. 103; 85, с. 123], хотя совершенно ясно, что Прокопий в приведенном отрывке говорит исключительно о восточных границах Лазики. Последняя мысль вытекает из следующих данных: а) политическая ситуация того времени (угроза вторжения персов) сосредотачивала основное внимание Византии на восточных районах Лазики: б) Лосорион, в связи с которым упоминаются «клисуры», убедительно локализован севернее Батуми [86, с. 505-509];

в) вслед за упоминанием Лосориона Прокопий сообщает, что Юстиниан, кроме того, «выстроил в стране лазов замечательный город Петру» [33, с. 249], развалины которого находятся также севернее Батуми; г) изложив приведенные сведения, Прокопий затем переходит к описанию Северной Колхиды: «На противоположной (разрядка моя - Ю. В.)

стороне, если идти по направлению к Меотийскому болоту, напротив Лазики были два укрепления -Сébastополь и Питуунт...» [33, с. 249], т. е. прямо противопоставляет Лазику, где укреплялись Клисурь, северо-западной Колхиде, где находится Келасурская стена; д) локализация прокопиевских «клизур» в восточной Лазике подтверждается свидетельством Агафия о том, что Юстиниан был недоволен полководцем Бессой, которому «надлежало по взятии крепости Петры до прихода Мермероя загородить как можно более тщательно все проходы из Иверии», чтобы «сделать недоступными для варваров (*т. е. персов - Ю. В.*) горы Лазики» [2, с. 70]. Несостоятельность мысли, что Бесса за нерадивость при сооружении Келасурской стены мог быть сослан затем в Абасгию, против территории которой направлена эта стена, ясна. Таким образом о Келасурской стене источники VI в. сведений не содержат.

Другим важным аргументом в пользу сооружения Келасурской стены до VIII в. считается сообщение древнегрузинской летописи «Картлис Цховреба» («Жизнь Грузии») об обстоятельствах вторжения в Колхиду арабов

187

во главе с Мурваном Кру во второй половине 30-х гг. VIII в. Летопись гласит: «Мурван... разгромил все города и крепости страны Эгриси, и ту крепость трехградную, которая есть Цихе-Годжи, разгромил и вошел в ограду Клисур... и когда вошел Кру в Клисуру, которая в те времена была границей Греции и Картли, и разгромил город Абшилети Цхум и осадил крепость Анакопию» [87, с. 234-235]. Как и при рассмотрении сообщения Прокопия о «клизурах», исследователи обычно также не сомневаются в том, что речь в летописи идет о Келасурской стене. В то же время из текста летописи следует лишь со всей определенностью: а) Клисуря была расположена на границе между Византией и Картли, т. е. на территории не Северной, а Восточной Колхиды; б) Мурван вошел в Клисуру, захватив Цихе-Годжи (Археополис), т. е. последняя крепость в источнике явно воспринимается как составная, важнейшая часть Клизуры; в) в словах Арчила, обращенных к Леону: «...строятся места наши от Клизуры выше. Пойду и буду строиться в Цихе-Годжи и Кутаиси» [87, с. 42], содержится важное сведение о взаимном расположении Клизуры и Кутаиси, в этом отрывке явно локализуемых в долине Риони. Таким образом и «Картлис Цховреба» не содержит каких-либо данных об укреплениях на современной реке Келасур.

Сказанное вполне согласуется с результатами сопоставления Келасурской стены с теми оборонительными сооружениями Абхазии [12, табл. IX—XI; 88, с. 208, рис. 2-4; 89, с. 90-140] и смежных районов Кавказа и Причерноморья [26, с. 67-124; 90, с. 227-243], которые с достаточной точностью датируются V-VII вв.

В последующий период, в эпоху Абхазского царства (VIII—X вв.), объединенного Грузинского царства (XI—XIII вв.) и княжества Сабедиано (XIV- XV вв.) ни разу граница этих государств или их внутренних подразделений не проходила именно по реке Келасур [9, с. 95-257]. Лишь в первой половине XVII в., в период острых феодальных междоусобиц возникает ситуация, в зависимость от которой должна быть поставлена история сооружения Келасурской стены.

В последний период своего правления (1647-1657гг.) мегрельский князь Леван Дадиани был вынужден перейти к обороне своих северо-западных границ. Грузинский географ Вахушти в середине XVIII в. по этому поводу писал: «К востоку от Анакопии от моря до горы Леван Дадиани провел стену большую, дабы абхазцы не могли спуститься (в Одиши), но ныне она заброшена» [61, с. 169]. Арканджело Ламберти, в качестве католического миссионера проживший в Мегрелии 18 лет (1635-1653 гг.), сообщает, что владельцы Мегрелии «со стороны моря... выстроили несколько деревянных крепостей, в которых стоит стража, вооруженная ружьями. Такую же защиту они устроили также со стороны гор: так как в одном месте, которое называется Олуше (*Улыс? - Ю. В.*), горы

открыты и враг легко может зайти и опустошить землю, то там с весьма большими расходами возвели стену длиною в 60.000 шагов, и на известном расстоянии в ней находятся башни,

188

занимаемые значительной стражей стрелков. Чтобы в них не было недостатка, одишские епископы, князья и знатные вельможи разделили между собой очередь..., так что каждый помесячно охраняет это место своими людьми» [62, с. 186]. На карте Каstellи, сопровождающей труд Арк. Ламберти, над изображением несомненно Келасурской стены (рис. 386) имеется надпись: «Murus Sexaginta millibus Passum ad coergendos Abascorbi ineursus» - «Стена в 60000 (двойных) шагов, для сдерживания абхазов предназначенная». Кроме того, необходимо отметить, что если в статейном списке русского посла Федора Елчина, посетившего Мегрелию в 1639 г. и подробно описавшего свой путь через рассматриваемую территорию (Моква, Илори и др.), еще нет никаких упоминаний о стене [91, с. 206-226], то вскоре после смерти Левана Дадиани в 70-х гг. XVII в., согласно ряду источников, стена уже не функционировала. Так Ж. Шарден, посетивший Мегрелию в 1672 г., сообщает: «Колхида (*Мегрелия* - Ю. В.) когда-то на севере в длину на 60 миль имела стену для защиты от Абхазии, но уже значительное время, как эта стена развалилась» [63, с. 11].

Как прямые, так и косвенные свидетельства источников о времени сооружения Келасурской стены вполне согласуются с результатами ее сопоставления с оборонительными сооружениями Мегрелии, которые надежно датированы временем правления Левана II Дадиани. Речь идет в первую очередь о типологически близких друг другу укреплениях, стоящих на берегах Ингура - крепости Рухи, построенной Леваном в 30-х гг. XVII в. [92, с. 163-164] и крепостице Оцарце, относящейся также к XVII в. [92, с. 175-179, 185]. В последней отмечены следующие черты, характеризующие одновременно и Келасурскую стену: а) размер башни и толщина стен; б) легкая закругленность углов снаружи и изнутри, подпирамидальная форма башни; в) применение в облицовке стен булыжника без соблюдения рядов, затирка швов между камнями в облицовке раствором с частичным выходом на поверхность стен; г) присутствие в стенах отверстий от круглых (диаметр 7 см) в сечении брусьев; д) конструкция дверей, использование в их оформлении прямоугольных в сечении брусьев, устройство засовов; е) размеры и оформление ниш; ж) ружейные бойницы. Дополнительными аргументами в пользу такой датировки следует считать: а) установленный еще Л. Н. Соловьевым факт сооружения башни №276 (пос. Лекухона) на развалинах средневекового одноабсидного храма [73, с. 55-57]; б) присутствие в башнях Келасурской стены бойниц, приспособленных исключительно для пользования огнестрельным оружием; г) общую планировку стены, непосредственную связь с дорогой, расположение и конструкцию входов, конструкцию стен и деревянных настилов на консолях, пирамидальное оформление и план башен, использование деревянных приставных лестниц, устройство ниш, массовое использование в кладке стен булыжника, устройство бойниц и другие черты, получившие широкое распространение в оборонительных сооружениях смежных районов Кавказа именно в первой половине XVII в. [93, с. 201-221].

189

Конечно, в археологическом отношении Келасурская стена изучена пока слабо. Однако и имеющихся материалов вполне достаточно для необходимых выводов. Еще в 1907 г. А. А. Миллер при раскопках башни №1 на уровне ее фундамента обнаружил несколько обломков керамики, среди которых фрагмент чаши с поливой XI—XIV вв. [4, с. 74-76]. Эти находки нужно связывать с поселением, прослеженным в этом месте на протяжении

примерно 500 м вдоль берега моря и существовавшем здесь явно до постройки стены. При обследовании Александровской крепости (с. Багмаран) было выявлено здесь два непосредственно следующих друг за другом культурных слоя - эллинистической эпохи и позднего средневековья (обломки горшков, кувшинов, пифосов, стеклянной посуды и железный наконечник стрелы) (рис.39, 12-20) [14, с. 9, рис. 4, 3-13, 22]. При осмотре оснований разрушенных башен (№№49, 83 и др.) выявлена поверхность почвы времени строительства стены, покрытая достаточно свежими углями, золой и полуобгоревшими ветками кустарника, поверх которых найдены редкие обломки пифосов и другой посуды позднесредневекового облика. С целью уточнения данных о стратиграфии Келасурской стены в 1978 г. были заложены шурфы в башнях №№47 и 53. В башне №47 установлена следующая картина культурных накоплений (рис. 39, 2, 3): а) завал стен - 2,1 м; б) крупное кострище с многочисленными обломками горшков, кувшинов и пифосов (рис.39,4-8) позднесредневекового облика (свыше 120 фрагм. на 8 кв. м пола); в) поверхность песчаниковой скалы, неровности которой заполнены землей. В башне №53 установлена несколько иная картина (рис.39,9-11): а) илистые наносы реки - 0,3-0,7 м; б) песчано-щебенистые наносы реки - 0,2-0,3 м; в) завал стен - до 0,7 м; г) глинисто-песчаные наносы реки - 0,5-0,6 м; д) культурный слой с угольками и отдельными обломками посуды позднесредневекового облика; е) глинистый целик, на поверхности которого, без фундаментов, была поставлена башня. В береговом срезе протекающей рядом с башней реки Мачары прослежена аналогичная стратиграфическая ситуация, раскрывающая динамику накоплений и размыва речных наносов вокруг башни в течение последних 300 лет [94, с. 12, отс. 33,2-12]. Таким образом во всех случаях подтверждено отсутствие в сооружениях Келасурской стены изделий раннесредневекового времени (V—VIII вв.) и в то же время всюду присутствует слой позднесредневековых накоплений. Таким образом, источники XVII—XVIII вв. в сочетании с результатами конкретного архитектурного анализа позволяют мне сделать вывод, что Келасурская стена была построена Леваном II Дадияни против абхазов, причем основные расходы по ее сооружению и содержанию несли «одишские епископы, князья и важные вельможи» [80, с. 121].

Против последней точки зрения выступил М. М. Гунба, утверждающий, что это «новое предположение в отношении ее (*Келасурской стены* - Ю. В.) назначения и датировки... не соответствует действительности» [83, с. 137]. Основное значение при обосновании этого вывода М. М. Гунба придает

190

ориентации Келасурской стены, причем основным его источником служат текст и схемы из моей статьи [80, с. 115-116, рис. 2-7]. М. М. Гунба утверждает, что «исходя из описания Келасурской стены Ю. Н. Воронова видно, что фас или фронт стены был направлен на восток, юго-восток и юг. Следовательно, эти стороны стены и обстреливались» [83, с. 147]. В действительности из моего описания следует обратное. М. М. Гунба, увлекшись мыслью, что башни всегда должны выступать за линию стен [83, с. 134-146], упустил из виду главный критерий определения их ориентации - куда направлены бойницы и откуда ведут входы в башни. «Нельзя оставить и тот факт, - пишет исследователь, - что бойницами были снабжены только башни. В таком случае возникает вопрос, кого мог поразить выстрел из башни? Безусловно, только того, кто находился напротив или сбоку башни, но не находился за стеной» [83, с. 14]. В отношении размещения бойниц в моей статье прямо указано, что «как правило», они фиксируются в фасадной части башни, реже в ее боковых стенах и лишь однажды в задней стене. Под фасадной частью башен я подразумеваю те их стены, которые образуют единую линию с главной стеной. Следовательно, бойницы, «как правило», направлены на запад, северо-запад и север, т. е. в сторону пространства за стеной. При определении фасада и тыла Келасурской стены

решающее значение необходимо придавать расположению входов в башни. Каждому понятно, что в башни их защитники должны были входить со стороны защищаемого стеной пространства. А это пространство, исходя из ориентации дверей, располагалось восточнее и южнее основной оборонительной линии. Следовательно, врага ждали с северо-запада, со стороны совр. Сухума и Цебельды [17, с. 101-102].

Второе «доказательство» ранней даты Келасурской стены М. М. Гунба основывает на утверждении, что в VI -VIII вв. граница между Грецией- Византией и Картли-Грузией проходила по современной реке Келасур [83, с. 149-150], т. е. поперек территории совр. Абхазии. Такое мнение идет в разрез с совершенно определенными данными о существовании в Западном Закавказье в этот период зависимого от Византии Лазского царства, а также Апсилии, Абазгии и Мисиминии, находившихся в номинальной зависимости от Лазики [13, с. 142-150]. Если следовать точке зрения М. М. Гунба, основанной на произвольной трактовке сведений «Картлис Цховреба», то апсильские могильники Цебельды следует локализовать на территории Греции-Византии, в то время как расположенные в 10 км юго-восточнее апсильские могилы Атары должны уже характеризовать территорию Картли-Грузии, что в свете всех источников - и письменных, и археологических - представляется неприемлемым.

Всего сказанного, думается, достаточно для вывода, что упоминаемая византийскими и грузинскими источниками VI—VII вв. система укреплений, охранявшая колхидские Клисурсы и Келасурская стена - разные явления. Как было показано выше, сообщения источников XVII—XVIII вв., архитектур-

191

ный облик сооружений и имеющиеся археологические материалы единогласно относят Келасурскую стену к эпохе Левана II Дадияни.

3.3.6. Картографирование всех известных сегодня оборонительных сооружений Колхиды, функционировавших в VI в. (рис. 37), позволяет реконструировать схему обороны колхидских клисур (рис.37а), явно направленную против возможных вторжений в Колхиду и к побережью со стороны Северного Кавказа и Восточного Закавказья. При этом узловой в центральноколхидской системе явно были линии Археополь-Телефис. Безусловно, наиболее серьезным аргументом против возможности связывать комплекс раннесредневековых укреплений внутренних районов Западного Закавказья (Археополис, Родополис, Сарапанис, Сканду, Цибилуим, Трахея и др.) со строительной деятельностью византийцев в первой половине VI в. является утверждение Прокопия о том, что все эти крепости были построены местными политическими образованиями, в первую очередь лазами, в вассальной зависимости от которых находились согласно тому же источнику Апсилия, Абазгия, Мисиминия и Свания [1, с. 379, 382, 403]. Однако это утверждение в отличие от абсолютного большинства других сведений, содержащихся в труде Прокопия, нельзя признать достоверным по следующим причинам: а) в число якобы основанных лазами «городов» Прокопий включает Себастиополис и Питиунт [95, с. 222-223], что не соответствует действительности; б) у лазов до момента возникновения всей рассматриваемой системы укреплений совершенно отсутствовала собственная традиция возведения подобных монументальных сооружений; в) в Лазике укрепления эти появляются не как результат внутреннего поступательного развития местного общества, а как явно чуждые его потребностям элементы - и Сканду, и Сарапанис, и даже Кутаис лазы обычно либо покидают, отказываясь их охранять, либо разрушают [1, с. 417, 418, 423, 424]; г) наоборот, византийцы пекутся об этих крепостях как о личной собственности - заставляют лазов размещать в них гарнизоны, когда же те уходят, занимают их своими солдатами, а в одном случае даже выменивают их у персов на свои малоазийские крепости Бол и Фарангий [1, с. 417, 418]. Роль Лазики в политических и военных

интересах Византии определена Прокопием достаточно ясно: «Лазы, народ прежде населявший Колхиду считался подвластным римлянам потому только, что по смерти их царя римский царь посылал преемнику его украшения верховной власти. Впрочем они не платили римлянам никакой дани и не были у них в повиновении. Царь лазов обязан был охранять своими подданными границы и не допускать, чтобы враждебные гунны с Кавказа, смежного с их областью, вторгались через Лазику в римские владения. Они стерегли границы, не получая от римлян ни денег, ни войска, они не следовали за ними в походы» [95, с. 106-107]. Однако сами лазские цари занимали при императорском дворе щедро оплачиваемые должности: Губаз, например, в письме Юстиниану «просил его о присылке денег и о доставлении какого-либо пособия к облегчению учас-

192

ти разоренных до крайности лазов. Он представлял при этом, что казна должна ему была жалования за десять лет, потому что он был прежде причислен к силентиариям двора, и не получал по тому званию никакого жалования с тех пор, как Хосров вступил в Колхиду» [95, с. 232]. Таким образом лазы и их соседи играли роль своего рода федератов, охранявших подступы к пределам Византии [13, с. 104-105]. Естественно последняя в этих условиях должна была позаботиться об опорных пунктах, с помощью которых лазы и их союзники (апсилы и др.) могли с необходимым успехом выполнять свои буферные функции. Вполне понятно, что если эти укрепления рассматривались с самого начала не как византийские, а как лазские, апсильские, абасгские и т. д., то они и не были включены Прокопием в основной список построек Юстиниана в Лазике. Иное дело Петра и Лосорион, которые возникли сразу как опорные пункты Византии. Не исключено также, что строительство рассматриваемого комплекса укреплений началось сразу же после 523 г. н. э. началу единоличного правления Юстиниана I двигалось к завершению либо было уже закончено. Вероятно, не случайно Прокопий сохранил имя Фомы Армянина - зодчего, который строил «многие укрепления в Лазике» [95, с. 234]. Вряд ли под «многими укреплениями» имелись в виду только Петра и сторожевое укрепление Лосорион. Судя по всему ситуация в Колхиде в первой половине VI в. н. э. была близка той, которая в ту же эпоху характеризовала левобережье Дуная, правители которого внешне сохраняли независимость. Однако, как установлено, Византия обеспечивала в этом районе надежную оборону Балканского полуострова от нашествия мигрирующих варваров «путем создания передовых укрепленных аванпостов на территории самих варваров» [96, с. 14], в частности, в 30-х годах VI века Империя выдавала своему союзнику, вождю гуннов или гепидов Мундо субсидии на постройку военно-оборонительных пунктов на подвластной ему территории.

Путем сооружения системы укреплений в колхидских клисурах Византия подготовила почву для аннексии Западного Закавказья, последовавшей после окончания персовизантийских войн [97, с. 281].

Достаточно было трех сезонов археологических исследований в Цибилиуме, чтобы изменить во многом наши представления об истории Апсии, а вместе с ней и всего Западного Закавказья в VI веке. Дальнейшие раскопки в Археополе, Цибилиуме и Родополе, введение в научный оборот огромного материала, уже добытого ранее, несомненно расширят наши представления об этой интересной эпохе, оставившей в Западном Закавказье след, гораздо более яркий, чем до сих пор предполагалось.

193

1. Прокопий из Кесарии. Война с готами. М.: изд-во АН СССР, 1950.

2. Агафий. О царствовании Юстиниана. М - Л.: изд-во АН СССР, 1953.
3. Миллер А. А. Археологический и этнографический очерк Черноморского побережья. - Живая старина, СПб., 1908, ВЫП.1.
4. Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. - ИАК, 1909, вып.53.
5. Иващенко М. М. Великая Абхазская стена. - ИАНО, 1926, вып. IV.
6. Пачулиа В. П. По историческим местам Абхазии. - Сухуми: Абгиз, 1958.
7. Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.: Наука, 1968.
8. Леквинадзе В. А. Материалы по монументальному строительству в Лазике. - ВГМГ, 1961, т. XXII-В.
9. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми: Абгиз, 1959.
10. Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей. Труды в 4-х томах, т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
11. Шамба Г. К. Ахаччарху - древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми: Алашара, 1970.
12. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969.
13. Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука, 1975.
14. Воронов Ю. Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Сухуми: Алашара, 1977.
15. Серебряков Л. М. Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет. - Морской сборник. СПб., 1865, №6.
16. Гзелишвили И. А. Остатки кремации, погребенные в глиняных сосудах в Абхазии. - САНГ, 1947, №1-2.
17. Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. - М.: Искусство, 1973.
18. Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Логинов В. А., Юшин В. А. Исследования в Цебельдинской долине. - АО-1977, М., 1978.
19. Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Шенкао Н. К., Логинов В. А. Работы Цебельдинской экспедиции. - АО - 1978. М., 1979.
20. Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г. Итоги работ Цебельдинской археологической экспедиции. - ПАИ-1977. Тбилиси, 1980.
21. Воронов Ю. Н. Новое об архитектурных памятниках Цебельды. - Апсны Аказара, Сухуми, 1979, №2.
22. Воронов Ю. Н. Раскопки в Цебельде. - АО-1979. М., 1980.
23. Бгажба О. Х. Раскопки крепости в Цебельде. - Амцабз. Сухуми, 1978, №2.
24. Воронов Ю. Н. Раскопки в Цебельде. - АО-1980. М., 1981.
25. Овчаров Д. Протейхизмат в системата на ранновизантийските укрепления по нашите земли. -Археология. София, 1973, №4.
26. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. - МИА, 1959, №63.
27. Кучма В. В. Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва». - В кн.: Античность и средние века. Свердловск: изд-во С ГУ, 1965.
28. Dirmtekin F. Anasthase surlari. - In: Turk Tarih Kurumu bulletin. Ankara, 1964, t. XII, №45.
29. Мелитаури К. Н. Крепости дофеодальной и раннефеодальной Грузии, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1972.
30. Закарая П. П., Ломоури Н. Ю., Леквинадзе В. А., Гвинчидзе Г. О. Краткий отчет работ Нокалакевской экспедиции за 1974-1975 гг. - АЭГМГ, 1977, вып. V.
31. Антонова И. А. Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху. - В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1971, вып.7.
32. Parvan V. Cetatea Ulmetum. Descoperizile primei campanii de separturi din vara anului 1911,- In: Analele Academici Romane, Bucuregti, 1912, sec. II, t. XXXIV.

33. Прокопий Кесарийский. О постройках. - ВДИ, 1939, №4(9).
34. Histria. Monografie archeologica. Bucuresti, 1954, vol. I.
35. Megaw H. Research at Ichmia. - In: Annal of the British school at Athens. Athens, 1934, vol. XXXII (1931-1932).

194

36. Diehl Ch. Rapport sur deux missions archeologiques dans l'Afrique du Nord - Paris, 1894.
37. Максимова М. И. Эллинистическая техника. М.-П: изд-во АН СССР, 1948.
38. Venedikov Iv. La datation des remparts romano-bizantins de Nessebre.-In: Nessebre. Sofia, 1969, vol. I.
39. Lugli G. Tecnica edilizia romana. Roma, 1957.
40. Venedikov Iv., Ognenova-Marinova L., Petrov T. Disposition fouilles et remparts de Nessebre du cote occidental.-In: Nessebre, Sofia, 1969, vol. I.
41. Вачева К. За терминологиата на строителните техники през античността. - Кн.: Археология. София, 1979, №1.
42. Diehl Ch. Justinien et la civilisation byzantine au VI-e siecle.- Paris, 1901.
43. Всеобщая история архитектуры, т.3. Л.- М.: изд-во лит-ры по стр-ву, 1966.
44. Маджаров М. Северната порта на Хисарската крепост. - Археология. София, 1979, №1ю.
45. Цухишвили И. А. Византийские монеты «Великого Питиунта». - В кн.: Великий Питиунт, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
46. Сорокина Н. П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. - В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Наука, 1963.
47. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. - СА, 1971, №2.
48. Апхазова Н. И. Материальная культура раннесредневековой Грузии (вопросы археологической хронологии по данным украшений). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
49. Цоцелия М. В. О монетных дворах сасанидского Ирана. - САНГ, 1975, т.77, №1.
50. Robinson H. S. Pottery of the Roman Period. Chronology. - In: The Athenian Agora. Prinseton, 1959, vol. V.
51. Романчук А. И. Слои VII—VIII вв. в портовом районе Херсонеса. - В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск: изд-во СГУ, 1975, вып.11.
52. Thalman J. P. Tell Arga (Liban Nord) campagnes I-III (1972-1974).-In: Siria (Revue d art oriental et d'archeologie). Paris, 1978, t. LV.
53. Scorpan C. Contribution a la connais-sance de certains types ceramiques romano-bisantis (IVe—VIe siecles) dans l'espace Istro-Pontique. - In: Dacia, N. S. Bucurest, 1977, t. XXI.
54. Леквинадзе В. А. О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса - Нокалакеви. - СА, 1959, №3.
55. Закарая П., Ломоури Н., Леквинадзе В. Краткий отчет Нокалакевской археологической экспедиции 1973 г. - АЭГМГ, 1975, вып. IV.
56. Закарая П., Леквинадзе В., Гвинчидзе Г. Отчет работ Нокалакевской археологической экспедиции, проведенных в 1976-1977 гг. - АЭГМГ, 1978, вып. IV.
57. Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми: Абгиз, 1958.
58. Джапаридзе В. М. Археологическое изучение городища Вардцихе. - В кн.: Археологические памятники феодальной Грузии. Тбилиси, 1974, вып. II.
59. Дюбуа-де-Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа. Сухум, 1937.
60. Леквинадзе В. А. О постройках Юстиниана в Западной Грузии. - ВВ. 1973, т. 34.
61. Вахушти Багратиони. Описание царства Грузинского. Тбилиси, 1941.
62. Ламберти А. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. - СМОМПК, Тифлис, 1913, вып.43.
63. Шарден Ж. Путешествие в Грузию. - Тбилиси, 1935.

64. Чернявский В. И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно. - В кн.: Протоколы V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1879.
65. Лихачев И. Чловская пещера и легенда об Абласкире - Прометее. - Труды V Археологического съезда в Тифлисе, М., 1881.
66. Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. МАК, 1889, т. II.
67. Гарцкия В. Из абхазских народных преданий и поверий (озеро Папанцкур. Абрскил). - СМОМПК, 1892, вып. XIII.
68. Уварова П. С. Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок), Путевые заметки. М., 1891, т. II.

195

69. Уварова П. С. Материалы по археологии Кавказа - МАК, 1894, вып. IV.
70. Стражев В. И. Руинная Абхазия. - ИАНО, 1925, вып. I.
71. Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. - ИАНО, 1926, вып. IV.
72. Иващенко М. М. О направлении Келасурской стены. - ИАНО, 1926, вып. IV.
73. Соловьев Л. Н. Древние оборонительные рубежи феодальной эпохи на Черноморском побережье Западной Грузии (Гагрская крепость, Иверская гора, Келасурская стена), - Сухуми, 1940 (рукопись), Архив АБИЯЛИ, №344.
74. Шервашидзе Л. А. Абхазия в искусствоведческой литературе. - В кн.: Под знаменем Октября. Сухуми: Алашара, 1968.
75. Пачулия В. П. В краю Золотого Руна (Исторические места и памятники Абхазии), М., Наука, 1968.
76. Якобсон А. Л. Рец. на кн.: Археологические исследования средневекового Крыма. - СА, 1971, №3.
77. Воронов Ю. Н. Разведки в Абхазской АССР. АО - 1970, М., 1971.
78. Воронов Ю. Н. Разведочные работы в Абхазской АССР. - АО - 1971. М., 1972.
79. Воронов Ю. Н. К уточнению интерпретации одного сведения Прокопия Кесарийского о строительной деятельности Юстиниана в Причерноморье. - В кн.: Тезисы докладов XV научной конференции Института археологии Украины. Одесса, 1972.
80. Воронов Ю. Н. Келасурская стена. - СА, 1973, №2.
81. Levintas W. Irrtum um 1000 Jahre. Die Kelassurische Mauer. - In: Exakt. Informationen aus Wissenschaft und Technik in der Sowjetunion. Stuttgart, 1975, №7/8.
82. Берадзе Т. Вахушти Багратиони и вопросы исторической географии Одиши. - В кн.: Сборник исторической географии Грузии. Тбилиси, 1971, т. IV.
83. Гунба М. М. Келасурская стена. - ИАИ, 1977, вып. VI.
84. Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д., Думбадзе М. К., Меликишвили Г. А., Месхия Ш. А. История Грузии, - Тбилиси, 1962, т. I.
85. Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки). Сухуми: Алашара, 1965.
86. Леквинадзе В. А. Об одной византийской крепости. - САНГ, 1967, т. XVII, №2.
87. Картлис Цховреба. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1953.
88. Леквинадзе В. А. Оборонительные сооружения Себастополиса - СА, 1966, №1.
89. Леквинадзе В. А. По поводу Анакопийской крепости. - ВГМГ, 1968, т. XXV-B.
90. Хан-Магомедов С. О. Раннесредневековая горная стена в Дагестане. - СА, 1966, №1.
91. Путешествия русских послов XVI—XVII вв. (статейные списки). - М.-Л.: изд-во АН СССР, 1954.
92. Закарая П. П. Позднесредневековые крепости Мегрелии. - ВГМГ, 1970, т. XXVI-B.
93. Закарая П. П. Древние крепости Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1969.
94. Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Памятники села Герзеул. Сухуми: Алашара,

1980.

95. Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. СПб., 1880, т. II.

96. Франчес Э. Византийское государство и левобережье Дуная в VI в — ВВ, 1961, т.20.

97. Леквинадзе В. А. Вислая печать с именем Сергия из Грузии. - СА, 1980, №4.

196

ГЛАВА 4. ЗАПАДНОКАВКАЗСКИЕ ПЕРЕВАЛЬНЫЕ ПУТИ В VI-VIII ВВ. Н. Э.

3.4.1. Несмотря на гористое окружение, Западное Закавказье никогда не было изолировано от смежных территорий, соединяясь с ними с помощью достаточно густой сети дорог, использовавшихся как в процессе грабительских набегов, так и в целях торговли и обмена культурными достижениями [1, с. 441]. Исключения в этом отношении не составляли и пути на Северный Кавказ, куда по ним проникли элементы колхидской бронзы, затем ими воспользовались скифы, позднее по ним устремились торговые караваны к рынкам Диоскуриады, в первые века н. э. Охрана этих дорог стала одной из важнейших функций римских гарнизонов Понтийского лимеса [2, с. 194]. Однако наибольшее значение западнокавказские тропы приобретают в VI—VIII вв., когда здесь пролегло ответвление Великого шелкового пути [3, с. 1-14]. Основную роль издавна играли тропы к перевалам Мамисон (от Кутаиси по ущелью Риони), Накра (от Фасиса по ущелью Ингура), Клухор (от Севастополиса по ущелью Кодора), Санчар (от Севастополиса по ущелью Гумисты) и Псеашхо (по ущелью Мзымты). Ниже рассматриваются материалы, характеризующие последние три дороги на их отрезках «побережьеперевал» [4, с. 277; 5, с. 80-82].

3.4.2. Вдоль пути к перевалу Псеашхо в рассматриваемый период возникла целая система крепостей и укрепленных поселений. Отрывочные данные об этих памятниках содержатся в трудах многих исследователей (П. С. Уварова, И. Стеллецкий, С. Дороватовский, Н. В. Анфимов, И. Б. Брашинский, В. Б. Ковалевская, Л. Н. Кольченко, Л. Л. Ситников) (6-12), однако первое комплексное обследование всего этого района с полной публикацией всего известного материала произведено автором [13; 14, с. 83-102]. Путь этот начинался в районе современной Хосты, затем шел вблизи Воронцовской пещеры, откуда, обойдя с запада теснину Ахцу, спускался в Красную Поляну, достигал Пслуха и поднимался к перевалу (рис. 40,1). Вдоль этой дороги теперь известно больше десятка укреплений (Хоста, Лесное, Галицино, Псахо, Медовеевка, Монашкино, Куницино, Бешенка, Аибга, Котел, Ачипсе, Пслух, Роза-хутор и др.), объединенных как единством строительных приемов, так и сопровождающим археологическим материалом, добытым в процессе поверхностных сборов, шурфовок и раскопок на отдельных объектах (Хоста, Бешенка, Ачипсе). Центральное место в системе краснополянских крепостей занимает Ачипсе (рис. 40, 2). Хронологическая позиция всего рассматриваемого комплекса памятников определяется следующими наблюдениями: 1) часть укреплений возведена из мелких грубообработанных квадров (Хоста, Ачипсе) и плитняка (Аибга, Пслух) на прочном известковом растворе, другие (Бешенка, Монашка и др.) сложены насухо из крупных плит [14, с. 83-84]. Аналогичная закономерность просле-

197

жена в отношении цебельдинской оборонительной системы, возникновение которой датируется в рамках второй половины IV-VI вв. н. э. (15, с. 29-40), с уточнением в пользу VI в. (см. третью главу настоящего раздела); 2) в стенах и постройках Ачипсинской крепости отмечено использование кирпича, в том числе трехрядного пояса [14, с. 86, рис. 45, 4], применение которого в Западном Закавказье отмечается в рамках IV—VIII вв. [16,

с. 137-167; 17, рис. 47; 18, с. 32-33], причем распространение этого приема в горной Абхазии (Цебельда), по последним данным, относится к VI в.; 3) железные мотыга и топорик (рис. 40, 8, 9) из культурного слоя Бешенской крепости [14, с. 95, рис. 52, 8, 17] по своей форме сближаются с соответствующими изделиями Абхазии, датируемыми там в рамках V-VII вв. [15, с. 56]; 4) среди обломков стеклянной посуды из нижнего горизонта накоплений Ачипсинской крепости донная часть чаши [14, рис. 51, 9) находит аналогии среди западнокавказских памятников VI в. [19, табл. XXXII, 11-14], а стенка сосуда с сотчатым орнаментом (рис.40,10) - среди изделий, датирующихся суммарно IV-VI вв. [20, с. 74-78; 21, с. 60-61,22] с предпочтением (на основе данных, полученных в последнее время в Цебельде) даты в рамках второй половины V - середины VI вв.; 5) ранние пифосы из Ачипсинской крепости по профилю венчиков и орнаментации (рис.40,11,12) [14, рис.53,7- 10] занимают промежуточное положение между соответствующими изделиями Цибилиума (горизонт второй четверти - середины VI в.) [22, табл. С11.8] и Герзеула (VII—VIII вв.) [18, рис.18,2]; 6) в верхнем горизонте накоплений Ачипсинской крепости найдены многочисленные обломки кувшинов с росписью (рис.40,13-18) [14, рис.57], подобные которым были широко распространены в VIII—XI вв. в Болгарии (Попина, Хасково и др.) [24, с. 18-19; рис. 8; 9], Румынии [25, р. 73,179, tabl. IX,1-5, fig. 109] и в Северном Причерноморье [26, с. 141-142]. Близкие изделия найдены в раннем (VII—VI вв.) горизонте культурных отложений в Анакопии [27, рис. 51, 2]. Сказанное позволяет уточнить время сооружения главных укреплений Красной Поляны и ее окрестностей в рамках VI—VII вв., а время функционирования всей системы определить суммарно втор. полов. VI—VIII вв. с возможным продлением этой даты в отдельных случаях до IX-X вв.

3.4.3. Относительно памятников рассматриваемого времени вдоль пути Себастополис-Санчар (рис.40, II) в литературе до середины 60-х годов практически сведений не было. Единственная из известных крепостей - Псхувская датировалась поздним средневековьем [28, с. 128-130; 29, с. 80, 118, рис. 28]. В 1966-1972 гг. в результате целенаправленных разведок в ущелье р. Гумисты автором был выявлен и описан комплекс укрепленных поселений (Гвард, Каман 1 и 2, Отсюш 1 и 2, Ахипса 1 и 2, Шубара и др.) [30, с. 10,53-57], датированный первоначально из-за своеобразия вновь открытой культуры и на основе невыразительных обломков амфор с пироксеновой примесью в глине «последними веками до н. э. - началом н. э.» [30, с. 54, 56, 57]. Однако дальнейшие исследования в этом районе показали не-

198

обходимость пересмотра этой даты в сторону значительного ее упозднения [31, рис. 3, 91-93; 4, 126]. Основанием для такого вывода служат следующие факты: 1) стены башни на поселении Каман-1 (рис.40,4) сложены крупноквадровой кладкой на известковом растворе в технике, которая, согласно последним данным распространилась в горной Абхазии в VI—VIII вв. (Цибилиум, Герзеул и др.) [30, табл. X, 9, 10; XI, 1, 2, 4-7]; 2) в основании культурных накоплений внутри упомянутой башни найдены обломки стеклянного рюмковидного сосуда той формы, которая характеризует слои VI в. в Цибилиуме и других пунктах Западного Закавказья того же времени [30, с. 54, табл. XI; XLVII, 15; 19, табл. XXXII, 4; 22]; 3) среди материалов поселения Каман-1 отмечена кухонная посуда «раннесредневекового облика», найденная в сочетании с обломками «цебельдинских» пифосов и кувшинчиков [30, с. 53-54, табл. XXV, 18, 37], дата которых определяется теперь рамками V-VI вв. [31, рис. 2, 36, 37]; 4) в средней части накоплений (горизонт г) на поселении Отсюш-1 найдено железное кресало характерной луковидной формы (рис.40,22) [30, табл. XXIV, 53], уже сильно отличающееся от древнейшего из известных на территории Абхазии пластинчатого кресала из комплекса Апианча-28 [40], датированного временем не ранее V-VI вв. н. э. [32, с. 47-48, табл. XI, 3), и сближающееся

с кресалами, получившими распространение в Восточной Европе в IX-XI вв. [33, с. 364, рис. 88, 7]; 5) из того же горизонта происходит костяная орнаментированная «копоушка» (рис. 40, 23) [30, табл. XXIV, 47], подобные которой в памятниках салтово-маяцкой культуры известны с середины IX в. [34, табл. 4, рис. 36], а в Удмуртии - со второй половины VIII—IX вв. [35, табл. VIII, 4, 5]; 6) обломки амфор из темной серо-сизой глины с обильной примесью пироксена, характерные для всего рассматриваемого комплекса поселений, обнаружены в последнее время в культурном слое с раннеюстиниановской медной монетой в крепости Цибилеум. Все сказанное позволяет датировать расцвет поселений в ущелье р. Гумиста в пределах VI—VIII вв. н. э. Оживленное движение купеческих караванов по этому пути зафиксировано в «Хронографии» Феофана для начала VIII в. [36, с. 82, 86; 37, с. 65].

Крупнейшим оборонительным сооружением рассматриваемого пути является Псхувская крепость (рис. 40, 3), расположенная у начала подъема к Санчарскому перевалу от р. Бзыбь. Крепость исследовалась автором в 1969 и 1970 гг. (обмер, сборы, шурфовка) [38, с. 139-146], в результате чего была выявлена серия черт, сближающих памятник с кругом раннесредневековых укреплений Абхазии и Сочинского района (VI-X вв.) [31, рис. 4, 112, 115, 119]. В настоящее время накопились новые факты, позволяющие конкретизировать вопрос о дате крепости в Псху: 1) отмечается полное соответствие наборов и типов керамических изделий (пифосы, миски, кувшины, горшки, вазочки, черепица) из Псхувской крепости [38, рис. 1, 2-14; 2, 1-26] и раннего горизонта Герзеульской крепости (VII—VIII вв.) [18, рис. 13, 2-10; 14, 1-13; 17, 1-11]; 2) узкий и плоский бортик вдоль верхнего (а

199

иногда и нижнего) края, характеризующий черепицу из Псху (рис. 40, 24) [38, рис. 1, 4-6], связывает ее с керамидами, получившими распространение в Северном Причерноморье в VIII—IX вв. [39, с. 64-66, рис. 36] и экспортировавшимися из Византии с VII в., о чем говорят находки такой черепицы на затонувших кораблях совместно с монетами Ираклия (610-641) [40, s. 538-563, Fig. 4]; 3) среди находок в крепости попадаются обломки кружечек из светлой тонкоотмученной глины [38, рис. 3, 13], известные по находкам в погребениях VIII-X вв. в Красной Поляне [14, рис. 58, 14] и вместе с монетами конца X в. в Цибилеуме [22, с. 245]. Таким образом, можно время постройки Псхувской крепости отнести к VII—VIII вв. н. э., а период ее функционирования довести до X в.

3.4.4. Среди западнокавказских перевальных путей наиболее изучена дорога от Себастополиса к Клухорскому перевалу (совр. Военно-Сухумская дорога), вдоль которой в рассматриваемое время располагалось большое число крепостей, храмов, поселений, могильников и других памятников, подчеркивающих исключительно важную роль этого пути в системе причерноморско-северокавказских коммуникаций. О значении этого пути писалось немало (В. И. Чернявский, М. М. Трапш, З. В. Анчабадзе, Г. К. Шамба и др.) [2, с. 207; 41, с. 24; 42, с. 17-18; 43, с. 75-77], однако провести систематический поиск и фиксацию следов самой дороги и большинства расположенных вдоль нее памятников, в том числе и рассматриваемого времени, довелось впервые автору [15, с. 46-50; 30, с. 63-64; 44, с. 1-75].

Как отмечалось выше, раскопки 1977-1980 гг. в Цибилеуме - главной крепости Апсилии, древнеабхазского политического образования, центр которого находился в окрестностях совр. Цебельды, позволили определить дату этой крепости, а вместе с ней и время постройки большинства других укреплений этого района (Шапка, Ахыста, Ват, Пскал и др.) [15, с. 29-40], в рамках первой половины VI в. По своей мощи эта оборонительная система в Западном Закавказье уступает только комплексу крепостей того же времени на территории Лазики (Археополь, Родополь, Сарапанис, Сканда и др.) [45, с. 21-35]. В

верхнем горизонте культурных накоплений Цибилиума, отражающем заключительный этап в жизни крепости, найдены Т-образные шарнирные фибулы с пластинчатым приемником и завитком (рис. 39, 5, 6), датируемые в рамках второй половины VI - начала VIII вв. н. э. [46, рис. 15,1, 2; 47, табл. XLIV], поясная бляшка геральдического стиля, характерная для второй половины VI - первой половины VII вв. (рис. 39, 7) [47, табл. XLIV; 48, рис. 5, 47], обломки керамики - крупных грубой выделки ваз (рис. 39, 9) и ручек кувшинов с еще редкой нарезкой, характерные для памятников Абхазии второй половины VI—VIII вв. [49, с. 169-176; 50, рис. 1-3]. В 1981 г. в верхнем горизонте накоплений башни №2 в крепости Шапка найдена овально-рамчатая пряжка с прорезным щитком второй половины VII - первой половины VIII вв. н. э. Эти материалы дают возможность определения

200

длительности функционирования ранней группы апсильских крепостей в рамках VI - начала VIII вв. [15, с. 152].

Как установлено, укрепления Апсолии в VI в. возводились при более древних поселениях апсилов, играя здесь роль своего рода цитаделей, где в случае опасности укрывались местные жители [15, с. 26, 27]. Однако в рассматриваемый период вдоль Клухорской тропы появляются крепости иного рода - они несколько меньших (в отношении полезной площади) размеров и расположены в непосредственной близости от следов древней дороги, контролируя ее важнейшие участки. Среди этих крепостей в первую очередь необходимо назвать Герзеульскую, Чхалтинскую и Клычскую.

Первые сведения о Герзеульской крепости (рис. 40, 5) были опубликованы В. П. Пачулиа и автором, датировавшими ее VI веком [29, с. 88,122; 30, с. 59, 71, табл. XI, 7]. В 1973 г. раскопки крепости начал О. Х. Бгажба [51, с. 44]. Основные работы по исследованию Герзеульской крепости были произведены в 1976-1977 гг. автором совместно с О. Х. Бгажба [18, с. 26-37; 52, с. 463-464]. Дата крепости при этом была определена в рамках VII—VIII вв. на основании того, что: 1) каменная кладка стен, представляющая собой дальнейшее развитие приемов, отмеченных в апсильских крепостях VI в., вместе с тем ближе всего стоит к Анакопии, построенной в VII в. [18, с. 29-30]; 2) в керамике Герзеульской крепости (рис. 40, 25, 26) при наличии некоторых пережиточных форм апсильской керамики VI в. (пифосы, горшки, вазы, миски) совершенно отсутствуют наиболее характерные для Апсолии V-VI вв. кувшинчики с чашечкообразным венчиком, бытование которых завершается в первой половине VII в. [15, с. 69; 31, с. 47]; 3) в материалах нижнего слоя Герзеульской крепости отсутствует целый ряд форм керамических изделий (пифосы с высоким венчиком, вазы, кубки и др.), характеризующих местные памятники VIII—X вв. [50, рис. 2, 12-15; 3, 12-16] и т. д. Крепость занимает исключительно важное место у стыка двух дорог - подгорной, соединявшей Анакопию с Кутаиси («Абхазский путь»), и рассматриваемой - к Клухорскому перевалу [18, с. 41-42]. Чхалтинская крепость (Чирксабаа) (рис. 40, 6) расположена в глубине Кодорского ущелья у места соединения двух важнейших троп на Северный Кавказ - Марухской (вдоль р. Чхалта) и Клухорской. Первые сведения о крепости находим еще у К. Л. Мачавариани [53, с. 27-29]. В. П. Пачулиа датировал крепость, исходя из кладки стен, IV-X вв. [29, с. 124-125]. В 1962 и 1971 гг. крепость обследовалась автором. На верхней площадке выявлено два горизонта накоплений - верхний с обломками глазурированной керамики и другими материалами XI—XIV вв. и нижний с фрагментами горшков, мисок, пифосов и кувшинов того же типа [44, с. 38, рис. 17, 2-3], что и в нижнем горизонте накоплений Герзеула, т. е. не ранее VII—VIII вв. Важно и сведение о находке в крепости золотой монеты Юстиниана I [54, №1067].

Клычская крепость (рис. 40, 7) блокирует древнюю тропу вблизи выхода ее в субальпику у Клухорского перевала. Первое ее обследование про-

изведено автором [55, с. 472]. К рассматриваемой группе памятников крепость отнесена по следующим признакам: 1) в планировке, кладке стен (мелкие квадраты в панцирях, использование кирпича и обработанного под кирпич сланца) и конструкции главных ворот [44, с. 38, рис. 17, 2-3] проявляется связь с местными памятниками VI—VIII вв. (Цибилиум, Герзеул и др.); 2) керамические изделия (пифосы, кувшины, горшки и др.) [44, рис. 19, 3-16] из основного культурного слоя крепости относятся к типам, характерным для верхнего горизонта Цибилиума и нижних горизонтов в Герзеуле, Чхалте и Псху, т. е. характеризуют период около VII—VIII вв.; 3) из верхнего горизонта накоплений Клычской крепости происходит бронзовая подвесная петля для конца ремня (рис. 40, 27) [31, рис. 4, 127; 44, рис. 19, 2], входящая в круг северокавказских втор, полов. VII - перв. полов. IX вв. (Чми, Харх и др.) [46, с. 119, рис. 12, 47, 48; 56] и, особенно «раннетюркских» втор, полов. VIII - перв. полов. IX вв. (Курай IV, Мойгун-Тайга и др.) [46, рис. 12, 42, 49] изделий такого рода. Судя по фрагментам кувшинов грубой выделки можно предполагать, что крепость функционировала и позднее, в IX-X вв.

Итак, в отличие от первых двух путей, где основным средством их охраны служили укрепленные поселения аборигенов, вдоль Клухорского пути в тот период возникло две, по-видимому, сменивших друг друга оборонительных системы, первая в начале VI в., вторая же в VII—VIII вв. Причем, если первая хотя и намного превышала по своей мощи краснополянский и, тем более, гумаотсюшский комплексы крепостей, но все же она, как и эти комплексы, возникла в результате развития местных поселений. Вторая же не связана с таковыми и появилась, по-видимому, уже исключительно в целях охраны самого пути. Это обстоятельство выделяет современную Военно-Сухумскую дорогу на фоне остальных перевальных путей Западного Кавказа, подчеркивая ее особую роль в системе причерноморско-северо-кавказских связей. Путь этот имел в рассматриваемое время два параллельных наименования - «Даринская дорога» и «Путь через Апсилию». Первое название упоминается историком Менадром Протиктором в связи с описанием путешествия византийского посла Зимарха в 569-570 гг. в Среднюю Азию [57, с. 383], второе название реконструируется как через указанный источник, так и по описанию вояжа Льва Исавра в Аланию в начале VIII в. [36, с. 83-84].

3.4.5. Около столетия внимание исследователей привлекают загадочные постройки из камня насухо, разбросанные по всей субальпике южных склонов Большого Кавказа и его отрогов от верховьев рр. Сочи и Мзымта и до верховьев рр. Кодор и Ингур (рис. 41, 1). Сооружения эти получили в народе название «ацангуары» - «ограды карликов». До последнего времени одного мнения ни о назначении, ни о времени постройки этих сооружений не существовало. Н. М. Альбов, первым поднявший вопрос об ацангуарах, отмечал, что они распространены «почти во всех горах Абхазии» и служили в древности пастушескими оградами [58, с. 144]. М. М. Иващенко, со-

бравший сведения о 17 ацангуарах, трактовал их как культовые объекты (кромлехи), включив их в число «архаических» (доантичных) памятников [59, с. 79-83]. Данные о 20 ацангуарах привел Н. И. Квезерели-Копадзе, по мнению которого эти памятники представляли собой снегозащитные дорожные сооружения античной эпохи [60, с. 61-62]. Ц. Н. Бжания, располагавший данными о 30 ацангуарах, определил их как жилища и хозяйственные постройки пастухов и ограды для скота, которые возводило в раннее средневековье «абхазское население горных ущелий» [61, с. 127]. Аналогично рассматривает ацангуары В. П. Пачулиа [29, с. 127]. Ш. Д. Инал-ипа, собравший данные о

96 ацангуарах (включая и известные ранее), присоединяется к этому мнению, но дату их определяет более широко - от конца III тыс. до н. э. до «зрелого средневековья» [62, с. 57-158].

С 1962 г. исследования высокогорных районов Абхазии и прилегающего к ней с запада Сочинского района ведет автор. В результате на площади около 4000 кв. км было выявлено свыше 400 ацангуарных комплексов, из которых свыше двух десятков прошурфовано и частично раскопано [14, с. 90-101; 31, с. 50; 44, с. 38, 42, рис. 18; 62, с. 30-40; 64, с. 484; 65, с. 160-167]. Основные группы ацангуар расположены на перевальных путях и в верховьях рек вблизи осыпей, морских отложений и т. д. Основой каждого ацангуарного комплекса является жилое сооружение - «дом пастуха», представляющий прямоугольное помещение с полезной площадью от 8 до 20-25 кв. м, со стенами толщиной до 1,5-2 м и высотой (теперь) до 1,2-1,4 м и узким (0,4-0,6 м) входом (рис. 41, 4, 5). «Дом пастуха» может стоять одиноко, однако чаще его сопровождают различные служебные постройки и загоны, часто охватывающие значительную площадь (до 1500-2000 кв. м) (рис. 41, 2, 3). В отдельных случаях ацангуары образуют целые поселки («города карликов» по народной терминологии), включающие 15-20 и более жилых помещений, соединенных густой сетью оград (Мзи, Абгарышта, Рихва, Малый Гуарап и др.). При постройке жилых помещений применялась панцирная кладка насухо с забутовкой из мелкого камня, стены возведены без фундаментов. Ограды же сложены из крупных обломков скал в один ряд, что действительно придает им кромлеховидный облик [63, с. 31-36].

Раскопки ацангуар позволили всюду установить единую стратиграфию: а) дерн с редкими обломками керамики (0,1-0,2 м); б) основной культурный слой с остатками костров и фрагментов керамики, костей и редких изделий из камня и железа; в) материк. Среди керамических изделий основное место (более 70%) занимают фрагменты лепных корчаг и горшков (рис. 41, 6-14) из темно-коричневой глины с обильной примесью толченого известняка и других элементов, выгоравших при обжиге, что придавало изделию пористость и легкость, необходимые в условиях высокогорного молочного хозяйства [63, с. 36]. Аналогичная посуда в массе встречается в раннесредневековых (VI—IX вв.) слоях Анакопии [66, с. 149, рис. 14, 1-4] и укрепленных поселений Гумистинского [30, с. 54-56] и Мзымтинского [14, с. 97-98]

203

ущелий. Значительное число обломков (около 25%) принадлежит горшкам звонкого обжига (рис. 41, 15, 16), частично изготовленных на гончарном круге [63, с. 36]. Сходные изделия известны как в раннесредневековом слое Анакопии [66, с. 148, 149, рис. 13, 1-4, табл. XIV, 1-8], так и в других памятниках Абхазии и Сочинского района того же времени [49, с. 170, рис. 3]. Изредка попадаются обломки со следами коричневого и красного лощения и бурой краской (рис. 41, 17) [63, с. 36-37], связанные, по-видимому, с крашеной керамикой раннесредневековых памятников Абхазии (Анакопия) [66, рис. 16, 2; 67, табл. X] и Сочинского района (Красная Поляна) [14, с. 98, 99, рис. 57]. Иногда фиксируются фрагменты пифосов и кувшинов (рис. 41, 18, 19), ручки которых украшены редкими наколами [44, рис. 18, 8]. Последние находят аналогии среди местных изделий второй половины VI - IX вв. [49, рис. 2, 15]. Из металлических изделий интересны железные ножи (рис. 41, 21) и, особенно, два железных трехлопастных наконечника стрел (рис. 41, 22, 23), найденные в одной из ацангуар у озера Мзи [31, рис. 4, 130-131]. Последние относятся к типам, имевшим распространение в VIII—IX вв. Важным хронологическим показателем служит факт отсутствия в ацангуарах Апсилии местных кувшинчиков с чашечкообразным венчиком и другой апсильской посуды, хорошо известной по памятникам цебельдинской культуры в V - начале VII вв. [15, с. 60]. В то же время на скале вблизи одного из ацангуарных комплексов на горе Гуарап известны изображения больших цебельдинских

топоров [69, табл. 12, 22, 23, 27; 13, 10], имевших бытование в V-VII вв. н. э. [70, с. 86]. Следовательно, распространение ацангуар в Восточной Абхазии падает на время, непосредственно соприкасающееся с завершающей стадией развития цебельдинской культуры, т. е. на VII—VIII вв. Таким образом, весь материал, полученный из ацангуар Абхазии и прилегающего Сочинского района, может быть датирован в рамках VI-X вв., т. е. ранним средневековьем. Среди многих тысяч обломков керамических сосудов, просмотренных автором, не встретилось пока одного, который с полной уверенностью можно было бы отнести к другому периоду [63, с. 37].

Широкое распространение пастушеских построек в альпийской зоне Абхазии и прилегающих районах свидетельствует о существовавшем здесь достаточно развитом отгонном скотоводческом хозяйстве, которому под силу было повсеместное освоение альпийских пастбищ на достаточно обширной территории. Как уже справедливо утверждалось, «ацангуары являются продуктом одной эпохи, отражением какого-то важного переломного этапа в экономическом и общественном развитии местного населения» [62, с. 119]. Проведенные мною исследования ацангуар показали, что этот переломный этап утверждения определенной специализации хозяйства предшествовал и совпадал с возникновением и развитием первого местного государственного образования - Абхазского царства второй половины VIII—X вв., созданного на базе княжества абасгов (VI—VIII вв. н. э.), ко времени которого, по-видимому, относятся наиболее ранние ацангуары [63, с. 37].

204

Безусловно, основными дорогами древних скотоводов в рассматриваемое время были вышеописанные пути по ущельям Мзымты, Гумисты и Кодора. Однако в этот же период, как показывает картографирование ацангуар, интенсивно использовалось большое число других путей и перевалов, через которые двигались пастухи со скотом и которыми могли пользоваться купеческие караваны, посольства и христианские миссионеры.

Показательны в этом отношении исследования по линии ущелье Большой Лабы - Лабинский перевал - Бзыбь - перевал Химса - ущелье Восточной Гумисты, вдоль которой зафиксировано большое число ацангуар, заходящих на Северный Кавказ в ущелье Лабы на 5 километров [67, с. 120]. Аналогично указание ацангуар и в отношении перевалов Аджра, Дамхурц, Санчар, Марух и др.

3.4.6. В свете всех рассмотренных материалов горы Западного Кавказа в VI—VIII вв. предстают полностью освоенными, хорошо изученными, легкопроходимыми. В этот период здесь существует исключительно разветвленная сеть торговых и скотопрогонных путей, соединявших черноморское побережье с Северным Кавказом и служивших ответвлениями «Великого шелкового пути». Помимо чисто торговых выгод эти пути несли местному населению прибавочный продукт через отгонное скотоводство, они способствовали христианизации населения горных долин Абхазии и Алании и в какой-то мере содействовали созданию местной государственности в последующий период.

-
1. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1959.
 2. Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М.: Наука, 1964.
 3. Иерусалимская А. А. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л.: изд-во ГЭ, 1972.
 4. Воронов Ю. Н. Из истории перевальных путей, связывавших Восточное Причерноморье с Северным Кавказом в ст.: В. И. Козенкова, VII Крупновские чтения (Черкесск 1977). -

СА.1980, №2.

5. Воронов Ю. Н. Раннесредневековые крепости на территории Абхазии (VII—X вв.). - Мацне. Тбилиси, 1975, №3.
6. Уварова П. С. Коллекции Кавказского музея. - Тифлис, 1902, т. V.
7. Стеллецкий Н. Крепости Абхазии. - ЦГАА. Ф.391.Д. №307.
8. Дороватовский С. Сочи, Красная Поляна и окрестности. - СПб, 1911.
9. Брашинский И. Б. Обследование античных памятников Северо-Восточного Причерноморья. - АО-1965. М., 1966.
10. Ковалевская В. Б., Воронов Ю. Н., Михайличенко Ф. Е. Исследования средневековых памятников Северо-западного Кавказа. - АО-1968. М., 1969.
11. Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л. Разведки в бассейне Мзымты. - АО - 1971, М., 1972.
12. Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л. Разведки у Красной Поляны. - АО -1970, М., 1971.
13. Воронов Ю. Н., Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л. Археологические разведки в бассейне р. Мзымта. - АО - 1969. М., 1970.

205

14. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. - Краснодар, 1979.
15. Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука, 1975.
16. Леквинадзе В. А. Материалы по монументальному строительству в Лазике. - ВГМГ, 1961, т. XXII-В.
17. Трапш М. М. Древний Сухуми. Труды в 4-х томах, т. II. Сухуми: Алашара, 1969.
18. Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Памятники села Герзеул. Сухуми: Алашара, 1980.
19. Чхеидзе Л. Стекланные изделия из Вашнарского городища. - ПЮЗГ, 1975, вып. V.
20. Воронов Ю. Н. К истории экономических связей Апсолии в IV—VII вв. (Привозная стеклянная посуда из Цебельды).- КСИА.1974, №138.
21. Сорокина Н. П. Стекланные сосуды IV-V вв. и хронология Цебельдинских могильников. - КСИА, 1979, №158.
22. Воронов Ю. Н. Стекло из раскопок Цибилиума (1977-1980 гг.).-ИАИ, XI, 1981 (в печати).
23. Воронов Ю., Гунба М., Бгажба О., Хрушкова Л. Итоги работ цебельдинской археологической экспедиции. - ПАИ-1977. Тбилиси, 1980.
24. Дончева-Петкова Л. Раннесредневековни ангобирани съдове. - Археология. София, 1973, №3.
25. Florescu Gr., Florescu R., Diaconu P. Capidava.- Bucuresti, 1958,1.1.
26. Фронджуло М. А. О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму. - В кн.: Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1968.
27. Трапш М. М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Труды в 4-х томах, т. IV. Сухуми: Алашара, 1975.
28. Иващенко М. М. Развалины в Псху. - ИАНО, 1926, вып. IV.
29. Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.: Наука, 1968.
30. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969.
31. Воронов Ю. Н. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н. э. - КСИА, 1979, №159.
32. Гунба М. М. Новые памятники Цебельдинской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
33. Археология Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1975, т. III.
34. Плетнева С. А. От кочевки к городам. - МИА, 1967, №142.
35. Генинг В. Ф. Мыдланьшай-удмуртский могильник VIII—IX вв - В кн.: Вопросы археологии Урала. Свердловск: изд-во СГУ, 1962, вып.3.

36. Затеишвили С. Г. Сведения об аланах в «Хронографии» Феофана. - В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М.: Наука, 1976.
37. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980.
38. Воронов Ю. Н. Раннесредневековые памятники села Псху. - Мацне. 1977, №2.
39. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
40. Bass G. T. Underwater excavation at Yassi Ada: a byzantine shipwreck.- In: Archäologischer Anzeiger. Berlin, 1962, Heft.3.
41. Чернявский В. И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно,- В кн.: Протоколы V археологического съезда в Тифлисе. М., 1881.
42. Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей. Труды в 4-х томах, т. 3. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
43. Шамба Г. К. Ахаччарху - древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми: Алашара, 1970.
44. Воронов Ю. Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Сухуми: Алашара, 1977.
45. Леквинадзе В. А. Монументальные памятники Западной Грузии I—VII вв.: Автореф. докторск. Дис. М.: ИА АН СССР, 1973.
46. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II. - СА, 1971, №3.
47. Апхазова Н. И. Материальная культура раннесредневековой Грузии (Вопросы археологической хронологии по данным украшений). Тбилиси: Мецниереба, 1979.

206

48. Амброз А. К. Проблема средневековой хронологии Восточной Европы. I,- СА, 1971, №2.
49. Воронов Ю. Н. Из истории раннесредневекового гончарного производства в Абхазии. - ИАИ, 1977, вып. VI.
50. Воронов Ю. Н. О трех раннесредневековых крепостях в Южной Абхазии. - ИАИ, 1978, вып. VII.
51. Шервашидзе Л. А., Бгажба О. Х., Бжания В. В., Шамба Г. К., Цвинариа И. И. Археологические исследования в Абхазии. - АО - 1973. М., 1974.
52. Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н., Лакоба С. З. Раскопки в Герзеульской крепости. - АО - 1976. М., 1977.
53. Мачавариани К. Д. Семь дней в горах Абхазии (наброски и впечатления). Батуми, 1900.
54. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик и областей Кавказа. - Баку, 1940-1959, вып. III—VIII.
55. Воронов Ю. Н. Разведочные работы в Абхазской АССР. - АО-1971. М., 1972.
56. Самоквасов Л. Я. Могилы русской земли. М., 1908.
57. Византийские историки (Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Нопнос и Феофан Византиец), перев. С. Дестуниса, СПб., 1860.
58. Альбов Н. М. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 г. - ЭКОИРГО, 1894, т. XVI.
59. Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. - ИНИИК, 1935, вып.3.
60. Квезерели-Копадзе Н. И. Дорожные сооружения древней Абхазии. Сухуми: Абгиз, 1955.
61. Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов (Этнографические очерки). Сухуми: Апашара, 1968.

62. Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми: Алашара, 1971.
63. Воронов Ю. Н. О датировке абхазских ацангуаров. - СЭ, 1973, №6.
64. Воронов Ю. Н. Исследования в высокогорной зоне Абхазии. - АО-1975. М., 1976.
65. Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.: Искусство, 1978.
66. Трапш М. М. Археологические раскопки в Анакопии в 1957-1958 гг. - ТАИ, 1959, т. XXX.
67. Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии VIII—XIV вв. Сухуми: Апашара, 1977.
68. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII— XIV вв.. - САИ, 1966, вып. Е1-36.
69. Орелкин В. С. Культурный памятник древнего скотоводства абхазов. ИАИ, 1977, вып. VI.
70. Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. О больших цебельдинских топорах. - ТАГМ, 1980, вып. V .
71. Воронов Ю. Н., Гугуев В. К., Каменецкий И. С., Науменко С. А. Разведки в ущелье Большой Лабы. - АО-1978, М., 1979.
72. Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Ир, 1977.

207

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главным результатом проведенного выше исследования является впервые разработанная схема развития основных форм материальной культуры, характеризовавшей быт и связи населения Западного Закавказья на протяжении 1500 лет (VIII в. до н. э. - VIII в. н. э.). На основе корреляционных таблиц (такой метод обработки материала по отношению к большинству рассматриваемых памятников применен впервые) удалось выделить из массы коллекций серию достаточно выразительных комплексов, которые сегодня могут служить реальной основой для соответствующих хронологических и исторических обобщений.

Одним из важнейших выводов настоящего исследования является установление интересного факта полного типологического обновления всего ассортимента изделий, в том числе такого консервативного элемента, как керамика, через каждые 200-250 лет, а часто и гораздо быстрее. Этот процесс прослеживается и в духовной жизни, особенно в погребальном обряде, смена которого, как известно, наряду с керамикой, обычно рассматривается как важный показатель этнических сдвигов, миграций, ассимиляций и т. д. Соответствующие материалы из Западного Закавказья, как представляется, говорят о необходимости более осторожного подхода к интерпретации изменений в облике местной материальной культуры, которые происходили и за счет обмена идеями с соседними территориями, развития технологии и организации производства, совершенствования социальной структуры и т. д.

В ходе написания этой работы, с особенной отчетливостью проявилась необходимость при изучении закономерностей внутреннего развития материальной культуры данного региона максимально учитывать аналогии и их хронологическую и культурную позицию на соседних территориях. Без специальной проработки материалов Восточного Закавказья, Ирана, Малой Азии, Балкан и всего Средиземноморья, Северного Причерноморья, Северного Кавказа и даже Поволжья правильное решение многих вопросов истории материальной культуры Западного Закавказья крайне затруднительно. В этом направлении предстоит еще очень большая и кропотливая работа. Вопросы более частного порядка, постановка и наметка наиболее обоснованных решений

которых осуществлена в настоящем исследовании, сводятся к следующему:

1. В работе критически разобраны существующие хронологические схемы раннего железного века Западного и Центрального Кавказа (Колхида, Тли, Самтавро), показана несостоятельность ранних дат колхидско-кобанских древностей на стадии гравированного орнамента, в частности специально рассмотрены такие важные хронологические эталоны, как памятники круга погребения Самтавро-591 и кавказские фибулы «субмикенского» типа, дата которых определена временем не ранее VIII в. до н. э. На основе этих разработок и корреляции полутораста наиболее выразительных комп-

208

лексов раннежелезного века Закавказья установлена дата перехода от бронзового века к железнному в Западном Закавказье в рамках VIII—VII вв. до н. э. Параллельно проведено исследование проблемы колхидско-кобанской общности, в ходе которого показано, что между колхидской и кобанской культурами существует неизмеримо больше общих черт, чем это считалось до сих пор; обоснован вывод, предлагающий рассматривать эти культуры в качестве единой общности на уровне продукции металлообработки, т. е. объединить их в рамках единой металлургической провинции.

2. На основе корреляции нескольких десятков наиболее выразительных комплексов Северной Колхиды и их сопоставления с более четко датированными материалами Центральной Колхиды произведено уточнение дат большого числа погребений и отдельных изделий в окрестностях Диоскуриады. Впервые комплексно поставлен вопрос о присутствии в материальной культуре Колхиды VI—IV вв. до н. э. выразительных следов (керамика, изделия из металла, архитектура) воздействия культуры Ахеменидского Ирана. Разобраны основные археологические аргументы в пользу существования в Колхиде в указанный период независимого государства - так называемого Колхидского царства - и показана их несостоятельность. Впервые сделана попытка проиллюстрировать доколониционные связи греков с населением Колхиды на конкретном археологическом материале конца VIII - начала VI вв. до н. э. Параллельно исследован (на основе картографирования известных памятников и подсчета известных погребений) вопрос о демографической ситуации в местах основания греческих апой- кий Диоскуриады, Гиеноса и Фасиса, а также проблема имущественной дифференциации на основе уточнения даты отдельных комплексов. Проведена систематизация материалов, свидетельствующих о присутствии на побережье во второй половине VI-V вв. до н. э. крупных центров греческой культуры, отмечены следы воздействия этой культуры на местную. Специально проанализированы золотые украшения из Вани, отнесенные к колхидской ветви «греко-персидского» искусства. Особое внимание уделено тем переменам в жизни населения Западного Закавказья, которые последовали вслед за македонскими завоеваниями на Востоке. В частности рассмотрены материалы, характеризующие Диоскуриаду как подлинный город, т. е. центр промышленного производства и обмена, анализируется впервые выделенная автором продукция местных греческих ремесленников, делается первая попытка разобраться в структуре хоры города, его взаимосвязях с аборигенным населением. Особое внимание уделено интерпретации памятников (стены и башни, храмы и алтари, малая материальная культура, эпиграфические памятники и др.) знаменитого Ванского городища, греческий характер которых позволяет видеть в последнем типичный эллинистический город. Возникновение этого города, сопоставленного с Суриумом Плиния, связано с внутренней колонизацией Колхиды, предпринятой греками в раннеэллинистическую эпоху.

209

3. На основе анализа наиболее выразительных комплексов Центральной и Северо-

Западной Колхиды (исторические Пазика, Апсилия, Абасгия и Санигия) и корреляции многих десятков погребений из вновь раскопанного могильника у крепости Цибилеум проведено уточнение хронологии западнокавказских могильников I—VII вв. по линии выделения характерных черт конца I—IV, V, VI и второй половины VI—VII вв. В результате с незначительными поправками подтверждена хронология цебельдинских могильников, предложенная в свое время А. К. Амброзом и автором. На основе уточнения даты изделий из ранневизантийских слоев Питуунта и Себастополиса установлен достаточно выразительный горизонт V в., позволяющий подтвердить археологически тесную связь этих укреплений с Византийской империей и отсутствие каких-либо следов воздействия на эти крепости Лазского царства. Особое внимание уделено проблеме уточнения хронологии памятников Колхиды VI в., основанного на материалах раскопок последних лет в Цибилеуме и, отчасти, Археополе, где удалось на конкретных материалах подтвердить византийский характер такого рода укреплений, из которых Цибилеум получил наиболее твердую дату в пределах 20-30-х годов VI в. В этой связи вновь поставлен вопрос о Клисуре как системе ранневизантийских укреплений в ущельях Колхиды. Рассмотрены материалы (письменные источники, особенности архитектуры, археологические данные), характеризующие Келасурскую или Великую Абхазскую стену как памятник не VI в., а XVII в. Ранневизантийскую же Клисуру предложено рассматривать как систему внутренних укреплений Западного Закавказья, возводившуюся местными политическими образованиями (Лазика, Апсилия, Абасгия) с помощью Византии в первой половине VI в. с целью защиты проходов к побережью со стороны Северного Кавказа и Восточного Закавказья. Проведено также уточнение дат многих десятков крепостей и укрепленных поселений в ущельях рек Мзымта, Гумиста и Кодор и высокогорных пастушеских построек («ацангуара»), позволивших документально подтвердить существование разветвленной сети торговых и скотопрогонных путей, соединявших Черноморское побережье с Северным Кавказом в VI—VIII вв. н. э., когда здесь проходило ответвление «Великого шелкового пути».

В своем видении древней истории Западного Закавказья я старался исходить только из самих материалов. Отлично осознаю, что не все в моей работе выглядит достаточно обоснованным и убедительным. Но, не отрицая субъективного характера неизбежных, как и в любом другом исследовании, недочетов и ошибок, все же должен отметить, что и состояние самого материала во многом пока не дает возможности обосновать ту или иную мысль с необходимой точностью. Достаточно сослаться на пример Северного Причерноморья, где археологические исследования большим количеством ученых ведутся уже более столетия и где все еще многие из вопросов, поставленных в настоящей работе, находятся в стадии обсуждения и уточнения. В Западном Закавказье такие исследования начаты совсем не-

210

давно, фактически в полной мере только 20-30 лет назад, причем многие гипотезы, с которыми солидаризируется автор либо необоснованность которых доказывает, были сформулированы либо еще до этих исследований, либо в самом их начале, т. е. в опережение самих материалов.

80-е годы XX в. на территории Западного Закавказья характеризуются как период подлинного «археологического бума» - исследуются десятки объектов, налажена издательская база, позволяющая довольно оперативно вводить в научный оборот вновь добытые и давно хранящиеся в фондах музеев материалы. Вполне естественно, что массовое поступление новых фактов ведет и к новым попыткам осмысления всего имеющегося в распоряжении науки материала. При этом неизбежны и поправки, и новые гипотезы, вызываемые к жизни самой логикой исследовательского процесса. Все это учитывалось автором, который надеется, что настоящая работа будет

способствовать дальнейшей конкретизации и уточнению наших знаний об одном из наиболее ярких этапов исторического развития Западного Закавказья.

211

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамишвили Р. М., Апресов Л. А., Кахиани К. К., Окропиридзе Н. И., Титашвили Т. И. Итоги археологической экспедиции Дигомского ущелья. - ПАИ -1976. Тбилиси, 1979.
- Абрамишвили Р. М. Археологические исследования на новостройках Большого Тбилиси. - В кн.: Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
- Абрамишвили Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. - ВГМГ, 1961, вып. XXII-B.
- Абрамишвили Р. М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. - ВГМГ, 1957, вып. XIX-A и XXI-B.
- Абрамова М. П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского периода. - СА, 1979, №2.
- Авалишвили Г. Б. Погребение литейщика из могильника сел. Гантиади (Южная Грузия).- СА, 1978, №4.
- Агафий. О царствовании Юстиниана. - М.-Л.: изд-во АН СССР, 1953.
- Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми: Абгиз, 1958.
- Айбабин А. И. Погребения второй половины V - первой половины VI в. в Крыму.-КСИА, 1979, №158.
- Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. - М.: Наука, 1971.
- Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. - В кн.: Ученые записки ЛГУ. Л., 1949, вып.13.
- Апекшин В. А. Традиции и инновации в развитии древних культур (эпоха первобытно-общинного строя).- В кн.: Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л.: Наука, 1981.
- Альбов Н. М. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 г. - ЗКОИРГО, 1894, т. XVI.
- Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. I — СА, 1971, №2.
- Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II.-СА, 1971, №3.
- Амброз А. К. Рец.: Faider-Feytmans G. Les пйсгоро1ез merovingiennes. Les collections dr'arctwologie mgionale du Мигйе de Mariemont, П. Kortzijk, 1970 - СА,1975,№2.
- Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. - САИ, 1966, вып. Д1-30.
- Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв.: Автореф. докт. дис., М.: ИА АН СССР, 1974.
- Амираншвили Ш. Я. История грузинского искусства, т.1 - М.: Искусство, 1950.
- Амударьинский клад. Каталог выставки. - Л., 1979.
- Античная цивилизация. - М.: Наука, 1973.
- Антонова И. А. Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху. - В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск: изд-во СГУ, 1971.

212

- Анфимов Н. В. Исследования памятников раннежелезного века на Кубани. -АО-1966, М., 1967.
- Анфимов Н. В. Протомеотский могильник с Николаевского. -СМАА.1961, вып. II.
- Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья. - МИА, 1971, №177.
- Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.), - Сухуми: Абгиз, 1959.
- Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. - М.: Наука, 1964.
- Апакидзе А. М. «Великий Питиунт». Археологические раскопки в Пицунде. -В кн.: Великий Питиунт, т. III. - Тбилиси: Мецниереба, 1978.
- Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Джапаридзе О. М., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А., Хоштария Н. В. Археология Грузии. - Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1959.
- Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А. Археологические памятники Армазис-хеви по раскопкам 1937-1946 гг. - В кн.: Мцхета, т.1. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1958.
- Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса. - ТАИ, 1963, т. XXXIII-XXXIV.
- Апакидзе А. М., Лордкипанидзе Г. А. Работа Пицундской экспедиции. - . АО-1976. Тбилиси, 1977.
- Апхазава Н. И. Материальная культура раннесредневековой Грузии (вопросы археологической хронологии по данным украшений). - Тбилиси: Мецниереба, 1979.
- Аракелян Б. Н. Очерки по истории искусства древней Армении (IV в. до н. э. - III в. н. э.). - Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1976.
- Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства. - СА, 1968, №4.
- Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов. - АС, 1961, вып.2.
- Артамонов М. И. Переселение киммерийцев и скифов в Азию и их возвращение в Северное Причерноморье около 585 г. до н. э. - В кн.: Всесоюзная научная конференция, посвященная итогам полевых - археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
- Артамонов М. И. Сокровища саков. - М., Искусство, 1973.
- Археология Украинской ССР, т. II. - Киев: Наукова думка, 1971.
- Археология Украинской ССР, т. III. - Киев: Наукова думка, 1975.
- Асатиани Л. В. Краснолаковая керамика из Пицунды. В кн.: Великий Питиунт, т. II. - Тбилиси: Мецниереба, 1977.
- Асатиани Л. В. Кухонная керамика из Пицунды. В кн.: Великий Питиунт, т. I. -Тбилиси: Мецниереба, 1975.
- Афанасьев Г. Е., Биджиев Х. К., Воронов Ю. Н., Ковалевская В. Б., Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л. Работы средневекового отряда северокавказской экспедиции. - АО-1974. М., 1975.
- Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска. - СА, 1981, №2.

213

- Афанасьев Г. Е. Хронология могильника Мокрая Балка.-КСИА, 1979, №158.
- Барамидзе М. В. Мерхеульский могильник. - Тбилиси: Мецниереба, 1977.
- Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. - ИАНО, 1926, вып. IV.
- Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. История изучения археологии Абхазии (до 1975 г.) - Тбилиси: Мецниереба, 1982.
- Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н., Лакоба С. З. Раскопки в Герзеульской крепости. - АО-1976. М., 1977.
- Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Материалы по средневековому кузнечному ремеслу из

- горной Абхазии (жертвенник на перевале Напра), - ИАИ, 1978, вып. VII.
- Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Памятники села Герзеул. - Сухуми: Алашара, 1980.
- Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. О больших цебельдинских топорах. - ТАГМ, 1980, вып. V.
- Бгажба О. Х. Новые находки в Цебельде. - Амцабз, Сухуми, 1979, №2.
- Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII—XIV вв.). Сухуми: Алашара, 1977.
- Бгажба О. Х. Раскопки крепости в Цебельде. - Амцабз, Сухуми, 1978, №2.
- Бердзенишвил и М. Д. К истории города Фасиса. - Тбилиси: Мецниереба, 1969.
- Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. История Грузии, т.1. - Тбилиси: изд-во АН СССР 1950.
- Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д., Думбадзе М. К., Меликишвили Г. А., Месхия Ш. А. История Грузии, т.1. - Тбилиси: изд-во АН СССР, 1962.
- Берзин Э. О. Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций. - В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. - М.: Наука, 1966.
- Беляев С. А. Краснолаковая керамика Херсонеса IV-VI вв. - В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. - Л.: Наука, 1968.
- Берадзе Т. Вахушти Багратиони и вопросы исторической географии Одиши. - В кн.: Сборник исторической географии Грузии, т. IV. - Тбилиси: Мецниереба, 1971.
- Бердзенишвили К. И., Путуридзе Р. В. Пицундские амфоры (каталог). - В кн.: Великий Питиунт, т.1. - Тбилиси: Мецниереба, 1975.
- Бжания В. В. Древнейшая культура Абхазии: Автореф. канд. дис. - М.: ИА АН СССР, 1966.
- Бжания В. В., Квициния В. К., Шенкао Н. К. Раскопки в Шубаре - АО-1974. М., 1975.
- Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов (Этнографические очерки). - Сухуми: Алашара, 1968.
- Биджиев Х. К., Козенкова В. И. Предметы кобанской культуры из сел. Терзе (Карачаево-Черкессия). - СА, 1980, №3.
- Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. - М.: изд-во АН СССР, 1961.
- Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т. Полис и миграция греков. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.). - Тбилиси: Мецниереба, 1979, с.7-29.

214

- Блаватский В. Д. Новые данные о строительстве Пантикапеи. - СА, 1953, т. XVII.
- Блаватский В. Д. Харакс. - МИА, 1951, №19.
- Бобринский А. А. Перещепинский клад. - МАР, 1914, вып.34.
- Болтунова А. И. Античные города Грузии и Армении. - В кн.: Античный город. - М.: изд-во АН СССР, 1963.
- Болтунова А. И. Аргонавты и Колхида. - Мацне, Тбилиси, 1976, №3.
- Болтунова А. И. Замечания по поводу проспекта «Всемирная история» АН СССР, т. I—II. - ВДИ, 1952, №4.
- Болтунова А. И. К вопросу о социально-политической организации колхов. - В кн.: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему: Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII—VII вв. до н. э.) в Цхалтубо. Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
- Болтунова А. И. Колхидки. - ВДИ, 1973, №3.
- Болтунова А. И. Колхи и держава Ахеменидов (по данным Геродота). - В кн.: Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене»), т.1. - Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1979.

Болтунова А. И. Эллинские апойкии и местное население Колхиды. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977).- Тбилиси: Мецниереба, 1979.

Брашинский И. Б. Некоторые особенности древнегреческой экспансии в Восточном Причерноморье. - В кн.: Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV Международной конференции «Эйрене»), - Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1979.

Брашинский И. Б. Обследование античных памятников Северо-Восточного Причерноморья.-АО-1965. М., 1966.

Брашинский И. Б. Синопа и Колхида (К проблеме греческой колонизации Юго-восточного Причерноморья). - КБС, 1973, вып. IV.

Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Некоторые проблемы греческой колонизации. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.). - Тбилиси: Мецниереба, 1979.

Бурлацкая С. П., Воронов Ю. Н. Изменение напряженности геомагнитного поля в прошлом на территории Абхазии. - «Геомагнетизм и аэрономия», М., 1977, т. XVII., №1.

Вани, т. I. - Тбилиси: Мецниереба, 1972.

Вани, т. II.-Тбилиси: Мецниереба, 1976.

Вани, т. III. - Тбилиси: Мецниереба, 1977.

Вани, т. IV. - Тбилиси: Мецниереба, 1979.

Вахушти Багратиони. Описание царства Грузинского. - Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1941.

Вачева К. За терминологиата на строителните техники през античността. - Археология, София, 1979, №1.

Вашакидзе Н. В. Археологические памятники античного времени бассейна рек Супса и Натанеби: Автореф. канд. дис. - Тбилиси: ИИАЭ АГ ГССР, 1975.

215

Вашакидзе Н. В., Кахидзе А. Ю. Итоги археологического исследования Пичвнарского могильника эллинистического времени за 1975 г. - ПЮЗГ, 1978, вып. VII.

Вашакидзе Н. В. Случайно найденные кувшинные погребения в бассейне р. Супса. - ПЮЗГ, 1973, вып. III.

Ведерников И. Тракийската Юзда. - «Известия на археологическия институт», София, 1957, т. XXI.

Великий Питиунт, т. I. - Тбилиси: Мецниереба, 1975.

Великий Питиунт, т. II. - Тбилиси: Мецниереба, 1977.

Великий Питиунт, т. III. - Тбилиси: Мецниереба, 1978.

Веймарн Е. В. Раскопки Иккерманского могильника в 1948 г. - В кн.: История и археология древнего Крыма. - Киев: Наукова думка, 1957.

Венедиков В., Герасимов Т., Дремсизова Ц., Иванов Г., Младпеннова И., Велков В. Аполония. - София, 1963.

Византийские историки (Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Петриций, Менаандр, Кандид, Нопнос и Феофан Византиец), перев. С. Дестуниса. - СПб., 1860.

Виноградов В. Б., Дударев С. Л. Клад бронзовых предметов из с. Советское (Чечено-Ингушетия), - СА, 1977, №1.

Виноградов В. Б., Дударев С. Л. Материалы предскифского времени из Чечено-Ингушетии. - СА, 1979, №1.

Виноградов В. Б. Новогрозненский кобанский могильник VI-V вв. до н. э.: «Археологические памятники Чечено-Ингушетии».-Грозный: Чечен.-Инг. кн. изд-во, 1979.

Виноградов В. Б. Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии. - СА, 1970, №3.

- Виноградов В. Б. Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-сарматским миром. -МИА, 1971, №177.
- Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. - Грозный: Чечен.-Инг. кн. изд-во, 1972.
- Винокур И. С. Ружичанский могильник. - В кн.: Могильники Черняховской культуры. - М.: Наука, 1979.
- Воронов Ю. Н. Античный мир и Северная Колхида. - В кн.: Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «Ейрене»), т.1. - Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1979.
- Воронов Ю. Н. Античный мир и Северная Колхида. - В кн.: Тезисы докладов XIV Международной конференции античников социалистических стран (Ереван, 1976, 18-23 мая). - Ереван: изд-во АН Арм. ССР.
- Воронов Ю. Н. Апсильский орнамент. -Апсны Аказара. Сухуми, 1980, №1.
- Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. - Сухуми: Алашара, 1969.
- Воронов Ю. Н. Археологические разведки в Абхазии. - АО-1972. М., 1973.
- Воронов Ю. Н. Архитектурные и археологические памятники Кавказа в системе туризма: Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Охрана памятников культуры и их использование в целях туризма» (г. Ростов-Ярославский, 23- 24 апреля 1975 года). - М., 1975.
- Воронов Ю. Н. Ахул-абаа - поселение античного времени в окрестностях Сухуми. - МАА, 1979.
- Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Новые материалы VII в. из могильников Абхазии. - КСИА, 1979, №158.

216

- Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. - М.: Искусство, 1978.
- Воронов Ю. Н., Вознюк А. С. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР. - СА, 1975, №2.
- Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Апуштинский могильник IV-VI вв. н. э. в Абхазии. - СА, 1970, №1.
- Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI-I вв. до н. э. - В кн.: Скифский мир. - Киев: Наукова думка, 1975.
- Воронов Ю. Н. Гиенос. - СА, 1976, №4.
- Воронов Ю. Н., Гугуев В. К., Каменецкий И. С., Науменко С. А. Разведки в ущелье Большой Лабы. - АО-1978. М., 1979.
- Воронов Ю., Гунба М., Бгажба О., Хрушкова Л. Итоги работ Цебельдинской археологической экспедиции. - ПАИ-1977. Тбилиси, 1980.
- Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Логинов В. А., Юшин В. А. Исследования в Цебельдинской долине. - АО-1977. М., 1978.
- Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Шенкао Н. К., Логинов В. А. Работы цебельдинской экспедиции. - АО-1978. М., 1979.
- Воронов Ю. Н., Гунба М. М. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии. - СА, 1978, №2.
- Воронов Ю. Н. Древности Военно-Сухумской дороги. - Сухуми: Алашара, 1977.
- Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. - Краснодар, 1979.
- Воронов Ю. Н. Диоскуриада-Сébastополис-Цхум-М.: Наука, 1980.
- Воронов Ю. Н. Западно-кавказская этно-культурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа («Колхидско-кобанская культура»), - В кн.: VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). - Нальчик, 1978.
- Воронов Ю. Н. Из истории перевальных путей, связывающих Восточное Причерноморье с Северным Кавказом - в ст.: Козенкова В. И. VII Крупновские чтения (Черкесск, 1977). -

СА, 1980, №2.

Воронов Ю. Н. Из истории раннесредневекового гончарного производства в Абхазии. - ИАИ, 1977, вып. VI.

Воронов Ю. Н. Исследования в высокогорной зоне Абхазии. - АО-1975, М., 1976.

Воронов Ю. Н. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии): Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1971.

Воронов Ю. Н. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии. -ВДИ, 1968, №3.

Воронов Ю. Н. Келасурская стена. - СА, 1973, №2.

Воронов Ю. Н. К изучению керамического производства Диоскуриады,- СА.1977, №2.

Воронов Ю. Н. К истории экономических связей Апсилии в IV—VII вв. (привозная стеклянная посуда из Цебельды). - КСИА, 1974, №139.

Воронов Ю. Н. К уточнению интерпретации одного сведения Прокопия Кесарийского о строительной деятельности Юстиниана в Причерноморье: Тезисы докладов XV научной конференции Института археологии Украины. - Одесса, 1972.

Воронов Ю. Н. Материалы к туристскому освоению Военно-Сухумской дороги. - В кн.: Вопросы развития туризма. Сухуми: Алашара, 1973.

217

Воронов Ю. Н. Материалы по археологии Абасгии и Санигии (II—VII вв.) - МАА, 1979.

Воронов Ю. Н. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н.э. - КСИА, 1979, №159.

Воронов Ю. Н. Материальная культура гениохийских племен в VI-I вв. до н. э. (К постановке проблемы). - В кн.: Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии. Сухуми: Алашара, 1974.

Воронов Ю. Н. Некоторые проблемы социальной истории Северной Колхиды в эпоху греческой колонизации. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977 г.). - Тбилиси: Мецниереба, 1979.

Воронов Ю. Н. Новое об архитектурных памятниках Цебельды. Апсны Аказара. Сухуми, 1979, №2.

Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище. - СА, 1972, №1.

Воронов Ю. Н. О датировке абхазских ацангуаров. - СЭ, 1973, №6.

Воронов Ю. Н. О динамике берегов Сухумской бухты в исторические времена (в связи с проблемой локализации Диоскуриады). - В кн.: Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии. - Сухуми: Алашара, 1974.

Воронов Ю. Н. О трех раннесредневековых крепостях в южной Абхазии. - ИАИ, 1978, вып. VII.

Воронов Ю. Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культуры. - В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980.

Воронов Ю. Н. Памятники материальной культуры Грузинской ССР и их районирование в целях рекреации. - В кн.: Обзорные научные статьи по туризму и экскурсиям. Сухуми: Алашара, 1975.

Воронов Ю. Н. Позднеантичные памятники села Азанта. -ТАГМ, 1974, вып. IV.

Воронов Ю. Н. Разведки в Абхазской АССР. - АО-1970. М., 1971.

Воронов Ю. Н. Разведочные работы в Абхазской АССР -АО-1971. М., 1972.

Воронов Ю. Н. Районирование археологических памятников Кавказа в целях рекреации. - В кн.: Обзорные научные статьи по туризму и экскурсиям. Сухуми: Алашара, 1975.

Воронов Ю. Н. Раннесредневековые крепости на территории Абхазии (VII—X вв.). - Мацне. Тбилиси, 1975, №3.

Воронов Ю. Н. Раннесредневековые памятники села Псху. - Мацне. Тбилиси, №2.

Воронов Ю. Н. Раскопки башни №3 Цибилиума. - В кн.: Археологические исследования в

Цебельде в 1977 г. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
Воронов Ю. Н. Раскопки в Цебельде. - АО-1980. М., 1981.
Воронов Ю. Н. Раскопки в Цебельде. - АО-1979. М., 1980.
Воронов Ю. Н. Северная Колхида в VII—V вв. до н. э. - В кн.: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья в Цхалтубо. Тезисы докладов и сообщений. - Тбилиси: Мецниереба, 1979.
Воронов Ю. Н., Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л. Археологические разведки в бассейне р. Мзымта. - АО-1969. М., 1970.
Воронов Ю. Н. Современное состояние и перспективы туристского освоения Военно-Сухумской дороги. - В кн.: Некоторые актуальные проблемы разви-

218

тия туризма и экскурсий в СССР (Материалы научной конференции). Сухуми: Алашара, 1970.
Воронов Ю. Н. Социальный строй племен Северной Колхиды в эпоху греческой колонизации. - В кн.: Материалы симпозиума по проблеме греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 4-11.V. 1977). Тбилиси: Мецниереба, 1977.
Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. - М.: Наука, 1975.
Воронов Ю. Н., Шамба Г. К. Новые материалы о Диоскуриаде. - Сухуми: Алашара, 1977, №9.
Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии. - СА, 1973, №1.
Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Погребение VII в. н. э. из с. Цебельда в Абхазии. - КСИА, 1971, №128.
Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт в могильниках Цебельдинской культуры. - СА, 1979, №1.
Всеобщая история архитектуры, т.2. - М.: Архитектура, 1973.
Всеобщая история архитектуры, т.3. - Л.-М.: Архитектура, 1966.
Гагошидзе Ю. М. Материалы к истории златокузнечества в Грузии (первая половина I тыс. до н. э.). - ВГМГ, 1976, т. XXXI-B.
Гагошидзе Ю. М. О датировке могильника Нерон-Дереси. -Мацне. Тбилиси, 1975, №2.
Гагошидзе Ю. М. Памятники материальной культуры раннеантичной Грузии: Автореф. канд. дис. Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1965.
Гагошидзе Ю. М. Погребение из Итхвиси. - ВГМГ, 1968, т. XXV-B.
Гагошидзе Ю. М. Самадло (археологические раскопки). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
Газдапустаи Д. Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу: Автореф. канд. дис. - Л.: ЛГУ, 1962.
Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. - М.-Л., изд-во АН СССР, 1948.
Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов. - МИА, 1959, №69.
Галанина Л. К. Греческий щит IV в. до н. э. из Курджипского кургана. - СГЭ, 1974, т.39.
Галанина Л. К. Курджипский курган. - Л.: Искусство, 1980.
Гамбашидзе О. С. Результаты археологических раскопок на VII участке города-крепости Бичвинта. - В кн.: Великий Питиунт, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
Гамкрелидзе Г. А. Археологические памятники Мтисдзири - В кн.: Вани, т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
Гамкрелидзе Г. А. Древние поселения в среднем течении р. Риони (Мтисдзири в VII в. до н. э. - VIII в. н. э.): Автореф. канд. дис. - Тбилиси, 1978.
Гарцкия В. Из абхазских народных преданий и поверий (озеро Папацкур. Абрскил). - СМОМПК, 1892, вып. XIII.
Генинг В. Ф. Мыдланьшай-удмуртский могильник VIII—IX вв. - В кн.: Вопросы

археологии Урала. Свердловск, 1962, вып.3.

Генинг В. Ф. Тураевский могильник V в. н. э. (захоронения военачальников). - Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.

Генинг В. Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по матери-

219

алам могильников Прикамья). - КСИА, 1979, №158.

Гертман А. Н. Детали конской узды в составе Казбегского клада (по материалам коллекции ГИМ). - СА, 1972, №3.

Гзелишвили И. А. Остатки кремации, погребенные в глиняных сосудах в Абхазии. - САНГ, 1947, т. VIII, №1-2.

Гобеджишвили Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии. - Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1952.

Гобеджишвили Г. Ф. Погребения эпохи бронзы в Брили. - В кн.: Археология Грузии. Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1959.

Гогадзе Э. М., Давлианидзе Ц. О. Горадзири. Тбилиси: Мецниереба, 1981.

Гогадзе Э. М., Джавахишвили Г. И., Сагинашвили М. Н. Отчет о работе Носирской археологической экспедиции за 1972-1973 гг. - АЭГМГ, 1975, вып. IV.

Гогадзе Э. М., Панцхава Л. Н., Дариспанашвили М. В., Коридзе И. Д. Результаты работ Носири-Мухурчской экспедиции за 1976-1977 гг. - АЭГМГ, 1978, вып. IV.

Гогадзе Э. М., Панцхава Л. Н., Дариспанашвили М. В. Работы Носири-Мухурчской экспедиции в 1974-1975 гг. - АЭГМГ, 1977, вып. V.

Голенко К. В. Денежное обращение Колхиды в римское время. - Л.: изд-во ГЭ, 1964.

Гольдина Р. Д. Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме. - ВАУ, 1970, вып.9.

Городцов В. А. Бытовая археология. - М., 1910.

Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. - М.: Наука, 1970.

Гунба М. М. Келасурская стена. - ИАИ, 1977, вып. IV, с. 137-151.

Гунба М. М. Новые памятники Цебельдинской культуры. - Тбилиси: Мецниереба, 1975.

Гунба М. М. Погребения эпохи поздней бронзы из села Ачадара Сухумского района. - ИАИ, 1978, вып. VII.

Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бальбек в Крыму (по материалам могильников). - В кн.: Археологические исследования на юге Европы. - М.: ГИМ, 1974.

Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. - Махачкала, 1974.

Дандамаев М. А. Ахеменидское государство и его значение в истории Древнего востока. - В кн.: История Иранского государства и культуры. М.: Наука, 1971.

Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М.: Наука, 1980.

Даведжян С. Г. Лори-Бердский могильник. - СА, 1974, №2.

Демирханян А., Логинов В. Новые археологические находки античного времени на территории гор. Сухуми. - В кн.: Сборник работ молодых ученых и специалистов Абхазии. Сухуми: Алашара, 1980.

Джанашиа С. Н. Из истории грузинской государственности. К истории Колхидского царства. - В кн.: Тезисы докладов XII научной сессии Отделения общественных наук АН ГССР. - Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1949.

Джанашиа С. Н. Общественные науки в Советской Грузии к 20-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции. - ИИЯИМК, 1937, т.1.

Джанашиа С. Н. Труды, т. II. - Тбилиси, 1952.

220

- Джанашиа С. Н. Тубал-Табал, Тибарен, Ибер. - ИИЯИМК, 1937, т.1.
- Джапаридзе В. М. Археологическое изучение городища Вардцихе. - В кн.: Археологические памятники феодальной Грузии, II. - Тбилиси: Мецниереба, 1974.
- Джапаридзе В. М. О некоторых вопросах истории цебельдинской культуры. - В кн.: Вопросы археологии Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1978, вып. II.
- Джапаридзе О. М. Ахеологические раскопки в Ожора. - ТТГУ, 1957, т.65.
- Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии. -СА, 1953, т. XVIII.
- Джапаридзе О. М. Колхидский топор. - ВГМГ, 1950, т. XVI-B.
- Джикия Л. Л. Археологические памятники Кутаиси и его округа I тысячелетия до н. э.: Автореф. канд. дис. - Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1979.
- Дмитриев А. В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска. - СА, 1979, №4, с.212-229.
- Доманский Я. В. Новый комплекс колхидской культуры из Абхазии. - ТГЭ, 1980, т. XX.
- Доманский Я. В. Пополнение коллекции древнекавказских бронз Эрмитажа. -СГЭ, 1978, вып. XLIII, с. 72-74.
- Дончева-Петкова Л. Раносредневековни ангобирани съдове. - Археология. София, 1973, №3.
- Дороватовский С. Сочи, Красная Поляна и окрестности. - СПб, 1911.
- Дударев С. Л. О причинах миграции кобанских племен в предгорноплоскостные районы в начале I тысячелетия до н. э. - В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. - Грозный: Чечен.-Инг. кн. изд-во, 1979.
- Дударев С. Л. Раскопки могильника у сел. Ахкинчу-Барзой (Чечено-Ингушетия). -СА, 1976, №1.
- Думберг К. Е. Раскопки курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. -ИАК, 1901, вып. 1.
- Дундуа Г. Ф. Еще раз о происхождении колхидок. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Материалы I Всесоюзного симпозиума подревней истории Причерноморья, Цхалтубо, 1977). - Тбилиси: Мецниереба, 1979.
- Дундуа Г. Ф. К происхождению «колхидок» с изображением льва. - Мацне. Тбилиси, 1972, №1.
- Дундуа Г. Ф. Монетное обращение и торгово-экономические связи Бичвинта по нумизматическим данным во II в. до н. э. - IV в. н. э. - В кн.: Великий Питиунт, т.1. Тбилиси: Мецниереба, 1975.
- Дундуа Г. Ф. Монетные клады Грузии (Клады римских монет из сс. Эки и Сепиети). - Тбилиси: Мецниереба, 1979.
- Дюбуа-де-Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа. - Сухум, 1937.
- Ельницкий Л. А. Новые документы антихристианской реакции в Римской империи в IV в. н. э. - СА, 1962, №4.
- Есяян С. А. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. - Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1976.
- Есяян С. А. Оружие и военное дело древней Армении (ИИ тыс. до н. э.). - Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1966.
- Закарая П. П. Древние крепости Грузии. - Тбилиси, 1969.

221

- Закарая П., Леквинадзе В., Гвинчидзе Г. Отчет работ Нокалакевской археологической экспедиции, проведенных в 1976-1977 гг. - АЭГМГ, 1978, вып. VI.
- Закарая П. П., Ломоури Н. Ю., Леквинадзе В. А., Гвинчидзе Г. О. Краткий отчет работ Нокалакевской экспедиции за 1974-1975 гг. - АЭГМГ, 1977, вып. V.

- Закарая П., Ломоури Н., Леквинадзе В. Краткий отчет Нокалакевской археологической экспедиции 1973 г. - АЭГМГ, 1975, вып. IV.
- Закарая П. П. Позднесредневековые крепости Мегрелии. - ВГМГ, 1970, т XXVI-B.
- Засецкая И. П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей. - КСИА, 1979, №158.
- Засецкая И. П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья. - СА, 1968, №2.
- Затейшвили С. Г. Сведения об аланах в «хронографии» Феофана. - В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М.: Наука, 1976.
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. - МИА, 1060, №83.
- Златковская Т. Д. Мезия в I-II вв. н. э. - М.: изд-во АН СССР, 1951.
- Иванова М. И., Голубев П. М. Находка в Лоо. - СА, 1961, №3, с.284-290.
- Иващенко М. М. Великая Абхазская стена. - ИАНО, 1926, вып. IV.
- Иващенко М. М. Герзеульский клад монет Кесарии Каппадокийской. - ИГА-ИМК, 1931, т. VII, вып.10.
- Иващенко М. М. Исследования археологических памятников материальной культуры в Абхазии. - ИНИИК, 1935, вып.3.
- Иващенко М. М. Материалы к изучению культуры колхов. - МИГК, 1941, вып.2.
- Иващенко М. М. О направлении Келасурской стены. - ИАНО, 1926, вып. IV.
- Иващенко М. М. Развалины в Псху. - ИАНО, 1926, вып. IV.
- Иерусалимская А. А. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. - Л.: изд-во ГЭ, 1972.
- Иерусалимская А. А., Козенкова В. И., Крупнов Е. И. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. - КСИА, 1963, №94.
- Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. - Л., 1947.
- Иессен А. А. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии: «Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии». -М.-Л., 1939.
- Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. - ИГА-ИМК, 1935, вып.120.
- Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на Юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.). - СА, 1953, т. XVIII.
- Иессен А. А. Клад из села Лухвано в Грузии. - СГЭ, 1962, т.22.
- Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII веков до н. э. на Северном Кавказе. - ВССА, 1954.
- Иессен А. А. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и в начале I тысячелетия до н. э. - КСИА, 1947, №18.
- Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. - МИА, 1951, №23.
- Иессен А. А. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе. - МИА, 1965, №125.

222

- Ильинская В. А. Бронзовые наконечники стрел так называемого жаботинского и новочеркасского типов. Археология. Киев, 1973, №12.
- Ильинская В. А. Золотая пластинка с изображением скифов из коллекции Романовича. - СА, 1978, №3.
- Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве. - СА, 1971, №2.
- Ильинская В. А. О происхождении и этнических связях племен скифской культуры Посульско-Донецкой лесостепи. - Археология, Киев, 1966, т. XX.
- Ильинская В. А. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин. - СА, 1973, №3.
- Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). - Киев: Наукова думка, 1975.

- Ильинская В. А. Скифские секиры. Археология. Киев, 1961, т. XII.
- Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). - Киев: Наукова думка, 1968.
- Инадзе М. П. Города Колхиды в античную эпоху (Диоскурия). - ТИИАНГ, 1962, т. VI, №2.
- Инадзе М. П. Из истории греческой колонизации Колхидского побережья. - В кн.: Материалы Всесоюзной конференции «Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья». - Тбилиси: Мецниереба, 1975.
- Инадзе М. П. О времени образования Колхидского царства по данным древнегреческих авторов. - КБС, 1973, вып. IV.
- Инадзе М. П. О некоторой специфике греческой колонизации Восточного Причерноморья. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977). - Тбилиси: Мецниереба, 1979.
- Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. - Тбилиси: Мецниереба, 1968.
- Инаишвили А. К. Дидаджарский клад и некоторые вопросы истории материальной культуры древней Колхиды. - ПЮЗГ, 1975, вып. V.
- Инаишвили А. И., Хахутайшвили Д., Кахидзе А., Гогитидзе С., Вашакидзе Н., Чхаидзе J1., Джавелидзе А. Итоги полевых исследований Батумской археологической экспедиции. - ПАИ - 1976, Тбилиси, 1979.
- Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. - Сухуми: Алашара, 1976.
- Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. - Сухуми: Алашара, 1971.
- Искусство древнего востока: «Памятники мирового искусства» т.2. - М.: Искусство, 1968.
- Каландадзе А. Н. Археологические памятники Сухумской горы. - Сухуми: Абгиз, 1954.
- Калитинский А. Из истории фибулы на Кавказе. - In: Recueil d'études a la Metope de N. Kondakov. Prague, 1926.
- Капанадзе Д. Г., Голенко К. В. К вопросу о происхождении колхидок. - ВДИ, 1957, №4.
- Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. - М.: изд-во АН СССР, 1955.

223

- Карасев А. Н. Архитектура - В кн.: Античные города Северного Причерноморья, т.1. - М.-Л.: изд-во АН СССР, 1955.
- Карасев А. Н. Монументальные памятники Ольвийского теменоса: «Ольвия». - М.: Наука, 1964.
- Картлис Цховреба. - Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1953.
- Каухчишвили С. Г. Греческая надпись на сухумском светильнике. - ТАИ, 1957, т. XXVIII.
- Каухчишвили Т. С. Греческая надпись Бичвинтской мозаики. - В кн.: Великий Питиунт, т. III. - Тбилиси; Мецниереба, 1978.
- Каухчишвили Т. С. Письменные источники по вопросу «колонизации» Восточного Причерноморья. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977). - Тбилиси: Мецниереба, 1979.
- Кахидзе А. Античные памятники Восточного Причерноморья (греческий могильник Пичвнари). - Батуми: Сабчота Аджара.
- Кахидзе А. Ю., Вашакидзе Н. В. Основные результаты археологического исследования Пичвнарского могильника эллинистического времени. - ПЮЗГ, 1977.
- Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху. Батуми: Сабчота Аджара, 1981.
- Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI-I вв. до н. э.): Автореф. докт. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1981.
- Кахидзе А. Ю. Города Причерноморья Грузии в античную эпоху (Кобулети-Пичвнари). - Тбилиси: Мецниереба, 1971.
- Кахидзе А. Ю., Давитадзе Ю. А., Мамуладзе Ш. Х. Новые археологические находки у с. Хихадзири. - ПЮЗГ, 1981, вып. X.

Кахидзе А. Ю. Основные результаты археологического исследования Пичвнарского могильника IV века до н. э. - ПЮЗГ, 1974, вып. IV.

Кахидзе А. Ю. Раскопки могильника Пичвнари. - КСИА, 1977, №151.

Качарава Д. Д. Город Гиенос в античную эпоху (К истории городов Восточного Причерноморья): Автореф. канд. дис. - Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1979.

Качарава Д. Д. Некоторые вопросы истории Гиеноса (в связи с проблемой греческой колонизации). - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977). - Тбилиси: Мецниереба, 1979.

Квезерели-Копадзе Н. И. Дорожные сооружения древней Абхазии. - Сухуми: Абгиз, 1955.

Квирквелия Г. Т. Материальная культура Северо-Западной Колхиды в VIII—VI вв. до н. э.: Автореф. канд. дис., Тбилиси, ИИАЭ АН ГССР, 1981.

Квирквелия Г. Т. Местное население в районе Сухумской бухты в период греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.). - В кн.: Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977). Тезисы докладов и сообщений. - Тбилиси, Мецниереба, 1977.

Квирквелия Г. Т. Очамчире и его окружение в VIII—V вв. до н. э. (по данным новейших археологических исследований). - В кн.: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.)». Тезисы докладов и сообщений. - Тбилиси: Мецниереба, 1979.

224

Квирквелия Г. Т. Погребения раннеантичного времени на горе Яштхве. - Вопросы археологии Грузии, т.1. - Тбилиси: Мецниереба, 1978.

Кигурадзе Н. Ш. Дапнарский могильник. - Тбилиси: Мецниереба, 1976.

Кигурадзе Н. Ш. Светильники из городища Пицунды. - В кн.: Великий Питиунт, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1977.

Киевский музей исторических драгоценностей. - Киев, 1974.

Китановски Б. Два гроба из Старпнџет гвоздени доба под Прилепа. - Стари-нар, N. S., XI, Београд, 1961.

Кобаидзе Л. Н. Археологические памятники Ивирского ущелья. Вып. II. Могильник Ркинис-Кало. Тбилиси: Мецниереба, 1978.

Кобылина М. Н. Милет. - М.: Наука, 1965.

Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи VI—IX вв. - В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.

Ковалевская В. Б., Воронов Ю. Н., Михайличенко Ф. Е. Исследования средневековых памятников Северо-Западного Кавказа. - АО-1968. М., 1969.

Ковалевская В. Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI—IX вв. как знаковой системы. - В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. - М.: Наука, 1970.

Ковалевская В. Б., Козенкова В. И. Новейшие раскопки поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа Уллубаганалы II в Карачаево-Черкессии. - В кн.: IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979.

Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки. - САИ, 1979, вып. E1-2.

Козенкова В. И. Вопросы хронологии Восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии - МАД, 1977, вып. VI.

Козенкова В. И. К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа. - В кн.: Фрако-скифские культурные связи (Studia Tracica, I). - София, 1975.

Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. - САИ, 1977, вып. B2-5.

Козенкова В. И., Найдено А. В. Кобанский могильник близ станицы Исправной

- (Ставропольский край). - СА, 1980, №1.
- Козенкова В. И. Об обряде трупосожжения в кобанской культуре. - В кн.: IX Крупновские чтения. Тезисы докладов. - Элиста, 1979.
- Козенкова В. И. О границах западного варианта Кобанской культуры. - СА, 1981, №3.
- Козенкова В. И. О южной границе восточной группы Кобанской культуры. СА, 1978, №3.
- Козенкова В. И. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели). В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.
- Козенкова В. И. VI Крупновские чтения (Черкеск, 1977). - СА, 1980, №2.
- Козенкова В. И. Совещание по хронологии-периодизации памятников Кавказа. - СА, 1980, №4.
- Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. - Л., 1961.
- Коридзе Д. Л., Гогодзе Э. М., Джавахишвили Г. И. Результаты работ Носирской археологической экспедиции в 1970-1971 годах. - АЭГМГ, 1974, вып. III.

225

- Коридзе Д. Л. К истории колхской культуры. - Тбилиси: Мецниереба, 1965.
- Коридзе Д. Л. Клад из села Пыхни и вопрос о генезисе колхидско-кобанских топоров. - ВГМГ, 1968, вып. XXV-B, с. 15-30.
- Коростовцев М. А. О понятии «Древний Восток». - ВДИ, 1970, №1.
- Котович В. Г., Давудов О. М. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы - раннего железа на Северо-Восточном Кавказе. - СА, 1980, №4.
- Котович В. Г. О времени и путях широкого распространения железа на Северном Кавказе. - Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1978, №3.
- Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979.
- Кошеленко Г. А. Культура Парфии. - М.: Наука, 1966.
- Кошеленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы. - ВДИ, 1980, №1.
- Кравченко Н. М. Косановский могильник (по материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко в 1961-1964 гг.). - МИА, 1967, №139.
- Кривицкий В. Бронзовый ритон из собрания Эрмитажа. -СГЭ, 1977, т. XLII.
- Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. - V в. н. э.). - САИ, 1970, вып. Д1-27.
- Кругликова И. Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - М.: изд-во АН СССР, 1955.
- Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. - М.: Наука, 1975.
- Крупнов Е. И. Древняя история Кабарды. - УЗКНИИ, 1952, VbinVII.
- Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. - М.: Наука, 1960.
- Крупнов Е. И. К вопросу о хронологии кобанской культуры. - УЗКНИИ, 1946, вып. 1.
- Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. - МИА, 1952.Ю №23.
- Крупнов Е. И. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры. -СА, 1969, №1.
- Крупнов Е. И. Раннежелезный век Северного Кавказа. - Ученые записки института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1965, т. XIV.
- Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании,- Орджоникидзе: Ир, 1977.
- Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. - Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1949.
- Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети,1. - Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1941.
- Куфтин Б. А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. - ВГМГ, 1942, т. XII-B.
- Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т.1. - Тбилиси: Техника да шрома, 1949.

Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. II - Тбилиси: Техника да шрома, 1950.
Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. - ВГМГ, 1944, т. XIII-В.
Кучма В. В. Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва». - Античность и средние века. Свердловск, 1965, вып.3.

226

Кушнарера К. Х. Древнейшие памятники Двина. - Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1977.
Кушнарера К. Х. К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа. - КСИА, 1973, №134.
Лавров Л. И. К истории северо-кавказского фольклора (до XIX в.). - СЭ, 1979, №1.
Ламберти А. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. - СМОМПК, 1913, вып.43.
Лежава Г. И. Архитектурные памятники Грузии античного периода. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
Леквинадзе В. А. Богатое погребение конца IV века из Уреки (Грузия). - СА, 1975, №4.
Леквинадзе В. А. Вислая печать с именем Сергия из Грузии. - СА, 1980, №4.
Леквинадзе В. А. Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости. - ВВ, 1961, т. XX.
Леквинадзе В. А. Материалы по монументальному строительству в Лазике. - ВГМГ, 1961, т. XXII-В.
Леквинадзе В. А. Монументальные памятники Западной Грузии I—VII вв.: Автореф. дис. докт. истор. наук, - М., ИА АН СССР, 1973.
Леквинадзе В. А. Об одной византийской крепости. - САНГ, 1967, т. XLVII, №2.
Леквинадзе В. А. Оборонительные сооружения Себастополса. - СА, 1966, №1.
Леквинадзе В. А. О древней базилике Питиунта и ее мозаиках. - ВДИ, 1970, №2.
Леквинадзе В. А. О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Нокалакеви. - СА, 1959, №3.
Леквинадзе В. А. О некоторых сооружениях древнего Питиунта - КСИА, 1968, №113.
Леквинадзе В. А. О постройках Юстиниана в Западной Грузии. - ВВ. 1973, т.34.
Леквинадзе В. А. «Понтийский лимес». - ВДИ, 1969, №2.
Леквинадзе В. А. По поводу Анакопийской крепости. - ВГМГ, 1968, т. XXV-В.
Леквинадзе В. А. По поводу римских крепостей в Восточном Причерноморье. - САНГ, 1965, т. XI.
Ленин В. И. О государстве. - Полн. собр. соч., т. 39.
Лесков А. М. Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, 1981.
Лесков А. Новые сокровища курганов Украины. - Л.: Искусство, 1982. Лесков А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. - ПСА, 1971.
Либеров П. Д. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. - ВССА, 1954.
Лихачев И. Чловская пещера и легенда об Аблескире-Прометее. - В кн.: Труды V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1881.
Личели В. Т. Материальная культура внутренней Колхиды III-II вв. до н. э.: Автореф. канд. дис., Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1981, 25 с.
Личели В. Т. Новооткрытое городище в местности «Саканча». - В кн.: Вани, т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1977.

227

Ломоури Н. Ю. Греческая колонизация побережья Колхиды. - Тбилиси: изд-во ТГУ, 1962.

Ломоури Н. Ю. История Эгрисского царства. - Тбилиси: изд-во ТГУ, 1968.

Ломоури Н. Ю. К вопросу о греческой колонизации побережья Колхиды. - В кн.: Античное общество. М.: Наука, 1967.

Ломоури Н. Ю. К вопросу о характере римского влияния в Восточном Причерноморье. - В кн.: Тезисы докладов XIV Международной конференции античников социалистических стран («Эйрен»), Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1976.

Ломоури Н. Ю. К выяснению некоторых сведений Notitia Dignitatum. -ТТГУ, 1971, т.162.

Ломтатидзе Г. А. Некрополь II века н. э. в Клдеети. - Тбилиси: изд-во АН Груз. ССР, 1957.

Лордкипанидзе Г. А. Алтари Ванского городища (Западная Грузия). - В кн.: История и культура античного мира. - М.: Наука, 1977.

Лордкипанидзе Г. А. Древняя Колхида в VI—II вв. до н. э. (историко-археологическое исследование): Автореф. докт. дис. - Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1975.

Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды.-Тбилиси: Мецниереба, 1970.

Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI—II вв. до н. э.-Тбилиси:Мецниереба, 1978.

Лордкипанидзе Г. А. Некоторые вопросы религии и культуры античной Колхиды. - В кн.: Вопросы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси: Мецниереба, 1968.

Лордкипанидзе Г. А. О домонетной форме денежного обращения в Колхиде. - В кн.: Нумизматический сборник памяти Д. Г. Капанадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1977.

Лордкипанидзе Г. А. Основные итоги археологических раскопок I участка Ванского городища 1961-1963 гг. - В кн.: Вани, т. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1972.

Лордкипанидзе Г. А. О характере колхо-греческих взаимоотношений в VI- IV вв. до н. э. - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977). - Тбилиси: Мецниереба, 1979.

Лордкипанидзе Г. А. Работа Пицундской экспедиции. - АО-1978. М., 1979.

Лордкипанидзе Г. А. Раскопки в Пицунде. - АО-1977. М., 1979.

Лордкипанидзе М. Н. Архаичные и «архаизирующие» перстни-печати из Вани. - В кн.: Вани, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1976.

Лордкипанидзе М. Н. Колхидские перстни-печати V—III вв. до н. э. (вопросы взаимоотношений с греческими мастерскими). - Тбилиси: Мецниереба, 1975.

Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и Восточное Причерноморье (Колхида, Иберия). - В кн.: Материалы Всесоюзной конференции «Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья». - Тбилиси-Мецниереба, 1975.

Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Грузия (торгово-экономические и культурные взаимоотношения со второй половины II тысячелетия до н. э. до III—IV вв. н. э.): Автореф. докт. дис. - Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1966.

Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида. - Тбилиси: изд-во ТГУ, 1966.

Лордкипанидзе О. Д. Город-храм Колхиды. - М.: Наука, 1978.

228

Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида. Миф и археология. - Тбилиси: Мецниереба, 1979.

Лордкипанидзе О. Д. К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды). - В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977). - Тбилиси: Мецниереба, 1979.

Лордкипанидзе О. Д. К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды).-Тбилиси: Мецниереба, 1977.

Лордкипанидзе О. Д. Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды (основные типы и их датировка). - Мацне. Тбилиси, 1962, №1.

Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К. О демографической ситуации в Восточном Причерноморье (Колхида) в период великой греческой колонизации. - В кн.: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное

население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.)». Тезисы докладов и сообщений. - Тбилиси: Мецниереба, 1979.

Лордкипанидзе О. Д., Путуридзе Р. В., Толордава В. А., Чкониа А. М. Археологические раскопки в Вани в 1969 г. - В кн.: Вани, т. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1972.

Лордкипанидзе О. Д. О торгово-транзитном пути из Индии к Черноморью. - САЙГ, 1957, т. XIX, №3.

Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. - ТОИПКГЭ, 1941, т. 1.

Лукин А. Л. Эшерская находка. - ТАИ, 1956, т. XXVII.

Магомедов А. Р. Новые данные по металлообработке у древнего населения Чечено-Ингушетии. - В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. - М.: Наука, 1973.

Маджаров М. Северная порта на Хисарската крепост. - Археология. София, 1979, №1.

Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. - М.: изд-во АН СССР, 1956.

Максимова М. И. Ритон из Келермеса. - СА, 1956, т. XXV.

Максимова М. И. Серебряное зеркало из Келермеса. - СА, 1954, т. XXI.

Максимова М. И. Эллинистическая техника. - М.-П.: изд-во АН СССР, 1948.

Манцевич А. П. Серьги из станицы Крымской. - АСГЭ, 1961, вып. 2.

Марковин В. Дагестан и горная Чечня в древности. Каякентско-Хорочоевская культура. - МИА, 1969, №122.

Марковин В. И., Мужухоев М. В. Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии. - В кн.: Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечен.-Инг. кн. изд-во, 1979.

Марковин В. И. Рец. На кн.: В. И. Козенкова, Кобанская культура. Восточный вариант. - САИ, 1977, вып. В2-5. - СА, 1980, №1.

Мартirosян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. - Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1964.

Маршак Н. И., Скалон К. М. Перещепинский клад. - Л.: изд-во ГЭ, 1972.

Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии во время с 1917 по 1927 гг - В кн.: Известия Среднеазиатского Востоковедного института. Ташкент, 1928, вып. 3.

Матиашвили Н. Н. Из экономической истории городов Колхиды в III вв. до н. э. (по керамическому материалу). - Тбилиси: Мецниереба, 1974.

229

Матиашвили Н. Н. Керамика Очамчирского античного поселения. В кн.: Тезисы докладов научной конференции аспирантов и молодых научных сотрудников ИИАЭ АН Грузинской ССР. - Тбилиси: Мецниереба, 1968.

Мацулевич Л. А. Мозаики Бичвинты - Великого Питиунта. В кн.: Великий Питиунт, т. III. - Тбилиси: Мецниереба, 1978.

Мачавариани К. Д. Семь дней в горах Абхазии (наброски и впечатления). - Батуми, 1900.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VII—XIV вв. - САИ, 1966, вып. E1-36.

Меликишвили Г. А. Вопрос о социально-экономическом строе древней Грузии. - Мацне. Тбилиси, 1966, №1.

Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. - Тбилиси: изд-во АН ГССР 1959.

Меликишвили Г. А. Характер социально-экономического строя на древнем Востоке. - НАА, 1972, вып. 4.

Мелитаури К. Н. Крепости феодальной и раннефеодальной Грузии, II. - Тбилиси: Мецниереба, 1972.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов. - САИ, 1964, вып. Д1-4.

Мелюкова А. И. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. - СА, 1972, №1.

Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. - М.: Наука, 1979.

Микеладзе Т. К. Археологические исследования в низовьях р. Риони (материалы по истории древнего Фасиса). Тбилиси: Мецниереба, 1978.

Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В., Инаишвили А., Хахутайшвили Д., Мухелишвили Д. Исследования Колхидской археологической экспедиции. - ПАИ-1974. Тбилиси, 1976.

Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В. Колхский могильник VII—VI вв. до н. э. в с. Нигвзиани. - КСИА, 1977, №151.

Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В. О некоторых итогах полевых исследований в Колхидской низменности в зонах новостроек. - В кн.: Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. - Тбилиси: Мецниереба, 1976.

Микеладзе Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. - Тбилиси: Мецниереба, 1974.

Микеладзе Т. К. К вопросу о периодизации истории древней Колхиды. - КБС, 1973, вып. IV.

Микеладзе Т. К., Мухелишвили Д. Л., Хахутайшвили Д. А., Лурсманишвили О. В. Исследования Колхидской археологической экспедиции. - ПАИ - 1976. Тбилиси, 1979.

Миллер А. А. Археологический и этнографический очерк Черноморского побережья. Живая старина. СПб, 1908, вып.1.

Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. - ИАК, 1909, т. 33.

Минкевич-Мустафаева Н. В. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. - МКА, 1962, вып. IV.

Минчев А. Амфоры от IV-VI вв. в Варненский музей. Известия на народня музей Варна. - Варна, 1972, т. VIII (XXIII).

230

Молев Е. А. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. - Саратов, 1976.

Монгайт А. Л. Археологические заметки. - КСИИМК, 1951, №41.

Мурзин В. Ю. Скифы на Северном Кавказе (VII—V вв. до н. э.). - Археология. Киев, 1978, т.27.

Мшвениерадзе Д. М. Строительное искусство в древней Грузии. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1959.

Надирадзе Д. Ш. Археологические памятники Квирильского ущелья. - Тбилиси: Мецниереба, 1975.

Научная сессия, посвященная проблеме локализации города Фасиса. Доклады. -Тбилиси: Мецниереба, 1973.

Немировский А. И. Понтийское царство и Колхида. - В кн.: Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси: изд-во ТГУ, 1980.

Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В., Членова Н. Л. Крематорий могильника Верхняя Рутха в Северной Осетии. - В кн.: VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978.

Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В., Членова Н. Л. Этнические и социальные черты населения, оставившего могильник Верхняя Рутха (Северная Осетия). - В кн.: Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Вопросы этно-социальной и культурной истории Средней Азии и Кавказа. Май 1978 г. Л., 1978.

Николаева Э. Л. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища. - КСИА, 1978. №156.

Никулина Н. М. Малоазиатская глиптика второй половины V-IV вв. до н. э. и проблема «восточнореческого» и «грекоперсидского» искусства. - М.: Наука, 1966

Ниорадзе Г. К. Археологические находки в селе Квишари. - СА, 1949, т. XI.

Ниорадзе Г. К. Земоавчальская могила. - ВГМГ, 1931, вып. VI.

Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М.: Наука, 1980.

Овчаров Д. Протейхизматa в системата на ранновизантийските укрепления по нашите земли. Археология. София, 1973, №4.

Окропиридзе Н. И., Барамидзе W.I. В. Палурское «Садзвле» (итоги работ 1968 г.). - МАГК, 1974, вып. VI.

Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. -САИ, 1970, вып. Д1-27.

Онайко Н. А. Архаический Торик. Античный город на северовостоке Понта. - М.: Наука, 1980.

Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. - М.-Л., 1935.

Орелкин В. С. Культурный памятник древнего скотоводства абхазов. - ИАИ, 1977, вып. VI.

Отрощенко В. В. Новый курганный могильник Белозерского времени. - В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.

Памятники мирового искусства. Вып.2. Искусство древнего Востока. М.: Искусство, 1968.

Панцхава Л. Н. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур: Автореф. канд. дис. - Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1975.

Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии. - Киев: Наукова думка, 1974.

231

Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик и областей Кавказа. - Баку, 1940-1959, вып. III—VIII.

Пачулиа В. П. В краю золотого руна (исторические места и памятники Абхазии). - М.: Наука, 1968.

Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. - М.: Наука, 1968.

Пачулиа В. П. По историческим местам Абхазии. - Сухуми: Абгиз, 1958.

Петренко В. Г. Курган у местечка Круполь. - В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1969.

Петренко В. Г. Правобережье среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. - САИ, 1967, вып. Д1-4.

Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. - П.: изд-во ЛГУ, 1949.

Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту).-М.:изд-во вост. лит.,1959.

Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур. - Л.: Аврора, 1970.

Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур, I. - Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1950.

Пиотровский Б. Б. Скифы и Древний Восток. - СА, 1954, т. XIX.

Пирцхалава М. С. К вопросу о распространении памятников скифской культуры в материальной культуре древней Грузии. - В кн.: Вопросы археологии Грузии, т.1. Тбилиси: Мецниереба, 1978.

Пирцхалава М. С. Памятники скифской архаики (VII—VI вв. до н. э.) на территории древней Грузии: Автореф. канд. дис. - Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1975.

Пицхелаури К. Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. - Тбилиси: Мецниереба, 1979.

Пицхелаури К. Н. Локализация археологических культур на территории Восточной Грузии (конец II - начало I тысячелетия до н. э.). ТКАЭ, 1969, т.1.

Пицхелаури К. Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии в XV-VII вв. до н. э. - Тбилиси: Мецниереба, 1973.

Пичикян И. Р. Элементы восточного ордера в Колхиде и Иберии (к постановке вопроса о культурной общности северного Закавказья с древними цивилизациями зарубежного Востока). - В кн.: Всесоюзная конференция по древнему Востоку (памяти акад. В. В. Струве) Тезисы докладов. М.: Наука, 1979.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. - МИА, 1967, №142.

Погребова М. Н. Железные топоры скифского типа в Закавказье.-СА, 1969, №2.

Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. - М.: Наука, 1977.

Погребова М. Н. Урартские мечи из Закавказья. - СА, 1967, №2.
 Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977). - Тбилиси: Мецниереба, 1979.
 Прокопий из Кесарии. Война с готами. - М.: изд-во АН СССР, 1950.
 Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, II. - СПб, 1880.
 Прокопий Кесарийский. О постройках. - ВДИ, 1939, №4(9).
 Пудовин В. К. Датировка нижнего слоя могильника Суук-су. - СА, 1961, №1.
 Путешествия русских послов XVI -XVII вв. (статейные списки). - М.-Л., 1954.
 Путуридзе Р. Н. Позднеантичные археологические памятники Западной Грузии. - МАГК, 1959, вып. II.
 Рамишвили А. Т. Древние стоянки на Пичвнарских песчаных дюнах. - ПЮЗГ, 1964, вып. 1.
 Рамишвили А. Т. Из истории материальной культуры Колхиды. - Батуми: Сабчота Аджара, 1974.
 Рамишвили А. Т. Раскопки приморских стоянок в Пичвнари (Кобулет) в 1960-1964 гг. - СА, 1974, №1.

232

Рамишвили Р. М. Археологические раскопки в Бичвинта (предварительный отчет раскопок 1958 г. на III участке). - МАГК, 1965, вып. IV.
 Рамишвили Р. Археологические раскопки в Бичвинте. - МАГК, 1965, вып. 1.
 Распопова В. И. Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв.- КСИА, 1970, №122.
 Романчук А. И. Слои VII—VIII вв. в портовом районе Херсонеса. - В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1975, вып.2.
 Русяева А. С., Скржинская М. В. Ольвийский полис и каллипиды. - ВДИ, 1979, №4.
 Рыбаков Б. А. Древние русы. - СА, 1953, т. XVII.
 Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. - М., 1908.
 Сахарова Л. С. Бронзовые клады из Лечхуми.-Тбилиси: Мецниереба, 1976.
 Сахарова Л. С. Позднебронзовая культура ущелья реки Цхенисцхали: Автореф. канд. дис. - Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1966.
 Сафронов В. А. Датировка Бородинского клада. - В кн.: Проблемы археологии. Л.: изд-во ЛГУ, 1968, вып. 1.
 Семенов С. А. Происхождение земледелия. - Л.: Наука, 1974.
 Серебряков Л. М. Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет: «Морской сборник», №5. - СПб., 1865.
 Сизов В. М. Восточное побережье Черного моря (археологические экскурсии).-МАК, 1889, т. II.
 Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея. - МАИ, 1957, №69.
 Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л. Разведки в бассейне Мзымты. - АО-1971. М., 1972.
 Скалон К. М. Об одной находке в Абхазии. - АСГЭ, 1978, вып. 19.
 Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. - МИА, 1961, №101.
 Смирнов К. Ф. О мечях синдомеотского типа. - КСИА, 1980, №162.
 Соколов Г. Античное Причерноморье (памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства). - Л., 1973.
 Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. - М.: Наука, 1971.
 Сокольский Н. И., Стручалина Р. А., Голенко К. В. Третий Патрейский клад - В кн.: Античный мир и археология, 2. - Саратов, 1974.
 Соловьев Л. Н. Древние оборонительные рубежи феодальной эпохи на Черноморском побережье Грузии (Гагрская крепость, Иверская гора, Келасурская стена), Архив

АБИЯЛИ, №344 (рукопись). - Сухуми, 1940.

Соловьев Л. Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии.-СА, 1950, т. XIV.

Соловьев Л. Н. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. -ТАИ, 1939, т. XV.

Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья. -СА, 1971, №4.

233

Сорокина Н. П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища: «Керамика и стекло древней Тмутаракани». - М.: Наука, 1963.

Сорокина Н. П. Стекло из раскопок Пантикапея 1945-1959 гг - МИА, 1962, №103.

Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды из могильника Харакс. - В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. - М.: Наука, 1973.

Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды IV-V вв. и хронология Цебельдинских могильников. - КСИА, 1979, №158, с.57-67.

Сорокина Н. П. Тузлинский некрополь. - М.: Советская Россия, 1957.

Соселия Г. К. К вопросу о происхождении государства среди грузинских племен. - Тбилиси, 1936.

Соселия Г. К. Существовала ли рабовладельческая формация в Грузии? - ВИ, 1956, №10.

Сосновкин И. Н. История патриархального общества Западной Грузии: Автореф. канд. дис. - Ярославль, 1954.

Спицин А. А. Могильник V в. в Черноморье. - ИАК, 1907, т.23.

Стражев В. И. Бронзовая культура в Абхазии. - ИАНО, 1926, вып. IV.

Стражев В. И. В поисках старины. - газ. Советская Абхазия, 1927, №177.

Стражев В. И. Руинная Абхазия. - ИАНО, 1925, вып.1.

Сымонович Э. А. Итоги исследований Черняховских памятников в Северном Причерноморье. - В кн.: История и археология Юго-западных областей СССР начала нашей эры. - М.: Наука, 1967.

Тавадзе Ф., Сакварелидзе Т. Бронзы древней Грузии. - Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1959.

Тереножкин А. И. Дата Мингечаурских удил. - СА, 1970, №4.

Тереножкин А. И. Киммерийцы и Кавказ. - В кн.: Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященных итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. - Тбилиси: Мецниереба, 1971.

Тереножкин А. И. Киммерийцы. - Киев: Наукова думка, 1976.

Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском правобережье. - Киев: Наукова думка, 1961.

Тер-Мартirosов Ф. И. Фляги как торговая тара. - В кн.: Проблемы античной истории и культуры (Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «Ейренэ»), II. Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1979.

Техов Б. В. Об одном погребальном комплексе из с. Тли. - СА, 1961, №4.

Техов Б. В. О культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии в конце II и первой половине I тысячелетия до н. э. - МАДИСО, 1969, вып. II.

Техов Б. В. О культурных связях Северного Кавказа и Закавказья в древности. - В кн.: VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). - Нальчик, 1978.

Техов Б. В. О некоторых предметах скифского звериного стиля из памятников южного склона Главного Кавказского хребта. - В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. - М.: Наука, 1976.

Техов Б. В. О появлении и развитии кавказской дугообразной фибулы. - В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. - М.: Наука, 1973.

Техов Б. В. Раскопки Глийского могильника в 1960 г. - СА, 1963, №1.

- Техов Б. В. Скифские элементы в материальной культуре Юго-Осетии. - ВИНК, 1966.
- Техов Б. В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII—VI вв. (по материалам Тлийского могильника). - В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980.
- Техов Б. В. Скифы и Центральный Кавказе VI I—VI вв. до н. э. - М.: Наука, 1980.
- Техов Б. В. Стырфазские кромлехи. - Цхинвали: Ирыстон, 1974.
- Техов Б. В. Тлийский могильник и проблемы хронологии эпохи поздней бронзы - раннего железа Центрального Кавказа. - СА, 1972, №3.
- Техов Б. В. Тлийский могильник. Вып.1. Тбилиси: Мецниереба, 1980.
- Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н. э.: Автореф. докт. дис. - Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1974.
- Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н. э. - М.: Наука, 1977.
- Толордава В. А. Богатое погребение из Даблагоми. - В кн.: Вани, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
- Толордава В. А. Из истории погребальных обрядов Грузии эллинистического времени (кувшинные погребения). - Тбилиси: Мецниереба, 1980.
- Толстиков В. П. К вопросу об оборонительных сооружениях акрополя Пантикапея в IV-I вв. до н. э. - ВДИ, 1977, №3.
- Толстой И., Кондаков Н. Русские древности, III. - СПб., 1890.
- Трапш М. М. Археологические раскопки в Анакопии в 1957-1958 гг. - ТАИ, 1959, т. XXX.
- Трапш М. М. Древний Сухуми. - Труды в 4-х томах, т. II. Сухуми: Алашара, 1969.
- Трапш М. М. Куланурхвский древний могильник: Автореф. канд. дис., Сухуми: Абгиз, 1951.
- Трапш М. М. Культура Цебельдинских некрополей. Труды в 4-х томах, т. III. -Тбилиси: Мецниереба, 1971.
- Трапш М. М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. - Труды в 4-х томах, т. IV. Сухуми: Алашара, 1975.
- Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. - Сухуми: Абгиз, 1962.
- Трапш М. М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. - Труды в 4-х томах, т. I. Сухуми: Алашара, 1970.
- Трапш М. М. Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. - ТАИ, 1963, т. XXXII1—XXXIV.
- Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-П.: изд- во АН СССР, 1959.
- Тушишвили Н. Н. Мднисчальский могильник. -Тбилиси: Мецниереба, 1972.
- Уварова П. С. Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок). Путевые заметки, II. - М., 1891.
- Уварова П. С. Коллекции Кавказского музея. - Тифлис, 1902, т. V.
- Уварова П. С. Материалы по археологии Кавказа, IV. - М., 1894.
- Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. - МАК, 1900, т. VIII.
- Уварова П. С. К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о кобанских бронзовых предметах на Кавказе. - Труды VАС. М., 1887.

- Уманский А. П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше. - В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
- Урушадзе А. В. Страна волшебницы Медеи. - В кн.: Материалы Всесоюзной конференции. Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного

Причерноморья. - Тбилиси: Мецниереба, 1975.

Усачева О. Н. Рельефная керамика из Кеп. - КСИА, 1978, №156.

Фадеев А. К вопросу о генезисе кобанской культуры в Абхазии. - ТАНИИК, 1934, вып.2.

Ференци Л. Вопросы хронологии некоторых кавказских спорадических находок коллекции Зичи. - In: *Aziparmbiveszeti Museum evk4nyvei*. Budapest, 1960 t. III-IV (1959).

Франчес Э. Византийское государство и левобережье Дуная в VI в - ВВ 1961, т. 20.

Фролова Н. А., Николаева Э. Я. Ильичевский клад монет 1975 г - ВВ, 1978, т.39.

Фронджуло М. А. О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму. - В кн.: *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, 1968.

Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VI в—VI вв. до н. э.). - М.: Наука, 1977.

Хан-Магомедов С. О. Раннесредневековая горная стена в Дагестане. - СА, 1966, №1.

Хахутайшвили Д. А. К истории древнеколхидской металлургии железа. - КБС, 1973, вып.4.

Хахутайшвили Д. А. К хронологии колхидско-халибского центра древнежелезной металлургии. - КБС, 1977, вып. V.

Хахутайшвили Д. А. Материалы по истории древнеколхидской металлургии железа. - ПЮЗГ, 1978, вып. VII.

Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака III-I тыс. до н. э. - Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1975.

Хачатрян Т. С. Материальная культура древнего Артика. - Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1963.

Хотелашвили М. К. Земледельческие орудия Абхазии античного и раннесредневекового времени (материалы). - МАИА, 1974.

Хоштария Н. В. Археологические раскопки в Вани в 1959 г. - В кн.: *Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований в 1959 г.* Тбилиси: Мецниереба, 1960.

Хоштария Н. В., Путуридзе Р. В., Чкония А. М. Итоги археологических работ, проведенных в 1961—1963 гг. в северо-восточной части Ванского городища. - В кн.: *Вани*, т.1, Тбилиси: Мецниереба, 1972.

Хоштария Н. В. Чхороцху - могильник с трупосожжением (захоронения в урнах) и остатки поселений. - МИГК, 1941, вып. II.

Хрушкова Л. Г. Материалы по мелкой пластике средневековой Абхазии. - МАА, 1979.

Цвинария И. И. Находки вс. Нижняя Эшера. - АО-1970. М., 1971.

Цитланадзе Л. Г. Археологические находки в селе Лиа (1968 г.). - Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1973, №33.

236

Цитланадзе Л. Г. Археологические памятники Хеви (Казбекский клад). - Тбилиси: Мецниереба, 1976.

Цицишвили И. И. Комплекс церковных сооружений в Пицунде. - В кн.: *Великий Питиунт*, т. II. - Тбилиси: Мецниереба, 1977.

Цоцелия М. В. О монетных дворах сасанидского Ирана. - САНГ, 1975, т.77, №1.

Цухишвили И. А. Византийские монеты «Великого Питиунта». - В кн.: *Великий Питиунт*, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1977.

Цухишвили И. А. Клад позднеримских монет из Пицунды. - В кн.: *Великий Питиунт*, т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1977.

Чартолани Ш. Г. Археологические памятники эпохи бронзы из Сванетии, 1. -Тбилиси: Мецниереба, 1977.

- Чартолани Ш. Г. Материалы по археологии Сванетии, 1- Тбилиси: Мецниереба, 1976.
- Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес). - В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980.
- Черненко Е. В. Скифский доспех. - Киев: Наукова думка, 1968.
- Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. - М.: Наука, 1966.
- Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. - СА, 1978, №4.
- Чернявский В. И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно - В кн.: Протоколы V Археологического съезда в Тифлисе. - М., 1879.
- Чернявский В. И. Из исследований в юго-западном Закавказье. II. Доказательства колебаний западного побережья Кавказа в течении исторических времен. Следы городов, погребенных в наносах. - ИКОИРГО, 1877, т. XIII.
- Чеченов И. М. К вопросу о локальных вариантах Кобанской культуры. - В кн.: Археолого-этнографический сборник. Вып.1. Нальчик, 1974.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. - М.: Наука, 1980.
- Чкониа А. М. Художественная обработка золота в Вани. - В кн.: Вани, т. II. - Тбилиси: Мецниереба, 1976.
- Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. - М.: Наука, 1976.
- Членова Н. Л. Памятники I тысячелетия до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности. - В кн.: Искусство и археология Ирана. Доклады Всесоюзной конференции (1969 г.) - М.: Наука, 1971.
- Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. - М.: Наука, 1967.
- Чубинишвили Т. Н. Древнейшие археологические памятники Мцхета. - Тбилиси: изд-во АН ГССР, 1957.
- Чхеидзе Л. Стекланные изделия из Вашнарского городища. - ПЮЗГ, 1975, вып. V.
- Шамба Г. К. Амфорные клейма Диоскурии. - ИАИ, 1976, вып. V.
- Шамба Г. К. Амфоры Эшерского городища. - ИАИ, 1978, вып. VII.
- Шамба Г. К. Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе. - МАИА, 1974.

237

- Шамба Г. К. Ахаччарху - древний могильник нагорной Абхазии. - Сухуми: Алашара, 1970.
- Шамба Г. К., Демирханян А. Р., Логинов В. А. Исследования на территории Сухуми. - АО-1977. М., 1978.
- Шамба Г. К. Древности Эшера. - Сухуми: Алашара, 1980.
- Шамба Г. К., Квициния В. К. Открытия в пос. Агудзера близ Сухуми. -ТАГМ, 1980, т. V.
- Шамба Г. К. Материалы могильника эллинистической эпохи из Эшерского городища (по раскопкам 1972 г.). - ИАИ, 1977, вып. VI.
- Шамба Г. К. Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху (по археологическим материалам некрополя Ахаччархва): Автореф. канд. дис. Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1966.
- Шамба Г. К. Об ареале распространения древнегреческой керамики в VI- V вв. до н.э. в Абхазии - В кн.: Тезисы докладов и сообщений II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему Местное население Причерноморья в эпоху великой греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.), Цхалтубо, 1979. - Тбилиси: Мецниереба, 1979.
- Шамба Г. К. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера. - ИАИ, 1972, вып.1.
- Шамба Г. К. О мегарских чашах Эшерского городища. - ИАИ, 1975, вып. IV.
- Шамба Г. К. О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского

района. - ИАИ, 1973, вып. II.
Шамба Г. К. О раскопках в 1974 г. на Эшерском городище. - ПАИ-1974. Тбилиси, 1976.
Шамба Г. К. Погребение II в. из Мацесты. - СА, 1970, №2.
Шамба Г. К. Предварительные итоги работ на Эшерском городище. - КСИА, 1977, №151.
Шамба Г. К. Работы в низовьях Гумисты в Абхазии. - АО-1975. М., 1976.
Шамба Г. К. Раннеантичный импорт Эшерского городища (керамика). - МАА, 1979.
Шамба Г. К. Раскопки на Эшерском городище и разведки в его окрестностях. ПАИ-1975. Тбилиси, 1979.
Шамба Г. К. Раскопки Эшерского городища и некоторые вопросы истории Диоскурии. - В кн.: Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV Международной конференции «Эйренэ»), - Ереван, изд-во АН Арм. ССР, 1979.
Шамба Г. К. Флаконы из раскопок Эшерского городища. - МАА, 1979.
Шамба Г. К. Эшерские кромлехи. - Сухуми: Алашара, 1974.
Шамба Г. К. Эшерское городище и некоторые вопросы Диоскурии. - В кн.: Тезисы докладов XIV Международной конференции античников социалистических стран («Эйренэ»), - Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1976.
Шамба Г. К. Эшерское городище. - Тбилиси: Мецниереба, 1980.
Шамба Г., Шамба С. Раскопки в селе Нижняя Эшера. - ПАИ-1977. Тбилиси: Мецниереба, 1980.
Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства в Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
Шарден Ж. Путешествие в Грузию. - Тбилиси, 1935.

238

Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI. - ВДИ, 1980, №3.
Шелов Д. Б. Находки в Танаисе «мегарских» чаш. - В кн.: Античные древности Подонья-Приазовья. М.: Наука, 1969.
Шелов Д. Б. О проблемах хронологии памятников. - КСИА, 1979, №158.
Шервашидзе Л. А. Абхазия в искусствоведческой литературе. - В кн.: Под знаменем Октября. - Сухуми: Алашара, 1968.
Шервашидзе Л. А., Бгажба О. Х., Бжания В. В., Шамба Г. К., Цвинария И. И. Археологические исследования в Абхазии. - АО-1973. М., 1974.
Шервашидзе Л. А. Пицундская мозаика. - В кн.: Великий Питиунт, т. III. - Тбилиси: Мецниереба, 1978.
Шервашидзе Л. А. Повесть о городе, взятом волнами. - Сухуми: Алашара, 1967.
Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Себастополиса. - СА, 1960, №3.
Штерн Э. Р. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации. - ЗООИД, 1900, т. XXII.
Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. - Л.: Наука, 1978.
Щеглов А. Н. Система «Полис-хора» и контактные зоны в Причерноморье. - В кн.: Тезисы докладов XIV Международной конференции античников социалистических стран («Эйренэ»), - Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1976.
Энгельс Ф. Диалектика природы. - Маркс К, Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.20.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.21.
Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. - Л.: Наука, 1979.
Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. - МИА, 1959, №63.
Якобсон А. Л. Рец. на кн.: Археологические исследования раннесредневекового Крыма. -

CA, 1971, №3.

Alexander T. Yugoslavia before the Roman conquest. - London, 1972.

Amandry P. Collection H. Stathatos. - Strasburg, 1953.

Amandry P. Un motif "scythe" en Iran et en Grece. - INES, Chicago, 1965, t. XXIV, №3.

Ament H. Frankische Agelsgrabervon Flonheim in Rheinessen. - Berlin, 1970.

Amphoras and the ancient wein trade. - Princeton-New Jersey, 1961.

Bakay K. Bestattung eines vornehmen Kriegers von 5. Jahrhundertin Lengyeltoth (Komitft Somogy, Kreis Marcali). - In: Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest, 1978, T. XXX, Fasc.1-2.

Barney C. A. A first season of excavations at the urartian citadel of Kayalidere. - In: Anatolian Studies. London, 1966, vol. XVI.

Bass G. T. Underwater excavation at Yassi Ada: A Byzantine shipwreck. - In: Archaeologischer anzeiger, Berlin, 1962, Reft3.

Beyern G. Unterauchungen uber die altesten Graber- und Schatzfunde in Kaukasien. -ZE, Supplement, Berlin, 1885.

Bernabo-Brea L. La Sizilia prehistorica. - In: Escusla Espanola de Roma. Ser. Arq. Roma, 1954.

239

Betzler P. Die Fibeln in Suddeutschland, Osterreich und der Schweiz, I. - PBF, Mbnchen, 1974, Bd. XIV, №3.

Blinkenberg Chr. Fibules grecques et orientales. Det Danske Videnskaberues. Selskab. - In: Historisk-filologicke Meddelelser, Kobenhavn, 1926, Bd. XIII, №1.

Bolmer R. M. Die Kleinfunde von Bogaskoj. - Berlin, 1972.

Borchardt J. Homerische Helme. - Mainz-am-Rhein, 1972.

Bouzek J. Graeco-Macedonian bronzes (analysis and chronology). - Praha, 1974.

Burney C. A. A first season of excavations at the urartian citadel of Kayalidere. - In: Anatolian Studies, London, 1966, t. XVI.

Buschor E. Burglowen. - AM, Bd. XLVII.

Carpenter R. The Greek penetration of the Black Sea. - In: American Journal of Archaeology, Washington-New York, 1948, vol.52, №1.

Chantre E. Recherches antropologiques dans le Caucase. - Paris-Lion, 1886.

Diehl Ch. Justinien et la civilization bizantine au vie siecle. - Paris, 1901.

Diehl Ch. Rapport sur deux missions archiologiques dans l'Afrique du Nord. - Paris, 1894.

Dirmtekin F. Anasthasesurlari. - In: Turk kurumu bulletin, Ankara, 1964, T. XII, №45.

Ettinger E. Die romischen Fibeln in der Schweiz. - Bern, 1973.

Flinders Petrie W. M. Tools and weapons. - London, 1917.

Floresku Gr., Floresku R., Diaconu P. Capidava. - Bucuregti, 1958, t.1.

Fukai S., Horiuchi K. Tag-i-Bustan, 1.11. -Tokio, 1972.

Ghirschman R. Fouilles de Sialk pres de Kashan, t.2. - Paris, 1939.

Ghirschman R. Iran. Protoiranier, medier, achameniden. -Munchen, 1964.

Ghirschman R. Perse - Paris, 1963.

Graham A. J. The date of the Greek penetration of the Black Sea. - In: Bulletin of the Institute of Classical Studies. University of London, 1958, t.5.

Hadazeck R. Der Ohrschmuck der Griechen und Etrusker. - Wien, 1903.

Hancar F. Kaukasus - Luristan. - ESA, Helsinki, 1934, Bd. IX.

Harden D. B. Tomb-groups of glass of Roman date from Siria and Palestine. - In: Iraq, London, 1949, vol.11.

Hartner W. The earliest history of the constallations in the Near East and the motif of the Lion-Bull Combat. - INES, Chicago, 1965, vol. XXIV, №1-2.

Hayes J. W. Late Roman pottery. - London, 1972.

Hencken H. Siracuze, Etruria and the North: Some comparisons. - In: American Journal of

Archaeology, Washington-New York, 1958, vol.62, №3.
Herzfeld E. E. Iran in the ancient East. - London, New York, 1941.
Higgins R. A. Early Greek jewellery. - In: The Annual of the British School at Athens, London, 1969, vol.64.
Histria. Monografie arheologica, vol.1. - Bucure?ti, 1954.
Ivascenco M. M. Beitrage zur Vorgeschichte Abchasiens. - ESA, Helsinki, 1932, Bd. VII.
Jewis S. G. Greek altars. - Saint Louis, 1949.
Kantor H. Achaemenide jewelry in the Oriental Institute. - INES, Chicago, 1957, vol. XVI, VI.
Karageorghis V. Excavations in the necropolis of Salamis, I. - In: Salamis, Nicosia, 1967, vol.3.

240

Kovrig J. Deux tombes a vares de TorOkbalint. - FA, 1958, vol. IX.
Kraay C. M. Archaic and classical greek coins. - Berkeley-Los Angeles, Univ. of California Press, 1976, T. XXVI.
Krupnov E. A propos de la chronologie de l'Age du Fer au Caucase Nord. - In: VI Congress International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Les rapports et les informations des archeologues des l'URSS. Moscou, 1962.
Kunze E. Schildbeschlage. - In: Olimpiabericht, Berlin, 1956, Bd. V.
Lang D. M. Studies in the numismatic history of Georgia in Transcaucasia. - N. Y., 1955.
L'art ancien de Humanite. Bijoux. - Geneve, 1973.
Lexicon der Antike. - Leipzig, 1977.
Levintas W. Irrtum um 1000 Jahre. Die Kelassurische Mauer. - In: Exakt. Informationen aus Wissenschaft und Technik in der Sowjetunion. Stuttgart, 1975, №7/8. Lugli G. Tecnica edilizia romana. - Roma, 1957.
Luschey H. Zur Wiederkehr archaischer Bildzeichen in der attischen Grabmalkunst des 4. Jahrhunderts V. Chr. - Mdnchen, 1956.
Madhlom T. A. The chronology of Neo-Assirian art. - London, 1970.
Marsden E. W. Greek and Roman artillery. - Oxford, 1959.
Megaw H. Research at Ishmia. - In: Annal of the British School at Athens. Athens, 1934, vol. XXXII (1931-1932).
Montanari G. B. Vetri antchi del Museo Nazionale di Ravenna. - Ravenna, 1967. Moorgat A. Der Ohrschmuck der Assurer. - In: Archiv fur Orientforschung. Graz, 1927, Bd. IV, №5/6.
Miiller-Karpe H. Beitrage zu Chronologie der Urnenfeldzeit Nordlich und sudlich der Alpen. RGF, Berlin, 1959, Bd.22.
Muscarella O. W. A fibula from Hasanlu. - In: American-Journal of Archaeology. Washington - New York, 1948, vol.69, №3.
Nagel W. Ein urartischer Helm am dem Argistis. - In: Archiv fur Orientforschung. Berlin, 1962, Bd. XIX.
Orsi P. Byzantina Siciliae. - In: Byzantischen Zeitschrift. Berlin, 1912, Bd.21. Parvan V. Cetatea Ulmetum. Descoperizile primei campanii de separturi din vara anului 1911. - In: Analele Academici Romane. Bucure?ti, 1912, t. XXXIV, Sec.11. Payne H. Necrocorinthia. - Oxford, 1931.
Pfuhl E. Valerei und Zeichnung der Griechen, T.1. - MOnchen, 1923.
Pleiner R. The beginnings of the iron age in ancient Persia. - Prague, 1967. Porada E. Iran ancien. - Paris, 1963.
Reichel W. Homerische Waffen. - Wien, 1901.
Robinson D. M. Excavation at Olinthus. - London, 1938, vol. VIII.
Robinson H. S. Pottery of the Roman Period. Chronology. - In: The Athenian Agora. Prinseton,

1959, vol. V.

Ross M. S. Catalogue of the Byzantine and early medieval antiquities in the Dumbarton Oaks collection, vol.11. - Washington, 1965.

Sapouna-Sakellarakis E. Die Fibeln der griechischen Inseln. - PBR, München, 1978, Bd. XIV, №4.

Schefold K. Die Griechen und ihrer Nachbar. - Berlin, 1968.

241

Scorpan C. Contribution a la connaissance de certains types ceramiques romano- byzantines (IV-VI siècles) dans l'espace Istro-Pontique. - In: Dacia, H. S. XXI. - Bucarest, 1977.

Sleweyn Brown W. The Etruscan Lion. - Oxford, 1960

Snodgrass. The Dark Ages of Greece. - Adinburg, 1971.

Soproni S. Über den Munzumlauf in Pannonien zu Ende des 4. Jahrhunderts. - In: Folia Archaeologica. Budapest, 1969, t. XX.

Stain F. Awarisch-merowingische Beziehungen. - SZAUSAV, 1968, Bd.16.

Stronach D. The development of the fibula in the Near East. - In: Iraq. London, 1959, vol. XXI, №2.

Sundwall J. Die älteren italischen Fibeln. - Berlin, 1943.

Tallgren A. Kaukasus. - In: Reallexicon für Vorgeschichte, Berlin, 1926, Bd. VI.

Thalman J. P. Tell °Arqa (Liban Nord) campagnes I-III (1972-1974). - In: Siria (Revue d'art oriental et d'archéologie), Paris, 1978, T. LV.

Wasowicz A. Osadnictwo greckie. - In: Kultura materialna starozytnej Grecji, t. II. - Wrocław-Warszawa, 1977.

Welkov I. Fine Gotenfestung bei Sadowetz (Nordbulgarien). - In: Germania, Berlin, 1.19, №2.

Werner T. Katalog der Sammlung Diergardt, Bd.1. Die Fibeln. - Berlin, 1961.

Werner T. Nomadische Gürtel bei Persen, Byzantinern und Langobarden. - In: Problemi attuali scieusa e di cultura, quaderno '189. Atti del convegno internazionale sul tema: la civiltà dei Langobardi in Europa. Roma, 1974.

Werner T. Zu den donauländischen Beziehungen des alamannischen Graberfelds am alten Gotterbarmweg in Basel. - In: Helvetia Antiqua. Zürich, 1966.

Wojciechowski W. Bron pierwotna i starozytna w Polsce. - Warszawa, 1973.

Venedikov I., Gerasimov T. Sztuka Tracka,1. - Warszawa - Sofia, 1976.

Venedikov Iv. La datation des remparts romano-byzantins de Nessebre. - In: Nessebre, vol.1. Sofia, 1969.

Venedikov Iv., Ogenova-Marinova L., Petrov T. Disposition fouilles et remparts de Nessebre du cote occidental. - In: Nessebre, vol.1. Sofia, 1969.

Vetters H. Dacia Ripensis. - In: Schriften der Balkankommission. Antiquarische Abteilung. Wien, 1950, t. XI.

Vinski Z. Kasnoanticki ctarosjedoci u Salonitanskoj regiji prema arheoloskoj ostarstini predslavenskog Supstrata. - In: Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. Beograd, 1974, t. XIX.

Virchow R. Graberfeld von Koban im Lande der Osseten. - Berlin, 1883.

242

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО - Археологические открытия.

АСГЭ - Археологический сборник Гос. Эрмитажа.

АЭГМГ - Археологические экспедиции Гос. музея Грузии.

ВАУ - Вопросы археологии Урала.

ВВ - Византийский временник.
ВГМГ - Вестник Гос. музея Грузии.
ВДИ - Вестник древней истории.
ВИ - Вопросы истории.
ВИНК - Вопросы искусства народов Кавказа
ВС С А - Вопросы скифо-сарматской археологии.
ГИМ - Государственный исторический музей.
ЗКОИРГО - Записки Кавказского отдела Русского Географического общества.
ЗООИД - Записки Одесского общества истории и древностей.
ИА - Институт археологии АН СССР.
ИАИ - Известия Абхазского института ЯЛИ им. Д. И. Гулиа.
ИАК - Известия Археологической комиссии.
ИАНО - Известия Абхазского научного общества.
ИГАИМК - Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИИАЭ - Институт истории, археологии и этнографии АН ГССР.
ИИЯИМК - Известия института языка, истории и материальной культуры.
ИКОИРГО - Известия Кавказского отдела Русского географического общества.
ИНИИК - Известия научно-исследовательского института краеведения.
КБС - Кавказско-ближневосточный сборник.
КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК - Краткие сообщения института истории материальной культуры.
ЛГУ - Ленинградский гос. Университет.
МАА - Материалы по археологии Абхазии.
МАГК - Материалы по археологии Грузии и Кавказа.
МАД - Материалы по археологии Дагестана.
МАДИСО - Материалы по археологии Дагестана и Северной Осетии.
МАИА - Материалы по археологии и искусству Абхазии.
МАК - Материалы к археологии Кавказа.
МГУ - Московский гос. Университет.
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.
МИГК - Материалы по истории Грузии и Кавказа.
МКА - Материальная культура Азербайджана.
НАА - Народы Азии и Африки.
ПАИ - Полевые археологические исследования в Грузии.
ПСА - Памятники скифской архаики.
ПЮЗГ - Памятники Юго-Западной Грузии.
СА - Советская археология.

243

САИ - Свод археологических источников.
САНГ - Сообщения Академии наук Груз. ССР.
СГЭ - Сообщения Гос. Эрмитажа.
СМАА - Сборник материалов по археологии Адыгеи.
СМОМПК - Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
СЭ - Советская этнография.
ТАГМ - Труды Абхазского государственного музея.
ТАИ - Труды Абхазского института ЯЛИ им. Д. И. Гулиа.
ТАНИИК - Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения.
ТГУ - Тбилисский гос. Университет.

ТГЭ - Труды Гос. Эрмитажа.
ТИИАНГ - Труды Института истории АН Груз. ССР.
ТКАЭ - Труды Кахетской археологической экспедиции.
ТОИПКГЭ - Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа.
ТТГУ - Труды Тбилисского гос. Университета.
УЗКНИИ - Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института.
АМ - Mitteilungen des Deutschen archaologischen Instituts. Athenische
Abteilung.
ESA - Eurasia Septentrionalis Antiqua.
FA - Folia archaologia. Budapest.
JNES - Journal of Near Eastern Studies.
PBF - Prahistorische Bronzefunde. Munchen.
RGF - ROMisch - Germanische Forschungen. Berlin.
SZAUSAV - Studijne zvesti Archeologickeho Ustava Slovenskej Akademie Vied. Nitra.
ZE - Zeitschrift fur Ethnologie, Berlin.

244

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

РИСУНКИ И КАРТЫ ПОДПИСИ К РИСУНКАМ И КАРТАМ

245

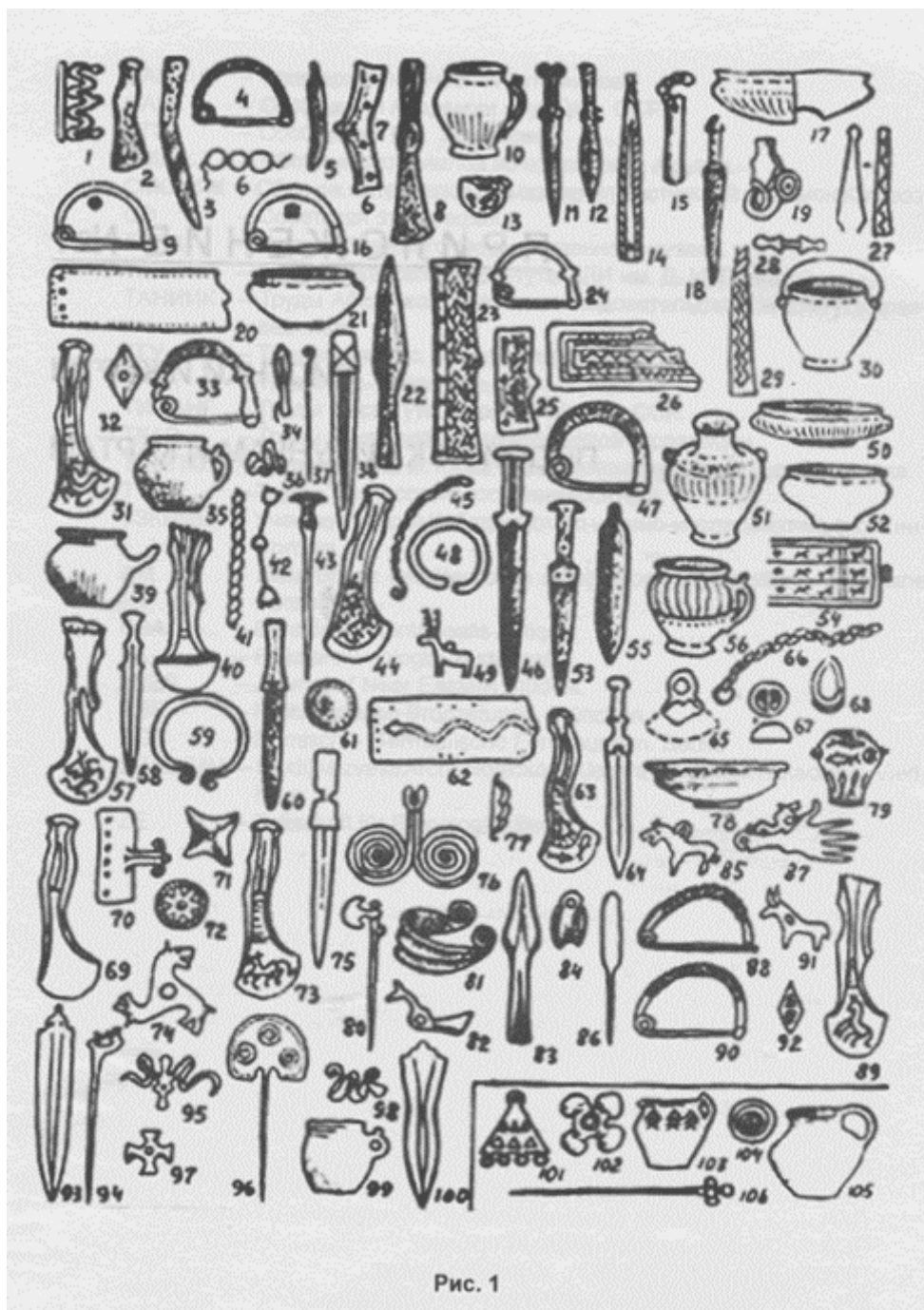

Рис. 1

Рис. 1. Типы изделий из комплексов Глийского могильника.

1, 7, 23, 25, 70, 76, 87 - пряжки; 2, 8, 31, 40, 44, 57, 63, 69, 73, 89 - топоры; 3, 5 - ножи; 4, 9, 16, 24, 33, 47, 88, 90 - фибулы; 6 - бусы; 10, 17, 21, 30, 50-52, 56 - металлическая посуда; 11, 18, 38, 46, 53, 55, 58, 60, 64, 75, 93, 100 - кинжалы; 12 - клевец; 13, 19 - наконечники ножен; 14, 45, 59 - гривны; 15 - оселок; 20, 26, 54, 62 - пояса; 22, 83 - наконечники копий; 27 - пинцет; 28 - роликовая застежка; 29, 48, 81 - браслеты; 32, 61, 67, 71, 72, 92, 104-нашивки и бляшки; 33-наконечник стрелы; 34 - наконечник стрелы; 35, 39, 99, 103, 105 -

глиняные сосуды; 36, 49, 68, 82, 84, 85, 91, 95, 97, 98, 101, 102 - подвески; 37, 43, 80, 86, 94, 96, 106 - булавки; 41 - спираль; 42 - удила; 65 - мотыга; 66 - цепочка; 74, 79 - навершия; 77 - изображение лука на поясе. 1, 6, 7, 9, 10, 14, 16, 17, 20, 21, 23-34, 36-38, 40—45, 47-52, 54, 56-59, 61, 98, 100-102, 104, 106-бронза; 2-5, 8, 11, 12, 18, 22, 46, 53, 55, 60 - железо; 6-сердолик; 13, 19-кость.

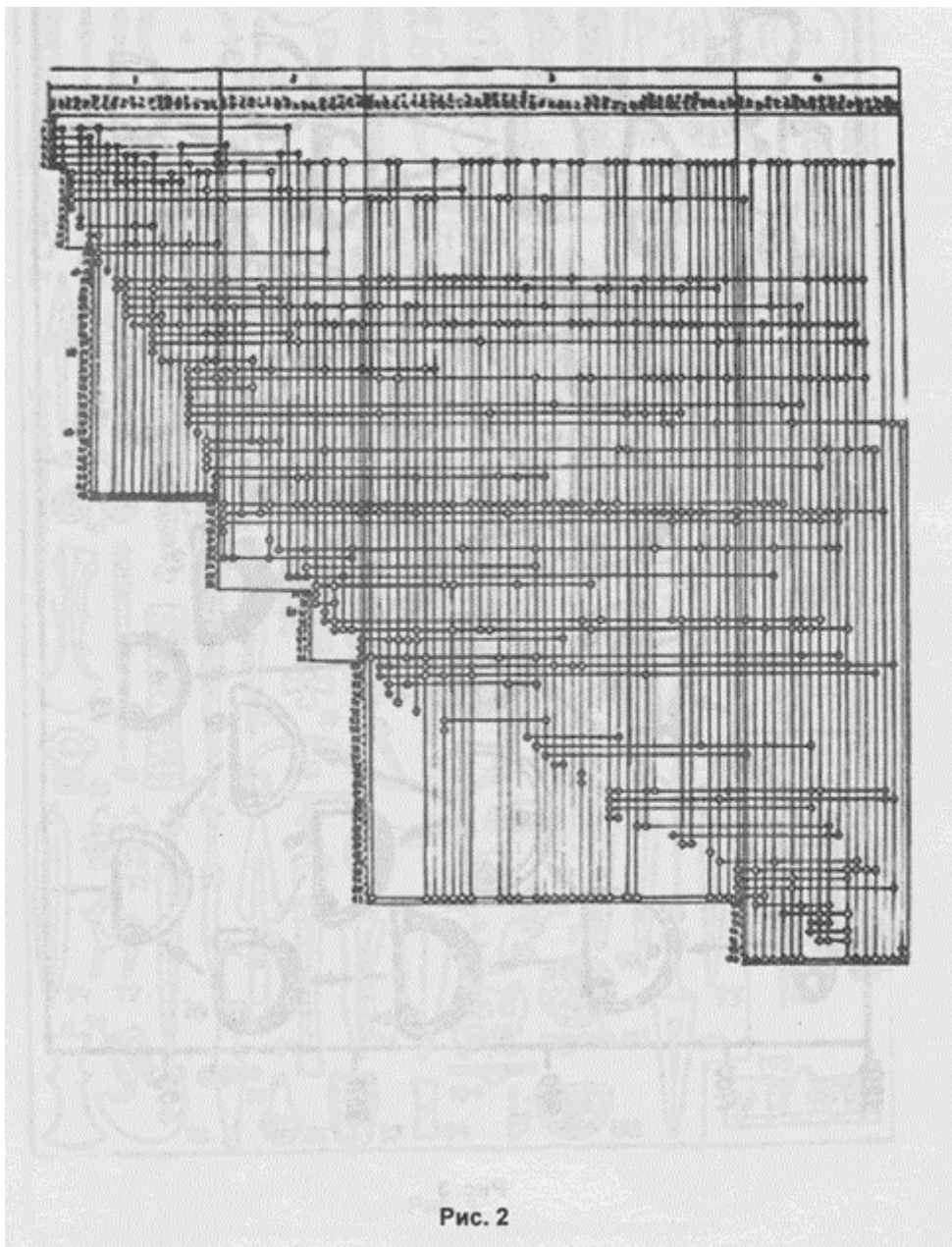

Рис. 2. Корреляция комплексов Глийского могильника.

Номера погребений даны по горизонтали, номера типов изделий в соответствии с рис.1 по вертикали.

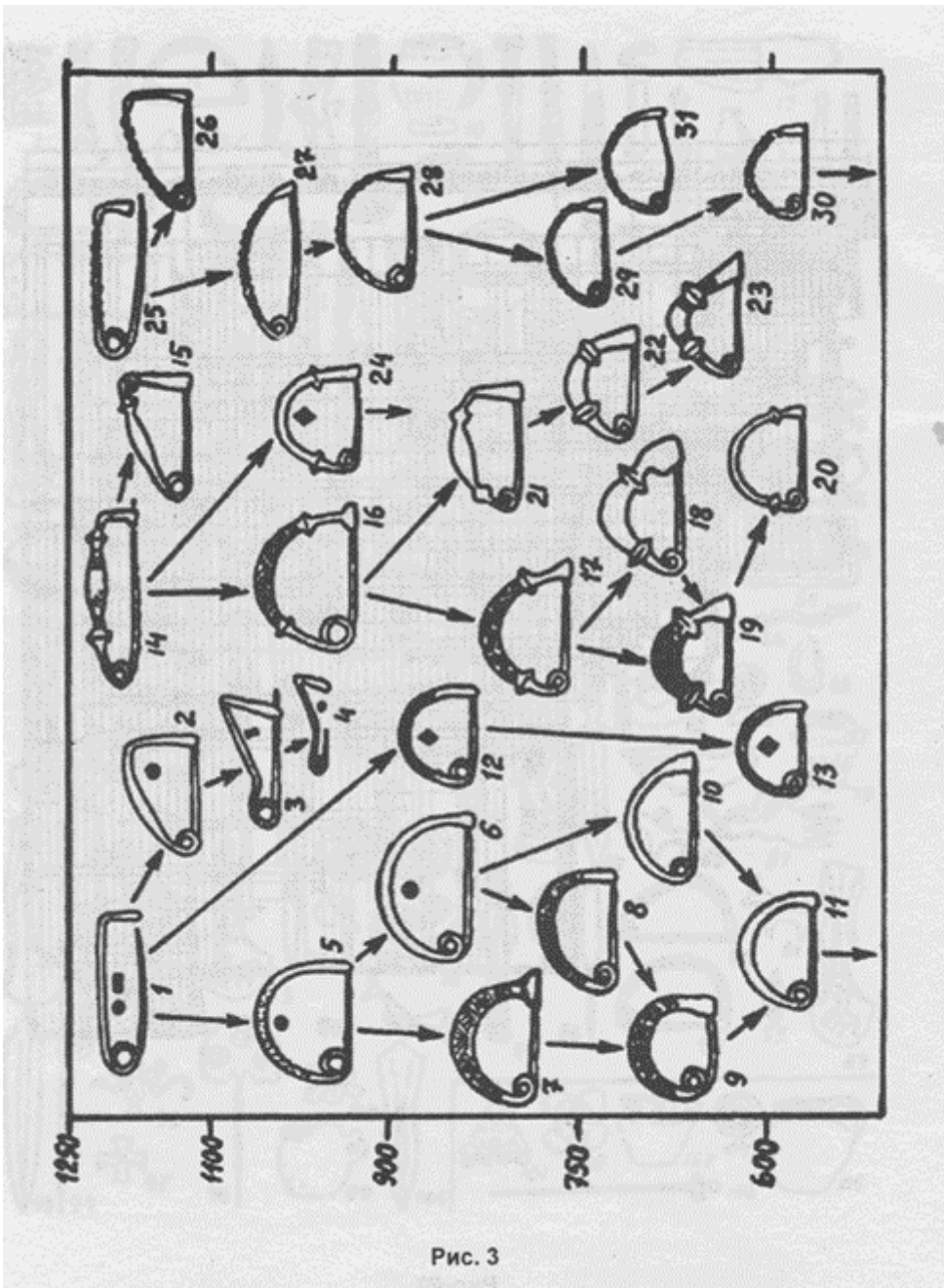

Рис. 3

Рис. 3. Эволюция средиземноморских фибул первого (1-13), второго (14-24) и третьего (25-30) типов.

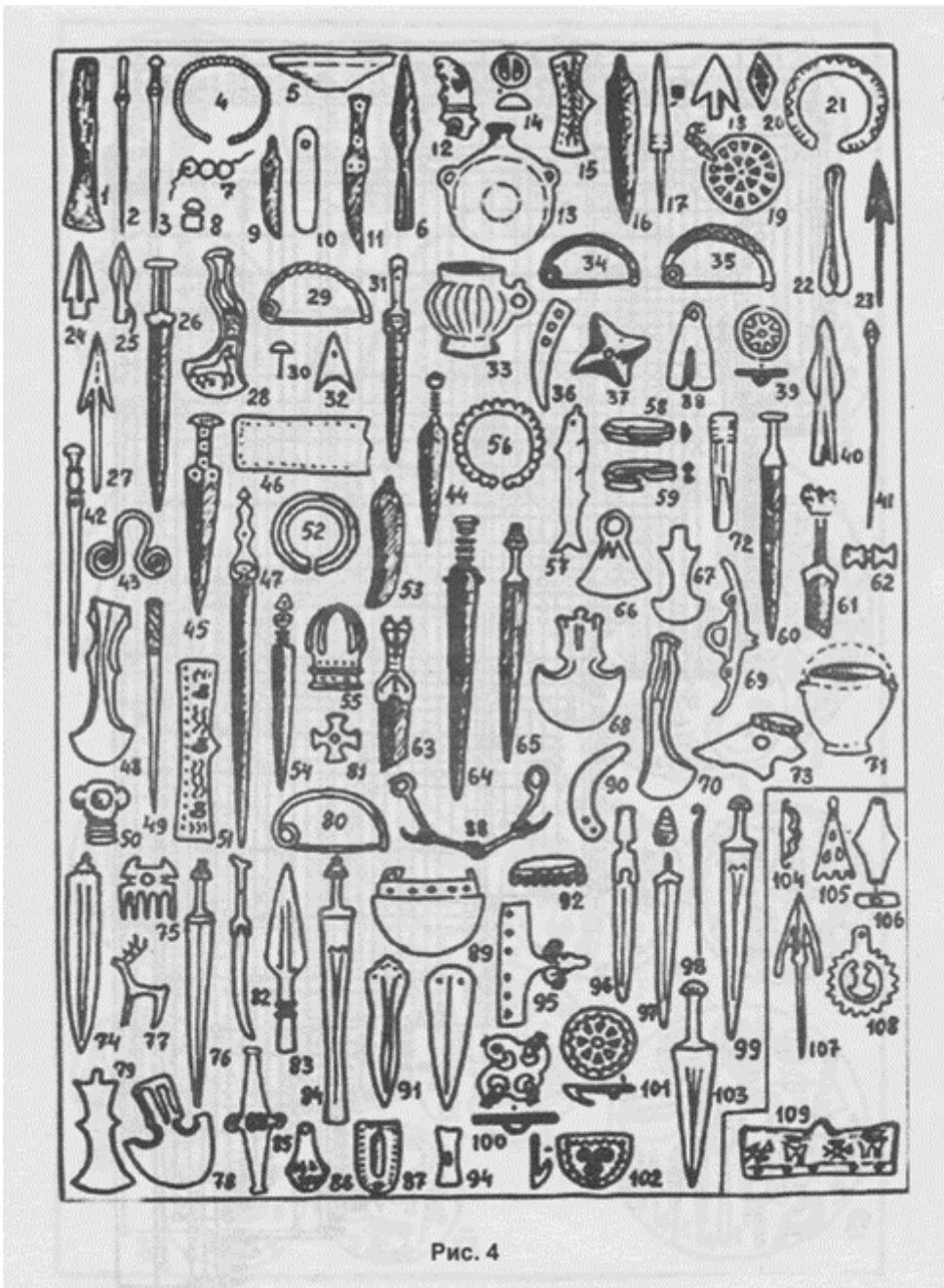

Рис. 4

Рис. 4. Типы изделий из комплексов раннежелезной эпохи из Восточной Грузии.

1, 28, 48, 68, 78 - топоры; 2, 3, 41, 42, 49, 98 - булавки; 4, 21, 52, 56, 58, 59 - браслеты; 5, 13, 33 - глиняные изделия; 6, 40, 83 - наконечники копий; 7, 106 - бусы; 8, 19, 38, 43, 57, 77, 81, 86, 105, 108 - подвески; 9, 11 - ножи; 10 - оселок; 12 - накладка; 14, 20, 37, 39, 100 - нашивки и бляшки; 15, 51, 95, 101, 102, 109 - пряжки; 16, 26, 31, 44, 45, 47, 53, 54, 60, 61, 63-65, 74, 76, 82, 84, 91, 93, 96, 97, 99, 103 - кинжалы; 17, 18, 23-25, 27, 32, 107 - наконечники стрел; 22 - пинцет; 29, 34, 35, 80 - фибулы; 30 - гвоздик; 36, 69, 88 - удила и псалии; 46 - пояс; 50, 55, 73 - навершия; 62, 94 - роликовые застёжки; 66 - мотыга; 67, 79 - тесловидные топоры; 71, 89 - ситула и котел; 72 - тесловидное орудие; 75 - гребешок; 85 - пронизь; 87 - панцирная пластина; 90 - серп; 92 - вкладыш; 104 - изображение лука на поясе. 1, 6, 9, 11, 16, 23, 26, 34, 45, 53 - железо; 31, 44, 60, 61, 63-65 - биметаллические (железо и бронза) изделия; 7 - сердолик; 8, 12, 17, 36, 49, 73 - кость; 10, 106 - камень; остальное - бронза.

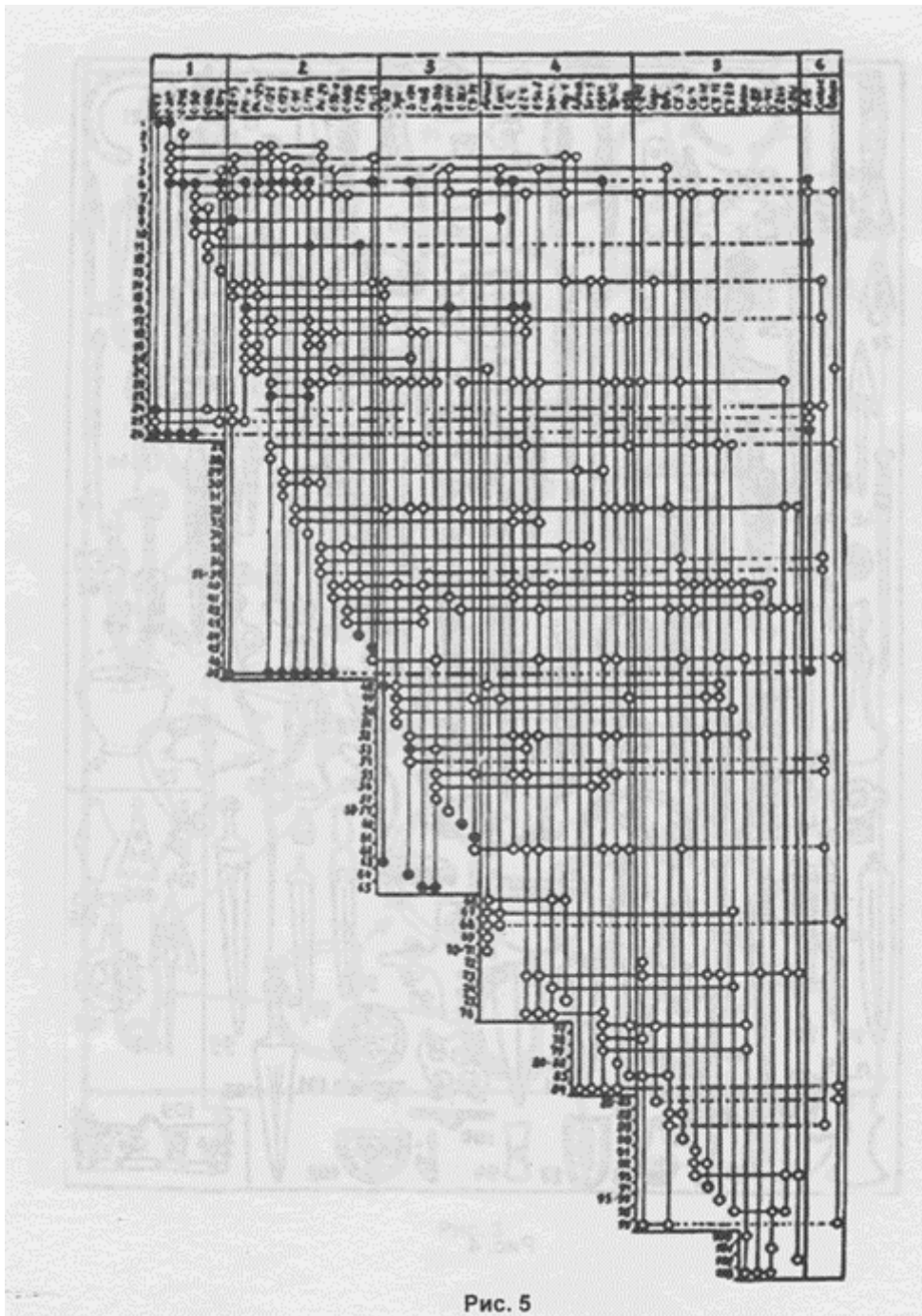

Рис. 5

Рис. 5. Корреляция комплексов раннежелезной эпохи из Восточной Грузии.

Номера погребений даны по горизонтали (сокращения: С-Самтавро; РК-Ркинис - кало; Д - Дигоми; СХ - Сафар-хараб; Мечис - Мечис-цихе; Гант. - Гантиади; Мд. - Мад - нисчали; Араш. - Арашенда; Тет. - Тетрицклеби; Тр. - Трели; Гадр. - Гадрекли; Орх. - Орхеви; Агаи. - Агаиани; КБ - Кармир-Блур), номера типов изделий в соответствии с рис.4 - по горизонтали.

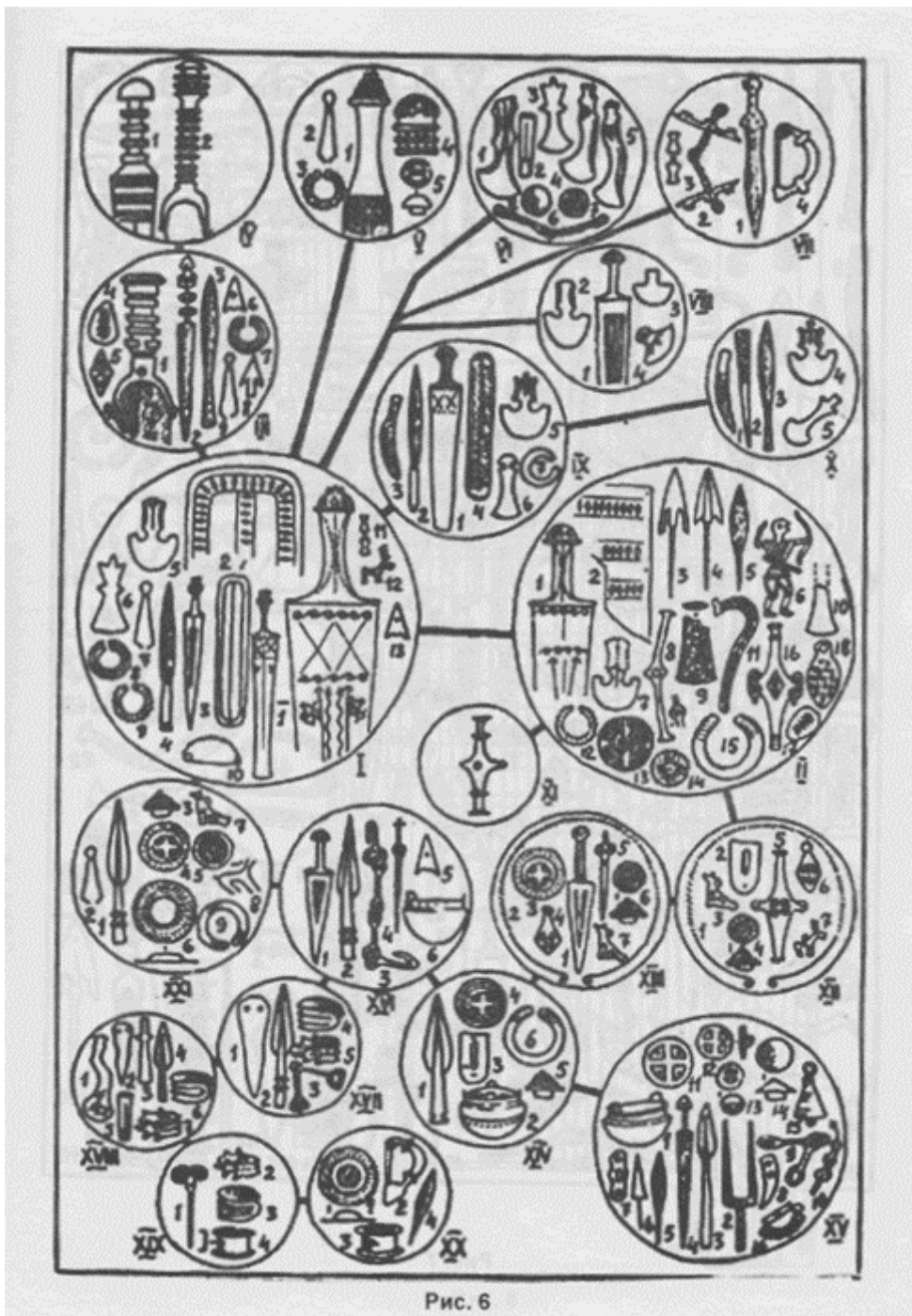

Рис. 6

Рис. 6. Комплекс Самтавро-591 (1, 1-13) и его место в системе древностей раннежелезной эпохи Кавказа и смежных областей.

Двин (II), Дигоми-134 (III), Ассирия (IV), Дигоми-136 (V), Лайлаши (VI), Греция (СапаМНс) (VII), Земо-Симонети (VIII), Ворнак-6 (IX), Цандрипш (Гантиади) (X), Гадрекили - 1 (XII), Гулгула-II-8 (XIII), Гадрекили-10 (XIV), Тепе-Сиалк-13 (XV), Навтлуги-I (XVI), Сержень-Юрт (XVII—XIX), Кайалидер (XX).

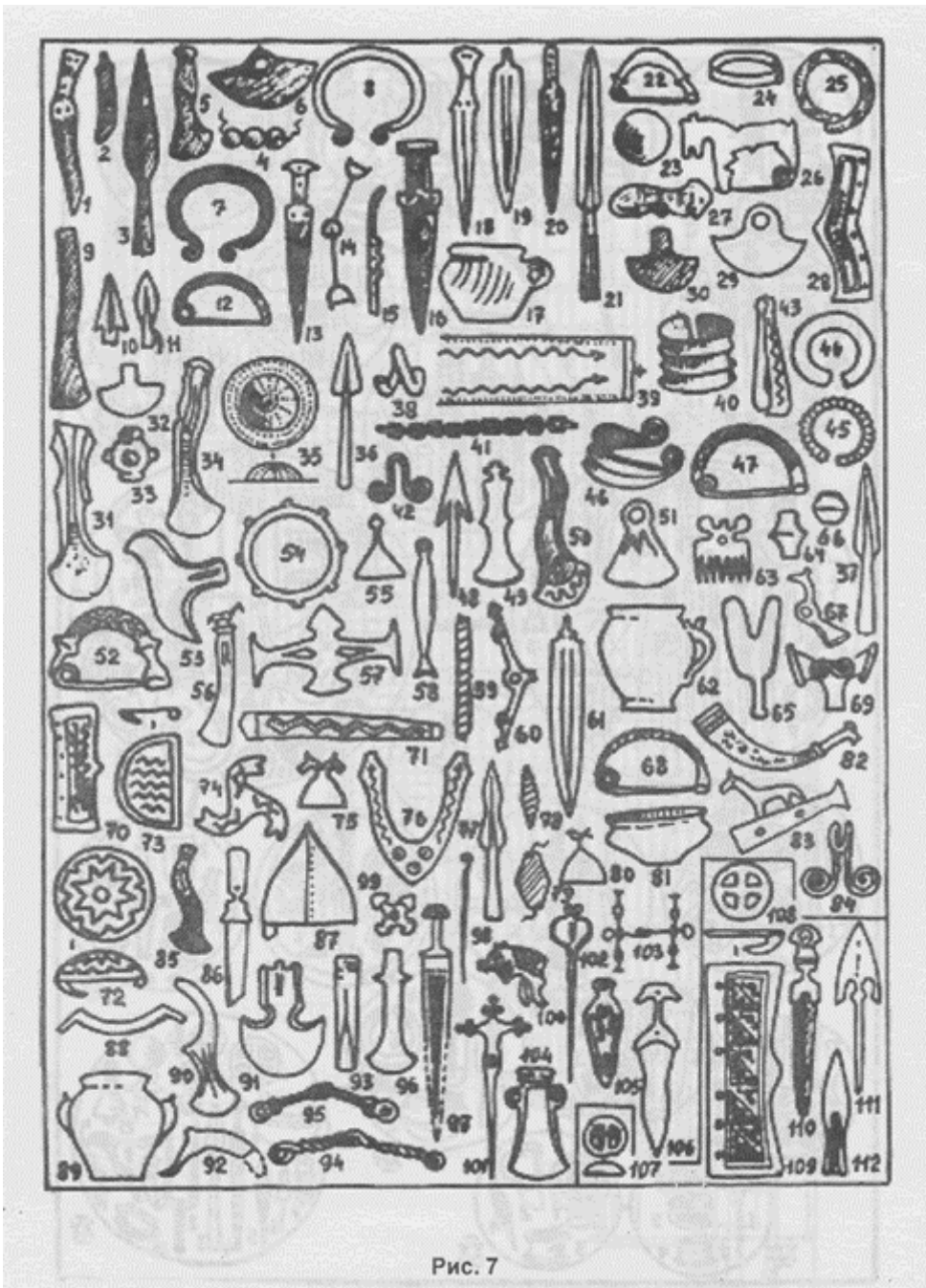

Рис. 7

Рис. 7. Типы изделий из комплексов раннежелезной эпохи из Западного Закавказья.

1, 2 - ножи; 3, 21, 36, 37, 77 - наконечники копий; 4, 64, 66, 78, 79 - бусы; 5, 9, 31, 34, 50, 53, 56, 90, 91 - топоры; 6, 29, 30, 32, 51 - мотыги; 7, 8-гривны; 10, 11, 48, 111, 112 - наконечники стрел; 12, 22, 26, 47, 52, 68 - фибулы; 13, 16, 18—20, 61, 86, 97, 102, 105, 106, 110-кинжалы; 14, 15, 60, 95, 96, 103-удила и псаии; 17, 62, 81, 82, 89-посуда; 23, 27, 35, 55, 75, 79, 107, 108 - бляхи и нашивки; 24, 25, 40, 44-46, 54, 57, 71 - браслеты; 28, 39, 70-73, 84, 109 - пряжки; 33, 65, 69, 74, 83, 99, 100 - наверхия; 38, 42, 58, 67 - подвеска; 41 - цепочка; 43 - пинцет; 49, 96 - плоские топоры; 59 - спираль; 63 - гребень; 76 - пектораль; 87 - шлем; 88-струг; 92 - серп; 93 - тесло; 98, 101, 102 - булавки. 1-3, 5-7, 9, 12, 13, 15, 16, 20, 30, 85, 110, 112-железо; 4-сердолик; 79-фаянс; остальное - бронза.

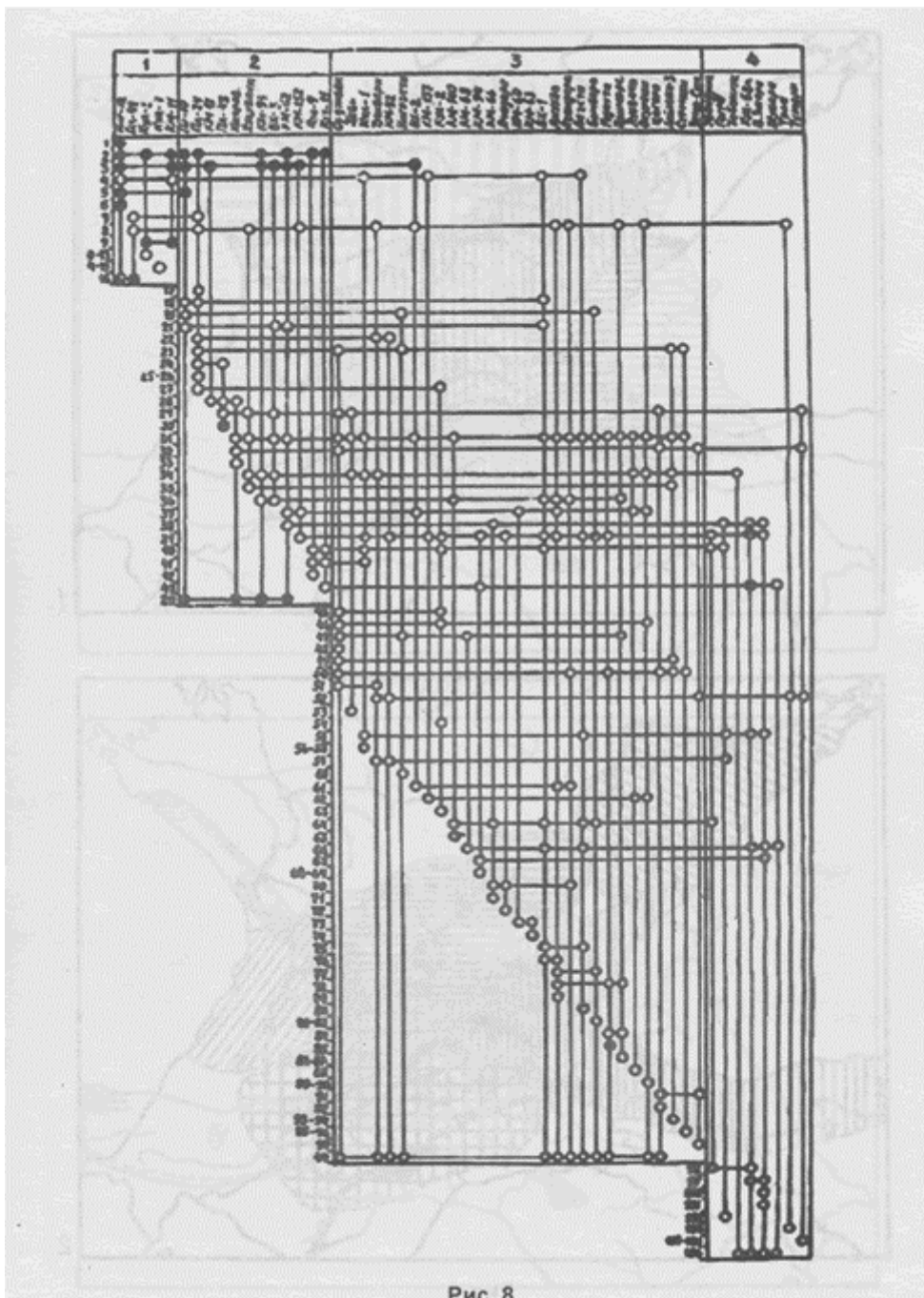

Рис. 8

Рис. 8. Корреляция комплексов раннежелезной эпохи из Западного Закавказья. Номера погребений по горизонтали (сокращения: Ниг. - Нигвзиани; Пл. - Палури; Кул. - Куланьрхуа; КМ - Красный Маяк; Капров. - Капровани; Вх. - Верещагинский холм; Земо-Сим. - Земо-Симонети), номера типов изделий - в соответствии с рис. 7 по вертикали.

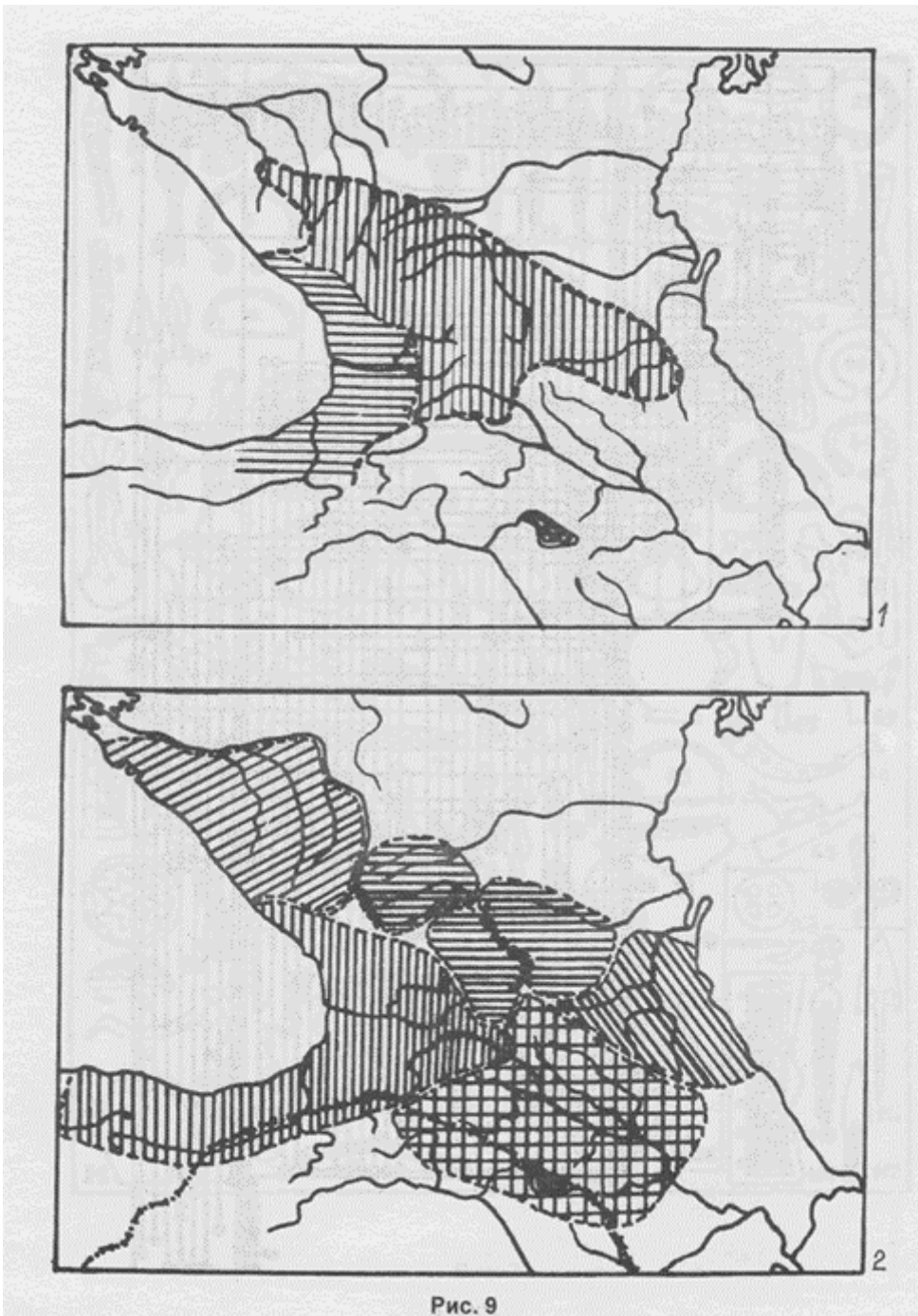

Рис. 9. Районирование колхидско-кобанских древностей по А. А. Иессену (1) и Е. И. Крупнову (2).

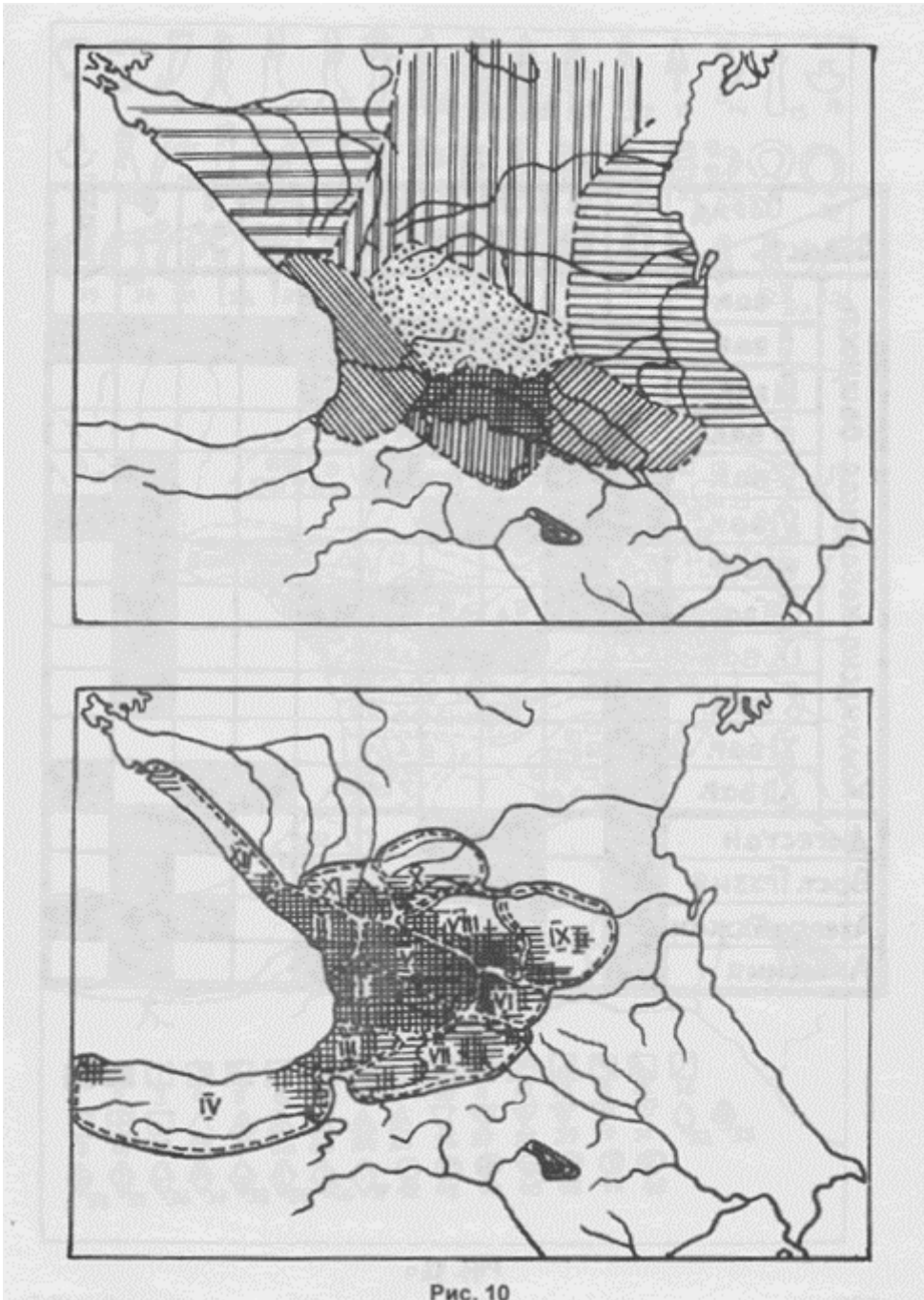

Рис. 10

Рис.10. Археологические культуры Кавказа поздней бронзы и раннего железа по Б. В. Техову (1) и Колхидско-кобанская металлургическая провинция по Ю. Н. Воронову (2).

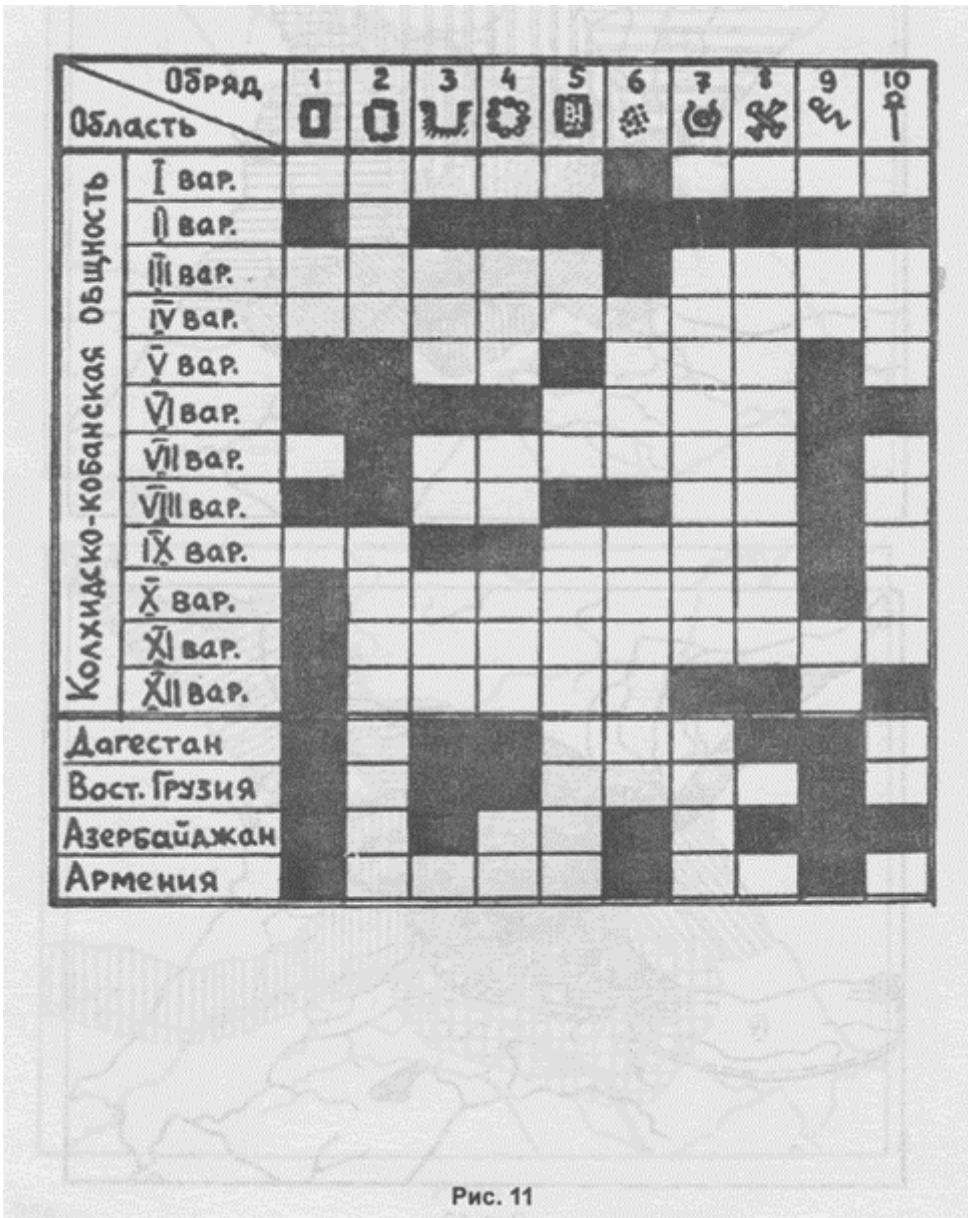

Рис. 11

Рис. 11. Распределение погребальных сооружений и обрядов по вариантам Колхидско-Кобанской металлургической провинции и на смежных территориях Кавказа.

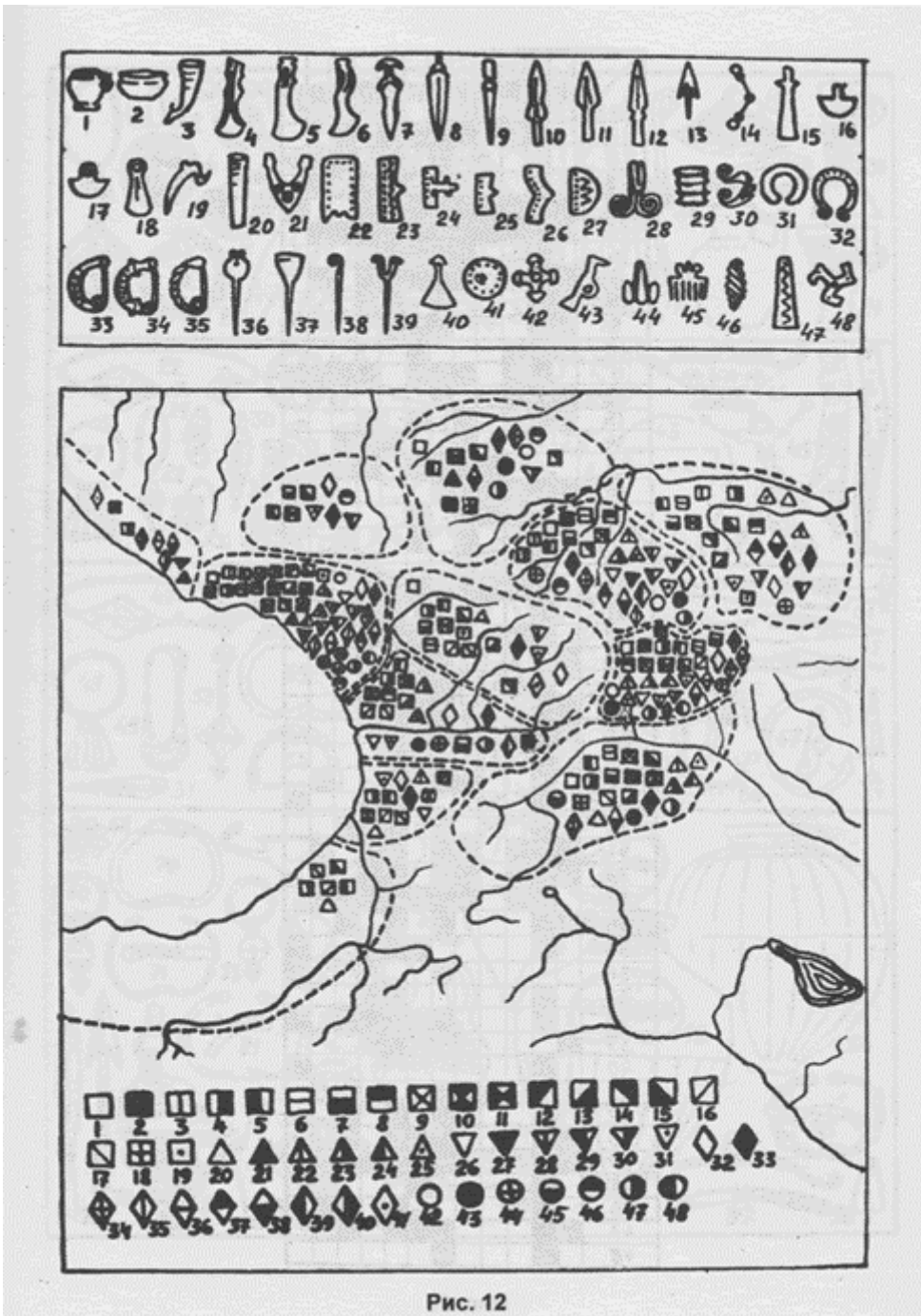

Рис. 12

Рис. 12. Распределение основных типов изделий колхидско-кобанского круга по вариантам.

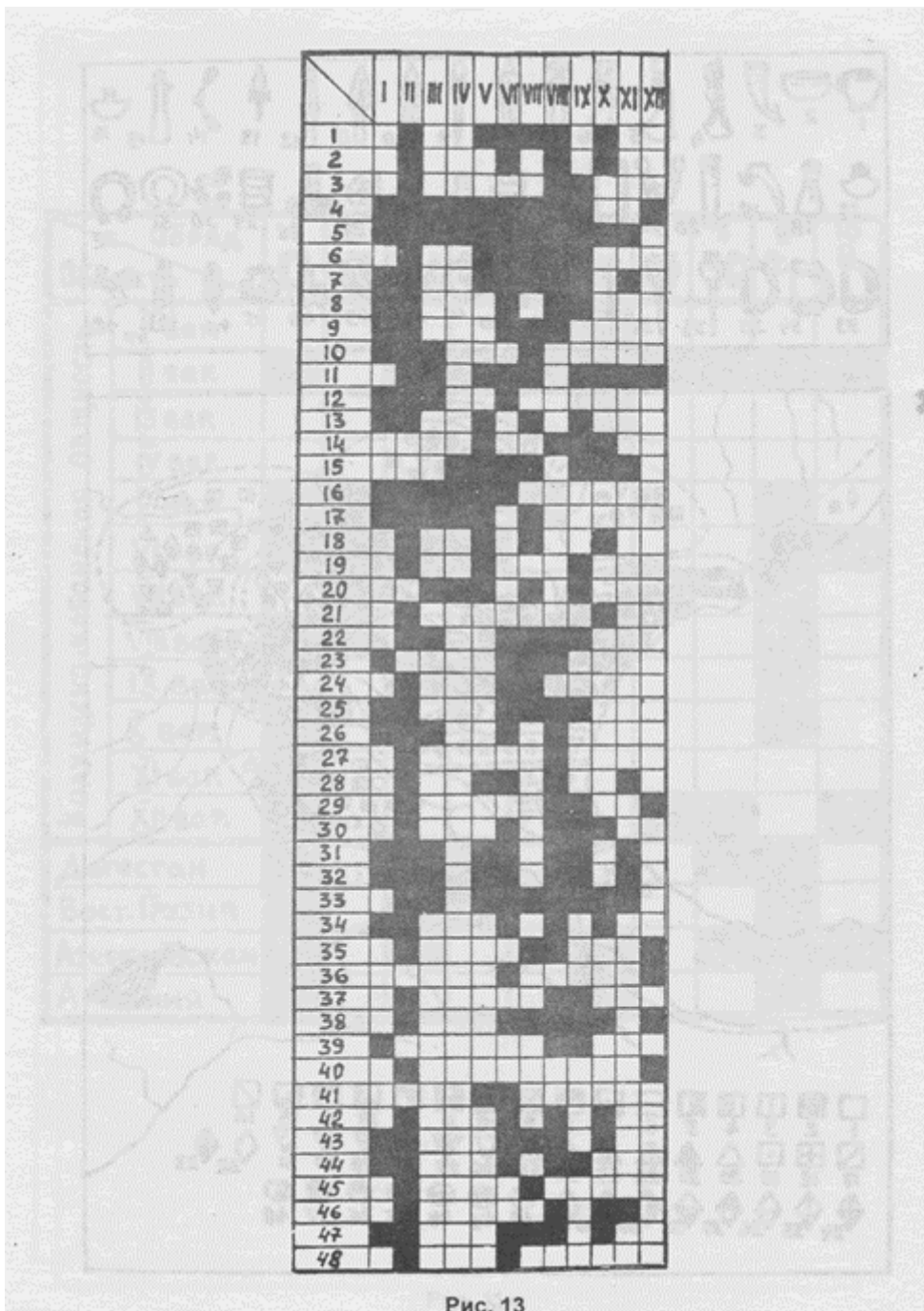

Рис. 13

Рис.13. Распределение основных типов изделий колхидско-кобанского круга (в соответствии с рис.12) по вариантам.

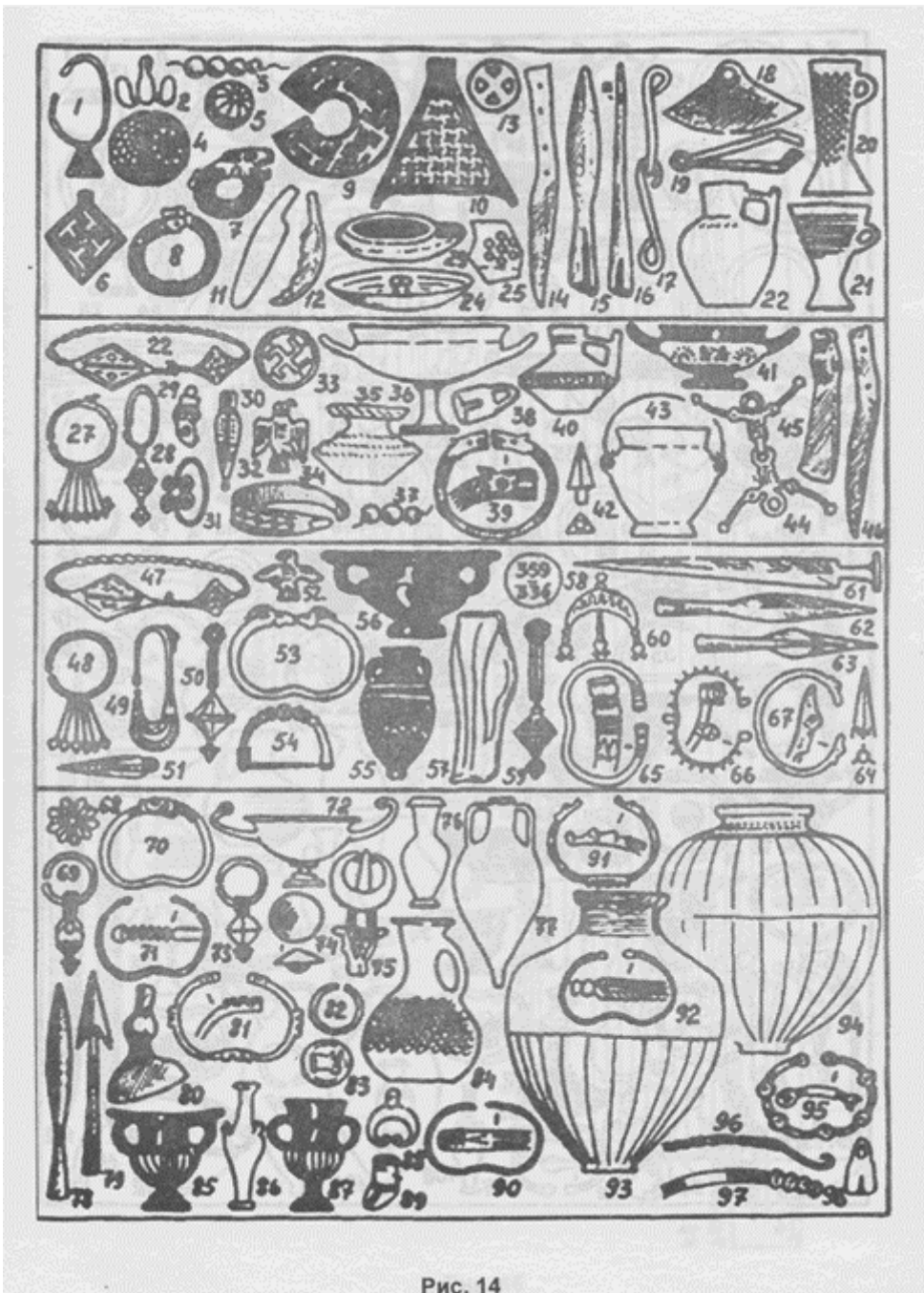

Рис. 14

Рис. 14. Материальная культура Центральной Колхиды в VI—II вв. до н.э.
 1-21 - VI в.; 22—46 - V в.; 47-67 - IV в.; 68-98 - III-II вв.

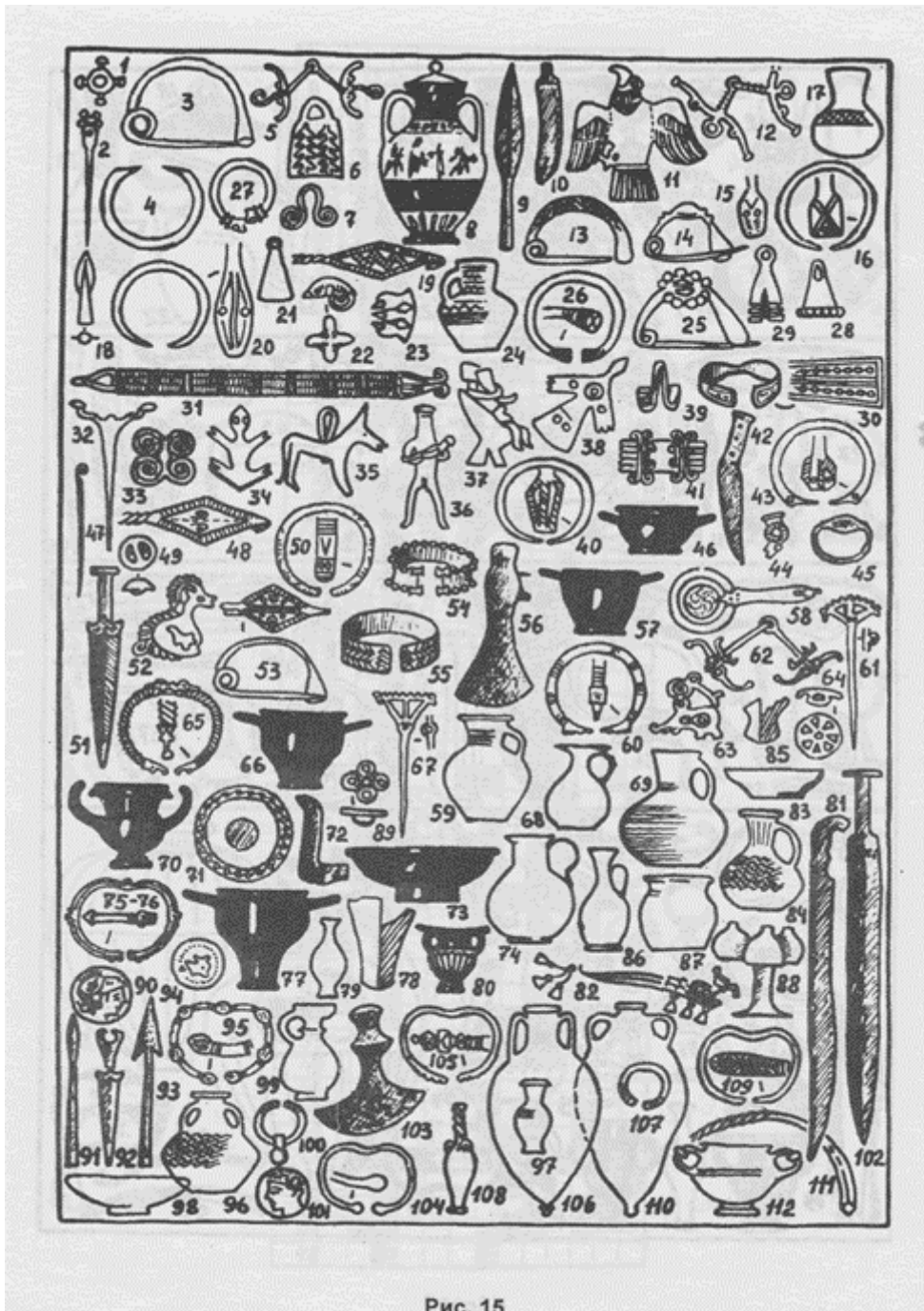

Рис. 15. Типы изделий из комплексов VI—II вв. до н.э. из Северозападной Колхиды. 1, 6, 7, 21, 23, 28, 29, 33-39, 44 - подвески; 2, 32, 47, 61, 67 - булавки; 3, 13, 14, 25, 53 - фибулы; 4, 15, 16, 20, 26, 30, 40, 41, 43, 50, 54, 55, 60, 65, 75, 76, 95, 104, 105, 109, 111 - браслеты; 5, 12, 62 - удила и псалии; 8, 91, 93 - наконечники копий; 10, 42 - ножи; 11, 71 - щиты; 18 - наконечник стрелы; 19, 48 - гривны; 22, 33, 49, 52, 63, 64, 89 - бляшки и нашивки; 27, 100, 107 - серьги; 31 - пояс; 45 - перстень; 51, 92 - кинжалы; 56, 72, 103 - топоры; 58 - цедильник; 81, 102 - мечи; 82 - эгретка; 90, 94, 101 - монеты. 1-3, 6, 11-16, 18-23, 25-38, 40, 41, 43, 45, 47-50, 52-55, 58, 60, 61, 63-65, 67, 71, 75, 76, 82, 89, 95, 104, 105, 109, 111 - бронза; 5, 9, 10, 42, 51, 56, 72, 81, 91-93, 102, 103 - железо; 7, 44, 90 - золото; 27, 39, 94, 100, 101, 107 - серебро; остальное керамика.

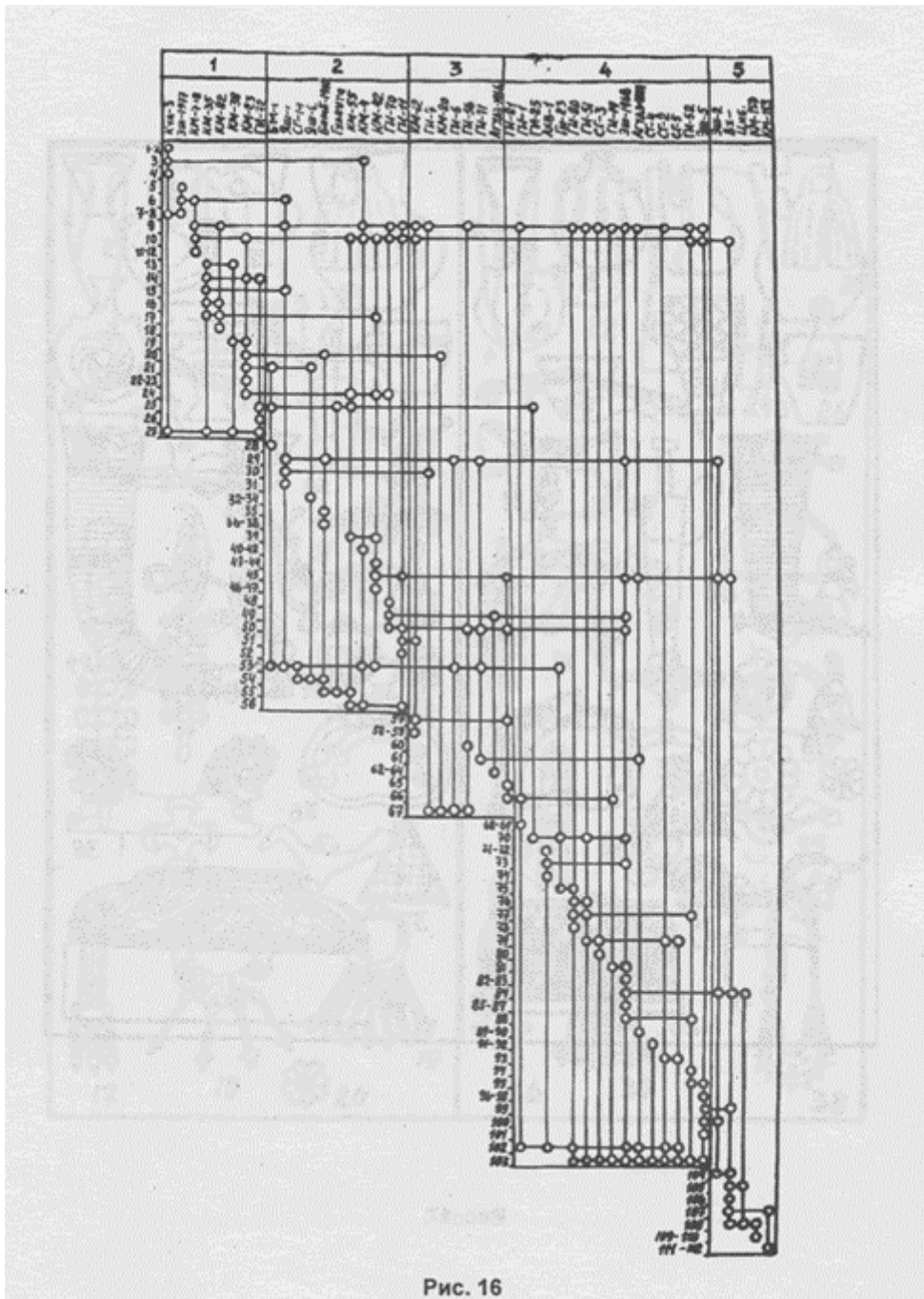

Рис. 16

Рис. 16. Корреляция комплексов VI—II вв. до н.э. из Северо-Западной Колхиды. Номера погребений по горизонтали (сокращения: Кул. - Куланьрхуа; Эш. - Эшера;

288

КМ - Красный Маяк; Ги. - Гуад-Иху; БМ - Беслетский мост; Яш. - Яштух; СГ - Сухумская гора; Бомб.-Бомбора; Агудз.-Агудзера; АхВ. - Ахвыла-абаа; ВХ-Верещагинский холм.; Циб. - Цибилиум), номера типов - в соответствии с рис.15 - по вертикали.

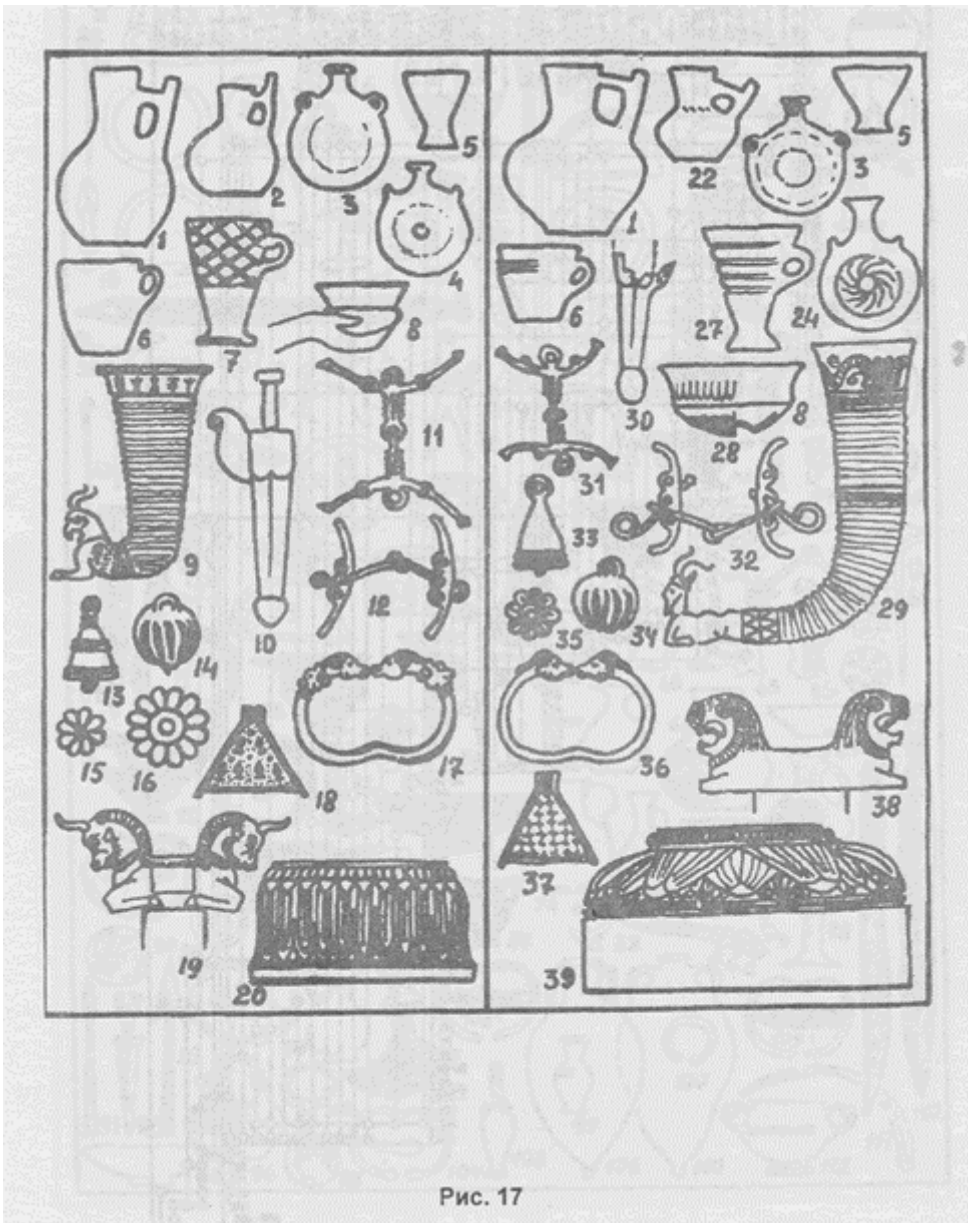

Рис. 17

Рис. 17. Таблица параллелей в материальной культуре Ирана (1-20) и Западного Закавказья (21-39).

1-7, 21-27 - керамика; 8 - изображение на рельефе; 9, 28, 29 - металлическая посуда; 10, 30 - ножны кинжалов; 11, 12, 31, 32 - уздечные наборы; 13, 14, 33, 34 - колокольчики; 15, 16, 35 - розетка; 17, 36 - браслеты; 18, 37 - подвески; 19, 20, 38-39 - архитектурные детали. VIII—IV вв. до н.э.

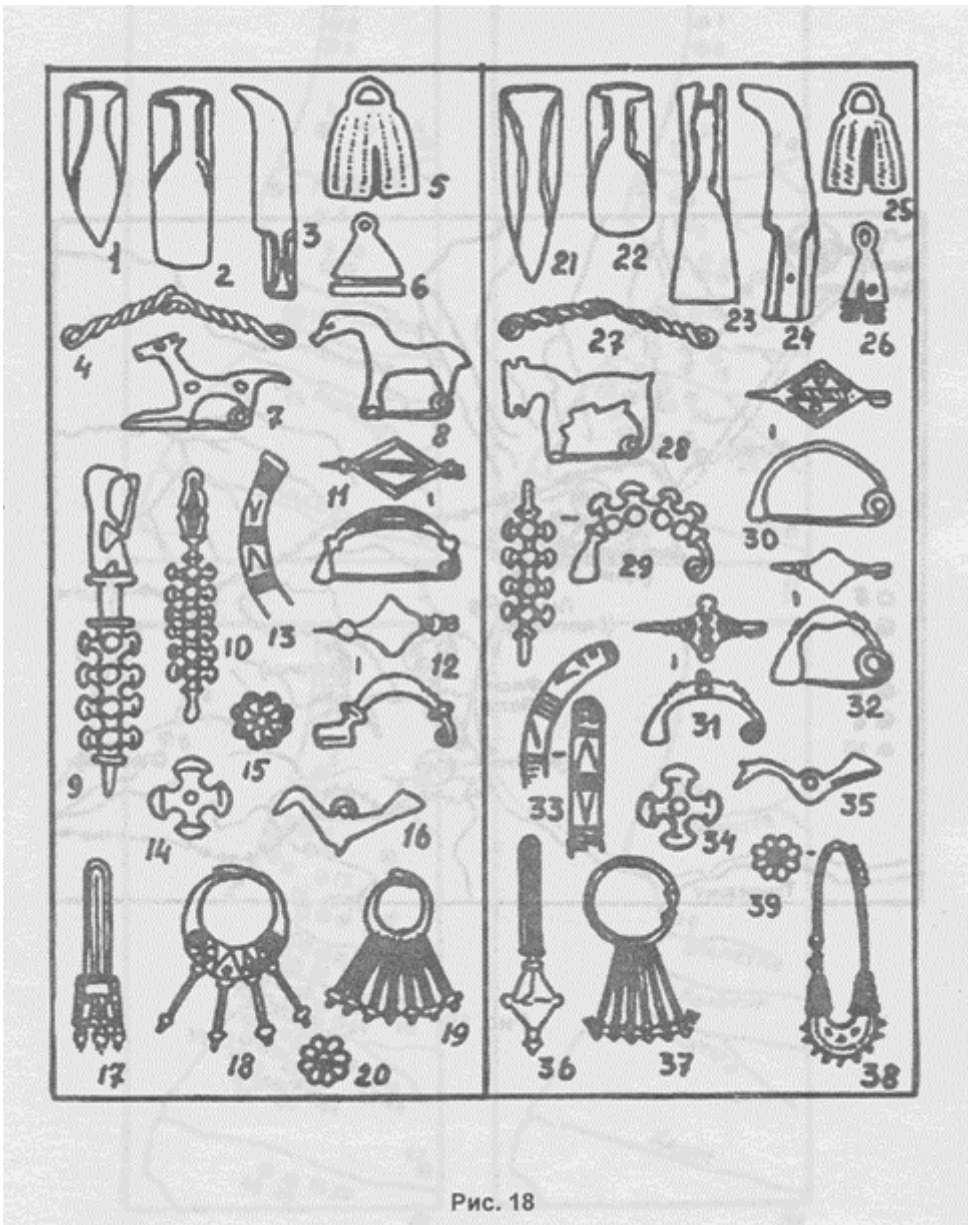

Рис. 18

Рис. 18. Таблица параллелей в материальной культуре Греции (1-20) и Западного Закавказья (21-38).

1-3, 21-24 - сельскохозяйственные орудия; 5, 6, 25, 26 - колокольчики; 4, 27 - удила; 7, 8, 11, 12, 28-32-фибулы; 9, 10, 14, 16, 34, 35-подвески; 13, 33-браслеты; 15, 20, 39 - розетка; 17-19, 36-38 - серьги; VII—IV вв. до н.э.

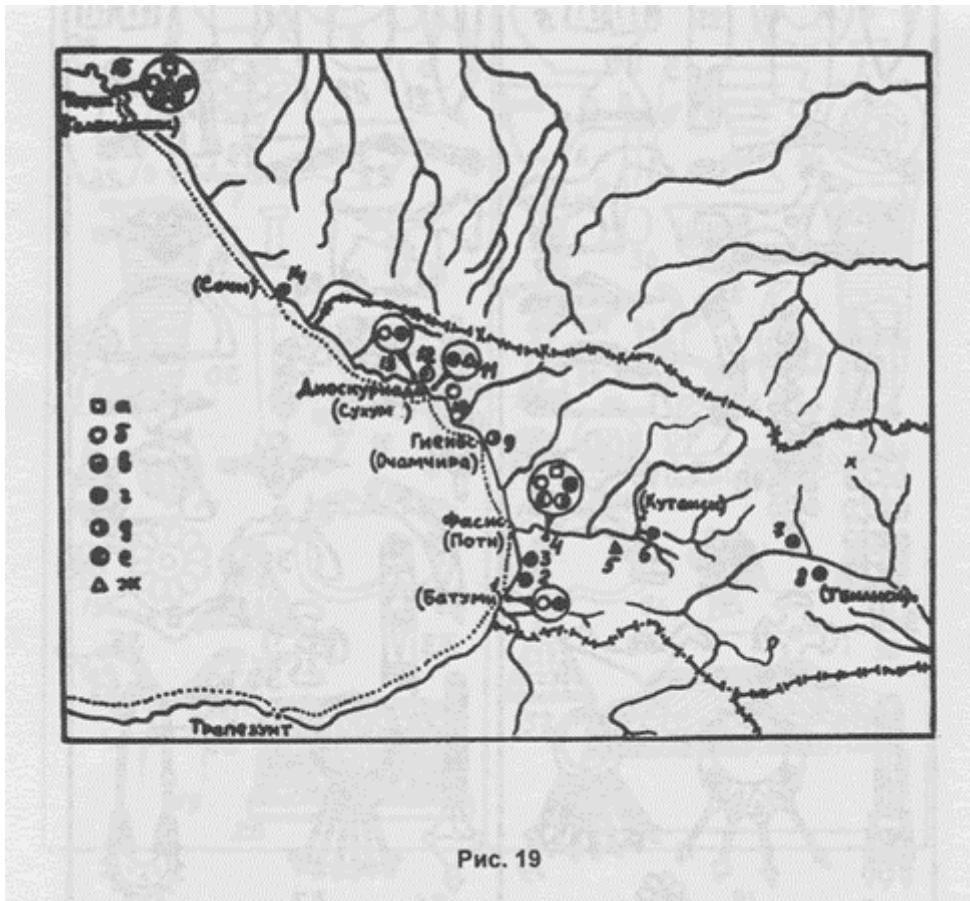

Рис. 19

Рис. 19. Греческая колонизация Колхиды.

Памятники VI в. до н.э.: а - продукция местного производства греков; б - амфоры; в - чернофигурные изделия; г - ионийская столовая посуда; д - толстостенная столовая посуда (Коринф и др.); е - светильники; ж - металлический импорт. 1 - Батуми; 2 - Цихис - дзири; 3 - Пичвнари; 4-Симагре; 5 - Вани; 6-Чогнари; 7-Авлеви; 8-Ховле; 9-Гиенос; 10-Диоскуриада; 11 - Красный Маяк; 12 - Эшера; 13 - Эшерское городище; 14-Мамай - ка; 15 - Геленджик.

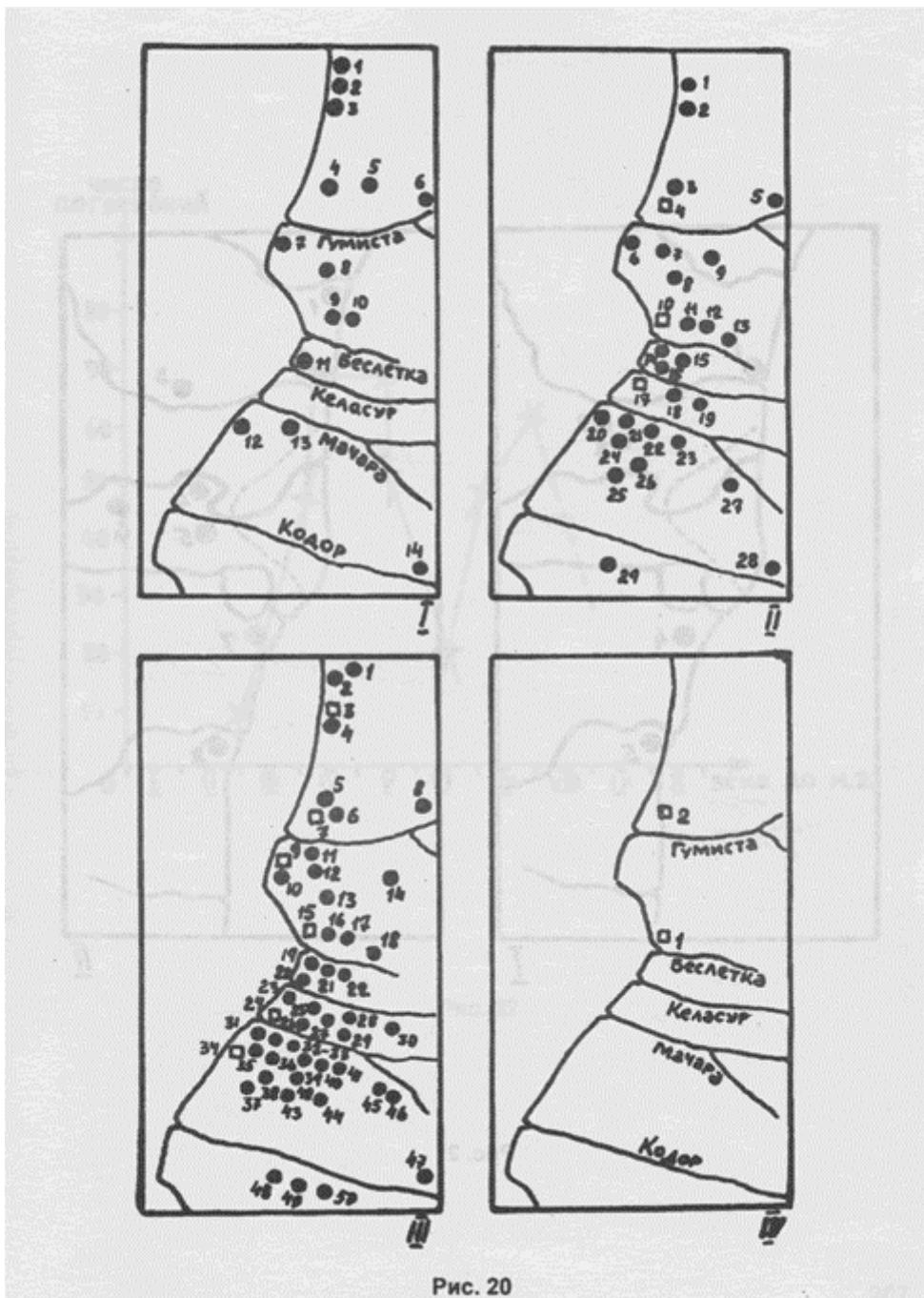

Рис. 20

Рис. 20. Демографическая ситуация в окрестностях Диоскуриады в VIII - начале VI вв.

(I), середине VI-V вв. (II), IV—II (III) и I в. (IV) до н.э.

Схема I - Новый Афон (1), Гуандра (2), Шицкуара (3), Холм Верещагина (4), Верхняя Эшера (5), Шубара (6), Красный Маяк (7), Лечкоп (8), Сухумская гора (9), Гуад-иху (10), Дзыгута (11), Мачара-1 (12), Мачара-2 (13), Цибилиум (14).

Схема II - Шицкуара (1), Гуандра (2), Холм Верещагина (3), Эшерское городище (4), Шубара (5), Красный Маяк (6), Ачандара (7), Вокзал (8), Яштух (9), Диоскуриада (10), Сухумская гора (11), Гуад-иху (12), Беслетский мост (13), Замок Баграта (14), Ахул-абиа (15), Дендропарк (16), Тхубун (17), Капитановка (18), Александровка (19), Агудзера (20), Мачара-2 (21), Олений холм (22), Мерхеул (23) Агудзера-2 (24), Гульрипш (25), Шаумяновка (26), Гер - зеул (27), Цибилиум (28), Атара (29).

Схема III - Анухуа (1), Анакопия (2), Гуандра (3), Шицкуара (4), Холм Верещагина (5), Эшерское городище (7) и его окрестности (6), Шубара (8), Красный Маяк (9, 10), Ачандара (11), Вокзал (12), Одынец (13), Яштух (14), Диоскуриада (15), Сухумская гора

(16), Гуад - иху (17), Беслетский мост (18), Замок Баграта (19), Дендропарк (20), левобережье Бес - летки (21), Ахул-абаа (22), Тхубун (23), Мачара-3 (24), Конус (25), Кладбище (26), Капитановка (27), Багмаран (28), Александровка (29), Чижоуш (30), Агудзера (31), Три сосны (32), Мачара-2 (33), Гульрипш (34, 35), Агудзера-2 (36), Пшап-Шаумяновка (37-39, 42-44), Родник (40), Олений холм (41), Герзеул (45, 46), Цибилиум (47), Атара (48, 49), Пскал (50).

289

Схема IV - Диоскуриада (1) и Эшерское городище (2).

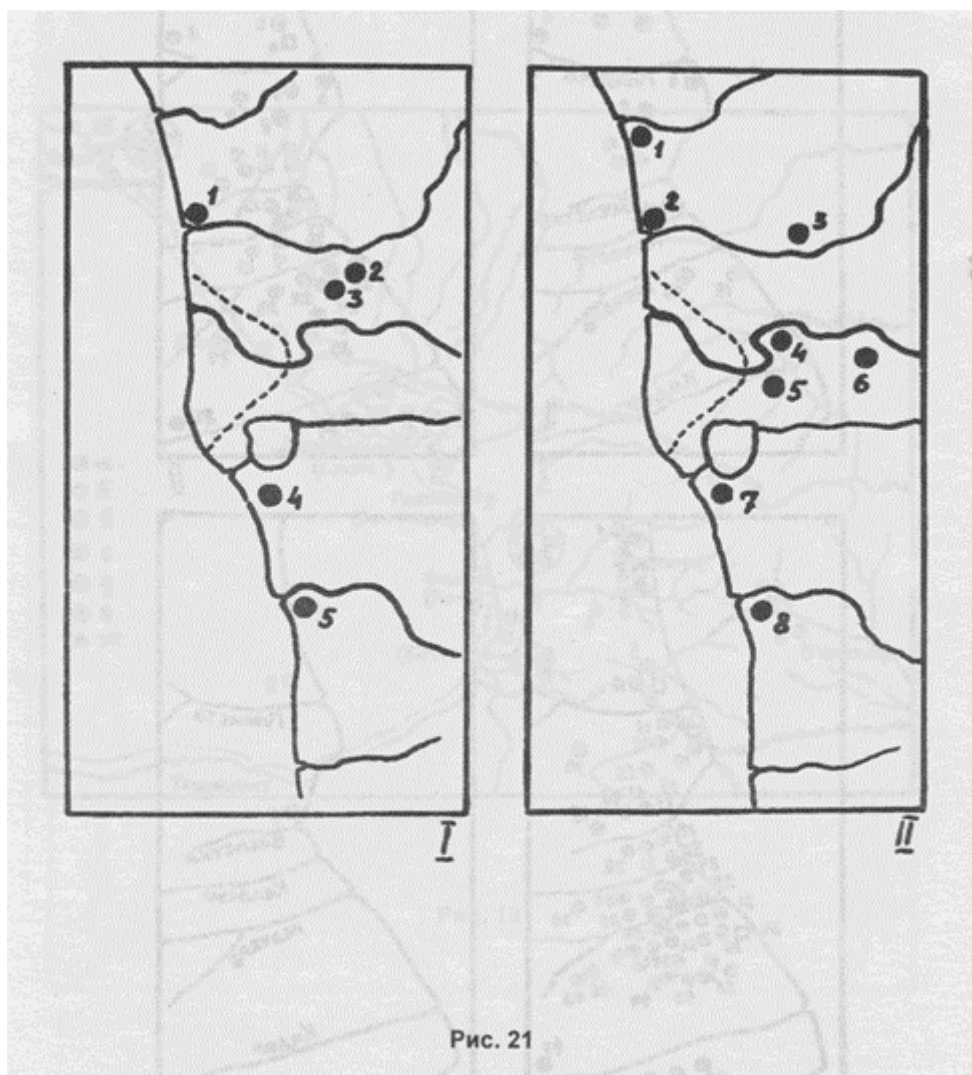

Рис. 21

Рис. 21. Демографическая ситуация в окрестностях Фасиса в VIII - начале VI вв. (I) и середине VI-V вв. (II) до н.э.

Схема I - Кулеви (1), Чаладиди (2, 3), Григолетти (4), Уреки (5).

Схема II - Чурла (1), Кулеви (2), Чаладиди (3), Симагре (4) и его окрестности (5, 6), Григолетти (7), Уреки (8). По О. Д. Лордкипанидзе и Г. К. Микеладзе.

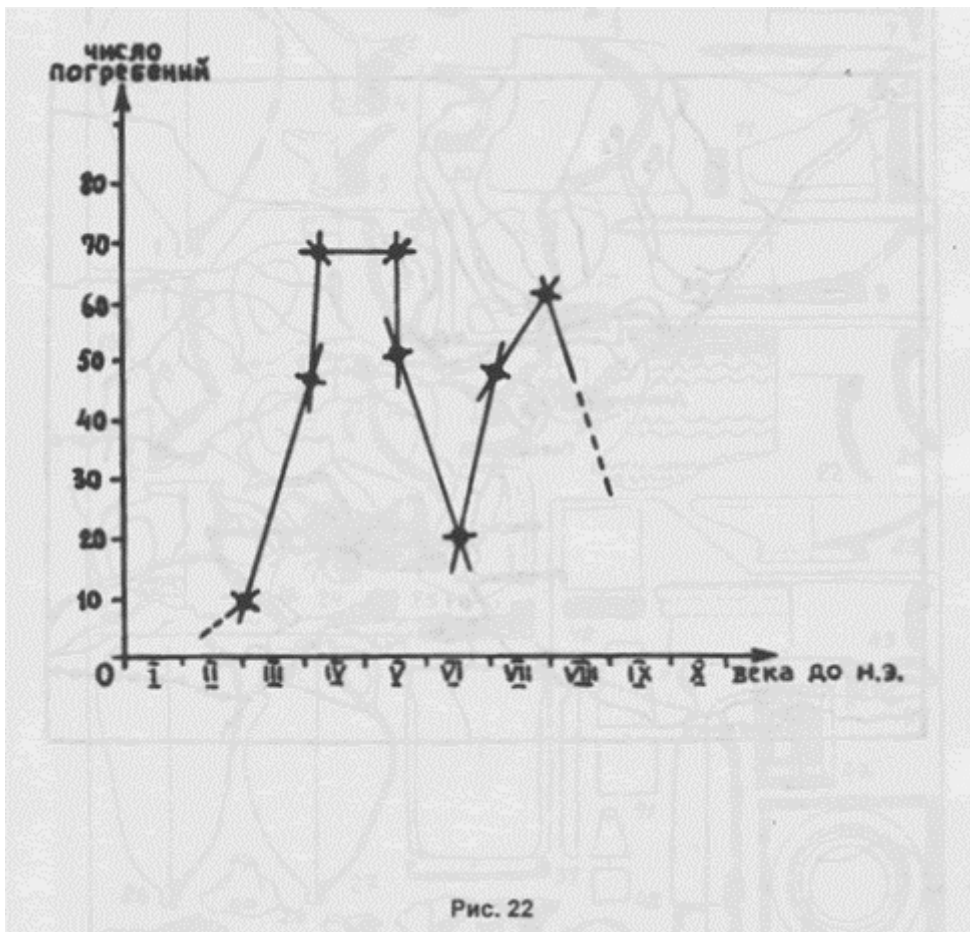

Рис.22. График изменений в демографической ситуации (на основе подсчета погребений) в окрестностях Диоскуриады.

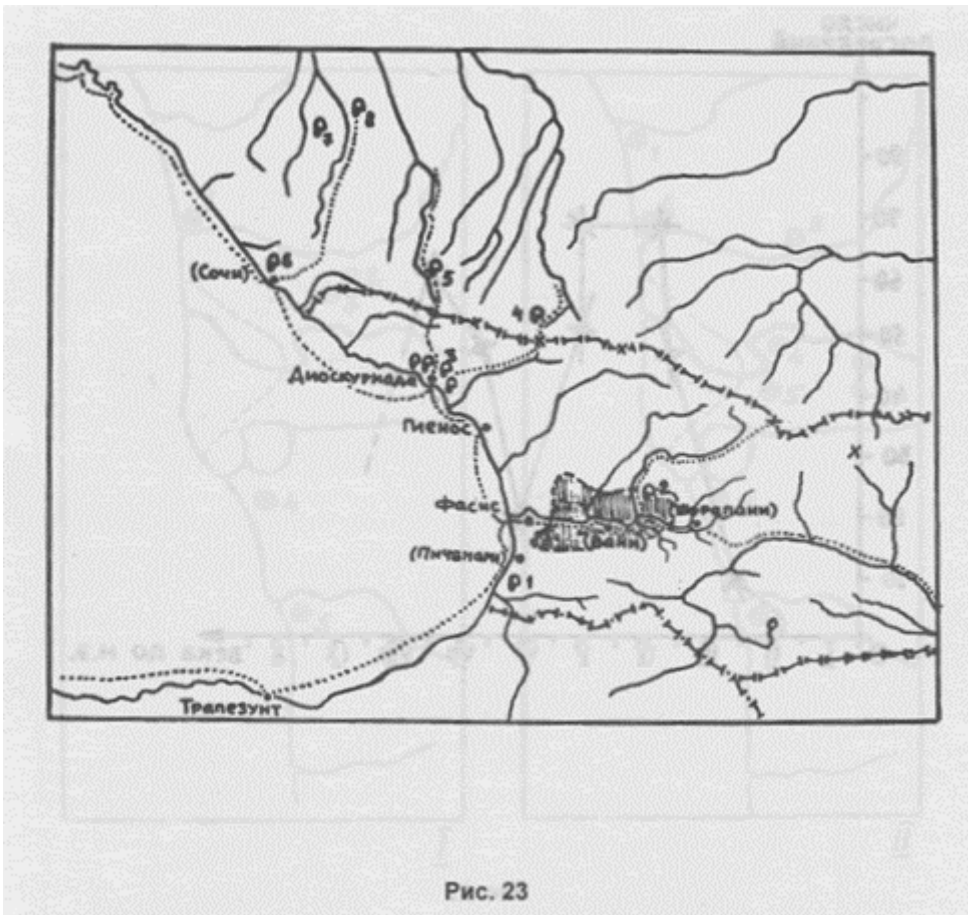

Рис. 23

Рис. 23. Западное Закавказье в IV—II вв. до н.э. (выделена территория кувшинных захоронений).

Торговые пути и распределение находок аттических шлемов вдоль них.

1 - Батуми; 2 - Кутаиси; 3 - Диоскуриада; 4 - Домбай; 5 - Пхия; 6 - Сочи; 7, 8 - Темнолесская и окрестности.

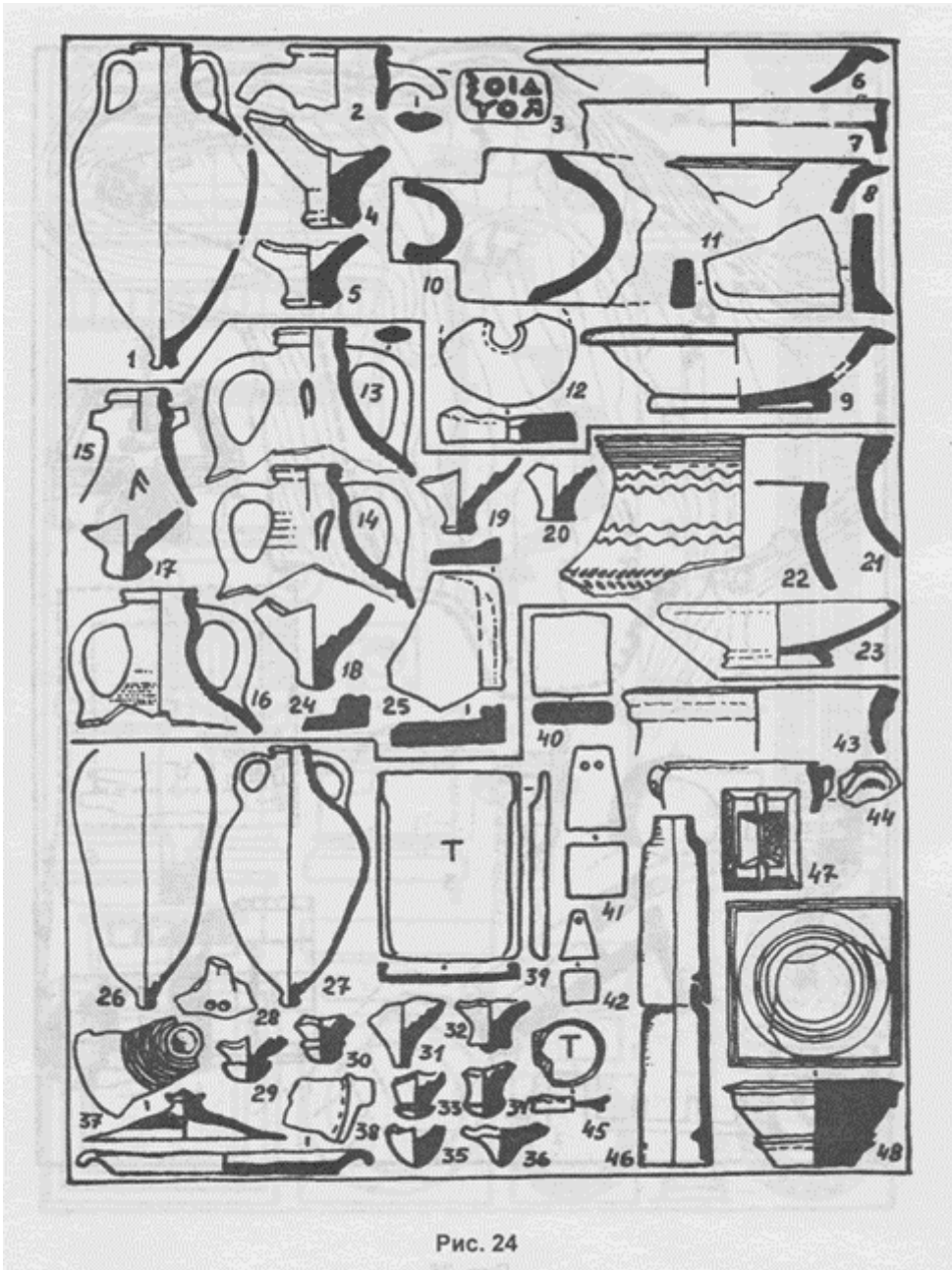

Рис. 24

Рис. 24. Продукция греческих ремесленников Диоскуриады в конце IV—II вв. до н.э.
 1-5, 13-20, 26-36 - амфоры; 6-9, 23, 37, 38, 44—45 - столовая и кухонная посуда; 10-12, 24, 25, 39, 40 - строительная керамика; 21-22, 43 - пифосы; 41, 42 - грузила; 46 - водопроводные трубы; 47 - жернов; 48 - капитель из известняка.

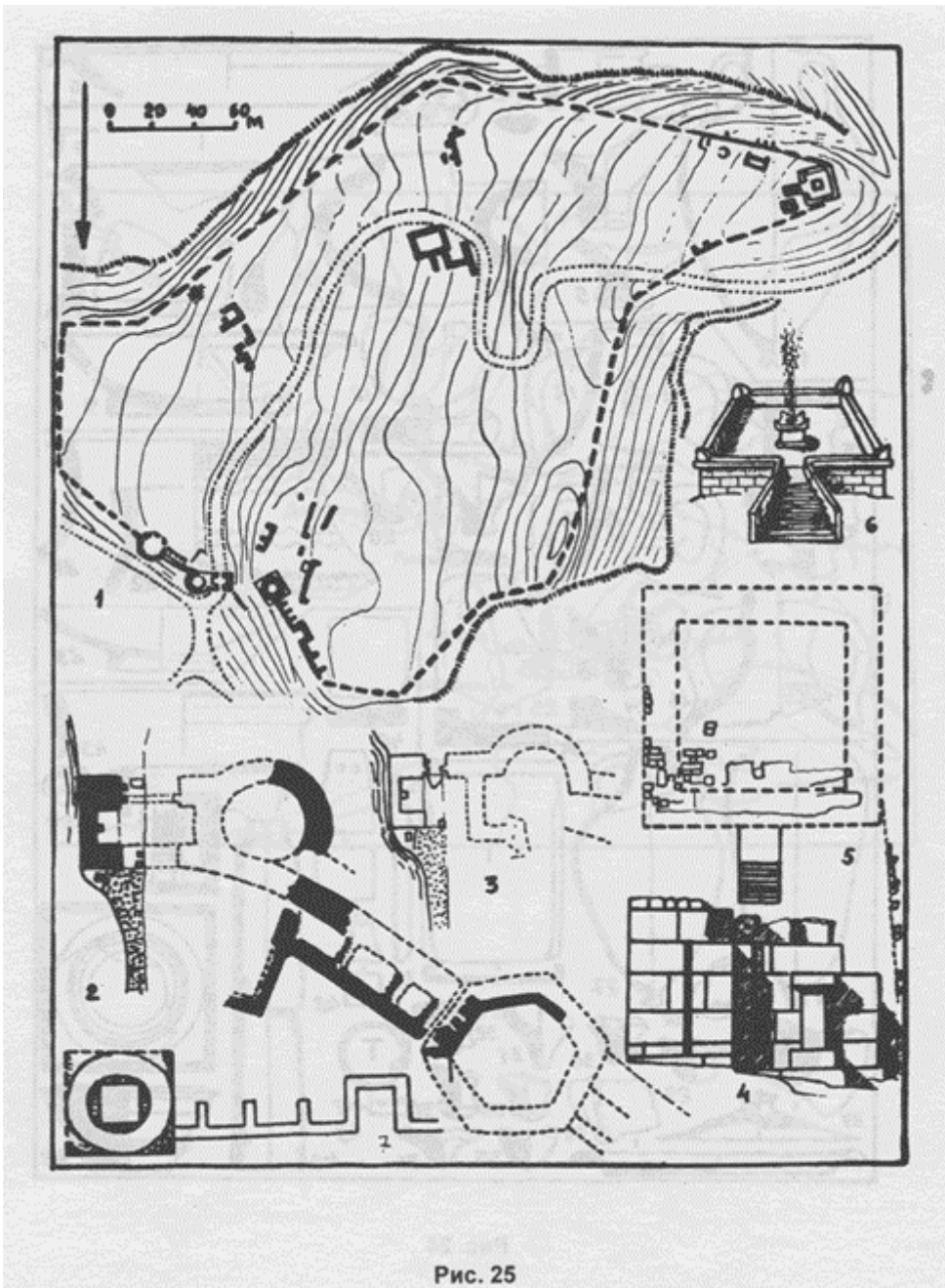

Рис. 25

Рис. 25. Общий план Ванского городища (Суриум) (1), конструкция ворот по Г.А. Лордкипанидзе (2) и Г. И. Лежава (3), деталь ворот (4), план нагорного алтаря (5) и его реконструкция (6), комплекс построек с круглой башней (7).

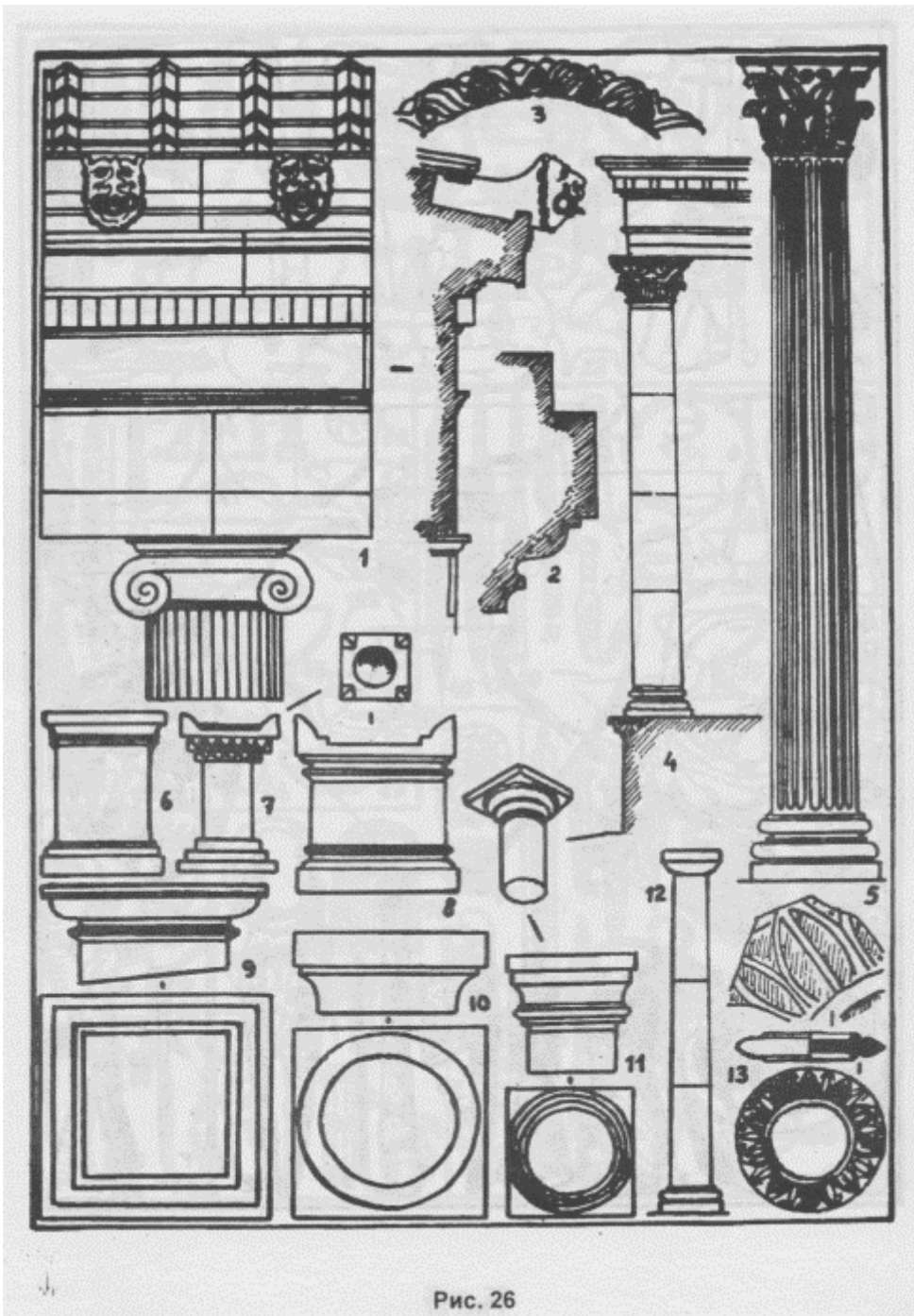

Рис. 26. Архитектура храмов Ванского городища (по Г. И. Лежава).

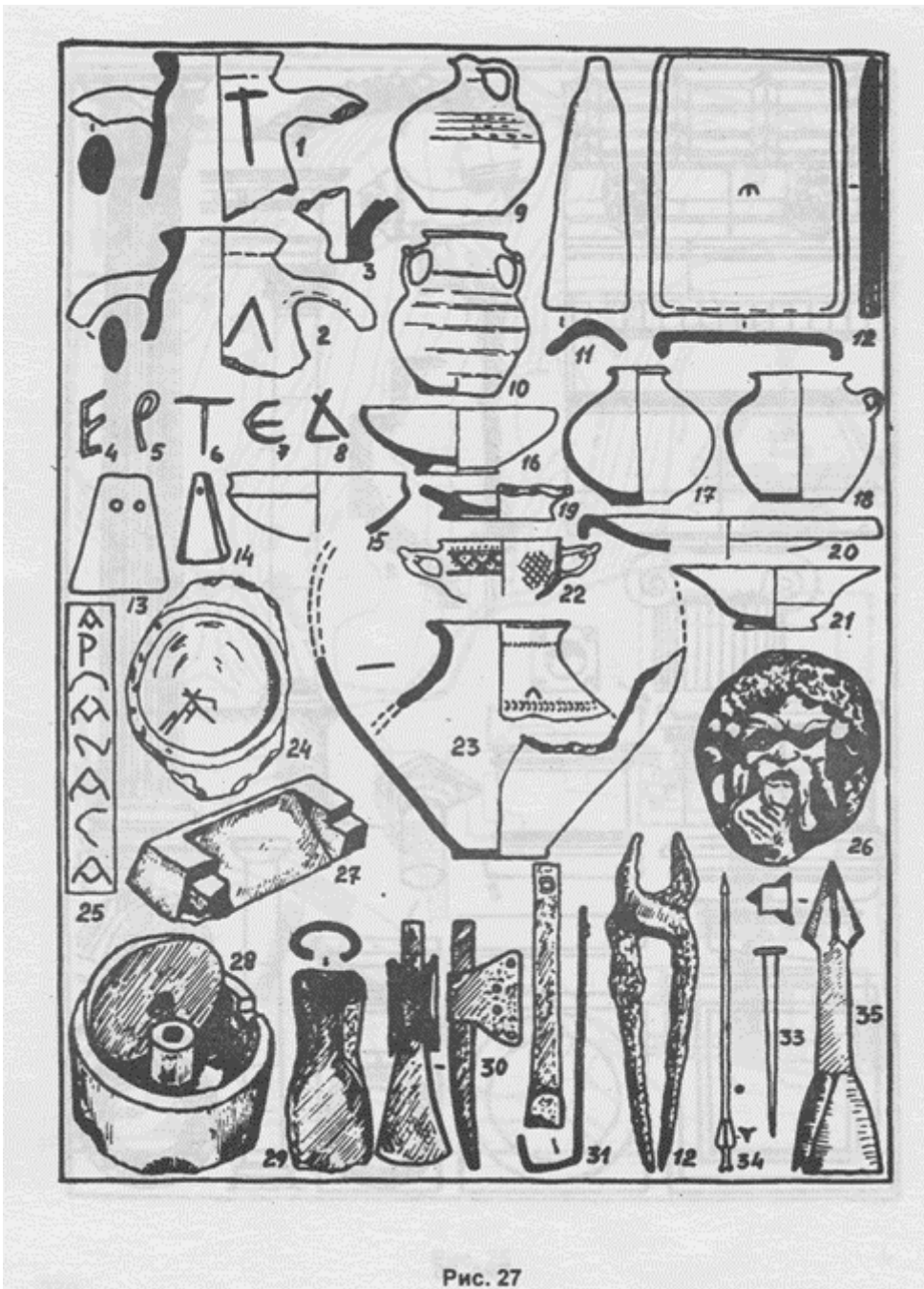

Рис. 27. Продукция ремесленников Ванского городища.

1-3 - амфоры; 4-8 - знаки на керамике; 9, 10, 15-22, 24 - кухонная и столовая посуда; 11, 12 - строительная керамика; 13, 14 - грузила; 23 - пифос; 25 - надпись на постаменте у ворот; 26 - форма; 27 - жернов; 28 - трапан; 29 - мотыга; 30 - плотничий инструмент; 31 - скоба; 32 - щипцы; 33 - гвоздь; 34 - стрела; 35 - наконечник тарана.

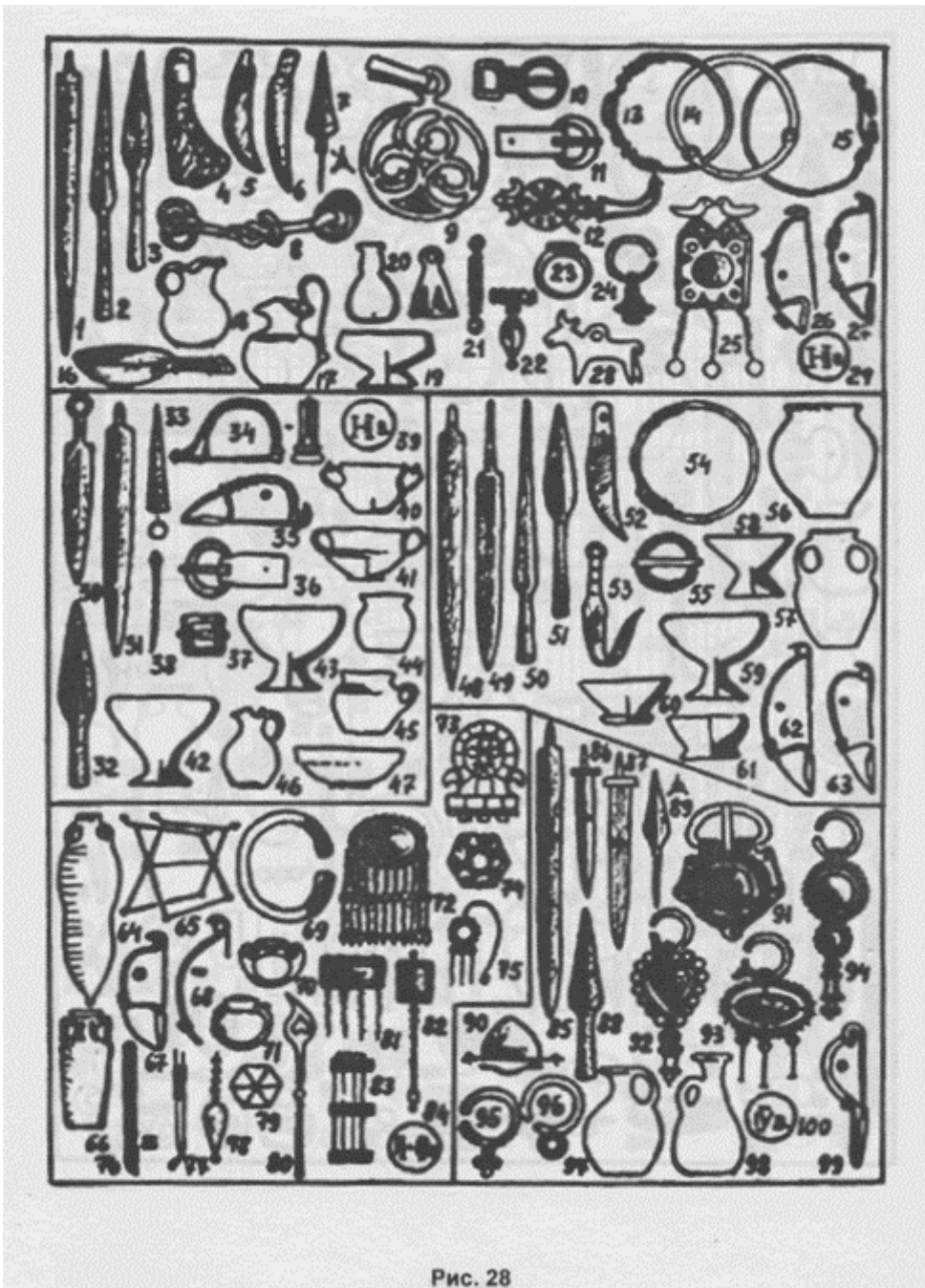

Рис. 28

Рис. 28. Материальная культура Лазики (Центральная Колхида) в I-V вв. н. э.

1-29 - Клдееги; 30-47 - Лиа; 48-64 - Чхороцку; 65-84 - Уреки; 85-100 - Модинахе; 1, 30, 31, 48, 49, 53, 85-87 - мечи и кинжалы; 2, 3, 32, 33, 50, 51, 88 - наконечники копий; 4 - топор; 5, 6, 52 - ножи; 7, 89 - наконечники стрел; 8-8, 9-уздечные наборы; 10-12, 36, 37, 55, 91 - пряжки; 13-15, 54, 69 - браслеты; 16-20, 40-47, 56-61, 64, 66, 97, 98 - посуда; 21, 22, 25, 28, 72, 78, 81, 82-подвески; 23, 70, 71 - 317 - перстни; 24, 75, 92-96 - серьги; 26, 27, 34, 35, 64, 68, 99 - фибулы; 29, 39, 84, 100 - монеты; 38 - игла; 65 - стул; 73, 74, 79 - бляшки; 76, 77, 80 - копоушки; 83 - амулетник-игольник; 90 - умбон.

290

1-8, 30-33, 37, 38, 48-53, 65, 85-90 - железо; 9-13, 17, 27, 28, 34-36, 54, 55, 62, 63, 99 - бронза; 14, 15, 21-26, 69, 70, 72-75, 79, 83, 91-96-золото; 16, 29, 39, 67, 68, 71, 76-78, 80-82, 84-100 - серебро; 18, 19, 40-47, 56-61, 64, 97, 98 - глина; 20, 66 - стекло.

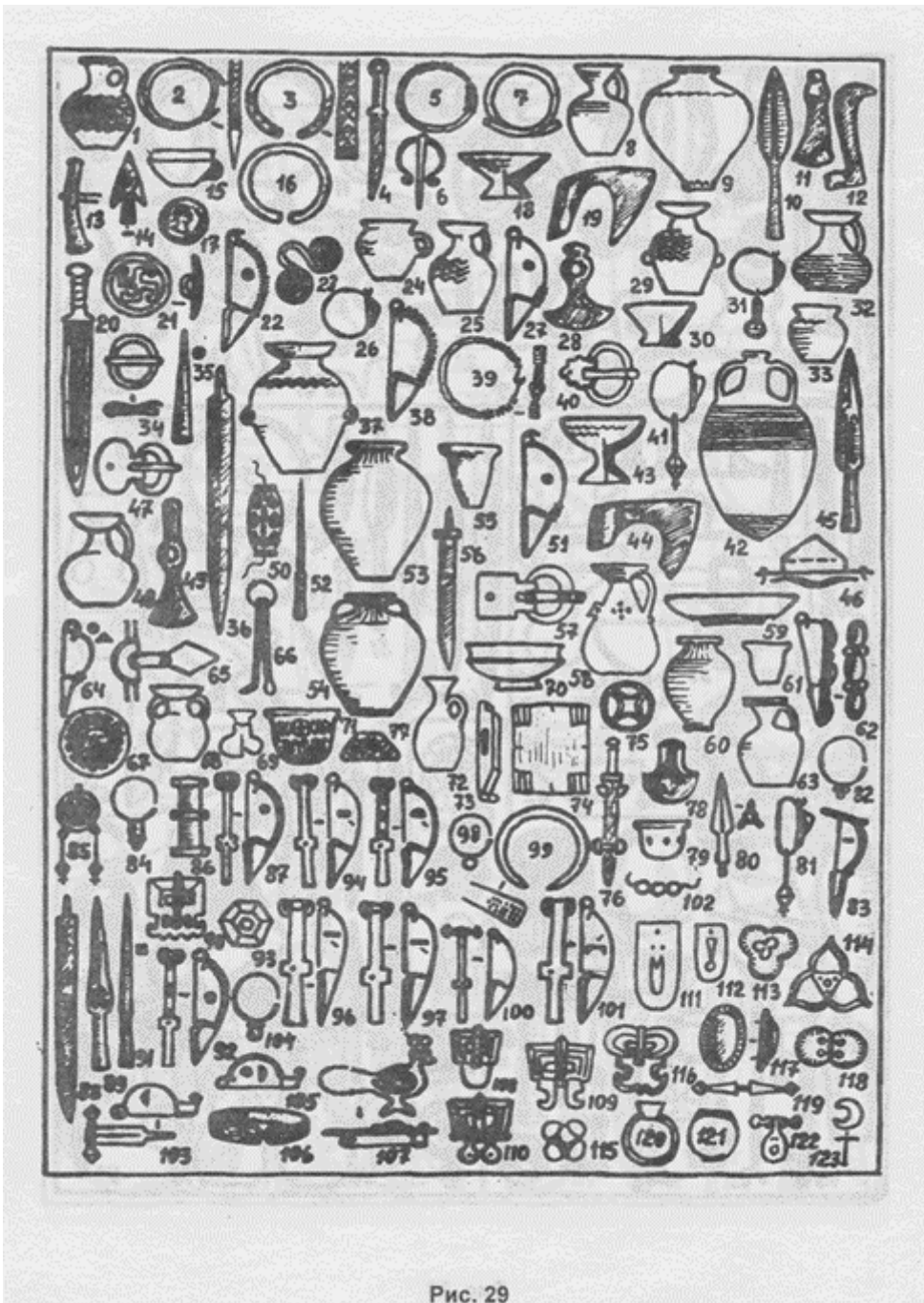

Рис. 29

Рис. 29. Типы изделий из комплексов II—VII вв. Цибилумского могильника (Абхазия).

1, 8, 9, 15, 24, 25, 29, 30, 32, 33, 37, 42, 48, 54, 58, 59, 60, 63, 68, 72 - керамическая посуда; 2, 3, 5, 7, 16, 39, 99, 106 - браслеты; 4 - нож; 6, 34, 40, 47, 57, 90, 108-110, 116 - пряжки; 10, 45, 89, 91 - наконечники копий; 11, 12, 13, 19, 44-топоры; 14, 35, 80-наконечники стрел; 17 - кесарийская монета; 20, 36, 56, 76, 88 - мечи; 21, 113, 114, 115, 117, 118, 121 - бляшки и нашивки; 22, 27, 38, 51, 62, 64, 65, 83, 87, 92, 94, 95, 96, 97, 100, 101, 103, 105, 107 - фибулы; 23, 77, 93-подвески; 26, 31, 41, 81, 82, 84, 85, 98, 104 - серьги; 28, 49, 78 - мотыги; 46 - умбон; 50-бусина; 52-шило; 55, 61, 69, 71, 79-стеклянные сосуды; 66 - косметический набор; 67 - зеркало; 73 - скоба; 74 - щит; 75 - навершиё кинжала; 86 - игольник; 102 - сердоликовые бусы; 119 - роликовая застежка; 120-121 - перстни; 122, 123 - детали пояса. 2, 5, 17, 26, 31, 39-41, 47, 62, 75, 81, 82, 84, 85, 98, 104, 114-116, 120 - серебро; 3, 6, 7, 21-23, 27, 51, 64-67, 86, 87, 90, 92, 94-97, 99-101, 103, 105-113, 117-119, 122, 123-бронза; 4, 10-14, 19, 20, 28, 35, 36, 44, 45, 49, 56, 76, 88-91 - железо; 50 - золото; 73 - халцедон; 77 - паста; 93 - хрусталь.

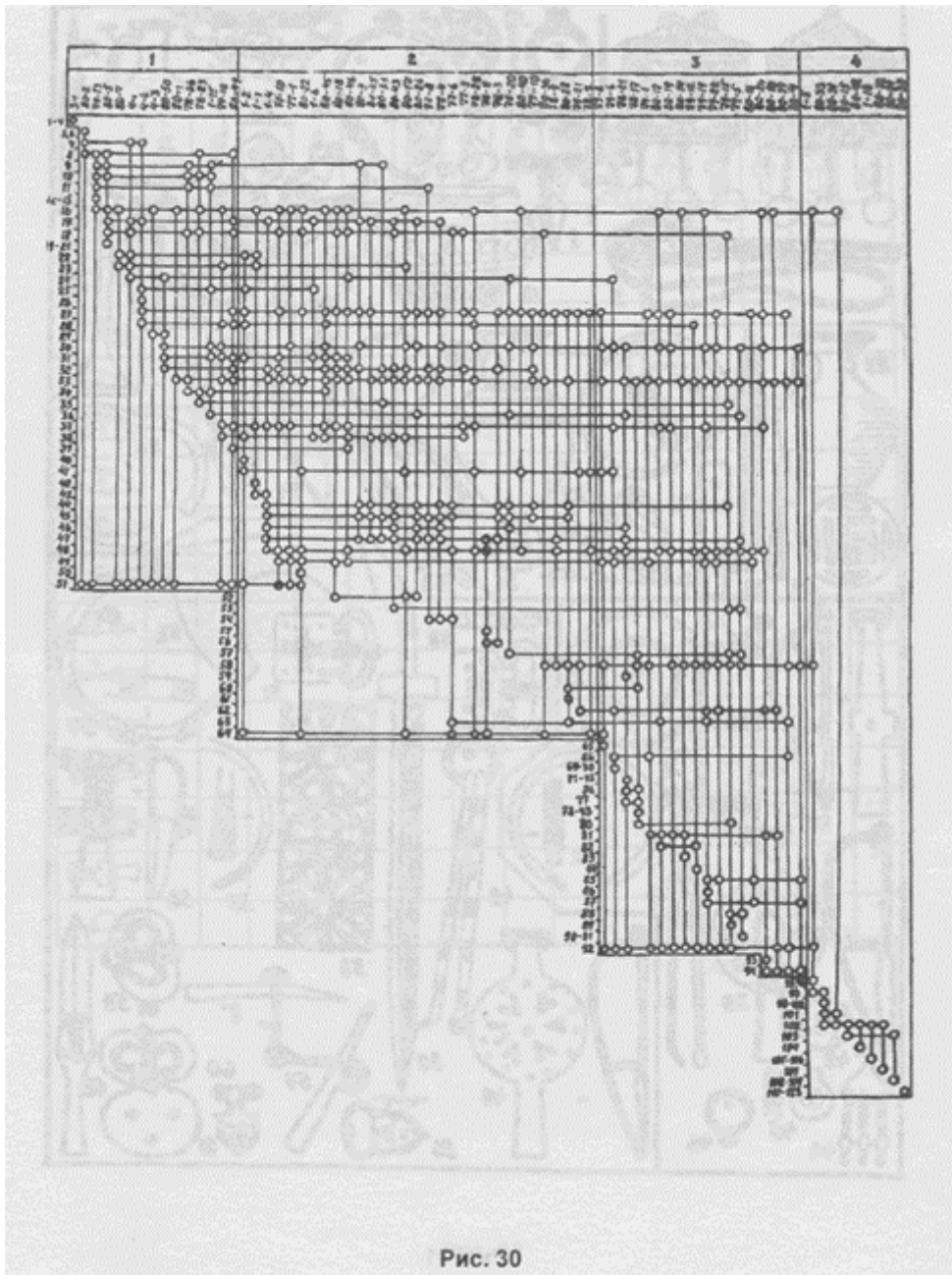

Рис. 30. Корреляция комплексов могильника Цибилуум (апсилы).
 Номера погребений даны по горизонтали (год - номер), номера типов изделий - в соответствии с рис. 29 - по вертикали.

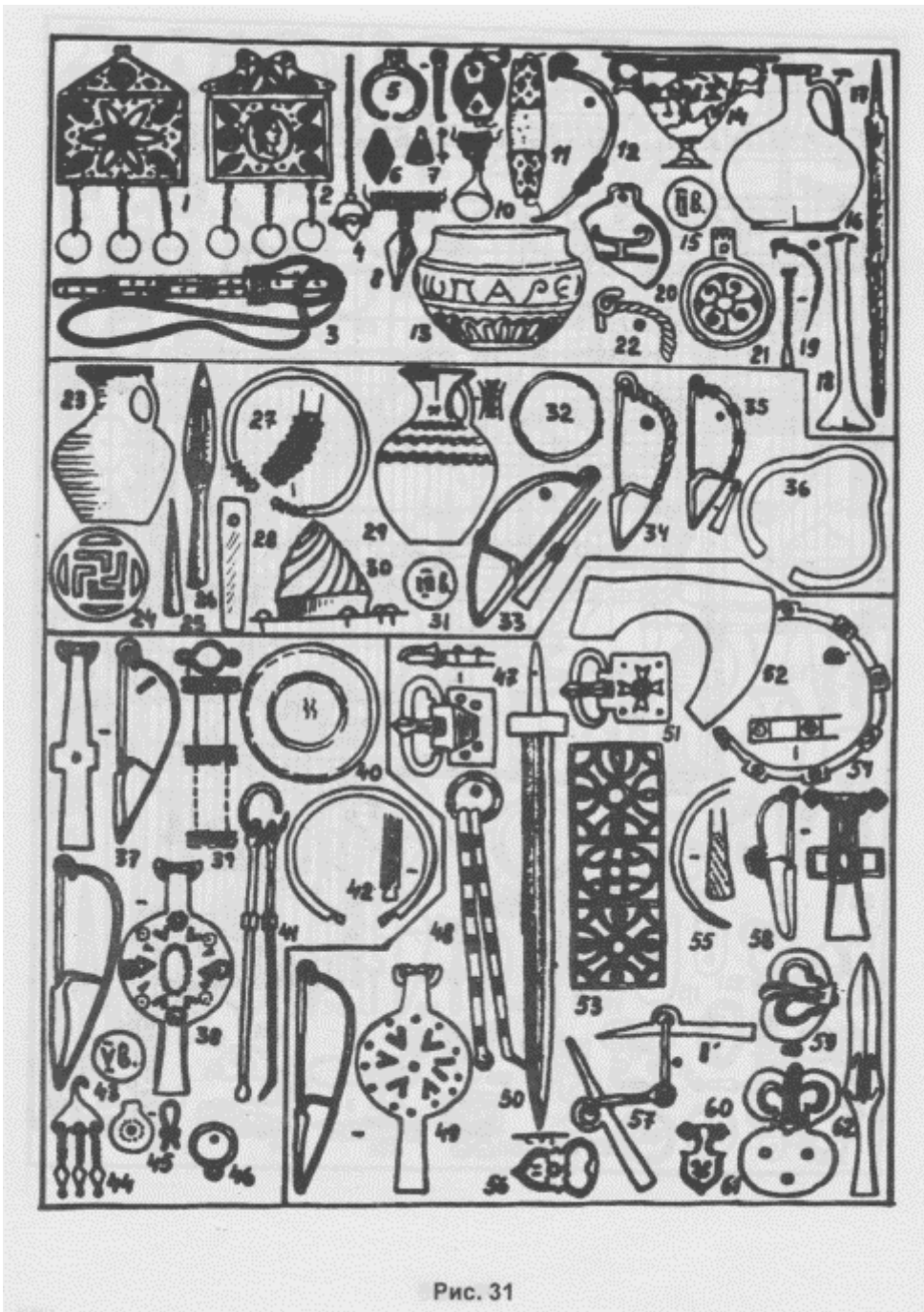

Рис. 31

Рис.31. Материальная культура Абхазии и Санигии.

1—22 — II—III вв. (1-13-Лоо; 14-19-Мацеста; 20-22-окрестности Сочи); 23-36-IV-V вв. (23-28 - Ачандара; 29-31 - Красная Поляна; 32-36 - случ.находки); 37-62 - VI—VII вв. (37-46, 50-53 - Гагра; 47^9 - Бароновка; 58-62 - Веселое; остальное - случ находки). 1-2, 4, 5, 10, 44-подвески; 3, 39-амулетники-игольники; 6, 7, 24, 61 - нашивки и бляшки; 9, 11 - бусы; 12, 19, 22, 33-35, 37, 38, 49, 58-фибулы; 13, 14, 16, 18, 23, 29 - посуда; 15, 31, 43-монеты; 17, 50 - мечи; 20, 21, 40-зеркала; 25, 26, 62 - наконечники копий; 27, 32, 36, 42, 54, 55-браслеты; 28-точильный камень; 30-умбон; 41, 48 - косметические наборы; 45-обойма; 46-серьга; 47, 51, 56, 59, 69 - пряжка.
1-11, 44, 45 - золото; 12, 14, 15, 19, 27, 31, 32, 37-39, 41-42, 46, 58-61 - серебро; 13, 18-стекло; 16, 23, 29-глина; 17, 25, 26, 50, 52, 57, 62-железо; 20-22, 24, 30, 33-36, 40, 47 - 49, 51, 53-56 - бронза.

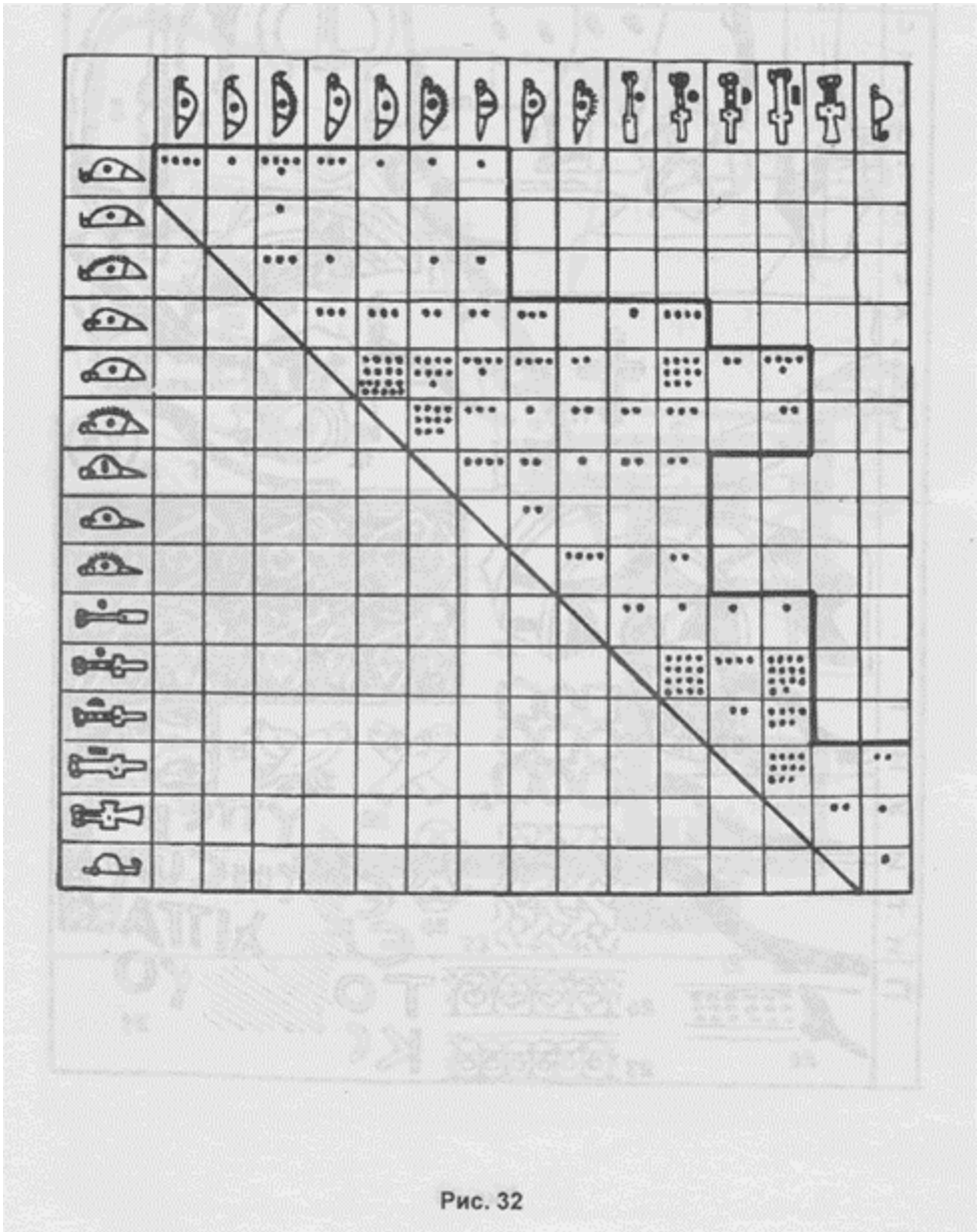

Рис. 32

Рис. 32. Таблица взаимовстречаемости фибул Цебельдинской культуры.

Рис. 33

Рис. 33. Материалы V в. из культурных отложений Себастополиса (1-16) и Пителинта (17-31).

1 - кувшин; 2 - донце амфоры; 3-5 - сосуды; 6 - пряжка; 7, 8 - фибулы; 9 - светильник; 10-12, 17, 18 - изображения на днищах краснолаковых блюд; 13-15, 19-22 - блюда и чаши; 16 - монета; 23-31 - детали Пителинтской мозаики.

1, 10-15, 17-22 - красный лак; 3-5 - стекло; 6-8, 16 - бронза.

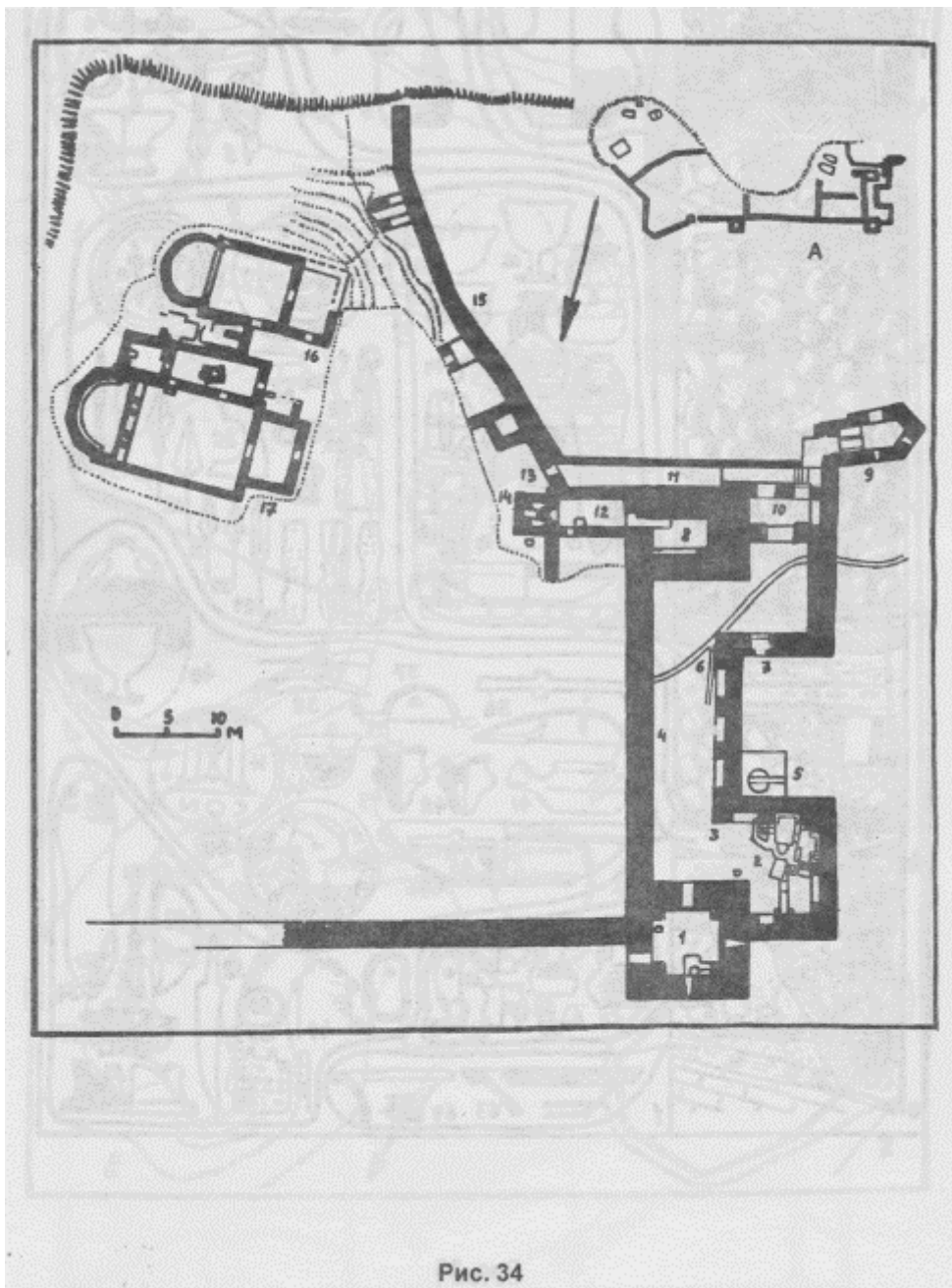

Рис. 34. Крепость Цибилуум (А) и ее раскопанная часть.

1 - башня № 3; 2 - баня; 3 - протейхизма; 4 - главная стена (куртина II); 5 - известковая печь; 6 - водопровод и его ответвление к бане; 7 - запасные ворота; 8 - башня № 2; 9 - башня

291

№ 1; 10-сторожевое помещение; 11 - коридор; 12-помещение 11-1; 13-внутренние ворота; 14-помещение II—2; 15-куртина I; 16-храм № 1; 17-храм №2.

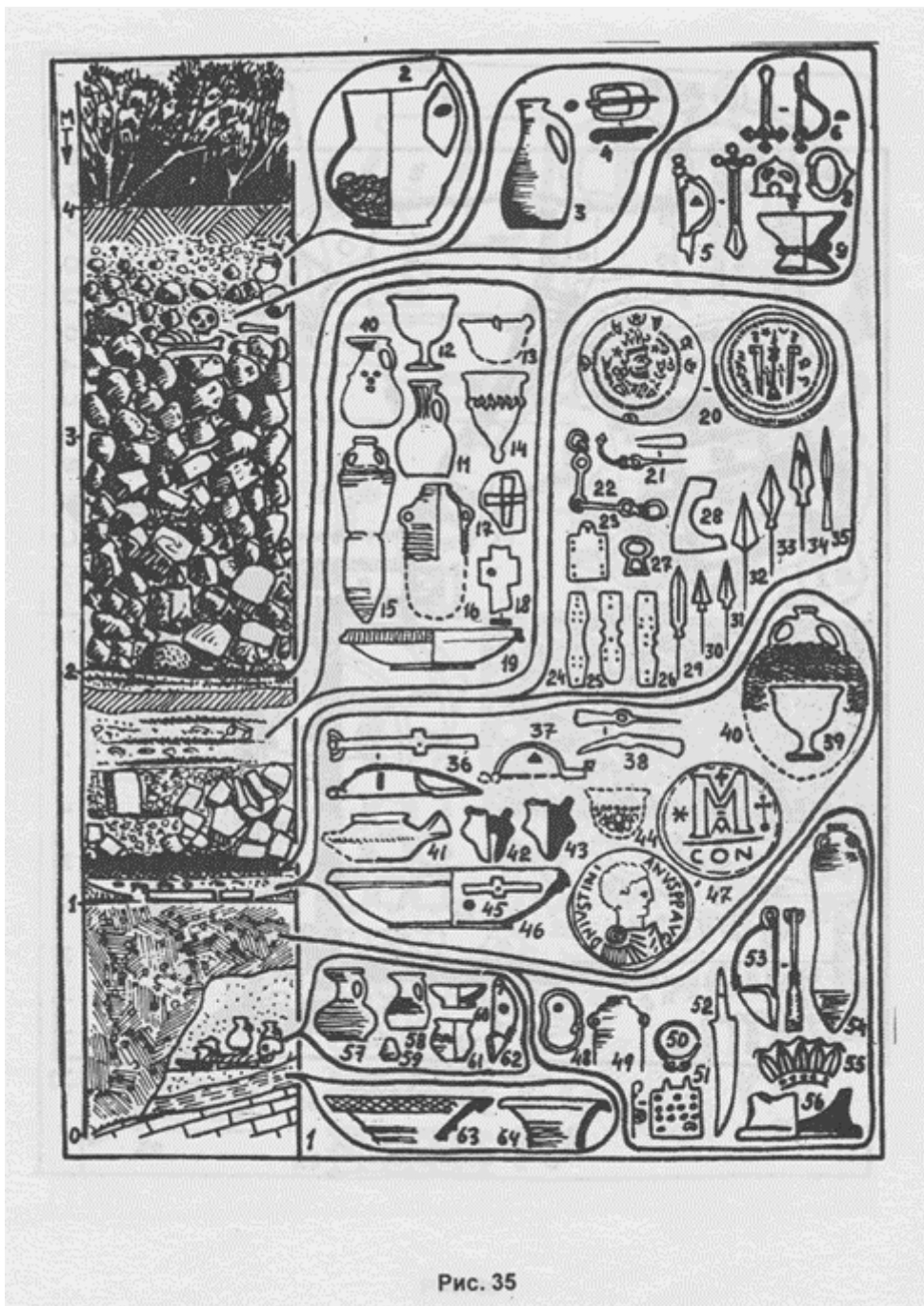

Рис. 35

Рис. 35. Стратиграфический разрез накоплений в периболе Цибилума (1).
 2 - клад монет рубежа X-XI вв.; 3, 4 - материалы из погребений XIV—XVII вв.; 5-9 - находки под завалом стен - последний период жизни крепости; 10-19 - материалы из горизонта зимы 550-551 г. - византийский гарнизон; 20-35 - материалы из горизонта лета 550 г. - персидский гарнизон; 36-47 - материалы из горизонта до лета 550 г. - апсильский гарнизон; 48-56 - материалы из строительного горизонта; 57-62 - инвентарь погребений апсильцев IV-V вв.; 63-64 - материалы поселения VI—IV вв. до н.э. 2, 3, 9-11, 15, 16, 19, 40—43, 46, 49, 54-58, 60, 61, 63, 64 - керамическая посуда (15, 40, 42, 43, 49, 54 - амфоры; 19, 46 - красный лак; 55-56 - черный лак; 41 - светильник); 4, 21-26, 28-35, 38, 52 - железные пряжки, уздечный набор, панцирные пластины, наконечники стрел, плотничный инструмент и нож; 5-8, 18, 27, 36, 37, 45, 47, 48, 51, 53, 62 - бронзовые фибулы, бляшки, пряжки, монета, браслет и серьга; 12-14, 39, 44 - стеклянная посуда; 20 - серебряная монета.

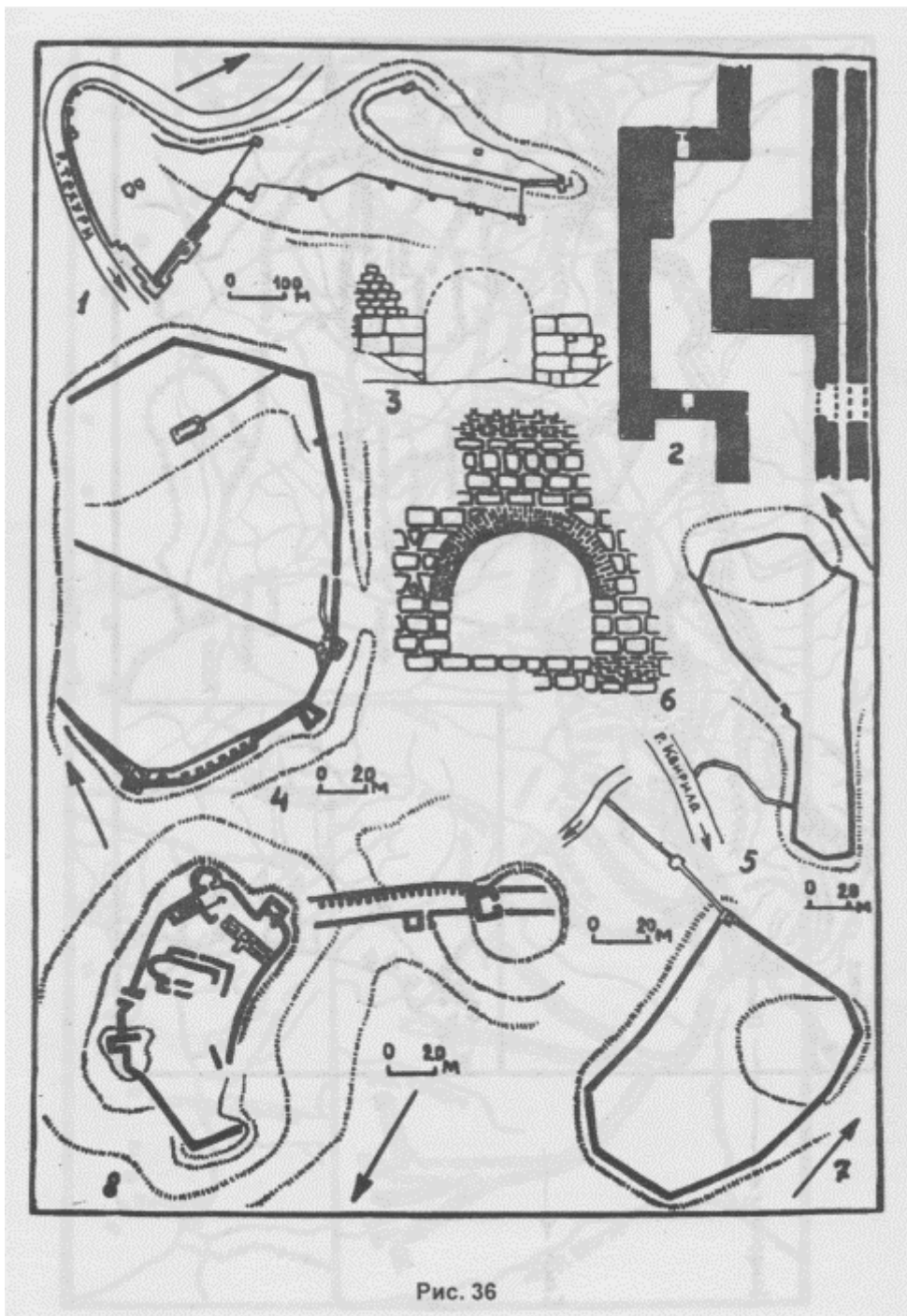

Рис. 36

Рис. 36. Планы крепостей Западного Закавказья - ближайших аналогов Цибилума.
 1-3-Археополь и его воротная часть; 4 - Родополь; 5, 6-Сарапанис и его ворота; 7 - Сканда;
 8 - Петра.

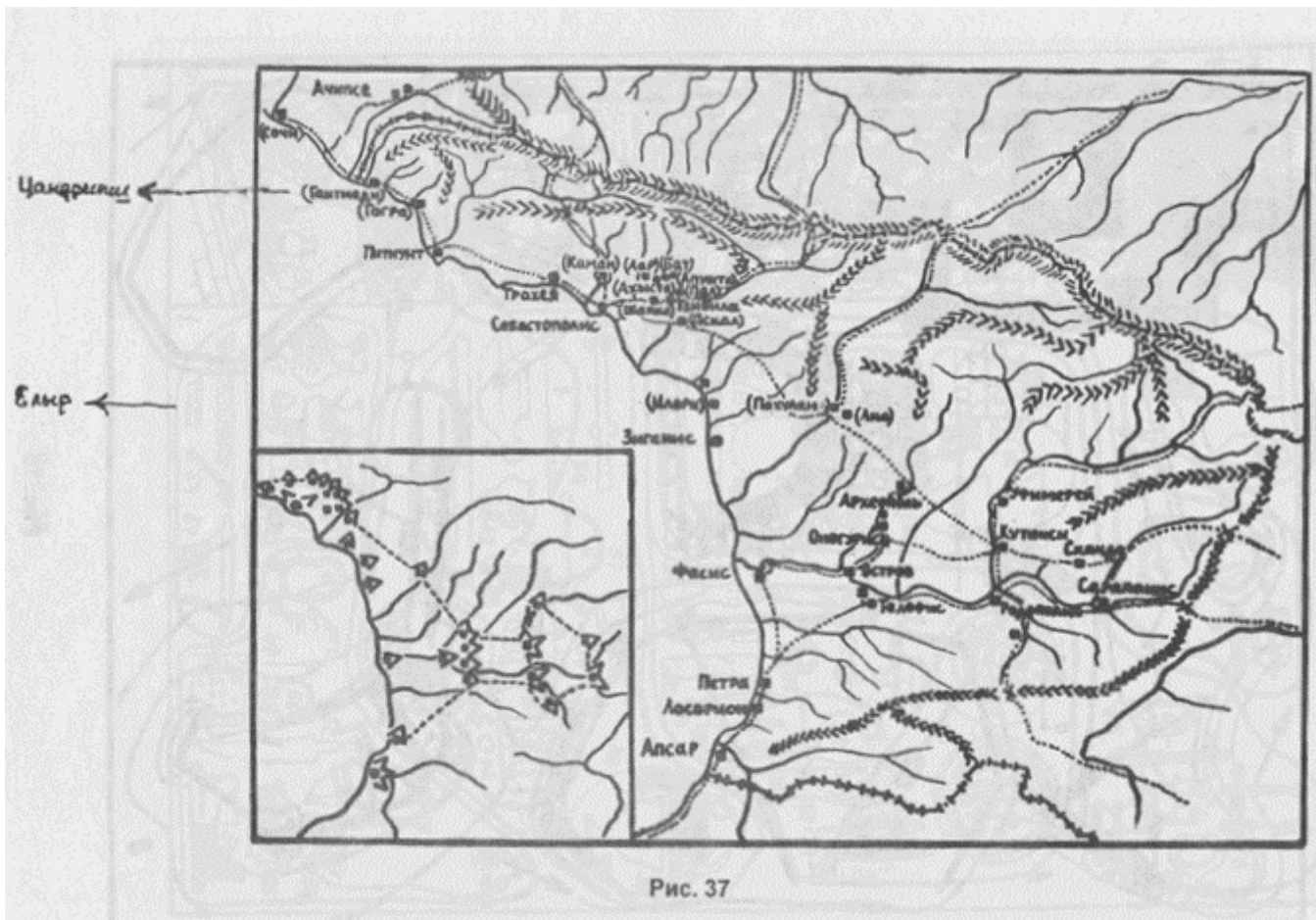

Рис. 37

Рис. 37. Организация обороны Западнокавказских клисур в VI в.

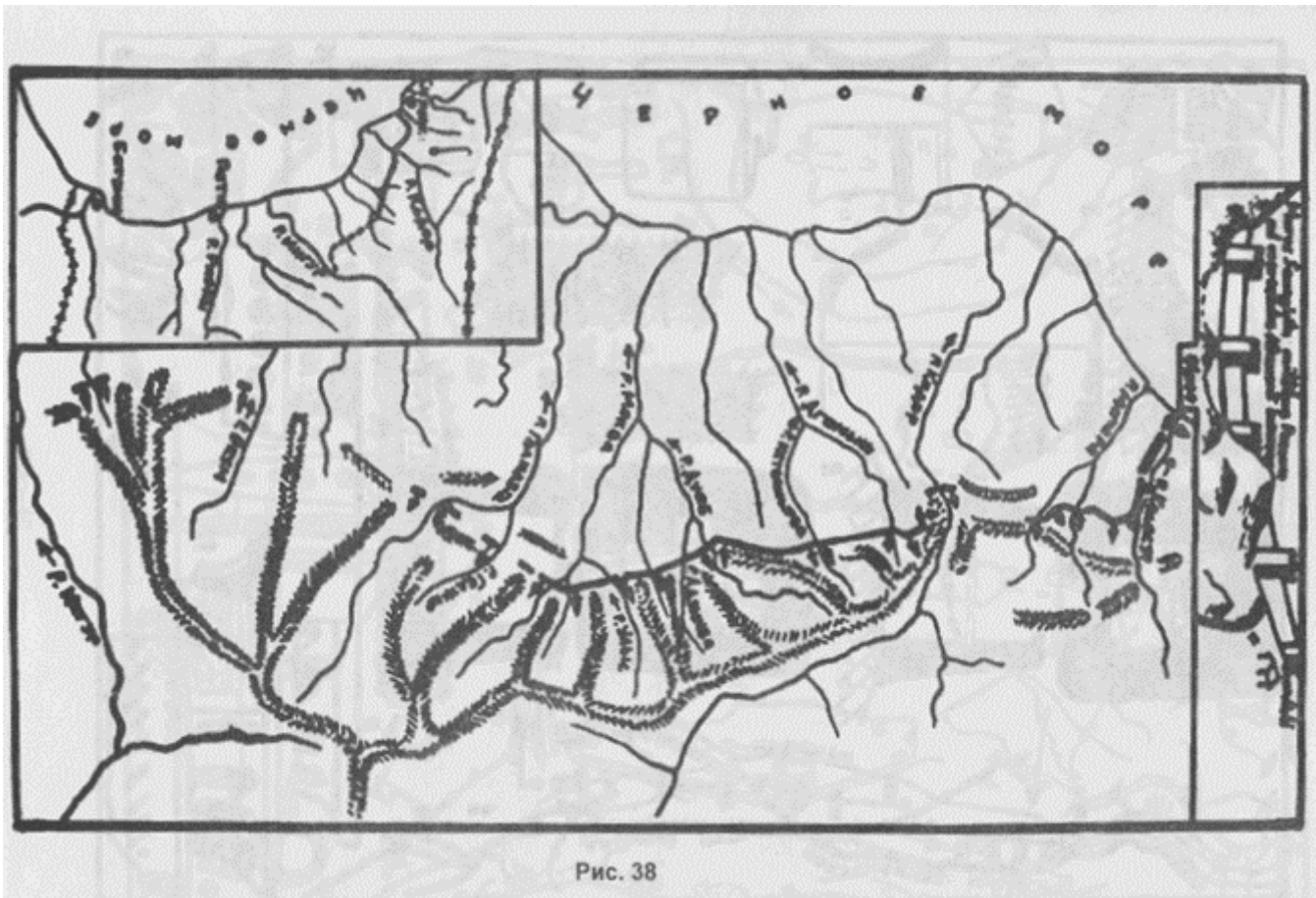

Рис. 38. Схема оборонительных сооружений Келасурской стены.
Вверху - выкопировка из карты Каstellи (XVII в.)

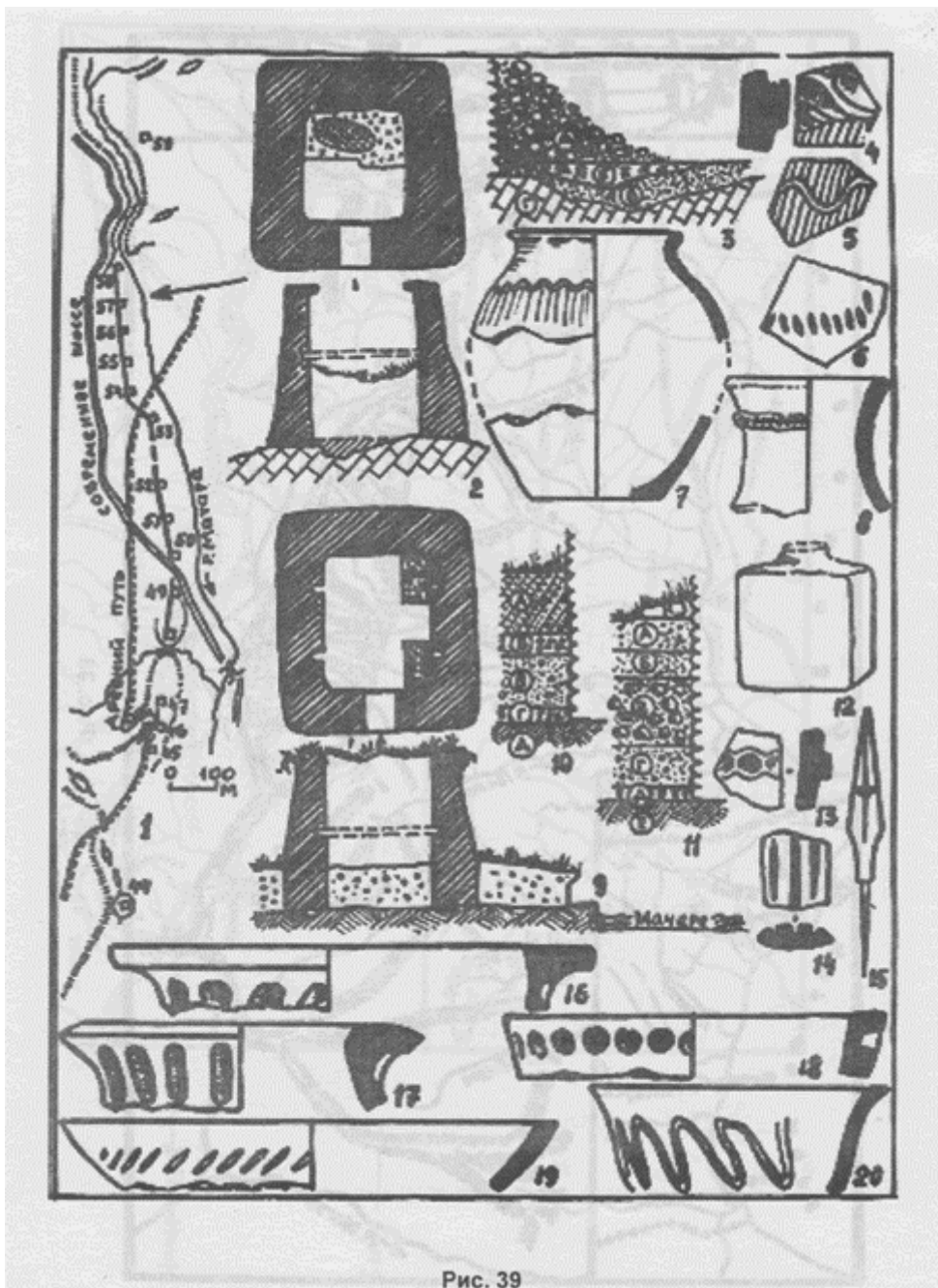

Рис. 39. План оборонительной линии Келасурской стены в с. Мерхеул с показом современной и позднесредневековой дорог (1).
 2, 9 - башни; 3, 10, 11 - разрезы культурных накоплений; 4-8, 13, 14, 16-20 - керамические изделия; 12 - стеклянный сосуд; 15 - железный наконечник стрелы.

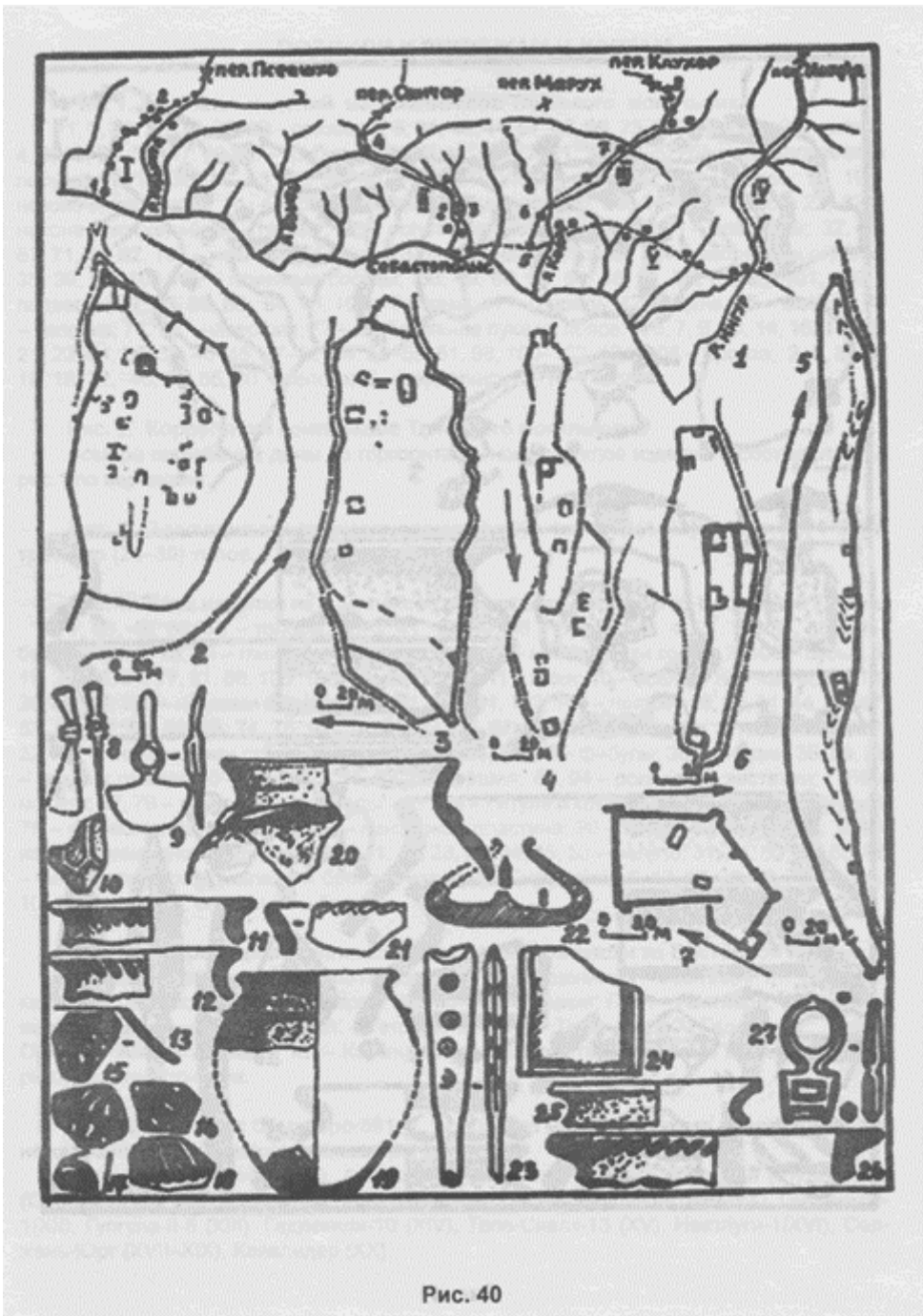

Рис. 40

Рис. 40. Западнокавказские перевальные пути в VI—VIII вв. (1).

1 - Хоста-Псеашхо; II-Себастиополис-Санчар; III-Цебельда-Клухор (Даринский путь); IV - Пахулан-Накра (Мисимийский путь); V - подгорная тропа (Абхазский путь).

Планы крепостей: Ачипсе(2), Псху (3), Каман-1 (4), Герзеул (5), Чхалта (6), Клыч (7).

Материалы из культурных накоплений в крепостях - железные топор (8) и мотыга (9), обломок стеклянного сосуда (10), керамика (11-21, 24-26), железное кресало (22), костяная ухвертка (23), бронзовое кольцо (27) из Башенки (8, 9), Ачипсе (10, 11-18), Монашки - но (19), Каман-1 (20, 21), Отсюш-1 (22-23), Псху (24), Герзеула (25, 26) и Клыча (27).

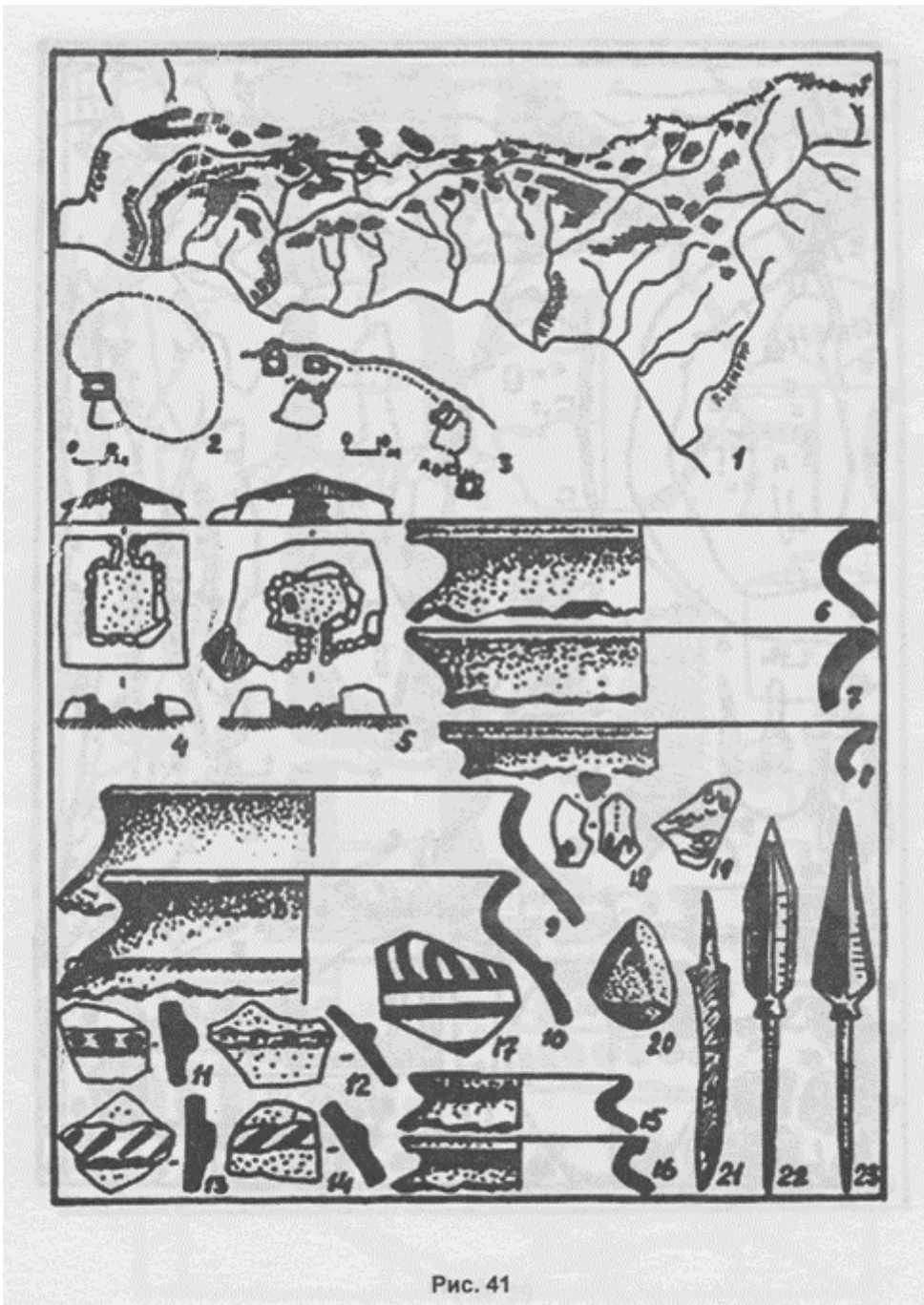

Рис. 41

Рис. 41. Схема распространения ацангуар в высокогорной зоне Западного Кавказа (1). Планы ацангуарных комплексов (2, 3) и отдельные жилые постройки (4, 5). Находки в ацангуарах - керамические сосуды (6-19), каменный терочник (20), железные нож (21) и наконечники стрел (22, 23).

КОЛХИДА НА РУБЕЖЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

- Введение
- Глава I. Пестрота племён и народов
- Глава II. В гуще исторических событий
- Глава III. Крепости — храмы — государство
- Заключение
- Литература
- Список сокращений
- Приложение № 2

ВВЕДЕНИЕ

В географическое понятие «Колхида» входит все Восточное Причерноморье, т. е. современные Абхазия и Западная Грузия. С севера Колхиду ограничивает Главный Кавказский хребет, с востока и с юга - Лихский и Месхетинский, через которые издавна вели многочисленные перевальные пути, соединявшие Колхиду с Северным Кавказом и Восточным Закавказьем. Со склонов хребтов, окружающих Колхиду, стекают многоводные реки. Самые крупные - Риони, Ингур, Кодор и Бзыбь. Большая часть Колхиды покрыта горами. Центральные же приморские области до сих пор местами еще сильно заболочены. Как и в древности, главные пути сообщения проходят на стыке равнины с холмистыми предгорьями. Здесь располагаются и важнейшие населенные пункты. История многих из них насчитывает сотни, а то и тысячи лет.

Наиболее доступна Колхида с запада, откуда вдоль южного берега Черного моря издавна проходила самая удобная сухопутная дорога, соединявшая Колхиду со Средиземноморьем. Уже в раннеантичную эпоху Чёрное море - главный путь в Колхиду. Особенности географического расположения этой страны оказали влияние на судьбу населявших ее народов в первых веках новой эры. К VI в. Колхида приобретает исключительное в глазах сильнейших империй того времени качество, которое с особой силой подчеркнуто в обращении лазских послов к шаху Хосрову: «Через нашу землю вам можно будет иметь сообщение с Римским (*Черным* - Ю. В.) морем, и, построив на нем корабли, ты, государь, без всякого труда сможешь доплыть до царского двора византийского; ты в промежутке не встретишь никакого препятствия. Присовокупим и то, что после этого от вас будет зависеть, чтоб соседственные варвары ежегодно опустошали земли Римские: ведь вам хорошо известно, что область лазов (*Колхида* - Ю. В.) была им до сих пор оградой со стороны Кавказских гор». [74, 113].

Мы начнем рассмотрение истории Колхиды со сведений, сохранившихся в трудах Флавия Арриана, уроженца вифинского города Никомедия, человека с незаурядными способностями (крупного полководца, талантливого администратора, автора книг). Ему принадлежит до десятка значительных трудов, среди которых можно назвать «Поход Александра Великого», «Описание Индии», «Об охоте», «Диспозиция против аланов», «История Парфии» и особенно интересный для нас «Перипл Понта Евксинского» («Объезд Черного моря»). Последняя работа - весьма оригинальное явление среди такого рода литературы. Написанная в форме письма, адресованного им-

294

ператору Адриану (117-138), она содержит помимо обычных географических и этнографических наблюдений сведения военно-политического характера, а также значительные мифологические экскурсы. Появившись в результате поездки Флавия

Арриана вдоль берегов Колхиды в период с 134 по 137 г., эта работа является наиболее достоверным и полным источником для изучения исторической ситуации в Восточном Причерноморье в эпоху расцвета Римской империи. Управляя в 131-137 гг. по поручению императора Адриана крупнейшей малоазийской провинцией Римской империи Каппадокией, Флавий Арриан совершил свою поездку с целью усиления обороны римлян в Восточном Причерноморье, в частности против алан, располагавшихся севернее, за перевалами через Главный Кавказский хребет. «Перипл Понта Евксинского» сохранял свое значение вплоть до середины V в., когда этот труд был с незначительными дополнениями переписан автором, не оставившим своего имени и известным нам поэтому лишь как Псевдо-Арриан или Аноним.

Все перечисленные в «Перипле» Арриана народы - лазы, апсилы, абасги, саниги, как и сами римляне, появились под этими своими названиями в Восточном Причерноморье на рубеже двух эр, заняв ту обширную территорию, на которой прежде проживали многочисленные племена гениохов и колхов и располагались города греков-колонистов. В первой главе книги читатель получает возможность пройти по Колхиде маршрутом Флавия Арриана, проследить кратко начальную историю всех этих народов в I-V вв. При этом сведения Арриана всюду, где это возможно, дополняются сообщениями большого числа римских, византийских и древнегрузинских авторов (Плиния Секунда, Клавдия Птолемея, Юлия Капитолина, Зосима, Аммиана Марцеллина, Приска Панийского, Джуаншера и многих других).

В VI в. Колхида, став местом кровопролитных персо-византийских войн, привлекала внимание наиболее видных историков Византии эпохи Юстиниана, сохранивших для нас массу интересных фактов из жизни лазов, апсилов, абасгов и других племен, обитавших в Восточном Причерноморье. Среди этих историков в первую очередь необходимо назвать Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского [79, 148-242].

Прокопий Кесарийский - выдающийся историк VI в. Незаурядный политический деятель и искусный дипломат, занимавший высокие посты в администрации империи, Прокопий обладал ярким литературным талантом, широким для своего времени научным кругозором и большой любознательностью. Он родился в городе Кесарии Палестинской. Однако даты его рождения и смерти неизвестны. В 550 г. он закончил два своих главных труда - многотомную «Историю войн Юстиниана» и «Тайную историю». Спустя шестнадцать лет Прокопий написал «Трактат о постройках Юстиниана». В своих работах Прокопий стремился следовать сформулированному им самим принципу, согласно которому «речи ораторской подобает сила, поэзии - вымысел, истории - истина» [73, 6].

295

Агафий Миринейский (536-582) был большим почитателем и достойным продолжателем Прокопия. Он родился в городе Мирины в Малой Азии, а затем жил в Константинополе. Будучи адвокатом и поэтом, Агафий лишь в зрелом возрасте решил стать историком. Его труд «О царствовании Юстиниана» не был закончен из-за преждевременной смерти автора. «Писание истории, - утверждал Агафий, - является делом величайшим, святейшим, стоящим выше всякого другого занятия» [2, 69]. В предисловии к своей книге Агафий писал: «Какую бы похвалу или позор ни вызывали события, все же не подобает насиловать историю и приукрашивать случившееся» [2, 9].

Описанию событий персо-византийских войн в Колхиде на основе сведений Прокопия и Агафия посвящена основная часть второй главы данной книги. Здесь же приводятся данные, содержащиеся в византийских и древнегрузинских источниках, о событиях VII—VIII вв., когда Колхида подверглась многократным нашествиям арабов и складывалось Абхазское раннефеодальное государство.

В источниках часто мелькает таинственная система укреплений, называемая Клисурой. Она давно привлекает внимание исследователей. Одна из интереснейших страниц истории

Колхиды связана с принятием лазами и их соседями христианства, которое оказало огромное влияние на местную духовную и материальную культуру. Много споров вызывает и социальная история Колхиды, в частности вопрос о времени перехода к феодализму. Анализу источников и объектов материальной культуры в связи с указанными проблемами посвящена третья, заключительная глава этой книги. Автор доводит рассмотрение истории Колхиды до VIII в., т. е. до того момента, когда рубеж к средневековью, наконец, оказался взятым и вся дальнейшая история Колхиды уже бесспорно может быть связана с феодальной формацией. Далеко не все вопросы истории Колхиды во II—VIII вв., рассмотренные в этой работе, можно считать решенными. Во многом наука все еще находится на стадии формулирования более или менее обоснованных гипотез, подтверждение которых новыми фактами или доказательство их несостоятельности - дело будущего.

296

ГЛАВА I. ПЕСТРОТА ПЛЕМЁН И НАРОДОВ

«Бесчисленны были тут смены народов...»

Прокопий Кесарийский.

I-V вв. в истории Колхиды характеризуются в первую очередь все усиливающимися контактами с римским, а затем византийским культурным миром. Одним из наиболее положительных моментов этого сближения является множество интересных сведений о местных племенах, сохранившихся в трудах античных авторов. Анализу этих сведений посвящена значительная литература (Г. А. Меликишвили, З. В. Анчабадзе, М. П. Инадзе, Н. Ю. Ломоури, Л. А. Ельницкий и многие другие). Данные письменных источников подтверждаются и дополняются археологическими материалами, представляющими собой незаменимый источник по истории ремесла, торговли, культурных взаимосвязей, религии и т. д. В этом отношении особенно важны результаты исследований Понтийского Лимеса и прилегающей к нему территории (А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, В. А. Леквинадзе, П. П. Закарая, М. М. Трапш и др.).

1. СТРАНА ЛАЗОВ

Бурные события I в. до н. э. привели к нарушению экономической и политической стабилизации в центральных районах Колхидской низменности, к уничтожению и опустошению большинства ее центров, резкому сокращению и перемещению населения, что способствовало появлению в ней различных горных племен, живших до этого в условиях родового строя в более южных, горных районах. Именно тогда, по-видимому, ряд чанских и других западногрузинских племен проникли в прибрежную полосу Юго-Восточного и Восточного Причерноморья [84, 365]. Среди этих племен наиболее значительным и известным в позднеантичную эпоху стали лазы. О них впервые упоминает Плиний Секунд [47, 856] в 70-х годах I в. Он говорит о нахождении лазов вблизи устья реки Апсар (ныне Чорох). Затем Мемнон [47, 361] (I-II вв.) называет лазов в числе народов, занимавших внутренние области Понта. Флавий Арриан [47, 396] застаёт их между зидритами, территория которых, входившая в тот момент в состав Иберии, располагалась юго-западнее и, возможно, юго-восточнее современного Батуми, и апсилами, локализуемыми к северу от Фасиса (ныне река Риони).

В I-II вв. на исторической карте Колхиды появился ряд названий, указывающих на присутствие в этом районе и других, родственных лазам, западногрузинских племен. В этом отношении интересно упоминание Плинием Секундом реки Роан (Риони) и прилегающей к ней области Кегритика во Внутренней Колхиде [47, 858]. Здесь мы

впервые сталкиваемся с современным названием крупнейшей реки Колхиды «Риони». Первоначально

297

так именовалось, по-видимому, ее верхнее и среднее течение до слияния с Квирилой. Со временем «Роан» вытеснило более древнее название - «Фасис». Видимо, слово «Риони» (Роан) в сопоставлении с названиями некоторых европейских рек (Рейн, Рона и др.) указывает на его индоевропейское происхождение. С Кегритикой же тесно связаны названия «Эгриси» и «Эгрисцкали», под которыми в древнегрузинских источниках понимались Лазика, в первую очередь, ее восточные районы вокруг Кутаиси и протекавшая здесь река Роан до слияния с Фасисом. Интересные данные о лазах сообщает географ Клавдий Птолемей, современник императора Марка Аврелия (161-180): «Приморскую часть Колхиды населяют лазы, вышележащие местности - манралы и народы, живущие в стране Экретике» [47,478]. «Страна Экретика» - это, несомненно, плиниевская Кегритика, населенная эграми, в названии которых, как и манралов, угадывается современное название мегрелов (мингрелов), [64, 366] занимающих и теперь близкое к указанному Птолемеем положение. Если у Плиния Секунда в Центральной Колхиде упоминаются города Тиндариды, Киркей, Кигн и Сурий, явно отражающие ситуацию последних веков до нашей эры, [37, 236], то у Птолемея [47, 78] на этой территории называются уже совершенно иные населенные пункты - Мехлес (вероятно, связан с именем махлиев, или махелонов-макронов, живших до этого к юго-западу от Апсара), Задрида (видимо, связан с зидридами, жившими до этого у устья Апсара) и ряд других. Появление в Колхиде множества новых названий, [37, 93] вероятно, связано с упомянутым выше перемещением сюда эгро-лазских племен. Этот процесс отмечен косвенно и Флавием Аррианом, который писал, что древнее наименование «Апсара» - «Апсирт» «потом... было искажено окрестными варварами, подобно тому, как искажены и многие другие названия» [47, 392].

После II в. из письменных источников исчезают все перечисленные названия, за исключением Лазики, включавшей как область приморских лазов, так и манралов и эгров. В IV в. Лазика мыслилась уже как некое единое образование, охватывавшее всю низинную и предгорную Колхиду, прилегавшую к Фасису (Риону).

Согласно Флавию Арриану [47, 396], первый из известных лазских правителей, Маллас, получил знаки царской власти от императора Адриана. Следовательно, лазы в 30-х годах II в. уже целиком находились в сфере политического влияния Рима. В источниках упоминаются и некоторые другие цари лазов. Так, римский источник начала IV в. Юлий Капитолин, перечисляя деяния императора Антонина Пия (138-161) сообщает, что «он дал лазам царя Пакора» [47, 977], т. е. Бакура. Аналогичное иранское имя в тот же период носил и один из армянских царей. Лукиан Самосатский (род. около 125 г.) в своем произведении «Токсарис и дружба», рассказывая о сватовстве скифского царевича Арсакома к Мазее, дочери боспорского царя, в числе «женихов, царей и царевичей» называет и некоего Тиграпата, правителя лазов [47, 436]. Византийский автор Георгий Свенкелоз сообщает, что

298

Септимий Север (193-211) силой подчинил Колхиду (т. е. Лазикю), вероятно, с целью замены неугодного правителя.

В середине III в. Колхидское побережье подвергается опустошительным набегам готов, пытавшихся взять штурмом римскую крепость у устья Фасиса [47, 708]. Не исключено, что готы в этот момент как-то соприкоснулись и с лазским населением побережья. В конце III в. лазы оказывают безуспешное сопротивление вторгшимся в Колхиду войскам

боспорского полководца Савромата [64, 381]. Однако очень скоро (в конце того же III в.) положение в Восточном Причерноморье стабилизируется - сюда возвращаются римские гарнизоны.

В 324-330 гг. император Константин основывает на рубеже Малой Азии и Европы новую столицу Римской империи - Константинополь. Близость столицы к Кавказу, через который издавна в малоазийские провинции совершали опустошительные набеги кочевники, заставила администрацию империи обратить особое внимание на укрепление своих позиций в Лазике. Одним из первых шагов в этом направлении стало включение Лазики в состав одного из наместничеств Римской империи, в которое, как сообщает историк Зосим, вошло «все поморье от Памфилии до Трапезунта и укреплений на Фасисе» [47, 712].

В IV в. население Колхиды переживает период тесных контактов с Византией, отразившихся на всех сторонах жизни края. Лазы все больше привлекались на службу в византийскую армию, где подчас занимали высокие должности. Историк Евнапий Сардиец (345-420) рассказывает о некоем Сувармахии, начальнике телохранителей, который «более всякого другого» был верен Евтропию - константинопольскому консулу конца IV в. Колоритный рассказ о Сувармахии ярко рисует нравы позднеримского общества. По словам Евнапия, этот начальник телохранителей «пил вина больше, нежели мог вместить, но все-таки его желудок, благодаря привычке и сильным, свойственным юности телесным упражнениям, все переносил... Выпив или не выпив, он всегда был пьян, но умел скрывать свое опьянение: хотя и ходил шатаясь, но старался не падать... и удерживался на ногах. Он был царского рода, настоящий колх из живущих выше Фасиса...» [47, 600].

Известный римский историк того времени Аммиан Марцеллин (330-400), говоря о народах, которые в 362 г. направили императору Юлиану посольства с просьбой, «чтобы им позволено было спокойно жить в пределах родных стран, платя ежегодно обычную дань», упоминает также представителей «тех дальних стран, где изливается в море река Фасис», т. е. Лазики [47, 1005]. Следовательно, еще в начале 60-х годов IV в. Лазика входила в число данников Рима. В 368 г. римские легионы дошли до Куры, в результате чего Иберия была разделена на две области: западную - ближайшую «к Армении и лазам», - попавшую под власть римского ставленника Савромака (Саурмага) и восточную, где утвердился проирански настроенный Аспакур (Вараз-Бакур). Излагая подробности этой войны, Аммиан сообща-

299

ет, что персы, опустошая Армению, преследовали армянское войско вплоть до ущелий «высоких гор, составляющих границу наших (римских - Ю. В.) владений и земли лазов», где затем войска скрывались пять месяцев [47, 1016]. Как видно, тогда Лазика не мыслилась как римская территория, но там, однако, римляне и их союзники могли спокойно скрываться.

Не исключено, что именно с конца 60-х - начала 70-х годов IV в. сложились отношения Лазики с империей, о которых Прокопий Кесарийский, автор VI в., сообщает: «Лазы, народ, прежде населявший Колхиду, считался подвластным римлянам потому только, что по смерти их царя римский царь посылал преемнику его украшения верховной власти. Впрочем, они не платили римлянам никакой дани и не были у них в повиновении. Царь лазов обязан был охранять своими подданными границы и не допускать, чтобы враждебные гунны с Кавказа, смежного с их областью, вторгались через Лазикку в римские владения. Они стерегли границы, не получая от римлян ни денег, ни войска, они не следовали за ними в походы...» [74, 106-107].

Видимо, этот договор заключен в преддверии страшных гуннских нашествий. Не требуя от лазов дани и участия в римских походах в другие области, римляне взамен хотели

использовать стратегическое положение крепостей Лазики на ключевых путях Колхиды, ведущих к перевалам, чтобы лазы бесплатно выполняли функцию римских пограничных войск.

Понятно, что отмеченная форма зависимости Лазики от Рима, а затем от Византии ложилась тяжелым бременем на лазов, которым пришлось сдерживать натиск врагов империи, попутно опустошавших страну и изничтожавших защитников крепостей. Народное недовольство находило свое выражение в сепаратистских настроениях, подогревавшихся подступившей к Лазике с востока Персией. В середине V в., в период правления императора Маркиана (450-457), между Византией и лазами произошел серьезный конфликт, о котором сообщает современник событий историк Приск Панийский [47,694]. Незадолго до этого лазский царь Губаз сделал попытку внести изменения в традиционную форму управления страной. Он передал часть своей власти сыну. В результате во главе Лазики оказалось два правителя - сам Губаз и его сын. Раздел Лазики, вероятно, исподволь санкционированный Ираном, шел вразрез с интересами империи в этом районе.

Летом 456 г. византийские войска вторглись в Центральную Колхиду. Как сообщает испанский хронист Хидатиус, начало войны для византийцев было весьма успешным. Грузинский автор XI в. Джуаншер раскрывает содержание этого успеха: «В то время вышли греки из Абхазии, так как греки владели всей территорией ниже Эгрисцкали, и захватили (земли) от Эгрисцкали до Цихе-Годжи» [45, 146]. Под Цихе-Годжи подразумевается Археополь - крупнейшая крепость Лазики, а под Эгрисцкали, как выше указывалось, Рион до слияния его с Квирилой. Здесь лазы оказали византийцам стойкое сопротивление. Сохранилось описание одного из эпизодов этой войны, также, вероятно, принадлежавшее Приску Панийскому: «Лазы, вы-

300

копав ямы и воткнув в ямы копыя, закрыли остатки этих ям тростниковыми плетнями и древесными ветвями, не имевшими прочного основания, но скользившими под напором тяжести; сделав над ними насыпи, распахав землю с обеих сторон и засеяв ее пшеницей, они обратили римлян в бегство». [47, 847].

Пока в Константинополе обсуждались варианты дальнейших военных действий, Губаз отправил посольство к персам. Последние, занятые борьбой с гуннами, отказали лазам в помощи. Тогда Губаз отправил в Константинополь послов с предложением о мире. Там их встретили доброжелательно, однако поставили условие: или «сам царь снимает власть, или отнимает царство у сына, так как нельзя им обоим владычествовать над страной вопреки старинному уставу». Тогда Губаз предпочел уступить престол своему наследнику. Сам же, сложив с себя полномочия, снова послал гонцов в Константинополь с просьбой не поднимать против лазов оружия. В ответ император повелел Губазу лично явиться в Константинополь и доложить там о своих намерениях. Губаз согласился, но потребовал, чтобы византийский полководец Дионисий, ранее, видимо, воевавший с Губазом, сопровождал его по пути в Константинополь и обеспечил безопасность. Дионисий выехал в Лазику.

Далее в документах содержатся неясности: то ли война византийцев с лазами продолжалась почти десять лет, то ли еще раз попытался Губаз заключить мир с персами. Во всяком случае, в Константинополь, как сообщает тот же Приск Панийский, он с Дионисием прибыл вскоре после страшного пожара в городе, случившегося 2 сентября 465 г. О Губазе говорится, что одет он был «в персидское платье» и окружен телохранителями «по мидийскому (*персидскому* - Ю. В.) обычаю». Царедворцы «сначала сделали ему выговор за восстание, но потом отпустили ласково: он подкупил их льстивыми речами и тем, что носил знаки своего христианства» [47, 695]. Персидская одежда и символы христианства были в то время, вероятно, одинаково чужды лазам, но в

сложившейся обстановке представлялись Губазу единственно возможным средством продемонстрировать протест и вместе с тем лояльность византийцам.

Картину взаимоотношений Лазики с Римом в конце IV- первой половине V в. интересно дополняет рассказ византийского историка VI в. Менандра о Сванетии: «С того времени, как правили римскою державою Феодосий, а персидскою - Уаран, до императора Льва и до Пероза... князь Суании был в повиновении у лаза и внесен в книгу для платежа ему дани. Лаз получал от него произведение пчел, кожи и другие тому подобные предметы. По кончине князя суанского управлявший лазами избирал преемника власти усопшего. Между тем писал он к императору римскому о случившемся. Император отвечал ему письменно и приказывал вручить знаки верховной власти над Суаниею, кому он хочет, лишь бы только суану...» [13, 353-354].

301

Таким образом, власть лазов над Суанией регулировалась империей. Сваны, занимавшие верховья Риони, образовали как бы буфер между ла-зами и северокавказскими народами, часто вторгавшимися в Колхиду. Возложив на Лазику обязанность охраны перевальных путей, византийцы приказали ее царям, выполнявшим фактически функцию наместников империи, контролировать и благонадежность сванских правителей. Осуществлено это было, по-видимому, путем заключения двустороннего договора, согласно которому и сваны получили реальную выгоду. Речь идет об обязанности лазов снабжать Суанию хлебом. «В то время между царем лазов и Мартином, вождем находившегося в Лазике римского войска, - пишет Менандр, - возникли неудовольствия, вследствие которых из Колхиды не было посылаемо в Суанию обычного пособия, состоявшего в пшенице, которую по введенному обычаю царь колхийский доставлял сванам. Досадуя на то, что были лишены установленной полочки, сваны дали знать персам, что передадут им свою страну, если они вступят в нее» [13, 338]. Последнее сообщение, правда, отражает события уже VI в. Однако близкая ситуация сложилась и в период правления Льва I (457-474), когда, как сообщает Приск Панийский, в 468 г. «У римлян и лазов была сильнейшая вражда с племенем сванов» [47, 697].

Из-за отсутствия продовольствия византийцам пришлось покинуть крепости Свании, предварительно, вероятно, с помощью сванского вождя Махена расправившись с местными проперсидскими элементами. Во всяком случае, последовавшая затем попытка персов и иберов занять Сванию оказалась безуспешной - Махен призвал на помощь византийцев, отряд которых на этот раз под руководством полководца Гераклея вновь разместился в сванских крепостях. Когда же персы и иберы были отвлечены в другое место, Махен «отослал вспомогательный отряд обратно, затрудняясь доставлением ему продовольствия». Спустя некоторое время персы вознамерились отнять у сванов их крепости. Махену снова пришлось посылать в Константинополь с просьбой прислать вспомогательный отряд, на этот раз из числа «солдат, охранявших границы подвластных римлянам армений» [47, 697]. Судя по всему, византийцам часто приходилось посылать отряды регулярной армии к лазам, сванам и их соседям, которые старались при удобном случае уйти в сторону от обременительной обязанности охранять свои границы от врагов Византии.

Таким образом, согласно источникам, вплоть до 60-х годов V в. Лазики и расположенная северо-восточнее Свания продолжали находиться в зависимости от Византии. Здесь периодически размещались византийские гарнизоны. Любая попытка местных элементов выйти из-под контроля Византии подавлялась, а вторжения персов и подвластных им иберов, как и северокавказских варваров, успешно отражались. В 70-х годах того же века ситуация здесь, однако, изменилась.

В первой половине - середине V в. в Лазике, особенно в ее восточных

районах (Эгриси), усиливается влияние Персии, основным проводником интересов которой здесь были восточногрузинские правители. Такая обстановка в сочетании с трудностями, постигшими Византию в тот период, облегчила завоевание Эгриси, предпринятое в начале 70-х годов V в. картлийским царем Вахтангом (465-502). Джуаншер сообщает, что Вахтанг, известный под прозвищем Горгасал (от персидского горг - «волк» и сар - «голова»), дважды в период императора Льва I с интервалом в несколько лет вторгался в Лазику. Последняя война длилась три года и завершилась кровопролитной битвой, в которой Вахтанг убил византийского полководца Поликарпоса. В результате, как свидетельствует тот же Джуаншер [45, 157], во владения Картли были включены «крепости Абхазии вплоть до Цихе-Годжи». Называя в данном отрывке Эгриси Абхазией («Апхазети») Джуаншер, писавший в XI в., пользовался современной ему географической номенклатурой: ведь в IX—X вв. под Абхазией подразумевалась вся нынешняя Западная Грузия. Так же нужно понимать и упоминаемый в летописи «Абхазский путь», которым Вахтанг шел в Колхиду. Это была наиболее прямая и удобная древняя дорога, шедшая по отрогам гор вдоль северной окраины Колхидской низменности от Мамисонского перевала и от перевалов Лихского хребта до района современного Сухуми и пересекавшая территорию раннесредневекового Абхазского царства. Вахтанг, пройдя перевалами из Осетии, вышел к Кутаиси, а затем направился к Цихе-Годжи, где и завершил свой победоносный поход.

Далее Джуаншер передает содержание мирного договора, заключенного Вахтангом Горгасалом с византийским императором. Последний, отметив, что территория «от Эгрисцкали до реки Малой Хазарии (*современная река Кубань* - Ю. В.) есть граница Греции со времен» Александра Македонского, согласился при условии женитьбы Вахтанга на его дочери отдать ей в приданое территорию «от Эгрисцкали до Клисур», а остальную «Абхазию», т. е. приморскую Лазику, Апсилию, Абасгию и Санигию, оставил себе [45, 177]. Эриставом этой новой картлийской области, объединившей Эгриси и Сванию, стал некий Самнагир. Здесь в 484 г., когда Вахтанг начал войну с Персией, он оставил своего пятилетнего сына Дарчила (Дачи). Сюда Вахтанг вернулся после поражения, которое нанесли ему персы в конце V в.

Таким образом, хотя Византии и пришлось пойти на определенные уступки в распределении сфер влияния в Колхиде, однако вскоре их компенсировало открытое выступление Вахтанга против персов. Земли же между Эгрисцкали и Клисурой, согласно Джуаншеру, перешли сначала по наследству к Мириаду, сыну Вахтанга от жены-гречанки. Эти земли выменял у него затем старший сын Вахтанга Дачи [45, 203-205]. На этом сведения о правлении в Эгриси потомков Вахтанга Горгасала обрываются. Изучение материальной культуры лазов еще только начинается. Особенно ощутимо отсутствие данных о рядовых поселениях лазов, их могильниках, своеобразии керамики, оружия, украшений. Постоянное вмешатель-

ство империи, ее стремление контролировать самые важные в стратегическом отношении пункты страны привели к тому, что, судя по публикациям, большинство предметов, найденных при раскопках таких больших крепостей внутренней Лазики, как Археополь или Родополь, принадлежит к формам, широко распространенным в странах вокруг Черного моря. Это или местные разновидности римско-византийских вещей и посуды, или частично привозные изделия. Верхушка лазской знати перенимала черты римского быта, окружала себя предметами иноземной роскоши или их местными вариантами. Первой половиной - серединой III в. датируется погребение, найденное вблизи Сарапаниса (село Клдеети). В нем обнаружено шесть золотых пластинчатых подвесок,

украшенных зернью, разноцветными камнями, фигурками птиц, оправленная в золото гемма с изображением мужчины, золотые браслеты, несколько дуговидных фибул застежек, одна из которых украшена алмандином, золотые монеты - подражания статерам Александра Македонского [62]. Весь комплекс, за исключением нескольких деталей, носит ярко выраженный причерноморский характер, указывая на то, что внутренние районы Колхиды испытывали влияние античной культуры. Близкий к кпдеетскому набор фибул обнаружен в соседнем селе Бори вместе с кесарийскими серебряными монетами. Можно отметить также несколько железных сарматского типа мечей с кольцевидными навершиями, найденных в погребениях у села Дзеври вместе с римскими монетами II в. [76, 84-94]. Во многих пунктах Внутренней и Приморской Колхиды (Брили, Уреки, Цихисдзири) найдены серебряные чаши, кувшины, кубки, блюда, ложки и другая типично римская металлическая утварь I-III в. [63].

Замечательное женское захоронение, относящееся уже к концу IV в., открыто в 1942 г. в Уреки. Здесь вблизи устья реки Супсы на невысокой гряде, тянущейся в двухстах-трехстах метрах от полосы морского прибоя, во время земляных работ обнаружена вертикально стоящая амфора. Под ней оказался складной железный стул, глиняный сосуд и обломки стеклянных сосудов. Рядом лежали разнообразные бусы - агатовые, янтарные, сердоликовые, хрустальные, стеклянные; большая овальная брошь с подвесками и крупным агатом в золотой оправе; две золотые серьги, украшенные гранатами; золотые подвески; золотой футляр для хранения амулета или иголки; золотые и серебряные перстни с геммами (на них изображены Гермес с Фортуной и голова Сераписа); серебряный нож, которым пользовались при еде моллюсков и раков; два золотых массивных браслета с рубиновыми вставками; до пятидесяти золотых шестиугольных бляшек; несколько серебряных проволочных фибул; золотая и семь серебряных монет, выпущенных при императорах Адриане, Каракалле, Септимии Севере и Таците. Весь комплекс этих предметов типичен для римско-ранневизантийского культурного мира. Многие изделия носят ярко выраженный севернопричерноморский характер. Вместе с тем простые серебряные фибулы Урекской

304

находки принадлежат к местному, колхидскому варианту этих застежек, который уже в III в. хорошо представлен находками во Внутренней Колхиде (Клдеети и др.) [49]. Одним из важных источников по истории Лазики того периода являются монеты, обнаруженные здесь как в кладах, так и в погребальном инвентаре. Среди кладов, зарытых после 222 года нашей эры, особенно интересны Сепиетский (там, из трехсот семидесяти монет лишь одиннадцать оказались кесарийскими драхмами, а остальные - римскими денариями) и Экский (из его девятисот семи монет семьсот семьдесят одна была отчеканена в Кесарии Каппадокийской, а остальные в Сирии, Риме и Александрии [31]. Кесарийское же серебро «служило основным средством обращения в той части Колхиды, которая находилась в зависимости от римлян и контроль над которой осуществлялся через приморские крепости» [23, 24]. В IV-V вв. в Колхиде широко распространяется византийская монета, поступающая сюда по-прежнему через приморские крепости. Местных монет в Лазике не выпускалось.

2. СТРАНА АПСИЛОВ

Первое упоминание об апсилах находим у Плиния Секунда, который утверждал, что в 70-х годах I в. они находились восточнее Себастополя, по соседству с санигами [47, 858]. Флавий Арриан [47, 396] пишет, что апсилы занимали территорию к северу от лазов, царем же у них в то время был Юлиан, получивший знаки царской власти от императора Траяна (98-117). Основываясь на показаниях источников, можно полагать, что в I-II вв.

апсилы заселяли значительную часть Колхиды от районов, прилегавших с севера к Фасису (окрестности Археополя) до Себастополя (современный Сухум) [21, 137-140]. Вдоль побережья Апсилии Флавий Арриан называет следующие пункты: выйдя из Фасиса, римский корабль миновал сначала устье реки Хариент, затем остановился на время в устье реки Хоб (ее обычно отождествляют с современной рекой Ингуром), миновал судоходную реку Сингам (возможно, современная река Окуми), потом реки Тарсур (ныне река Моква), Гипп и Астлеф (вероятно современный Кодор), расположенные уже в половине дня пути от Себастополя. «На пути от Гиппа, - пишет Флавий Арриан, - вплоть до Астлефа и Диоскуриады нам были видны Кавказские горы, по высоте ближе всего подходящие к Кельтическим Альпам; нам показывали одну вершину Кавказа - имя вершины Стробил, - на которой, как передают мифы, Прометей был повешен Гефестом по приказанию Зевса» [47, 396-397].

К сожалению, в последующее время (II—V вв.) апсилы в источниках почти не упоминаются. О них довольно скупо писали лишь известный римский грамматик Элий Геродиан, один из фаворитов императора Марка Ав-

305

релия (161-180) (вторая половина II в.), а затем Стефан Византиец и Псевдо-Арриан (V в.). Зато много данных по истории и культуре Апсилии можно найти в материалах археологических исследований, в первую очередь касающихся Военно-Сухумской дороги [4; 8; 77; 78; 85]. Наиболее богатым и густонаселенным районом Апсилии в III—VI вв. становится современная Цебельдинская долина, через которую проходил путь на Северный Кавказ, несомненно интересовавший римлян с момента их утверждения на побережье. Не случайно Флавий Арриан посетил расположенный у начала этого пути Себастополь сразу же после кровопролитной войны с аланами, вероятно пользовавшимся и этим путем в своих набегах на римские провинции в Малой Азии. О ранней ориентации апсилов на Рим говорит не только римское имя их вождя, но и то обстоятельство, что Юлиан получил знаки царской власти раньше, чем вожди соседних лазов, абасгов и санигов [64, 372].

Одна из наиболее ярких находок на территории Южной Апсилии - погребение в селе Тагилони, принадлежавшее, возможно, кому-нибудь из рода Юлиана. Там было найдено много золотых изделий - замечательная голова оленя с ветвистыми рогами, бусы, бляшки, серебряные сосуды - стакан, чаши, кубок, блюдце, кольцо, обломки бронзового кувшина, железные конские удила и другие предметы, относящиеся к рубежу I-II вв. [5]. Несколько довольно бедных захоронений, связываемых также с апсилами, обнаружено в Чхорцху, расположенном в ущелье реки Хоби. Покойников тут сжигали; их прах затем ссыпали в небольшую урну-горшок и вместе с вещами умершего [железными ножами, бронзовыми украшениями (фибулы, браслеты)] опускали в могилу. Могильник здесь использовался до конца III в. [21, 135]. К тому же времени (IV-III вв.) относится и ряд интересных захоронений, обнаруженных в 1968 г. в селе Лиа Цаленджихского района [82]. Покойники лежат на спине, тела их обложены булыжниками. В погребениях обнаружены глиняные вазы с полым поддоном и горшки, железные мечи сарматского типа, римские фибулы, пряжки и монеты императоров Тиберия (14-37) и Люция Вера (161— 169). Могильник этот продолжал функционировать и позднее, в IV-VI вв.

В тот же период вдоль Военно-Сухумской дороги, в Цебельде, население явно увеличивалось. Здесь уже обнаружено свыше трех десятков крепостей, поселений и могильников того времени. Анализ материалов более трехсот захоронений апсилов с успехом компенсирует отсутствие письменных источников [21]. Со второй половины II в в Апсилии в большом количестве распространялась римская, главным образом кесарийской чеканки, монета, о чем, в частности, свидетельствует клад свыше пятисот монет, найденный в селе Герзеул. В III—V в. в Апсилию поступало большое число

античных изделий (амфоры, стеклянная посуда, различные украшения, предметы вооружения и т. д.), многие из которых тут же внедрялись в производство местными ремесленниками, чутко реагирующими на все изменения в материальной культуре Причерноморья. Амфоры и кувшины, фибулы-застежки и щиты, пряжки и перстни - все это, попав сюда из-за моря,

306

тут же перенималось, перерабатывалось, давая самобытные, только для этой территории характерные варианты. Во второй половине IV - начале V вв. вдоль перевального пути возникает несколько крепостей, среди которых особое место занимал Цибилиум - гл. крепость Апсилии, расположенная на двух утесах, обращенных стометровыми обрывами к ущелью крупнейшей реки Абхазии - Кодору. Ее монументально построенные из крупных известковых блоков стены и башни, с высеченными на них греческими буквами арки и амбразуры, кирпичные своды - все говорит о теснейших связях с позднеримской и ранневизантийской архитектурой. Появление таких крепостей на территории Апсилии и соседней Лазики должно рассматриваться как результат стремлений империи организовать оборону подступов со стороны Северного Кавказа к ее малоазийским провинциям и в первую очередь к Константинополю.

В отношении социальной структуры своего общества апсилы были еще достаточно консервативны - у них сохранялись основные черты родового строя [21, 98-104]. Каждый из населенных пунктов Апсилии объединял большое число (до нескольких сот) людей, находившихся между собой в различной степени родства. В окрестностях Цебельды такие поселения приобретали городской облик, в то время как родовая организация вступила уже в период распада. На местных могильниках хорошо видно, что общие участки, принадлежащие большим патриархальным семьям апсильев, уже прочно поделены между малыми семьями. Но в погребениях такого могильника еще нет заметных следов имущественной дифференциации: вероятно, все семьи, обитавшие на поселении, были равноправны. Только между самими родовыми поселениями могла углубляться разница в экономическом положении. Это видно из того, что чем ближе поселения к морю и к трассе торгового пути, тем они значительнее и богаче. Интересно, что если для абсолютного большинства апсильевских общин был характерен обычай класть в женскую могилу орудия труда - мотыгу, веретено (от которого сохранялось глиняное пряслице), то в одном женском захоронении у крепости на горе Шапка таких изделий не найдено. Зато женщины этого поселения, судя по обилию украшений, в большей степени уделяли внимание своей внешности. Это различие в погребальных обычаях может отражать определенную специализацию родов в рамках единого племени. В то время, как население большинства периферийных поселений Апсилии занималось непосредственно производством средств существования, один род (главный?) менее других участвовал в производительном труде, играя зато более важную роль в военных делах племени и получая взамен часть излишков, скапливавшихся у соседей.

Апсилы, как и другие восточнопричерноморские племена, были язычниками и потусторонний мир воспринимали достаточно конкретно. Они считали, что умершие вновь возрождаются и заняты в загробном мире тем же, чем и при жизни: мужчины сражаются, женщины украшают себя, обрабаты-

307

вают землю, хозяйничают. С благой целью облегчить покойникам первые шаги «на том свете» родственники ставили в могилу сосуды с питьем и пищей, оставляли там одежду, украшения, оружие как принадлежащие покойнику при жизни, так и пожертвованные ему во время похорон. В одной из могил найдена золотая заупокойная пластинка-амулет,

покрытая рядами знаков магического значения, среди которых греческими буквами переданы слова: «Иао», «Адонай», «Саваоф», «Сет», и «Ра» (чтение Ю. Г. Виноградова). Иао Яхве в позднеантичную эпоху был главным богом гностицизма, Адонай - его второе имя, Саваоф - греческое искажение древнееврейского «Яхве Цваот», что означает «бог воинства (небесного)», Сет и Ра - имена древнеегипетских божеств. В центре лицевой пластинки обращает на себя внимание магический знак в виде ряда - видных букв, перечеркнутых линией. Этот знак связан с астральным культом. Наборы гласных букв, магические знаки и имена древних божеств по представлениям позднеантичного времени усиливали действенную силу амулетов. Как видно, эти модные амулеты «восточного» происхождения получили распространение и в Ассирии. Для выводов о социальном строе ассирийцев особенно важно, что каждый мужчина рассматривался ими в первую очередь как воин. Два метательных копья, топор или меч, щит, лук и стрелы, иногда боевой конь - вот основной набор признаков местных мужских захоронений, указывающих на то, что ассирийцы в рассматриваемый период находились все еще на уровне «военной демократии».

3. СЛАВНОЕ ПЛЕМЯ АБАСГОВ

Племя абасгов появляется на исторической арене во II в. Вот что о нем говорит Флавий Арриан: «С ассирийцами граничат абасги; у абасгов царь Ресмаг; этот тоже получил свою власть от тебя (*от Адриана - Ю. В.*). Рядом с абасгами саниги, в земле которых лежит Себастополь» [47, 396]. Описывая затем побережье за Пителингом (современная Пицунда) и Нитикой (современная Гагра), Флавий Арриан упоминает реку Абаск [47, 397], которую исследователи сопоставляют с современными реками Псоу или (скорее) Хашупсе. Поскольку название этой реки нельзя воспринимать отдельно от самих абасгов, то можно думать, что уже во II в. они занимали обширную территорию между современными Сухуми и Гантиади. Можно полагать также, что абасги (как и ассирийцы за полстолетие до того) выделились из крупного многоплеменного гениохийского объединения соанов-санигов, на рубеже новой эры занимавших всю Северную Колхиду. И хотя Флавий Арриан был уже хорошо осведомлен об этом, он все еще продолжал связывать Себастополь с территорией Санигии. Любопытно, что такое представление существовало и в VI в. - Прокопий Кесарийский отмечал, что приморской частью страны санигов «издревле владели римляне. Для их (*т. е. санигов - Ю. В.*) устра-

308

нения они выстроили два приморских укрепления, Себастополь и Пителин» [72, 383]. Во II—V вв. абасги неоднократно встречаются в трудах древних авторов. Элий Геродиан упоминает абасгский народ в Скифии [47, 487]. Псевдо-Орфей (IV в.) в своем произведении «Поход аргонавтов» называет «славные племена колхов, гениохов и абасгов» [47, 593]. В последнем случае абасги выступают в числе народов, действительно широко известных в античном мире. Они фигурируют и в «Мученичестве святого Орентия», написанном в IV в. и повествующем о событиях рубежа III—IV вв., когда император Диоклетиан (284-305) будто бы инструктировал правителя абасгов Ригвадина в отношении высланных в Пителин христиан. Упоминает абасгов и Феодорит, епископ Кирский (390-457), в своей «Речи IX о законах», в которой говорит об обычаях народов, находившихся в тот период под властью Рима: «Многие, даже приняв узду рабства, не могут жить по законам своих поработителей. Ведь ни пограничные с египетскими Фивами эфиопы, ни многочисленные племена измаильские, ни лазы, ни санны, ни абасги, ни прочие варвары, подчинившиеся господству римлян, не заключают друг с другом договоров по римским законам» [47, 625].

Имеющиеся источники недвусмысленно говорят о том, что Абасгия во II—V вв. находилась в сфере политического влияния Рима. В конце II в. почти в центре

Абасгии, на месте греческого Питиунта была построена мощная римская крепость, в которой размещался не только значительный гарнизон, но и, по-видимому, центральное командование целой группы гарнизонов, расквартированных в Северной Колхиде. В середине III в. Питиунт, а следовательно, и близлежащие поселения абасгов подверглись опустошительному нашествию готов. Однако в начале IV в. Питиунт не только встал из развалин, но там было построено значительное число новых башен и других сооружений. Во второй половине IV - начале V в. появились достаточно мощные укрепления в Гагре и в Новом Афоне (Трахея), сооруженные византийцами или при их непосредственном участии.

Достаточно широко распространено мнение, что Абасгия, как и соседняя Апсилия, в конце IV-V вв. входила в состав Лазского царства. При этом обычно ссылаются на Прокопия Кесарийского, в VI в. писавшего, что абасги «издревле были подданными лазов» [72, 382], и на этом основании даже римские крепости Питиунт и Севастополь иногда рассматриваются как города лазов. Но судя по обстановке того времени, а также по подробным свидетельствам источников VI в., зависимость Абасгии, Апсилии (и других мелких политических образований Колхиды) от Лазики могла быть скорее номинальной, в виде временных союзнических отношений, выгодных обеим сторонам. О том, что в V в. абасги и лазы независимо друг от друга подчинялись Византии, говорит и приведенная выше цитата из труда Феодорита Кирского. В IV в. большое число абасгов стало уходить на службу в римскую армию, в которой на рубеже IV-V вв. складываются даже целые

309

воинские подразделения абасгов (*Ala prima abasgorum*), хотя и не исключено, что в последнем случае это название было присвоено римской когорте особо отличившейся на территории Абасгии. Об облике же материальной культуры Абасгии II—V вв. говорит пока довольно ограниченное число фактов.

Исходя из картографирования известных сегодня памятников позднеантичного времени на территории Центральной Абхазии, можно предположить, что в ближайших окрестностях Севастополя в тот период совершенно отсутствовало население. Зато достаточно густо были заселены горные долины в глубине ущелий рек Гумисты, Келасуры, Мачары. Граница между апсилами и абасгами, судя по данным археологии, проходила в горах по реке Келасури. Поселения же абасгов обнаружены автором в ущелье Гумисты (Каманы, Отсюш) и в ряде пунктов Бзыбской Абхазии, что в общих чертах совпадает с указаниями античных источников.

Наибольшей известностью пользуются руины крепости Трахеи на вершине Иверской горы в Новом Афоне [78, 90-96]. Основные конструктивные особенности свидетельствуют о том, что ее построили либо византийцы, либо местные, абасгские мастера, прошедшие необходимую подготовку. Крепость занимает исключительно важное в стратегическом отношении положение. Она расположена в месте, где непроходимые горы подходят вплотную к морю, оставляя лишь небольшую прибрежную полосу, по которой могут проходить значительные отряды воинов. Анакопийская гора - не только прекрасный пункт для наблюдения за передвижением неприятельских кораблей. Она имела зрительную связь с Апсилией и Севастополем через их передовые рубежи и, вполне возможно, посредством системы небольших сторожевых постов также с Питиунтом. Это показывает роль Трахеи для Абасгии и византийцев.

Значительное число укрепленных и неукрепленных поселений этого и несколько более позднего времени известно в ущелье Гумисты [15, 53-56]. На поселении Каман-I где кроме абасгской найдено несколько обломков и апсильской посуды, сохранились развалины башни, сложенной из крупных гладкообработанных блоков. Судя по находкам в башне и вблизи нее, местное население широко пользовалось кроме местных глиняных сосудов привозными амфорами и стеклянной посудой. Через этот пункт проходит древний

путь, начинающийся на берегах Сухумской бухты, а затем через перевалы Доу, урочище Псху и Санчарский перевал, выводящий на Северный Кавказ. Исходя из имеющихся еще пока скудных данных, можно полагать, что на территории Абасгии отсутствовали такие значительные поселения, крепости и могильные поля, какие характеризовали Апсилию. Родовые поселки абасгов представляются небольшими, как правило, неукрепленными, типично сельскими. Число их к концу периода, однако, заметно возрастает. Небольшое число находок характеризует и могилы абасгов. Известно погребение (село Ачандара), в котором обнаружены кувшин, железные на-

310

конечники копий и дротиков, нож, точильный камень, серебряный браслет и ажурная бляха, скорее всего от римской сумки. Нередки находки боевых топоров и мечей, фибул причерноморских форм, римских монет.

Несколько лет назад в селе Аацы (Гудаутский район) была найдена халцедоновая гемма, на лицевой стороне которой выбито изображение Зевса-Сераписа на троне и с орлом на руке, а на обороте - надпись греческими буквами: «Иао Сабаоф Адонай Мармааноф». О значении первых трех слов говорилось выше при упоминании золотой пластинки с надписью из Цебельды, последние два слова - искаженные арамейские «господин господств». Подобные геммы были широко распространены во многих районах позднеантичного культурного мира, где греки и эллинизированные аборигены были падки на магические амулеты «восточного» происхождения.

4. В ЗЕМЛЕ САНИГОВ

В III-II вв. до н. э. в окрестностях Диоскуриадц под эгидой соанов скла-дывается довольно мощное объединение племен из числа гениохов, в предантичный период занимавших все Западное Закавказье [36, 19]. Интересные сведения о соанах сохранил Страбон, который утверждал, что они, «пожалуй, даже первые (из местных народов) по силе и могуществу. По крайней мере они господствуют над окрестными (народами), занимая вершины Кавказа, те, что над Диоскуриадой. У них есть царь и совет из трехсот мужей, а войско они набирают, как говорят, даже в двести тысяч, ибо все население отличается воинственностью (даже) не (будучи) в строю. Рассказывают еще, что у них потоки сносят золото и что варвары собирают его при помощи просверленных корыт и косматых шкур. Отсюда-то и сложилась, говорят, басня о золотом руне... Соаны употребляют яды для наконечников (и еще какие-то снадобья, которые) удивительно мучают своим запахом даже раненных неотравленными стрелами» [47, 276]. Говоря об этническом окружении Диоскуриады, Страбон сообщает: «Эта же самая Диоскуриада служит... и общим торговым центром для народов, живущих выше ее и вблизи. Сюда сходятся, говорят, семьдесят народностей, а по словам других писателей, несколько не заботящихся об истине, даже триста; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно, не вступая между собою в сношения вследствие самолюбия и дикости...» [47, 274].

Несколько близких по звучанию к соанам племенных названий приводит в своей «Естественной истории» Плиний Секунд. Так, он сообщает: «В Колхиде царствовал Этов потомок Савлак, который добыл... огромное количество золота и серебра в земле племени суанов и вообще в своем государстве, славном золотыми рудами» [47, 883]. Явно географическое, а не политическое значение названия «Колхида» и связанный с ним мифологический налет, факт скопления находок монет Савлака (II в. до н. э.) в окре-

311

стностях Диоскуриады, где располагались соаны Страбона с их золотоносными реками, - все это позволяет думать, что Савлак был в первую очередь племенным вождем соанов-суанов. Далее Плиний упоминает племя саннов, живших по соседству с фтирофагами-шишкоедами, локализуемыми обычно в окрестностях современной Пицунды. Затем он пишет, что река Хоб (современный Ингур) протекает через область суанов [47, 858]. Не исключено, что и соаны, и санны, и суаны в приложении к северо-западной Колхиде являются вариантами одного и того же местного названия племени, широко известного позже как саниги. Их, кстати, упоминает Плиний в окрестностях Себастополя к северо-западу от апсиллов. Вероятно, соанов имел в виду и Мемнон [47, 361], когда писал, что ставленник Митридата Клеохор в 70-х годах I в. до н. э. бежал из Синопы к «лазам и санигам», т. е. скорее всего в Диоскуриаду, бывшую одним из оплотов Митридата. К западу от Дарьяльского прохода Плиний помещает суавов - «племена, незнакомые с культурой, однако умеющие добывать золото в рудниках» [47, 867], рядом с которыми располагает множество гениохийских племен, занимающих все пространство до берегов Черного моря. Поскольку суавы помещены Плинием в том же районе, где в VI веке византийские источники помещают сванов, можно полагать, что суавы и сваны - одно и то же. Клавдий Птолемей (II в.) рядом с гениогами локализует крупное племенное объединение сванно-колхов [47, 476], в которых, скорее всего следует видеть предков современных сванов и мегрелов, заселявших в это время центральные и восточные районы Колхиды.

Объединение соанов, по-видимому, не носило прочного характера - уже в третьей четверти I в. наметился его распад на отдельные племена, среди которых первыми в поле зрения античных авторов попадают апсиллы. В первой половине II в. к западу от апсиллов дифференцируются абасги. Название соанов, сохраненное в форме саники или саниги, в этот период по традиции еще связывалось с населением окрестностей Диоскуриады-Себастополя, но реально уже обозначало только жителей современных Сочинского, Адлерского и частично Гагрского районов. Об этом свидетельствует сопоставление сообщений Флавия Арриана и Псевдо-Арриана. Первый из них о санигах во II в. писал: «Рядом с абасгами - саниги, в земле которых лежит Себастополь; царь санигов Спатаг получил царство от тебя (*императора Адриана - Ю. В.*)» [47, 396]. Западную границу санигов Арриан проводил по реке Ахеунт (современная река Аше, западнее Сочи). Псевдо-Арриан в V в., приведя те же сведения, затем дополнил их следующим очень важным замечанием: «Итак, от реки Ахеунта до реки Абаска живут саниги» [47, 663]. В том же веке Стефан Византийский упомянул санников как некое «скифское племя, живущее в соседстве с абасгами». На территории собственно Санигии Арриан указывает ряд географических пунктов, которые с помощью поправок Псевдо-Арриана могут быть связаны с современными названиями. Как указывалось, под Абаском вероятно,

312

подразумевается современная река Псоу или, скорее, Хашупсе. Находившуюся западнее реку Боргис (иначе Брухонт Мизиг) логичнее всего сопоставить с современной Мзымтой, а реку Масаитику - с Мацестой. Очертив границы позднеантичной Санигии, мы можем теперь с достаточным основанием говорить об облике материальной культуры и о некоторых других сторонах жизни ее населения.

В 1960 г. при строительстве санатория в поселке Лоо, к западу от Сочи, было найдено очень богатое захоронение в каменной гробнице. При погребенной оказалось несколько серебряных сосудов, свыше двухсот золотых пуговок, нашивок, бусин, подвесок, золотые серьги, футляр для иголки, флакон для благовоний, перстень. Здесь же обнаружили стеклянный сосуд с греческой поминальной надписью, изготовленный в Александрии Египетской, и серебряную застежку-фибулу (подобные были распространены на рассматриваемой территории в III в.) [17, 73-75]. Большинство золотых изделий из этого

погребения находят соответствия в продукции боспорских мастерских начала нашей эры, представлявшей особую смесь античных и сарматских форм, а также в ряде изделий римско-парфянского круга, обнаруженных на территории Колхиды (Клдеети, Гонио и др.). Не исключено, что часть находок из Лоо происходит из римских центров Восточного и Южного Причерноморья, в середине III в. подвергшихся опустошительным набегам готов, к которым могли присоединиться и жители Санигии, имевшие глубокую, восходящую к гениохам традицию морского разбоя.

Весьма интересно и погребение воина, обнаруженное в 1961 г. в Мацесте [84]. Воину положили железный меч, глиняный кувшин, стеклянный сосуд, великолепный серебряный кубок с рельефными изображениями, три серебряные монеты, отчеканенные в Кесарии Каппадокийской в период правления императора Траяна, и другие изделия. Погребение, исходя из формы меча и фибулы, датируется III в. В 1942 г. на Красной Поляне при рытье окопа обнаружили также захоронение воина, а при нем - железный меч, три наконечника копий, боевой железный топор, истлевший деревянный щит, снабженный по римскому обычаю бронзовой позолоченной центральной частью - умбоном, серебряное блюдо с изображением персидского вельможи, охотящегося на медведей, три серебряные монеты, из которых одна была с именем императора Адриана. Блюдо из захоронения в Красной Поляне относится к наиболее ранним памятникам сасанидского искусства. В однострочной надписи, сохранившейся на внешней стороне блюда, говорится о том, что первоначально это блюдо принадлежало Варахрану, царю Кермана и, следовательно, изготовлено в 262-274 гг. Время же краснополянского захоронения - не ранее IV в. Эти и другие материалы свидетельствуют о широких экономических и культурных связях населения Санигии главным образом с Римом и Боспором. Поступлению импортных изделий в Санигию способствовал старинный перевальный путь, шедший от побережья через Воронцовку в обход

313

теснины Ахцу на Красную Поляну и дальше на Северный Кавказ. В Красной Поляне найден и глиняный кувшин, относящийся к продукции апсильской мастерской IV в., который указывает на реальные связи санигов с апсилами. В IV в. на территории Санигии византийцы строят ряд укреплений (Мохора, Бага), способствовавших усилению контактов местного населения с античным миром.

5. «ПОНТИЙСКИЙ ЛИМЕС»

I-V века - это то время, когда, по словам Прокопия Кесарийского, «легионы римских войск занимали все местечки по побережью от Трапезунта до страны сагинов» [72, 383-384]. Руины древних стен в накоплениях берегов, тысячи черепков посуды на пляжах, ржавые мечи в витринах музеев, скудные строки из десятки раз переписанных манускриптов остались потомкам на память о былой концентрации разума, сил и средств, вложенных в Кавказское побережье Черного моря Римом и Византией. В своем стремлении защитить малоазийские районы империи, а затем ее столицу от постоянно вторгавшихся через Колхиду врагов античная цивилизация затратила огромные материальные и духовные усилия на укрепление этих отдаленнейших уголков Понта. Захватив сначала чужую территорию - ограниченные площади приморских крепостей-кастеллов - империя вскоре проникла во все сферы жизни местных племен, приспособившая и наращивая их скудные возможности на выполнение стратегических задач, возложенных на «Понтийский лимес». Под лимесом, как известно, подразумевается организация обороны римских имперских границ, которая включала в себя сторожевую службу специальных воинских подразделений, а также строительство различных

фортификационных сооружений и коммуникаций (дорог). «Понтийский лимес» как часть организованной обороны восточных границ Римской империи был впервые выделен В. А. Леквинадзе [56].

Римские гарнизоны в Колхиде появляются сразу же после размещения императором Веспасианом (69-79) в одной из северо-восточных провинций империи в Малой Азии - Каппадокии - двух легионов - «XII Фульмината» и «XVI Флавиа», а со времени Адриана еще одного - «XV Аполинарис», инженеры и рабочие отряды которых сразу же были посланы в Колхиду. В I-III вв. римские гарнизоны приморских крепостей Колхиды находились в подчинении малоазийских сил империи; главное командование этих сил располагалось в городе Кесарии Каппадокийской. Позднее (IV-V вв.) гарнизоны стали подчиняться дуку Армении. Его власть распространялась на пограничные войска того района, который совпадал в своих границах с прежней, к этому времени упраздненной провинцией Каппадокией. В конце V- начале VI в., когда там организуется провинция Полемоновский Понт, ей в подчинение передаются колхидские укрепления византийцев.

314

К югу от современного Батуми, в селе Гонио, находится один из редчайших неразрушенных памятников римской крепостной архитектуры - крепость Апсар [50]. Упоминание о ней впервые мы находим у Плиния Секунда [47, 856]. Известно даже имя одного из первых начальников местного гарнизона - Марсий Плеторий Целер. В Ноле (Италия) найдена его надгробная плита с надписью, в которой говорится, что умерший командовал отрядами в Апсаре. В момент посещения Апсара Флавием Аррианом здесь находился мощный гарнизон, насчитывавший от тысячи до двух с половиной тысяч легионеров [47, 393].

Крепость Апсар имеет прямоугольную в плане форму, что характерно для большинства римских укреплений. Ее размеры 194x245 м, а площадь внутри стен охватывает около пяти га. Стены укреплены восемнадцатью башнями различной конструкции. В крепость ведут четыре входа в соответствии с двумя взаимно пересекающимися главными улицами. Возле ворот в специальных утолщениях с внутренней стороны стен устроены лестницы. По ним легионеры поднимались на боевую платформу, венчающую стены. Последние сложены панцирной кладкой из прекрасно отесанных плит. Боевая платформа защищена высокими зубцами. В конструкциях стен, ворот и башен можно найти немало соответствий с римскими укреплениями Северной Африки, Сирии, Аравии и Балкан. Из всех крепостей «Понтийского лимеса» Апсар ближе всех расположен к непосредственным границам Римской империи. Он контролировал исключительно важный узел дорог со множеством ответвлений. Недаром в одном из источников Апсар прямо обозначен как «проход».

В 60-х годах III в. в связи с нападением северо-причерноморских готов римский гарнизон на некоторое время покинул Апсар. Стены крепости подверглись сильному разрушению. «На востоке... все было безвластно и беспомощно», - писал в этой связи римский историк Зосим [47, 709]. В конце III—IV вв. в Апсаре были проведены значительные восстановительные работы, стены, прежде имевшие ширину до 2,3-3,1 м, получили надстройку толщиной 1,6 м, входы в башни были сужены. Видимо, эти работы завершили в период правления императора Валента (364-375), после чего Апсар временно переименовали в Валентию [52, 10]. В VI в. Апсар переживал упадок. Прокопий Кесарийский по этому поводу писал: «В древности этот город был многолюдным, его окружала могучая стена, украшен он был театром и гипподромом и всем остальным, что обычно указывает на обширность и значение города. Теперь же от всего этого не осталось ничего, если не считать фундаментов зданий» [72, 378].

В результате кратковременных раскопок, проводившихся в 1961 г. под руководством Д. Хахутайшвили, внутри стен Апсара обнаружены фундаменты жилых построек, колоннада,

остатки водопровода; многочисленные обломки глиняной посуды и черепицы I—VII вв. Очень интересен клад золотых изделий, найденный в 1974 г. вблизи крепости [67]. В числе более чем

315

трех десятков предметов массивная чаша, чеканные фалар с изображением дерущихся зверей, медальон, браслеты, подвески и, наконец, литая скульптура юноши. Все это - замечательные образчики позднеантичного искусства. Они, вероятно, были зарыты кем-то из жителей Апсара при нападении на крепость готов в середине III в.

Примерно в двадцати пяти километрах к северу от Апсара вблизи развалин ранневизантийской крепости Петры (поселок Цихисдзири) найден римский кирпич со штампом, в котором упоминаются строительные отряды двух легионов - «XII Фульмината» и «XV Аполинарис». Не исключено поэтому, что во II-III вв. в этом районе было построено ныне неизвестное римское укрепление, служившее форпостом на подступах к Апсару [56, 87].

Отсюда до устья реки Фасис и одноименной крепости около сорока пяти километров. Впервые римскую крепость в Фасисе упоминает Флавий Арриан, который оставил нам ее весьма подробное описание «Отсюда мы, - писал полководец после посещения Апсара, - приплыли к Фасису... из всех известных мне рек имеющему самую легкую воду и притом необыкновенного цвета. В легкости ее можно убедиться посредством взвешивания, а еще из того факта, что она плавает поверх морской воды, не смешиваясь с ней... Можно было, погрузив сосуд в верхний слой воды, зачерпнуть пресной, а если опускали сосуд в глубину, то соленой. Впрочем, весь Понт имеет воду более пресную, чем внешнее море, и причиной того являются впадающие в него реки, неизмеримые по численности и величине. Доказательством ее пресного вкуса... служит то обстоятельство, что приморские жители водят весь свой скот на водопой к морю, и он пьет с очевидным удовольствием... При входе в Фасис на левом берегу стоит статуя фасианской богини: судя по внешнему виду, эта богиня - скорее всего Рея: в руках она держит кимвал, у подножия ее сидища находятся львы и сама она сидит так же, как фидиева Рея в Афинах в храме Матери. Здесь же показывают якорь корабля «Арго»: железный не показался мне древним, хотя по величине он и не похож на нынешние якоря и имеет несколько отличную форму... но здесь показывали старинные обломки какого-то другого, каменного якоря... Сама же крепость, где помещаются четыреста отборных воинов, мне показалась весьма сильной по природным свойствам местности и расположенной на месте, очень удобном для защиты плавающих здесь. Вокруг стены проведен двойной ров; оба они широки. Прежде стена была земляная и на ней стояли деревянные башни, но теперь и стена и башни построены из обожженного кирпича; она построена на прочном фундаменте, на ней поставлены военные машины, одним словом, она снабжена всем необходимым для того, чтобы никто из варваров не мог даже приблизиться к ней, не говоря уж о невозможности угрожать осадой находящемуся в ней гарнизону. А так как и сама гавань должна была представлять безопасное убежище судам, а также и все места, которые вне укрепления населены отставными военными и некоторыми торговыми людьми, то я решил от двой-

316

ного рва, окружающего стену, провести другой ров до самой реки, который окружит гавань и дома, стоящие вне стены» [47, 394-395]. В 1834 г. известный французский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере зарисовал здесь схему прямоугольной в плане (примерно 165x170 м) крепости с четырьмя башнями по углам. Несколько лет назад эта крепость была разрушена при строительстве.

В 60-х годах III в. Фасис был осажден готами, которые, по сообщению Зосима, «пристали

вблизи Фасиса, где, как говорят, было построено святилище фасианской Артемиды и дворец Ээта. Сделав безуспешную попытку взять святилище, они пошли прямо на Питиунт» [47, 708]. В конце III в., когда северопричерноморские племена во главе с Савроматом вновь вторглись в Колхиду, Фасис уже не упоминается. Судя по всему, римский гарнизон его покинул, как и многие другие крепости на побережье. В IV-V вв. о присутствии в Фасисе римско-византийского гарнизона в источниках также ничего не сказано. Однако он продолжает играть роль значительного торгового и культурного центра. Об этом свидетельствуют слова Фемистия, крупного государственного деятеля второй половины IV в. (в 384 г. он был, между прочим, префектом Константинополя); «Я и сам... снял жатву риторических речей в местности, гораздо более захолустной, чем эта, и не в культурной и эллинской, а на краю Понта вблизи Фасиса. Но все-таки столь варварскую и дикую страну сделали эллинской и чертогом муз мудрость и доблесть одного мужа, который поселившись среди колхов и армян, учил не стрелять из лука, не метать дротики и не ездить верхом сообразно с воспитательными нравами соседних варваров, а заниматься риторикой и отличаясь на эллинских праздничных собраниях» [47, 588]. В VI в. крепость в Фасисе снова стала функционировать.

Не исключено, что следующая укрепленная база римлян находилась в двадцати пяти километрах к северу от Фасиса, вблизи устья Ингура (древний Хоб). Флавий Арриан отмечает в своем «Перипле»: «...въехали мы в реку Хоб, где и стали на якорю. А почему мы остановились и что здесь сделали, это объяснит тебе латинское письмо» [47, 395]. К сожалению, письмо это не сохранилось, и мы можем лишь гадать, отдавал ли Арриан здесь распоряжения о строительстве крепости или занимался выяснением возможностей добычи золота.

В тридцати километрах к северу-западу от Хоба Флавий Арриан упоминает «судоходную реку Сингам» [47, 395]. Во второй половине II в. здесь уже появился населенный пункт, который Клавдий Птолемей называет «Сиганей» [47, 477]. На рубеже III—IV вв. тут, в Зиганисе, был похоронен Кириакиос, сосланный вместе со своими братьями в Абхазию императором Диоклетианом за приверженность к христианству [53, 190]. На рубеже IV-V вв. в Зиганисе стояла «Вторая когорта Валента», т. е. отряд, насчитывавший примерно четыреста легионеров [52, 10].

В 1969-1971 гг. на территории современного села Гудава под руковод-

317

ством П. П. Закарая и В. А. Леквинадзе на месте предполагаемого Зиганиса проводились археологические раскопки, в результате которых была вскрыта восточная стена прямоугольной в плане (примерно 120x120 м) крепости [32]. Стена, возведенная на насыпном валу, сложена из крупного глыбистого известкового раствора. В целом это сооружение производит впечатление менее монументального, чем все известные римские крепости Восточного Причерноморья, что объясняется, вероятно, присутствием вокруг его сплошных заболоченных пространств, создавших дополнительный естественный рубеж. В крепости найдено большое число керамических изделий, стеклянная посуда, медные монеты, чеканившиеся в период правления императора Константина (306-337) и Лициния (307-323).

В селе Илори, расположенном в десяти километрах севернее Гудава, та же экспедиция обнаружила древние кирпичные стены и сопутствующие материалы IV-V вв. Можно полагать, что и здесь в тот период находилось небольшое позднеимперское укрепление, служившее лишь форпостом на подступах к Зиганису с севера и не нашедшее поэтому упоминания в древних письменных источниках [32, 152].

На северо-западной окраине современного районного центра Очамчира вблизи устья реки Моквы, упоминаемой Флавием Аррианом под названием Гарсура, в верхних слоях античного города Гиенос еще в 30-х годах В. А. Куфтиным, М. М. Иващенко и Л. Н.

Соловьевым обнаружены керамические изделия и другие материалы позднеимперского времени. Особенно интересны круглые кирпичи, свидетельствующие о том, что в IV-V вв. в Гиеносе находилась римская баня с гипocaustической системой отопления [18]. Рядом недавно выявлены остатки мощной булыжниковой стены, также, вероятно, относящейся к римской крепости. Через Гиенос осуществлялись тесные торгово-экономические контакты с апсилами, материальная культура которых хорошо здесь представлена керамическими изделиями.

Если от Илори до Гиеноса всего десять километров, то от последнего пункта до Себастополя - древнейшего римского укрепления в Северной Колхиде, о котором впервые упоминает Плиний Секунд в 70-х годах I в., - сорок пять [47, 858]. Себастополь был конечным пунктом плавания Флавия Арриана, который по этому поводу сообщал: «Миновав Астлеф (*Кодор?* - Ю. В.), мы раньше полудня прибыли в Себастополь, двинувшись, от Хоба... Поэтому мы в тот же день успели выдать жалованье солдатам, осмотреть коней, оружие, прыганье всадников на коней, больных, хлебные запасы, обойти стену и ров» [47, 395-396]. О пребывании Флавия Арриана в Себастополе говорит также надпись на камне, найденном в конце прошлого века В. И. Чернявским в районе Сухумской крепости. В сильно поврежденной временем надписи шла речь о какой-то строительной деятельности Флавия Арриана в Себастополе.

В последующие века крепость многократно упоминается в источниках. О ней писали Ипполит Портский (III в.), Евсевий (IV в.), Стефан Византий-

318

кий (V в.). На рубеже IV-V вв., как сообщается в одном из римских документов, известном под названием «Нотация дигнитатум», на этом месте стояла Первая Конная когорта Клавдия [56, 84]. Византийский гарнизон в Севастополе находился до 542 г.

В 1958-1959 гг. сохранившаяся под асфальтом Сухумской набережной часть Себастополя исследовалась несколькими экспедициями, которые возглавляли А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, В. А. Левинадзе, М. М. Трапш, Л. Н. Соловьев и Л. А. Шервашидзе. В ходе этих раскопок были выявлены стены трех крепостей [76; 86]. Древнейшая, имевшая в плане форму параллелограмма со сторонами примерно в сто метров занимала площадь около гектара, что соответствует размерам римских нумериальных крепостей, рассчитанных на гарнизон в двести-триста солдат. От этого укрепления сохранились полностью северная стена и лишь частично западная и восточная. Углы крепости имели закругления, что спасало их от разрушения тараном. Остальная часть крепости теперь разрушена морем. Не исключено, что это именно те стены, которые когда-то обошел Флавий Арриан.

После пожара и краткого запустения, вызванного во второй половине III в. нашествием готов, первая крепость обросла башнями и контрфорсами, а рядом построили вторую прямоугольную крепость со стороной сто сорок метров. Ее стены толщиной до двух метров сложены из грубообработанных гранитных валунов на прочном известковом растворе. В кладке стен отмечены трехслойные кирпичные пояса. Фундамент покоится на деревянных сваях, укреплявших болотистый грунт. Сохранилось две башни: одна - в средней части стены, а другая угловая, на которой теперь находится ресторан «Диоскурия». Поскольку обе они выступают в сторону моря, а культурные накопления с колодезем, фундаментами жилых домов, печью для обжига глиняных изделий, обнаружены к северу от нее, можно надеяться, что вторая крепость Себастополя морем еще не разрушена и целиком находится под более поздней Сухумской крепостью. Размеры этой второй крепости вполне соответствуют численности когорты - около пятисот легионеров.

Уже во II в. римляне с целью охраны подступов к Себастополю построили на одном из холмов в двух километрах северо-западнее еще одно укрепление. Сохранились здесь

остатки стены и одной связанной с нею прямоугольной башни. Башня Одынец - под таким названием известен этот памятник теперь в литературе. Здесь вплоть до VI в. почти без перерывов стоял гарнизон. Тарная, столовая и кухонная посуда, светильники, стеклянные бокалы, монеты - далеко не полный перечень изделий, которыми пользовались жившие здесь солдаты [76, 313-315].

Питиунт - наиболее хорошо изученная сегодня римская крепость в Восточном Причерноморье. Она расположена в пятидесяти восьми километрах к северо-западу от Себастополя. Флавий Арриан упоминает здесь лишь стоянку. Впервые Питиунт как римская крепость описывается в «Новой истории» Зосима в связи с событиями второй половины III в. В 252 г.,

319

когда и другие северопричерноморские племена «стали опустошать все, что было на пути, жители побережья Понта удалились в глубь страны и в лучшие укрепления, а варвары прежде всего напали на Питиунт, окруженный огромной стеной и имевший весьма удобную гавань. Когда Сукссиан, стоявший во главе местного гарнизона, выступил с бывшими там силами и прогнал варваров, то скифы (*готы - Ю. В.*), опасаясь, чтобы гарнизоны других укреплений, узнав об этом и соединившись с Питиунтским отрядом, не уничтожили их окончательно, захватили какие могли суда и с величайшей опасностью удалились домой, потеряв под Питиунтом многих из своих. Жители побережья Эвксинского Понта, спасенные... искусными действиями Сукссиана, надеялись, что скифы, отбитые указанным способом, никогда больше не осмелятся переправиться. Но когда Валериан (*римский император, правивший в 253—260 гг. - Ю. В.*) отозвал Сукссиана, дал ему должность при дворе и вместе с ним занялся делами Антиохии и ее заселением, скифы снова взяли у боспорцев суда и переправились в Азию (*и после неудачной попытки взять штурмом Фасис. - Ю. В.*) ...они пошли прямо на Питиунт. Без малейшего затруднения взяв это укрепление и вырезав бывший в нем гарнизон, они двинулись дальше...» [47, 708]. Позднее Питиунт упоминается епископом Феодоритом Кирским в связи с описанием злоключений Иоанна Златоуста, умершего в 407 г. по пути в Питиунт, куда он был сослан. В этот период, по словам епископа, Питиунт представлял собой «крайний предел Понта и римской власти, соседний с самыми дикими варварами» [47, 622]. В первой четверти IV в. в Питиунте основывается древнейшая в Восточном Причерноморье епископская кафедра - имя епископа питиунтского Стратофила упоминается в числе участников Никейского собора 325 г. На рубеже IV-V вв. в Питиунте была расквартирована Первая Счастливая когорта Феодосия, состоявшая из пятисот легионеров [56, 85]. Римско-византийский гарнизон покинул Питиунт лишь в 40-х годах VI в.

Свыше двадцати пяти лет в Питиунте ведутся раскопки. С 1952 до 1974 г. ими руководил А. М. Апакидзе, затем Г. А. Лордкипанидзе. Здесь выявлено большое число памятников, представляющих яркую картину жизни гарнизона крепости на протяжении нескольких сот лет [11; 12], Первоначально здесь возвели кастелл - укрепление прямоугольной в плане формы (140x170 м), занимавшее площадь до 2,4 га. В начале IV в. стены крепости, разрушенные готами, уже восстановили, укрепили большим числом башен, из которых угловые имели веерообразную в плане форму, характерную для архитектуры эпохи Константина I. Кроме того, с востока большое пространство было окружено стеной, образовавшей канабу - место, где жили отставные легионеры со своими семьями. Значительные строительные работы проводились здесь и в V в.

На территории основной крепости раскопано большое число разнообразных построек, среди которых особенно монументален преторий - здание, где размещалось, по-видимому, командование североколхидской группы римских

гарнизонов. Восточные ворота кастелла были, как и ворота Рима, с выступающими полукруглыми башнями [56, 86]. Четко вырисовывается картина готского нашествия - следы пожаров, спрятанные в тайниках вещи жителей Пителиунта, в том числе клад из пяти массивных золотых браслетов и перстня с геммой. Развалины бань, зданий, украшенных мозаикой, тысячи обломков керамических изделий, простой гончарной и краснолаковой столовой посуды, кухонной утвари, черепицы и кирпича, различные орудия труда, предметы одежды, многочисленные монеты, часто находимые в виде кладов, - все это свидетельствует о богатой событиями жизни гарнизона Пителиунта.

На территории канабы Пителиунта раскопан древнейший из известных в Восточном Причерноморье христианский храм. По мнению В. А. Леквинадзе, многогранная изнутри и снаружи апсида имела внутри выделенный промежуточными опорами обход, характерный для поминальных базилик IV в. [53]. Проводя раскопки этого храма, И. Н. Цицишвили выделил в его основании остатки меньшей, более древней церковной постройки начала IV в., которую он связывает с кафедралом Стратофила [12, 118]. Пол большого храма был украшен замечательной мозаикой, включавшей композиции с центральной пальмой - символом мученичества, с оленями по сторонам фонтана, символизировавшими христиан и христианское учение, разнообразные геометрические фигуры, наконец, греческую надпись «В молении за Оре... и его дом». Она, как полагают, имела отношение к старшему брату Кириака, похороненному в Зиганисе. Он жил в период правления императора Диоклетиана. Орентий, вероятно сириец по происхождению, был римским воином и убежденным христианином. Одолев в единоборстве вождя варваров, он обеспечил победу римлянам в одном весьма важном сражении. За отказ принести в честь этой победы жертву языческим богам Орентия сослали вместе с братьями в Пителиунт. По дороге туда из Армении, где он подвергся жестоким пыткам, Орентий умер. Его похоронили в Ризии - римском укреплении на пути от Трапезунта к Апсару [53, 190]. В двух километрах к северо-западу от Пителиунта, вблизи озера Инкит, обнаружены остатки оборонительной стены с пристроенной к ней круглой башней. Найденные в ней археологические материалы показали, что башня функционировала довольно большой период времени - от II до VI в. На одном из найденных здесь кирпичей виден штамп с отметкой легиона, вероятно связанного с рабочим отрядом одного из каппадокийских легионов, принимавших участие в строительстве оборонительных сооружений на территории и в окрестностях Пителиунта [56, 87]. Инкитская башня соответствует по своему положению Башне Одынец у Себастополя, что указывает на единый стратегический замысел во взаимном расположении кастелл и вспомогательных укреплений, защищавших подступы к первым с северо-запада.

Флавий Арриан [47, 397] упоминает в районе современной Гагры пункт Никита (Стеннитика - в сочинении V в.), который раньше назывался Триглитом. Здесь еще в 30-х годах нашего столетия Л. Н. Соловьевым

и И. Е. Адзинбой в основании русской крепости XIX в., отстоявшей на семнадцать километров от Пителиунта, обнаружены остатки позднеимперского кастелла размером 90x70 м. В средней части восточной стены и теперь сохранилась арка ворот, сложенная из крупных хорошо отесанных блоков. Время постройки кастелла относят к IV в. [56, 88]. В двадцати километрах северо-западнее Гагры, в поселке Гантиади (древнее название «Цандрипш»), на берегу моря вблизи известной базилики VI в. в 30-х годах Л. Н. Соловьев еще застал остатки огромной крепости с квадратными башнями, на территории которой находили краснолаковую посуду IV V вв. Не исключено, что здесь в тот период находился еще один из неизвестных пока узлов «Понтийского лимеса».

Приблизительно в семидесяти километрах от Питиунта, на западной окраине города Сочи, у устья реки Мамайки, расположены развалины крепости, в конце XIX столетия известной под названием «Мамай-Кале». Ее характеризуют типичные для римских кастеллов прямоугольный план и кладка стен из крупных блоков, а две башни сходны с угловыми в Апсаре. Не исключено, что это Мохора - позднеимперская крепость, упоминаемая на рубеже IV-V вв. в составе «Понтийского лимеса» [56, 88-89].

К северу от Мохоры Псевдо-Арриан в V в. говорил о крепости Бага, которую можно локализовать в поселке Чемитоквадже вблизи устья реки Годлик. Здесь сохранилось значительное укрепление треугольной в плане формы. Общая длина стен около семисот метров, а толщина до двух. Стены укреплены шестью огромными квадратными башнями. И, наконец, наиболее отдаленная от Центральной Колхиды крепость, также входившая, вероятно, в «Понтийский лимес» в IV-V вв., - сильно разрушенное укрепление на берегу моря в селе Ново-Михайловском (нынешний Туапсинский район Краснодарского края), где локализуется древняя Никопсия.

Таким образом, в Восточном Причерноморье в конце I - начале VI в. существовала сложная система прибрежных римских укреплений и корабельных стоянок. Если в середине I в., по словам древнееврейского историка Иосифа Флавия, мир на всем Черном море поддерживался с помощью трех тысяч тяжеловооруженных легионеров и сорока военных кораблей [47, 335], то с началом строительства «Понтийского лимеса» общая численность римских солдат стала резко увеличиваться, достигнув к моменту расцвета «лимеса» (IV - первая половина V в.) только в Восточном Причерноморье пяти-шести тысяч воинов, занимавших свыше полутора десятков крепостей на сравнительно небольшом участке побережья в четыреста километров. «Понтийский лимес» особенно в сочетании с возникшей в V-VI вв. внутренней предгорной (ущельной) линией крепостей на территории Абасгии (Трахея), Апсилии и Мисиминии (Цибилиум, Шапка, Тцахар, Бухлоон) и Лазики (Археополь, Родополь, Сарапанис, Сканда и др.) представлял собой на протяжении нескольких сот лет грандиозный оборонительный рубеж на путях вторжений со стороны Северного Кавказа и Восточного Закавказья к малоазийским провинциям империи и ее столице.

322

Из века в век сменяли друг друга на черноморских берегах Кавказа легионеры. Многие навсегда так и остались лежать в этой земле. Длинные вечера за игрой в кости, постоянное ожидание нападений, радостные встречи кораблей, привозивших с далекой родины вино в амфорах, различные побрякушки для солдатских жен, распоряжение о переходе на новые рубежи - этими и другими событиями была полна жизнь причерноморских гарнизонов. Крепли связи с соседними народами - лазами, апсилами, абасгами, санигами. Последние доставляли на рынки возле крепостей различные продукты, беря взамен ожерелья, пряжки, оружие и постепенно осваивая греческий язык. Они учились строить крепости, делать дамасскую сталь, женились, подобно своим вождям, на римлянках и отдавали замуж за легионеров своих женщин. Один за другим подходили к крупнейшим восточно-черноморским портам торговые корабли, купцы искали проводников, договаривались о безопасном проезде через перевалы на Северный Кавказ или в Восточное Закавказье. Империя, возведя ценой огромных средств и бесчисленного числа человеческих жизней «Понтийский лимес», невольно втягивала местное население в сферу влияния античного мира. Безопасность римских гарнизонов обеспечивалась не только путем наращивания живой силы и боевых средств. Империя была вынуждена способствовать формированию на подступах к «лимесу» более сложных и стойких политических и экономических организмов, ставших серьезными заслонами на путях иноземных вторжений. Тесный контакт с одной из самых развитых, ведущих держав того времени не проходил бесследно для экономического и социального развития Колхиды. Он мог способствовать

дальнейшему расслоению местного общества на классы. Но именно связь с империей и с ее военными интересами несла Колхиде особые опасности и тяготы.

323

ГЛАВА II. В ГУЩЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

В VI веке Колхида становится ареной персо-византийских войн. Основные сведения о причинах, ходе и результатах этой борьбы сосредоточены в трудах византийских историков Малалы, Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского и Менандра Протиктора. Разбор этих данных и степени их достоверности содержится в трудах С. Н. Джанашиа, Г. А. Меликишвили, Г. К. Гозалишвили, С. Г. Каухчишвили, Н. Ю. Ломоури, В. А. Леквинадзе,

З. В. Анчабадзе, М. М. Гунба, а также в двухтомном труде «Очерки истории Грузии». Во всех этих и других исследованиях отмечается исключительно важное значение основных положений и фактов, сохраненных древними историками, в частности в отношении локализации местных племен и народов, крепостей и дорог, в отношении различных событий политической истории Колхиды в это бурное время и т. д. Исследователи отмечают неполноту и определенную противоречивость этих источников в вопросах расселения местных племен, уровня их хозяйства и культуры, что вполне объяснимо - свои труды эти историки писали на основе военных донесений и рассказов византийских солдат, видевших эти места во время военных действий и большой опасности для местного населения. В целом значение этих источников трудно переоценить, поскольку это «наши основные и чуть ли не единственные источники для данного района» [68, 202]. Древнегрузинские авторы (главным образом Джуаншер) касаются истории Колхиды рассматриваемого времени лишь эпизодически, при описании событий царствования Вахтанга Горгасала в V в. н. э. и нашествия арабов в VIII в. н. э., причем помимо достоверных данных эти источники «включают массу явно легендарного материала» [68, 14]. В этой главе все имеющиеся источники цитируются с максимальной полнотой, попытка же отбора достоверных исторических фактов произведена в третьей, заключительной главе этой книги.

1. ЛАЗИКА ПЕРЕХОДИТ К ПЕРСАМ

Постоянная угроза нашествий кочевых народов, в первую очередь гуннов-эфталитов, привела к тому, что между 337 и 502 гг. Иран и Византия жили друг с другом в мире. Однако уже при императоре Анастасии и особенно Юстине I (518-527 гг.) угроза войны между ними стала ощущаться все явственнее. Соответственно, если раньше Иран и вмешивался в дела Лазики, но еще весьма опосредственно, главным образом, через картлийских правителей, то сразу после гибели Вахтанга Горгасала (502 г.) влияние персов усилилось не только в Картли, но и в Лазике, где в тот период персы присвоили себе издавна принадлежавшее римским, а затем византийским императорам право утверждать новых лазских правителей. Первым, по свидетельству византийского историка Малалы [46, 263-264], утвержденным

324

шахом Ирана правителем Лазики был некий Замнакс. Юстин воспользовался его кончиной в 522 г. для укрепления своих позиций в Колхиде. Он тайно вызвал сына Замнакса Цафия в Константинополь, где условием получения знаков царской власти и дальнейшей поддержки Византии поставил принятие Цафием христианства, а также в

соответствии с древней традицией предложил ему в жены дочь одного из знатных византийских сановников. Цафий принял все условия и был провозглашен царем лазов. Любопытно описание одежды молодого лазского правителя - «римская» корона и белая шелковая хламида - мантия, вместо порфиры - золотая «королевская» дощечка с изображением бюста императора, исполненным синей краской, вышитая белая туника, украшенная золотом и пухом, также с изображением императора Юстина; сапоги красного цвета, украшенные «по персидскому обычаю» жемчугами; расшитый жемчугами пояс. Цафий и его жена Валериана, которая вышла за него замуж по принуждению, после долгих уговоров, получили на прощание много ценных подарков и так отправились в Лазику [46, с. 264-265].

Юридически оформленное возвращение Лазики в сферу преимущественного византийского влияния вызвало серьезную озабоченность у персов. Как раз в это время между шахом Ирана - Кавадом I (488-531) и Юстином начались переговоры о мире. Одной из важнейших причин разногласий между персами и византийцами на переговорах оказался вопрос о Лазике. Примечательно, что Кавад от своих представителей требовал не касаться Лазики, дабы не завести переговоры в тупик. И действительно, как только персы заявили о том, что византийцы «насильственно и без всякого на то права владеют Колхидою, которая ныне называется Лазикою и, которая издревле была подвластна персам» [73,132], византийские послы, выразив свой протест, сорвали переговоры. В том же, 523 г. картлийский царь Гурген, воспользовавшись недовольством населения, не пожелавшим перенимать иранский обычай погребения (персы бросали своих покойников в поле на съедение собакам и птицам), поднял восстание. Он обратился к императору Юстину за помощью. Юстин послал в Лазику полководца Петра, чтобы тот оказал Гургену содействие. Этого, однако, оказалось недостаточно. Гурген все-таки потерпел поражение и бежал в Лазику, а оттуда в Византию [73, 143-148]. Персы же вообще упразднили царскую власть в Картли, подчинив ее своим чиновникам. Усиление позиций Ирана в этом районе заставило Юстина ввести в Лазику регулярные части византийской армии и занять ключевые позиции, в том числе и пограничные с Иберией крепости Сарапанис и Сканда. По словам Прокопия Кесарийского, это было сделано по той причине, что сами «лазы отказались от охраны страны своей». На лазов была возложена обязанность снабжать гарнизоны продовольствием, однако вскоре они отказались и от этой службы. Теснимые нуждою и персами византийцы, нако-

325

нец, оставили Сканду и Сарапанис, которые тут же заняли гарнизоны персов [73, 149-150]. Это случилось в самом начале правления императора Юстиниана I (527-565), сменившего Юстина.

Не исключено, что крепости потеряли из-за неблагоприятного поведения упомянутого выше Петра. По словам Прокопия, этот полководец «был чрезвычайно жаден к деньгам и обходился со всеми весьма нагло» [74, 108]. Юстиниану пришлось отозвать Петра, а вместо него послать в Лазику других военачальников, среди которых особенно выделялся Иоанн Цив. Он, как сообщает Прокопий, «вышел в чины из самого низкого и неизвестного рода и достиг военачальства только тем, что был самый дурной человек и самый способный находить средства к получению незаконных выгод [74, 108]. Таким образом, Иоанн только ухудшал отношения византийцев с лазами.

Свою деятельность в Колхиде Иоанн начал с постройки крепости Петры, которая должна была служить основной базой византийских военных сил в Лазике, а также резиденцией главнокомандующего всеми силами империи в этом районе, в обязанность которого помимо организации обороны против персов входил и контроль над поведением царя Лазики. Вероятно, тогда же возникла и небольшая крепость Лосорион, упоминаемая Прокопием в числе построек Юстиниана в Колхиде. Это укрепление локализовано

недавно к югу от Петры, на северной окраине современного Батуми [52, 17]. Оно имеет прямоугольную в плане форму с выступами на углах, тем самым весьма напоминая византийские крепости VI—IX вв.

После сооружения Петры, сообщает Прокопий, положение лазов ухудшилось: «Уже не было более позволено купцам привозить в Колхиду соль и другие товары, необходимые для лазов, или у них что-нибудь покупать. Иоанн завел в Петре так называемую монополию, сделался торгашем, за-ведующим всем торгом, сам все покупал и продавал колхам не по обыкновенным ценам, а по тем, какие сам назначал» [74, 109]. Дурная слава о деятельности Иоанна вышла далеко за пределы Колхиды - даже армянские послы обращались к шаху Ирана Хосрову I (531-579) с такими словами в адрес Юстиниана: «Не он ли поставил римского начальника над царем несчастных лазов?... Мы и несчастные лазы можем служить ближайшим примером (*злодеяний Юстиниана - Ю. В.*)» [74, 24]. В 528 г. персы безуспешно пытались прорваться во внутренние районы Лазики. Цафий с помощью византийских войск заставил их вернуться обратно в занимаемые ими Сканду и Сарапанис, а в 532 г. в соответствии с заключенным между Византией и Ираном «вечным миром» персам пришлось оставить и эти укрепления. Лазы тут же, как пишет Прокопий, «уничтожили эти крепости до основания, чтобы персы не могли воспользоваться этими укреплениями против них» [72, 418]. Вскоре Цафий умер. Царем лазов стал сначала его брат Опсит, а затем сын Цафия и его жены-гречанки - Губаз II. Не выдержав многочисленных притеснений и главным образом

326

длившейся почти десять лет «экономической блокады», лазы решили обратиться за помощью к Хосрову.

Прокопий Кесарийский сохранил нам содержание речи одного из лазских послов при встрече с Хосровом, которая может быть весьма интересной и как образчик древних дипломатических документов, и как источник, колоритно передающий ситуацию в Лазике того периода. «Если какой-нибудь народ, вопреки долгу, пристал к чужим, - говорил лазский посол, - отпадши от прежних друзей своих, и потом действием благоприятного счастья опять обратился к ним по воле своей, то ведай, величайший царь что это лазы. Колхи и персы быв издревле союзниками, оказывали друг другу взаимные услуги, о чем свидетельствуют многие письменные памятники, которые имеются у нас и донныне хранятся в царском дворе твоём. Впоследствии наши предки, потому ли, что вы об них не радели, или по какой-либо другой причине - мы в том сказать ничего верного не можем, заключили союз с римлянами. Ныне же мы и царь Лазики предаем себя и землю нашу в полное ваше распоряжение. Мы только просим вас рассудить следующее: если бы колхи предавались вам, не претерпев никакой от римлян обиды, по одному своему неблагоприятию, то вы могли бы отвергнуть их просьбу, в той мысли, что они никогда не будут вам верны, ибо то, каким образом люди нарушили дружбу, может служить мерою тому, как они будут хранить ее с другими. Но если мы были римлянам друзьями только по имени, в самом же деле были только верными рабами их; если мы претерпели от них, как от тиранов, ужасные притеснения, то примите нас, прежних союзников ваших; владейте, как рабами, теми, которые прежде были друзьями вашими; изъявите всю свою ненависть жестокому тиранству, воздвигнутому на нас нашими соседями. Вы тем исполните долг справедливости, которую персы по обычаю праотцов всегда защищают. Тот не может еще назваться справедливым, кто сам не обижает никого, если при том он не защищает обижаемых другими, когда это от него зависит. Здесь кстати упомянуть о злодейских против нас поступках этих проклятых римлян. Они оставили царю нашему только вид царского достоинства, а сами присвоили себе власть во всех делах. Царь, подвергшись участи служителя, страшится повелевающего ему воеводы. Они приставили к вам многочисленное войско не для того, чтобы держать нас в заключении и завладеть нашим

достоянием. Изыскивая жесточайшие средства к отнятию у нас нашей собственности, вот, государь, что они придумали касательно необходимых потребностей жизни. Они заставляют нас против воли нашей покупать у них все для них излишнее и ненужное; полезнейшие же для них произведения Лазики они покупают у нас, но только на словах, ибо цены как продаваемым, так и покупаемым ими вещам, устанавливаются по воле этих правителей наших. Таким образом, вместе с самонужнейшими вещами отнимают они у нас и все золото, и этому действию дают благовидное название торговли, тогда как в самом деле это поступок самовластный и насильственный.

327

ный. Нами теперь управляет начальник-торгаш, который в силу власти своей пользуется нашею бедностью под видом торгового оборота. Таковы причины нашего восстания против римлян... Теперь мы скажем вам, какую пользу вы получите, приняв просьбу лазов. Вы присоедините к Персидской державе царство древнейшее и тем усилите значение вашего господства. Через нашу землю вам можно будет иметь сообщение с Римским морем, и, построив на нем корабли, ты, государь, без всякого труда можешь доплыть до царского двора Византийского; ты в промежутке не встретишь никакого препятствия. Присовокупим и то, что после этого от вас будет зависеть, чтоб соседственные варвары ежегодно опустошали земли римские: ведь и вам хорошо известно, что область лазов была им до сих пор оградой со стороны Кавказских гор» [74, 110-113].

Хосров с удовольствием выслушал эту речь, дал обещание защитить лазов и затем стал расспрашивать о состоянии колхидских дорог, поскольку слышал, «будто и одному человеку налегке трудно проходить по этой стране, чрезвычайно гористой и на большом пространстве покрытой частыми и густыми лесами» [74, 114]. Лазские же послы обещали Хосрову пока-затъ персам наиболее удобную дорогу.

В 540 г. Хосров нарушил «вечный мир» с Византией и год спустя вторгся со стороны Картли через Зекарский перевал в Лазику. Лазы указывали персам дорогу. Последние продвигались вперед без сопротивления. Они рубили высокие и густые деревья, валили их в овраги и делали дорогу вполне удобной. Вскоре персы подошли к центру Лазики, где их ждал царь лазов Губаз. Он поклонился Хосрову «как своему государю и передал ему себя со столицею и всей лазийской землею» [74, 119]. Лазы, однако, понимали, насколько опасно вести Хосрова и его войско по северному берегу Фасиса через Мухирисис - наиболее плодородную и заселенную часть Лазики. Поэтому, сославшись на отсутствие мостов через Фасис, они от Родополя двинулись по южному безлюдному его берегу и вскоре достигли Петры, где стояли основные силы византийцев.

Петра представляла собой, несомненно, сильное укрепление, расположенное на перекрестке важнейших дорог, соединявших Колхиду с малоазийскими провинциями империи. Прокопий пишет: «Город Петра неприступен, потому что с одной стороны огражден морем, с другой - крутыми скалами, которые со всех сторон над ним возвышаются: от них он получил и имя свое. Одна дорога, и то не очень широкая, так как над нею висят огромные утесы, ведет к городу по ровному месту. Первые основатели города... провели по дороге от одного утеса до другого длинную стену и на обоих краях ее построили по башне, не так как принято делать, а следующим образом: в середине строения не оставили они нигде порожного пространства, но от самой земли на чрезвычайную высоту выстроили обе эти башни из огромных связанных между собой камней, так что ни таран, ни другое орудие не могли потрясти их» [74, 121].

328

В приморском поселке Цихидзири до сих пор видны живописные развалины древней

Петры. Здесь сохранились и оба «утеса», и соединяющая их двойная стена с башнями. У внешней стены изнутри ряд прямоугольных выступов - контрфорсов, перекрытых арками, поверх которых когда-то шла боевая платформа. Стены охватывают пространство размером около 1,5 га. Они были усилены прямоугольными и полукруглыми выступающими башнями. Крепостные ворота оформлены по сторонам изображениями крестов, выложенных кирпичом. Внутри крепостных стен выявлены цистерна для засола мяса, имевшая размер 20x5 м, развалины бани и несколько храмов. Древнейший храм датируется 40-ми годами VI в. и, вероятно, является свидетелем сражений византийцев с персами [38].

Хосров, подойдя к Петре, поднялся на холм, чтобы лучше наблюдать сражение. Сперва он послал к крепости своего полководца Аниавед с частью войска для выяснения обстановки. Иоанн Цив, узнав о приближении персов, запретил своим воинам выходить за крепостную ограду и показываться на стенах. Затем, сосредоточив большие силы в районе ворот, Цив повелел им в молчании ждать. Аниавед, подойдя к стене и не обнаружив византийских солдат, решил, что они покинули крепость. Сообщив об этом Хосрову, он стал готовить лестницы для подъема на стены. Он был уверен, что возьмет крепость без сопротивления. Хосров послал большую часть войска с распоряжением взобраться на стены и проломить запертые изнутри ворота тараном. Но не успели персы приступить к осуществлению своего замысла, как по приказу Иоанна византийцы сами открыли ворота и внезапно напали на персов. Многих они перебили, а таран захватили. Аниавед с частью своего войска сумел вырваться из общей свалки и бежал. Хосров пришел в сильную ярость и повелел распять Аниавед за то, что тот «дал себя обмануть военной хитростью невоенному человеку, такому торгашу, как Иоанн» [74, 120]. После этого Хосров сам возглавил осаду Петры.

На следующий день персы пошли на приступ. Сначала они осыпали защитников крепости тучей стрел. Однако византийцы, находившиеся в более выгодном положении, наносили большой урон штурмующим сверху, осыпая их стрелами, которые посылали с помощью луков и метательных машин. Не исключено, что Петра выдержала бы осаду персов, но моральный дух ее защитников был сломлен гибелью Иоанна, которого стрела поразила в шею. Лишь наступление темноты помешало персам в тот день использовать свое преимущество. Наутро они решили применить хитрость и тайком сумели провести подкопы под одну из башен, из основания которой затем выломали множество камней и, заполнив образовавшуюся пустоту под башней дровами, подожгли. В результате башня рухнула, освободив нападающим подход к стене. Византийцы тут же начали переговоры о сдаче, Хосров обещал сохранить им жизнь и имущество. Он пожелал забрать лишь богатства Иоанна, которые тот скопил за много лет своей «монополии». В Петре укрепился персидский гарнизон [74, 121].

329

Взяв Петру, Хосров направил большое войско в Северную Колхиду с целью захватить укрепления Себастополиса и Питиунта. «Когда об этом заблаговременно узнали римские солдаты, - сообщает Прокопий, то, предупреждая врагов, они сожгли дома и до самого основания разрушили стены и, без малейшего промедления сев на суда и переправившись на противоложащий материк ушли в город Трапезунд. Правда, они причинили ущерб Римской империи разрушением этих крепостей, но этим же они доставили ей и большую пользу, потому что враги не смогли завладеть этой страной» [72, 384]. Узнав, что византийцы покинули Себастополь и Питиунт, персы вернулись в Петру. Но Юстиниан пошел на хитрость, послав своего полководца Велисария с небольшим отрядом на территорию самой Персии, и Хосров с частью войска поспешно покинул Лазику. В 545 г. военные неудачи в Италии и тяжелое экономическое положение страны заставили Юстиниана пойти на заключение мира с Ираном. На переговорах послы, как пишет

Прокопий потребовали «возвращения римлянами селений, находящихся в Лазике, и утверждения мира на прочнейшем основании» [74, 204]. Мир был заключен, но персы сохранили за собой право держать гарнизоны в Лазике. Воспользовавшись передышкой, Хосров стал укреплять позиции в этом районе, полагая, по словам Прокопия, что «обладая Лазикой, персидское государство не будет более терпеть разорений от уннов (*гуннов* - Ю. В.), смежных с нею; что, напротив того, он будет в состоянии легче и с меньшим трудом напускать уннов на римскую державу когда бы им вздумалось: ибо область лазов не что иное, как передовое укрепление против кавказских варваров. Более всего полагал он, что обладание Лазикою будет персам полезно в том отношении, что они из этой страны без всякого труда будут в состоянии нападать сухим путем и морем на лежащие при Понте Эвксинском места, покорить Каппадокию и соседственные с нею Галатию и Вифинию и быстрым нашествием взять саму Византию, не встречая нигде сопротивления» [74, 209].

2. ПОХОДЫ МЕРМЕРОЯ И ХОРИАНА В ЛАЗИКУ

После 545 г., ко всеобщему удовольствию, во взаимоотношениях Византии и Ирана наступил период относительного спокойствия, нарушавшегося лишь эпизодическими конфликтами. В Лазике между двумя великими державами шла своеобразная «война во время мира» [40, 333]. Лазы, испытав тяжесть персидского правления, стали снова искать покровительства Византии.

Как отмечал Прокопий, Хосров «вовсе не полагался на лазов, потому что этот народ по выступлении римлян из Лазики не терпел персидской власти. В самом деле, - пояснял историк, - персы более всех других народов своеобразны и в образе жизни чрезвычайно суровы, к нравам и обычаям

330

ям их очень трудно приноровиться, приказания их невыполнимы. Разность их образа мысли и жизни особенно ощутительна для лазов, которые более всех народов привержены к христианской вере» [74, 209-210]. Власть персов пагубно сказалась и на многих сторонах экономической жизни страны. Если раньше такие важные продукты, как соль, отчасти хлеб, вино в Лазике доставляли корабли византийцев, увозившие взамен кожи, невольников и другие товары, то теперь лазы были лишены этой выгодной торговли. Неудовольствие лазов стало известно Хосрову, которому «показалось самым полезным немедленно умертвить лазского царя Губаза, весь народ лазский переселить, а Лазику заселить персами и другими народами» [74, 210].

Осуществление своих замыслов Хосров начал с того, что отправил весной 549 г. в Лазику большое количество корабельного леса якобы для сооружения боевых машин на стенах Петры и отряд из трехсот «храбрейших персов» под руководством Фавриза, которому поручил «умертвить Губаза самым скрытным образом». Лес был доставлен в Лазику, но во время сильной грозы он сгорел дотла. Фавриз же, придя в Лазику, попытался сговориться «с одним знатным лазом, по имени Фарсанс, которого ненавидел и преследовал Губаз. Для виду лаз согласился помочь персам, а сам отправился к Губазу и все ему рассказал [74, 215-218].

Губазу ничего не оставалось, как обратиться за помощью к Юстиниану. В своем послании он просил императора «простить лазам их прежние проступки и оружием содействовать им освободиться от владычества мидов (*персов* - Ю. В.), ибо колхи одни не были в состоянии отразить их силы» [74, 218]. Юстиниан это известие весьма обрадовало, и он тут же послал в Лазику семитысячное войско под командованием Дагисфея, а также тысячный отряд цанов. Под стенами Петры войско объединилось с отрядами Губаза. Началась осада крепости. Персы, однако, защищались мужественно и были хорошо

снабжены припасами. Осада затянулась.

Хосров, узнав о случившемся, послал на выручку осажденным многочисленную конницу и пехоту под предводительством полководца Мермероя. Губаз посоветовал византийцам выставить против персов заслоны в узких проходах по левому, южному берегу Фасиса, а сам со своими воинами поспешил в восточную, правобережную Лазику, чтобы не пустить персов в Мухирисис - наиболее заселенную часть своей страны в окрестностях Кутаиса (современный Кутаиси).

Достигнув намеченного пункта, Губаз заключил договор с аланами и савирами. Они обязались за большое вознаграждение охранять восточные границы Лазики и опустошить Иберию, дабы не дать возможности персам вступить на эту землю. Однако денег, чтобы расплатиться с аланами и савирами, у Губаза не было, поэтому он обратился к Юстиниану с просьбой выплатить ему жалованье, которое до вступления персов в Лазику он получал, занимая должность силентария при дворе императора. Юстиниан согласился и вскоре послал «народу савирскому обещанную сумму, а Губазу

331

и лазам денежный подарок». Одновременно он отправил в Колхиду большое войско под руководством Рекифанга Фракийца, «человека разумного и отличного воина» [74, 239]. Между тем Дагисфей, по словам Прокопия, «молодой человек, совершенно неспособный вести войну с персами» [74, 232], вместо того чтобы преградить путь Мермерою в указанных ему Губазом теснинах, послал туда всего сотню солдат, а сам продолжал осаждать Петру. Персы отбивали атаки византийцев с невиданным упорством. Дагисфей же не торопился - так был уверен в скорой победе. Он послал Юстиниану письмо, в котором писал, какие подарки должен пожаловать ему и его брату император за взятие Петры. Затем Дагисфей начал вести подкоп под стены. В одном месте стена рухнула, однако за ней оказалась каменная стена какого-то дома. В проломы, образовавшиеся в стене на месте другого подкопа, устремилось пятьдесят византийцев с криками: «Царь Юстиниан победитель!» Отряд возглавлял армянин Иоанн, его отец (Фома) по приказу Юстиниана строил многие укрепления в Лазике. Во время сражения Иоанн был ранен, а солдаты его отряда, не дождавшись поддержки от своих, погибли или спаслись бегством [74, 234].

Частое упоминание в источниках воинов негреческого происхождения в составе византийского войска неудивительно. В византийской армии служили наемниками представители многих соседствующих с империей народов: славяне, анты, гепиды, лангобарды, готы, аланы, савиры, армяне, лазы, абасги и многие другие.

Чувствуя, что в такой обстановке долго не продержаться, начальник персидского гарнизона Мирран отправился к Дагисфею. При этом он наговорил Дагисфею «много льстивых и обманчивых речей» и обещал сдать крепость. Дагисфей поверил ему и с этого момента вообще больше не предпринимал попыток штурмовать крепость.

А тем временем Мермерой уже вошел в Лазику. По словам Прокопия, «он не хотел идти населенными местами Лазики, чтобы не встретить тут какого-нибудь препятствия, так как он спешил спасти Петру и заключенных в ней персов» [74, 234]. Вскоре он достиг теснин, охраняемых сотней византийцев. Те оказали ему отчаянное сопротивление, уничтожив свыше тысячи персов.

Наконец, византийцы не выдержали и укрылись на вершинах окрестных гор. Узнав о приближении персов, Дагисфей снял осаду Петры и двинулся к Фасису, бросив лагерь со всеми пожитками.

Осажденные в Петре персы, видя такое поспешное отступление византийцев, сделали вылазку с намерением ограбить лагерь. Однако их опередил отряд цанов, которые, истребив многих персов, ограбили лагерь и ушли на юг, в родные пределы. Лишь на девятый день после бегства Дагисфея к Петре подошел Мермерой со всем персидским

войском. По свидетельству Прокопия, «нашел он в крепости всего триста пятьдесят человек

332

раненых и неспособных к военной службе и только полтораста здоровых и невредимых. Все прочие погибли. Оставшиеся в живых не бросали мертвых за стену, и хотя зловоние душило их, но они все сносили с невероятным терпением, чтобы не обнаружить большого числа погибших и тем не умножить бодрости римлян к продолжению осады» [74, 236]. Тяжесть их положения усугубил религиозный запрет закапывать покойников в землю. Трупы пришлось держать непогребенными в условиях летней жары в тесном пространстве крепости.

Обращаясь к своим войскам, Мермерой, с издевкой над византийцами говорил, что «их держава достойна слез и плача, ибо они дошли до такого изнеможения, что никаким средством не могли покорить сто пятьдесят персов, не ограждаемых стеною» [74, 237]. Вслед за этим Мермерой приступил к восстановлению стен Петры. Не имея времени для заготовки извести и строительных материалов, он распорядился наполнить песком парусиновые мешки, в которых персы привезли в Колхиду свои припасы, и заложить проломы в стене. В восстановленной таким способом крепости Мермерой оставил три тысячи отборных воинов с большим запасом продовольствия и боеприпасов, а сам двинулся в восточные районы Колхиды. Дойдя до гор, он принялся грабить расположенные здесь поселки лазов в надежде заготовить дополнительное продовольствие для гарнизонов Петры. Однако награбленного не хватало даже для прокорма его тридцатитысячного войска. Поэтому Мермерой решил совсем покинуть Колхиду, оставив здесь пять тысяч воинов под командою некоего Фавриза, в обязанность которому вменил грабеж местного населения, за счет чего они должны были питаться сами и снабжать съестными припасами Петру. Отряд Фавриза обосновался в Восточной Лазике и приступил к возложенной на него задаче

Один именитый лаз, по имени Фувелис, сумел убедить Дагисфея в необходимости преследовать уходящих персов. Двухтысячный отряд византийцев двинулся по южному берегу Фасиса, нанося небольшой урон персам. Когда основные силы Мермероя ушли из Колхиды, Губаз сообщил о местонахождении отряда Фавриза Дагисфею, который с основными своими силами двинулся вслед за передовым отрядом по левому берегу Фасиса на восток, пока не дошел до того места, где на противоположном берегу реки его ждал Губаз. Перейдя через брод, известный только одним лазам (окрестности Родополя?), он объединил свое войско с византийским.

Вскоре византийцам и лазам удалось поймать двух персидских разведчиков. Те сообщили, что поблизости стоит лагерь отряда персов, охраняющий подходы к месту, где находилось основное войско Фавриза. Неожиданно напав на этот отряд, византийцы и лазы большую часть персов уничтожили, а остальных взяли в плен. Затем объединенное войско Дагисфея и Губаза устремилось к основному лагерю персов. Дальнейшие события Прокопий описывает так: «Римляне и лазы сверх чаяния напали на персов до рассвета, между тем как одни спали, другие, хотя и пробудились,

333

лежали на своих постелях, голые, и не были в состоянии обороняться. Большая часть их была истреблена; некоторые пойманы живые; в числе их один из военачальников; немногие, в темноте, спасались бегством. Римляне и лазы овладели станом и захватили все знамена; им досталось много денег и оружия, также множество лошадей и лошаков. Продолжая далеко преследование, они достигли до Иверии, где истребили еще несколько попавшихся им в руки персов...» [74, 242]. Победителям досталось много муки и

продовольствия, завезенного персами из Иберии, оружие и другая, военная добыча. Так завершился поход Мермероя на исходе лета 549.

Неудачи Хосрова, всякий раз оборачившиеся потерей многих воинов и средств, вызывали недовольство у его приближенных. «Поэтому, - пишет Прокопий, - вернувшись в родные пределы, они, правда очень скрытно, бранили Хосрова и называли его губителем народа персидского. И как-то раз, возвращаясь из страны лазов, где они испытали ужасные страдания, они собирались открыто восстать против него и покончить с ним, предав его жестокой смерти» [72, 393-394]. Хосрову, однако, удалось «льстивыми речами» уговорить наиболее влиятельных из недовольных. И понимая, что главное в его положении - это победы, он в следующем, 550 г. направил в Лазику огромное войско под начальством полководца Хориана. В то же время он организовал поход туда северокавказских аланов. На этот раз персы решили начать с завоевания наиболее заселенных районов Лазики и вторглись в Мухирисис. Дойдя до правого берега реки Гиппос (современная Цхенискали), они стали здесь лагерем.

Дагисфей и Губаз решили, не медля, атаковать персов. Однако в рядах нападавших к тому времени не было единства. Вот что сообщает по этому поводу Прокопий: «лазы не пожелали стоять с римлянами в одних рядах... они все воспылали желанием идти первыми один на один против врагов, чтобы римляне в этом деле не внесли смущения в их ряды, не будучи охвачены одинаковым с ними рвением и жадной подвергаться опасности» [72, 395-396]. В результате строй лазов и римлян перед сражением выглядел так: первыми шли всадники лазов, выстроенные фронтом, а позади на значительном расстоянии следовала конница византийцев под командованием гепида Филегага и армянина Иоанна, сына Фомы. Следом шла пехота римлян и лазов, направляемая Губазом и Дагисфеем. Хориан же послал им навстречу тысячу хорошо вооруженных персов, а за ними двинул основные силы, оставив в лагере лишь небольшую охрану. Дальнейшие события развивались не так, как было запланировано: «Шедшая передовым отрядом конница лазов... рассказывает Прокопий, - наткнувшись внезапно на передовые отряды врагов... не вынесла даже вида их и, повернув тотчас коней, без всякого порядка стала отступать и стремительно, гонимая врага-ми, смешалась с римлянами» [72, 397].

Появление византийцев остановило натиск персов. Оба передовых отряда, став друг против друга на определенном расстоянии, решили по

334

древнему обычаю помериться силами и устроить единоборство богатырей. Римляне выставили Артабана, задолго до того перебежавшего от персов к армянам. Он убил сто двадцать персов, тем самым доказав свою преданность византийцам. Артабан, взяв с собой двух воинов, вышел на середину свободного пространства. Персы выставили свою тройку наиболее сильных и доблестных воинов. При стычке Артабан сразу же поразил своего противника копьем, сбросив его с коня. Второй перс нанес Артабану удар мечом в голову, но неудачно, задев лишь область уха. В следующий миг он также упал, получив смертельную рану под ребро от одного из спутников Артабана, гота по происхождению. Напуганный столь быстрой гибелью своих товарищей, передовой отряд персов отступил, чтобы дожидаться Хориана с основным войском.

Подошедшие основные силы персов и византийцев вступили в рукопашный бой. Филегаг и Иоанн, понимая, что не сумеют выдержать натиск преобладающей конницы персов, и принимая во внимание, что конница лазов рагромлена, нашли выход из положения: соскочили с коней и заставили то же самое сделать византийцев и лазов. Образовав фалангу, они единым фронтом выставили против врага копья. Кони персов, напуганные остриями копий и шумом щитов, поднимались на дыбы и вносили сумятицу в ряды нападающих. Стрелы летели сотнями и с той и с другой стороны, но римлянам удавалось лучше скрываться за своими щитами. Исход боя решила одна из византийских стрел,

которая, по словам Прокопия «выделившись из целой тучи, вонзилась в нижнюю часть шеи» Хориана и «тотчас же окончила дни его жизни» [72, 399]. Хориан упал с коня на землю. Увидев это, персы дрогнули и устремились к лагерю, преследуемые византийцами и лазами. Прокопий описал такой эпизод сражения, который несколько задержал наступавших у ворот лагеря: «Но тут один из аланов, выдающийся смелостью духа и силою тела и исключительно искусно умеющий посылать стрелы той и другой рукой, стал в самом узком месте прохода в лагерь и оказался, сверх ожидания, непреодолимой преградой для наступающих. Но Иоанн, сын Фомы, подойдя к нему очень близко, внезапно поразил его копьем, и таким образом римляне и лазы овладели лагерем» [72, 399].

Так печально для персов закончился поход Хориана. Второй персидский отряд, направлявшийся по старой дороге, снабдив гарнизон Петры продовольствием, не решился вступить в бой с византийцами и сразу же покинул Лазику. Отношения же между Губазом и Дагисфеем резко ухудшились. Губаз направил к Юстиниану послов, которые оклеветали Дагисфея, возведя на него обвинение в предательстве и в сговоре с персами - именно этим, по их утверждению, объяснялась медлительность полководца при осаде Петры. Юстиниан, поверив им, приказал заключить Дагисфея в тюрьму, а в Колхиду послал дополнительные войска во главе с Бенилом, Одонахом, Бабой и Улигагом, назначив верховным главнокомандующим всех византийских войск полководца Бесса, гота по происхождению. Бесс был широко

335

известен своей неумной жадностью. Он руководил обороной Рима. Когда на город напал вождь готов Тотила и среди населения начался голод, Бесс, по свидетельству Прокопия «продавая хлеб все дороже и дороже, богател; эти цены ему диктовала нужда голодающих. И весь погрузившись в эти заботы о продаже, он больше не обращал внимания ни на охрану стен, ни на другие меры предосторожности» [72, 313]. После падения Рима готы нашли «много богатства... в домах патрициев, но особенно много, где было логово Бесса; этот проклятый демон, - заключает историк, - бессовестно собрал для Тотилы груды золота за хлеб, эту цену голода» [72, 316]. Когда в Лазику вернулся Бесс, ему перевалило уже за семьдесят. Это был старый и невероятно толстый человек.

3. У СТЕН ТЗИБИЛЫ И ТРАХЕИ

Бегство византийцев из-под стен Петры при приближении Мермероя не замедлило сказаться на настроениях других зависимых от Византии народов (абазгов и апсилов), колебавшихся, чью сторону принять - Ирана или империи. В этом отношении показателен пример Абасгии. Прокопий Кесарийский сохранил немало интересных фактов из истории Абасгии, перешедшей в 550 г. на короткое время на сторону Ирана.

«Эти абасги, - пишет Прокопий, - издревле были подданными лазов, начальниками же испокон веков они имели двух из своих соплеменников; из них один властвовал над западной частью их страны, другой занимал восточную. Эти варвары еще в мое время почитали рощи и деревья. По своей варварской простоте они полагали, что деревья являются богами» [72, 382].

Упомянутые правители абасгов, пользуясь своей властью, придумали довольно своеобразный способ обогащения. Они отнимали у своих соплеменников красивых мальчиков, оскотничали их и за большие деньги продавали византийским вельможам. «Поэтому, - отмечает Прокопий, - большинство евнухов у римлян и главным образом в царском дворце были родом абасги» [72, 383]. Абасгские властители жестоко расправлялись с родителями несчастных мальчиков - тут же убивали их, дабы последние

не пытались отомстить за отнятых, изуродованных и проданных за море детей. Став императором, Юстиниан, как сообщает Прокопий, послал в Абасгию евнуха, абасга Евфрата. Он передал, что император «решительно запретил их царям на будущее время лишать кого-нибудь из этого племени признаков мужского пола, железом насилуя природу... Тогда же император Юстиниан воздвиг у абасгов храм богородицы и, назначив к ним священников, добился того, чтобы они приняли весь христианский образ жизни» [72, 383]. Народ сначала с большой радостью воспринял приказ Юстиниана. Оба царька, пытавшиеся противиться новому порядку, были низложены. Абасги решили жить без правителей.

336

Историк Евнапий сообщал, что «до принятия абасгами христианства римские императоры убивали всех преступников у них», т. е. судопроизводство у абасгов в отношении наиболее тяжких преступлений, особенно тех, которые затрагивали интересы империи в этом районе, находилось в руках византийских чиновников. В качестве одной из уступок за принятие христианства абасгами «Юстиниан дал им слово, что никого из них не будет подвергать смертельному наказанию». Тот же Евнапий утверждал, что Евфрат, посланный Юстинианом в Абасгию с целью введения там христианства, имел поручение «собрать несколько детей и привезти их в Константинополь, где император устроил школу для обучения их грамоте и разным наукам. Из этих же абасгов состояла и внутренняя стража Юстиниана» [7, 45].

Вскоре, однако, абасги на короткое время вернулись к прежней форме управления. Дело в том, что в Абасгии находилось довольно большое число византийцев из числа отставных солдат, расселившихся по многим местным населенным пунктам. Как только Абасгия утратила самостоятельное управление, они, по словам Прокопия, «сочли возможным присоединить эту страну к владениям Римской империи» [72, 400]. Новые порядки, введенные в Абасгии византийцами без согласования с ее исконным населением, вызвали в среде последнего негодование. Воспользовавшись затруднениями империи в войне с Ираном за Лазику, абасги снова выбрали себе царьков - Опсита в восточной части страны и Скепарну в западной - и призвали на помощь персов. Иранский полководец Набед, вторгнувшись летом 550 г. в Лазику, не решился вступать в сражение с Бессом, а попытался сначала укрепиться в Апсилии. Эта страна располагалась, по словам Прокопия, у «берега, принадлежащего уже Европе», на противоположной Петре стороне залива, в который впадал Фасис. «В этой стране, - продолжает историк, - есть крепость, в высшей степени укрепленная; местные жители называют ее Тзибилей. Один из знатных людей у лазов, по имени Тердет, который носил у этого народа название так называемого «магистра», поссорившись с царем лазов Губазом и став его врагом, тайно вошел в соглашение с персами, что передаст им укрепление» [72, 403]. Судя по всему, это произошло в тот момент, когда персидское войско во главе с Набедом двигалось в Абасгию. Приблизившись к Тзибиле, Тердет значительно опередил персов и вместе с сопровождавшим его отрядом лазов вошел в укрепление, где апсилы приняли его без всяких подозрений, так как еще ничего не знали об его измене. Когда персидское войско подошло к крепости, ее ворота оказались открытыми, а Тердет выполнял роль гостеприимного хозяина. «Вследствие этого, - пишет Прокопий, - мидяне стали думать о захвате под свою власть не только Лазики, но и Апсилии» [72, 403].

Апсилы послали гонцов с известием о случившемся к византийцам и лазам, прося у них помощи, но те, отвлеченные «волной вокруг Петры», не смогли сразу послать войска в Апсилию. Не исключено, что именно в Тзибиле скрывалась Феодора, жена Опсита (в прошлом царя лазов и дяди Гу-

337

база), Феодора была римлянкой, «так как издавна, - объясняет Прокопий, - цари лазов посылались в Византию, и с согласия императора вступая в родство с некоторыми из сенаторов, брали в их семьях себе законных жен» [72, 400]. Набед захватил Феодору в плен и, оставив в Тзибиле небольшой отряд персов, ушел в Абасгию. Здесь он пробыл недолго, взял в качестве заложников шестьдесят мальчиков из самых знатных семей абасгов и двинулся назад. Вместе с Набедом в далекую Персию помимо Феодоры и заложников отправился один из абасгских царьков, Скепарна, которого Хосров пригласил к себе для переговоров.

Вот что произошло с оставленным в Тзибиле отрядом персов. «У начальника этой крепости, - рассказывает Прокопий, - была жена родом из Апсилии, очень красивая лицом. В эту женщину внезапно безумно влюбился начальник персидского войска. Сначала он пытался соблазнить ее; когда же он увидел, что не имеет успеха, то без всякого колебания он применил насилие. Приведенный этим в яростный гнев муж этой женщины ночью убил его самого и всех тех, которые вошли с ним в это укрепление, оказавшихся невинной жертвой страсти их начальника, и сам завладел укреплением. Вследствие этого апсилы отпали от колхов, упрекая их в том, что они не захотели оказать им помощи, когда они подвергались насилию со стороны персов» [72, 403].

Прокопиевская Тзибила локализуется на месте так называемого Цибилиума, огромной крепости, расположенной в четырех километрах восточнее центра современного села Цебельда в Кодорском ущелье [21, 32-34]. В 1977 г. здесь начаты значительные раскопки, выявившие и соответствующий слой середины VI в. Поверх цементного пола в одном из помещений, прилегавшем ко входу в катапультную башню, найдены обгоревшие бревна, обрывки кольчуг и панцирей, множество наконечников стрел, топор, уздечка и другие вещи, лежавшие в том беспорядке, который оставляет не мирная жизнь, а сражение. Здесь же на полу оказалась серебряная иранская монета Кавада I, которая наряду с некоторыми другими вещами позволила связать весь этот комплекс с моментом пребывания персов в Тзибиле. Исключительно редкий и интересный случай, когда археологам удалось найти непосредственные следы тех событий, сведения о которых оставлены в древних источниках! Видимо, бой был жарким, горели деревянные перекрытия комнаты, с шумом падали охваченные пламенем двери. Через только что пробитый пролом стены апсилы забрасывали стрелами персов, отесненных к башне. Кому-то из обреченных принадлежала монета, которую победители затем не смогли разглядеть в золе пожарища. Комната пустовала недолго. Снова появляется деревянная крыша, сооружается площадка для очага и накапливается слой остатков, насыщенный обломками амфор, лощеных кувшинов и устричных раковин - выразительный след пребывания в крепости византийского гарнизона, для которого издалека привозились вино и «дары моря».

338

Вскоре после ухода Набеда Бесс по распоряжению Юстиниана отправил в Северную Колхиду морским путем большое войско во главе с Улигагом и Иоанном. Узнав о приближении византийцев, второй абасгский правитель, Опсит, стал готовиться к сражению. Он собрал в своем укреплении, которое находилось вблизи моря на границе между Абасгией и Апсилией, «всех абасгов». «За пределами апсильев, - пишет Прокопий, - при входе в пределы абасгов, есть место следующего рода: высокая гора, начинающаяся от Кавказского хребта и все понижающаяся, заканчиваясь как бы лестницей, тянется вплоть до самого Эвксинского Понта. У подножия этой горы еще в древности абасги выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее значительное. Здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов, которые ни в коем случае не могут преодолеть неприступности этого места. Есть один только проход, ведущий в это укрепление и в остальную страну абасгов, по которому нельзя идти людям даже по двое в

ряд... Над этой узкой тропой тянется очень отвесная и грозная в своей суровости скала, идущая от лагеря до самого моря. Это место и носит название, достойное этого отвесного обрыва: люди, говорящие здесь по-гречески, называют его «Трахеей» - сурово-кремнистым» [72, 401].

Достигнув пограничного между апсилами и абасгами района, византийцы высадились на берег и двинулись в сторону Трахеи сухопутным путем параллельно морскому берегу. Когда они добрались до того узкого места, о котором упоминалось выше, то «увидели над собой вооруженных и в боевом порядке абасгов, стоявших над этой тропой... вдоль всего обрыва» [72, 401]. Решив, что лобовая атака принесет большие потери, византийские полководцы разделили войско на два отряда, один из которых под командованием Иоанна перебросили морским путем к западу от того места, где скалистая гряда Трахеи подходила к берегу. Затем, распустив знамена, оба отряда византийцев устремились на абасгов, которые, «увидя врагов, наседающих на них с двух сторон... в полном беспорядке обратились в бегство и стали отступать от этого, места все дальше и дальше», совершенно не вспоминая, как пишет Прокопий, «о выгоде для них их родных гористых местностей» [72, 401- 402].

Далее события разворачивались следующим образом. Византийцы, преследуя абасгов с двух сторон, многих захватили в плен или убили. Они добежали до ворот укрепления абасгов, которые еще были открыты. «Сторожа, - сообщает Прокопий, - не решались заложить ворота, принимая еще своих, убежавших сюда. И вот преследующие, смешавшись с бегущими, ворвались в ворота, одни, гонимые жаждой спасения, другие - стремлением захватить укрепление. Найдя ворота еще открытыми, они вместе устремились в них. Сторожа у ворот не могли ни отделить абасгов от неприятелей, ни закрыть ворота, так толпа давила на них. Таким образом, абасги, с радостью почувствовавшие себя внутри своих стен, оказались взятыми в плен вместе со своим укреплением. Но и римляне, полагавшие,

339

что они победили врагов, оказались здесь перед еще большей трудностью. Так как дома абасгов были многочисленны, отстояли друг от друга на близком расстоянии и, кроме того, были окружены со всех сторон своего рода стеною, то абасги, взойдя на них, защищались изо всех сил, поражая врагов в голову, охваченные, с одной стороны, опасением и страхом (перед римлянами), а с другой - жалостью к своим женам и детям и чувством безвыходности своего положения, пока римляне не додумались поджечь дома. И вот, подложив огонь со всех сторон, они наконец одержали победу. Правитель абасгов Опсит с небольшим отрядом сумел бежать и удалился к жившим поблизости гуннам, в пределы Кавказского хребта. Остальным досталось на долю или вместе с горевшими домами обратиться в пепел, или попасть в руки неприятелей. Римляне взяли в плен жен начальников со всем их потомством; стены укрепления они разрушили до основания и всю страну опустошили жестоко. Так окончилась, - заключает историк, - попытка абасгов отпасть» [72, 402].

Относительно локализации Трахеи не существует единого мнения - одни исследователи пытаются сопоставить ее с древнейшим слоем крепостных стен в Гагре, другие же доказывают, что она находилась на вершине Анакопийской горы в современном Новом Афоне, где до наших дней сохранились стены небольшого (90x30 м) укрепления VI в. Последнее утверждение представляется нам более вероятным. Во-первых, потому, что описание «высокой горы» полностью соответствует облику хребта Ажьамгва, тянущегося в сторону Нового Афона и ступенчато спускающегося к морю. При этом Анакопийская гора, действительно, если смотреть с востока, оказывается как бы лежащей у подошвы Ажьамгва. Во-вторых, потому, что Гагрская крепость, являясь типично византийской постройкой, находится в низине на самом берегу моря. Из описания же Прокопия следует,

что укрепление абасгов располагалось на довольно значительном расстоянии от моря в «гористых местностях». Свое название Трахея получила от скалы, которая тянулась от крепости до «самого моря». Каждый, кто видел Анакопийскую гору с востока, обращал внимание на суровую скальную полосу, спускающуюся от нагорной крепости к Псырцхинскому водопаду. И, в-третьих, потому, что местное название горы и крепости на ней - «Анакопия» (от абхазского анакуап - «изрезанная, извилистая гористая местность»), - известное в источниках с VIII в., значит то же самое, что и греческое слово Трахея - «гористая», «сурово-кремнистая» (по-видимому, перевод абасгского наименования). Не исключено, что в VI в. конфигурация береговой линии в районе современного Нового Афона была несколько иной и берег проходил на несколько десятков метров ближе к горам, чем теперь. Весьма вероятно, что устьевая часть Псырцхи была (на месте нынешних прудов) сильно заболоченной и непроходимой. Отметим также, что все удобные броды через реки Абхазии находятся у выходов этих рек из известняковых теснин. Во всех

340

этих случаях древняя дорога из Апсилии в Абасгию и в крепость должна была проходить около того места, где теперь стоит храм Симона Кананита. Покорив абасгов, византийцы двинулись в Апсилию. Подведя тысячный отряд воинов к стенам Тзибилы, Иоанн вступил в переговоры с апсилами. «Многими дружескими речами и обещаниями ему удалось привлечь их на свою сторону без всякого сражения и вновь сделать подданными лазов» [72. 403]. Этот рассказ позволяет понять хитрую и жестокую политику византийцев по отношению к народам Колхиды. Всячески подчеркивая зависимость апсилов, мисимиян, абасгов и сванов от царей лазов, византийцы хотели выступить перед этими племенами не как фактические оккупанты, а как союзники и доверенные лица лазов. Показательно, что не войско Губаза вернуло Тзибилу в «подданство» лазам, а отряд византийцев, посланный Бессом и затем расквартированный в Тзибиле [72, 432]. Постоянно напоминая о давней зависимости племен Колхиды от лазов, византийские авторы VI в. ни разу не сообщают о том, как же лазы устанавливали и поддерживали свой суверенитет. Зато неоднократно пишут о том, как зорко греческие военные следили, чтобы абазги или апсилы не вышли из-под этой зависимости. Имперские власти сознавали, что для надежной охраны восточной границы недостаточно гарнизонов и системы крепостей. Им нужен был прочный союз с воинственным населением вдоль границы. Поэтому византийцы стремились создать иллюзию у апсилов, мисимиян, абасгов и сванов, будто те, защищая интересы империи, только выполняют союзнические обязательства в отношении царя лазов. А царь лазов, упрочивая свой авторитет среди соседних племен, способствовал укреплению обороны империи. Таковы были тайные расчеты византийцев, но нередко их нарушали сами жители Колхиды.

4. ВЗЯТИЕ ПЕТРЫ

Вскоре после своего приезда в Лазику Бесс приступил к осаде Петры, в которой засело две тысячи триста воинов. В распоряжении же Бесса было шесть тысяч византийцев и их союзников. Прежде всего он приказал разрушить канаву, по которой к крепости стекала вода с соседней возвышенности. Взяв через несколько дней пленных, Бесс узнал от них, что вода продолжает поступать в крепость. Тогда византийцы, разрыв землю под разрушенной ими канавой, обнаружили на определенной глубине еще один водопровод, который они немедленно уничтожили. Затем византийцы стали делать подкоп. Для этого было пригодно лишь то место, где раньше Дагисфей обрушил часть стены; только здесь, по словам Прокопия, стены Петры

стояли на насыпном грунте, в остальных местах они были построены на прочной скале. Оставленный тут Мермером гарнизон не терял времени даром и к началу новой осады полностью восстановил стены крепости, применив своеобразную конструкцию. «Запол-

341

нив пустое пространство гравием, они положили на него толстые бревна, обстругав их и сделав совершенно ровным; они связали их друг с другом так, чтобы зазоры были возможно шире; сделав их основанием вместо фундамента, они искусно над ними возвели всю постройку укреплений» [62, 408]. Когда византийцы, ничего не знавшие об этом, закончили подкоп, к их полному недоумению бревна со стоящей на них стеной опустились плавно вниз, сведя на нет многодневный труд. А подвести к стене таран оказалось невозможно из-за крутизны склона. Византийцы стали в тупик.

Положение изменил сражавшийся на стороне византийцев отряд гуннов-савиров. Они пришли к Петре через Лазику с Северного Кавказа, чтобы получить «известную сумму золота», присланную сюда Юстинианом в качестве платы за участие в военных действиях. Когда савиры увидели, что византийцы не могут найти выхода из положения, они, по свидетельству Прокопия, «придумали такое приспособление, какое ни римлянам, ни персам, никому от сотворения мира не приходило в голову». Савиры заменили бревенчатый щит тарана укрытием из переплетенных ветвей и шкур, облегчив его. После чего вполне достаточно было сорока воинов, чтобы действовать тараном и прикрывать себя от ударов врага. Подведя к стене три скрытых таким способом тарана, византийцы начали приступ. Персы же стали наполнять имевшие у них сосуды серой, асфальтом и «маслом Медеи» (нефтью), которые затем поджигали и сбрасывали на нападающих из деревянной башни, специально поставленной ими над стеною напротив таранов. Те византийские воины, которые стояли возле таранов и длинными шестами с железными крючьями вытаскивали из стены расшатанные камни, стали теперь своими шестами очищать крыши таранов от зажигательных сосудов. Но они опасались, что долго не выдержат стремительного темпа работы.

В этот напряженный момент в сражение вступил сам Бесс, личным примером воодушевляя штурмующих. «Будучи человеком более семидесяти лет от роду, - пишет Прокопий, - расцвет которого остался далеко позади, он первый взобрался на лестницу» [72, 409]. За ним на стены устремились многие воины. Однако персы упорно отбивались, сталкивая византийцев вниз. Вскоре и сам Бесс был сброшен с лестницы. «Тогда, - пишет историк, - поднялся ужасный крик с обеих сторон, бросали в него свои копья, но его телохранители тотчас же стали вокруг него, с шлемами на головах, все одетые в панцири, сверху защищаясь еще поднятыми щитами; стоя друг с другом бок о бок, они устроили над ним как бы крышу, совершенно скрыв от опасности своего вождя... Огромный шум стоял от копий, непрерывно бросаемых врагами и ломавшихся о щиты и о другое оружие, все кричали и тяжело дышали» [72, 410]. Тучному Бессу трудно было подняться на ноги, к тому же мешали тяжелые доспехи. Поэтому он приказал оттащить себя подальше от стены. Как только Бесс стал на ноги, он тут же снова устремился к штурмовой лестнице.

342

Персы, почувствовав, что долго не смогут выдержать такого напора, предложили Бессу остановить бой и дать им возможность сдать крепость. Однако византийцы не доверяли персам, поэтому продолжали штурм. Вскоре часть подрытой раньше стены рухнула, - образовался широкий пролом. Одновременно поднялся сильный южный ветер и подул в лицо защитникам, бросавшим сосуды с зажигательной смесью. Ветер перебросил огонь на деревянную башню, вспыхнули горючие смеси, и все бывшие в башне солдаты погибли в пламени. Исход боя, однако, решил героизм неоднократно упоминавшегося уже Иоанна,

который с небольшим отрядом армян поднялся по отвесной скале там, где персы считали крепость неприступной, и внес расстройство в ряды осажденных, убив известного своей силой персидского воина. Этот бой оказался последним для Иоанна - перс нанес ему смертельный удар в голову камнем, пущенным из пращи. «Этот человек, - писал об Иоанне Прокопий, - проявил удивительные подвиги храбрости в битве с врагами» [72, 412].

Вскоре основная часть крепости оказалась в руках византийцев. Пятьсот персов укрылись в акрополе, свыше тысячи человек пало в бою. Семьсот тридцать воинов (из коих лишь восемнадцать не было ранено) попало в плен. Победителям досталось по пять комплектов вооружения на каждого, огромное количество продовольствия - хлеба, соленого мяса, бобов, уксуса и других продуктов, заготовленных персами на несколько лет. Но самое удивительное, что увидели в крепости византийцы, - вода, спокойно вытекающая из водопровода. Оказывается, Хосров был настолько предусмотрителен, что сделал водопровод трехэтажным «ту воду, - пишет Прокопий, - которая ведет в город он разделил на три части и, сделав очень глубокий ров, соорудил три водопровода, один на самом низу рва, заложив его камнями и навозом до середины рва; тут он скрыл второй водопровод, а сверху выстроил третий, так что он пошел поверх земли и был видим всеми» [72, 414].

На следующий день византийцы предложили персам, засевшим в акрополе, сдаться. Но те отказались, решив, по словам Прокопия, погибнуть с доблестью. Византийцы снова пытались уговорить осажденных, обращаясь к ним с такими словами: «...нет храбрости в том, чтобы противиться непреодолимому, нет разумности не хотеть подчиниться победителям... Если зло непреодолимо, то оно тем самым ведет к признанию невинности тех, кто ему подчинился... Как своих сотоварищей по оружию мы жалеем вас, стремящихся к смерти, мы щадим вас; в том, что на жизнь вы смотрите как на что-то преходящее и относитесь к ней с равнодушием, мы должны сочувствовать вам, так как таков закон и у нас, римлян и христиан» [72, 415]. Но персы, как пишет Прокопий, «даже краем уха не хотели слушать этих речей: сознательно став глухими, они делали вид, что ничего не слышат». Тогда византийцы, потеряв терпение, подожгли акрополь, но и огонь не смог выгнать оттуда персов, которые сгорели заживо, «вызвав этим величайшее удивление в римском войске». 4. Всех пленных Бесс отправил к императору с

343

известием о победе, а стены Петры разрушил, чтобы здесь враги больше не могли доставлять византийцам неприятностей, за что император «воздал ему великую хвалу» [72, 415]. Произошло это, видимо, ранней весной 551 г.

5. ВТОРОЙ ПОХОД МЕРМЕРОЯ

В те весенние дни 551 г. во главе семидесятитысячного войска Мермерой во второй раз вступил в Колхиду. Войско состояло в основном из всадников. За ним шествовало восемь слонов. Почти за десять лет своего пребывания в Лазике персы дорогу из Иберии, «бывшую - по словам Прокопия, - вследствие покрытых лесом обрывов и непроходимой чащи зарослей в ужасном состоянии, покрытую лесами столь густыми, что раньше, казалось, по ней нельзя пройти даже пешему налегке, - сделали настолько ровной, что не только вся их конница прошла почти без всякого труда, но они могли вести с собой в походе по этой дороге и слонов в любом количестве» [72, 416]. Вместе с персами шло и вспомогательное четырехтысячное войско савиров.

В Лазике им противостояло двенадцатитысячное войско византийцев; девять тысяч человек заняли укрепления в устье Фасиса, а три тысячи составляли гарнизон Археополя, который был «первым и самым значительным городом у лазов» [72, 416]. Гарнизон в

Археополе возглавляли Одонах и Баба, войско в Фасисе - Бенил и Улигаг. К последним вскоре присоединился Вараз. Он привел с собой восемьсот тзанов (цанов). Бесса же в Колхиде уже не было. «Он, - сообщает Прокопий, - больше уже не хотел подвергаться трудам, но, удалившись в область Понта и Армении, всячески заботился собрать доходы со своей провинции, и такой своей мелочностью он вновь погубил дело римлян. Если бы он тотчас же после победы... по взятии Петры пошел в пределы лазов и иберов и, захватив находящиеся там теснины, укрепил их, то... персидское войско не могло бы пройти в область лазов» [72, 417].

Узнав о падении Петры, Мермерой двинулся сначала в Восточную Лазику, где захватил северные проходы из Иберии в Колхиду. В то же время он восстановил крепость Сканду и оставил в ней гарнизон. Затем повернул назад и подошел к Родополлю, где также разместил небольшой гарнизон, занявшийся восстановлением разрушенных до того лазами укреплений. Далее Мермерой с основными силами перешел вброд Фасис (имеется в виду Квирила), а затем Рион, тогда считавшийся притоком Фасиса. По правому берегу Риона Мермерой направился в сторону Археополя. Выяснив обстановку в западных районах Лазики, Мермерой решил сначала атаковать византийцев, стоявших у Фасиса. «Пройдя очень близко под стенами Археополя, - пишет Прокопий, - он, издеваясь, приветствовал находящихся там римлян и задорно, по-мальчишески заявил им, что он скоро к ним

344

вернется. Он сказал, что ему хочется сначала потолковать с теми римлянами, которые стоят лагерем у реки Фасис. Римляне в ответ сказали ему, чтоб он шел, куда хочет, но заявили, что если он встретится с находящимися там римлянами, то к ним он не вернется» [72, 418]. Когда, однако, византийцы, стоявшие у Фасиса, услышали, что персы приближаются, они сели на приготовленные корабли и переправились через Фасис. С собой они забрали лишь часть провианта, остальное же сбросили в реку. Застав пустой лагерь, Мермерой страшно разгневался и сжег все постройки. Затем он повел свое войско назад к Археополлю.

Мермерой решил штурмовать Археополь с наиболее доступной стороны - в районе нижних ворот. Сопровождавшим его савирам он повелел изготовить как можно больше таких же стенобитных машин, какие построили их сородичи при осаде Петры. Затем Мермерой послал на штурм крепости со стороны обрывов отряд доломитов - представителей горного племени Персии. Они умели «очень хорошо и быстро, - по словам Прокопия, - лазать по стремнинам и вершинам гор, как будто они бегают по гладкой равнине. После чего Мермерой двинул свои силы на приступ. Впереди двигались слоны, со спин которых персы стоя, как с башен, хотели поражать врагов. Одновременно к стенам были подведены тараны. Завязался отчаянный бой. Тучи стрел, копий и дротиков, по словам историка, закрыли небо. Византийцы понесли ощутимый урон. «Со всех сторон, - продолжает Прокопий, - дела римлян были плохи, везде грозили им опасности, и они испытывали самые тяжелые бедствия» [72, 420].

Тогда византийские военачальники Одонах и Баба собрали защитников на площади позади главных ворот и обратились к ним с речью: «...Люdiam, которые отчаялись в спасении, есть одна только возможность спастись - не надеяться ни на какое спасение; ведь тех, кто чересчур любит жизнь, по большей части неизменно постигает гибель... Пока мы защищаемся от врагов здесь, за укреплениями этих стен, как бы мы смело ни сражались, дело нашего спасения не на очень твердом основании... Всякий же раз, когда происходит рукопашный бой, результат его зависит от воодушевления, а вместе с храбростью является и победа... Кто победил врагов в рукопашном бою, на все остальное время избавившись от опасности, будут пользоваться полной безопасностью» [72, 420-424]. Затем Одонах и Баба приказали открыть ворота и быстро вывели свое войско на

полян перед крепостью. Византийцы, внезапно напав на персов, обратили их в бегство. «К тому же, - сообщает Прокопий, - один из слонов, раненый, как говорят одни, или сам по себе пришедший в беспокойство, повернул назад, не слушая приказов, стал строптивым, сбросил с себя тех, кто на нем сидел, и ворвался в строй других слонов. Варвары бросились от него бежать, а римляне с тем большим бесстрашием преследовали их по пятам и избивали» [72, 422]. Все персидское войско вместе с отрядами савиров и доломитов отступило. Византийцы одержали блестящую победу. На поле сражения

345

осталось лежать до четырех тысяч убитых, в том числе три персидских военачальника. Византийцы захватили четыре знамени, которые они сразу же отправили в Константинополь Юстиниану.

Пока основное византийское войско громило врага, оставшиеся в крепости также были заняты важным делом - тушили занявшийся было пожар. По этому поводу Прокопий писал: «Накануне один из лазов, очень знатный в этом племени и обитавший в Археополе, завел переговоры с Мермером относительно предательства своей родины. Мермерой сказал ему, что ничем другим он не доставит персам большего удовольствия, как если во время штурма стен он тайно подожжет помещения, где был сложен хлеб и другой провиант. Он поручил ему это, считая, что произойдет одно из двух: или римляне, обратив все свое внимание на тушение пожара и занятые им, дадут персам возможность перейти стены, или же, сражаясь на стенах, желая отразить персов, они оставят без внимания эти горящие здания; и если таким образом сгорит хлеб и другие запасы, то они, персы, без большого труда в короткое время возьмут Археополь осадой» [72, 421]. Когда бой у стен был в самом разгаре, лазу удалось прокрасться к складам и поджечь их. Византийцы с большим трудом, но все же сумели потушить пожар и сохранить продовольствие.

Потерпев неудачу под стенами Археополя, Мермерой отступил в Мухирисис. Положение его оказалось тяжелым еще и потому, что войско персов во время трудных переходов и из-за недостатка корма потеряло около двадцати тысяч лошадей. Прокопий пишет, что, находясь в Мухирисисе, персы «обладали большей частью остальной Лазики. Мухирисис отстоит от Археополя на один день пути. В этой области большое количество многолюдных поселков. Из всех земель Колхиды это самая лучшая. Тут выделяется вино и растет много хороших плодов, чего нет нигде в остальной Лазике. По этой стране протекает река по имени Рион; в древности колхи построили здесь укрепление, большую часть которого впоследствии они сами разрушили до основания, так как оно было расположено на равнине и, по их мнению, давало легкий доступ и возможность его завоевать. На греческом языке в то время это укрепление называлось «Котийон», теперь же лазы называют его Кутаисом» [72, 423-424]. Мермерой решил переждать зиму 551/552 г. в Мухирисисе. Поэтому он приступил к восстановлению укреплений Кутаиси. Не имея достаточно камня, он возвел здесь деревянные стены.

В тот период среди лазов вновь усилились проперсидские настроения. Царь лазов Губаз держал сторону византийцев, ибо Хосров уже давно замышлял его убить. Однако большинство лазов склонялось на сторону персов, по словам Прокопия, не потому, что «они были восхищены персами, но потому, что они стремились при их содействии избавиться от власти римлян, предпочитая из бед те, которых еще не было» [72, 427]. Вблизи Кутаиси находилась сильная крепость Уфимерей, которую охраняли лазы и римляне. Мермерой, обосновавшись в Кутаиси, преградил путь, которым шло

346

снабжение этой крепости провиантом. Путь этот вел в Сванетию и Скимнию. Прокопий замечает, что «если враги занимают Мухирисис, то для римлян и лазов отрезан путь в

этой местности». Один из знатных лазов, по имени Феофобий, вступил в тайные переговоры с Мермероем, предлагая ему Уфимерей. Момент был выбран удачно - положение гарнизона этой крепости оставалось весьма тяжелым. «В это время, - сообщает Прокопий, - не было никакой свободы сношений; напротив, персы с полной свободой ходили по всем этим местам, а из римлян и лазов одни скрывались у реки Фасиса, а другие прятались, захватив Археополь или какое-либо другое укрепление в этой местности. Сам Губаз, царь лазов, мог быть покойным, только держась на вершинах гор» [72, 427]. Феофобий явился в Уфимерей и сообщил гарнизону, что все византийское войско потерпело полное поражение, а Колхида находится под властью персов, которыми руководит сам божественный Хосров, пришедший сюда с бесчисленным войском. Услышав это, византийцы и лазы, занимавшие крепость, с радостью согласились ради сохранения своей жизни и имущества отдать персам Уфимерей и освободить путь в Сванетию.

В 551 г. Хосров и Юстиниан заключили новое пятилетнее перемирие. «Многие римляне, - писал Прокопий, - были очень недовольны этим миром... Говорили, что этот договор был заключен, когда власть персов над Лазикой была особенно крепка. Сделано это было с той целью, чтобы в течение этих пяти лет никто не мог их тревожить и чтобы они могли все это время, ничего не боясь и не неся никаких трудов, занимать лучшие земли Колхиды. Поэтому, как говорили, в дальнейшем римляне не смогут во веки веков никакими силами выгнать их отсюда, а для персов отсюда будет легкий доступ к самой Византии» [72, 425]. В следующем, 552 г. никаких серьезных событий в Колхиде не произошло. Лишь однажды Мермерой, услышав, что византийцы и Губаз укрепляют лагерь на Фасисе, устремился с войском туда; однако снова никого там не застал: византийцы уплыли на судах, а Губаз со своими детьми, женой и близкими родственниками бежал в горы. Там, голодая и замерзая, Губаз жил лишь одной надеждой на помощь Юстиниана. Мермерой же, построив много домов в селениях Мухирисиса, переманивал к себе скрывавшихся вместе с Губазом в горах лазов. Самому же лазскому царю он послал письмо, в котором, в частности, писал: «Два качества регулируют у людей ход их жизни, это - сила и благоразумие. Те, которые своей силой превосходят своих соседей, сами живут, как им угодно, и те, которые вследствие своей слабости должны служить более сильным, врачуя свое бессилие разумностью действий, поступают так, как угодно сильнейшим, покорно следуя за ними, и благодаря этому тем не менее могут жить в своей родной стране; и благодаря своей покорности они могут наслаждаться всем для себя желательным, чего им пришлось лишиться из-за своей слабости... Так вот и ты, любезнейший Губаз, если ты думаешь, что сможешь победить персов на

347

войне, не медли, и да не будет у тебя никаких колебаний. Ты найдешь нас готовыми встретить твое нападение в любом месте страны лазов... Но если ты и сам знаешь, что ты не в состоянии сопротивляться силе персов, то, милейший, воспользуйся второй возможностью, припомнив знаменитое «Познай самого себя», и преклонись перед своим владыкой Хосровым как царем, победителем и господином» [72,429-430]. Губаз же продолжал скрываться в горах.

Весной 553 г. Хосров утвердил договор о перемирии с Византией. На полученные от Юстиниана деньги он нанял большое войско савиров и отправил их вместе со множеством слонов к Мермерою. Полководец, воспользовавшись этим подкреплением, попытался вытеснить византийцев из западных районов Колхиды. «Выступив со всем персидским и гуннским войском, - писал Прокопий, - из Мухирисиса, Мермерой двинулся на крепости лазов, ведя с собой слонов. Римляне нигде не выступали против него в открытом сражении, но спокойно держались у устья реки Фасиса под начальством Мартина, чувствуя себя в полной безопасности, хорошо защищенные крепкой позицией. К ним пришел и царь лазов

Губаз» [72, 432].

Затем Мермерой повел осаду какой-то крепости, в которой находилась сестра Губаза, но безуспешно. Мужество ее защитников и естественная неприступность заставили персов и их слонов отступить. Тогда Мермерой двинулся в Абасгию, однако византийцы, занимавшие гарнизоном главную крепость Апсилии Тзибилу, захватили узкий проход, окруженный отвесными скалами, возможно Трахею, и не пропустили войско персов дальше. Мермерой вынужден был вернуться к Археополлю. Повторный штурм этой крепости не принес персам удачи - они бежали под натиском византийцев, снова предпринявших удачную вылазку и убивших при преследовании помимо большого числа персов и начальника савиров. Так Мермерой возвратился в Мухирисис [72, 432].

6. УБИЙСТВО ГУБАЗА

Как сообщал Агафий Миринейский, которому выпало на долю продолжить рассказ Прокопия Кесарийского, Юстиниан сосредоточил к лету 554 г. в Лазике «величайшее и сильнейшее римское войско под начальством лучших своих полководцев» [2, 53], среди которых названы Бесс, Мартин, Буза и Юстин, сын Германа. Мартин со своим войском занимал сильно укрепленный Телефис, который находился на южном, левом берегу Фасиса, напротив впадения в него реки Гиппос (современная Цхенисцкали), в двадцати пяти километрах к югу от Археополя. Это было, вероятно, то же самое место, где десять лет назад сотня византийцев старалась остановить полчища Хосрова, двигавшиеся к Петре. В задачу Мартина входила тщательная охрана прилегающих к крепости проходов. Не добившись успеха в откры-

348

том бою, Мермерой решился на хитрость. Он приказал своим приближенным распусть слух о его болезни. Сновавшие в толпе персов византийские шпионы тут же сообщили об этом Мартину. Через несколько дней было объявлено, что Мермерой умер. В действительности же он скрывался в одной из хижин поблизости. Византийцы это известие восприняли с ликованием. По словам Агафия, им «стало казаться излишним проводить бессонные ночи и чрезмерно трудиться. Вследствие этого, оставив заграждения и труды, которым для этой цели предавались, они стали вести распущенный образ жизни, спя целые ночи, проводя время в лагерях, не делая ничего нужного и прекратив даже высылать разведчиков» [2, 55].

Можно представить, как растерялись византийцы, когда под стенами Телефиса внезапно появился здоровый Мермерой со всем своим войском. Мартин, не медля, отдал приказ об отступлении, а сам раньше других добрался до лагеря, расположенного в полутора километрах западнее. (Там стояло войско под командованием Бесса Юстина). Место это называлась «Оллария» или «Хитрополь», т. е. «горшечный рынок», так как здесь велась торговля гончарными изделиями. В Телефисе задержался лишь Феодор, происходивший, по словам Агафия, «из племен цанов, но воспитанный у римлян, отказавшийся от варварских, хотя и отечественных, нравов и приобщившийся к их более высокой культуре» [2, 55]. Мартин перед бегством поручил Феодору, стоящему во главе пятисот соотечественников, разведать численность и намерения персов. Увидев множество персов, настроенных по-боевому, Феодор начал отступление. По пути он пытался увлечь за собой византийских солдат, которые, забыв об опасности, грабили лазские хижины. Однако не все они вняли приказу Феодора и продолжали бесчинствовать, за чем их и застали персы. Одни солдаты были убиты, другие спаслись бегством. С воплями ворвались они в «горшечный рынок», (внеся тем самым беспорядок в ряды византийского войска. Военачальники, не разобравшись в обстановке, решили с частью обоза оставить

занимаемые позиции. «Поэтому, снявшись с равнины, - пишет Агафий, - и увлекая за собой войско, начали постыдное и беспорядочное отступление; бегство прекратилось только тогда, когда добрались до Острова (так назывался укрепленный византийский лагерь, расположенный у слияния Фасиса и Докона - Техури?)... Такой дневной переход совершили эти благородные воины в своем поспешном бегстве» [2, 56]. Сарказм Агафия не случаен - византийцы пробежали около двадцати пяти километров.

Мермерой же, не решившись атаковать Остров и не желая возвращаться через теснины у Телефиса, форсировал Фасис. Он оставил сильный гарнизон в укреплении Оногурис (ныне село Сепиети), которое раньше, по словам Агафия, «создал против римлян в окрестностях Археополя», и двинулся назад в Кутаиси и Мухирисис. Тут Мермерой почувствовал, что серьезно заболел, Тогда он оставил войско в Лазике и поспешно переправился в Иберию. Скончался Мермерой во Мцхете. «Это был человек величайшего

349

ума, - писал Агафий, - сделавшийся виднейшим среди персов, опытнейший в военном деле, мужественный духом. Будучи уже престарелым и издавна хромя на обе ноги, он не мог ездить верхом, но лишения переносил как сильнейший юноша и не отказывался ни от каких подвигов, появлялся часто в строю, носимый на носилках, и этим внушал страх врагам и поднимал дух своих. Распоряжаясь всем должным образом, он одержал много побед» [2, 57]. Бездыханное и обнаженное тело Мермероя в соответствии с обычаями персов близкие вынесли за город и оставили «на растерзание нечистым псам и птицам, которые питаются трупами». Это произошло летом 554 г. Хосров же назначил на место умершего Мермероя «одного из самых знаменитых и знатных своих людей» - Нахогарана. Позорное бегство византийцев из Телефиса вызвало возмущение Губазы, который направил Юстиниану письмо с изложением всего происходящего. В основном Губаз обвинял в неудачах Бесса, затем Мартина и Рустика, ведавшего в Лазике распределением средств для награждения отличившихся в боях. Юстиниан и прежде был недоволен Бессом, которому следовало до прихода Мермероя укрепить как можно тщательнее все проходы из Иберии в Лазик. Вместо этого Бесс занялся объездом вверенных ему городов и вымогательством у них денег. Теперь Юстиниан, вспомнив и об этом, лишил Бесса власти, конфисковал имущество и выслал в страну абасгов, где тот должен был дожидаться дальнейших распоряжений. Остальных же начальников Юстиниан лишь пожурил, сохранив им должности.

Мартин и Рустик решили отомстить Губазу, который на пирушках их открыто порицал, называл трусами и хвастунами. Прежде всего они послали к Юстиниану брата Рустика - Иоанна с ложным сообщением, будто Губаз замыслил измену и собирается отдать свою страну персам. Выслушав Иоанна, Юстиниан, по свидетельству Агафия, ответил: «Позаботьтесь, чтобы этот человек был здесь». Иоанн же, боясь, чтобы не раскрылась клевета, когда тот придет, сказал: «Будет исполнено, господин. Однако, что нам делать, если он не пожелает добровольно отправиться сюда?» - «Нужно принудить как подданного, - ответил император, - нужно употребить все средства прислать его сюда». Иоанн тотчас же прервал его: «Если он, принуждаемый, будет сопротивляться, то что сделать с ним?» - «Что же другое, как то, что полагается с тираном; пусть погибнет жалкой смертью», - ответил император. «Следовательно, - сказал Иоанн, - тому нечего бояться, кто его убьет?» - «Нечего, - ответил император, - если погибнет как враг при сопротивлении и непослушании» [2, 71-72].

Затем сказанное Юстинианом было изложено в его письме к начальникам византийского войска в Колхиде. Получив это письмо, Мартин и Рустик решили, что все готово для исполнения их замысла, и отправились, взяв с собой ничего не подозревавших Юстина и Бузу, якобы на переговоры с Губазом по поводу штурма Оногуриса. Губаз вышел к ним навстречу из своего лагеря у реки Хоб, беззаботный, приветливый. «Ведь он шел, -

ет Агафий, - к друзьям и близким, не к врагам, а к защитникам страны от иноземных врагов» [2, 72].

Рустик первым начал разговор. Он потребовал от Губаза взять на себя большую часть хлопот по штурму Оногуриса. Губаз же, напомнив, что только из-за медлительности и распушенности византийцев персы заняли крепость, заявил, что последует со своим отрядом за византийцами лишь после того, как те исправят свои ошибки. Этого только и ждал Иоанн, который истолковал слова Губаза как открытый переход его на сторону персов. Иоанн нанес Губазу удар в грудь кинжалом. Губаз свалился с коня. На земле его добил мечом по голове один из слуг Рустика. Юстин и Буза были поражены и опечалены случившимся. Однако они молчали, полагая, что Иоанн действовал по приказу императора. Охваченные скорбью и страшным негодованием, лазы похоронили Губаза «по своему обряду» и отстранились от всякого участия в войне [2, 73].

Агафий полагает, что лазы справедливы в своем возмущении, и в нем самом просыпается чувство вины перед ними за проступки византийцев. Он считает своим долгом сказать несколько добрых слов в адрес лазов. «Лазы, - пишет Агафий, - народ очень многочисленный и воинственный. Они властвуют над многими другими племенами.

Гордясь старым названием колхов, они сверх меры себя возвеличивают и, может быть, не совсем без основания. Среди народов, находящихся под чужой властью, я не видел никакого другого, столь знаменитого, так осчастливленного избытком богатств, множеством подданных, удобным географическим положением, изобилием необходимых продуктов, благопристойностью и прямою нравов... В настоящее же время колхи совершают морские путешествия, когда это возможно, и извлекают выгоду из торговли. Их, наконец, никак нельзя назвать варварами, и не так они живут, но общением с римлянами они приведены к гражданственности и законному порядку» [2, 73].

Мартин решил брать приступом Оногурис, который в середине VI в. по словам Агафия, носил еще и другое название - «по имени воздвигнутого тут храма святого Стефана».

Византийские военачальники и войска, расположившись в Археополе, занялись сооружением машин для метания огромных камней и «черепак» - легких, плетенных из прутьев и накрытых кожей переносных укрытий, с помощью которых намеревались приблизиться к стенам, чтобы начать подкоп. Оруженосцы Юстина в тот момент схватили вблизи Оногуриса перса. Его сильно избили, после чего он сообщил, что Нахогаран уже в Иберии и скоро прибудет в Лазику, а персы, находящиеся в Кутаиси и Мухирисисе, узнав о походе византийцев, перебрасывают силы к Оногурису. Буза предложил выйти навстречу пополнению и уничтожить его. Бузу на военном совете поддержал Улигаг, который привел свою любимую пословицу о том, что сначала надо раздавить пчел, а затем уже спокойно собирать мед. Однако Рустик, пользуясь поддержкой Мартина, настоял на своем варианте - штурмовать всеми силами Оногурис, а навстречу

подкреплению выслать лишь небольшой отряд в шестьсот человек под командованием Дабрагеза и Усигарда - варваров до происхождения, но поставленных во главе византийских когорт.

Пятидесятитысячное войско византийцев приступило к штурму Оногуриса. К воротам были подведены тараны. Метательные машины осыпали персов камнями. Летели копья. Персы же, скрытые за зубцами стен, бросали в штурмующих камнями. Вскоре, однако, их сопротивление было подавлено. Византийцы ворвались в укрепление и стали его грабить. Дабрагез же и Усигард натолкнулись на трехтысячный отряд персов, спешивший к

Оногурису. Неожиданное появление на дороге византийцев обратило персов сначала в бегство: они решили, что перед ними основные силы противника. Однако, разобравшись в положении, персы без особого труда из отступающих превратились в преследующих. Уцелевшие византийцы достигли Оногуриса, которым их товарищи уже почти овладели. Агафий сохранил красочное описание дальнейших событий, приведших византийцев к совершенно нелепому поражению. «Произошло так, - пишет историк, - что когда одни стремились захватить, другие старались скрыться. Одновременно и те, кто бежал, и те, кто преследовал неотступно, вместе добежали до остальных римских войск. Когда поднялся громкий крик, все римское войско, бросив осаду и крепость, которая считалась почти взятой, вместе с военачальниками обратились в бегство, не успев задержаться даже на столько, чтобы разобраться в случившемся, узнать, какое число бегущих и какое преследующих, но все неслись стремглав в беспорядочном бегстве, как бы охваченные безумной паникой... Конечно, вся конница римлян в своем быстром беге легко вышла из-под ударов копий. Из пехоты же многие были перебиты, задержанные на мосту реки, называемой Чистой, через которую им нужно было перейти... Они толкали друг друга, и одни тонули в речном потоке, другие же, оттесненные назад, попадали в руки врагов. Со всех сторон доносились стоны, и, может быть, все войско было истреблено, если бы военачальник Буза, услышав крики и вопли и увидев величину опасности, не повернул назад со своей дружиной и, выступив против варваров, не задержал их натиска до тех пор, пока римские войска, с трудом переправившись через мост, не оказались в безопасном месте и не соединились с остальными. В прежнем лагере, который разбили вблизи Археополя, никто не остался, но в страхе пробежали через него, оставили там весь обоз, самые необходимые предметы и предметы большей ценности и скрылись внутри страны, доставив неприятелю не только славную и громкую, но и весьма прибыльную победу» [2, 76].

Вскоре лазы тайно собрались в укромном месте в одном из ущелий и стали совещаться, следует ли им стать на сторону персов или оставаться под властью византийцев. Агафий приводит содержание пространных речей Айэта, призывавшего к дружбе с персами, и Фартаза, настаивавшего на союзе с византийцами. Этот совет - замечательное свидетельство сохра-

352

нения у лазов и в VI в. одной из важнейших черт родового строя - народного собрания. Айэт доказывал, что убийство Губаза - лишь начало бедствий, которыми византийцы угрожают лазам. «Увяло старое достоинство колхов, - говорил оратор, - и в дальнейшем нам следует уже думать не о том, чтобы повелевать другими... если мы простим это оскорбление, они на этом не остановятся; если мы останемся спокойными, они будут нас оскорблять еще бесстрашнее, ибо они всегда были жестокими по отношению к своим подданным и привыкли презирать своих клиентов. Даже царя они имеют лукавейшего. Как бы я желал, чтобы у государства колхов была прежняя сила, так чтобы оно не нуждалось в посторонней и чужеземной помощи, но само удовлетворяло бы своим нуждам во всех случаях - в мире и в войне. Теперь же, когда или вследствие различия времени, или вследствие враждебности судьбы или по обоим причинам, мы дошли до такой слабости, что подчинены другим, я считал бы наилучшим покоряться более разумным, которые сохраняют дружбу к своим и верность договорам... персы... одинаково человечны и великодушны, умеют хорошо приспособляться к обычаям соседей...» [2, 78-80].

Речь Айэта воодушевила лазов, которые громко стали призывать к переходу к персам в тот же день. «Ибо вообще свойственно и врожденно толпе, - флегматично поясняет Агафий, - стремиться к новизне и радоваться переменам» [2, 80-81].

Однако возбуждение лазов сумел успокоить Фартаз, по словам Агафия, «человек,

пользующийся у колхов исключительным авторитетом, разумный и умеренный, очень популярный». Фартаз говорил: «Слушая эти привлекательные, но обманчивые доводы Айэта, вы не понимаете сами, как вас обманывают... Бесчестно и, сверх того, бесполезно из-за вины одного или, может быть, двух дерзко нарушать общественные законы, которые мы привыкли соблюдать, так легко изменять весь образ нашей жизни, к которому мы так хорошо привыкли, выставляя себя предателями и дезертирами по отношению к тем, которые стоят на страже нашей страны, чтобы мы жили спокойно и безопасно, и, наконец, что является самым нечестивым, отказаться от истинной религии... персы... запретят нам сохранять верность нашей вере, но принудят нас перейти к своей... Я же думаю, что о случившемся нужно сообщить императору и просить его по справедливости покарать главных виновников этого преступления» [2, 81-85].

Предложение Фартаза было принято большинством голосов. Лазы отправили к Юстиниану посольство с просьбой наказать виновных и назначить царем Цате, младшего брата Губаза, который в то время находился в Византии. Юстиниан удовлетворил все просьбы лазов: Рустика и Иоанна заключили в темницах Апсара, а Цате, получив от императора царское достоинство и его знаки (золотую корону, усеянную драгоценными камнями, шитый золотом хитон до пят, пурпуровые сапоги и митру, украшенную

353

драгоценными камнями и золотом, белую хламиду с золотым шитьем и императорской фибулой на плече), вернулся в Лазику, где по этому поводу были устроены пышные торжества. «Когда Цате, - пишет Агафий, - вступил в царском облачении в свою страну, военачальники и все римское войско, вышедшее с приветствием, встретили его с должными почестями. Они шли впереди его, великолепно вооруженные, большею частью конные. Лазы, с трудом оставив свою скорбь, обратившись к радости, провожали его, сменяя друг друга. Со всех сторон звучали трубы; знамена высоко развевались. И было торжество блестящим, горделивым и более праздничным, чем это обычно бывает в царстве лазов. Цате, ставши у власти, взял в свои руки руководство и управлял своим народом, как ему было угодно и как требовал отечественный обычай» [2, 86-87]. Так началась весна 555 г.

7. БИТВА ЗА ФАСИС

В это же время Нахогаран прибыл в Мухирисис и приступил со всей тщательностью к подготовке своего шестидесятитысячного войска к решающему, по его замыслу, наступлению на позиции византийцев в Лазике. Основные силы последних под руководством Мартина и Юстина были сосредоточены на Острове. Отряды византийцев стояли также в Археополе (там командовал некий Бабас), а также, вероятно, в Фасисе и некоторых других пунктах. Кроме того, двухтысячный отряд савиров расположился вблизи Археополя, где ими был построен специальный лагерь с бревенчатыми стенами и хижинами из кольев и шкур.

Нахогаран решил начать военные действия с уничтожения отряда савиров. С этой целью он послал вперед трехтысячную армию искусных бойцов, которые умели сражаться в горах, - дилимнитов, принадлежавших к племени, которое занимало среднее течение реки Тигра. Каждый воин был вооружен копьем, мечом, кинжалом и щитом. Поймав лаза, дилимниты потребовали от него показать им дорогу к лагерю савиров, так как было уже темно. Лаз сначала согласился, но как только они достигли густого леса, сумел воспользоваться темнотой и благополучно скрыться. Он раньше врагов добрался до лагеря савиров, разбудил их и предупредил о грозящей, опасности. Оставшуюся часть ночи савиры бодрствовали. Они устроили засаду на подступах к лагерю. Ворота же

оставили открытыми. Дилимниты, проплутав в лесу много часов, наконец к утру достигли лагеря. Уверенные, что савиры спят, они забросали пустые жилища копьями. Савиры же неожиданно с двух сторон напали на них и без труда уничтожили восемьсот человек. Оставшиеся в живых дилимниты пытались отыскать в полутьме дорогу назад. Они долго блуждали по лесу. Савиры и там преследовали их с копьями и мечами. Разбуженный шумом сражения, Бабас, ночевавший в Археополе, до восхода солнца сохранил хладнокровие, и только после того,

354

как разобрался, в чем дело, присоединился со своим отрядом к преследованию остатков отряда дилимнитов. Менее тысячи дилимнитов смогло добраться до лагеря персов [2, 89-90].

Неудача лишь подстегнула Нахогарана. Он подошел к Острову, вызвал на переговоры Мартина и потребовал от него немедленного ухода в Трапезунт. В свою очередь, Мартин рекомендовал Нахогарану убираться в Иберию, поскольку он, Мартин, может вести переговоры только из Мухирисиса. На этом беседа полководцев закончилась, и Нахогаран решил сначала штурмовать крепость Фасис. Глубокой ночью, спустив на воду лодки, привезенные на телегах, и связав их, персы тайно навели мост и перешли на противоположный, южный берег. На рассвете Нахогаран отошел от реки и двинулся к Фасису. Он надеялся взять его со стороны, не защищенной рекой. Узнав об этом, Мартин немедленно приказал снарядить флотилию и отправил часть войска вниз по течению. Однако Нахогаран, предусмотрев такую возможность, на полпути к Фасису преградил реку бревнами и лодками, за которыми стояли слоны. Византийцам пришлось резко изменить курс своих кораблей и выбираться против течения. При этом в руки персов все же попали две лодки, команда которых спаслась вплавь. Оставив Бузу с его войском на Острове, византийцы перешли реку вброд. Сухопутным путем по левому берегу вскоре добрались они до Фасиса, удачно сумев обойти лагерь персов.

Юстин со своим отрядом занял наиболее возвышенную, обращенную к морю, часть города. За ним стоял Мартин со своими полками. В середине заняли позиции Ангилла с маврами-копьемосцами, Феодор с тяжеловооруженными цанами и Филомафий с исаврийскими пращниками и копьёметателями. Неподалеку от них расположился отряд солдат из племен лангобардов и герулов, руководимых Гибром. Остальная часть крепостной стены, обращенная на восток, охранялась восточными полками под командой Валериана. Затем, как сообщает Агафий, была сооружена «чрезвычайно крепкая внешняя ограда, которая могла служить внешним укреплением для стены и выдержать первый натиск неприятеля. Военачальники справедливо боялись за стену, так как она была построена из дерева, из-за ветхости была разрушена в нескольких местах. Поэтому они выкопали глубочайший круговой ров, которой так был наполнен водой, вышедшей из берегов, что она скрывала заостренные колья, густо набитые во рву, и делала их незаметными. Так как они направили туда воду из озера, которое называют малым морем (*по-видимому, современное озеро Палеостоми. - Ю. В.*) и которое имеет исток в Эвксинский Понт, то легко заполнили водой весь ров. Большие грузовые суда, прибоем волн и течением Фасиса весьма близко придвинутые к стенам, имели высоко поднятые лодки, подвешенные к самой верхушке мачт и крепко закрепленные, так что они значительно превышали высоту башен. Наверху расположились воины и моряки, отобранные из наиболее смелых и воинственных, с луками и пращами. Были поставлены там и дальнестрельные орудия» [2, 92-93]. Византийцы сожгли

355

все жилища, гостиницы и прочие постройки в прилегающей к городу местности, чтобы

персы не нашли там материалов для сооружения осадных орудий и засыпки рва. Пока в быстром темпе велась подготовка к сражению, византийцам удалось вернуть себе попавшие накануне к Нахогарану две лодки. Их сорвало бурей и принесло течением к стенам Фасиса вместе с находившимися в лодках персами.

Нахогаран сначала решил узнать возможности византийцев. Подойдя со всем войском к Фасису, он осыпал осажденных тучей стрел. Нарушив приказ Мартина не покидать стен укреплений около двухсот воинов под руководством Ангилы и Филомафия открыли ворота и кинулись на неприятеля. К ним присоединился и Феодор с отрядом цанов. Правда, сделал он это не столько по собственной инициативе, сколько из боязни прослыть трусом. Дилимниты, находившиеся ближе других к воротам, тут же взяли византийцев в кольцо, и только отчаянное сопротивление последних позволило им пробиться снова к своим. «Они прошли, - пишет Агафий, - через такую опасность, не отличившись ничем другим, кроме своего бегства и спасения» [2,94]. Отбив эту безрезультатную атаку византийцев, персы стали засыпать ров. Они бросали туда камни, бревна - все, что попадало под руку. Так закончился первый день битвы за Фасис.

Наутро Мартин, понимая серьезность создавшегося положения решил прибегнуть к хитрости, чтобы как-то поднять боевой дух своих солдат. Так неожиданно в центре города появился незнакомец. Он выглядел усталым и измученным долгой дорогой. На глазах у всех он вручил Мартину письмо, которое якобы привез от самого Юстиниана. Громким голосом Мартин зачитал его. В письме говорилось, что на помощь Фасису послано еще одно войско византийцев. Мартин сделал вид, что страшно возмущен таким поворотом дела. Выходит, что вновь прибывающие войска незаконно претендовали на свою долю в добыче, которая достанется победителям, хотя грядущая победа над персами - заслуга присутствующих. Мартин предложил отказаться от помощи и своими силами разбить персов. Солдаты шумно одобрили последние слова полководца. Хитрый план Мартина превзошел все его ожидания - находившиеся в толпе персидские шпионы тут же сообщили Нахогарану о том, что с юга движется большое войско византийцев. Тот, в свою очередь, поспешил послать навстречу византийцам значительный отряд персов, которые, по словам Агафия, «должны были проявить великую бдительность и тщательность в бесполезном деле» [2, 95-96].

В то же время Юстин решил, пишет Агафий, «идти как можно скорее к святейшему храму, который у христиан в большой чести и который находится недалеко от города, и молиться о божественной помощи» [2, 97]. Юстин вместе со своим пятитысячным отрядом конницы совершенно незаметно сумел обойти морским берегом позиции персов, которые всей массой устремились на штурм Фасиса. Разгорелся жестокий бой. «Стрелы неслись до того густо, - писал Агафий, - одна за другой, что своим множеством закры-

356

ли все небо, как будто бы связанные между собою, так что их можно было сравнить с великим снегопадом или сильным градом, обрушившимся при сильнейшем ветре. Другие тащили осадные орудия и металы огненосные снаряды. Некоторые, прикрываясь так называемыми черепахами, топорами рубили стену... Иные пытались подкопать почву и добраться до основания стены и таким образом потрясти и опрокинуть то, что было сплочено и соединено» [2, 97]. Византийцы же забрасывали персов сверху копьями, камнями (их подвозили на повозках), разбивали шлемы и щиты врагов с помощью пращей. С лодок, подвешенных к мачтам кораблей, сыпались стрелы и дротики. Последние были особенно губительны, так как, будучи посланными из специальных метательных орудий, прошивали насквозь всадников вместе с лошадьми. «Поднялся величайший крик, - сообщает историк, - и трубы с каждой стороны издавали воинственные звуки. Персы гремели тимпанами и издавали громкие вопли для возбуждения страха. Ржание лошадей, стук щитов, разрывы кольчуг производили

смешанный, но сильный грохот» [2, 97-98].

В самый разгар битвы вблизи города оказался со своим отрядом Юстин. Он возвращался после молитвы. Заслышав шум сражения, Юстин привел свое войско в боевую готовность: приказал поднять знамена и направить основной удар конницы во фланг штурмующих. Этот маневр внес в ряды персов страшную сумятицу: они решили, что прибыла та самая армия, о которой предупреждал Мартин. Левое крыло персидской армии стало распадаться, однако на правом, где было много слонов, она имела явное преимущество. Но и здесь случай помог византийцам выйти из тяжелого положения: оруженосец Мартина, по имени Огнарис, отбиваясь от слона, нанес ему удар острием копья в бровь. Копье застряло глубоко, и Огнарису никак не удавалось вырвать его из тела разъяренного животного. «Страдая от полученной раны и, сверх того, напуганный болтающимся у глаза дротиком, слон тотчас попятился назад и начал метаться в разные стороны. То, болтая хоботом наподобие бича, он поражал многих персов и бросал их вверх, то, протягивая его в длину, издавал какой-то страшный и сильный крик. Сидящих на нем воинов он сильным толчком сбросил вниз и умертвил, растоптав ногами, наконец, привел в беспорядок все персидское войско, а лошадей, к которым он приближался, приводил в бешенство. С поднятой гривой они противились всадникам. А тех, кого хватили зубами, раздирали и разрывали. Все наполнилось воплями и смятением...» [2, 99]. Воспользовавшись сумятицей на обоих флангах штурмующих, византийцы перешли в наступление. Персы в панике бежали. «Сам Нахогаран, т пишет Агафий, - изумленный неожиданным исходом дела, быстро убежал, грозя всем бичом и приказывая бежать как можно скорее, что они и сами делали» [2, 100].

Сражение завершилось следующим трагическим эпизодом. Еще перед боем Нахогаран послал в окрестные леса около двух тысяч рабов. Они дол-

357

жны были рубить деревья и доставлять в лагерь. Уверенный в своей победе, Нахогаран хвастливо заявил, что, как только те увидят на горизонте огонь и дым, пусть бросают работу и возвращаются в Фасис. Так как огонь и дым, который они увидят, будет означать, что горит покоренный Фасис. Византийцы же, отогнав персов, собрали все стенобитные машины и «черепахи» и подожгли. Несчастные рабы, бросив работу, кинулись, обгоняя друг друга, к Фасису. Там их перебили византийцы. «Так заносчивость губит, - прокомментировал этот эпизод Агафий, - не только своих носителей, но и тех, кто их обслуживает и им подчиняется» [2, 100]. Потеряв под Фасисом свыше десяти тысяч воинов, Нахогаран двинулся назад в Мухирисис, где оставил большую часть конницы под командованием «знаменитейшего мужа» Вафрiza, а сам уехал зимовать в Иберию. Несколько месяцев спустя весть о поражении Нахогарана под Фасисом дошла до Хосрова. Он вызвал к себе Нахогарана и за проявленную трусость предал страшной казни. Нахогарану надрезали у шеи кожу и содрали до пальцев ног, вывернули и, надув ее наподобие кожаного меха, повесили на скале вблизи персидской столицы [2, 127]. Воспользовавшись наступившим затишьем в военных действиях, византийцы организовали суд над убийцами Губаза Иоанном и его братом Рустиком. Разбирательство вел специальный представитель Юстиниана - Афанасий. Он восседал на высоком стуле, одетый в дорогие одежды, такие, какие носили лишь самые выдающиеся византийские начальники. На суде «присутствовали, - по словам Агафия, - люди опытнейшие в скорописи и в умении быстро и ловко расшифровывать написанное, другие служащие, державшие себя сурово и торжественно, опытнейшие в судебных делах, звонкоголосые глашатаи и ликторы. Все они были выделены константинопольским правительством» [2, 102]. То исключительное внимание, которое византийцы придали внешнему оформлению церемонии суда над убийцами Губаза, Агафий объясняет следующим образом: «Когда же судебное дело ведется перед трибуналом, и дело решается с участием двух сторон, и

судебные служащие проходят взад и вперед, а виновные каждый по очереди в порядке встают согласно приказанию, когда зрителям будет показана вся торжественность суда и красноречие, поражающее слух, при выполнении всего этого само возмездие будет представлено варварам более суровым и даже, может быть, превышающим меру совершенного преступления. Процедура суда поражает даже самих римских граждан и лишает их душевного равновесия, хотя они часто с этим сталкиваются. Тем большее воздействие будет на варваров, к этому не приученных» [2,103]. У лазов же в то время суд сводился к устранению виновных путем тайной казни. На суде присутствовали в качестве обвинителей «мудрейшие из колхов, уже давно изучившие греческий язык» [2,103]. Было зачитано письмо Юстиниана, в котором тот призывал судей быть объективными в своем решении. Затем выступили обвинители. Их пространная речь произвела

358

огромное впечатление на собравшихся здесь же лазов. Затем слово предоставили Рустуку. Он безуспешно пытался представить Губаза предателем. После двойного допроса и открытого разбора аргументов обеих сторон Афанасий приговорил Рустука и Иоанна к смертной казни. «Их провозили - пишет Агафий, - по общественным дорогам, посаженных на мулов, специально для колхов, что было для них предметом любопытного зрелища и напоминанием о необходимости величайшей осмотрительности. Особенно их поражал голос герольда-глашатая, кричавшего громко и пронзительно, призывавшего бояться законов и воздерживаться от несправедливых убийств. Когда же у них были отрублены головы, все прониклось состраданием... Колхи же снова почувствовали величайшее благорасположение к римлянам, восстановив старые к ним отношения» [2, 114-115]. Между тем наступила зима 555/556 г.

8. МЕСТЬ ЗА СОТЕРИХА

Вместе с Цате, новым лазским царем, весной 555 г. в Колхиду прибыл посланник Юстиниана Сотерих. Он привез с собой деньги северокавказским племенам - союзникам Византии. Такая раздача денег, отмечает Агафий, производилась ежегодно «с древних времен». В дальний путь Сотериха сопровождали два его старших сына - Фелагрий и Ромил, едва достигшие совершеннолетия. От крепости Фасис Сотерих отправился в страну мисимиян, которые, по свидетельству Агафия, «были подданными царя колхов, также как апсильцы». О территории, занимаемой этим народом, у Агафия содержатся достаточно определённые сведения - «живут же они, - сообщает историк, - севернее народа апсильев и несколько восточнее [2, 87]. Одно из наиболее значительных укреплений мисимиян - Бухлоон (возможно, в районе нынешнего села Пахулани на берегу Ингури. - Ю. В.) - находилось «у самых границ лазов», западная же их граница проходила вблизи крепости Тибелия - ее обычно отождествляют с Тзибиллой Прокопия и величественными руинами Цибилиума восточнее современного села Цебельда в Кодорском ущелье, вблизи которого на вершине горы Пскал локализуется и главная крепость мисимиян Тцахар [21, 150]. Связь мисимиян с соседними народами не совсем ясна - их сопоставляют и с древнеабхазскими племенами (в первую очередь апсилами), и со сванами. Агафий, отмечая, что у мисимиян и лазов язык и нравы различны, затем сообщает, что они близки по образу жизни к апсилам. Переговоры с мисимиянами византийцы вели через посредство апсильев, а не лазов или сванов. Важно сведение о том, что Бухлоон был расположен на пути в Аланию, который в более поздних источниках известен как Мидзиамианский (Мисимианский?) и проходил скорее всего по Ингурскому ущелью.

Сотерих, добравшись до Бухлоона, задержался там на некоторое вре-

мя. Среди мисимиян прошел слух, будто Сотерих собирается передать Бухлоон аланам, дабы послы более отдаленных народов получали там субсидии и не было бы более необходимости византийским посланникам самим преодолевать трудности дальних горных переходов. Тогда мисимияне направили к Сотериху двух своих самых знатных представителей - Хада и Туана. Сотерих остановился в доме вблизи крепости. Это усиливало подозрения посланцев мисимиян. Они обратились к нему с такими словами: «Ты хочешь нас обидеть, военачальник. Не подобает тебе позволять другим отнимать наше, ни самому этого желать. Если же у тебя нет такого намерения, как можно скорее отсюда уходи и избери себе другое местопребывание. У тебя не будет недостатка в необходимых продуктах: мы все будем доставлять. Здесь же тебе оставаться нельзя никоим образом, и мы не допустим, чтобы ты медлил и оставался здесь» [2, 87]

Сильно разгневался Сотерих за такие речи и, порешив, что «нельзя позволять подданным колхов, которые повинуются римлянам, так неистовствовать против римлян» [2, 87], приказал своим телохранителям избить посланников мисимиян, что те и выполнили с большой старательностью. Сотерих же, не придав серьезного значения случившемуся, беззаботно заснул, не расставив даже караула. Его сыновья, спутники, домашняя прислуга и рабы тоже спали безмятежным сном.

Мисимияне же, не стерпев полученного оскорбления, ворвались в помещение, где ночевал Сотерих, и перебили сначала всех его рабов. Отчаянные крики разбудили хозяина и его спутников. В страхе повскакивали они с постелей, но, расслабленные сном, совсем не могли защищаться. Одни запутались в шкурах; другие беспомощно метались впотьмах, тщетно разыскивая свои мечи; третьи издавали жалобные вопли, не зная, что и предпринять. Мисимияне зарубили Сотериха, его сыновей и большинство сопровождавших подданных. Лишь немногим удалось бежать через заднюю дверь.

Мисимиянам досталось все имущество убитых, а также императорская казна.

Когда же страсти улеглись и гнев утих, мисимияне поняли, какой жребий ими брошен, ибо не могли и помышлять о серьезном сопротивлении византийцам своими силами.

Недолго думая, они решили обратиться за помощью к персам. Известие о случившемся вызвало гнев и огорчение у Мартина и других византийских военачальников, но они, находясь в предверии битвы за Фасис, не смогли сразу им отомстить. Затем их отвлекла подготовка к новой зиме.

Между тем мисимияне направили к Нахогарану в Иберию посольство из числа наиболее влиятельных своих соплеменников. Скрыв истинную причину своего конфликта с византийцами, они заверили персов в своих давних к ним симпатиях. Они уверяли, что именно за это лазы и византийцы «обливали их грязью». О Сотерихе же они сказали, что тот хотел уничтожить весь народ мисимиян. Основная миссия Сотериха, связанная с разда-

чей денег аланам и их соседям, была представлена мисимиянами как благовидный предлог, чтобы разделаться с ними. «Поэтому мы умертвили Сотериха и тех, кто явился с ним для указанных целей, говорили послы, - чтобы отомстить за нанесенную нам обиду, и этим дав залог крепчайшей верности персам, перейти к ним с наибольшей славой. Поскольку за все это и в особенности за отпадение на сторону персов римляне не перестанут нас преследовать своим гневом и весьма скоро нападут, чтобы перебить нас всех, поскольку это от них зависит, то подобает тебе, военачальник, принять нас благосклонно, защищать нас и заботиться о сохранении страны, как своей собственной, подчиненной вам, не пренебрегать народом, которому угрожает смертельная опасность,

не малым и не темным, но могущим принести величайшую пользу персидской монархии. Ибо вы легко убедитесь, что в военном деле мы опытни и по заключению с вами союза, будем сражаться весьма храбро, и у вас будет местность, расположенная внутри самой территории колхов, - безопасный стратегический пункт, весьма удобный для совершения набегов и являющийся как бы бастионом против врагов» [2, 115]. Нахогаран похвалил мисимиян «за отпадение» от византийцев и пообещал им в случае необходимости прийти на помощь.

Весной 556 г. византийцы стали готовиться к походу против мисимиян. Летом под руководством армянина Бораза и лаза Фарсанта четырехтысячный отряд двинулся на северо-запад. Фарсант по словам Агафия, «был вождем служившей при императорском дворце тагмы колхов» и имел звание магистра, однако, как и Бораз, большим авторитетом не пользовался [2,116].

Путь византийцев лежал через страну апсилов, куда они, по-видимому, от Фасиса отправились морем через покинутый Себастополь. Персы же, узнав о приготовлениях византийцев, двинулись из Иберии и «городков, расположенных вокруг Мухирисиса», по подгорной дороге и, опередив их преградили путь к главным крепостям мисимиян. Не исключено, что, гарнизоны персов заняли и какие-то укрепления апсилов. Вот как об этом пишет Агафий: «Итак, это войско (*византийцев*, - Ю. В.) с наступлением лета пришло в страну апсильцев. Когда оно хотело продвинуться дальше, то препятствием ему явился персидский отряд, там собранный... Поэтому римляне, находясь в укреплениях апсильцев, старались протянуть время, пока не истечет срок жатвы; идти же в боевом строю против персов и соединенных с ними мисимиян считали неосмотрительным и даже весьма опасным. Итак, каждое войско оставалось на месте; ни одно из них не делало даже попытки продвинуться дальше, но они взаимно наблюдали друг за другом и выжидали, кто двинется первым» [2, 116].

На довольно большом расстоянии от главного лагеря персов разместился отряд из пятисот савиров, прежде сражавшихся на стороне византийцев, а после прекращения военных действий нанявшихся к персам. Они занимали возвышенность с небольшим, вероятно деревянным, укреплением, стены которого были низкими. Когда Максенций и Феодор узнали от

361

своих разведчиков, что савиры, отложив оружие, бездействуют, они послали туда триста всадников. Незаметно подобравшись к укреплению, византийцы окружили его и стали поверх стен бросать в варваров метательные копья, стрелы, камни. Лишь сорок персов смогли спастись бегством. Вскоре к месту сражения подошел двухтысячный персидский отряд и византийцам пришлось отступить к крепости. Уходили они от преследователей двумя путями: по одному на носилках несли тяжело раненого Максенция, по другому двигались византийцы, отвлекая основное войско персов. Таким образом они выручили Максенция и его спутников.

Пока византийцы и персы сдерживали друг друга на границе Апсилии и Мисиминии, Юстин, сын Германа, командовавший византийскими войсками на Острове, направил одного из своих военачальников, гунна по происхождению, Эльминзура, с двумя тысячами воинов на освобождение Родополя. Со времени второго похода Мермероя там находился персидский гарнизон. К моменту прихода византийцев персы, как и большая часть горожан, бродили по окрестностям. Поэтому Родополь был взят без боя. Затем византийцы приступили к прочесыванию окрестностей и истреблению персов. У мирных горожан Эльминзур взял заложников и разрешил им продолжать жить в своем городе. «Так Родополь, - пишет Агафий, - был возвращен в прежнее состояние, вернулся к отечественным нравам и подчинился римскому императору» [2, 118].

С наступлением зимы персы снялись с лагеря и снова отступили в Кутаиси и Иберию, тем

самым отказав в помощи мисимиянам, «ибо, - как сообщает Агафий, - отечественными установлениями и нравами у них не допускается предпринимать зимой продолжительные и трудные заграничные военные походы» [2, 118]. Теперь византийцы могли беспрепятственно продолжить свой поход против мисимиян. Когда они достигли укрепления Тибелия (*Тзибила?* - Ю. В.), которое отделяло страну мисимиян от апсильцев, сюда прибыл Мартин. Он хотел сам руководить предстоящими сражениями. Однако этому не суждено было случиться - Мартин тяжело заболел и задержался в крепости. Затем он вернулся в Колхиду. Войско же византийцев под прежним командованием двинулось дальше.

Византийцы, судя по всему, в бой не рвались. Они решили еще раз путем переговоров склонить мисимиян к благоразумному признанию «прежних правителей», т. е. лавов, а через них и Юстиниана, а также к возврату денег, похищенных у Сотериха. Выбрав самых разумных среди апсильцев представителей, византийские военачальники отправили их к мисимиянам. Последние, однако, «находящиеся, - по словам Агафия, - во власти злого демона и заслуживающие всякого бранного наименования, которое им могло присвоить справедливое негодование, отбросив и нарушив общечеловеческие законы, немедленно убили послов, хотя они были апсильцами, их соседями, близкими им по образу жизни, хотя они и не знали и не принимали участия в том, в чем те обвиняли одинаково, римлян и Сотериха, но

362

желали только сделать дружеский, без всякого упрека совет, могущий принести им выгоду» [2, 118-119].

Узнав о случившемся, византийцы были «охвачены бешеным негодованием» и двинулись в глубь территории мисимиян. Тем оставалось надеяться на преимущество труднопроходимых мест, которых в Мисиминии было много. «Есть в этой стране гора, - рассказывает Агафий, - привлекающая внимание, не слишком высокая и возвышающаяся ненамного над местностью, но чрезвычайно крутая, перпендикулярно поднимающаяся вверх, со скалами, обрывающимися во все стороны. Посередине была тесная, плохо протоптанная дорога, трудно доступная даже для одного бесстрашного человека, «так что если бы один человек, стоящий на вершине горы, препятствовал проходу, то враги, даже весьма многочисленные, легковооруженные и такие же ловкие, как исавры, никогда не смогли бы пройти» [2, 119]. Мисимияне не сумели вовремя поставить заслон на пути, и византийцы «заняли вершину и, овладев ею без всякого сопротивления, рассыпались немедленно по более плоской и доступной для лошадей местности». После этого мисимияне «сожгли многие ненужные им укрепления, так как не в состоянии были защищать их, и все собрались в одном, которое казалось им наиболее укрепленным. С древних времен оно называется Тцахар; называют его железным за его неприступность и крепость» [2,119].

На подступах к Тцахару у византийцев с мисимиянами произошла первая стычка. На сотню византийских пехотинцев и всадников напало шестьсот мисимиян. Завязалось ожесточенное сражение с переменным успехом для обеих сторон. Вскоре на одной из ближайших вершин показалось основное войско византийцев - мисимияне были обращены в бегство. На поле боя и по пути к Тцахару осталось свыше пятисот убитых мисимиян. Подойдя к главной крепости мисимиян, византийцы приступили к ее осаде. Долгое время, однако, их усилия были тщетными. Среди византийских полководцев не было единства. Переругавшись между собой, они давали противоречивые указания. Так продолжалось до тех пор, пока Мартин не прислал сюда более известного и опытного военачальника Иоанна Дакика, который незадолго до того по приказу Юстиниана был направлен в Колхиду вместо казненного Рустика. С приездом Иоанна дела у византийцев пошли успешно, и вскоре им удалось нанести мисимиянам жестокий удар.

Недалеко от Тцахара, в местности, надежно защищенной скалами и обрывами, находилось поселение мисимиян. К нему вела единственная удобная дорога через крепость. Другая же - довольно крутая и скрытая тропинка - была известна только самим мисимиянам. Они с трудом спускались и поднимались по ней лишь в случае крайней необходимости. У подножия той горы на влажном и ровном месте было несколько источников. По ночам осажденные стали спускаться к ним за водой. Однажды один из византийских сторожей, по имени Илл, увидел осажденных возле источников. Переждав в зарослях, пока мисимияне наполняют сосуды водой, Илл

363

двинулся следом за ними и дошел до самой вершины торы. Так он обнаружил тропу и узнал число стороживших ее мисимиян.

Иоанн Дакик, выслушав Илла, отобрал сотню самых храбрых и ловких воинов (в том числе Зипера, Леонтия, сына Дабрагеца, Феодора, предводителя цанов) и послал их ночью этой тропой с приказом взять вершину, где стоял дозор мисимиян, закрепиться и подать основным силам византийцев сигнал трубой. После этого они приступят к штурму крепости с противоположной стороны. Илл повел отряд вверх по тропе и, когда они уже почти достигли вершины и увидели у костра семерых спящих и одного дремлющего мисимиянина, Леонтий случайно поскользнулся, упал в лужу и покатился вниз, сломав при этом щит. Разбуженные резким звуком, стражники проснулись, обнажили мечи и стали всматриваться в темноту. Византийцы так и замерли на месте: их ноги буквально приросли к острым камням. Не слышно было даже дыхания. Пламя горящего рядом костра помешало мисимиянам разглядеть что-либо во тьме, а так как ни один звук больше не нарушил тишины, то они вскоре успокоились и «снова возвратились к тому, что им было желательно, и сладко заснули» [2, 122].

Дальнейшие события описаны Агафием исключительно ярко, под свежим впечатлением рассказов солдат - участников сражения под Тцахаром. «Тогда римляне, - пишет историк, - напав на них, объятых сном, изрубили как других, так и полубодрящего, как его кто-то назвал в шутку, и затем, неустрашимо продвигаясь вперед, рассыпались по улицам. Одновременно труба возвестила начало битвы. Услышав это, мисимияне были поражены и неожиданностью и незнанием обстановки. Вскочив с постелей, они пытались собраться и соединиться, выскакивая из разных жилищ. Но римляне, встречая их при выходе и принимая их, так сказать, мечами, произвели страшное избиение. Одни, уже выскочившие, немедленно умерщвлялись, а за ними другие, третьи, так что не было никакого перерыва в избиении, производимом в общей свалке. Многие женщины, вскочив с постелей, с громким плачем, высыпали на улицу. Но охваченные гневом, римляне не пощадили и их. И они, жесточайшим образом изрубленные, явились искупительной жертвой за преступное бесстыдство своих мужей... Одна красивая женщина выскочила с зажженным факелом в руках и была хорошо видима, но и она, пронзенная копьем в живот, погибла самым жалким образом. Из римлян же кто-то, схватив факел, бросил огонь в жилище. Жилища, построенные из дерева и соломы, быстро воспламенились. Пламя поднялось так высоко, что возвестило о происходящем народу апсильцев и другим более отдаленным. Тогда, конечно, варвары стали погибать еще более страшным образом. Те, кто оставались дома, сжигались вместе с домами, или их давили обрушившиеся постройки. Над теми же, которые выскакивали из домов, нависала еще более верная смерть от мечей. Было захвачено много блуждающих детей, ищущих своих матерей. Из них одних умерщвляли, жестоко разбивая о камни. Другие же, как бы для забавы под-

364

брасываемые высоко и затем падающие вниз, принимались на подставленные копья и пронзались ими в воздухе. И конечно, - заключает Агафий, - римляне не без основания проявили величайшее озлобление против мисимиян как за убийство Сотериха, так и за преступное злодейство по отношению к послам, но, разумеется, не следовало по отношению к детям, которые отнюдь не являлись участниками злодейств их отцов, свирепствовать так жестоко. И этот проступок не прошел безнаказанно» [2, 122-123]. Византийцы, опьяненные победой, улеглись спать, не выставив даже караула. На рассвете пятьсот вооруженных мисимиян вышли из крепости и убили многих византийцев, а часть обратили в бегство. Византийцы в беспорядке бросились вниз. В лагерь они возвратились израненными, пострадав от неприятельского оружия и от того, что часто падали при спуске на камни. После этого у них пропало всякое желание еще раз карабкаться на эту скалу.

Затем начался штурм самой крепости в том месте, которое было наиболее доступным, - у ворот. Засыпав ров, византийцы построили вблизи стен несколько деревянных домиков-укрытий, откуда стали метать в осажденных дротики и камни с помощью метательных машин. «Варвары от этого тяжело страдали, - пишет Агафий, - были весьма сильно теснимы, но не переставали защищаться. Некоторые из них, пользуясь «черепашками», пытались наступать на римские сооружения, чтобы их разрушить. Но прежде чем они приблизились и должным образом прикрылись, некий Сваруна по имени, славянин по происхождению, метнул копьё в не успевшего еще прикрыться и поразил его смертельно. Тотчас же «черепашка» дрогнула и, рассыпавшись, рухнула. Раскрылись и остались без защиты люди, которых римляне легко перебили, поражая копьями. Один из них, однако, спасся бегством и уже приблизился к укреплению, входил в ворота, но тут погиб, пораженный многими стрелами, и, рухнув там, остался лежать на пороге ворот, растянувшись меньшей частью тела вне укрепления, а большей внутри. Мисимияне заметили это и истолковали как неблагоприятное и печальное предзнаменование относительно будущего. Вообще же они уже изнемогали от тягостей и желали вернуться к дружбе с римлянами» [2, 123-124].

Осознав бессмысленность дальнейшего сопротивления, мисимияне отправили к Иоанну послов с просьбой «не губить их поголовно, не уничтожать совершенно народ, уже с древних времен подчиненный римлянам, единой с ними религии, который, раздраженный многими несправедливостями, пытался им противодействовать, но делал это с варварским безумием» [2, 124]. Мисимияне заверяли, что они уже сполна заплатили за свои проступки, потеряв большое число построек, не менее пяти тысяч мужчин, еще большее число женщин и детей, «так что немного недостает, чтобы весь мисимийский народ был уничтожен» [2, 124].

Иоанн весьма охотно согласился удовлетворить мольбы мисимиян, поскольку византийцам уже надоело оставаться в этом «пустынном и чрезвычайно холодном месте». Получив заложников и все имущество Сотери-

365

ха, в том числе и императорские деньги в сумме двадцать восемь тысяч восемьсот номисим (примерно сто шестьдесят тысяч рублей золотом), и прибавив к этому большую добычу, Иоанн «разрешил им снова безбоязненно возделывать свои поля и восстановить прежний образ жизни».

9. ПОСЛЕ ТРИНАДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Вскоре Юстиниан отстранил Мартина от власти и назначил главнокомандующим всеми византийскими войсками в Армении и Колхиде Юстина, сына Германа. Тот получил свое

высокое положение в преддверии длительного мира. Многолетние и кровопролитные войны Византии и Ирана подходили к концу. Войну с греками персы проиграли. Последовавшее затем шестилетнее перемирие закончилось в 561 г. заключением мирного договора сроком на пятьдесят лет. Мир принес огромное облегчение народам с обеих величайших держав того времени. Жертвы их во многом оказались напрасными. Иран так и не смог пробиться к берегам Средиземного и Черного морей, Византия же оказалась не в состоянии сломить монополию персов в торговле со странами Дальнего Востока. Хосров вынужден был отказаться от своих притязаний на Лазику, Юстиниан обязался выплачивать Ирану ежегодно огромную сумму в триста тысяч номисим. На некоторое время, впрочем, Ирану удалось закрепиться в Свании, вопрос о которой был окончательно решен в пользу Византии лишь пятнадцать лет спустя.

Как уже говорилось, сваны в VI в. еще обитали в северо-восточном углу горной Колхиды - в верховьях Риона. Путь к ним вел от Кутаиси. Сваны занимали очень выгодную позицию на путях, связывавших Северный Кавказ и Восточное Закавказье с Колхидой. Как сообщает Менаандр Протиктор, продолжавший писание истории империи после смерти Агафия, вопрос о Свании остро встал уже в 561 г. на переговорах по поводу заключения пятидесятилетнего мира. Представитель Юстиниана на переговорах Петр стал доказывать права Византии на Сванию на том основании, что в период правления Цафия в Лазике «Суания принадлежала римлянам; римляне обладали Суанами... Некий римлянин, по имени Дитат (Экисат), был начальником находящейся в той стране римской рати. Между суанами имели пребывание и многие другие римляне. В это время между царем лазов и Мартином, вождем находившегося в Лазике римского войска, возникли неудовольствия, вследствие которых из Колхиды не было посылаемо в Суанию обычного пособия, состоявшего в пшенице, которую по введенному обычаю царь колхидский доставлял суанам» [14, 338-339]. Под угрозой вторжения преобладающих сил персов византийцы вынуждены были вскоре оставить Сванию, уступив ее на время противнику. Из этого следует, по словам Петра, что эта область принадлежала издревле византийцам и что она по праву принадлежит им и теперь. «Если мы самым справедливым образом, -

366

продолжал дипломат, - сделались обладателями Лазики, как с вашей стороны это утверждено, то мы по справедливости должны будем владеть и Суаниею, которая от Лазики зависит» [14, 339].

После заключения мирного договора, в котором вопрос о Свании был обойден, Петр отправился к самому Хосрову, к которому обратился со следующими словами: «...остается еще одна искра; искрою бедствий называю Суанию, грозящую нам великим пожаром неприязни». Петр предъявил Хосрову документы, из которых следовало, что лазские цари «утверждали многих сванских правителей до прихода персов». «Когда мы утверждали и доказывали ясно, - продолжал Петр, - что Лазика издревле была приобретением римское, ты сам возразил, что она принадлежит тебе по праву войны... Ты просто возвратил нам Лазику, как нашу собственность, уступив нам власть над нею. На том же основании мы просим у тебя и Суанию, просим о безвозмездном получении нашей собственности». Хосров же говорил о том, что в Свании правит «царек» и «страною их проходят скифы», т. е. различные северокавказские народы, а суаны, «воры и грабители», живут на вершинах Кавказа, дела у них «самые ужасные и нечестивые», сами они «из сванов сделались персами», Свания - «область незначительная» и не стоит поэтому из-за нее ссориться и предпринимать большие походы. Петр снова говорил о правах византийцев, достал даже из-под хламиды книжку. В нее были вписаны имена лазских царей, которые назначали правителей сванам от времени Феодосия и Уарана до периода правления Льва I и Пероза (458-484). «Я не замедлю, - говорил Петр, - доказать тебе всю истину, как это велось у лазов издревле. Князь Суании был в повиновении у лаза и внесен в книгу для

платежа ему дани. Лаз получал от него произведение пчел, кожи и другие тому подобные предметы. По кончине князя суанского управлявший лазами избирал преемника власти усопшего. Между тем писал он к императору римскому о случившемся. Император отвечал ему письменно и приказывал вручить знаки верховной власти над Суаниею, кому он хочет, лишь бы только суану» [14, 348-353]. Хосрову все доводы Петра были не по вкусу, и переговоры снова зашли в тупик.

Вскоре после того, как на византийский престол взошел преемник Юстиниана, его племянник Юстин II (565-578), он отправил в Иран посланника Иоанна Комментиола с двумя поручениями: объявить о своем приходе к власти и возобновить переговоры о Свани. Как сообщает Менандр, «Юстин приказал Иоанну объявить персам, что он согласен купить эту землю, если бы они захотели продать ее. Суания сама по себе земля незначительная; но по выгодному своему положению она весьма полезна для римской державы, потому что препятствует персам нападать через нее в колхидские пределы и разорять их» [14, 360]. Хосров и на этот раз отказался рассматривать вопрос о Свани. Тогда Иоанн попытался самостоятельно, не согласовав с Юстином, привлечь сванов на сторону Византии. Однако в этом он не достиг никакого успеха. Лишь около 575 г. византийцы, наконец, вернули себе и Сванию, разместив в ее крепостях свои гарнизоны.

367

Почти полтора последующих столетия вся Колхида фактически представляла собой византийскую провинцию. С ее политической арены уходят базилевсы - цари, вместо которых появляются патрикии. Отряды лазов и абасгов участвуют в дальних походах византийцев. Они были в числе тех, кто принимал участие в войне Маркиана, племянника Юстина II, против персидского полководца Мирана в 572 г. В 623 г. они вместе с византийским императором Ираклием (610-641), двинувшимся войной на Персию через территорию Лазики, участвовали в его сражениях в Восточном Закавказье. Вскоре, рассказывает Феофан Хронограф, когда «Ираклий решил перенести военные действия в Месопотамию, а затем отступил на Северный Кавказ, лазы и абасги отказались от дальнейшего участия в войне, за что попали в большую беду». Абасги упоминаются и в числе вспомогательных отрядов византийцев в сражении с арабами на берегах Евфрата в 654 г. [7, 70-88],

Контроль над Лазикой, Апсилией, Абасгией Византия по-прежнему осуществляла в первую очередь через свои приморские крепости. В VI—VII вв. Апсар сохранял значение крупной военной базы. По сообщению Агафия, в Апсарской тюрьме провели зиму 554/555 г. Рустик и его брат Иоанн после убийства Губаза. В «Пасхальной хронике», написанной в 30-40-х годах VII в., Апсар упоминается в качестве «пограничной крепости». Византийцы вернулись и в Севастополь. Прокопий по этому поводу писал: «...напротив Лазики были два укрепления - Севастополь и Питиунт; их уничтожили сами римляне, услышав, что Хосров спешно посылает сюда войско... Ныне же император Юстиниан этот Севастополь, который был прежде только крепостью, заново весь перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным, украсил его улицами и другими пристройками; таким образом, и по красоте, и по величине он сделал его теперь одним из самых замечательных городов» [75]. При раскопках в Севастополе помимо двух вышеупомянутых была найдена: еще одна небольшая прямоугольная крепость с выступами по углам, близкая по конструкции к Лосориону - укреплению, построенному при Юстиниане к югу от Петры. «Великий Севастополь» упоминает в VIII в. Епифан Константинопольский. Важную роль сохраняли и многие другие колхидские опорные пункты византийцев (Петра, Фасис, Зиганис, Питиунт, Родополь и др.), где существовали епископские кафедры вплоть до IX-X вв.

В VII в. ко всем этим многочисленным укреплениям добавляется: Анакопия [57], построенная с помощью византийцев скорее всего в период правления императора

Ираклия на месте более древней Трахеи; последняя органически вписалась в ансамбль огромной (450x150 м) крепости, образовав так называемую цитадель. Южная стена Анакопии была снабжена семью башнями, четырехугольными или полукруглыми. Их форма зависела от крутизны склона. Полукруглые стоят на более пологом склоне, куда врагам легче было подвести стенобитные машины. Знаменитый античный архитектор Витрувий еще в I в. до н. э писал, что «башни следует

368

делать круглыми или же многоугольными ибо четырехугольные скорее разрушаются осадными орудиями, потому что удары таранов обламывают их углы, тогда как при закруглениях они, как бы загоняя клинья к центру не могут причинить повреждений». В соответствии с другой заповедью Витрувия были расположены и главные ворота в Анакопии: «Главным же образом следует заботиться о том, чтобы подход к стене при нападении был нелегким, для чего обводить ее (*дорогу*. - Ю. В.) по краю кручи с таким расчетом, чтобы дороги к воротам вели не прямо, а слева. Ибо раз это будет сделано так, то нападающие окажутся обращенными к стене правым боком, не прикрытым щитом». Их охраняет круглая, сильно выступающая башня с широкими бойницами для лучников. Между второй и третьей башней в стене видна заложенная в древности калитка, через которую во фланг штурмующим главные ворота выбегали отряды осажденных. В стенах двух башен, сложенных из грубо обработанных известняковых блоков, видны восьмидесятикирпичные пояса, служившие для укрепления кладки. Позднее, в VIII в. Анакопия становится «главной крепостью» Абасгии. Интересные данные о Колхиде середины VII века содержатся в документах, отражающих историю ссылки на Кавказ церковных деятелей - диофисита Максима Исповедника и его друзей апокрисиария Анастасия и Анастасия-инока [7, 62-64; 10, 1— 12]. Апокрисиарий Анастасий описал свои странствия в письме к иерусалимскому монаху Феодосию Гангрскому, который позднее опубликовал письма и другие материалы о жизни Максима Исповедника и его сподвижников. Анастасий рассказывает, что когда они все трое прибыли в «страну христолюбивых лазов» (8 июля 662 г.), их по приказу лазского правителя немедленно разлучили. Полуживого Максима отнесли на сплетенных из прутьев носилках в крепость Схимар, расположенную «вблизи страны аланов», где он вскоре скончался. Обоих же Анастасиев на лошадях отправили - апокрисиария в крепость Буколус, находившуюся в области, именуемой Мисимиана «на границе с аланами, которые эту крепость захватили и удерживают в своих руках», а инока в крепость Скотор, которая находилась в Апсилии «вблизи Абасгии». Спустя месяц (18 июля 662 г.) по приказу того же правителя обоих Анастасиев перевезли в «область Мукурис», откуда уже полуживого? инока отправили в «крепость области сванов», где он спустя несколько дней умер, а апокрисиария поместили в «крепость области Такурис, вблизи Иверии». В сентябре того же года Анастасий был вновь переправлен в область Апсилии и Мисиминии, где по указанию лазского правителя его, изнывавшего от холода, голода и жажды, без необходимой одежды и обуви, гоняли по горам и долинам, после чего заключили в крепость Пустус, расположенную где-то на границе упомянутых областей. В марте-апреле 663 г. тогдашний правитель Лазики был смещен. Новый патрикий освободил Анастасия из крепости и поселил его вблизи своей резиденции в том же районе. Спустя год Анастасия вновь заключили в крепость Пустус.

369

Далее Анастасий сообщает, что в 663 г. правитель Лазики был смещен и бежал в страну абасгов. Правитель последних сочувствовал Анастасию и попросил взамен помощи облегчить условия заключения узника. Лазский правитель согласился, но, как только вернул себе положение в Лазике, сразу же в нарушение договора перевел Анастасия из

Пустуса во внутреннюю Лазику в крепость Схимар. Когда Анастасий находился в пути, этот правитель вновь был изгнан, а его место занял «богобоязненный и христоролюбивый» Григорий. Анастасий был возвращен и помещен «в крепости, именуемой Тусуме, расположенной выше хутора Мохое, на границе области Апсилии, на востоке Понта, у самой подошвы кавказских гор, близ страны христоролюбивых абасгов и племени аланов, около пяти миль от поместил Зихахора, резиденции истинно христоролюбивого патрикия и правителя лазской страны» Григория. Здесь Анастасий умер 2 октября 666 г. Чтобы как-то облегчить положение Анастасия, в Колхиду прибыл приверженец Максима Исповедника видный диофисит Степан [7, 83]. Однако он направился не в Лазику, а прямо в Абасгию, где его приняли «с большой охотой и любовью». Позднее Степан, «подобно духовному коню, обошел всю Лазику, Апсилию и Абасгию и смело проповедовал как истину, так и новое направление», а затем умер «в доме правителя Абасгии - христоролюбивого человека». В 668 г. в Колхиде побывал и Феодосий Гангрский, которому о печальной судьбе Анастасия рассказал следующий правитель Лазики Лебарнук. С большинством названий областей и крепостей Колхиды, упоминаемых Анастасием, мы уже сталкивались при изложении сведений Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского о событиях середины VI в. Схимар - это, по-видимому, Уфимерей, расположенный севернее Кутаиси на пути в Сванию; крепость Буколус - это Бухлоон, локализуемый в районе современного села Пахулани на берегу Ингури. Область Мукурис - это Мухирисис, наиболее заселенный и плодородный район Лазики вокруг Кутаиси. Крепости Пустус и Тусуме, помещаемые Анастасием вблизи селения Мохои (совр. Моква), локализируются в восточных районах Апсилии. В названии крепости Скотор, вероятно, проглядывает наименование современной реки Кодор. Интересно, что если в середине VI в. византийцы вели переговоры о передаче аланам Буколуса-Бухлоона, то в шестидесятых годах VII в. эта мисимианская крепость уже в руках аланов. В связи с названием Пустус интересно сведение автора VIII в. Эпифана Константинопольского, помещающего в том же районе по соседству с абасгами целый народ «пустовцев». История ссылки в Лазику Максима Исповедника и его сподвижников указывает на полную ее зависимость наряду с соседними Абасгией и Апсилией от Византии, для которой рассматриваемый район, как и прежде, был надежным местом заключения враждебных империи элементов. Византийская империя в VI - VII вв. вела оживленную торговлю с соседними странами. Первостепенную роль в экономической жизни Византии в

370

тот период играла торговля с Востоком, в том числе и со странами Причерноморья и Кавказа, откуда, как и прежде, византийские купцы вывозили меха, воск, мед, кожи, скот, рабов, а ввозили предметы роскоши, ткани, оружие, зерно, масло, соль, соленую рыбу и др. На территории Колхиды скрещивалось немало торговых путей, интенсивно использовавшихся в этих сделках.

Во второй половине IV в. римский географ Касторий составил карту дорог (Tabula Peutingeriana); в VII в. близкую по содержанию работу проделал анонимный автор из Равенны («Космография»), Согласно этим источникам, один из важнейших закавказских торговых путей из столицы древней Армении Арташата вел к Севастополю через территорию Южной Грузии мимо современных городов Ахалкалаки и Ахалцихе, затем сворачивал к Зекарскому перевалу и выводил по ущелью реки Хенисцкали к Родополу [64, 441]. Это наиболее удобный путь из юго-восточного Закавказья в Колхиду. Его по достоинству в VI в. оценили персы, проводя здесь огромные армии и даже слонов. От Родополя основная дорога вела к Севастополю либо морским путем через Фасис, либо прямо через Археополь, либо чуть севернее, от Кутаиси по подгорной дороге. Другая ветвь пути вела от Родополя на восток к Сарпанису и далее через Лихский хребет в

Восточное Закавказье. Весьма важные торговые и стратегические пути вели из Колхиды на Северный Кавказ через перевалы Мамисон, Накру, Клухор, Санчар и Псеашхо, по долинам Риони, Ингури, Кодора, Гумисты и Мзымты.

Северный Кавказ занимал в тот период видное место в торговых интересах империи. Византия заключила союз с аланами, контролировавшими все перевальные пути к западу от Дарьяльского прохода, вдоль которых в VI - VII вв. возникла целая система аланских укрепленных поселений. Византийская дипломатия пыталась использовать и тюрок в качестве посредников в торговле шелком с Китаем. Последние распространяли свое влияние вплоть до Северного Кавказа и враждовали с Персией. Немало смельчаков устремлялось с торговыми целями по сухопутной дороге в Китай, проходившей из Колхиды на Северный Кавказ, оттуда в обход Каспийского моря через Среднюю Азию на восток. Интересные сведения об этих поездках содержатся в «Истории» Менандра Протиктора.

В тот период согдийские тюрки стремились заполучить права свободной торговли шелком на территории Персии. Не сумев добиться здесь выгодных для себя позиций, они стали искать способы торговых контактов с Византией. «Маниах, начальник согдаитов, - пишет историк, - представил Дизавулу (*владелец тюрок - Ю. В.*), что было бы выгоднее для турков держаться стороны римлян и шелк отправлять к ним для продажи, так как они более других народов употребляют его... Дизавул отправил Маниаха и нескольких турков в посольство к римлянам с письмами, приветствиями и подарками, состоявшими из немалого количества шелку. Маниах пустился в путь. Странствование его было продолжительно. Он прошел многие страны, высокие, близкие к облакам горы, равнины и долины, озера и реки, по-

371

том перевалил через самую гору Кавказ и прибыл, наконец, в Византию...» [14, 371-375]. Юстин II, приняв с большим удовольствием дары тюрок, обласкал их посла и с богатыми подарками отправил назад. Вместе с Маниахом в далекую Согдиану отправился посол Юстина - Зимарх, «полководец восточных городов», киликиец по происхождению. Произошло это в августе 569 г., а в октябре посольство достигло благополучно своей цели. Интересно описание обратного пути Зимарха. Вначале «они ехали крепостями» вместе с владельцем хорезмийцев, с сыном Маниаха и тюркским послом Тагма, потом переправились через реку Оих (*вероятно, Сырдарья. - Ю. В.*), затем прошли немалый путь до «великого и широкого озера» (*Аральское море - Ю. В.*), откуда Зимарх ускоренным маршем по сокращенной дороге через пустыню отправил одного из своих спутников Георгия, с письмом к императору. Сам же он шел вдоль берега озера двенадцать дней. Через «трудные места» добрался он до «берега Иха (*река Эмба. - Ю. В.*), затем Даиха (*река Яик. - Ю. В.*) и разными болотами прибыл к Атилле (*Волга. - Ю. В.*)». Затем Зимарх пришел к угурам. Они заверили его в том, что в лесистых местах около реки Кофина засело четыре тысячи персов, ждущих византийцев. Зимарх «прошел по безводной степи, имея при себе мехи с водой. Добравшись до озер, в которых теряется река Кофин», он убедился, что там засады нет, и вскоре, благополучно избежав встречи с неким враждебным племенем оромсухов, достиг Алании. Здесь Зимарх со своими спутниками-византийцами и тюрками был дружелюбно принят владельцем аланов Сароидием, который «предупредил Зимарха, чтобы тот не ехал по дороге миндимиянов (*мисимиян - Ю. В.*), потому что близ Суании находились в засаде персы. Он советовал римлянам возвратиться домой по дороге, называемой Даринской. Зимарх, узнав об этом, послал по дороге Миндимиянской десять человек носильщиков с шелком, чтоб обмануть персов и заставить их думать, что шелк послан наперед, и что на другой день явится и он сам. Носильщики пустились в путь, а Зимарх, оставив влево дорогу Миндимиянскую, на которую, полагал он, персы сделают нападение, поехал по дороге Даринской и прибыл в Апсилию. Он

достиг Рогатории, потом и Понта Эвксинского. Он отправился на судах до реки Фасис и, наконец, прибыл в Трапезунт. Отсюда на общественных лошадях приехал в Византию», в Константинополь, где доложил императору о своем путешествии [14, 375-384]. Материальная культура рассматриваемого времени в Колхиде изучена еще слабо. Исключение составляет Апсилия, откуда уже известно большое число погребений с выразительным инвентарем VI - VII вв. и где начаты систематические исследования поселений того же времени. Местная культура переживала определенный расцвет, умерших в «мир иной» сопровождало большое число вещей, ремесленники снабжали своих соплеменников широким ассортиментом изделий, исполненных как в соответствии с местными традициями, так и под влиянием иноземных, главным образом

372

византийских, форм. Через византийские рынки сюда поступали стеклянная посуда, предметы одежды (например, пряжки с плоской перегородчатой инкрустацией, а иногда и с греческими надписями), серебряные и золотые нательные кресты, разнообразные украшения (в том числе медальон с изображением женской головы и животного, брошь-павлин, серьги замысловатых форм), некоторые виды вооружения, керамика (амфоры, тарелки, кувшины, светильники и др.). В местное производство помимо амфор с перехватом внедрялись, по-видимому, под воздействием соответствующих византийских изделий оригинальные лощеные кувшинчики с высоким узким горлом и тонкой плоской ручкой. Торговые сделки осуществлялись как путем обмена, так и с использованием византийских монет. Судя по эпизодическим находкам в соседних областях, аналогичная картина тесных культурных и экономических контактов с Византией наблюдалась и на территории Лазики, Абасгии и Санигии.

10. НАШЕСТВИЯ АРАБОВ

В 692 г. войска византийского императора Юстиниана II, до того успешно сдерживавшие натиск арабов, потерпели от них поражение. Чтобы купить мир, пришлось отказаться от Армении, вслед за которой арабы захватили и расположенную севернее Картли. Появление сильного противника на восточных границах Лазики и политическая анархия, вызванная острой борьбой за престол в самой Византии в конце VII - начале VIII вв., создали благоприятную обстановку для усиления сепаратистских настроений в Колхиде. Как сообщает историк Феофан Исповедник (752-818) в своей «Хронографии», в 697 г. «восстал патрикий Сергей, сын Барнука, и подчинил эту страну арабам», которые проникли затем в Апсилию и вывели на короткий срок из-под контроля Византии Абасгию. Империи, однако, вскоре без труда удалось восстановить в этом районе прежнее положение благодаря усилиям спафария Льва Исавра, посланного сюда императором в период между 706 и 710 гг. [35].

Феофан пишет, что Юстиниан II отослал Льва Исавра «в Аланию с деньгами, для того чтобы поднять аланов на Абасгию, в то время как арабы завладели и Абасгией, и Лазикой, и Иверией». Прибыв на корабле в Фасис, Лев оставил здесь деньги, а сам в сопровождении нескольких местных жителей, сохранявших верность Византии, отправился в Апсилию, а оттуда, перевалив через Кавказский хребет, прибыл в центр Западной Алании, где его принял местный правитель Итакси. Переговоры с аланами прошли успешно, и вскоре их войско вторглось в горные районы Абасгии, которые они изрядно опустошили. Возмущенные абасги, узнав, что это сделано по указанию Льва Исавра, попытались ему отомстить. Правитель абасгов сообщил Итакси, что деньги, которые Лев оставил в Фасисе, уже взяты оттуда

назад Юстинианом II и, следовательно, не могут быть выплачены аланам за их труды. Он просил аланов выдать Льва Исавра абасгам, за что предложил им три тысячи золотых монет. Аланы на это ответили, что выполнили просьбу Льва не из-за денег, а «из любви к императору» и отказались идти на сделку с абасгами. Тогда те предложили за Льва шесть тысяч золотых монет [35, 82].

Аланы решили взять деньги. Льву они сказали: «...давай лучше схитрим, договоримся с ними, что отдадим тебя, и вместе с их людьми отправим наших, обследуем их клисуры (*ущелья*. - Ю. В.) и нападём на них, опустошим их страну и вам окажем услугу». Лев одобрил такой план, и послы аланов отправились в Абасгию. Там они сообщили, что согласны на выдачу спафария, за что и получили много подарков. Отряд абасгов с обещанным золотом двинулся к границе с аланами, которые, придя ко Льву Исавру, сказали: «Эти люди, как мы предупреждали, явились забрать тебя, - и Абасгия тебя ждет. Так как мы соседствуем с ними, купцы то и дело отправляются к ним. Итак, чтобы не расстроить наш замысел, мы передадим тебя открыто, но, когда вы двинетесь в путь, мы тайно пошлем вслед (своих людей), их уьем, а тебя укроем, до тех пор пока не соберется наше войско, и мы неожиданно не вступим в их землю». Так и случилось. Взяв Льва и его спутников, абасги крепко их связали и повели к себе. Вскоре Итaksi сам напал на абасгов сзади и всех перебил, Льва отнял и спрятал. Затем, собрав войско, он двинулся в Абасгию. Внезапно пройдя клисуры, аланы ворвались во внутренние районы Абасгии, разорили их и, взяв много пленных, вернулись назад. Судя по всему, их путь лежал через современные перевалы Санчар и Гудаутский, минуя высокогорное село Псху, где и теперь проходит одна из наиболее удобных транскавказских туристских троп.

Юстиниан II, узнав, что и без денег Лев Исавр успешно выполнил его задание, послал абасгам письмо, в котором сообщал: «Если вы сохраните нашего спафария и отпустите его, не причинив вреда, мы простим вам все ваши прегрешения». Обрадовавшись такому письму, абасги вновь отправили к аланам послов со следующей просьбой: «Мы дадим вам в заложники детей наших, отдайте нам спафария, чтобы мы отослали его к Юстиниану. Но Лев не согласился на это, сказав: «Бог в силах отворить мне врата возвращения, а через Абасгию я не уйду» [35, 83].

«Некоторое время спустя, - пишет дальше Феофан, - отряд ромеев (*византийцев* - Ю. В.) и армян вторгся в Лазику и осадил Археополь, но, узнав о появлении сарацин (*арабов* - Ю. В.), отступил. Часть их, числом до двухсот, отделившись, поднялась для грабежа в области Апсилии и жителей Кавказа. Когда сарацины захватили Лазику, отряд ромеев и армян, обратившись в бегство, вернулся к Фасису, а те двести, отчаявшись, остались разбойничать в Кавказских горах» [35, 83].

Аланы, узнав, что вблизи их границ находится отряд византийцев, с радостью сообщили Льву: «Ромеи подошли, ступай к ним». Он не стал ждать,

когда растает снег на перевалах (а был месяц май), и, взяв с собой пятьдесят аланов, в специальных снегоступах перешел на южные склоны хребта, вероятно, через Марухский перевал и вскоре достиг лагеря византийцев. На вопрос спафария, где находится войско, они ответили: «Когда вторглись сарацины, они повернулись в Романию, а мы, не имея возможности отправиться в Романию, направлялись в Аланию» [35, 83].

«А была там крепость, - продолжает Феофан, - называемая Сидерон (*«железная»* - Ю. В.), начальником которой был некто Фарасманий, подчинявшийся в то время сарацинам (с армянами он жил в мире)». И вот спафарий обратился к нему через посланцев с такими словами: «Поскольку ты находишься в мире с армянами, заключи мир и со мной: подчинись империи и дай нам возможность добраться до моря и переправиться в Тра-

пезунт». Фарасманий отказался, и тогда Лев организовал с помощью части сопровождавших его алан и армян засаду вблизи этой крепости. Он приказал блокировать ворота и хватать всех, кто будет покидать крепость. Таким способом Лев Исавр сумел захватить в плен многих защитников крепости, выходявших из нее на какие-то работы (видимо, на заготовку дров, обработку земли и т. д.). Поскольку крепость была достаточно хорошо укреплена, он не смог взять ее приступом и начал планомерную осаду. Вскоре правитель апсиров Марин во главе трехсот воинов пришел ему на помощь. Узнав об осаде крепости, Марин решил, что в его стране оказалось большое войско. Фарасманий, увидев подошедшее ко Льву подкрепление, обратился к нему со словами: «Возьми сына моего в заложники: я согласен служить империи». Однако ворот крепости он не открыл. Исавр, приняв заложника, обратился к Фарасманию с такой речью: «Как же ты называешь себя рабом империи, если говоришь с нами запершись? Нам нельзя уходить, не завладев крепостью». Далее Исавр дал слово Фарасманию, что войдет в крепость лишь с тридцатью воинами, но, когда тот открыл ворота, спафарий приказал захватить их своим воинам и ввел в крепость весь отряд. Проведя в крепости три дня, он приказал поджечь все постройки и разрушить крепостные стены до основания. «Вспыхнул большой пожар, - пишет Феофан, - и население вышло, захватив имущество, какое только могло унести» [35, 84].

Исследователи считают возможным сопоставлять Сидерон с упомянутым выше укреплением мисимиан Тцахаром. Однако сообщения источников об облике и расположении этих крепостей резко различаются. Тцахар в описании Агафия предстает перед нами незначительным, но зато хорошо защищенным природными препятствиями пунктом с отдельно от крепости расположенным поселением. Сидерон, действительно, подобно Тцахару назван «железным», «сильным» укреплением, однако явно ему уступает в отношении природного окружения. В описании Феофана Хронографа Сидерон предстает укрепленным поселением, в котором располагался немногочисленный гарнизон. Местных жителей больше всего интересовали их

375

собственные поля и имущество, а не проблема обороны крепости. Судя по последующим событиям, Сидерон являлся одним из важнейших центров Апсилии, и, следовательно, его скорее всего можно сопоставить с Тзибиллой Прокопия (современным Цибилиумом), который должен был в первую очередь привлекать внимание завоевателей.

Разрушив Сидерон, Лев Исавр «отправился в Апсилию в сопровождении Марина, первого у апсиров, и был принят со многими почестями. И отправившись оттуда к побережью, переправился на противоположный берег и явился к Юстиниану». Так закончилось путешествие по Западному Кавказу одного из видных политических деятелей Византийской империи - будущего императора Льва III (717-741 гг.), родоначальника так называемой Исаврийской династии.

Из рассмотренного отрывка «Хронографии» Феофана можно сделать несколько интересных выводов. Во-первых, Фасис и в начале VIII в. сохранял значение военной базы византийцев - отсюда начал Лев Исавр путь в Аланию; здесь он оставил деньги, которые скорее всего отдал на хранение важному должностному лицу, в свою очередь передавшему их затем посланцам Юстиниана II; сюда бежал от арабов отряд византийцев и армян, осаждавших Археополь. Во-вторых, в рассматриваемый период на территории Колхиды вопреки существующему мнению отсутствовали постоянные арабские гарнизоны. В источнике ничего не сказано о том, кто находился в осажденном Археополе - непокорный ли патрикий Сергей, или отряд арабов, зато подчеркивается, что уже во время этой осады вблизи Археополя появилась армия арабов, которые повторно «захватили Лазик». Нет и прямых упоминаний о присутствии собственно арабских гарнизонов в Апсилии (исключение мог составлять Сидерон, где можно предполагать

присутствие небольшого отряда не столько самих арабов, сколько их наемников) и в Абасгии. Примечательны слова абасгского правителя о старинной дружбе Алании с Абасгией, которая, вероятно, стимулировалась в основном интересами Византии. Весьма важны и сведения о популярном торговом пути, проходившем здесь от Черноморского побережья на Северный Кавказ (вероятно, по линии Лыхны - Гудаутский перевал - Псху - Санчар, хотя не исключается и путь от Санчара через Псху и перевал Доу в долину реки Гумисты, где в тот период было довольно густое абасгское население, и далее в Себастополь). Оживленно двигавшиеся по нему купцы не принадлежали ни к абасгам, ни к аланам, поскольку они свободно проходили здесь и в момент ожесточенных столкновений между племенами.

Арабы снова на короткое время проникли в Колхиду в 20-х годах VIII в., когда, по сообщению древнеармянского историка Моисея Каганкатваца, арабский полководец Джеррах ибн-Абдуллах аль-Хакими дважды пытался вторгнуться в Хазарию через «Абхазию», т. е., очевидно, по Даринскому пути через Клухорский перевал. Всякий раз эти походы носили эпизодический характер, однако имели они серьезные последствия. После них в

376

развалинах лежали мертвые поселки лазов и апсилов - жителей угоняли в неволю. Опустевшими казались потравленные поля. Особенно страдали те местности, которые прилегали к главному пути следования арабов (Кутаиси - Археополь - Цебельда). Правда, гарнизоны арабов в местных крепостях задерживались недолго, именно поэтому здесь во второй половине 30-х годов укрывались, в частности, правители Картли, бежавшие от преследования арабов, руководимых Мерваном, прозванным Кру - «глухим» за то, что он не внимал слову советчиков.

Мерван ибн-Мухаммед, двоюродный брат халифа, был одним из самых известных и удачливых арабских полководцев. Он на время одержал победу над Хазарией и заставил ее хакана перейти в мусульманство. Поскольку Византия успешно отражала все попытки арабов подойти к Константинополю со стороны Малой Азии, Мерван решил вторгнуться в Византию в обход Черного моря с северо-запада. Вот почему с шестидесятитысячным войском устремился он сначала в Лазику и Абасгию, откуда намеревался, по-видимому, вдоль побережья выйти в Северное Причерноморье. Об обстоятельствах этого похода древнегрузинский летописец XI в. Джуаншер сохранил следующие интересные сведения: «И когда захватил Мурван власть над Персией и Аравией, - и поднял все племена агарян (арабов. - Ю. В.), он пошел против христиан, разорил и убил, и взял в плен страны Греции и Армении до моря, распростерся множеством своих войск, подобных туче саранчи и мошкары, по странам севера и покрыл место земли. И все владыки и питиахши, родственники эриставов и знать устремились в Кавказ и скрылись в лесах и оврагах. И обошел Кру весь Кавказ, и завладел вратами Дариала и Дарубанда. И разрушил все города, и большую часть всех границ Картли... И когда узнал, что цари Картли и все родственники их ушли в Эгриси, а оттуда перешли в Абхазию, вернулся и стал лагерем в районе Чкондиди (современное село Мартвили - Ю. В.), что по-мегрельски значит «большой дуб». Его лагерь был от Цхенисцкали до Абхазии... Мурван пошел по их следам и разрушил все города и крепости страны Эгриси, и ту крепость трехстенную, которая есть Цихе-Годжи, разрушил и вошел в ограду Клисуре. И в приход его был католикосом Табор. И когда вошел Кру в Клисуру, которая в то время была границей Греции и Картли, (он) разрушил город Апсилии Цхум (Себастополь - Ю. В.) и осадил крепость Анакопию, в которой есть икона пречистой Богородицы нерукотворной, относительно которой никто не знает, как она (туда) попала: ее нашли на вершине той горы, к которой с юга подступает море, а с севера - леса болотистые. Были тогда в ней цари Картли Мир и Арчил, а отец их был мертв и похоронен в Эгриси. А эристав императорский Леон ушел в

крепость Собга, которая находится на перевале в Осетию (*Аланию - Ю. В.*). И никто не мог сразиться с Кру, так как войска его были больше и многочисленнее лесов Эгриских... И когда они (*Мир и Арчил - Ю. В.*) находились в крепости Анакопии, туда пришел Мурван Кру и начал борьбу с этими царями. И было с ними

377

число малое служителей дворцовых... тысяча, а из войск абхазов - две тысячи воинов. Перед рассветом господь наслал на сарацин гнев... и произошли чудеса свыше, громы и молнии, зной южный и дожди сильные и грозные... И поразил их бог болезнью желудка с кровью... И явился той ночью Арчилу ангел, который сказал ему: «Идите и сражайтесь с агареянами, поскольку я наслал на них болезнь, жестоко уничтожающую всех от человека до животного. И как вы выступите (против них), услышите вы из лагеря (врагов) глас горя и плача...». И, как стало светать, стали слышны из лагеря плач и стоны. Тогда они (*Мир и Арчил - Ю. В.*) выступили с упованием на бога на борьбу с ними и сразились, и дал господь победу малым войскам христиан, и умерло от болезни желудка сарацин тридцать пять тысяч, а от меча - три тысячи. И был ранен Мир в бок копьем, а у христиан в тот день убили шестьдесят человек, а лошадей у сарацин пало, как лес, и бросали их всех в море... Быстро снялись и повернули вспять (арабы), и, когда поднялись к Цихе-Годжи и разбили лагерь свой на двух реках сходных, пошел сильный дождь, поднялись реки и обратилась меньшая река на войско аба- ши и унесла пехотинцев двадцать три тысячи; и обратилась большая река к войскам, лагерь которых в сильно лесистом месте. Некоторые бежали, а некоторые поднялись на деревья, и унесло тридцать пять тысяч коней, и с тех пор стали называться те две реки одна - Цхенисцкали, другая Абаша... И как увидел это все происшедшее с ним Мурван Кру, очень сетовал на себя и на посветовавших ему прийти в эту тесную, лесистую страну... И прошел безбожный Мурван Кру берег моря, и забрал крепости и города побережья, и разгромил и сделал непроходимой всю страну по морскому берегу, пока достиг города, который есть Константинополь, и стал лагерем там (в месте), которое называется Халкидон; там море узко текущее и нет у него ширины. Поэтому решил неразумный и безумный Кру заполнить (здесь) камнями море и сделать его проходимым, чтобы пешком провести войско свое через море и так взять город Константинополь. Но бог сделал напрасным его намерение: настиг (его) гнев божий, так как лег вечером здоровым, а на рассвете нашли его мертвым, ненавидимого и забытого всеми. И как увидели это войска его, рассеялись и разбежались в свои страны...» [45, 234-238].

В период осады Анакопии арабы нанесли сокрушительный удар по Апсилии. Как сообщает Феофан Хронограф, в том же, 738 г. полководец Сулейман ибн-Исам вступил в Апсилию и осадил Сидерон, где укрылся Евстафий - сын «блистательного патрикия» Марина, когда-то помогавшего Льву Исавру, крепость не выдержала осады. Евстафий был пленен. Потерпев поражение под Анакопией, арабы увезли Евстафия с собой и после неудачной попытки обратить в исламскую веру казнили [7, 93-94]. Интересно, что на всех основных укреплениях Апсилии отмечены следы одновременных разрушений, которые датируются первой половиной VIII в. В Цибилиуме поверх наиболее поздних (VI - VII вв.) культурных отложений обнаружено огромное число речных булыг весом до двадцати пяти кило-

378

грамм каждая, служивших в качестве катапультных ядер. За четыре километра подвозили осаждавшие эти боеприпасы, с помощью которых были пробиты бреши в стенах. Через них устремились арабы на охваченную пламенем территорию внутри стен, где скрывался апсилийский гарнизон. Ни один человек не вернулся после яростного штурма в крепость,

и стены ее, постепенно разрушаясь, скрыли под каменным завалом груды ядер и следы пожарища.

Аналогичная судьба постигла, судя по всему, и важнейшие крепости и поселения лазов, расположенные до того в центральных и восточных районах Колхиды. Уцелевшее население сосредотачивается в северо-западной части древней Лазики между реками Ингури и Цхенисцкали, а на освобожденном пространстве вскоре появляются переселенцы из Восточной Грузии, бежавшие от укрепившихся там арабов.

11. ЦАРСТВО ЛЕОНА АБХАЗСКОГО

Победа у стен Анакопии имела далеко идущие последствия, которые хорошо осознавали и ее современники. Поэтому не случайно немного позже на том месте, где арабские полчища были повернуты вспять, построили в честь этого события белокаменный храм богородицы. Теперь «с легкой руки» монастырских историков второй половины XIX столетия он связывается с именем святого Симона Кананита.

Вскоре после ухода арабов из Колхиды Льву Исавру, теперь уже в качестве византийского императора, снова пришлось всерьез заняться устройством дел в этом районе. «И была разорена в то время страна...- пишет летописец Джуаншер, - и не находилось больше крова и пищи для людей и животных. И направили посла к греческому царю Мир и Арчил и Леон - правитель Абхазии, и сообщили, что было сделано богом руками их. А он (*Лев III - Ю. В.*) послал два венца и грамоту Миру и Арчилу и написал им: «Были в Ваше царство доблесть и мудрость в Картли. Теперь, хоть Вы и терпите гонение вместе с нами за служение Христу, но с изменением нашего положения вместе с нами и Вы будете возвеличены...Всем пределам Картли от нас сделан вред, а от царей ее были нам содействия и польза. Теперь это третье служение и польза, положенные ими на престол наш царский в первый раз приняли свет крещения... затем от разорения спасли большой город Понта и между ними и персами сделали мир...Теперь, если бы бог не воспрепятствовал через них этим злым врагам, последние дошли бы до Константинополя» [45, 240]. Оценив столь высоко роль Картли как заслона против вторжений врагов через Восточное Закавказье к пределам Византии, император обращался затем к Леону со следующими словами: «А тебе жалую управление Абхазией, тебе и детям твоим, и потомкам твоим навеки. Но добром уважай народ картлийский, и с этих пор не властен

379

ты вредить ему и границам Эгрисским пока они там сами не выйдут из них». Судя по всему, Византия стремилась к восстановлению боеспособности Восточной Лазики-Эгриси, которая по-прежнему рассматривалась как главный бастион в этом районе против арабов, укрепившихся в Картли. Переслав знаки царской власти Миру и Арчилу, Лев III, учитывая разницу в реальных силах опустошенной Лазики и Абасгии, избежавшей тягот арабского нашествия и сильно расширившейся, по-видимому, за счет присоединения Апсилии и Мисиминии, на определенное время приостановил дальнейшее продвижение своего тезки на восток, передав ему вместе с тем наследственное право на управление подчиненными ему территориями.

Мир не сумел излечиться от раны, которую получил при преследовании арабов. Почувствовав приближение смерти он позвал Арчила и обратился к нему со следующими словами: «Я теперь к - отцам: возьми меня и похорони в могиле вместе с отцами нашими... И нет у меня сына-наследника а имею семь дочерей. Ты теперь наследник дома нашего, царства царя Мириана. И ты сам знаешь, что мы дочерей наших не даем эриставам в жены; или даем царям, или же придет от персов наследник царей, как Пероз, которому Мириан дал дочь свою в жены. Но мы сейчас ослаблены, так как ты без жены, а

я - без сына. Теперь (поэтому), как приводили отцы наши в жены дочерей эриставов наших, так дай им дочерей моих и раздели между ними страны Картлийские. Половина тебе, а половина - им. А то, что было у меня, как у старшего, даю тебе, и пусть будет у тебя, как у старшего: Эгриси, Сванетия, Такуэри, Арагвети и Гурия. А Кпарджети и среднюю Мтиулети дай дочерям моим, чтобы они там пребывали в эти злые времена... А ты стой здесь и будь другом греков, пока рассеется тьма эта» [45, 241].

После смерти Мира Арчил позвал Леона и сказал ему: «Пусть благословит тебя господь за все, что ты сделал для нас, когда мы были твоими гостями, и обеспечили нас спокойствием в местах твоих. Но теперь сообщают нам о том, что отстраиваются места наши от Клисурь и выше. Пойду и буду строиться в Цихе-Годжи и Кутаиси. Теперь проси, чего требуется тебе от меня взамен доброго твоего служения». Но Леон сказал: «Дал мне император страну эту наследственно благодаря доброму вашему содействию. Отныне же эта страна является моим наследственным владением от Клисурь до реки Великой Хазарии, куда достигают вершины Кавказские. Включи меня в число рабов твоих, которых ты удостоил сделать сыновьями и братьями твоими. Не хочу доли от тебя, и мое пусть будет твоим!» И тогда отдал Арчил в жены Леону дочь брата своего Гурандухт и венец тот, который греческий царь послал для Мира, и дали они друг другу обет и клятву страшную в том, что не будет вражды между ними и чтобы Леон помогал бы Арчилу во всех делах его» [45, 242-243]. Так Арчил и Леон несомненно с ведома и согласия византийского императора разделили Колхиду на две части, при чем Леон, женившись на дочери Мира и получив царскую корону, оказался уже не столько вассалом, помощником Арчила, сколько фак-

380

тически его наследником в Эгриси. Так наметились, наконец, реальные предпосылки объединения всей Колхиды в единых политических границах.

Конечно, Леон Абхазский своими успехами был обязан не только своим личным, вероятно незаурядным, способностям и свежим силам абасгов, составлявших основу его не слишком многочисленного войска. Немаловажную роль в судьбе Леона сыграли и его близкие родственные связи с византийскими императорами и хаканами Хазарии. Еще в 732 г. Лев III Исавр женил своего сына Константина на сестре хазарского правителя. Примерно в то же время старший брат Леона - Константин Абасгский взял в жены дочь хазарского хакана, которая, по мнению большинства исследователей, была сестрой царевны, отданной за наследника византийского престола [7, 101]. Не случайно Леон в своем ответе Арчилу упоминает одновременно императора и Хазарию - у него по-видимому, были все основания рассчитывать на их поддержку.

Согласно составленному в 1008 - 1014 гг. списку правителей Абасгии и Абхазского царства - так называемому «Дивану абхазских царей», Леон I правил сорок пять лет [24, 195]. Поскольку он уже являлся активным участником событий 737-738 гг., время его кончины должно определяться примерно 780-782 гг. Следовательно, Леон I Абасгский является современником византийских императоров Льва III Исавра, его сына Константина V (741- 775) и внука Льва IV Хазара (775-780). На протяжении всего этого периода Византия и Хазария поддерживали самые тесные дружеские отношения, что, несомненно, благоприятно сказывалось и на положении Абасгии. Как сообщал грузинский историк XVIII в. Вахушти Багратиони, Леону Абасгскому еще при жизни Иоанна, сына Арчила (в приведенном выше обращении Мира к Арчилу как будто содержится ясное указание на отсутствие у последнего жены и детей, однако в более поздних источниках упоминается его сын Иоанн, правивший в Эгриси после мученической смерти Арчила примерно в 750 г.), «подчинилась... вся Эгриси и почитала его» [7, 97]. Включение Эгриси в состав Абасгии носило, несомненно, мирный характер. Это событие произошло скорее всего в годы правления Льва IV Хазара, когда Византия

была еще достаточно могущественной и могла не опасаться усиления Абасгского княжества [7, 101], и вместе с тем это соответствовало желанию Византии иметь в этом районе буферное государство, стоявшее на пути возможных вторжений со стороны Северного Кавказа и Восточного Закавказья.

Общая атмосфера жизни Колхиды в последние годы правления Леона I прекрасно передана в сочинении древнегрузинского писателя Иоанна Сабанидзе «Мученичество Або Тбилели», написанном в самом начале 80-х годов VIII в. Здесь, в частности, рассказывается о переезде из Хазарии в Абхазию (Апхазети - так обычно называется в древних грузинских источниках Абхазское государство VIII - X вв. Название «Абхазия» происходит от древнего наименования «Абасгия», трансформировавшегося через грузинский язык) картлийского правителя Нерсе и его свиты, в которую входил

381

молодой араб Або, отвергший ислам и принявший христианскую веру. Иоанн Сабанидзе пишет: «По прошествии некоторого времени Нерсе стал просить северного (*хазарского - Ю. В.*) царя отпустить его в страну абхазскую, куда он с самого начала отправил мать, жену с детьми и всех своих домочадцев, а также и имущество свое, ибо страна та была защищена от страха перед сарацинами. Бог укротил сердце северного царя, и он отпустил Нерсе со многими дарами. Когда они прибыли в абхазскую страну, князь той страны принял Нерсе со всеми его приближенными. Нерсе увидел государыню - мать свою, жену и детей своих, все они с радостью возблагодарили бога, что собрались они вместе живыми и благополучно. Когда князь абхазский узнал, что блаженный Або новокрещенный, он очень обрадовался со всем народом своим. Князь, епископ и священники призвали Або и благословили его... Больше всех благодарил бога блаженный Або, потому что нашел он ту страну полной верующих во Христа и никого неверующих не было среди коренных жителей в ее пределах. Ибо границей ее (*Абхазии - Ю. В.*) является море Понтийское, обиталище полностью христиан, до границ Халдии, в которой находятся Трапезунт, поселение Апсар и Напсайская гавань. И подвластны города те и места слуге Христову, ионскому (*греческому - Ю. В.*) царю, который восседает на престоле в великом городе Константинополе» [7, 102 -112].

О событиях, последовавших вслед за смертью Леона I, весьма содержательно, хотя и довольно кратко, сообщает нам древнегрузинская летопись «Жизнь Картли» («Матиане Картлисай»), где сказано; «Когда же ослабели греки, отложился от них эристав абхазов, по имени Леон, сын брата эристава Леона, которому была дана Абхазия в наследство. Этот второй Леон был сын дочери царя хазар, и с (помощью) их силы отложился он от греков, завладел Абхазией и Эгриси до Лихи (*Лихский хребет, разделяющий Восточную и Западную Грузию - Ю. В.*) и назвался царем абхазов» [45, 251]. В более поздних источниках сообщается, что Леон II перенес столицу Абхазии в Кутаиси. При захвате власти в Колхиде он пользовался не только помощью хазар, но и заручился поддержкой эгрисцев. Леон II разделил Абхазское царство на восемь административных округов-областей по этноплеменному принципу [7, 108].

Содержание рассмотренных сообщений можно раскрыть следующим образом. Акад. С. Н. Джанашиа справедливо писал, что приведенное в сочинении Иоанна Сабанидзе «описание внутреннего состояния Абхазии так и дышит благополучием и рисует силы страны, накопленные в результате предыдущего развития...» [7,103]. Тот, факт, что Леон I назван в этом источнике «князем», а не, как прежде, «правителем», служит указанием на определенные изменения в его положении при общем сохранении провизантийской ориентации. К моменту воцарения Леона II (около 786 г.) Абасгия и Эгриси мыслились как некое единое целое, которое можно было захватить одновременно. Леон II получил власть в Абхазии не по наследству, закон-

ным способом, а путем захвата ее с помощью хазар и против воли Византии [26]. Это произошло, вероятно, вскоре после смерти Льва IV Хазара, когда на византийском престоле оказалась его энергичная вдова - императрица Ирина (780-802), последняя представительница Исаврийской династии. В своем неумном стремлении к власти она не останавливалась ни перед чем. Даже собственному сыну приказала выжечь глаза. Леон II, однако, не сумел надолго закрепиться в Абхазии. Согласно «Дивану абхазских царей», вскоре абхазский престол занял законный наследник Леона I - его сын Феодосий II (701-818). Не исключено, что он использовал поддержку Византии, где в это время пришел к власти Константин VI (790-797), который на короткий срок отстранил от управления государством свою мать. Вероятно, Леон II так и не был признан правителем Абхазии, поскольку имя его отсутствует в «Диване абхазских царей», подобно именам Иоанна и Адарнасе, которые узурпировали власть в Абхазском царстве почти на двадцать лет во второй половине IX в. [7,124].

События последних десятилетий VIII в. способствовали закреплению позиций Абасгии в ее новом качестве. С этого времени в истории Колхиды начинается новая эпоха, связанная с двухсотлетним существованием раннефеодального Абхазского царства, рассмотрение которой выходит за рамки этой книги.

ГЛАВА III. КРЕПОСТИ - ХРАМЫ - ГОСУДАРСТВО

В раннесредневековой истории Колхиды особенно интересны эпизоды, связанные с историей городов, с созданием здесь грандиозной системы укреплений (Клисура), с проникновением и распространением на этой территории христианства и с формированием в местной среде феодальных отношений и государственности.

Клисура до недавнего времени сопоставлялась с Великой Абхазской (Келасурской) стеной, расположенной на территории Абхазии (М. М. Иващенко, Л. Н. Соловьев, Л. А. Шервашидзе, З. В. Анчабадзе, М. М. Гунба и др.). В последнее время было высказано мнение, что Великая Абхазская стена не связана с Клисурой раннесредневековых источников (Т. Берадзе и др.). Сложен вопрос о христианизации Колхиды. Одни исследователи полагают, что официальное принятие христианства произошло одновременно с Картли в начале IV века (С. Г. Каухчишвили, Н. Ю. Ломоури и др.), другие в этом отношении доверяют византийским источникам, согласно которым этот акт датируется для Лазики 523 г., а для Абасгии - 40-ми годами VI в. (Н. А. Бердзенишвили, В. Д. Дондуа, В. А. Леквинадзе и др.). Нет единства и во взглядах на обстоятельства перехода к феодализму. Одни исследователи придерживаются мнения, что феодальные отношения в Колхиде победили к VI веку (С. Н. Джанашиа и др.), другие же отмечают более замедленный (сравнительно с Картли) темп процесса феодализации на этой территории (Г. А. Меликишвили, А. П. Новосельцев), где крупное феодальное землевладение не стало господствующим и в IX - X вв. [65, 145].

Если при рассмотрении первых трех проблем проверка имеющихся сведений византийских и древнегрузинских источников в значительной мере облегчается значительным числом уже исследованных фортификационных и христианских сооружений и достаточно обильным сопутствующим материалом, то в решении вопросов феодализации возможности археологических источников весьма ограничены [68, 16], хотя и здесь, особенно в отношении Апсилии, кое-что можно прояснить и с помощью археологических свидетельств.

1. ГОРОДА И КРЕПОСТИ

В предыдущей главе уже шла речь о поселениях лазов, мисимиян, абасгов и апсилов. Для территории Абасгии и Мисиминии письменные данные еще первенствуют, так как археологическое изучение обоих исторических образований VI—VII вв. только начинается. О том, что археология дала в сочетании с письменными источниками для познания прошлого Апсилии, подробно рассказано в специальной книге [21]. Обратимся теперь к Лазике.

О границах Лазики подробные сведения сохранил нам Прокопий. «От

384

города Апсарунта до города Петры и границ лазов, - сообщает историк, - пути один день. Упираясь в эти места, Понт образует береговую линию в виде полумесяца. Длина пути при переезде по этому заливу-полумесяцу составляет приблизительно пятьсот пятьдесят стадий (*около ста километров - Ю. В.*), а все, что лежит за этой береговой линией, является уже страной лазов и носит название Пазики» [72, 379]. «Фасис, - продолжает Прокопий, - впадает в конечную часть Эвксинского Понта, на краях залива-полумесяца, на одной его стороне, принадлежащей Азии, находится город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежащего уже Европе, находится область апсилив» [72, 380]. Поскольку дальше Прокопий сообщает, что проживавшие северо-западнее апсилов абасги находились «за вторым краем этого «полумесячного» залива» [72, 382], можно предположить, что прибрежные районы Апсилии занимали и какую-то часть побережья в пределах упомянутых выше ста километров, достигая районов к югу от современной Очамчиры. Следовательно, можно полагать, что западная граница лазов тянулась на расстояние трехдневного перехода (восемьдесят пяти - девяноста километров).

«Левая сторона Фасиса, начиная от сей реки до пределов Лазики, простирается на один день пути для доброго пешехода, - продолжает Прокопий - Но эта земля совсем безлюдна. Смежная с ней сторона населена римлянами, которые прозваны понтийскими. На границах той лазийской земли, которая совсем безлюдна, царь Юстиниан построил в мое время город Петру» [74, 227-229].

Вдоль левого берега Фасиса принадлежавшая лазам полоса тянулась до Родополя, который, по словам Прокопия, «первый попадет для тех, кто идет из Иберии в Колхиду» [72, 418]. Таким образом, южная граница Лазики проходила по линии Петра - Родополь - Сарапанис, простираясь на четыре дня пути.

Восточные пределы страны отмечали крепости Сарапанис (Шорапани) и Сканда. За Лазикой «внутри страны, - пишет Прокопий, - лежат области Скимния и Суания» [72, 379], путь к которым вел через Уфимерей - крепость, находившуюся в глубине ущелья Риони, по-видимому, в одном дне пути от Кутаиси. Следовательно, северо-восточная граница Лазики проходила по линии Уфимерей - Сканда - Сарапанис.

На северо-западе Лазика граничила с мисимиянами, которые, по сообщению Агафия, занимали «местность, расположенную внутри самой территории колхов» [2, 115].

Наиболее северный пункт, где источниками VI в. зафиксировано пребывание лазов, «у реки Хоб», там находилась последняя резиденция Губаза [2, 72]. Наиболее восточный из известных населенных пунктов Мисиминии - Бухлоон предположительно локализуется в районе современного села Пахулани на правом берегу Ингури, носившего в древности имя «Хоб». По той же реке, по-видимому, проходил один из важнейших транскавказских путей, известный в источниках под названием

385

Мидзимиянского, т. е. по-видимому Мисимианского. Поэтому граница между мисимиянами и лазами в VI - VII вв. должна быть проведена по Ингури, причем не исключено, что в Мисимию входили и какие-то территории по левому берегу этой реки [10, 34].

Очерченная территория была заселена достаточно неравномерно. Прокопий отмечал, что «все населенные места лазов» находятся по правому берегу Фасиса, главным образом в Мухирисисе (вероятно, искажённое груз. Мухуриси), который «отстоит от Археополя на один день пути. В этой области много многолюдных поселков. Из всех земель Колхиды эта самая лучшая. Тут выделяется вино и растет много хороших плодов, чего нет нигде в остальной Лазике. По этой стране протекает река по имени Рион» [72, 423]. Именно в силу этих благоприятных условий персам удалось дольше всего задержаться в Мухирисисе, где можно было пополнить провиант.

«По обоим берегам ее (реки Фасис - Ю. В.), - пишет Прокопий, - Лазика. Но только правый берег до границ Иверии населен туземцами. Все селения лазов находятся здесь, на этой стороне реки; и здесь построены ими разные древние города...» [74, 222-223].

Первым в этом перечне стоит Археополь - по-гречески «Древний город» - крупнейшее оборонительное сооружение Колхиды. Вот как Прокопий Кесарийский описывает его: «Археополь лежит на очень обрывистом холме; мимо этого города течет река, сбегаящая с гор, которые нависают над городом. Нижние ворота его, дорога из которых ведет вниз по склону к подножию холма, не являются вполне недоступными, но дорога, ведущая к ним с равнины, на подъеме является неровной. Верхние же ворота, выходящие на обрыв, являются совершенно недоступными. Местность перед этими воротами покрыта густой зеленью, которая простирается на большое пространство. Так как живущим в этом городе неоткуда получать воду кроме как из реки, то те, которые основали здесь город, провели две стены до самой реки, чтобы им было возможно безопасно отсюда черпать воду» [72, 419].

Отметив в другом месте, что Археополь был «первым и самым значительным городом у лазов» [72, 416], Прокопий затем дал подробное описание сражения между занимавшими крепость византийцами и осадившими их персами [72, 419-423], о чем говорилось выше. Неудачей для персов окончился и второй штурм Археополя [72, 432]. Агафий неоднократно упоминает эту крепость как один из основных опорных пунктов византийцев в Лазике. Перед штурмом Оногуриса здесь находились византийские «военачальники и войска» [2, 74], позднее в нем квартировался «военачальник Бабас, который уже давно командовал римскими войсками, находившимися в Колхиде» [2, 90]. Раскопки в Археополе были начаты в 1930-1931 гг. А. М. Шнейдером, в последние годы их продолжили П. П. Закарая, В. А. Леквинадзе и Н. Ю. Ломоури [33; 34]. Как выяснилось, место для строительства крепости в излучине реки Техури было выбрано древними строителями весьма удачно.

386

Они расположили основные компоненты ансамбля на трех террасах, а доступ на нижнюю треугольную террасу со стороны лежащей к востоку равнины перегородили тройными стенами. Наружная, фасадная стена Археополя - протейхизма - возведена из крупных (до двух метров в длину и полутора в толщину) гладкоотесанных блоков известняка в духе римской кладки *opus quadratum*. В плане стена образует ряд ступенчатых выступов, в боковых сторонах которых главные ворота и две калитки для вылазок. Параллельно первой стене была построена вторая, двойная, протянувшаяся от обрыва к реке на вторую террасу двумя линиями, разделенными метровым коридором. Стена эта сложена из более мелких грубообработанных камней панцирной кладкой. В двойной стене сохранились обычные ворота, выложенные крупными блоками известняка. Рядом с ними изнутри

раскопано караульное помещение, в котором найдены обломки амфор и других керамических изделий, фрагменты железных шлема и панциря, железные наконечники стрел и медная монета Юстиниана I.

Со стороны реки (с юга) нижний ярус крепости был защищен стеной с башнями. Она простиралась до водозаборного туннеля - крытого подземного наклонного лестничного спуска с высокого берега к воде. Последний сложен из крупных гладкообработанных известняковых плит, а нижняя его часть высечена прямо из скалы. Длина туннеля - двадцать шесть метров. С севера мыс оконтуривает обрыв к реке; поэтому древние стены здесь отсутствуют. Пространство первого яруса было когда-то застроено монументальными зданиями. Вблизи водозаборного туннеля раскопаны две ранневизантийских бани с горячим, теплым и холодным отделениями. При расчистке второй бани найден импортный амфориск и обломки керамической плиты с греческой надписью. Рядом с известной уже давно раннесредневековой церковью обнаружены фундаменты большой трехнефной базилики, также относящейся ко времени не позже VI в. При раскопках внутри оборонительных стен найдены в большом количестве обломки амфор с перехватом и с рифлеными стенками, пифосов, лутериев - больших чаш со сливом, мисок, кухонных горшков, кувшинов, своеобразных «сосудов» с отверстиями в дне, кирпичи, черепица, стеклянная посуда, медные византийские монеты конца V - VI вв., обломки бронзового хороса (люстры) с греческой монограммой, вислая свинцовая печать последнего патрикия Лазики Сергия и другие материалы, датируемые в основном VI в. К востоку от города, за пределами крепостных стен недавно исследовано кладбище лазского населения Археополя. В погребениях найдены крестовидные бронзовые фибулы и золотые кольцевидные серьги с колечком, датирующие могильник V - VII вв. [33а, 112]. Доступ на вторую и третью террасы прегражден с юго-востока мощной стеной, сложенной из крупных, гладкообработанных блоков. Эта стена, ступенчато поднимающаяся по крутому склону, была укреплена шестью башнями, возле каждой из которых с левой стороны видна калитка для вылазок. В одной башне найдены двадцать три золотые визан-

387

тийские монеты императора Маврикия (582-602). Верхняя терраса, представлявшая отдельную вершину, дополнительно была защищена круговой линией стен, сложенных грубой мелкоквадровой кладкой. Здесь сохранились ворота, возле которых раскопано помещение, на полу которого лежали 22 амфоры с перехватом, изготовленные из грубой коричневой глины; аналогичные амфоры в других районах Причерноморья датируются VI в. В северо-западной части этой цитадели высится дозорная башня, в стенах которой отмечено использование четырехрядного кирпичного пояса.

Несмотря на то что Археополь называется в источниках первым и самым значительным городом у лазов, вряд ли он был на самом деле «столицей Лазского царства», как предполагают исследователи [51, 140].

Археополь занимал окраинное, «неестественное» [67а, 135] для столицы положение по отношению к центральному, наиболее заселенному району Лазики, располагавшемуся восточнее. Аргумент, что «лазы при выборе места для своей столицы руководствовались интересами безопасности и поэтому постарались выстроить Археополь подальше от областей, наиболее доступных нашествиям внешних врагов» [51, 139], снимается тем, что Археополь ни разу не упомянут в источниках в качестве резиденции лазских царей. Археополь был прекрасно защищен, там постоянно стоял крупный византийский гарнизон, крепость так и не была взята персами, однако Губаз там не появлялся - он находил приют в соседних ущельях и на вершине гор [72, 430].

Лишь одна фраза у Прокопия говорит о том, что Лазики имела какой-то политический центр: «По прибытии войск (*персов* - Ю. В.) в середину Колхиды царь лазов Губаз

приехал к Хосрою, сыну Кавада, поклонился ему, как своему государю, передал ему себя со столицей и всей лазийской землею» [74, 118-119]. Встреча Губаза с Хосровом, судя по всему, произошла в районе Родополя.

Столица лазов в источниках не упоминается, вероятно, потому, что интерес византийских писателей к Лазике был весьма односторонним. Не случайно мы не найдем у них ни одного последовательного систематического описания этой страны. Лазика, как и вся Колхида, интересовала их прежде всего как военный плацдарм. Поэтому в центре византийских сообщений оказались лишь самые важные для защиты имперских владений крепости, а также условия снабжения византийских войск всем необходимым.

Можно предполагать, что столица лазов находилась в центре их наиболее населенной области - Мухирисисе. Прокопий пишет, что «Мухирисис отстоит от Археополя на один день пути. В этой области много многолюдных поселков... по этой стране протекает река по имени Рион; в древности колхи построили здесь укрепление, большую часть которого впоследствии они сами разрушили до основания, так как оно было расположено на равнине и, по их мнению, давало легкий доступ и возможность его завоевать. На греческом языке в то время это укрепление называлось Котийон, те-

388

перь же лазы называют его Кутаиси... Мермерой со всей энергией решил тогда вновь построить это укрепление, а так как у него ничего для этого не было приготовлено, а кроме того, приближалась уже зима, то он возможно поспешнее заменил деревянными сооружениями обвалившиеся (*каменные!* - Ю. В.) части укрепления и остался там» [72, 423-424]. Далее Прокопий сообщает, что в восстановленном Кутаиси Мермерой разместил три тысячи персидских воинов, что указывает на значительные размеры крепости. Кутаиси не только находился в центре самой плодородной и густозаселенной части Лазики, но и на пересечении двух чрезвычайно важных путей. Первый из них шел с Северного Кавказа через Сванию по ущелью Риони, другой - из Восточного Закавказья через Лихский хребет. Скитания Губаза по ущельям можно объяснить тем, что его постоянная резиденция, находившаяся в районе Кутаиси, была занята персами. Не случайно, вероятно, Леон II перенес позднее столицу Абхазского царства из Анакопии не в Археополь, а в Кутаиси.

В источниках часто наряду с Кутаиси упоминается и укрепление Мухирисис [2, 53]. Однако, судя по контексту, можно полагать, что в большинстве случаев под Мухирисисом имеется в виду либо сам Кутаиси, либо область, в которой находилась эта крепость [2, 53, 54, 74, 75, 91, 101, 112, 116]. Об этом прямо пишет Прокопий.

Подходы к столице лазов с юга прикрывал расположенный всего в пятнадцати километрах от нее Родополь (по-гречески «Город роз»), о нем Прокопий сообщает, что «был на равнине город по имени Родополь; для тех, кто идет из Иберии в Колхиду (*через Зекарский перевал* - Ю. В.), он первым попадает на пути. Доступ к этому городу был легкий, и его очень нетрудно было взять приступом. Поэтому за много времени до этого, боясь вторжения персов, лазы разрушили этот город до основания» [72, 418]. В другом месте Прокопий называет его наряду с Мухирисисом «значительнейшим» городом, построенным лазами на «правом» (*вернее, левом.* - Ю. В.) берегу Фасиса [74, 226]. Агафий сообщает, что «Родополь был городом колхов... взят он был... Мермером, который поместил в нем персидский гарнизон» [2, 117-118], уничтоженный впоследствии византийцами.

Родополь локализуется на месте современного городища Вардцихе (*по-грузински «Город роз» - прямой перевод с греческого* - Ю. В.), расположенного на краю высокой береговой террасы вблизи слияния рек Риони, Квирилы и Ханисцкали [51, 147]. Здесь хорошо сохранились оборонительные стены, местами достигая высоты четырёх-пяти метров при толщине до двухтрех с половиной. Сложены они из доставленных издалека мелких,

грубообработанных блоков известняка с применением трех- и четырехрядных кирпичных поясов в соответствии с позднеармянскими и ранневизантийскими строительными приемами. Протяженность этих стен по периметру до пятисот пятидесяти метров. В восточной части ограды сохранились остатки ворот. Стены укреплены рядом прямоугольных выступающих башен. Одна из них, пристроенная к изгибу стены, образующему тупой угол, имела тра-

389

пещевидную форму. С запада крепость была защищена обрывом, с остальных сторон - глубоким рвом.

С 1968 г. на территории Родополя-Вардцихе ведет раскопки В. М. Джапаридзе. В процессе работ выявлен значительный комплекс каменных построек, уточнены вопросы хронологии памятника. Здесь найдено большое число привозных и изготовленных на месте амфор, обломки красно-лаковых тарелок и чаш, кухонной и столовой посуды, строительная керамика, фрагменты стеклянных сосудов, относящихся к IV - VI вв. Интересно, что крепость возникла, по-видимому, не на месте более древнего лазского поселения, а на совершенно свободной до того территории [30].

Местонахождение Родополя, как представляется, было обусловлено не только чисто экономическими факторами. Мощные оборонительные стены, возведенные по последнему слову строительной техники того времени, делали крепость весьма важным оборонительным рубежом. Здесь пересекались два главных пути, связывавших Восточное и Южное Закавказье с Колхидой. Первый шел на Телефис и далее к побережью Черного моря, до которого от Родополя было три-четыре дневных перехода. Второй вел к расположенному вблизи крепости броду через Фасис. На противоположном берегу Фасиса находился густозаселенный Мухирисис, откуда всего за один день можно было добраться до Археополя. Значение Родополя как хранителя переправы через Фасис хорошо показано Прокопием: «Повернув назад и захватив проходы из Иберии в Колхиду, там, где Фасис представляет возможность переправы, он (*Мермерой - Ю. В.*) перешел его вброд, равно как и реку по имени Рион... оказавшись, таким образом, на правом берегу Фасиса, он двинулся со своим войском на Археополь» [72, 416]. Не исключено, что Вардцихе имел в ущелье реки Ханисцкали на пути к Зекарскому перевалу укрепленный форпост, располагавшийся на месте или вблизи развалин средневековой крепости Димна. На существование такого опорного пункта, возможно, указывает сообщение Прокопия о том, что византийцы и лазы, разгромив персидского полководца Фавриза, обосновавшегося в районе Родополя (или в нем?), при преследовании персов добрались до Иберии, а возвращаясь назад, «оставили в ущелье (*Ханисцкали?* - *Ю. В.*) отряд лазов, дабы персы не могли более снабжать Петру съестными припасами, которые они привозили из Иберии» [74, 242]. О том же районе говорит Прокопий и тогда, когда осуждает византийского полководца Бессу за беспечность после взятия Петры: «Если бы он тотчас же после победы... пошел в пределы лазов и иберов и, захватив находящиеся там теснины, укрепил их, то... персидское войско не могло бы пройти в область лазов» [72, 417]. Отметим также, что император Юстиниан в XXXI новелле пишет, что Родополь наряду с Археополем является наиболее древним и крупным укреплением в Лазике. Все это свидетельствует о весьма важной роли Родополя в системе обороны Лазики. Подходы к Кутаиси с севера, по-видимому, вдоль ущелья Риони, при-

390

крывала крепость Уфимерей. Прокопий в этой связи писал: «Очень близко от Кутаиси находится весьма сильное укрепление, называвшееся Уфимерей: его охраняли своим гарнизоном лазы со всей тщательностью. В этой охране вместе с ними принимали участие

и римские воины... (В Кутаиси - Ю. В.) сидел со своим войском Мермерой, занимая лучшие места Колхиды и мешая неприятелям доставлять провиант в укрепление Уфимерей или пойти в область, так называемую Сванетию или Скимнию, хотя она была им подчиненной. Обычно, - заключает историк, - если враги занимают Мухирисис, то для римлян и лазов отрезан путь в этой местности» [72, 424]. Вскоре благодаря деятельности «непоследнего по известности» лаза с греческим именем Феофобий, «персы овладели укреплением Уфимереем и вполне закрепили за собой власть над страной лазов. И не только одну страну лазов подчинили себе персы, но и Скимнию и Сванию, и таким образом для римлян и царя лазов все эти места от Мухирисиса вплоть до Иберии в силу этого стали недоступны» [72, 428]. Эти сообщения как нельзя лучше подчеркивают значение укреплений Мухирисиса для обороны подступов к Археополю.

Наиболее удаленными на восток укреплениями, входившими в «ущельную» оборонительную систему Колхиды, были крепости Сканда и Сарапанис, стоявшие на путях к Кутаиси и Родополю из Восточного Закавказья. Все эти крепости разделяло по одному дневному переходу. Впервые Сканда и Сарапанис (Шорапани) упоминаются Прокопием в его списке лазских городов [74, 225-226]. Именно сюда направился, узнав о приближении Мермероя, лазский царь Губаз «со всем войском колхов», когда «пошел к границам Лазики, чтоб охранять тамошние теснины» [74, 230]. Узнав о поражении Дагисфея под Петрой, Губаз «все же не утрастился и не оставил охраняемого им ущелья, полагая, что тут вся надежда на спасение» [74, 231]. В том же районе, по-видимому, незадолго до того картлийский царь Гурген и его приближенные, убежавшие от персов, «по прибытии в пределы Лазики... остановились и, будучи защищаемы узкими проходами, удерживали неприятеля» [73, 145-146].

Об обеих этих крепостях Прокопий сообщает следующие подробности: «У лазов возле самых границ Иберии были два укрепления, Сканда и Сарапанис. Расположенные в труднопроходимых местах на отвесных скалах, они были недоступны. В прежнее время лазы с большим трудом охраняли их, потому что в этих местах не растет никаких злаков, и люди доставляли сюда продовольствие, неся его на плечах. В начале этой войны император Юстиниан удалил отсюда лазов и поставил гарнизон из римских воинов. Немного спустя из-за недостатка продовольствия они покинули эти крепости, так как питаться, подобно колхам, долгое время местным пшеном, к которому они не привыкли, они совершенно не могли, того же продовольствия, которое приносили им лазы, совершая длинный путь, им совершенно не хватало. Персы захватили эти укрепления и владели ими; во время пере-

391

мирий римляне вновь получили их в обмен на крепости Бол и Фарангий... Лазы уничтожили эти крепости до основания, чтобы персы не могли воспользоваться этими укреплениями против них» [72, 417- 418]. Однако персы вскоре восстановили и Сканду [72, 418] и Сарапанис [72, 428].

Крепость Сарапанис расположена на окраине современного поселка Шорапани на высоком скалистом мысу у слияния рек Дзирула и Квирила. Какое-то укрепление существовало здесь уже в эллинистический период - оно упоминается Страбоном [47, 275]. Развалины же крепости, упоминаемой Прокопием, говорят о более поздней эпохе. Древнейшие части стен сложены характерной ранневизантийской, так называемой смешанной, кладкой, в которой слои грубообработанных известняковых блоков перемежаются с трехслойными, четырехслойными и пятислойными кирпичными поясами. Часть стен возведена без фундамента на высеченной в скале ступени. Толщина стен от метра двадцати сантиметров до трех метров, а общая длина около пятисот метров. С тыльной стороны стены имели аркаду, на которую опиралась боевая платформа, защищенная снаружи барьером с зубцами. В западной стене сохранился заложный

позднее дверной проем, перекрытый кирпичной аркой. Попасть в него можно было только по приставной лестнице. От той же западной стены к реке круто спускается водозаборный туннель с каменными стенами и кирпичным сводом [51,146].

Северо-западнее, в пятнадцати-двадцати километрах от Сарапаниса, расположена Скандская крепость. Длина ее стен около трехсот пятидесяти метров. Местами также видна смешанная кладка с четырехрядным кирпичным поясом. В юго-восточной части крепости стена не имеет таких поясов, хотя общий характер ее не меняется. Не исключено, что здесь стена была восстановлена персами в середине VI в. От западной прямоугольной башни, имеющей также четырехрядный кирпичный пояс, вниз к протекающему у подножия скалы ручью ведет водозаборный туннель. В отличие от Сарапаниса и Археополя в середине он имеет небольшое расширение - прямоугольное помещение, в котором могли расходиться водоносы [51, 147].

Такой была система обороны центрального района Лазики. К сожалению, пока наиболее изучены археологами большие крепости по его окраинам. Мало известно о столице Кутаиси в V - VII вв. Еще не изучены рядовые поселения и массовые могильники. Исследователи уже давно отметили тесные политические и культурные связи Лазики с римско-византийским миром. Они ярко проявились не только в фортификации, но и в быту населения больших городов (баня по римскому образцу, посуда общесредиземноморских типов). По словам Агафия, многие лазы прекрасно говорили по-гречески [2, 103]. Поэтому, с точки зрения византийца, «их, наконец, никак нельзя назвать варварами, и не так они живут, но общением с римлянами они приведены к гражданственности и законному порядку» [2, 73].

В отличие от центрального района окраины Лазики были заселены слабее. В сохранившихся источниках Лазика предстает страной «чрезвычайно

392

гористой и на большом пространстве покрытой частыми и густыми лесами» [74, 114]. Совершенно безлюдной изображается низинная, особенно приморская часть Лазики. Агафий отмечает, что «в старину жители (*Лазики - Ю. В.*) были совершенно незнакомы с благами, которые приносит море, они не слышали даже название «корабль» [2, 73].

Почти совершенно безлюдна в описаниях древних Южная Лазика, занимавшая левобережье Фасиса. В этом районе, по словам Прокопия, «лазы не имеют ни городов, ни укреплений, ни заслуживающего какого-либо внимания поселка, если не считать, что раньше римляне выстроили здесь Петру» [72, 380]. В другом месте тот же автор писал, что Мермерой знал, «что по сю сторону Фасиса нет ни одного местечка, кроме Петры, где бы жили лазы» [72, 416]. Однако утверждения Прокопия относительно незаселенности южных районов Лазики не следует воспринимать буквально. Агафий упоминает поселение лазов в районе Телефиса, где находились «жилища лазов», в которых византийцы грабили «хлеб, полбу и прочее съедобное» во время своего отступления к Хитрополю.

Вероятно, лишь сплошные археологические обследования позволят впоследствии нарисовать полную картину заселенности Лазики.

Интересно, что кроме пути вдоль Фасиса, где Мермерой «не находил... никаких припасов», существовала и другая возможность попасть в Восточную Лазику. Прокопий сообщает, что Мермерой «решился идти другой дорогой, горами, где были места населенные, дабы войско могло себя продовольствовать грабежом... Мермерой, достигнув гор, заботился о том, чтобы отсюда снабжать Петру припасами... Но то, что он мог достать на месте, едва было достаточно к продовольствию его войска... и поэтому он не мог послать в Петру припасов в значительном количестве» [74, 239, 240]. Отсюда можно заключить, что в окрестностях Петры, в глубине горных ущелий, существовало по крайней мере несколько пунктов, населенных скорее всего лазами.

Лазские поселения располагались в стенах Родополя и в его окрестностях. Агафий, описывая освобождение этой крепости от персов, упоминает «местных уроженцев и обывателей», которые «скорее благодаря внешнему давлению, чем по собственному вероломству, перешли на сторону персов» [2, 118]. Не исключено, что именно здесь оставил Мермерой пятитысячный отряд персов, которые «обходя малыми отрядами окрестные селения, грабили их» [74, 240].

Восточные окраины Лазики, по-видимому, были заселены слабо. Говоря о районе, где находились крепости Сарапанис и Сканда, Прокопий подчеркивает, что «в этих местах не растет никаких злаков, и люди доставляли сюда продовольствие, неся его на плечах» [72, 417]. Прокопий также сообщает, что охрана Сканды и Сарапаниса издревле поручалась «тамошним жителям, хотя они терпят большой недостаток во всем; ибо тут не родится ни пшеница, ни вино, ни другое какое-либо полезное произведение... Лазы, однако, могли продовольствовать себя, по привычке употребляя в пищу

393

родящееся у них зерно» [74, 160], которое они, судя по контексту, приносили из более плодородных районов.

В источниках, касающихся событий в V—VII вв. на территории Колхиды, неоднократно упоминается некая Клисуре, представлявшая собой линию оборонительных сооружений византийцев. До сих пор эта линия не локализована с необходимой точностью. Ее название происходит от греческого клейсура. Это слово первоначально означало «ущелье», «теснину», «узкий проход». Со временем византийское командование в пограничных районах империи стало обращать особое внимание на укрепление таких проходов. Вот почему слово «клейсура» применялось не только при обозначении соответствующих элементов ландшафта, но и построенных в этих ущельях крепостей и заслонов. В византийскую эпоху существовало даже специальное звание - клейсурарх - «начальник заставы» в подобном укреплении [73, 148].

Сведения о колхидских Клисуре рассматривались до сих пор, как отмечалось выше, в основном лишь в связи с проблемой Келасурской или Великой Абхазской стены, которую большинство исследователей датировало VI веком на основании в первую очередь созвучия современного названия реки Келасури, где начинается эта стена со словом Клисуре. Однако, как показали исследования последних лет, Келасурская стена не имеет ничего общего со строительной деятельностью византийцев в Колхиде, поскольку как по своим архитектурным особенностям, так и в соответствии с обстоятельными сообщениями письменных источников эта стена датируется XVII веком (19). В ходе археологических исследований стены было установлено, что в ее башнях имеется лишь очень тонкий слой культурных накоплений с остатками костров и керамикой, датируемой исключительно позднесредневековой эпохой [9, 12; 33]. Следовательно, вопрос о раннесредневековой Клисуре Колхиды должен решаться другим путем.

Древнейшее сообщение о Клисуре как о какой-то определенной системе пограничных укреплений относится к V в. Речь идет об упоминавшемся выше договоре между византийским императором Львом I и картлийским царем Вахтангом Горгасалом, по которому Вахтанг получил «страну между Эгрисцкали и Клисурой», а «остальную Абхазию... возвратил грекам» [45, 177], так как, согласно заявлению Льва I, вся территория к западу от Эгрисцкали со времени Александра Македонского принадлежала грекам. Незадолго до смерти Вахтанг завещал своим младшим сыновьям, Леону и Мирдату, «ту землю Абхазии, которая расположена между Эгрисцкали и Клисурой», - собственность их матери-гречанки [45, 203-204]. Вскоре после гибели Вахтанга его старший сын Дачи «взял у Мирдата землю Греции между Эгрисцкали и Клисурой, доставшуюся Мирдату после матери, и взамен передал ему Джавахети» [45, 205]. Прокопий и Агафий основное внимание уделили описанию «ущельных» укреплений у

Петры и Телефиса и в «Археопольской области». Кроме того,

394

в их трудах упоминаются «ущелья» вблизи Родополиса, в районе Сканды и Сарапаниса; говорится об укреплениях в противоположной Родополю правобережной части Фасиса (Кутаиси и Уфимерей), куда через Сванию приводил путь со стороны Северного Кавказа; сообщается о не локализованных еще с достаточной точностью крепостях мисимиан (Бухлоон и др.), охранявших путь по ущелью Ингура; рассказывается об укреплениях апсиллов в Кодорском ущелье, и, наконец, о Трахее. Если взглянуть на карту Восточного Причерноморья, то все перечисленные укрепления образуют единую оборонительную линию, выдвинутую перед фасом «Понтийского лимеса» к краям Колхидской низменности, где находятся выходы из окружающих ее ущелий. Рассказывая о строительной деятельности Юстиниана в Колхиде, Прокопий писал, что «он... укрепил все ущелья в этой стране - их обыкновенно называют Клисурями, чтобы, таким образом, перед врагами были заперты все пути в Лазику» [75]. Главными врагами византийцев в этот период были персы. Поэтому они сильно укрепили южные и юго-восточные рубежи Колхиды. Значимость этих рубежей особенно хорошо была прочувствована византийцами, когда лазы привели сюда Хосрова, указав ему дорогу по левому берегу Фасиса. По словам Прокопия, лазы «не хотели показать персам внутренности своей земли, хотя она, как по этой, так и по другой стороне Фасиса везде неудобопроходима; ибо на обеих сторонах возвышаются чрезвычайно высокие скалы, образующие тут длинные теснины. Римляне называют эти проходы греческим словом клисура; но в то время Лазики не была никем охраняема и потому персы скоро пришли под Петру» [74, 230].

Наиболее позднее упоминание о Клисуре содержится также в грузинских источниках, где о ней упоминается в связи с событиями 30-х годов VIII

в., о том времени, когда Мурван-Кру «разрушил все города и крепости страны Эгриси, и ту крепость трехстенную, которая есть Цихе-Годжи (*Археополь - Ю. В.*), разрушил и вошел в ограду Клисуре... И когда вошел Кру в Клисурю, которая в то время была границей Греции и Картли, (он) разрушил город Апсилии Цхум (*Себастополь - Ю. В.*) и осадил крепость Анакопию...» [45,1, 234, 235].

В рассказах древнегрузинских источников о сыновьях Вахтанга и о нашествии Мурван-Кру противопоставляются центральные земли Лазики («страна между Эгрисцкали и Клисурой», «все города и крепости страны Эгриси») и «Клисуре, которая в то время была границей Греции и Картли». «Ограда Клисуре» находилась, согласно контексту, где-то возле Археополя (Цихе-Годжи). Подразумевать под этой «оградой» Келасурскую стену в Абхазии невозможно прежде всего потому, что по всем своим конструктивным особенностям и по прямым указаниям письменных источников она, как уже говорилось, связана с XVII в. Не подтверждается и предположение, что ей предшествовала какая-то другая более древняя линия укреплений - археологическими раскопками во всех случаях подтверждена однослойность

395

памятника. Келасурская стена обращена против тех мест, где располагался византийский Себастополис и где находились важнейшие пункты, населенные в V-VIII вв.

дружественными лазам и византийцам апсилами. Эта стена идет не поперек, а вдоль пути из легко доступного персам Мухирисиса в Апсилию и Абасгию.

Особую ценность для правильной локализации Клисурь грузинских источников, как представляется, имеют данные Джуаншера о беседе между Арчиллом и Леоном. Вот слова Арчила: «Теперь сообщают нам о том, что отстраиваются места наши от Клисурь выше. Пойду и буду строиться в Цихе-Годжи и Кутаиси» [45, 242]. О том, что подразумевалось

под районом «от Клисурь выше», сказано чуть раньше словами Мира: «Эгриси, Сванетия, Такуэри, Аргвети и Гурия» [45, 241]. Эта географическая номенклатура, как отмечалось, соответствует уже XI веку, однако, если не принять во внимание Гурию в ее позднейшей локализации, а под Эгриси подразумевать, как это следует из источников, Восточную Лазику - Мухирисис, то район «выше Клисурь» примет достаточно определенные контуры, охватив верхнее и среднее течение Риони, в то время как Клисуря охраняла низовье этой реки. Аналогичный вывод следует и из описания похода Мурвана-Кру, который вошел в Кписуру, захватив Археополь.

Под «оградой» ниже «Цихе-Годжи и Кутаиси», служившей «границей Греции и Картли», можно подразумевать лишь какой-то новый византийский «лимес», систему укреплений, заграждавших персам выход к морю через Рионскую долину. Западнее Мухирисиса простиралась до моря область с редким лазским населением, доступ в которую с востока находился под контролем гарнизонов Археополя и византийских лагерей и крепостей Телефис, Хитрополь, Остров. Систему этих стационарных укреплений в труднопроходимых местах, а также различных временных завалов и преград и можно с наибольшим основанием считать клисурой древнегрузинских источников.

Телефис располагался примерно в пятидесяти километрах южнее Археополя, вблизи левого берега Фасиса, там, где к последнему близко подходят горы [55, 170]. Еще в первый поход Мермероя царь лазов Губаз настоятельно рекомендовал византийскому полководцу Дагисфею «послать войско для занятия и охранения теснин за Фасисом» [74, 230] и тем самым перерезать путь Мермерою, двигавшемуся к Петре. Тот «вместе с войском дошел до теснин. Здесь римский отряд, состоящий из ста человек, защищался твердо и отражал персов, покушавшихся вступить в ущелье... Наконец теснимые толпою персов римляне отступили и нашли убежище на вершинах тамошних гор» [74, 235]. Спустя десятилетие, согласно Агафию, в этом пункте византийцы уже создали (или восстановили) довольно сильную систему укреплений. «Стратиг же Мартин, - пишет историк, - засев со своими войсками в Телефисе (это была сильная и весьма укрепленная преграда), тщательнейшим обра-

396

зом охранял проходы. И вообще это место было чрезвычайно трудно пройти. Ибо пропасти и обрывистые скалы, обращенные друг к другу, делали лежащую под ними тропинку весьма тесной, а другого прохода ни с какой стороны не было. Расположенные вокруг поля были чрезвычайно илисты и болотисты, покрыты густыми кустарниками и чащами, так что и одному легковооруженному проход был весьма труден, тем более тяжеловооруженным массам. Сверх того, и римляне не жалели никакого труда и, если находили какую-либо местность недостаточно безопасной, которую, казалось, можно было пройти, ее преграждали бревнами и камнями и постоянно над этим трудились» [2, 54]. В полутора километрах к северо-западу от Телефиса (уже на равнине) упоминается укрепленный византийский лагерь Хитрополь, получивший свое название от находившегося вблизи «горшечного рынка» [2, 55].

В двадцати восьми километрах к северо-западу от Телефиса и в тридцати одном километре к востоку от укреплений Фасиса располагался Остров - хорошо укрепленный лагерь византийцев, о котором Агафий писал следующее: «Местность эта сильно укреплена и трудно доступна, будучи окружена речными потоками. Ибо Фасис и Докон (*Техури?* - Ю. В.), стекая с Кавказских гор по различным руслам и вначале очень далеко отстоя друг от друга, здесь вследствие изменения местности постоянно сближаются друг с другом, отделяясь небольшим пространством, так что римляне, прорыв новое русло и преградив реку Фасис плотиной, направили его течение в Докон. Таким образом, обе эти реки в восточной части Острова соединяются и окружают местность. Отсюда они делятся, производя разные повороты и изгибы, и охватывают большое пространство» [2, 56].

Напротив Телефиса, на правом берегу Фасиса, как сообщает Прокопий, лазы возвели несколько укреплений, чтобы «неприятели не могли на судах переправиться через реку и вступить на их землю» [73, 226]. В число этих укреплений, по-видимому, входил Оногурис, который упоминает Агафий в следующем контексте: «Мермерой же, придя в Хитрополь..., решил дальше не двигаться и не нападать на Остров... Однако, не считая возможным возвращаться в Телефис при тамошнем бездорожье, он бревнами и специально для этого приготовленными лодками соединил берега Фасиса и, создав подобие моста, провел свое войско без всякой помехи. Он разместил персов в укреплении Оногурис, которое раньше создал против римлян в окрестностях Археополя, воодушевил их, ввел туда другие силы, укрепил все, как мог» [2, 57]. Относительно названия «Оногурис» Агафий сообщал: «Местность эта свое имя получила в старину, когда, по всей вероятности, гунны, называемые оногурами, в этом самом месте сразились с колхами и были побеждены, и это имя в качестве монумента и трофея было присвоено туземцами. Теперь же, - отмечает Агафий дальше, - большинством оно называется не так, но по имени воздвигнутого тут храма святого Стефана» [2, 73]. Облик Оногуриса хорошо вырисовывается в описании разыгравше-

397

гося здесь вскоре сражения между персами и византийцами, которые, «придвинув машины, пытались пробить ворота и, окружив всем множеством стены, метали копья. Персы же, прикрываясь зубцами стен, всеми силами отражали их, как это требовала обстановка, осыпая римлян камнями и удерживая внешние укрепления» [2, 75]. Римский военачальник Рустик, привлеченный к суду за убийство Губаза, упомянул в своей последней речи «укрепление Оногурис, выделенное из Археопольской области» [2, 112], т. е. рассматривал его не изолированно, а в связи с определенной оборонительной системой, возникшей задолго до описываемой эпохи.

Между Оногурисом и Археополем Агафий помещает еще один укрепленный лагерь, расположенный к западу от моста через реку Чистую (*современная Абаши - Ю. В.*), в котором сначала была размещена византийская армия, а затем находился двухтысячный отряд гуннов-савиров. В задачу последних входило «тревожить врагов, которые, как предполагалось, должны были здесь проходить, и затруднять им переход, делая его более опасным» [2, 89]. Лагерь этот, по словам Агафия, был окружен валом, увенчанным частоколом. Внутри лагеря находилось множество деревянных укрытий и хижин «из кольев и шкур» [2, 90]. Упомянутая же река Чистая представляла собой довольно значительный рубеж, поскольку византийцы, отступая после поражения под Оногурисом, не могли перейти ее вброд, а скопились у (каменного?) моста. На близость этого лагеря к Археополю указывает тот факт, что во время завязавшегося боя между савирами с нападшими на этот лагерь персами шум сражения разбудил ночевавшего в Археополе византийского военачальника Бабаса [2, 90].

Так описывают историки VI в. укрепления в защищенных самой природой проходах с востока к приморским владениям Византии, вероятно, и входившие в состав Клисур. В свою очередь, их прикрывала со стороны Ирана союзная римлянам Лазика с ее системой больших крепостей, в которых имперские войска появлялись лишь спорадически, в моменты непосредственной военной угрозы. Особенно большую роль играл в византийской стратегии Археополь, ни разу не взятый персами. Непосредственно примыкая к Клизуре, образуя с нею единую линию протяженностью двадцать пять километров, он был самым прочным узлом в ее рионской системе. Не случайно в «Картлис цховреба» Археополь (Цихе-Годжи) назван не в числе городов и крепостей Лазики-Эгриси, а отдельно от них. Разрушив Археополь, арабы овладели и Клизурой. Вероятно, византийцы стояли в нем не как единовластные хозяева, а как «союзники» лазов в общей обороне от персов. Надо думать, что с точки зрения византийской

стратегии и другие крепости Центральной Лазики: Родополь, Кутаиси, Уфимерей, Сканда и Сарапанис - также входили в военную систему византийской Клисурь в качестве ее форпоста. Не случайно все они возникли в период после IV в. - времени, когда столица империи переместилась в Константинополь и сильно возросло значение прочности восточных границ. Римляне должны были спо-

398

собствовать усилению строительства крепостей в Лазике, Апсилии и Абасгии, чтобы создать надежный заслон от кочевых народов.

Сначала они старались переложить все связанные с этим тяготы на плечи союзного им местного населения. И это им удавалось, пока врагом были эпизодически вторгавшиеся кочевники. В VI в. здесь появляются регулярные войска Ирана, по силе не уступавшего Византии. Не сумев заставить лазов исполнять «буферную» роль на восточных границах империи в новых условиях, византийцы были вынуждены использовать здесь и собственные войска, и воздвигнуть новые укрепления в центральной и западной части Лазики. Падение Археополя под ударами арабов и объединение всей Колхиды в единое государство при Леоне I положили конец истории Клисурь.

Чрезвычайно интересные в рамках рассматриваемой проблемы материалы удалось выявить в последние годы на территории Апсилии, где проходил Даринский путь - важная торговая и военная тропа, соединявшая черноморское побережье с Северным Кавказом через Клухорский перевал. Здесь обнаружена ущельная система укреплений, в составе которой находится ближайший в Восточном Причерноморье аналог Археополю - крепость Цибилиум - Тзибила Прокопия Кесарийского. С 1977 г. здесь под руководством автора ведутся раскопки, в ходе которых выявлен уникальный комплекс сооружений (стены, башни, водопровод, баня, известковая печь, храмы, различные жилые и хозяйственные помещения) и яркий археологический материал, анализ которого вносит существенные коррективы в представления об истории Апсилии, а вместе с ней и всего Восточного Причерноморья в VI в.

Одной из важнейших особенностей Цибилиума являются две стены на западном фасаде крепости. На черноморском побережье Кавказа двойные стены имеются в Гагре, в Петре и в Археополе, в северном Причерноморье - лишь в Херсонесе. За рубежом же, на территории, в прошлом входившей в границы Византийской империи, они известны десятками. Наиболее яркий памятник такого рода - двойные стены, построенные императором Феодосием в Константинополе в V веке. Внешняя стена Цибилиума - протейхизма - сложена из гладко отесанных блоков местного известняка; огромные камни, как и в Археополе, уложены правильными рядами. Изнутри в этой стене сохранились основания десяти монументальных арок, поддерживавших когда-то боевую платформу. Аналогичные сооружения имеются в Петре. Вторая, главная стена сложена из грубообработанных обломков известняка, но зато здесь все неровности заглажены раствором с последующей декоративной протиркой по швам кладки. Этот прием (*opus incertum*) зародился в римской архитектуре еще во II - III вв. н. э. и получил широкое распространение в ранневизантийскую эпоху. На территории СССР он встречен впервые. Вот башня №1. Обезображенная взрывами кладоискателей, она тем не менее сохранилась на высоту до 13 метров. Благодаря раскопкам и рисун-

399

ку, исполненному в 1907 году археологом А. А. Миллером, тип башни достаточно ясен. Она пятигранна в плане, а такого рода сооружения в количестве нескольких десятков известны за рубежом (Малая Азия, Балканы, Италия, Северная Африка), где все они датируются V-VI веками н. э. Внутри башни хранилище для продуктов глубиной до 7

метров. На гладко обработанных блоках, слагающих его стены, выбиты различные греческие буквы - знаки каменотесов, на дне хранилища - обломки импортных амфор VI в.

Стены башни №2 поражают своей непомерной толщиной - до 3,5-4-х метров! Благодаря этому башня свободно выдерживала отдачу катапульты, стоявшей на ее крыше. С помощью этого мощного метательного устройства каменные ядра весом до 30—40 кг посылались во врага. Основание такой же башни сохранилось у главных ворот Археополя. Внутри нашей башни обнаружены следы двадцати двух костров, сменявших друг друга за короткий промежуток времени, тысячи обломков амфор, пифосов и другой посуды, кости животных, даже раковины от морских моллюсков, гвозди, наконечники стрел, орнаментированные детали луков, - атрибуты нелегкой солдатской жизни. От разрушенных ярусов башни происходят обломки четырехрядного кирпичного пояса, которым были укреплены их стены (кладка типа *opus incertum*). На поверхности скалы в основании башни найдена изящная глиняная тарелка, покрытая красным лаком - подобные изделия на Афинской агоре датированы зрелым VI веком. А рядом лежал привозной светильник, по своей форме полностью повторяющий изделия того же времени из Северного Ливана.

Башня №3 наиболее монументальна. Стройные арки входов и бойниц, безукоризненная в своей правильности кладка стен, куполообразный свод на 12-метровой высоте, опирающийся на четыре угловых столба - все это признаки укреплений, возведенных в эпоху Юстиниана в Малой Азии, Северной Африке, на Балканах... Серия выразительных черт (арки входов, пороги, каменные опоры межэтажных перекрытий и др.) сближают это сооружение с башнями Археополя. Лучники в бойницах стояли спокойно, во весь рост, жертву выбирали уверенно, стреляли наверняка. Их же снаружи не замечали. Когда враги скучивались у ворот, из башни через боковую дверь выходил отряд защитников, неожиданно появляющийся во фланге либо в тылу противника. Пока разбирались, кто откуда пришел, темп атаки сбивался, из ворот выбегали другие, и сражение выигрывалось осажденными. На многих камнях метки каменотесов - буквы греческого алфавита и другие знаки. Уже в каменоломне было известно, какие камни где лягут. На месте по этим знакам шла сборка зданий. Столь высокая культура строительства до сих пор в Восточном Причерноморье известна не была.

Рядом с последней башней можно осмотреть древнейшую и единственную в горной Абхазии раннесредневековую баню. Вот раздевалка, за ней по лестнице поднимаемся в помещение, где в углу каменная ванночка для мытья ног, затем еще одна дверь и мы в комнате с полукруглой ванной,

400

рядом с которой резервуар для согрева воды. В стенках ванны сохранился пояс из трех рядов, кирпича. Аналогичные пояса прослежены и в стенах второго помещения. Полы бани выстланы плиткой из местного мергеля, они опираются на кирпичные арки и столбики, образующие подполье бани. Сюда ведут три топочных отверстия, через которые пол бани подогревался. В штукатурке, покрывавшей дно основной ванны, мы нашли обломки нескольких стеклянных рюмок, датированных VI веком. Перед завершением строительства бани рабочие распили амфору хорошего вина, а затем разбили рюмки о стенки ванны и залили осколки раствором, благословив таким способом «корабль в плавание».

Напротив ворот с внешней стороны протейхизмы расположена печь для обжига известняка. Массивная платформа, двойной кожух, полки для размещения сырья, топочное отверстие, канал, где когда-то пылали бревна - все здесь оставляет огромное впечатление, особенно если думать, что это древнейший памятник такого рода на территории СССР. Печь в Цибилууме построена в момент начала строительства,

функционировала недолго и после завершения работ была разрушена самими строителями, которые сравнивали верхнюю ее часть с землей, чтобы она не служила помехой во время сражений.

Ворота на западном фасаде крепости размещены, как и в Археополе, в боковой стороне выступа протейхизмы. Врагов, к ним стремящихся, можно было обстреливать с трех сторон. Вход представлял собою монументальную арку с широким выложенным плитами порогом, деревянными двухстворчатыми дверьми, оббитыми железом, и бревенчатым засовом. Полированный след от этого засова до сих пор привлекает внимание своим блеском, не потускневшим за полторы тысячи лет.

Уникален водопровод. На 360 метров протянулась его линия вне крепостных стен к скромному, единственному в этом районе родничку на склоне горы Адагуа. Еще 200 метров шла эта линия по территории крепости, давая ответвления в сторону бани и водохранилищ. Желоб водопровода сложен из камня на прочном растворе и обмазан изнутри водонепроницаемым раствором из извести и толченого кирпича. На отдельных участках использовались керамические трубы тонкой выделки, по-видимому, завезенные издалека. Ответвления соединены с основным водопроводом с помощью горловин ранневизантийских амфор, датируемых VI в.

Пережитое Цибилиумом ярко вырисовывается в накоплениях различных изделий и их обломков, оставленных местными жителями, строителями, солдатами гарнизона, завоевателями. Здесь на значительной площади (свыше 600 кв. м) удалось проследить следующую последовательность событий (снизу вверх): а) до IV - V вв. на склонах холма существует поселение апсилон и их кладбище; б) перед началом строительства большая часть почвы была снята до поверхности скалы, лес и кустарники выжжены, большинство могил уничтожено; в) на освобожденной территории возведе-

401

ны основные постройки крепости - стены, башни, жилые, хозяйственные и прочие сооружения; дата этих сооружений определяется найденными в растворе кладки и в штукатурном покрытии изделиями - амфорами из водопровода, бани и стен, датируемыми в других районах Причерноморья VI в., стеклянной посудой того же времени из бани, бронзовой серьгой VI—VII вв. из раствора в толще стены башни №2 - и особенностями архитектуры самой крепости, вводящими ее в круг памятников VI в.: г) все неровности внутри крепости заполняются приносной землей с разновременными остатками, поверх которой легла прослойка раствора, падавшего при оштукатуривании стен: полы в одних помещениях просто утаптываются, в других заливаются раствором, в третьих - выкладываются кирпичом или плитками из местного мергеля; д) после завершения строительства крепость используется короткий промежуток времени, который характеризуется медной монетой Юстиниана I, отчеканенной в 528-538 гг. в Константинополе, импортными амфорами, краснолаковыми изделиями, стеклянными сосудами, апсильской керамикой, бронзовыми фибулами и др. е) крепость покинута, причем в ней происходят разрушения - кем-то взламываются полы и очажные площадки, верхняя часть стен башни №2 осыпается; ж) летом 550 г. укрепление занимают персы - остатки, с ними связанные, лежат либо поверх следов разрушений, либо прямо на полу еще не загрязненных помещений; это монета шаха Кавада I, отчеканенная в городе Мерве в начале VI в., многочисленные комки кольчуги и пластины от воинских и конских доспехов, удила, цепи, наконечники стрел, - и все это при почти полном отсутствии обломков керамических изделий; поверх этого «персидского мусора» выразительные следы мощного пожара и новых разрушений стен; з) около 550 г. в крепости разместился византийский гарнизон, с которым связана наиболее насыщенная находками часть культурных отложений - десятки тысяч обломков амфор из различных районов Причерноморья и Средиземноморья, апсильские и привозные пифосы, кувшины, чаши,

кухонные горшки, различные изделия из железа и бронзы, стеклянная посуда, устричные раковины; и) как долго находился византийский гарнизон в крепости, сказать пока трудно - в башне №2 мощность соответствующих остатков составила свыше 2-х метров; завершающий этап функционирования крепости характеризуется тонкой прослойкой накоплений с т-образными шарнирными фибулами и обломками местных кувшинов и ваз, дата которых не выходит за рамки второй половины VI - VII вв.; к) крепость заброшена, купол в башне №3 рухнул вниз, стены постепенно разрушились, перекрыв культурные остатки мощным завалом из камня и извести.

Такова история одного из наиболее ярких узлов рассмотренной выше системы ушельных укреплений Колхиды. Основное значение выявленных в Цибилиуме материалов - яркая иллюстрация вещественными памятниками сведений византийских источников, в первую очередь Прокопия Кесарийского, подтверждение высокой точности этих сведений и дополнение их

402

новыми фактами, дающими возможность, наконец, подойти вплотную к правильному пониманию загадки колхидских кписур.

2. ПОД СЕНЬЮ КРЕСТА

Колхида довольно рано соприкоснулась с христианством. В 325 г. в Пителинте уже существовала епископская кафедра, а епископ пителинтский Стратофил принимал участие в проходившем в тот год по инициативе императора Константина I Никейском Вселенском соборе. Пителинтская епископская кафедра появилась почти на двести лет раньше, чем остальные восточнопричерноморские христианские организации. В основе этого, вероятно, лежит популярность Пителинта как места ссылки христиан. Сюда, в этот «крайний предел Понта и римской власти...» как писал Феодорит Кирский, ссылались не только такие известные подвижники, как Орентий и его братья, Иоанн Златоуст, но, несомненно, и многие рядовые христиане. Их приток в крепость оказался особенно сильным на рубеже III—IV вв. Тогда и была заложена основа христианской общины в Пителинте. Вновь организованная кафедра вошла в состав Понтийской епархии. Появление епископской кафедры в Пителинте, по мнению многих исследователей, привело к широкому вовлечению в сферу христианской религии в том же IV в. представителей местных племен. Предполагается также, что Лазика приняла христианство в качестве официальной религии одновременно с Картли, т. е. в 30-х годах IV в. [13, 20]. Достаточно популярна и та точка зрения, согласно которой «в прибрежных городах Колхиды христианство было распространено главным образом среди пришлого, преимущественно греческого населения. Однако отсюда христианство проникает и внутрь страны... Окончательное утверждение христианства в качестве официального культа в Лазике происходит в 523 г, т. е. позже, чем в Картли» [246]. В этой связи необходимо дать краткий обзор имеющихся материалов о христианстве в Восточном Причерноморье. Древнейшее упоминание о наличии христианства у лазов относится к середине V в., когда царь лазов Губаз, явившись с повинной в Константинополь, как сообщил Приск Панийский, «подкупил их (*царедворцев императора - Ю. В.*) лъстивыми речами и тем, что носил знаки своего христианства» поверх персидского одеяния. Византийские авторы (Иоанн Малала, Феофан Исповедник) и «Пасхальная хроника» датируют утверждение христианства в Лазике 523 г. Из источников ясно, что событие это было вызвано не только внутренним развитием самих лазов, а и ускорено извне: навязано им как одно из условий назначения Цафия царем Лазики. С помощью церкви Юстин I и его преемники, несомненно, рассчитывали укрепить позиции Византии в Колхиде.

ле принятия Цафием христианства, в соответствии с политикой своего правительства стремятся представить лазов и их соседей - мисимиян, апсиллов и абасгов - уже законченными христианами. Так, Прокопий пишет, что лазы «более всех народов привержены к христианской вере» [74, 209-210]. В речи на народном собрании лазов Фартаз назвал «самым нечестивым» отказ «от истинной религии и священных тайн» [2, 83]. Однако в тех случаях, когда историки прямо не преследуют политических целей, они описывают население Колхиды еще весьма далеким от христианства. Показательно в этом отношении свидетельство Агафия о том, что убитого Губаза лазы похоронили «по своему обряду», т. е. не по греческому и, возможно, не по христианскому, что в тот момент было, по-видимому, особенно немисливо [2, 73]. Лазы сами не стремились поддерживать в порядке свой, судя по всему, единственный храм, построенный, вероятно, вскоре после 523 г. По этому поводу Прокопий сообщал: «Бывшую у лазов христианскую церковь, древнюю и уже с развалившейся стройкой, он перестроил и сделал как новую» [75]. Лазские же епископы, резиденция которых находилась, вероятнее всего, в одном из византийских центров на побережье, возможно в Фасисе или Петре, в соответствии с требованиями момента уделяли внимание, по-видимому, не столько обращению в христианство самих лазов, сколько племен, проживавших к югу от Апсара, которым они, как сообщает Прокопий, назначали священников [72, 379].

Согласно церковным хроникам («Нотия епископатуум» и др.), в VII — IX вв. на территории Центральной Колхиды находилось пять епископских кафедр (Петра, Фасис, Родополь, Зиганис и нелокализованная еще Саисена), объединенных в Лазскую епархию, подчинявшуюся непосредственно константинопольскому патриарху. Каждое епископство должно было, несомненно, обладать своим кафедральным собором. Кроме того, в Колхиде существовали еще, пусть довольно редкие, приходские церкви, а также монастыри. К крупнейшим раннехристианским храмовым постройкам Колхиды принадлежит кафедрал Петры, построенный по типу эллинистических базилик [55, 176-179]. Его главный зал длиной около двадцати метров делился на три продольных помещения - нефа - рядами столбов, на которые когда-то опиралось деревянное перекрытие с черепичной кровлей. Примыкающий с запада притвор - нартекс - тоже разделен на три части. Стены базилики возведены с помощью «смешанной» кладки (opus mixtum) из мелких грубообработанных камней, перемежающихся многорядными кирпичными поясами. Только выступающая к востоку пятигранная апсида сложена из гладкоотесанных известняковых блоков. Внутри она подковообразна, а ее боковые наружные грани слегка расходятся в сторону базилики. Подобные апсиды характерны для церквей Каппадокийской епархии, а базиликальность плана - для храмов из причерноморских районов, входивших в IV - VI вв. в Понтийскую епархию. Базилика датирована 30-ми годами VI в., т. е. временем сооружения Петры.

Примерно в двадцати пяти километрах к северо-востоку от Петры, на полпути к Телефису, в селе Вашнари находится уникальный комплекс фортификационных и культовых христианских сооружений VI в. [58]. Базилика квадратна, с пятигранной апсидой, боковые грани которой расходятся еще сильнее, чем у базилики Петры. Внутри ряды столбов выделяют центральный квадратный зал и трехсторонний обход вокруг него, из которого через пять входов можно было попасть во внешнюю галерею, в пристроенный с запада небольшой притвор и в примыкающий к юго-восточному углу здания баптистерий-крещальню. Стены церкви возведены с помощью римско-византийской «смешанной»

кладки. Предполагается, что базилика перекрывалась общей четырехскатной кровлей, более всего соответствующей ее квадратной «концентрической» планировке. Последняя, вероятно, отражает характерные для этой эпохи искания в области создания купольного храма на основе базилики, имевшей обычно простую двускатную кровлю. В крещальне найдена известковая плита с сильно поврежденной греческой надписью, на которой упоминается слово «крещальня». Сюда же вел водопровод из керамических труб. К северу от базилики обнаружены остатки мавзолея - квадратного в плане сооружения, предназначавшегося для хранения мощей мучеников. В большем, западном помещении вашнарского мавзолея отправления поминальный культ мученика, в восточном, разделенном, на три части, когда-то хранился в специальной, кирпичной яме ковчежец с мощами, а по сторонам его находились могилы христиан. Сооружения с аналогичным устройством известны в Херсонесе, Милете и Фасосе. Вашнарский мавзолей был окружен глухой стеной, которая служила в качестве опоры для колоннады, украшавшей верхний этаж здания. Здесь найдено шесть венчавших колонны капителей, украшенных четырехлепестковыми розетками и рельефными листьями аканфа. Декор и форма вашнарских капителей восходят к ана-логичным коринфским изделиям V в. Описанные сооружения занимают юго-восточную часть прямоугольного укрепления, включающего линию стен, сложенных из грубообработанного камня и выступающих внутрь ограды башен с двумя входами в каждой. Ограды с аналогично расположенными башнями в рассматриваемое время были характерны главным образом для церковных дворов (Тебесская базилика в Алжире, Иль-Андеринская, Керратинская и Маркианова базилики в Сирии). Поэтому и вашнарская ограда должна быть связана с «церковной фортификацией» [52, 310-311]. Весь этот комплекс был, в свою очередь, окружен еще одной оборонительной линией стен, идущих по контуру мыса, образованного реками Натанеби и впадающей в нее Скурдеби. Через последнюю речку был перекинут каменный мост, остатки которого видел еще в 30-х годах XIX в. известный французский путешественник Ф. Дюбуа-де-Монпере. Дорога к этому единственному пока на территории Колхиды раннехристианскому монастырю, ибо так логичнее всего рассматри-

405

вать памятники Вашнари, вела со стороны моря к северу от реки Натанеби. С востока помимо стены этот комплекс был защищен глубоким рвом.

Вашнарская базилика и все прилегающие к ней постройки датируются второй половиной VI в. на том основании, что о ней не упоминается в истории войн византийцев с персами, весьма подробно описанной Прокопием и Агафием. У последнего, впрочем есть одно интересное сведение, возможно связанное с рассматриваемым памятником. Речь идет о том моменте сражения за Фасис, когда один из византийских военачальников, Юстин, сын Германа, решил со своим войском «идти как можно скорее к святейшему храму, который у христиан в большой чести и который находится недалеко от города (*Фасиса*. - Ю. В.), и молиться о божественной помощи» [2, 97]. Дорога к храму вела сначала на юг вдоль моря [2, 97]. Судя по описанию Агафия, Юстин покинул Фасис еще до начала сражения, вероятно затемно, так как в противном случае персы должны были заметить крупный конный отряд византийцев, прошедший вблизи их позиций.

Между Фасисом и Вашнари, правда, довольно значительное расстояние - до тридцати-тридцати пяти километров, однако, поскольку Юстин вернулся к Фасису, когда сражение уже заканчивалась, то можно полагать, что в его распоряжении было восемь-десять часов, т. е. при наличии проторенной дороги он вполне мог преодолеть расстояние от Фасиса до Вашнари и обратно.

В VII—IX вв. в Фасисе существовала епископская кафедра, которая должна была обладать собственным храмом. Следовало бы ожидать, что этот храм располагался в самом Фасисе, а вне города было другое почитаемое культовое сооружение, возможно связанное с

христианским мучеником (вспомним мучеников в Вашнари). Но нельзя исключить и иного решения: что роль епископской резиденции Фасиса выполнял сам Вашнарский комплекс. Ряд интересных исторических проблем связан с базиликой на территории нынешнего села Сепиети, лежащего в нескольких километрах юго-восточнее древнего Археополя [51, 165-167]. Это сводчатое здание с полукруглой апсидой, разделенное двухъярусными аркадами на три продольных помещения - нефа. Укороченные пропорции памятника, небольшая разница в высоте центрального и боковых нефов, отсутствие пилястров, выступающих из продольных стен плит, на которые опирались арки свода, вызывают аналогии с восточными базиликами, распространенными в центральных районах Малой Азии. Своды же у хоров, занимавших второй ярус в боковых нефвах, имели форму креста, типичную для раннесредневековых церквей как центральных, так и западных областей Византии. Стены Сепиетской базилики возведены из камня с многорядными (до семи рядов) кирпичными поясами, что для восточных базилик не характерно.

Внутри базилики в одном из проемов верхнего яруса аркады помещена плита с греческой надписью, которую могли прочесть лишь находившиеся на хорах. В ней говорится, что некий Филоксист просит заступничества у св. Стефана. Надпись эту, исходя из особенностей написания букв, датиру-

406

ют VI—VII вв. Это дает возможность с абсолютной точностью локализовать упомянутый Агафием храм св. Стефана в крепости Оногурис, «который, - как сообщает историк, - первым выдержал добровольное истязание за людей, приверженных христианству, и был побит камнями его противниками» [2, 73-74]. Постройка базилики св. Стефана, следовательно, относится ко времени не позднее 20-30-х годов VI в.

Можно было бы полагать, что появление церкви в Оногурисе было связано с принятием лезами христианства. Но - согласно Прокопию, у последних существовал только один храм, капитально перестроенный Юстинианом после войны с Ираном. Если это так, то в базилике Оногуриса должны были бы остаться следы серьезных переделок, чего в действительности здесь не наблюдается. Вместе с тем логичнее предположить что древнейший храм лазов был построен в наиболее густозаселенном районе Лазики, т. е. в Мухирисисе.

Комплекс интересных христианских памятников расположен в стенах Археополя. Уже давно известна сильно обросшая позднейшими пристройками церковь Сорока севастианских мучеников. Она стоит в средней части нижнего яруса крепости [83, 98]. Храм имел прямоугольную в плане форму, выступающую пятигранную апсиду, четко выраженные пастофории - помещения по сторонам апсиды. Стены базилики сложены «смешанной» кладкой, а свод перекрытия выложен камнем. Последняя особенность, как и некоторые другие, связывает малую базилику Археополя со сводчатыми базиликами внутренних районов Малой Азии. Базилика, подобно храму св. Стефана, датируется 20 - 30-ми годами VI в. [48].

Рядом с церковью Сорока мучеников недавно обнаружены фундаменты значительно большей по размерам базилики. По своей конструкции она напоминает церковь в Вашнари. План здания также близок к квадрату, у выступающей пятигранной апсиды боковые грани расходятся. Внутреннее пространство разделено на квадратный зал и трехсторонний обход. Стены базилики возведены с помощью «смешанной» кладки. Оба описанных храма в Археополе, по-видимому построены одновременно. Комплекс христианских построек Археополя можно было бы вполне связать с епископской кафедрой, но ее здесь письменные источники, к сожалению, не упоминают.

В Родополе, где в VII - IX вв. находилась епископская кафедра, ни кафедрал, ни сопутствующие ему постройки пока не обнаружены. В другой резиденции епископов VII - IX вв, Зиганисе, располагавшемся в прибрежной части современного села Гудава, к югу от

города Очамчира, недавно раскопаны экспедицией под руководством П.П. Закарая и В. А. Левкинадзе фундаменты баптистерия-крещальни [32]. Она представляла собой небольшое прямоугольное здание со слабо выступающей полукруглой апсидой, внутренняя часть которой отделена от основного помещения каменной стеной, образуя бассейн. В развалинах стен найдены антефиксы с изображениями крестов, относящиеся к X в. Они служили для украшения крыши зда-

407

ния. Здесь же обнаружены обломки архитектурных деталей из проконесского мрамора. Они поступали в Причерноморье в V - VI вв. К сожалению, прилегающая к баптистерию территория, на которой мог находиться кафедрал Зиганиса, сильно размыта рекою Окум. Территория к северо-западу от Зиганиса в церковном отношении никогда не подчинялась лазским епископам. Во всяком случае, в VII -IX вв. здесь существовала автокефальная Себастопольская епархия, соседствовавшая с Лазской и наряду с ней подчинявшаяся Константинопольскому патриарху. Резиденция себастопольского архиепископа располагалась либо в самом Себастополе, либо в его окрестностях, т. е. на территории Апсилии.

При раскопках Себастополя в верхнем культурном слое восточного укрепления было найдено скопление кубиков от стеной мозаики, на основании чего высказано предположение о существовании в этом месте в раннем средневековье христианского храма [86, 175]. Если это действительно так, то его постигла судьба остальной части укрепления, разрушенной морским прибоем.

В окрестностях Себастополя, однако, существует памятник, который по своим размерам и времени постройки вполне мог бы служить кафедралом Себастопольского архиепископа. Речь идет о храме в двадцати километрах восточнее Сухуми в селе Дранда; он прекрасно сохранился до наших дней [71]. Драндский собор относится к крестово-купольным сооружениям на четырех столбах, имевшим в Византии наибольшее распространение в VI - VII вв. Восточный его фасад оформлен снаружи тремя пятигранными выступами - апсидами, заключающими в себе алтари и соединенные с ним боковые помещения - диаконник и жертвенник. В западной части храма им соответствуют два круглых помещения с глубокими полукруглыми нишами. С запада примыкает обширное продольное помещение - нартекс с крещальней в южной части. Храм увенчан куполом, покоящимся на широком низком барабане. Стены храма сложены «смешанной кладкой», - полностью из красного кирпича. Еще в 30-х гг. XIX столетия здесь сохранялась колоннада из проконесского мрамора, украшенная резными капителями. Из Драндского храма происходит алтарная плита с изображением Христа на троне и двух ангелов, иконография и стиль которых указывают на их хронологическую связь с константинопольскими саркофагами VI в. [81, 9]. И еще одна, чрезвычайно любопытная деталь - купол Драндского собора усилен выступающими кирпичными ребрами подобно крупнейшему храму юстиниановской эпохи - Софийскому собору в Константинополе. При недавно проводившихся здесь реставрационных работах обнаружено до двух десятков амфор, датируемых серединой VI в. Судя по всему, строительство собора велось византийскими мастерами, а для производства такого огромного количества кирпича понадобилась, вероятно, не одна обжигальная печь. Выбор места для постройки собора пока объяснить трудно - у нас нет никаких данных о существовании там в тот период какого-либо насе-

408

ленного пункта. Не исключено, что (как и в случае с Вашнарской базиликой) место для создания нового христианского центра подобрали тихое, безлюдное и вместе с тем заметное, вознесенное высоко над обрывом в сторону Кодора.

Согласно Прокопию и Агафию, жившие в этом районе апсилы и родственные им мисимияне в VI в. были уже христианами. Правда, мисимияне признали себя христианами лишь на пороге полного своего поражения - они просили византийских военачальников «не уничтожать совершенно народ, уже с древних времен подчиненный римлянам, одной с ними религии» [2, 124]. В отношении же апсилов Прокопий пишет, что они «подданные лазов и с давних уже времен христиане» [72, 380]. В данном случае Прокопий следует концепции, обусловленной политикой Византии в этом районе. Имперская администрация, по-видимому, еще с конца IV в. стремилась к определенной централизации управления Колхидой. Избрав для этой цели лазского царя, византийцы путем различных договоров и ставя различные условия, а порой применяя даже собственные силы, заставляли соседние с лазами племена (сванов, мисимиян, апсилов и абасгов) признавать над собой власть лазского царя. Последний рассматривался как главный представитель, вассал императора на этой территории. Вспомним гнев, вызванный мисимиянами у Сотериха, который считал, что «нельзя позволять подданным колхов, которые повинуются римлянам, так неистовствовать против римлян» [2,87]. Этим, вероятно, и объясняется причисление всех этих племен к «давним» христианам в силу их подчиненности «христианам»-лазам.

На территории Апсилии (окрестности Цебельды) найдено несколько предметов, которые давали исследователям повод говорить о принятии христианства местным населением уже в IV в. [84]. Речь идет о двух нательных крестах, медальоне с изображением Медузы Горгоны, нескольких пряжках с крестовидной инкрустацией, поздних цебельдинских фибулах с крестовидной дужкой, а также о таких чертах погребального обряда, как западная ориентировка части погребений.

Однако, уже отмечалось [21, 112-116], что в действительности эти атрибуты не могут свидетельствовать о столь раннем проникновении христианства в Апсилию. Нательные кресты, несомненно привозные, типологически связываются с византийскими второй половины VI - первой половины VII вв. Обнаружены они в числе украшений в женских погребениях. Следует отметить, что крест в качестве эмблемы христианства утвердился только в IV в. - наиболее раннее упоминание о поклонении кресту относится к 340 г. [40,161]. Обычай же ношения креста на груди появляется лишь в VI в. Один из древнейших крестов такого рода принадлежал Юстину I. Крестовидная орнаментация пряжек также не может свидетельствовать о раннем проникновении христианства в среду апсилов, поскольку все известные отсюда экземпляры относятся к византийскому импорту VI - VII вв. Изобра-

409

жения христианских крестов на местной керамике появляются также лишь с середины VI в. Языческий погребальный обряд сохраняется у апсилов в неизменном виде до конца VII в., а западная ориентировка покойников, характерная для определенной части семейных могильников, появилась здесь во II - III вв. и, следовательно, также не может быть связана с влиянием христианства.

В 1977-1980 гг. при раскопках в крепости Цибилеум были обнаружены две церкви. Меньшая, вероятно поминального характера, базилика имела полукруглую снаружи и подковообразную изнутри апсиду и прямоугольный в плане (6х6,5 м) зал, куда вели две двери - с севера и запада. Ее стены возведены из слабообработанных известняковых плит, а перекрытием когда-то служили деревянные стропила с возможной черепичной крышей. С запада у этой церкви сохранилась пристройка-нартекс. Второй более значительный по размерам (параметры зала 11х8 м) храм имеет выступающую пятигранную снаружи апсиду и два придела - с запада и юга. Его алтарь был украшен четырьмя песчанниковыми колоннами и преградой, от которой сохранилось оштукатуренное основание. Красной краской по штукатурке изображены три ряда кирпичей. Как ни скромна эта фреска, она,

однако, более чем на 400 лет старше раннего слоя росписей в Лыхненском храме, которые до сих пор считались древнейшими в Абхазии. Еще в начале века археолог А. А. Миллер обнаружил здесь известняковую капитель, украшенную растительным орнаментом и изображениями птиц. Подобные капители известны в Малой Азии, где они датируются VI - VII вв. [81, 9]. Конструктивные особенности храма указывают на то, что здесь периодически вел службу епископ. Южный придел состоит из двух помещений - в меньшем сохранились престол и сливное отверстие, в большем находится крещальня, по своей форме имитирующая храм с выступающей восточной апсидой, с кирпичным бассейном в форме креста. Крещальня предназначена для обращения в христианство взрослых язычников и, по-видимому, является тем памятником, где впервые были крещены апсилы. Датируются храмы Цибилиума 30-50-ми годами VI в. Если в IV - VI вв. единственное на территории Абасгии Пителинтское епископство входило в Понтийскую епархию, то в VII - IX вв. территория Абасгии, как, возможно, и Санигии, - в Себастопольскую автокефальную епархию, причем Пителинтское епископство в этот период в источниках не упоминается. Прокопий сохранил интересные и, по-видимому, достаточно достоверные сведения об истории христианства у абасгов. Сначала среди различных народов, обитавших на склонах западной части Кавказского хребта, он упоминает аланов и абасгов, которые «издревле христианам и римлянам дружественные» [64, 221]. Далее относительно абасгов Прокопий пишет: «Эти варвары еще в мое время почитали рощи и деревья. По своей варварской простоте они полагали, что деревья являются богами» [72, 382]. «При ныне царствующем императоре Юстиниане, - продолжает историк, -

410

все отношения у абасгов облеклись в более мягкие формы. Они приняли христианскую веру... Тогда же император Юстиниан воздвиг у абасгов храм Богородицы и, назначив им священников, добился того, чтобы они приняли весь христианский образ жизни» [72, 383]. Произошло это до 548 г., так как далее Прокопий сообщает, что готы-тетракситы в двадцать первый год правления Юстиниана «прислали в Византию четырех послов, прося дать им кого-либо в епископы... они узнали, что и абасгам император прислал священника» [72, 385]. Интересно, что христианизация абасгов, по Прокопию, была связана с деятельностью присланного Юстинианом его приближенного, внука Евфрата, абасга по происхождению. Оба правителя Абасгии при этом, по-видимому, выступили против мероприятий Евфрата, за что вскоре были низложены.

До сих пор с достаточной точностью не локализована церковь, которая была построена по распоряжению Юстиниана в Абасгии. Этот храм следует искать на довольно ограниченной территории между современным Новым Афоном и рекой Абаском, как во II - V вв. называлась река Псоу, или Хашупсе. Исследователями предложено несколько вариантов локализации этого древнейшего храма Абасгии, который должен был находиться в местах наиболее густого расселения абасгов. Так как эти места до сих пор не выявлены, храм связывают то с нагорной церковью Анакопии, то с Пицундским собором, то с Гантиадской (Цандрипшской) базиликой.

Судя по сохранившимся на вершине Анакопийской горы (Анакопия) в Новом Афоне обломкам архитектурных деталей из проконесского мрамора, христианская церковь в Трахее, более поздней Анакопии, должна была появиться в VI в. Находящаяся на вершине горы базилика представляла собой первоначально небольшое однозальное сооружение с выступающей полукруглой апсидой, в которой сохранились три широких окна.

Древнейшие части стен храма возведены «смешанной» кладкой. Кирпич использован также в арках оконных проемов. Храм датируется обычно VI - VIII вв. [7, 27].

Много интересных данных о раннехристианских памятниках добыто в результате археологических раскопок в Пителинте, проводившихся под руководством А. М. Апакидзе

[12]. На фундаментах упоминавшихся выше базилик, в древнейшей из которых служил в IV в. епископ питиунтский Стратофил, в первой половине VI в. была возведена базилика [53]. Новая базилика имела выступающую пятигранную апсиду, а внутреннее пространство разделялось двумя рядами прямоугольных в сечении столбов на три нефа, причем центральный неф был несколько короче боковых. С запада к основному помещению примыкал нерасчленённый нартекс. Стены храма VI в. возведены «смешанной» кладкой (в апсиде сохранился двухрядный кирпичный пояс). Здесь найдены обломки архитектурных деталей из проконесского мрамора, на одном из которых сохранился обрывок однострочной греческой надписи. Питиунтская базилика первой половины VI в. представляется в виде довольно большого здания с высоким средним нефом и двускатной, покры-

411

той черепицей кровлей. Более низкие боковые нефы, как и нартекс, имели односкатные кровли. Многогранной апсиде должна была соответствовать самостоятельная пирамидальная кровля. Не исключено, что базилика разрушена в период персовизантийских войн, по окончании которых на том же месте построили еще один храм. Он имеет пятигранную выступающую апсиду, особенность которой заключается в сильной укороченности боковых граней. При возведении нового храма его сместили несколько к западу, до основания разрушили нартекс и вход в более древнюю базилику, сохранившуюся часть которой превратили в усыпальницу.

Недавно на городище вблизи этого храмового комплекса найдена свинцовая вислая печать, на одной стороне которой имеется изображение святой Софии с соответствующей надписью, а на обороте - четырехстрочная надпись, указывающая на принадлежность этой печати некоему епископу Теодору (Феодору). Датируется печать VII в. [12, 341-342]. Она должна была принадлежать или какому-либо неизвестному нам питиунтскому епископу или, скорее, ею было скреплено письмо, адресованное епископом другого города, возможно константинопольским, в Питиунт. Печать, бесспорно, свидетельствует о существовании в Питиунте в указанное время крупного религиозного центра.

В десяти километрах к западу от Пицунды, в селе Алахадзы, также вблизи моря, Пицундской археологической экспедицией раскопан уникальный храмовый комплекс [3]. Основу его составляет большая сильно вытянутая в плане базилика, длина которой около тридцати пяти метров. Ее выступающая апсида имеет семь граней, а боковые слегка расходятся. Внутреннее пространство здания расчленено на три нефа двумя рядами массивных прямоугольных в сечении столбов. Главная особенность храма - почти равная ширина здания и его апсиды. Внутри апсидальной части, пол которой был значительно приподнят над уровнем пола основного зала, обнаружены остатки престола, алтаря, а вдоль стен две высокие ступени, на которых когда-то сидели служители церкви. Пол храма был покрыт цемянкой - смесью извести с толченой керамикой. Стены возведены «смешанной» кладкой. В ней помимо рядов известняковых и песчаниковых блоков и многорядных поясов кирпича применялись также своеобразные керамические ящики, заполненные раствором.

Рядом с главной базиликой Алахадзы находятся развалины еще одной, гораздо меньшей по размерам трехнефной и трехапсидной церкви, по форме перекликающейся с более поздними, купольными храмами Абхазии (VIII—X вв.). Строительные материалы, однако (вплоть до такой специфической особенности, как керамические ящики), в обоих храмах одинаковые, что не позволяет их широко разъединять в хронологическом отношении. Храмовый комплекс Алахадзы, вероятнее всего, относится ко второй половине VII -VII вв. Существует давняя традиция, связывающая эти храмы с именем святой Софии.

412

VI в. многие датируют храм, расположенный на территории Гагрской крепости [71]. Однако он относится к типу зальных церквей прямоугольного наружного плана без выступающей апсиды, получившему на рассматриваемой территории распространение лишь с X-XI вв. Стены храма возведены из крупных известняковых блоков, часть которых, вероятно, взята из более древних стен крепости. До начала текущего столетия к востоку от храма сохранялись развалины еще одной возможно более древней, церкви. В пятнадцати километрах к северо-западу от Гагры, в поселке Гантиади, находится единственная из известных пока в Восточном Причерноморье трехапсидная базилика, у которой пятигранная центральная апсида сочетается с полукруглыми [55,181-86]. В главной апсиде три широких оконных проема. Внутренняя площадь храма разделена на три нефа двумя двухъярусными аркадами. В верхнем ярусе боковых нефов располагались хоры. Когда-то к основному помещению с западной стороны примыкал нартекс. Стены базилики возведены из гладкоотесанных известняковых блоков. До сих пор прекрасно сохранился каменный полусвод (конха) в апсиде, а также свод бемы - пространства между алтарным и основным помещением храма. Остальная часть здания первоначально имела деревянное стропильное перекрытие с черепичной кровлей. В южном нефе находится крещальня с бассейном в форме креста с тремя округлыми концами. Алтарь был украшен оградой из богато орнаментированных плит из проконесского мрамора. На одном из обломков сохранился обрывок надписи ... (ΑΒΑ) ΣΠΑΣ. Базилика датируется серединой VI в. На каком-то этапе своего существования она была значительно перестроена - убраны вторые ярусы в боковых нефях, черепичная кровля на деревянной основе заменена каменным сводом, опиравшемся на каменные столбы, разрушен нартекс. Отмеченная связь Гантиадской базилики с юстиниановской эпохой позволила сопоставить этот храм с той церковью, которая была построена Юстинианом для абасгов. Однако нужно иметь в виду, что, во-первых, эта базилика расположена на самом берегу моря у стен, по-видимому, ранневизантийской крепости. Во-вторых, Гантиади либо занимает крайне западную точку исторической Абасгии, либо вообще находится вне ее территории, в то время как храм абасгов логичнее всего искать в центре их расселения. На территории современного Сочинского района, где располагались во II - V вв. саниги, а в VI в., как сообщает Прокопий, сагины и зехи, наиболее древние христианские памятники также относятся только к эпохе Юстиниана. Речь идет в первую очередь о разрушенной в 60-х годах в парке «Южные культуры» к востоку от Адлера базилике с мозаичным полом. С нею связывается несколько плит из проконесского мрамора с рельефными изображениями крестов, розеток, венков, треугольников с трилистным растительным мотивом, пересекающихся кругов. Как и близкие по характеру изделия из других районов Абхазии (Зиганис, Трахея, Пицунда), эти плиты были доставлены сюда морским путем, вероятнее всего, в 30-60-е годы VI

413

в. [81, 5-7]. Итак, древнейшая христианская община в Восточном Причерноморье появилась на рубеже III—IV веков в Питиунте, в результате превращения его в место ссылки христиан. Наиболее раннее свидетельство о распространении христианства вне стен римско-византийских укреплений - факт ношения знаков христианства лазским царем Губазом в 50-х годах V в. н. э. Этого свидетельства однако достаточно для вывода о проникновении элементов христианства в местную среду еще в IV - V вв. н. э. как в результате контактов между греками-христианами приморских крепостей и рядовыми представителями аборигенного населения, так и через посредство местной знати, получавшей в Константинополе знаки власти, гречанок-христианок в жены и различные должности при императорском дворе. Иных свидетельств о популярности христианства среди аборигенного населения ни в источниках, ни в материальной культуре Колхиды

вплоть до 20-30-х годов VI века не известно. Первыми христианство принимают официально лазы (523 г.), затем независимо от них абасги (в 40-х годах VI в.). Со второй четверти VI в. в Восточном Причерноморье начинается интенсивное храмовое строительство, причем церкви строятся не только в стенах византийских укреплений или местных укреплений, строившихся с помощью Византии, но и в значительном от них удалении, придерживаясь однако полосы между приморскими и ущельными укреплениями, контролировавшимися византийцами. Во второй половине VI - начале VII вв. под эгидой константинопольского патриарха в Колхиде складываются две самостоятельные епархии - Лазская и Себастопольская. Эта структура сохраняется по крайней мере до IX в. Политическая стабилизация в Колхиде, наступившая после завершения войны между Ираном и Византией в пользу последней, способствовала широкому распространению христианства в местной среде. Это проявляется как в популярности христианских символов (нательные крестики, изображения крестов на керамике), так и в погребальном обряде (постепенное сокращение инвентаря и стабилизация в ориентации погребенных), отмечаемых вблизи христианских центров на протяжении второй половины VI—VII вв. Быстрому распространению христианства способствовало и ослабление языкового барьера, который успешно преодолевался уже в середине VI века. По словам Агафия, в среде лазов было большое число прекрасно изъяснявшихся по-гречески [2, 103]. В Абасгии этому способствовали многочисленные византийцы-отставники, «уже давно, - как сообщает Прокопий, - расселившиеся среди них (*т. е. абасгов - Ю. В.*) во многих пунктах» [72, 400]. Но особую роль в быстрой христианизации Колхиды должно было сыграть ее фактическое включение в состав империи [49а, 281]. Христианское духовенство, которое в этот период стало «особым слоем, весьма сильным и влиятельным во всех странах Закавказья» [68, 202], образовало в Восточном Причерноморье крупную прослойку «духовных феодалов, князей церкви», которая в VI - VIII вв. полностью «зависела от Константинополя» [68, 204]. Во второй половине VIII в., когда завер-

414

шилось объединение Колхиды в рамках единого раннефеодального Абасгского (Абхазского) царства, христианство стало его государственной религией.

3. ОТ РОДОВОГО СТРОЯ К ГОСУДАРСТВУ

Уже давно и основательно записано в учебниках, что в «западной части Закавказья... феодальные отношения начали складываться в III - IV вв. и установились к VI в.» [43, 43]. Эта гипотеза, впервые сформулированная С. Н. Джанашиа [29, 67-75], затем получила одобрение и развитие в трудах многих историков (З. В. Анчабадзе, Н. Ю. Ломоури, М. М. Гунба и др.). В последнее время акад. Г. А. Меликишвили обосновывает другую точку зрения, согласно которой аборигенное население Колхиды (лазы и, особенно, апсилы, абасги и др.) стояло на более низком (сравнительно с Картли) уровне социального развития и здесь еще и в VI - VIII вв. господствовали весьма своеобразные формы раннеклассовых отношений [65, 35-52]. На основе данных Прокопия, Агафия и Менандра делается вывод, что в Лазике в VI в. основная масса общинников еще пользовалась личной свободой, а власть находилась в руках военно-родовой знати, в то время, как процесс формирования феодальных отношений и феодальной знати шел крайне медленно [65, 141-145]. У северо-западных соседей лазов (апсилы, абасги и др.) в VI в. известны лишь племенные вожди, в значительной мере ограниченные в своих правах [65, 143]. Эта точка зрения нашла развитие в трудах А. П. Новосельцева, согласно взглядам которого феодальные отношения в Западном Закавказье к VIII - IX вв «только начали проявляться»

[68, 247].

Жизнь широких народных масс, их социальное положение в Колхиде почти не отражены византийскими историками. Археологически сейчас наиболее полно раскрыта жизнь населения Апсолии. В ней выделяются центральный, наиболее богатый район с густым населением (Цебельда) и периферийные, главным образом приморские районы с довольно редкими поселками. Основное население Апсолии в IV—VII вв. сосредоточивалось в двух десятках поселений с прилегающими к ним обширными кладбищами. Каждое из них представляло собой позже родовой поселок, объединявший пятьдесят, а порой и несколько десятков больших семей, в свою очередь вступивших в полосу распада на малые семьи. В могильниках Апсолии не отмечено сколько-нибудь значительной имущественной дифференциации между отдельными семьями вплоть до VII в., что объясняется правовым регулированием, характерным для родовой организации. В то же время на территории Апсолии отмечена определенная социально-экономическая специализация отдельных родов в рамках племени - население большинства поселений было занято земледелием, скотоводством, различными ремеслами, в то время как один род, по-видимому, освобождался от этих обязанностей. Вместе с тем население последнего пункта являлось

415

главным потребителем большого числа импортных изделий - стекла, золотых украшений и т. д. [21, 98-104].

Обращает на себя внимание воинственный облик всего мужского населения древней Апсолии. Здесь неукоснительно соблюдался уже упомянутый выше принцип - каждый боеспособный мужчина - воин. В «потусторонний мир» апсолиеца уходил в полном боевом облачении, часто с конем. Вплоть до VII в. мужчины различных семей внутри рода обладали примерно одинаковым снаряжением. Византийские авторы почти ничего не говорят о расслоении апсолийского общества. Упомянуты только «начальник крепости» и выбранные послами «самые разумные люди из апсолийцев» [72, 403; 2, 44], вероятно старейшины. Итак, и историки, и данные археологии на территории Апсолии пока подтверждают существование следующей иерархии: вождь (базилевсы II в., патрикии VIII в.) - старейшины (главы деревень, начальники крепостей) - крестьяне (они же воины и ремесленники).

Все это позволяет определить социально-политический строй древних апсолов как «военно-демократический». Характеризуя такого типа строй, Ф. Энгельс писал: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни» [1, 164].

Следовательно, в распоряжении науки пока совсем нет данных, свидетельствующих, что уже с IV - V вв. в Апсолии существовали какие-то «господствующие классы», которые могут быть связаны с ранней стадией феодализма.

В еще большей степени этот вывод может относиться к Абасгии. В источниках VI в. она предстает небольшой страной, протянувшейся вдоль моря всего на два дневных перехода и вдобавок разделенной на две области. «Начальниками же, - пишет Прокопий, - искони веков они имели двух из своих соплеменников; один из них властвовал над западной частью их страны, другой занимал восточную» [72, 382]. Правители абасгов, опираясь вероятно, на дружины, с целью обогащения занимались разбоем в пределах собственных владений, захватывая в плен своих соплеменников и в соответствии с давней традицией продавая их в рабство. «Дело в том, - сообщает Прокопий, - что оба этих царя замеченных ими красивых и лицом и фигурой мальчиков без малейших угрызений совести отнимали у родителей и, делая евнухами, продавали в римские земли тем, кто хотел купить их за большие деньги. Родителей же этих мальчиков тотчас же убивали для того, чтобы кто-

нибудь из них не попытался в будущем отомстить царю за несправедливость по отношению к их детям и чтобы царь не имел в числе своих подданных людей, для него подозрительных» [72, 382-383].

После крещения абасгов их правители, по-видимому, попытались оказать сопротивление нововведениям византийской администрации и возобновили этот запрещенный Юстинианом, но доходный промысел. Вскоре абасги не без помощи, вероятно, византийских политиков, «низложив своих царей, решили жить на свободе» [72, 383]. Спустя некоторое время в связи с попыткой греков (в поселках абасгов их проживало очень много)

416

присоединить эту страну к Византии абасги снова, видимо, созвали народные собрания и избрали себе царьков. Последние пытались организовать сопротивление Византии, но безуспешно.

Интересно, что источники упоминают в Абасгии только «царей» (всегда под разными названиями: «царьки», «властители», «правители», «начальники» - об одних и тех же лицах) и ничего не говорят о знати, об аппарате господствования. Вероятно, и здесь процесс классового образования еще не был завершен. Упомянутое выше временное освобождение абасгов из-под власти своих правителей, конечно, нельзя рассматривать как переход к феодализму. Скорее его следует рассматривать как протест рядовых общинников против нарождавшегося классового строя [65, 143].

Гораздо дальше зашло расслоение в Лазике. Важную роль в ее социальной жизни играла родо-племенная знать. В источниках упоминается некто из «благородных колхов по имени Фарсанс» [74, 218]; «один из знатных людей у лазов, по имени Тердет, который носил у этого народа название... «магистра» [72, 403]; «один из лазов, очень знатный в этом племени и обитавший в Археополе» [72, 421]; «один из наиболее значительных людей среди них», Айэт [2, 77]; «пользующийся у колхов исключительным авторитетом, разумный и умеренный, очень популярный» Фартаз [2, 81] и т. д.

Эти знатные люди пользовались правом первого голоса на народных собраниях, они были свободны в выборе своей политической ориентации, часто вступали в конфликт с проводимой лазскими царями линией и вместе с тем служили им в нужный момент реальной опорой. Из их среды, по-видимому, формировались царская дружина и свита, среди членов которой в подражание византийскому двору распределялись различные звания вроде «магистра» и т. д. Одним из основных источников удовлетворения потребностей военно-родовой знати лазов являлась торговля с Византией, осуществлявшаяся в основном за счет продажи людей в рабство.

Более ускоренное выделение у лазов и некоторых их соседей (апсилы, саниги) знати хорошо подтверждается наличием большого числа богатых могил II-IV вв., выявленных на побережье и во внутренних районах Колхиды. Однако само чрезмерное богатство этих захоронений говорит о том, что их владельцы жили в период формирования господствующего класса, когда драгоценности были еще не столько средством власти, сколько его атрибутом, и в больших количествах зарывались в землю вместе с мертвыми. Власть царя лазов, судя по известиям византийцев, также еще довольно демократична, так как сохраняла многие черты, свойственные племенным вождям. Цари проявляли себя как военачальники, смелые воины, источники молчат об их дворцах, сокровищах, придворных церемониях и других атрибутах развитой царской власти эпохи феодализма. Цари принимали живое участие в пирушках, где оживленно болтали со своими подчиненными или с послами соседних народов [2, 71]; их сопровождала немногочисленная, иногда даже невооруженная свита [2, 72]. Конфликты с подчиненными для последних пока не представляли серьезной опасности. Достаточно не попадаться на глаза разгневанному царю - и можно чувствовать

себя в сравнительной безопасности [74, 218]. Царский род смотрел на царство как на свою родовую собственность - наследниками престола обычно выступали братья, а не сыновья умершего правителя. После Цафия на лазском престоле оказался его брат Опсит, ему наследовал сын Цафия Губаз, которого сменил брат Губаза Цате, хотя у Губаза и были свои дети [72, 429]. Такова, по словам самих лазов, «непрерывная, нерушимая с древности последовательность царского престолонаследия» [2, 86].

В отношении внешней политики лазские цари, как правило, были зависимы от Византии. По этому поводу лазские послы говорили Хосрову: «Но если мы были римлянам друзьями только по имени, в самом же деле были только верными рабами их... Они оставили царю нашему только вид царского достоинства, а сами присвоили себе власть во всех делах. Царь, подчинившись участи служителя, страшится повелевающего ему воеводы» [74, 115]. Выступая на суде, лазские обвинители утверждали, что Губаз отстаивал «интересы римлян гораздо больше», чем его убийцы; [2, 104]. Любопытно, что Айэт по поводу убийства Губаза сказал, что римляне в этом отношении поступили с лазами «так же, как и раньше» [2, 78]. Затем лазы просили Юстиниана, чтобы он «царем им не назначил какогонибудь чужеземца и иностранца» [2, 85], что указывает на возможность таких действий со стороны имперской администрации в прошлом. Даже в выборе жен и парадной одежды лазские цари не были самостоятельны. Жен они должны были брать из дочерей византийских чиновников, а по поводу одежды Агафий сообщает, что «пурпурную же хламиду носить царям лазов не положено. Но разрешена только белая» [2, 86]. Показателен также тот факт, что лазские цари занимали одновременно хорошо оплачиваемую должность при дворе византийского императора: Губаз в письме Юстиниану «просил его о присылке денег и о доставлении какого-либо пособия к облегчению участи разоренных до крайности лазов. Он представлял притом, что казна должна ему была жалованья за десять лет, потому что он был прежде причислен к силентиариям двора, и не получал по тому званию никакого жалованья с тех пор, как Хосров вступил в Колхиду» [74, 232].

Деление лазского общества только на три ступени - царь и его род, знатные люди и, наконец, народ - позволяет предполагать, что классовые противоречия еще не достигли здесь той глубины и остроты, как в соседних больших государствах.

Весьма важно свидетельство Агафия о сохранении у лазов такого важного признака родоплеменных отношений, как народное собрание. «Виднейшие между ними люди, - пишет историк, - собрали... в укромном месте в одном из ущелий Кавказа большинство народа... и устроили совещание по вопросу, следует ли переходить к персам или оставаться еще под властью римлян. Тотчас же были отвергнуты многие предложения, одни призывающие к одному, другие к другому. Поднялся несказанный и беспорядочный шум, так что даже нельзя было разобрать, кто говорит и что говорит. Тогда их вожди призвали толпу к молчанию и предложили желающим, кто бы они ни были, выступить и изложить в порядке, что нужно делать...». Айэт, «в гневе высту-

пив вперед, говорил, как обычно говорят на народных собраниях. Он был более искусным оратором, чем это свойственно варварам» [2, 77]. Когда Айэт кончил, «тотчас вся толпа поднялась с криком и требовала в тот же день перейти на сторону персов... нисколько не заботясь о будущем... толпа беспорядочно требовала ускорить решение... Когда они так шумели, успокоил их возбуждение один человек, по имени Фартаз» [2, 80-81].

К сожалению, археологические данные еще недостаточны для характеристики степени классового расслоения лазского общества. Письменные данные об экономике Лазики

противоречивы. Агафий говорит о лазах: «Среди народов, находящихся под чужой властью, я не видел никакого другого, столь знаменитого, так осчастливленного избытком богатств, множеством подданных, удобным географическим положением, изобилием необходимых продуктов, благопристойностью и прямоотой нравов» [2, 73]. Прокопий же утверждает, что «у лазов нет ни соли, ни хлеба, ни других произведений; они продают другим народам кожи, меха и невольников и тем достают себе все нужное» [74, 107]. «В земле лазской, - сообщает Прокопий, - нигде нет соли; там не родится ни пшеницы, ни винограда, ни других полезных произведений. Все это привозится к ним на судах из римских поморий; и за все это лазы платят торгующим не золотом, а кожами, невольниками и другими ненужными им товарами» [74, 210]. С приходом в Колхиду персов, сообщает Прокопий, лазы вообще «лишились этих выгод». В этих перечислениях Прокопия только соль, которую ввозили и многие другие народы, действительно принадлежит к предметам первой необходимости. Подчеркиваемая историком «скудность» продовольствия - это и отсутствие привычных для византийца продуктов питания: пшеничного хлеба, греческого вина. Прокопий упоминает у лазов местное пшено и полбу и поясняет, что «лазы, однако, могли продовольствоваться себя, по привычке употреблять в пищу родящееся у них просо» [73, 150], которое византийцы не могли есть постоянно. «У лазов возле самых границ Иберии были два укрепления - Сканда и Сарапанис. Расположенные в труднопроходимых местах на отвесных скалах, они были недоступны... В начале этой войны император Юстиниан удалил отсюда лазов и поставил гарнизон из римских воинов. Немного спустя из-за недостатка продовольствия они покинули эти крепости, так как питаться, подобно колхам долгое время местным пшеном, к которому они не привыкли, они совершенно не могли, того же продовольствия, которое приносили им лазы, совершая длинный путь, им совершенно не хватало» [72, 417, 418]. Как показали раскопки в крепости Цибилиум в Апсилии, также и туда, довольно далеко от побережья, византийскому гарнизону доставляли греческое вино в амфорах и даже устриц.

Тот же Прокопий существенно уточняет картину сельского хозяйства Лазики, сообщая, что Мухирисис - «изо всех земель Колхиды это самая лучшая. Тут выделяется вино и растет много хороших плодов, чего нет нигде в остальной Лазики» [72, 423]. Основной сельскохозяйственный район, составлявший ее экономическую базу, был сравнительно невелик. Возможно, именно суровость природных условий на большей части террито-

419

рии Лазики несколько сдерживала темп социального развития, способствуя сохранению пережитков предыдущей общественной формации. «Даже в Лазском царстве, - пишет акад. Г. А. Меликишвили, - процесс феодализации шел медленно. Причиной этому должна быть, например, скудность экономической базы данного региона в ту эпоху. Об этом ряд красноречивых указаний находим мы в византийских источниках, в частности, у Прокопия Кесарийского. Это обстоятельство возможности эксплуатации непосредственного производителя довольно ограничивало. Поэтому военнородовая знать... свои возросшие потребности вынуждена была удовлетворять иным путем: облагала данью соседние объединения (это известно по отношению к сванам), прибегала к налетам на слабых соседей (и, порой на соотечественников) с целью захвата пленных и продажи их в рабство» [65, 141-142]. Примерно на том же или на более низком уровне находилась и экономика соседних с лазами народов апсилов, абасгов, мисимиан и сванов. Византийские авторы ничего не говорят о взаимоотношениях знати и народа. Все же некоторый свет на это косвенно проливают данные об отношениях лазской знати с признавшими ее суверенитет соседними племенами.

Упоминаемая византийскими авторами зависимость апсилов, абасгов, мисимиан и сванов от лазов не была глубокой, и скорее носила символический характер. В источниках ни

разу не говорится о каких-либо самостоятельных санкциях лазских царей по отношению к этим племенам. За исключением общей фразы, что абасги «издревле были подданными лазов» [72, 382], практически нет ни одного другого сведения о каких-либо лазско-абасгских контактах. Апсилам ничего не стоило при первом же благоприятном случае объявить о своей независимости. «Вследствие этого, - пишет Прокопий, - апсилы отпали от колхов, упрекая их в том, что они не захотели оказать им помощь, когда они подверглись насилию со стороны персов» [72, 403]. Прокопий, пытаясь соблюсти логику в своих сведениях о власти лазов, далее сообщает о византийском отряде, который к апсилам якобы послал Губаз [72, 403], хотя незадолго до этого ясно указал, что войско было послано по приказу самого Юстиниана [72, 400]. Вряд ли мисимияне обладали большей силой, чем апсилы или абасги. Однако, хотя они и были «подданными царя колхов» [2, 87], последний даже не попытался собственными силами подчинить снова мисимиян своей власти. Это сделало четырехтысячное войско византийцев. В отношении Скимнии и Суании Прокопий писал, что «живущие здесь племена являются подчиненными лазам. Они управляются начальниками из числа местных жителей; и когда для того или другого из начальников наступает роковой час его жизни - его смертный час, то по обычаю, раз навсегда установленному, царь лазов ставит над ними другого взамен умершего» [72, 379]. Однако, как уже говорилось, сваны были связаны с лазами договором, санкционированным Византией еще, по-видимому, в конце IV в., который они по собственной инициативе нарушали, когда влияние империи в этом районе ослабевало. Назначать же сванам нового правителя лазские цари могли, согласно конкретному сообщению Менандра Протиктора, только после согласования соответствующей кандидатуры в Константино-

420

поле. Это еще не отношения господства и подчинения между завоевателем и покоренным, свойственные тлубоко дифференцированному развитому классовому обществу, а отношения внутри союза племен, которые регулировались с помощью внешней силы, создававшей у лазов иллюзию старшего партнера среди своих соседей в рамках этого союза.

Вся сумма письменных и археологических данных о Колхиде подтверждает приведенный выше тезис Г. А. Меликишвили о неравномерностях в социальном развитии отдельных частей Грузии и не дает основания говорить о происшедшей у народов Колхиды в VI в. победе феодальных отношений.

Драматические события VIII в. внесли существенные изменения в ход исторического процесса в Колхиде. Уже в VII в. Абасгия представляла собой единое политическое объединение, во главе которого, подобно Апсилии и Лазике, находился патрикий, игравший здесь роль наместника византийского императора. До нас дошел список первых правителей Абасгии («Диван абхазских парей»), живших в конце VI - начале VIII вв. Вот их имена, - Анос, Гозар, Иствин (Юстиниан), Финиктиос (Филиктос), Бакур, Дмитрий I, Феодосий I, Константин I, Феодор, Константин II и, наконец, брат последнего - Леон I, который правил сорок пять лет [24, 195]. Одному из названных Константинов принадлежала свинцовая вислая печать с греческой надписью «Константин Абасгский», которая была найдена в Пителинте. Такие печати обычно имели лишь византийские чиновники и духовные лица, входившие в административный аппарат империи [41, 7]. Нет оснований говорить о быстрой феодализации абасгов ни ранее, ни в VII - начале VIII вв. Основная масса непосредственных производителей, несомненно, в тот период все еще обладала здесь личной свободой и собственностью на средства производства. Это положение сохранялось и позднее, когда в состав Абасгии были включены обширные территории к северо-западу вплоть до Никопсии, где население стояло на еще более низкой ступени социально-экономического развития [65, 144]. И тем не менее именно

Абасгия, в VI—VII вв. еще практически ничем не выделявшаяся на фоне других племенных образований Колхиды от них, объединив всю ее в единых административных рамках, создала на этой территории раннефеодальное государство.

Одной из основных причин усиления Абасгии в первой половине VIII в. стала относительная ее удаленность от основных путей, по которым вторгались арабы в Восточное Причерноморье. Лазика практически превратилась в проходной двор. Неоднократно арабы оказывались и на территории Апсолии. Каждый приход завоевателей оборачивался для местных жителей опустошениями, грабежами, убийствами и массовым захватом пленных. Особенно жестоким было нашествие Мурван-Кру, после которого вся Лазика и Апсолия покрылись развалинами и пепелищами. «И была разорена в то время страна.... - пишет летописец Джуаншер, - и не находилось больше крова и пищи для людей и животных» [45, 240]. Разгром арабов у стен Анакопии избавил Абасгию от всех этих бедствий, сохранил население и экономику невредимыми. В результате патрикий Абасгии Леон I, тезка и близкий родственник (через хазарских царевен) византийского императора Льва III и хазарско-

421

го кагана, превратился в наиболее сильную фигуру в Восточном Причерноморье. Как и прежде, главные интересы Византии в Колхиде сводились к организации надежного заслона на пути возможных вторжений со стороны Северного Кавказа и Восточного Закавказья. В новых условиях империя уже не могла рассчитывать на опустошенные арабами Лазикой и Апсолией, выполнявших прежде главную роль по обороне перевалов. Прислав знаки царской власти картлийским правителям Миру и Арчилу, Леон передал им Восточную Лазикой. Туда вскоре началось массовое переселение из Картли предков современных имеретин и гурийцев, основавших на лазских пепелищах новые поселки [7, 106]. Сохранившееся после арабского нашествия лазское население группируется в северо-западных районах бывшей Лазики, образовав этническую основу будущей Мегрелии.

Понимая, что особенно на первых порах Восточная Лазика была не в состоянии выдержать возможные вторжения арабов из-за Лихского хребта, Лев III передает Леону I Абасгскому наследственное право на всю причерноморскую полосу от Никопсии до районов к югу от Фасиса, включив в ее состав Санигию, Апсолию и приморскую часть Лазики до Клисурь, т. е. до линии Археополь - Телефис. Женившись на дочери Мира и получив его царскую корону, Леон I к концу своего правления присоединяет к подвластной ему территории и Восточную Лазикой до Лихских гор.

Таким образом складывалась структура будущего Абхазского царства, представляющего собой «многоэтническое государственное образование, в которое наряду с абхазами, сыгравшими в начале ведущую роль в образовании этого царства, оказались включенными представители других племен - на северо-западе адыги, а на востоке и в нейтральных областях картвелы в лице, прежде всего эгрисцев и сванов, коренных обитателей Западной Грузии и затем переселившихся сюда из Восточной Грузии картвов, говоривших на грузинском языке» [6, 18].

Помимо поддержки извне Леон имел достаточно твердую опору и внутри своего государства. Нам, правда, пока ничего не известно о «знатных людях» той переходной эпохи. Но они, безусловно, сохраняли и укрепляли свои позиции, постепенно перерождаясь из родо-племенной аристократии в должностных лиц раннефеодального государства. Важной опорой Леона

I, несомненно, была христианская церковь, во время длительного мира особенно укрепившая свои позиции в Колхиде и принесящая Абасгии славу христианского государства. Его главную социальную опору также представляли массы свободных общинников земледельцев и скотоводов. В восточных районах, где переселенцы из

Картли образовали довольно большой производительный земледельческий слой населения, основное значение приобрели хлебопашество, виноградарство и садоводство. В северо-западных районах на передний план выходит в тот период скотоводство. Как показали археологические исследования последних лет в зоне альпийских лугов, в верховьях рек Мзымты, Псоу и Бзыби, в VI-VII вв. начинается повсеместное освоение высокогорных пастбищ Абасгии. С VIII в. аналогичная картина наблюдается и в бассейне Кодора, Моквы, Галидзги, Ин-

422

гури, где пастбища занимали всю субальпийскую зону прежних Апсилии и Мисиминии. Речь идет об ацангуарах (абхазск. «ограды карликов») - комплексах каменных построек, разбросанных по всем высокогорным урочищам южного склона Западного Кавказа. В настоящее время известно около пятисот таких построек, позволяющих сделать вывод, что в VII - X вв. охват кормовых ресурсов высокогорий скотоводческими общинами достиг довольно высокого уровня [20].

Каждый из ацангуарных комплексов состоит обычно из одной или нескольких жилых построек и примыкающих к ним разного рода оград и загонов. Жилище пастуха представляло собой домик с толстыми (до полутора-двух метров) стенами, сложенными из дикого камня без раствора. Полезная площадь таких домиков составляла восемь-десять квадратных метров. Узкий дверной проем, иногда маленькое оконце, двускатная деревянная крыша завершали внешнее оформление жилища. Внутри, возле стен, лежат камни, на которых отдыхали пастухи. В почве сохранились следы многочисленных костров, а вокруг можно найти обломки глиняных сосудов, железные изделия, кости животных и другие следы незатейливой пастушеской жизни. В оградах и загонах содержался мелкий рогатый скот и молодняк. Сотни троп вели из жарких приморских долин через густой колхидский лес к прохладным альпийским лугам с высокими травами. Повсеместное освоение альпийских пастбищ с помощью сотен капитальных жилых и хозяйственных построек на достаточно обширной территории свидетельствует о высоком уровне местного отгонного скотоводческого хозяйства, намного опередившего в тот период по своей продуктивности абасгское земледелие. Последнее, в своей значительной части еще оставаясь в Абасгии и Апсилии мотыжным, явно отошло на второй план. Именно на VIII в. падает переломный этап в экономическом развитии местного населения, характеризующийся утверждением скотоводческой специализации хозяйства. Этот перелом, несомненно, вызвал общую перестройку экономики Абасгии, вступившей, наконец, на путь раннефеодальной государственности. Не имея в своем распоряжении достаточного количества плодородной земли, абасги нашли выход в отгонном скотоводстве, давшем им тот необходимый прибавочный продукт, который был использован господствующим классом для укрепления государства.

Все сказанное позволяет предположить, что переход к феодализму в Восточном Причерноморье свершился не ранее VIII в. Это событие было подготовлено сочетанием экономических, политических и идеологических процессов, пережитых местными племенами в VI - VII вв. Всесторонний анализ источников в сочетании с данными археологии подтверждает высказанную акад. Г. А. Меликишвили мысль, что «не в высоком, а в низком развитии феодальных отношений, в большей монолитности, в наличии более широкой базы в виде малодифференцированного общества и незакрепощенных общинников следует видеть источник силы абхазских князей: это... сыграло решающую роль в том, что они в VIII в. предстали перед нами объединителями всей Западной Грузии» [65, 144].

423

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории Колхиды I—VIII вв. - период тяжелых испытаний, больших экономических, социальных и духовных сдвигов, это также и время дальнейшего укрепления сложившихся еще в эпоху греческой колонизации экономических и культурных связей с наиболее значительными цивилизациями того времени - сначала римской, а затем византийской. Сохраненная живая память о некогда населявших Колхиду народах - предках современных абхазов, мегрелов, сванов - вот одно из следствий этих связей.

Яркие, красочные зарисовки Прокопия и Агафия донесли до наших дней мысли, чувства, переживания людей VI в., так во многом не похожих на наших современников, но удивительно близких нам и понятных.

Соприкоснувшись с удивительно образными и содержательными описаниями событий тринадцатилетней персо-византийской войны, особенно ощущаешь, что восьмисотлетний период истории Колхиды, который рассмотрен в этой книге, крайне скудно освещен письменными источниками. А ведь сколько интересного, неразгаданного таит она в себе! И на помощь должна прийти только археология: в обломках керамических сосудов, в контурах полуразрушенных стен, в почти стёртых временем профилях на древних монетах многое можно увидеть, «прочитать».

Исследование памятников рассматриваемого времени только начинается. Систематически ведутся раскопки в Пицунде и в Археополе, начато изучение Родополя и Цибилиума-Тзибилы. Тщательно фиксируют археологи остатки костров и следы пожарищ; рисуют черепки горшков и проводят металлографический анализ топоров и мечей; наносят на карту следы древних дорог; камень за камнем измеряют фундаменты крепостей, храмов и жилищ. В этой живой, творческой, трудоемкой работе, штрих за штрихом восстанавливающей картины жизни наших предков, пытливого исследователя ждут новые открытия, нужные и полезные не только для ученых, но и каждому интересующемуся историей, ибо там, в глубинах прошлого, уже зрели зерна того, что составляет нашу жизнь сегодня.

1978 г.

Сухум.

424

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21, с. 164.
2. Агафий. О царствовании Юстиниана. М., 1953
3. Агрба З. В. Раскопки раннесредневековой базилики в селе Алахадзы Гагрского района, - «Мацне» (серия истории, археологии, этнографии и истории искусства), Тбилиси, 1972, №3.
4. Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы (V - IX вв.), автореф. доктор, дис. М., 1974.
5. Амиранашвили (Болтунова) А. И. Новая находка в низовьях р. Ингура, Тбилиси, 1935.
6. Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А. Дружба извечная, нерушимая. Сухуми, 1972.
7. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI - XVII вв.). Сухуми, 1959.
8. Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
9. Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Памятники села Герзеул. Сухуми, 1980. 9а.
- Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д. Грузия (Картли - Иберия и Эгриси - Лазика) в III - V

вв. - Очерки истории СССР, III - IX вв. М., 1958.

10. Бриллиантов А. О. О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника - «Христианский Восток». Т. V. вып. I. Петроград, 1917.
11. Великий Пителинт. Т. I. Тбилиси, 1975.
12. Великий Пителинт. Т. II. Тбилиси, 1977.
13. Великий Пителинт. Т. III. Тбилиси, 1978.
14. Византийские историки (Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Нопнос и Феофан Византиец), перев. С. Дестуниса, СПб., 1860.
15. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.
16. Воронов Ю. Н. Диоскуриада - Себастополис-Цхум. М., 1980.
17. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
18. Воронов Ю. Н. Гиенос. - СА, 1976, №4.
19. Воронов Ю. Н. Келасурская стена. - СА, 1973, №2.
20. Воронов Ю. Н. О датировке абхазских ацангуаров. - СЭ, 1973, №6.
21. Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.
22. Гозалишвили Г. К. Борьба между Византией и Ираном за Иберию и Лазику в VI в. - Труды Тбилисского Государственного Университета. Т. XXVI - В. Тбилиси, 1944.
23. Голенко К. В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964.
24. Гулиа Д. И. История Абхазии. Сухуми, 1925
25. Гунба М. М. Западная Грузия и Византия в VI -VIII вв., автореф. канд. дис. Тбилиси, 1963.
26. Гунба М. М. К вопросу о времени образования Абхазского царства. - ИАИ. П., 1973.

425

27. Гунба М. М. К вопросу о политических связях Абхазии с Византией в IV-V вв. Тезисы докладов VI Всесоюзной конференции византинистов в Тбилиси 13-18 декабря 1965 г. Тбилиси, 1965.
28. Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Т. I. Тбилиси, 1965.
29. Джанашия С. Н. Труды. Т. I. Тбилиси, 1949.
30. Джапаридзе В. М. Археологическое изучение городища Вардцихе. - «Археологические памятники феодальной Грузии». Т. II. Тбилиси, 1974.
31. Дундуа Г. Ф. Монетные клады Грузии. (Клады римских монет из с. Эки и Сепиети). Тбилиси, 1979.
32. Закарая П. П., Леквинадзе В. А. Археологические раскопки в Гудае в 1971 г. - «Археологические экспедиции Государственного музея Грузии». Т. III. Тбилиси, 1974.
33. Закарая П. П., Леквинадзе В. А., Гвинчидзе Г. Г. Отчет работ Нокалакевской археологической экспедиции, проведенных в 1976-1977 гг. - «Археологические экспедиции Государственного музея Грузии». Т. VI. Тбилиси, 1978.
- 33а. Закарая П. П., Ломоури Н. Ю., Леквинадзе В. А., Гвинчидзе Г. О. Краткий отчет работ Нокалакевской экспедиции. - «Археологические экспедиции Государственного музея Грузии». Т. V. Тбилиси, 1977.
34. Закарая П. П., Ломоури Н. Ю., Леквинадзе В. А. Краткий отчет Нокалакевской экспедиции 1973. - «Археологические экспедиции Государственного музея Грузии». Т. IV. Тбилиси, 1975.
35. Затейшвили С. Г. Сведения об аланах в «Хронографии» Феофана. - Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976.
36. Инадзе М. П. К истории Грузии античного периода (Флавий Арриан и его сведения о Грузии), автореф. канд. дис. Тбилиси, 1953.
37. Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968.
38. Инаишвили А. Результаты археологических раскопок Петра - Цихисдзири в 1962-1965 гг. - ПЮЗГ. IV. 1974.

39. Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикенда. Душанбе, 1977.
40. История Византии. Т. I. М., 1967.
41. История Византии. Т. II. М., 1967.
42. История Грузии. Т. I. Тбилиси, 1962.
43. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1975.
44. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 1966.
45. «Картлис цховреба». Т. I. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).
46. Каухчишвили С. Г. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. III. Тбилиси, 1936.
47. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. - ВДИ. 1947-1949.
48. Леквинадзе В. А. Базилика Археополиса. - ВГМГ. XXX - В. 1974.
49. Леквинадзе В. А. Богатое погребение конца IV в. из Уреки (Грузия). - СА. 1975, №4
- 49а. Леквинадзе В. А. Вислая печать с именем Сергия из Грузии. - СА, 1980, №4.
50. Леквинадзе В. А. Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости. - ВВ. XX. 1961.

426

51. Леквинадзе В. А. Материалы по монументальному строительству в Лазике. - ВГМГ. XXII - В. 1961.
52. Леквинадзе В. А. Монументальные памятники Западной Грузии I-VII вв., автореф. доктор, дис. М., 1973.
53. Леквинадзе В. А. О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках - ВДИ. 1969, №2.
54. Леквинадзе В. А. О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса - Нокалакеви. - СА. 1959, №3.
55. Леквинадзе В. А. О постройках Юстиниана в Западной Грузии. - ВВ. 34. 1973.
56. Леквинадзе В. А. «Понтийский лимес». - ВДИ. 1969, №2.
57. Леквинадзе В. А. По поводу Анакопийской крепости. - ВГМГ. XXV - В. 1968.
58. Леквинадзе В. А. Раннесредневековые памятники Вашнари. - СА. 1972, 3.
59. Ломоури Н. Ю. Из исторической географии древней Колхиды. - ВДИ. 1957, №4.
60. Ломоури Н. Ю. История Эгрисского царства. Тбилиси, 1968.
61. Ломоури Н. Ю. К истории взаимоотношений Западной Грузии и Византии в VIII - IX вв. - Тезисы докладов Всесоюзной конференции византистов в Тбилиси 13-18 декабря 1965 г. Тбилиси, 1965.
62. Ломтатидзе Г. А. Древний могильник в Клдееи. Тбилиси, 1957.
63. Мачабели К. Г. Позднеантичная торевтика Грузии. Тбилиси, 1976.
64. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
65. Меликишвили Г. А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973.
66. Мелитаури К. Н. Крепости дофеодальной и раннефеодальной Грузии. I. Тбилиси, 1969.
67. Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В. О некоторых итогах полевых исследований в Колхидской низменности в зонах новостроек. «Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР». Тбилиси, 1976.
- 67а. Мухелишвили Д. Л. К вопросу о центре Эгрисского царства. - «Кавказ и Средиземноморье». Тбилиси, 1980.
68. Новосельцев А. Н. Генезис феодализма в странах Закавказья. - М., 1980.
69. Очерки истории Грузии. Т. I. Тбилиси, 1970.
70. Очерки истории Грузии. Т. II. Тбилиси, 1973.
71. Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., 1968.
72. Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1950.
73. Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. Кн. I. СПб. 1876.
74. Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. Кн. II. СПб. 1880.
75. Прокопий Кесарийский. О постройках. - ВДИ. 1939, №4.

76. Пугуридзе Р. В. Позднеантичные археологические памятники Западной Грузии. - МАГК. II. 1959.

77. Трапш М. М. Труды. Т. 2. Сухуми, 1969.

427

78. Трапш М. М. Труды. Т. 3. Сухуми, 1971.

79. Удальцов З. В. Идеино - политическая борьба в ранней Византии. М., 1974.

80. Хрушкова Л. Г. Моливдовул из Анакопии. -ИАИ. V.1976.

81. Хрушкова Л. Г. Скульптура и декоративная пластика раннесредневековой Абхазии (V - IX вв.), автореф. канд. дис. Л., 1978.

82. Цитланадзе Л. Г. Археологические находки в селе Лиа (1968 г.). - «Друг памятников». 33, Тбилиси, 1973.

83. Чубинашвили Г. Н. Вопросы истории искусства. Тбилиси, 1970.

84. Шамба Г. К. Погребение II века из Мацесты. - СА. 1970. №2.

85. Шамба Г. К. Ахаччархва - древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970.

86. Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Себастополиса. -СА.1960, №3.

87. Sagi K. Das Problem der pannonischen Romanisation im Spiegel der volkerwanderungzeitlichen Geschichte von Fanegpuszta. - «Acta antiqua» Т. XVII. fasc. 1-2. Budapest, 1970.

88. Fukai S., Horiuchi K. Tag - i - Bustan. Т. II. Tokyo. 1972.

89. Werner J. Nomadische Gurtel bei Persern, Bizantinen und Langobarden. - Atti del convegno international - tema: la civiltà dei langobardi in Europa. Problemi atto di scienza e di cultura, quaderno №189, Roma, 1974.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ - «Византийский временник». Л., М.

ВГМГ - «Вестник Государственного музея Грузии». Тбилиси.

ВДИ - «Вестник древней истории». М.

ИАИ - «Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия». Сухуми.

МАГК- «Материалы по археологии Грузии и Кавказа». Тбилиси.

ПЮЗГ- «Памятники юго-западной Грузии». Тбилиси.

СА - «Советская археология». М.

СЭ - «Советская этнография». М. - Л., М.

428

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

РИСУНКИ И ПОДПИСИ К РИСУНКАМ

429

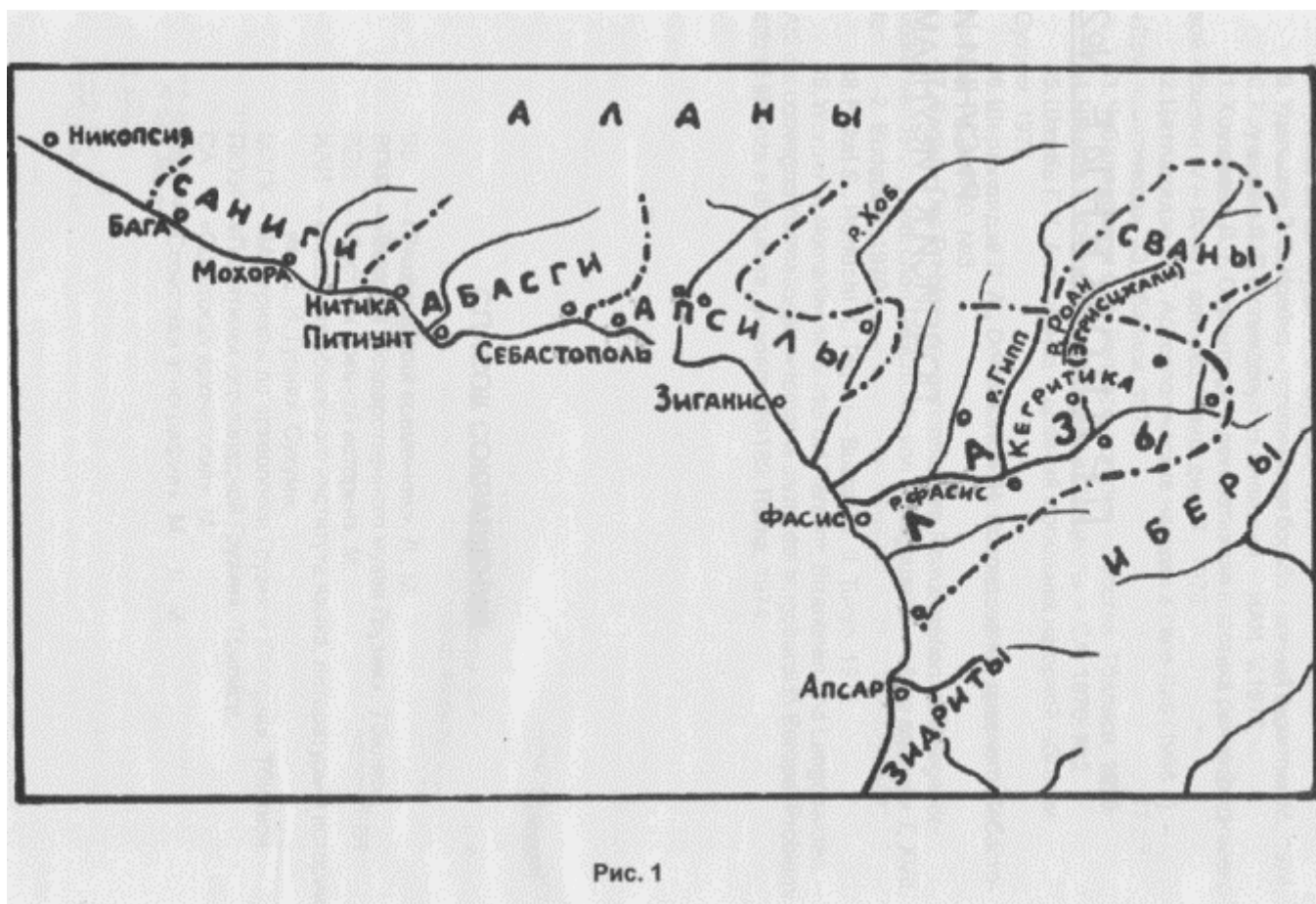

Рис. 1

Рис. 1. Восточное Причерноморье во II-V вв.

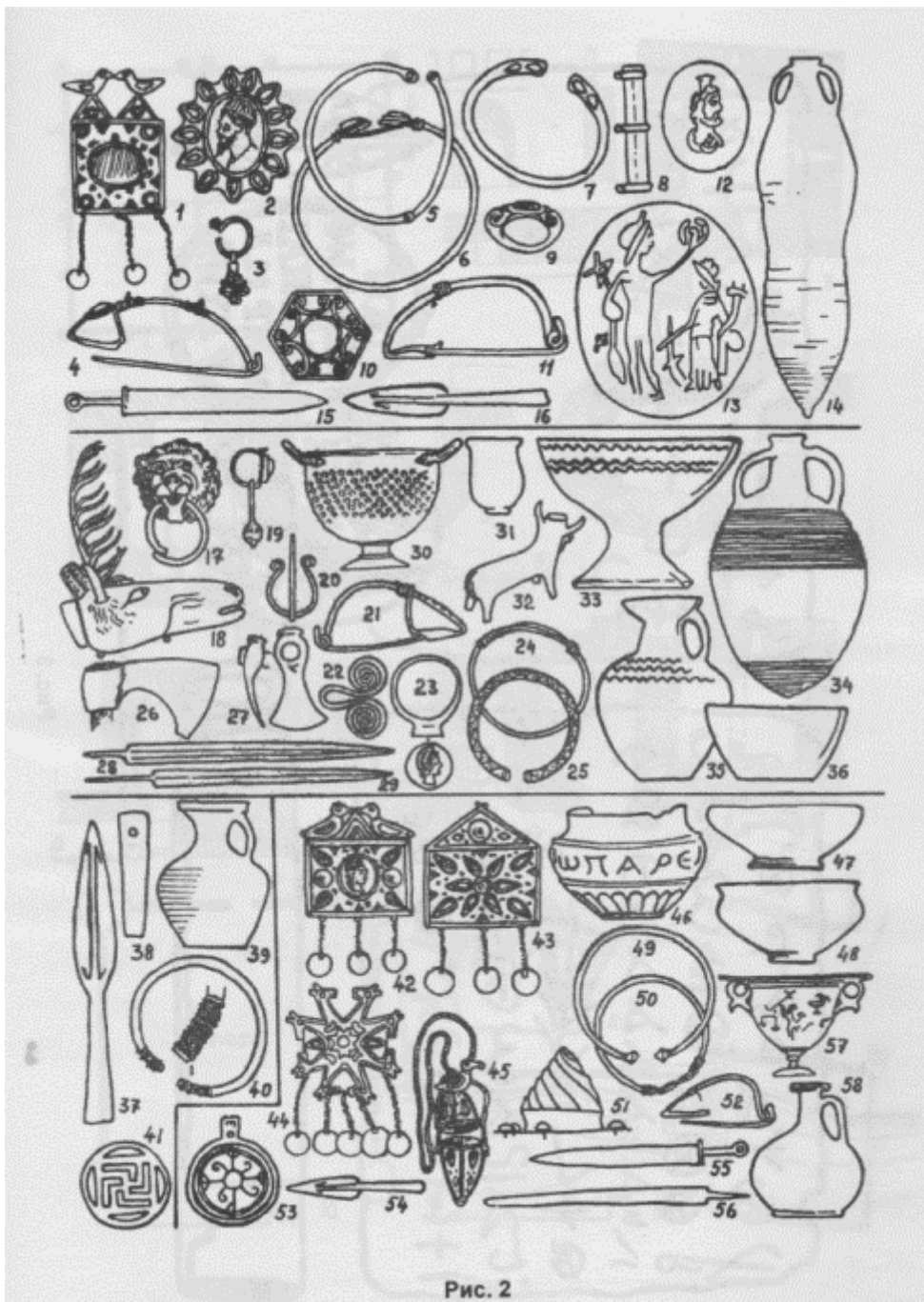

Рис. 2

Рис. 2. Находки II - V вв. на территории Лазики.

(1-6, 7-14 - Уреки; 15 - Дзеври); Апсилии (17, 18 - Тагилони, 19-36 - Цебельда); 16 - Клдеети; Абасгии (37-41 - Ачандара) и Санигии (42-46 - Лоо; 47-50; 52, 55 - Сочи; 51, 54 - Красная Поляна; 56-58 Мацеста).

Золотые подвески (1, 2, 42-44), серьги (3), фибула (4), браслеты (5-7), игольник (8), перстень (9), бляшка (10), голова оленя (18) и флакон (45); серебряная фибула (11), часть сосуда (17), серьга (19) и бокалы (30, 57); бронзовая подковообразная пряжка (22), перстень (23), браслеты (24, 25, 40, 49, 50), бляха (41), умбон от щита (51) и зеркало (53); железные мечи (15, 18, 29, 55, 56), наконечники копий (16, 37, 54), топор (26) и мотыга (27), стеклянные сосуды (31, 46), глиняные амфоры (14, 34), полый сосуд-бычок (32), ваза (33), кувшины (35, 39, 58), чаши (36, 47, 48), яшмовые геммы перстней (12, 13), точильный камень (38). Масштабы различны.

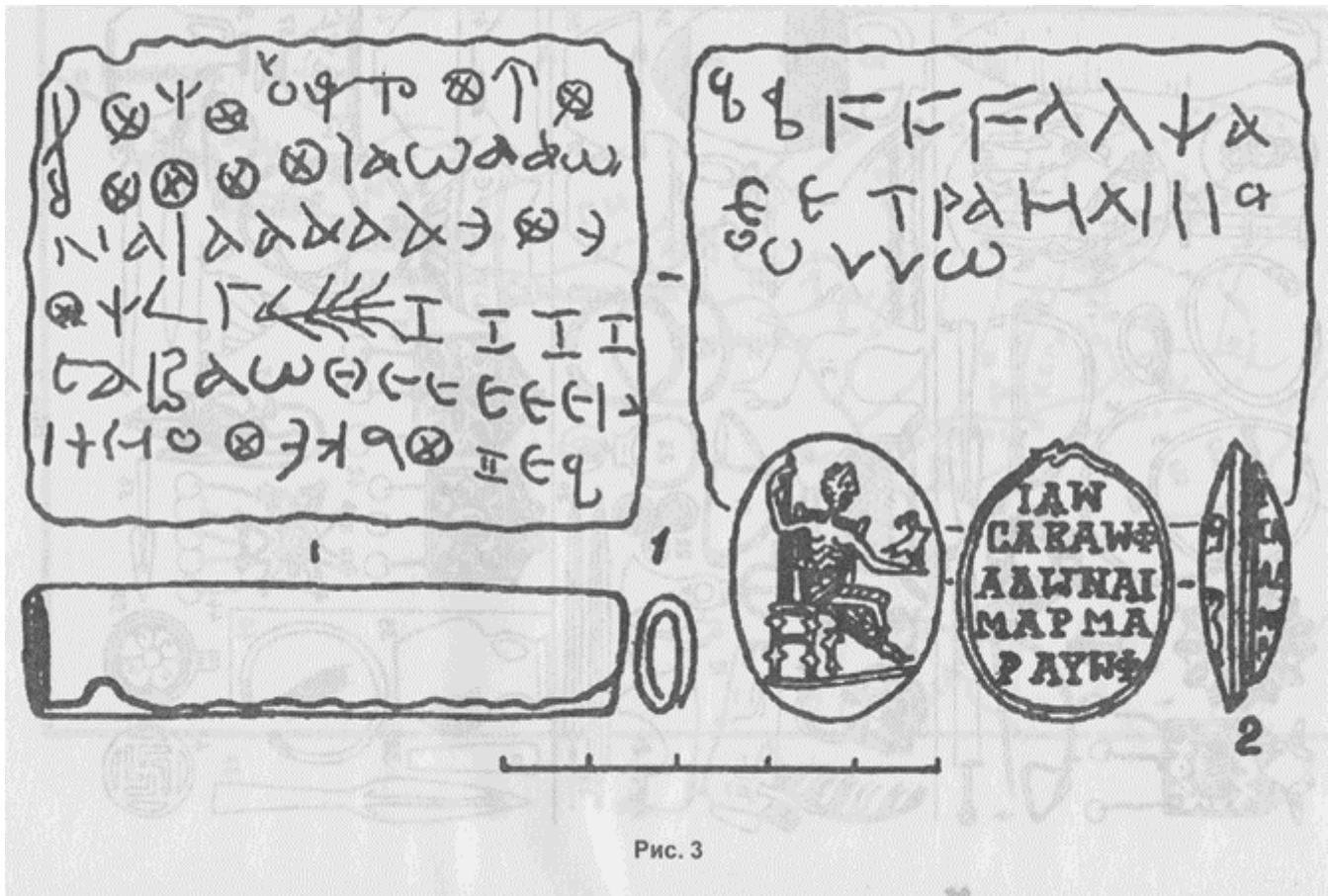

Рис. 3

Рис. 3. Амулеты с территории Ансилии (1 - Цбельда) и Абасгии (2 - Аацы).
1 - золотая пластинка; 2 - халцедоновая гемма.

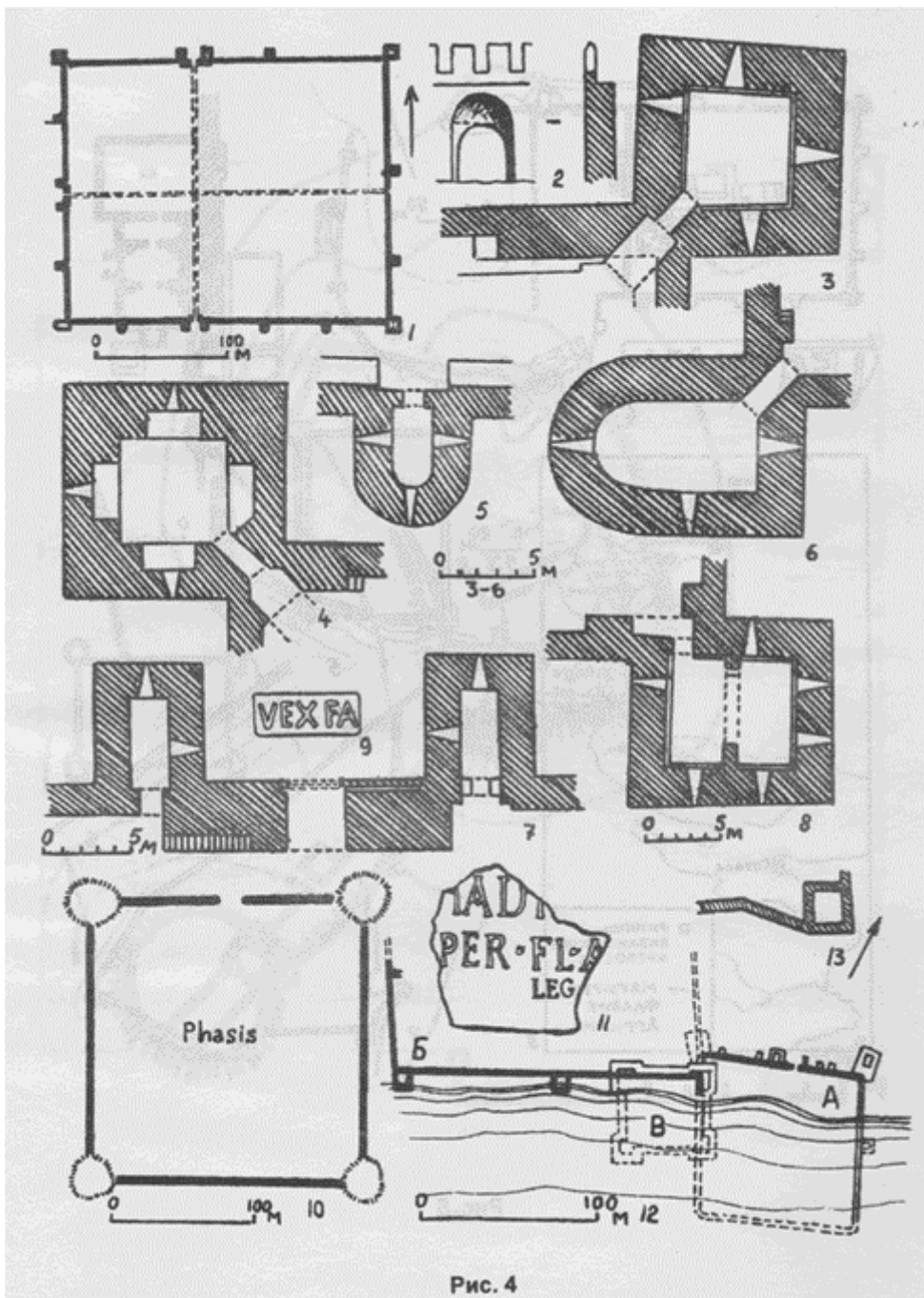

Рис. 4

Рис. 4. Римские крепости на побережье Колхиды.

1-8 - общий план, фасад и планы ворот, башен Ансара; 9 - клеймо на кирпиче из Цихисдзири; 10 - схематический план Фасиса по Ф. Дюбуа-де-Монпере;

11 - обломок камня с надписью о пребывании Флавия Арриана в Севастополе;

12 - план развалин Севастополя на Сухумской набережной (А - крепость 1; Б - крепость 2; В - крепость 3); 13 - план башни Одынец на подступах к Севастополю.

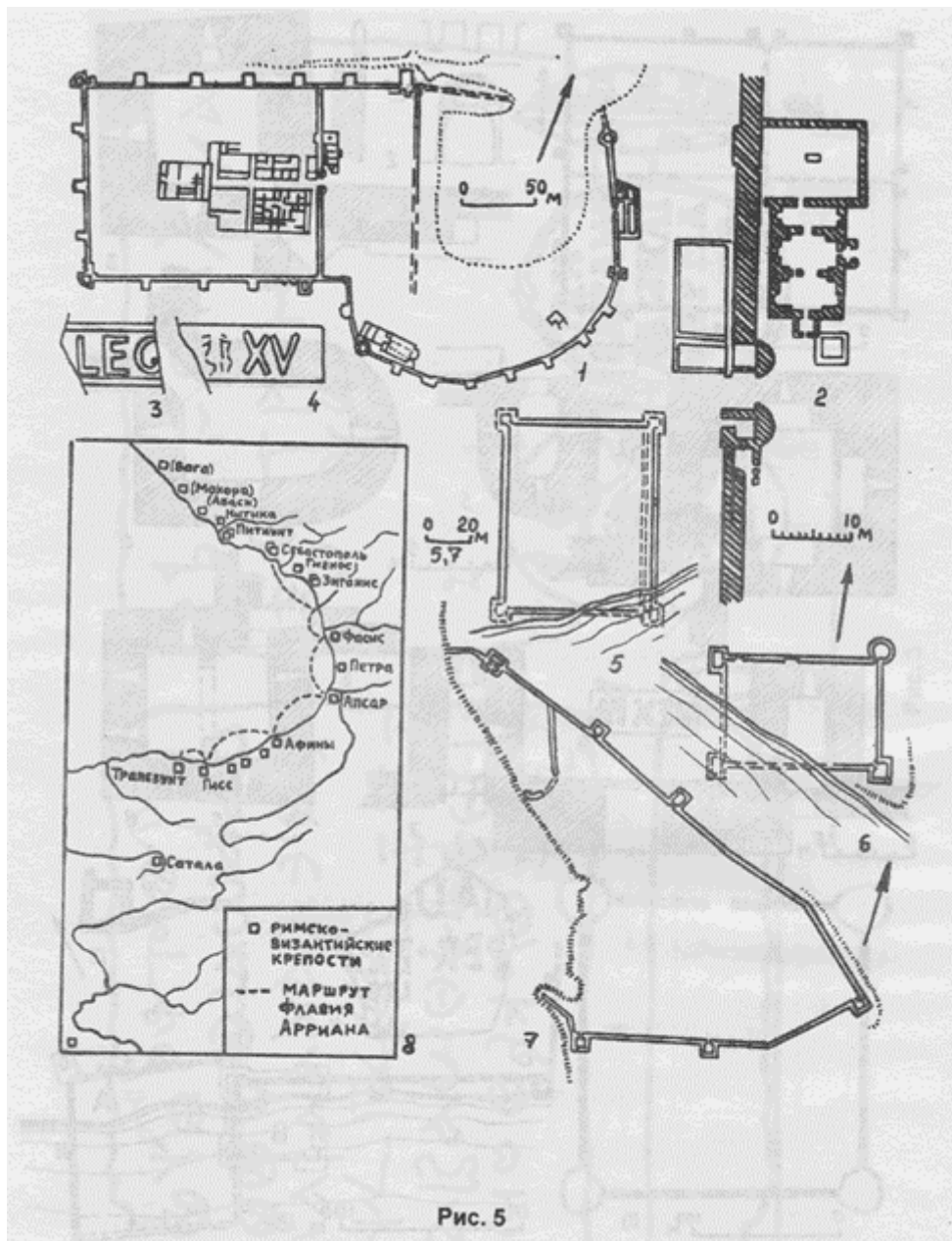

Рис. 5

Рис. 5. Римские крепости на побережье Колхиды.

1 - план Питуунта; 2 - восточные ворота Питуунта; 3 - 4 - обломки кирпичей с метками легионов; 5 - план Нитики (Гагра); 6 - план Мохоры (Сочи); 7 - план крепости на реке Годлик (Бага?); 8 - схема размещения крепостей «Понтийского лимеса» в Восточном Причерноморье и маршрут Флавия Арриана.

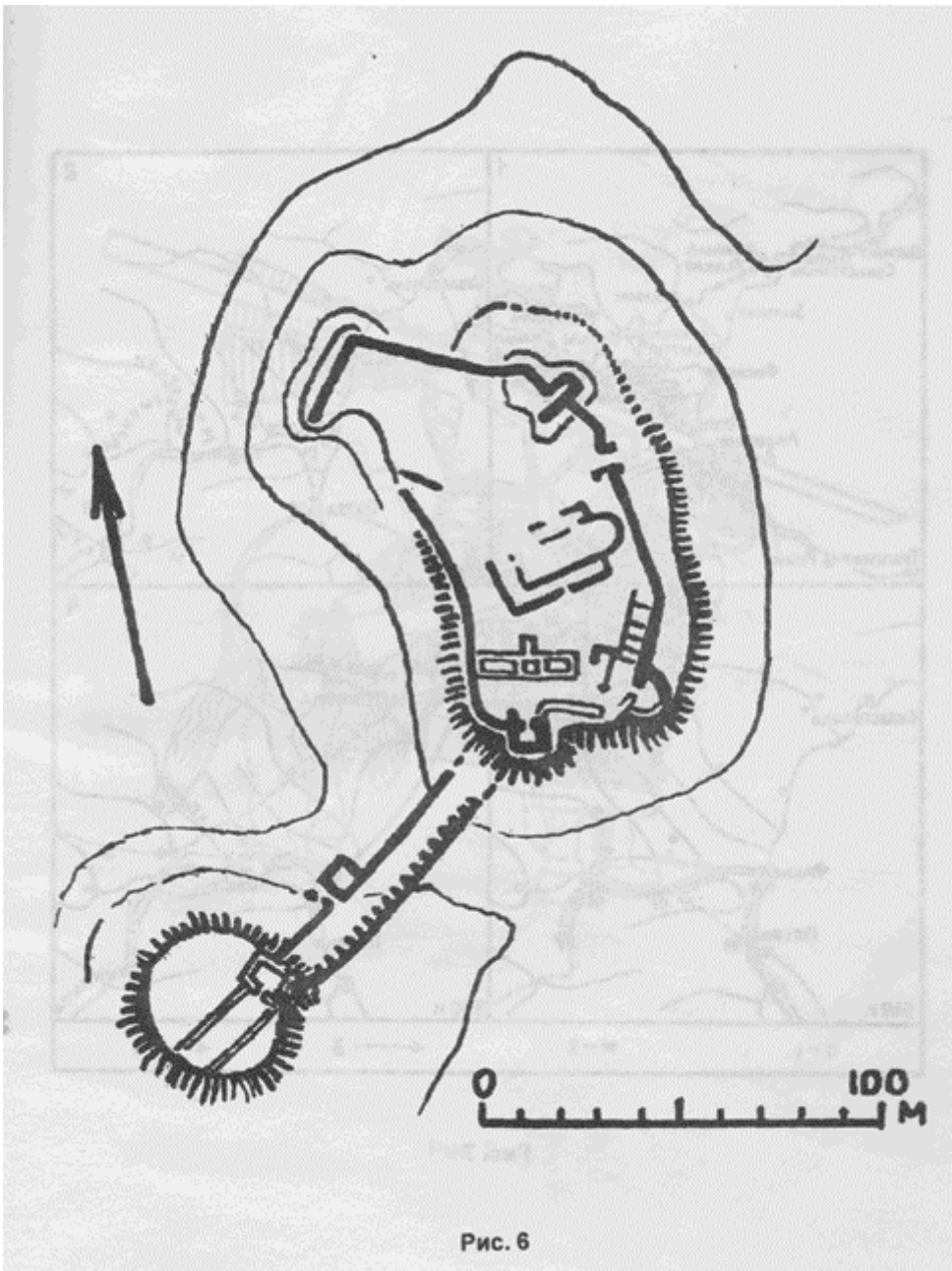

Рис. 6

Рис. 6. План крепости Петры.

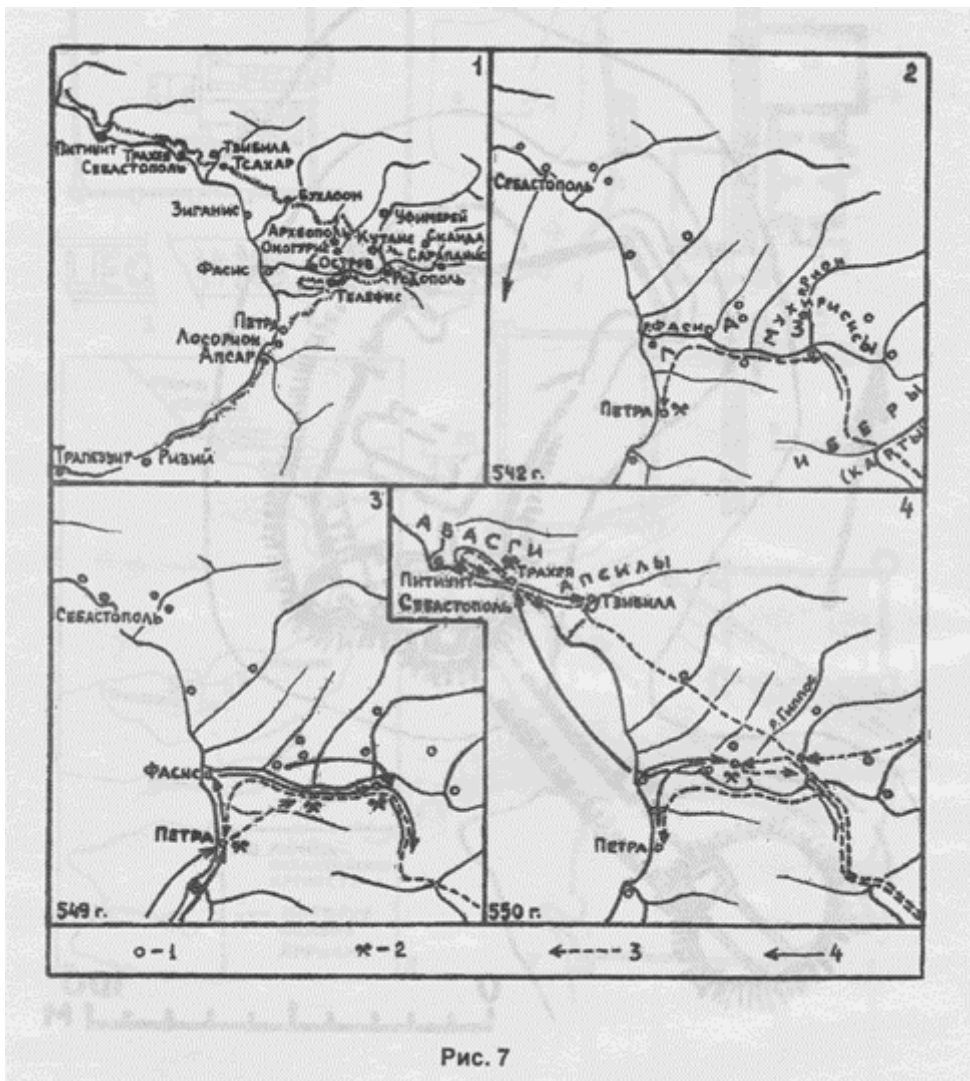

Рис. 7

Рис. 7. Персо-византийская война в Колхиде, I-VI в.

2-4 - передвижение войск персов и византийцев в 542, 549 и 550 гг. Условные обозначения: 1 - укрепления; 2 - важнейшие сражения; 4 - маршруты персов; 5 - маршруты византийцев.

Рис. 8. Персидский всадник в шлеме и кольчуге снабжен копьем, луком в футляре, колчаном и щитом; конь закрыт гибким доспехом из пластинок. Статуя шаха Хосрова II (590 - 627) в Так-и-Бустане (Иран). (По рисунку А. К. Амброза.)

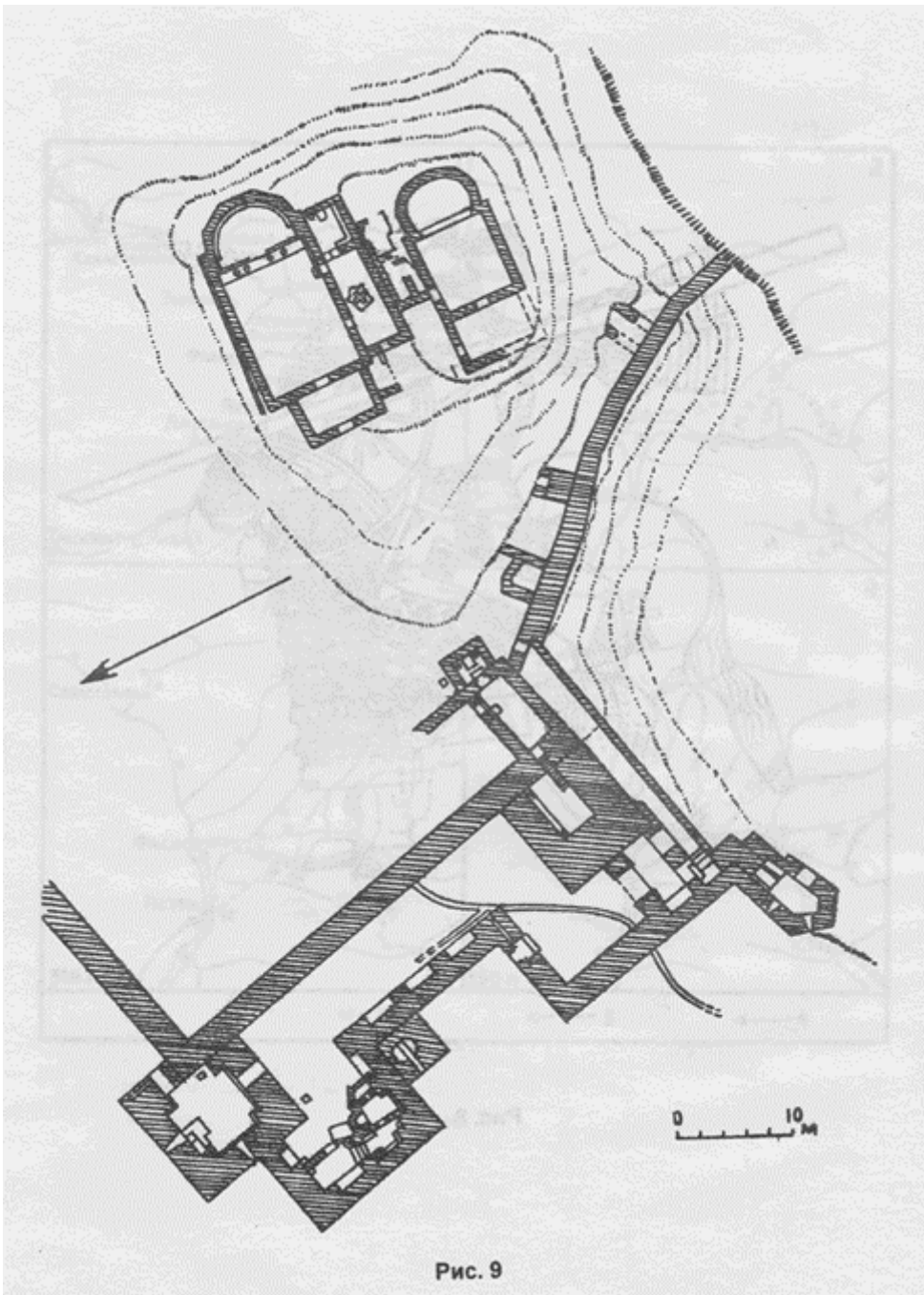

Рис. 9. План фасадной части Цибилума.

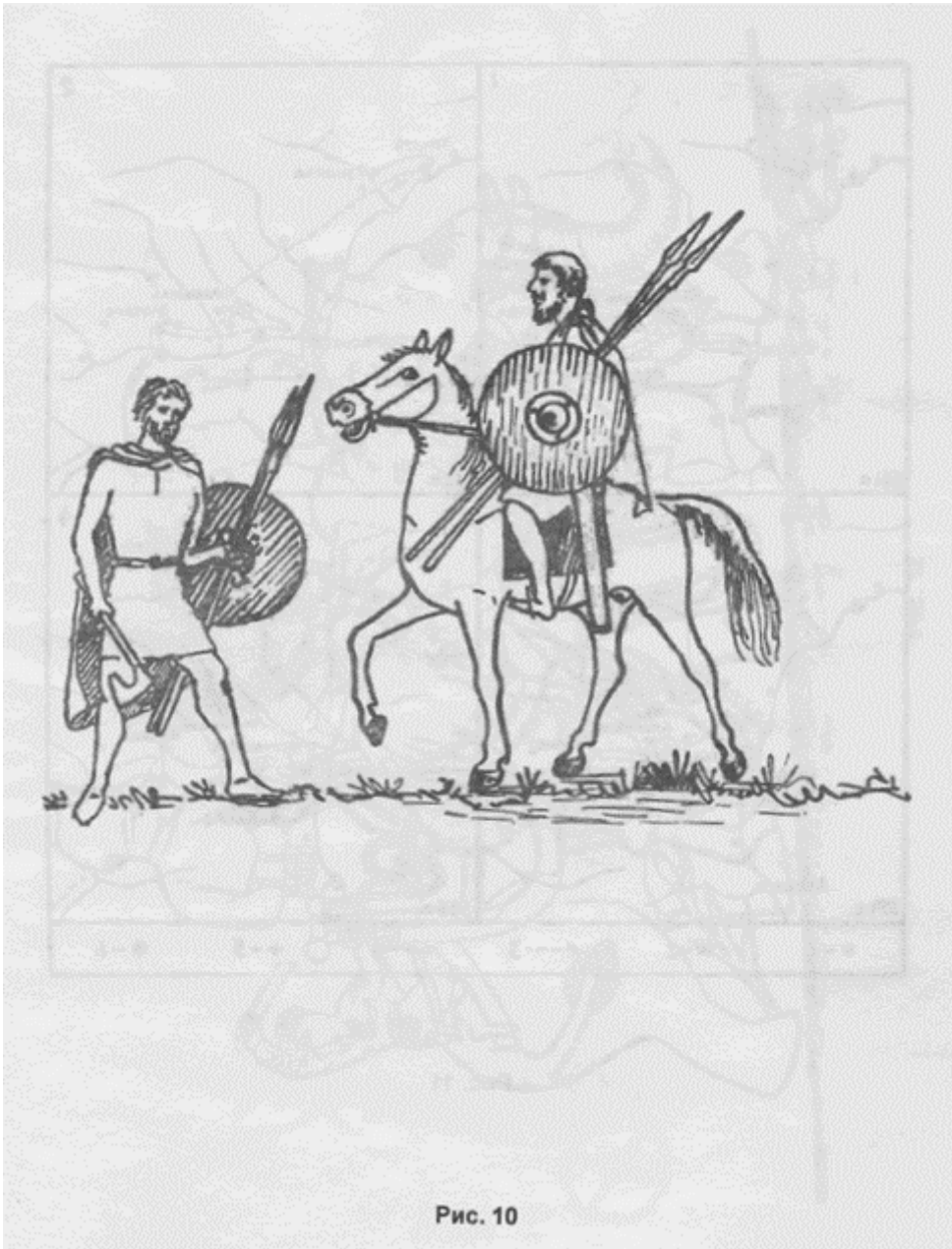

Рис. 10. Колхидские воины, поданным раскопок в Цебельдинской долине.

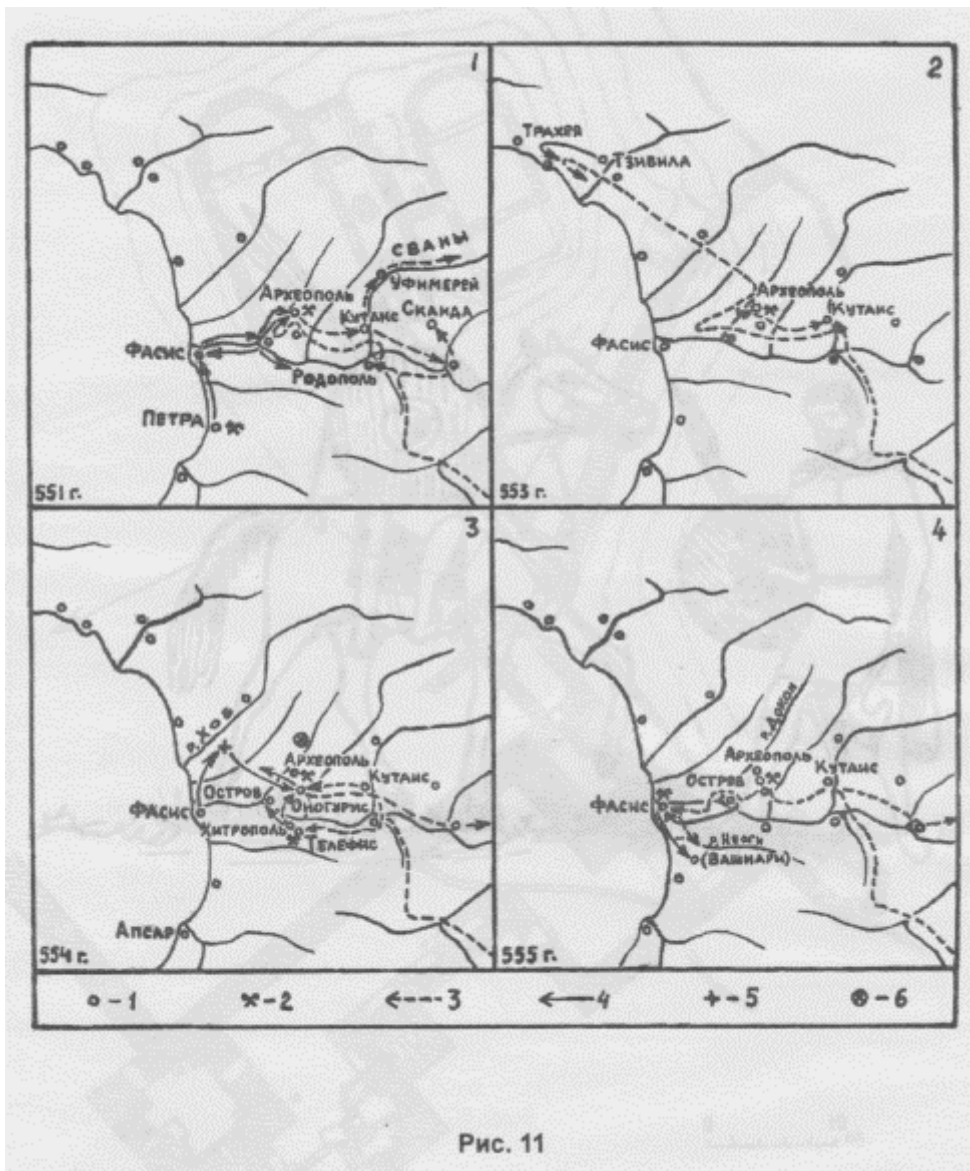

Рис. 11. Персо-византийская война в Колхиде.

1 - 4 - передвижения войск персов и византийцев в 551, 553, 554 и 555 гг Условные обозначения: 1 - укрепления; 2 - важнейшие сражения; 3 - маршруты персов; 4 - маршруты византийцев; 5 - предполагаемое место убийства Губаза; 6 - предполагаемое место схода лавоз.

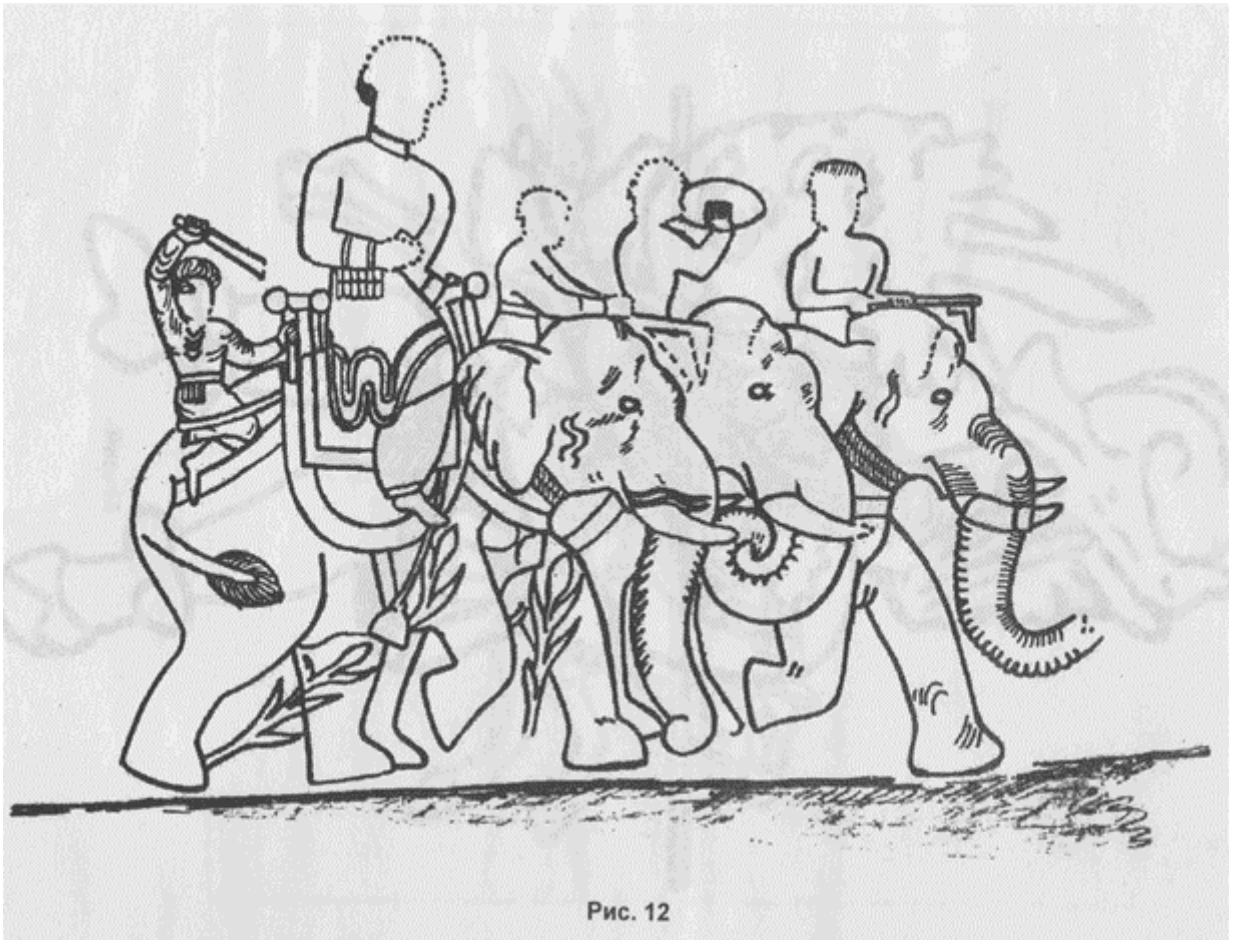

Рис. 12. Боевые слоны на шахской охоте. Рельеф рубежа VI -VII вв. В Так-и-Бустане (Иран). (По С. Фукай и К. Хориуши.)

Рис. 13. Византийский солдат. Изображение на броши второй половины VI в. из Фенекпусты (Венгрия). (По К. Шаги).

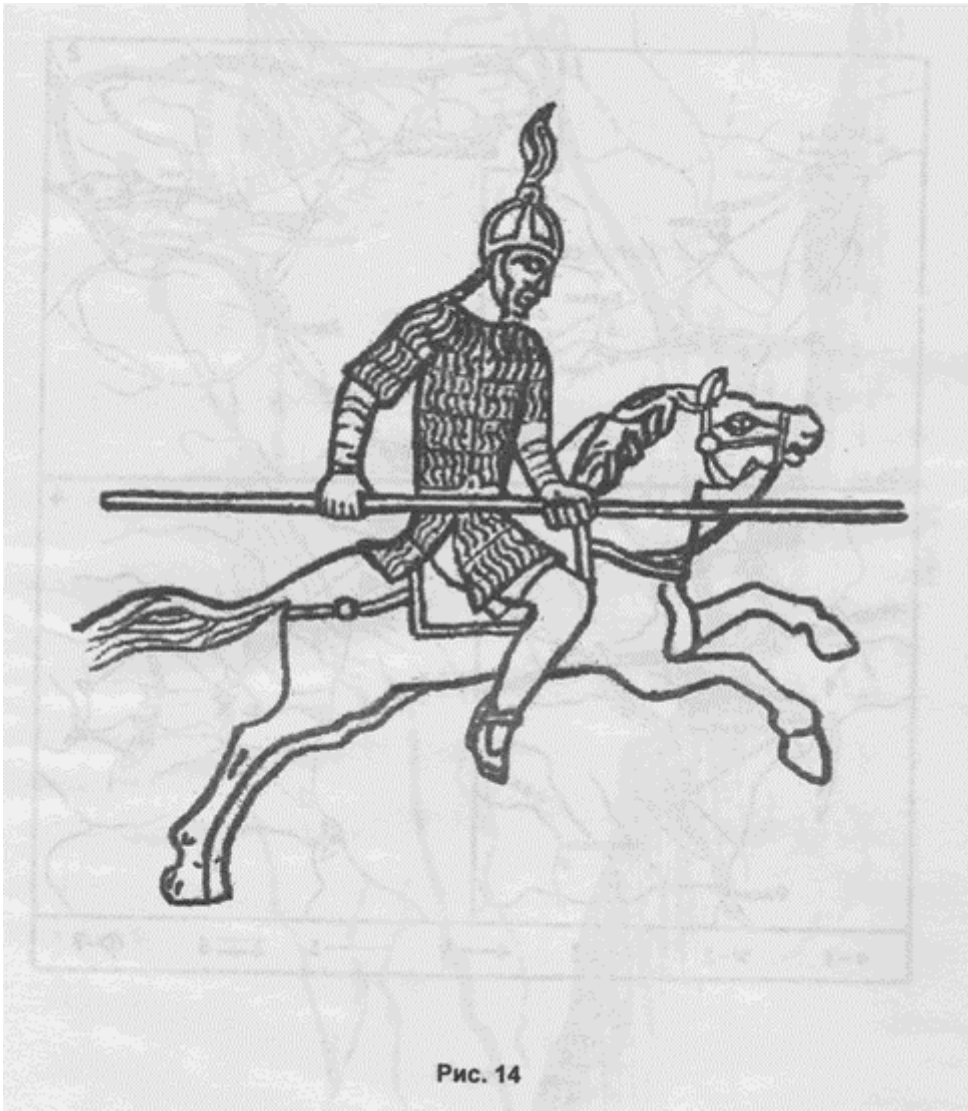

Рис. 14. Византийский всадник в гибком пластинчатом доспехе. Изображение на блюде из Исола Рицца (Италия), предположительно конца VI в. (По И. Вернеру).

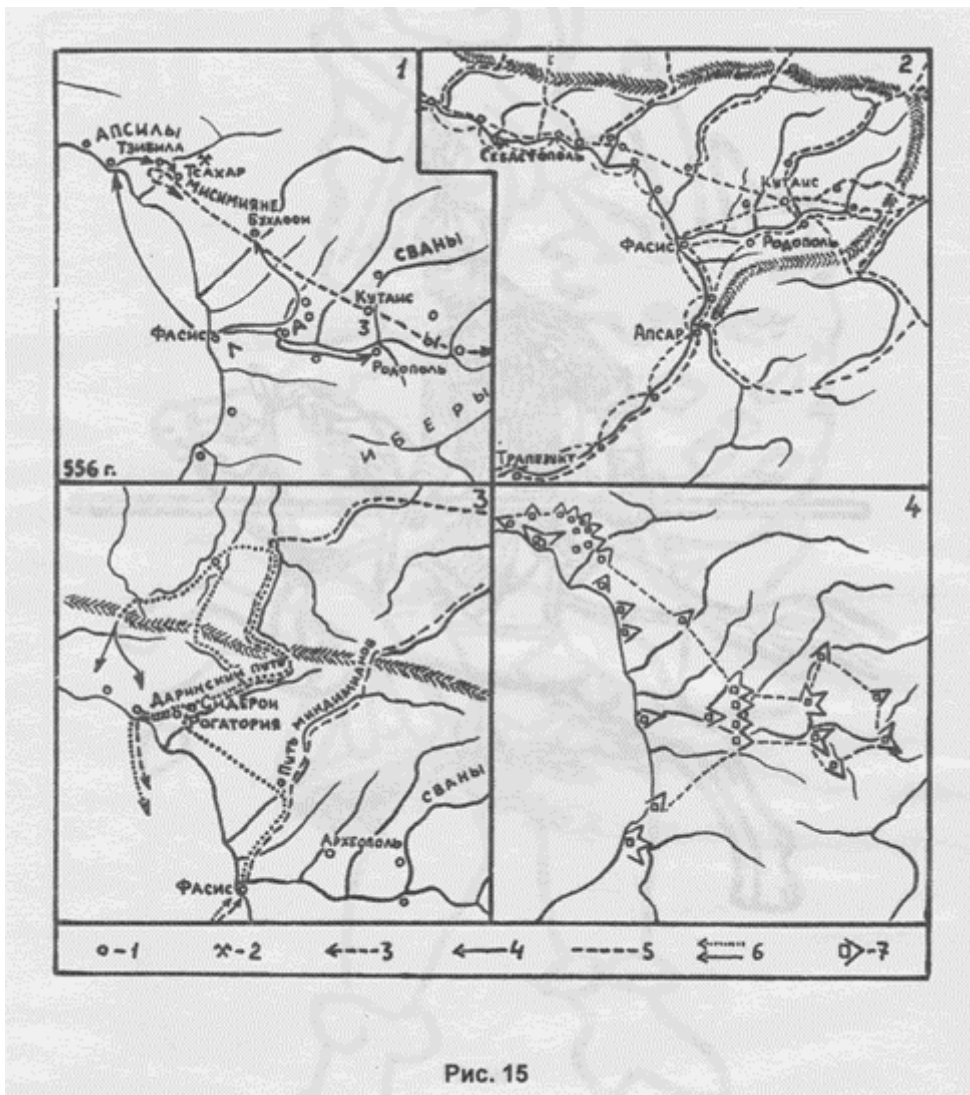

Рис. 15

Рис. 15.

1 - передвижение войск персов и византийцев в 556 г; 2 - схема торговых путей, соединявших Колхиду с соседними территориями в VI - VIII вв.; 3 - схема путей Зимарха и Льва Исавра; 4 - схема организации обороны колхидских клисур в IV - VI вв. Условные обозначения: 1 - укрепления; 2 - важнейшие сражения; 3 - маршруты персов; 4- маршруты византийцев; 5-торговые пути; 6- маршруты Зимарха и Льва Исавра; 7 - основная направленность обороны колхидских укреплений IV - VI вв.

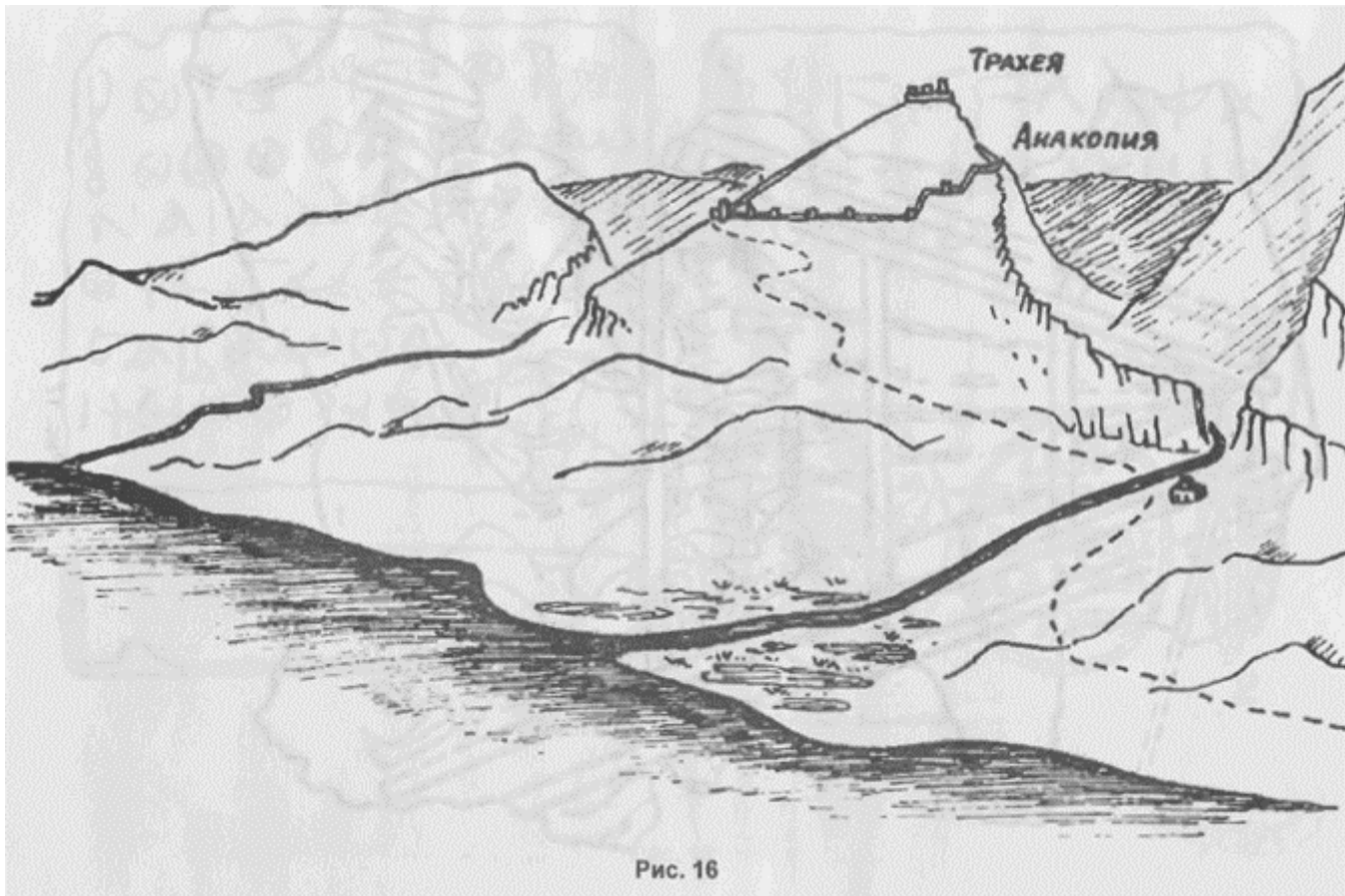
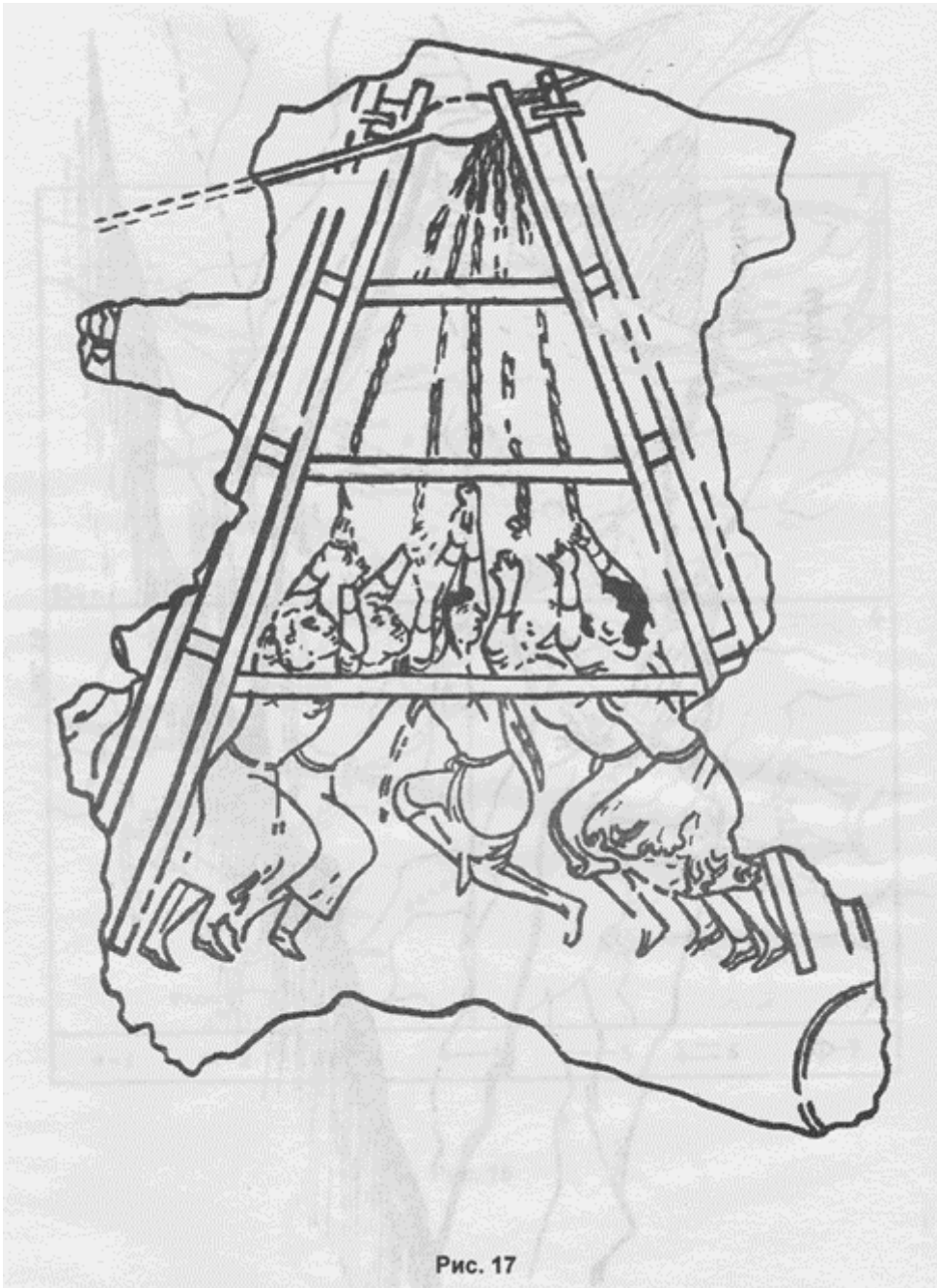

Рис. 16

Рис. 16. Схема расположения крепостей Трахеи и Анакопии в современном Новом Афоне.

*Рис. 17. Арабский камнемет бомбардирует осажденную крепость.
Живопись из Пенджикента (Таджикистан), между 712 и 722 гг. (По А.И.Исакову).*

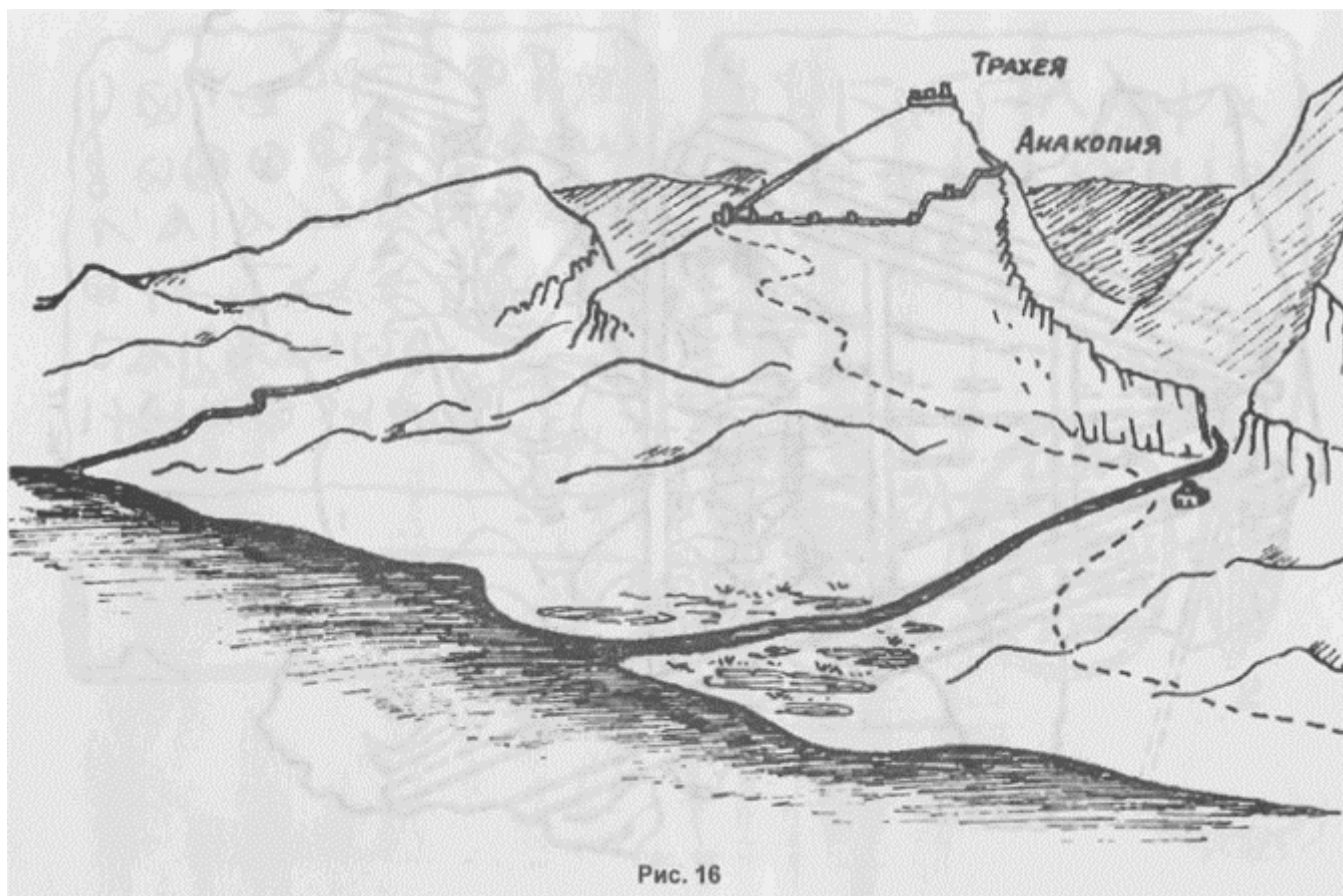

Рис. 16

Рис. 18. Крепости Лазики.

1 - общий план Археополя; 2 - план большой бани Археополя; 3 - водозаборный туннель Археополя; 4 - 5 - план и фасад главных ворот Археополя; 6 - план Родополя; 7, 8 - план Сарапани и фасад его главных ворот; 9 - план Сканды.

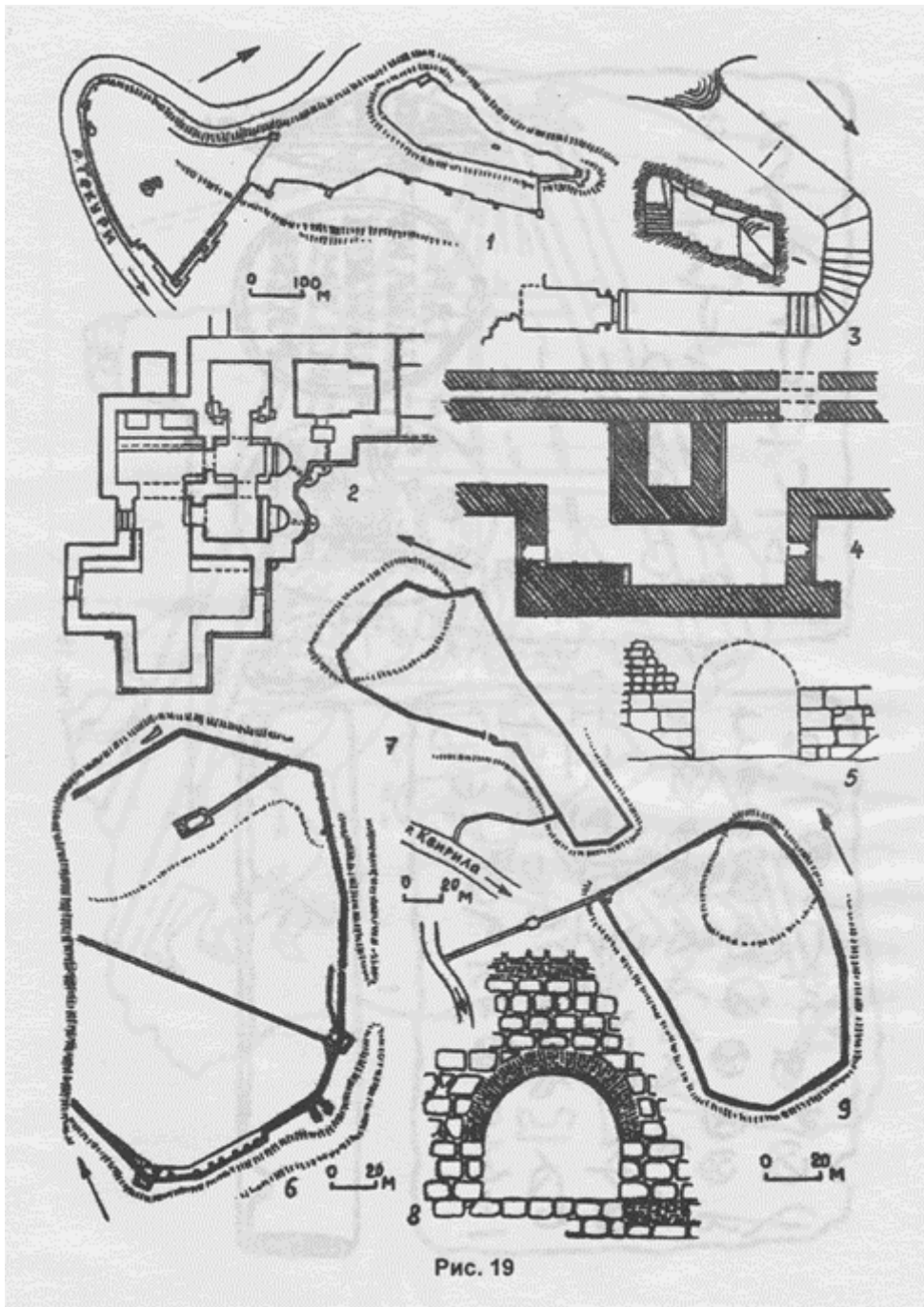

Рис. 19

Рис. 19. Христианские памятники Колхиды.

1 - план базилики и бани в Петре; 2 - 4 - общий план базилики и мавзолея в Вашнари, резная капитель и реконструкция Вашнарского мавзолея (по В.А.Леквинадзе); 5 - план базилики Оногуриса (совр. Сепиети); 6 - план малой базилики Археополя; 7 - план крещальни Зиганиса; 8 - план Драндского собора; 9 - план церкви в Трахее; 10-капитель из храма Цибилиума; 11,12-серебряный и золо-

452

той кресты из Цебельды; 13 - 15 - изображения крестов на пряжке, пифосе и кувшине (Цебельда).

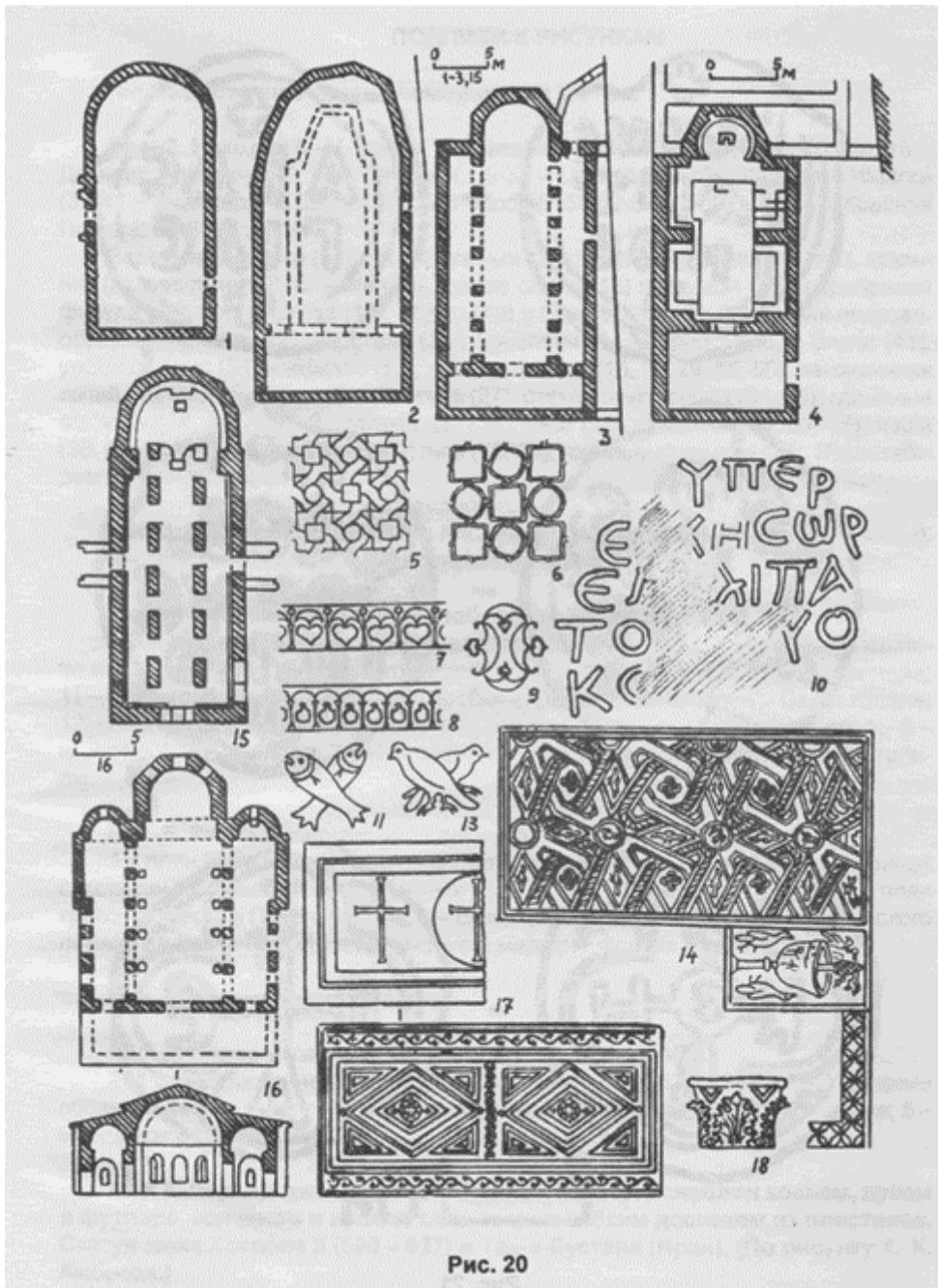

Рис. 20

Рис. 20. Христианские памятники Колхиды.

1 - 4-план базилики IV-VI вв. в Питиунте; 5-14-элементы мозаики Vв. из базилики Питиунта; 15 - план большой базилики Алахадзы; 16 - план Гантиадской (Цандрипшской) базилики; 17, 18 - резная мраморная плита из базилики совхоза «Южные культуры» и капитель из храма в с. Липники (две последние находки в окрестностях Адлера).

Рис. 21

Рис. 21. Моливдовулы (свинцовые вислые печати византийских чиновников и церковных деятелей, VII - VIII вв. с территории Абасгии.

1 - печать Константина Абасгского из Питуунта; 2 - печать епископа Феодора оттуда же; 3 - печать епарха Петра из Анакопии.

Научное издание

Воронов Юрий Николаевич
НАУЧНЫЕ ТРУДЫ В СЕМИ ТОМАХ
ТОМ ПЕРВЫЙ

Колхида в железном веке. Колхида на рубеже средневековья.

Воронов Иури Николаи-ица
ИНАУКАТӘ УСУМТАҚӘА БЫЖЬ-ТОМКНЫ
АКТӘИ АТОМ

Колхида аихатә шәышықәсазы. Колхида абжьаратә шәышықәса ахәааҕы. (Урыс бызшәала)

Издание осуществлено при частичной финансовой поддержке Сухумского отделения Фонда Сороса.

Таблицы, схемы и рисунки выполнены автором.

Редактор издания Орёлкина М. В.

Корректор Ломия А. С.

Компьютерный набор Константиновой В. В., Вороновой Т. Ю., Гуськова С. П.

Техническое редактирование и верстка Садзба И. Н.

Подписано к печати 10.08.06. Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 23,42+4,7 иллюст.

Заказ № 399. Тираж 500.

Отпечатано с диапозитивов в ГПП "Дом печати" Республики Абхазия, г. Сухум, ул. Эшба, 166

(OCR — Абхазская интернет-библиотека, <http://apsnyteka.org/>.)